III
НС-15024
1915-1

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА
ІМЕНИ
ШЕВЧЕНКА
У ЛЬВОВІ.

Ч. 23027

III
Ж-15.024
1915-1
ЭНЗ 188
2 р.

042 3.027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 1.
ЯНВАРЬ 1915 г.

Москва. Годъ изданія четвертый.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Отъ редакціи.** О выпускѣ книги „Галичина, Буковина и Угорская Русь“, составленной сотрудниками „Украинской Жизни“ и изданной „Задругою“. 5
II. **Два проекта.** *С. А. Ефремова.* 7
III. **На очереди.** *Вячеслава Прокоповича.* 13
IV. **Буковина** (Очеркъ). *М. Жученка.* 20
V. **Къ исторіи земельныхъ отношеній въ Галиціи.** I. Цифры и факты. *Д-ра Ивана Франка.* 27
VI. **Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій и украинство** (Къ 70-лѣтію со дня его смерти). *В. Науменка.* . . 36
VII. **М. Павлыкъ** Некрологъ. *М. Жученка* 43
VIII. **Бѣлорусское возрожденіе.** *М. Богдановича.* 50
IX. **Изъ русскихъ журналовъ.** („Русская Мысль“. Декабрь 1914 г.) *Л. Бурчака.* 65
X. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ: Запрещеніе украинскихъ изданій.— Изъ дѣятельности газеты „Кіевъ“.—Къ судьбѣ уніатскаго митрополита А. Шептыцкаго.—У „мазепинца“.—„Война слова“.—Вопросъ о субсидіи галицкимъ учителямъ въ петроградской Думѣ.—Лекціи и доклады о Галиціи.—Разгромъ земскихъ библіотекъ при Л. Кассо въ Кіевщинѣ.—Что читаетъ украинская деревня. 72
XI. **Библіографія.** Н. Лаговъ. Галичина, ея исторія, природа, населеніе, богатства и достопримѣчательности. *Н. М.*—А. В. Бѣлгородскій. Галиція—исконное достояніе Россіи. *Н. М.*—В. Зубковскій. Галиція. Краткій обзоръ географіи, этнографіи, исторіи и экономической жизни страны. *Н. М.*—Л. Кусницкій. Червонная Русь (Галиція). *Н. М.* 87
XII. Литературная лѣтопись 96
XIII. Объявленія.

Д13188

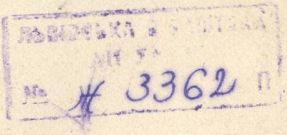
Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 1.

2307

Годъ изданія четвертый.



Москва.—1915 г.

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., с. д.
1915.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Отъ редакціи.** О выпускѣ книги „Галичина, Буковина и Угорская Русь“, составленной сотрудниками „Украинской Жизни“ и изданной „Задругою“. 5
II. **Два проекта.** *С. А. Ефремова.* 7
III. **На очереди.** *Вячеслава Прокоповича.* 13
IV. **Буковина** (Очеркъ). *М. Жученка.* 20
V. **Къ исторіи земельныхъ отношеній въ Галиціи.** I. Цифры и факты. *Д-ра Ивана Франка.* 27
VI. **Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій и украинство** (Къ 70-лѣтію со дня его смерти). *В. Науменка.* . 36
VII. **М. Павлыкъ** Некрологъ. *М. Жученка* 43
VIII. **Бѣлорусское возрожденіе.** *М. Богдановича.* 50
IX. **Изъ русскихъ журналовъ.** („Русская Мысль“. Декабрь 1914 г.) *Л. Бурчака.* 65
X. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ: Запрещеніе украинскихъ изданій.— Изъ дѣятельности газеты „Кіевъ“.—Къ судьбѣ уніатскаго митрополита А. Шептыцкаго.—У „мазепинца“.—„Война слова“.—Вопросъ о субсидіи галицкимъ учителямъ въ петроградской Думѣ.—Лекціи и доклады о Галиціи.—Разгромъ земскихъ библіотекъ при Л. Кассо въ Кіевщинѣ.—Что читаетъ украинская деревня. 72
XI. **Библіографія.** Н. Лаговъ. Галичина, ея исторія, природа, населеніе, богатства и достопримѣчательности. *Н. М.*—А. В. Бѣлгородскій. Галиція—исконное достояніе Россіи. *Н. М.*—В. Зубковскій. Галиція. Краткій обзоръ географіи, этнографіи, исторіи и экономической жизни страны. *Н. М.*—Л. Куснищскій. Червонная Русь (Галиція). *Н. М.* 87
XII. Литературная лѣтопись 96
XIII. Объявленія.

Отъ редакціи.

(По поводу изданія книги «Галичина, Буковина, Угорская Русь»).

Исключительная важность происходящихъ въ настоящее время событій поставила въ центръ общественнаго вниманія родственныя намъ страны: восточную Галичину, Буковину и Угорщину. Редакціей нашего журнала была получена масса запросовъ, касающихся этихъ странъ, ихъ исторіи, быта, современнаго положенія и ожидающей ихъ, при измѣнившихся условіяхъ, участи. Въ виду интереса, пробудившагося къ этимъ странамъ, явилась потребность, независимо отъ текущаго журнальнаго матеріала, посвященнаго исторіи и современности въ положеніи Галичины, Буковины и Угорщины и предлагаемаго на страницахъ „Украинской Жизни",—издать отдѣльную книгу, посвященную этимъ странамъ и характеризующую положеніе ихъ передъ войной. Такая книга „Галичина, Буковина и Угорская Русь" составлена группою сотрудниковъ „Украинской Жизни" и нынѣ уже вышла изъ печати въ изданіи московскаго книгоиздательства „Задруга". Заключая въ себѣ рядъ статей на отдѣльныя темы, связанныя съ важнѣйшими сторонами Галичины, Буковины и Угорской Руси, книга даетъ фактическій и информаціонный матеріалъ, распредѣленный по слѣдующимъ отдѣламъ:

Географическій очеркъ.
Этнографическій очеркъ.

I. Русины Галицкой равнины.
II. Гуцулы.
III. Бойки.
IV. Лемки.
V. Угроруссы или угорскіе русины.

Историческій очеркъ.
Національное и литературное движеніе въ XIX столѣтіи.
Административный строй.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85698

Національныя отношенія.
Политическая жизнь.
Церковныя отношенія.
Хозяйственныя отношенія.
Культурная жизнь.

I. Просвѣщеніе.
II. Наука.
III. Литература.
IV. Пресса.
V. Просвѣтительныя организаціи.
VI. Профессіональныя, филантропическія,
VII. Клубныя и иныя организаціи.

Заключеніе.

Редакція полагаетъ, что изданная книгоиздательствомъ „Задруга“ работа сотрудниковъ „Украинской Жизни“ будетъ содѣйствовать правильному ознакомленію общества съ сложными отношеніями тѣхъ странъ, описанію которыхъ она посвящена, и отчасти восполнить ощущаемый въ литературѣ пробѣлъ по вопросамъ, связаннымъ съ важнѣйшими сторонами жизни живущаго въ этихъ странахъ украинскаго народа. Книгу „Галичина, Буковина и Угорская Русь“ можно выписывать и изъ конторы нашего журнала.

Два проекта.

Извѣстія изъ Галичины, поскольку они не касаются чисто военныхъ событій и затрагиваютъ коренную жизнь мѣстнаго населенія, изъ какихъ бы источниковъ они ни исходили, въ одинъ голосъ констатируютъ полный развалъ экономическихъ отношеній, глубокое потрясеніе всѣхъ основъ, на которыхъ зиждется народное благосостояніе. Многократныя передвиженія какъ австрійскихъ, такъ и русскихъ войскъ, крупные и упорные бои во многихъ мѣстахъ, естественно сопровождающіеся разрушеніемъ всего накопленнаго въ мирное время и пріостановкой обычной дѣятельности, отборъ отъ населенія наиболѣе здоровой и работоспособной его части, бѣгство всѣхъ, кто могъ бѣжать отъ ужасовъ разгрома, грабежи и мародерство, являющіеся естественными спутниками войны, и т. п.—все это до послѣдней степени подорвало матеріальное положеніе населенія. На долю оставшихся въ разоренной странѣ выпалъ тяжелый крестъ, еще болѣе усиливаемый общей неопредѣленностью положенія. И если относительно политическаго устройства Галичины идутъ въ настоящее время по крайней мѣрѣ теоретическіе разговоры и споры, оставить ли населеніе при старыхъ правахъ или сразу же уравнять его съ внутренними губерніями, то объ экономическомъ положеніи разногласій нѣтъ. Населеніе разорено и лишено крова, населеніе голодаетъ, населеніе голо и босо, вездѣ поголовно необезпеченность и нищета, и т. д., и т. д.,—такими сообщеніями пестрятъ разсказы очевидцевъ. Ко всѣмъ ужасамъ войны присоединились еще эти ужасы ея послѣдствій, еще болѣе ухудшающихъ положеніе мирнаго по преимуществу населенія—стариковъ, женщинъ и дѣтей. И каково бы ни было будущее Галичины, настоящее ея по своему трагизму исключительно тяжелое.

Между тѣмъ мало слышно о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ смягчить эти уже, совершенно излишніе даже по усло-

віямъ военнаго времени, ужасы. Правда, существуетъ во Львовѣ какой-то благотворительный комитетъ, устраивающій столовыя и публикующій въ кіевскихъ газетахъ предложенія относительно поставки „по дешевымъ цѣнамъ“ рабочихъ рукъ голодныхъ галичанъ,—но составъ этого комитета односторонне-партіенъ (во главѣ его стоитъ извѣстный графъ Влад. Бобринскій), въ виду чего и отношеніе къ дѣятельности этого комитета не можетъ быть одинаковымъ со стороны различныхъ круговъ общества. Затѣмъ, во многихъ мѣстахъ Россіи идутъ еще сборы въ пользу галицкаго населенія, но, во-первыхъ, эти пожертвованія поступаютъ въ распоряженіе все того же слишкомъ односторонне-партійнаго комитета, а во-вторыхъ—не въ благотворительности собственно и нуждается Галичина. Накормить голоднаго и одѣть раздѣтаго—дѣло, конечно, почтенное, но это капля въ морѣ не поддающейся описанію народной нужды. Необходимо обратиться къ общимъ мѣрамъ, способнымъ если не устранить, то хотя бы смягчить нѣсколько ужасающую нужду мирнаго населенія.

Къ сожалѣнію, именно о такихъ мѣрахъ ничего не слышно. По крайней мѣрѣ, кромѣ натуральнаго, хотя и не совсѣмъ безкорыстнаго интереса русскихъ промышленныхъ круговъ къ галицкой нефти, мнѣ попалось только два проекта, касающихся экономическаго „устроенія“ Галичины. И, къ еще большему сожалѣнію, отъ обоихъ отдаетъ тѣмъ же „ташкентскимъ духомъ“, какой исходитъ и отъ притязаній на „завоеванную“ нефть. „Въ переселенческомъ управленіи,—читали мы недавно въ газетахъ,—возникъ проектъ направленія въ будущемъ части переселенцевъ, идущихъ въ Сибирь, во вновь завоеванный нами край—Галицію. Переселенческое управленіе находитъ, что съ окончаніемъ войны и присоединеніемъ Галиціи въ послѣдней на долю казны достанется громадное количество (?) совершенно свободныхъ (!?) земель. Переселенческое управленіе считаетъ особенно необходимымъ заселеніе южной Галиціи, гдѣ силенъ (!) элементъ мадьярскій и нѣмецкій. По расчетамъ переселенческаго управленія, въ Галицію можно переселить до 300 тысячъ человѣкъ, причемъ число это опредѣляется какъ минимальное“ [1]). Таковъ первый проектъ. Второй: „Группой сельскихъ хозяевъ и капиталистовъ Юго-зап.

[1]) „Русское Слово“—цит. по „Кіевской Мысли“, 1914 г., № 336.

края, въ цѣляхъ развитія торговыхъ сношеній съ сельскимъ населеніемъ Галиціи, возбужденъ вопросъ объ основаніи во Львовѣ спеціальнаго народнаго банка, главной задачей котораго явилось бы оказаніе широкимъ массамъ промышленнаго и трудового населенія Галиціи содѣйствія къ увеличенію покупательной способности и расширенія товарообмѣна между Галиціей и Юго-западнымъ краемъ“ [1]).

О первомъ проектѣ распространяться много не придется. Кто знакомъ, хотя бы даже поверхностно, съ отношеніями внутри Галичины, тотъ долженъ знать, что не только „промаднаго количества“, но и вообще свободныхъ земель тамъ нѣтъ, какъ и вовсе не существуетъ мадьярскаго элемента, а нѣмецкое землевладѣніе не играетъ никакой роли; что главный бичъ земельныхъ отношеній въ Галичинѣ—это безземелье и малоземелье, единственнымъ противовѣсомъ которому служитъ лишь усиленная эмиграція. „Нѣкоторые наши политики,—пишетъ проф. Воблый,—возлагаютъ большія надежды на дѣятельность Крестьянскаго банка, каковой, по ихъ мнѣнію, нужно поскорѣе открыть въ Галиціи. Полагаютъ, что разореніе многихъ помѣщичьихъ экономій, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій облегчитъ покупку банкомъ земли на сравнительно выгодныхъ условіяхъ. Едва ли такіе расчеты можно признать основательными. Мы указывали, что въ Галиціи крупное землевладѣніе играетъ ничтожную роль и парцелляція немногихъ помѣщичьихъ имѣній дѣлу не поможетъ? [2]).

Если земли нехватаетъ даже для мѣстнаго населенія, если, какъ мнѣ приходилось уже недавно указывать въ другомъ мѣстѣ, около 80% его задыхается на карликовыхъ надѣлахъ [3]), то совершенно ясно, какую цѣну можетъ имѣть проектъ направлять въ этотъ перенаселенный край переселенческую волну изъ несравненно слабѣе заселенной Россіи. Небезынтересно будетъ отмѣтить здѣсь, что этотъ проектъ встрѣтилъ суровый отпоръ даже на столбцахъ столь вообще предупредительной въ вопросахъ объединительнаго характера „Прикарпатской Руси“. „Такое переселеніе,—пишетъ въ этой газетѣ г. Марковъ,—поскольку

[1]) „Кіевская Мысль“, 1915 г., № 3.

[2]) Проф. К. Г. Воблый, „Производительныя силы Галиціи. Статистико-экономическій очеркъ“, Кіевъ, 1915, стр. 28.

[3]) „Очерки современной Галичины“, „Русскія Вѣдомости“, 1914 г., № 280.

для этого имѣется въ виду государственное земельное имущество въ Галичинѣ, является неосуществимымъ; поскольку же авторы проекта имѣютъ въ виду разбивку частнаго крупнаго землевладѣнія, переведеніе (sic!) этого проекта въ жизнь являлось бы не только нежелательнымъ и нераціональнымъ, но оно было бы просто непростительнымъ грѣхомъ по отношенію къ мѣстному крестьянскому населенію [1]). Этимъ, я думаю, можно покончить съ проектомъ, зародившимся не столько изъ серьезнаго изученія мѣстной жизни, сколько изъ объединительнаго усердія и желанія больнѣе ущемить несуществующее въ Галичинѣ мадьярское и нѣмецкое землевладѣніе.

Инымъ какъ-будто представляется съ перваго взгляда второй проектъ. Помощь „широкимъ массамъ промышленнаго и трудового населенія Галичины", разореннымъ войной, дѣйствительно крайне, настоятельно необходима, и правильно организованныя и цѣлесообразно дѣйствующія предпріятія могли бы сыграть въ этомъ весьма значительную роль. Но... въ настоящемъ своемъ видѣ проектъ напоминаетъ картину, приведенную въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" при описаніи одного изъ боевъ: „старый сосновый и березовый лѣсъ съ мелкимъ дубнякомъ... былъ скошенъ дочиста снарядами; деревья валились какъ отъ ударовъ топора или пилы" [2]). А затѣмъ приходятъ люди и въ мѣстѣ разрушенія втыкаютъ первую попавшуюся палку и ожидаютъ при этомъ, что отъ нея сейчасъ-же по-прежнему зазеленѣетъ здѣсь могучая растительность...

Въ самомъ дѣлѣ. Какъ видно изъ спеціальныхъ работъ [3]), въ Галичинѣ существовала широко раскинувшаяся сѣть кооперативныхъ экономическихъ организацій, выросшихъ непосредственно изъ мѣстныхъ потребностей, всѣми своими корнями питающихся изъ мѣстной почвы, созданныхъ на трудовые гроши мѣстнаго населенія, связанныхъ съ нимъ многочисленными нитями. Какъ продуктъ сознательности и самодѣятельности, эти учрежденія дѣйствительно играли громадную роль въ экономическомъ балансѣ страны и по своей органической связи съ населеніемъ

---

[1]) Марковъ, О. О., „Неудачный проектъ", „Прикарпатская Русь", 1914 г., № 1500.

[2]) „Въ окрестностяхъ Скверневицъ", „Русскія Вѣдомости", 1915 г., № 3.

[3]) См., напр., А. Жука, „Українська кооперація в Галичині", Київ-Львів, 1913.

могли бы продолжать эту роль и при современныхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Къ сожалѣнію, эта роль въ настоящее время сведена почти къ нулю, и притомъ по причинамъ, ничего общаго съ военными дѣйствіями не имѣющимъ. Народные кооперативы и банки въ Галичинѣ постигла участь лѣса, скошеннаго снарядами. Не вдаваясь въ подробности, скажу лишь, что даже собираніе взносовъ по полисамъ кооперативнаго страхового Общества „Дністер"... оказывается почти невозможнымъ... И вотъ являются очень, можетъ быть, почтенные люди съ весьма благими пожеланіями и на мѣстѣ скошеннаго лѣса кооперативовъ пытаются произвести посадку сухой палки въ видѣ „спеціальнаго народнаго банка".

Мнѣ это предпріятіе представляется прежде всего въ значительной мѣрѣ практически безплоднымъ, ибо пришлый банкъ, руководители котораго не знаютъ ни мѣстнаго населенія, ни своеобразныхъ отношеній, ни создавшихся условій, а расчитываютъ лишь на принудительное отсутствіе конкурренціи, просто не въ состояніи будетъ плодотворно работать,—онъ не будетъ чувствовать твердой почвы подъ собою, не будетъ обладать тѣми связями, безъ которыхъ немыслима дѣйствительная помощь населенію. Но въ то же время это предпріятіе и излишне, ибо гораздо проще и цѣлесообразнѣе, вмѣсто того, чтобы создавать новыя предпріятія, развязать руки уже существовавшимъ, доказавшимъ на опытѣ свою жизнедѣятельность и органически связаннымъ съ населеніемъ. Я не говорю уже о томъ, насколько тактичнымъ по отношенію къ мѣстнымъ людямъ является это предложеніе со своими услугами тамъ, гдѣ безъ этихъ услугъ прекрасно можно было бы обходиться мѣстными силами и средствами. Появленіе пришлаго банка при условіи закрытія мѣстныхъ однородныхъ учрежденій носило бы характеръ недовѣрія по отношенію къ мѣстному населенію, лишая его возможности работать безъ посторонней опеки и вмѣшательства.

Вмѣсто созданія новыхъ учрежденій необходимо озаботиться возстановленіемъ уже существовавшихъ и созданіемъ для нихъ условій, не препятствующихъ ихъ мирной дѣятельности. Нужно помнить, что въ настоящее время они являются прямо-таки незамѣнимыми, если только дѣйствительно серьезно задаваться желаніемъ помочь разоренному населенію, а не искать несуществующаго „мадьярскаго

и нѣмецкаго элемента", т.-е. играть въ политику самаго дурного сорта. Можно думать, что поставленныя въ нормальныя условія кооперативы Галичины сумѣютъ прекрасно справиться и съ настоящими тяжелыми обстоятельствами, какъ не разъ уже справлялись во время такихъ, напримѣръ, стихійныхъ бѣдствій, какъ недородъ и наводненія недавнихъ лѣтъ.

Недавно г. Ордынскій высказалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" надежду на то, что кооперативы въ Галичинѣ будутъ „возвращены къ жизни" [1]). Не знаю, на чемъ эта надежда основана, но зато твердо убѣжденъ, что такое „возвращеніе къ жизни" мѣстной самодѣятельности, и притомъ не исключительно въ кооперативной сферѣ, сыграло бы въ дѣлѣ организаціи помощи пострадавшему мирному населенію въ Галичинѣ дѣйствительно громадную роль. Съ этимъ и въ сравненіе не могутъ итти всѣ эти воззванія и сборы въ пользу галичанъ,—всѣ эти, можетъ быть, яркіе, но по самому существу своему безплодные цвѣты благотворительности. Ибо,—еще разъ повторяю,—не въ благотворительности, а только въ возможности приложить къ дѣлу свои готовыя силы и уже испытанную самодѣятельность больше всего нуждается въ настоящее время Галичина. Временныя прорѣхи, можетъ быть, и возможно заштопать путемъ частной благотворительности, но послѣдняя совершенно безсильна, когда дѣло касается, какъ это наблюдается сейчасъ въ Галичинѣ, глубокаго сдвига всего жизненнаго уклада, когда въ буквальномъ смыслѣ поднимается грозный вопросъ о борьбѣ за существованіе. И въ этомъ случаѣ только само населеніе можетъ явиться кузнецомъ своего спасенія,—тѣмъ болѣе, что оно уже въ значительной степени привыкло обходиться безъ чужой указки и стѣснительной опеки, пріучивъ себя полагаться лишь на свои собственныя силы.

С. Ефремовъ.

---

[1]) „Изъ записной книжки", „Русскія Вѣдомости", 1915 г., № 1.

На очереди.

I.

Занятіе русскими войсками восточной Галиціи поставило на порядокъ дня украинскій вопросъ. Онъ всегда давалъ себя болѣзненно чувствовать на мѣстѣ; колебанія въ его разрѣшеніи въ сторону предвзятыхъ теорій всегда тяжко отзывались на интересахъ милліоновъ украинскаго населенія имперіи, но далеко не всегда, въ силу весьма разнообразныхъ обстоятельствъ, привлекалъ онъ къ себѣ должное вниманіе русскаго прогрессивнаго общества. Но если раньше и удавалось иногда пройти мимо него молча, то теперь уже сдѣлать этого никоимъ образомъ нельзя. Жизнь далеко раздвинула рамки этого вопроса.

Раньше всего, современное положеніе этого вопроса имѣетъ для русскаго общества несомнѣнно значеніе показательное и съ этой стороны представляетъ матеріалъ весьма цѣнный и для характеристики переживаемаго момента, и при попыткахъ опредѣлить пути внутренней жизни страны.

Затѣмъ, украинскій вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ намѣчающимся пересмотромъ отношеній Россіи. Вѣдь если дѣйствительно, какъ писали въ свое время „Р. Вѣд.“, „населеніе окраинъ, угрожаемыхъ непріятельскимъ нашествіемъ, должно чувствовать себя живой, неразрывной частью государственнаго организма, связанной съ его центромъ своими насущными, жизненными интересами“, если дѣйствительно „возникшее предъ внѣшней опасностью духовное единеніе разноплеменнаго населенія Россіи должно быть разъ навсегда закрѣплено правовой организаціей, обезпечивающей каждой народности мѣсто въ общемъ отечествѣ, представляющей инородцамъ полноту гражданскихъ правъ и свободу національнаго развитія“,—то не можетъ же оставаться какимъ-то злосчастнымъ исключеніемъ изъ общей нормы украинскій народъ: и ему должна быть этой правовой организаціей предоставлена свобода національнаго самоопредѣленія и полная возможность его разносторонняго

выраженія. И если разрѣшеніе украинскаго вопроса послѣднее столѣтіе мыслилось въ связи съ общимъ ходомъ политическаго развитія Россіи и въ ея предѣлахъ, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что то или другое его рѣшеніе,—хотя бы частичное,—можетъ и должно отразиться на общихъ отношеніяхъ всей страны. Вѣдь, признавъ право на національное самоуправленіе и развитіе національной культуры за украинскимъ населеніемъ Галичины, нельзя въ концѣ-концовъ отказать въ томъ же и милліонамъ украинскаго населенія Россіи. А закрѣпленіе за ними этихъ культурно-національныхъ цѣнностей неизбѣжно приведетъ къ необходимости признанія тѣхъ же правъ и за другими народностями Россійской имперіи.

Въ послѣднее время судьбы Польши привлекаютъ усиленное вниманіе; и вотъ это обстоятельство въ свою очередь выдвигаетъ и расширяетъ украинскій вопросъ. Слишкомъ тѣсно и разнообразно, тысячами переплетающихся нитей, связаны между собой въ Галиціи украинскій и польскій народы. И это не позволяетъ рѣшать судьбу одного, забывъ о другомъ: польскій вопросъ не можетъ быть поставленъ во всемъ своемъ объемѣ безъ того, чтобы одновременно не всплылъ и вопросъ украинскій.

И болѣе широкую проблему—проблему славянскую—выдвинула настоящая война. Но и къ ней подойти нельзя, минуя тотъ же вопросъ. Какъ изъ цѣпи, не нарушивъ ея цѣлости и не разорвавъ ея, нельзя выкинуть ни одного звена, такъ изъ славянскаго міра, идущаго къ взаимности и объединенію, нельзя исключить народа украинскаго.

Дальнѣйшій шагъ по пути расширенія интересующаго насъ вопроса сдѣлало воззваніе Августѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго. Обѣщанія „осуществленія народныхъ вожделѣній“ и сохраненія „драгоцѣннаго достоянія отцовъ—языка и вѣры“, обращенныя къ народамъ Австро-Венгріи, переносили вопросъ объ устройствѣ дальнѣйшей судьбы ихъ въ плоскость отношеній международныхъ; причемъ намѣчающееся направленіе ихъ пересмотра совпадаетъ, повидимому, и съ воззрѣніями англійскаго правительства, поскольку оно нашло себѣ выраженіе въ пожеланіи Асквита, чтобы въ результатѣ войны „незыблемо ограждены были права мелкихъ національностей“. И первымъ суждено будетъ на практикѣ испытать жизненность возвѣщен-

ныхъ идей именно украинскому населенію Галиціи, одному изъ освобождаемыхъ народовъ монархіи Габсбурговъ, дальнѣйшая судьба которыхъ должна, конечно, опредѣляться означенными въ этомъ дипломатическомъ актѣ нормами.

Наконецъ, если тѣ идеи права и справедливости, во имя которыхъ ведутъ борьбу народы тройственнаго согласія, имѣютъ подъ собой опредѣленную реальную почву, то всѣмъ тѣмъ, кто исходитъ изъ признанія за этими идеями вѣчной и общечеловѣческой цѣнности, нельзя примириться съ ограниченіемъ духовныхъ стремленій украинскаго народа.

Если даже и допустить, что въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ построеній, постепенно расширяющихъ рамки украинскаго вопроса, говоритъ не только опредѣлившееся реальное положеніе, но и извѣстная д о л я о т в л е ч е н н о с т и, то все-же это не сниметъ вопроса съ очереди. Сама жизнь,—практика отношеній къ украинскимъ достояніямъ въ Галиціи,—все-же выдвигаетъ его, правда, уже не какъ широко принципіальную проблему, а какъ рядъ практическихъ мѣропріятій. Они вытекаютъ однако изъ того или другого отношенія къ судьбамъ украинскаго народа и ставятъ общество, помимо его воли, лицомъ къ лицу съ совершившимися фактами, не лишенными, конечно, извѣстнаго идейнаго обоснованія и таящими въ себѣ тѣ или другія возможности для опредѣленія дальнѣйшаго хода жизни не только завоеваннаго края, но и всей нашей страны.

Съ этимъ не могутъ не считаться всѣ тѣ, кто подходитъ къ оцѣнкѣ современнаго положенія украинскаго народа въ Галиціи, отдавая себѣ отчетъ во всѣхъ, изъ него вытекающихъ, послѣдствіяхъ. Это признаніе необходимости сейчасъ и серьезно разобраться въ вопросѣ, который стоитъ передъ нами какъ реальный фактъ, охватываетъ,—что представляетъ для насъ особый интересъ,—и болѣе трезво настроенные правые круги. Такъ, „Кіевлянинъ“, признавая переходъ Галиціи „съ ея правами по австрійской конституціи“ изъ обладанія одной державы къ другой „процессомъ сложнымъ, требующимъ осторожнаго и вдумчиваго отношенія нашей государственной власти“, совершенно основательно полагаетъ, что „сращеніе ея (Галиціи) живого тѣла съ живымъ тѣломъ Россіи быстро произойти не можетъ“ и „во всякомъ случаѣ потребуетъ заботливаго и внимательнаго ухода“. Предостерегая въ самомъ началѣ „отъ серьезныхъ

ошибокъ, которыя могутъ впослѣдствіи стать роковыми",— газета единственный способъ избѣжать ихъ видитъ въ „созывѣ нашихъ законодательныхъ учрежденій на осеннюю сессію" (3. IX, № 243).

II.

Итакъ, несомнѣнно, украинскій вопросъ на очереди.

Подготовлено ли русское общество къ его разрѣшенію? Знакомо ли съ его возникновеніемъ и исторіей? Опредѣлены ли его содержаніе и объемъ, въ которомъ онъ долженъ быть поставленъ? Ясны ли исходныя руководящія начала? Формулированы ли вытекающіе изъ нихъ практическіе постулаты дня?

Въ значительной степени на всѣ эти вопросы, непосредственно вытекающіе вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ изъ самаго факта признанія современности и настойчивой необходимости постановки украинской проблемы,—за весьма широкіе слои русской интеллигенціи приходится дать, къ сожалѣнію, одинъ отвѣтъ и весьма опредѣленный: нѣтъ.

Приходится констатировать малое знакомство русскаго прогрессивнаго общества съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и въ особенности въ Галиціи. И отсюда вытекаетъ для него, этого общества, реальное заданіе дня.

Вѣдь для того, чтобы добиться положительныхъ результатовъ, нельзя ограничивать мощный порывъ объединенія и напряженія всѣхъ силъ страны лишь отраженіемъ внѣшней опасности. Подъ его знакомъ должна итти одновременно и большая внутренняя работа, направленная къ сохраненію уже пріобрѣтенныхъ культурныхъ цѣнностей, къ укрѣпленію занятыхъ уже общественныхъ позицій.

И вотъ предъ русскимъ обществомъ и въ данномъ случаѣ стоитъ основная и неотложная задача — выяснить свое отношеніе,—не принципіальное,—оно, конечно, совершенно ясно и вытекаетъ изъ общихъ положеній,—а конкретное къ опредѣленымъ фактамъ,—тому положенію, какое создалось на Украинѣ и въ Галичинѣ въ результатѣ отношеній послѣдняго времени.

Для достиженія этой задачи представляется въ высшей степени важнымъ собрать матеріалъ, касающійся даннаго вопроса, изучить его, освѣтить вопросъ, уяснить себѣ его

значеніе и возможныя послѣдствія отъ того или другого разрѣшенія. Необходимо разсѣять туманъ предубѣжденій, оказывающій такое печальное вліяніе въ нашемъ,—хотѣлось бы сказать,—прошломъ; необходимо разрушить безпочвенныя иллюзіи, могущія повлечь за собой разочарованія и нежелательныя послѣдствія. Необходимо поставить вопросъ на реальную почву, чтобы подготовить его по возможности правильное рѣшеніе и избѣжать печальныхъ и непоправимыхъ ошибокъ.

И эту работу д о л ж н о выполнить сейчасъ, и со всей серьезностью и настойчивостью.

Какія же есть сейчасъ въ его распоряженіи реальные пути для достиженія намѣченныхъ цѣлей?

Раньше всего, конечно, общественныя организаціи, объединяющія наиболѣе живую часть русской интеллигенціи. Различныя Общества,—въ первую линію культурныя,—могли бы оказать въ этомъ дѣлѣ весьма существенную поддержку. Засѣданія, посвященныя украинскому вопросу, доклады, затрагивающіе и освѣщающіе ту или другую сторону, живой обмѣнъ мнѣній и ихъ скрещеніе, безъ сомнѣнія, могли бы содѣйствовать ознакомленію русской интеллигенціи съ основными теченіями украинской общественной мысли и выясненію ихъ взаимоотношеній.

Еще болѣе значительна въ данномъ отношеніи роль прогрессивной прессы. Чутко прислушиваясь къ голосу жизни, стоя на-стражѣ общественныхъ интересовъ, она не можетъ не отзываться на горе и страданія украинскаго народа. И мы съ чувствомъ живѣйшей признательности привѣтствовали появлявшіяся на ея столбцахъ статьи, знакомящія русскаго читателя съ уровнемъ украинской культуры въ Галичинѣ, условіями ея развитія, съ современнымъ положеніемъ украинскаго населенія, статьи, вводящія его въ переживанія и чаянія украинскаго общества. Намъ думалось бы только, что, принимая во вниманіе малую освѣдомленность русскаго общества и сложность вопроса, слѣдовало бы вести эту плодотворную работу по возможности планомѣрно и систематически... Тѣмъ болѣе, что отсутствіе въ данный моментъ украинской прессы, приведенной къ молчанію, возлагаетъ на созвучные русскіе органы моральную обязанность замѣнить по мѣрѣ силъ и возможности временно выбывшихъ изъ строя товарищей и взять на себя представительство и защиту украинскихъ интересовъ.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85698

Если русская пресса,—мы, конечно, имѣемъ, въ виду все время ея демократическую и прогрессивную часть,—признаетъ за собой этотъ долгъ, она можетъ весьма многое сдѣлать въ этомъ направленіи.

Вѣдь и въ часы тяжкихъ внѣшнихъ потрясеній умственная жизнь страны не прекращается; наоборотъ, мысль особенно интенсивно работаетъ. И одной изъ главныхъ задачъ момента является, конечно, забота, чтобы не только не порвались нити культурной работы, но была бы по возможности подготовлена и основа новой ткани общественныхъ отношеній, хотѣлось бы вѣрить—болѣе совершенныхъ. И въ этомъ отношеніи печать можетъ оказать огромную услугу, подготовивъ разрѣшеніе вопросовъ внутренней жизни,—въ томъ числѣ и украинскаго,—къ тому времени, когда возстановленный миръ позволитъ возвратиться къ прерванной творческой работѣ.

Какъ ни ограничены сейчасъ наши возможности, все же и въ ихъ рамкахъ печать можетъ сдѣлать въ интересующемъ насъ вопросѣ, быть можетъ, невидное, но большое дѣло.

Взять хотя бы только одну Галичину. Вѣдь для широкихъ круговъ читающей публики это въ значительной степени terra incognita, потребность ознакомленія съ которой, конечно, не удовлетворилась тѣмъ освѣщеніемъ,—весьма, чтобы не сказать болѣе, своеобразнымъ,—какое находила подчасъ жизнь этого края на страницахъ правыхъ газетъ, до послѣдняго времени имѣвшихъ почти никѣмъ не оспариваемую привилегію затрагивать и трактовать эти вопросы.

И вотъ съ разныхъ точекъ зрѣнія настоятельно желательны, необходимы и, главное, вполнѣ возможны даже при нашихъ условіяхъ статьи строго фактическія, посвященныя этому краю, знакомящія съ составомъ его населенія, реальнымъ соотношеніемъ силъ въ немъ, политическими и культурными пріобрѣтеніями украинскаго народа, его просвѣтительной и экономической работой въ многочисленныхъ организаціяхъ, густой сѣтью покрывающихъ Галичину, со своеобразнымъ укладомъ церковной жизни, съ литературными теченіями, упорной борьбой за просвѣщеніе и благосостояніе народныхъ массъ, за развитіе самобытной культуры. Не меньшее бы значеніе имѣла тщатель-

ная информація о современномъ положеніи края. Не лишней иллюстраціей къ этому были бы, по нашему мнѣнію, иногда и отзвуки изъ правой прессы. Поскольку она въ силу своего положенія отличается освѣдомленностью или характерностью занимаемой позиціи, въ ней можно найти полезный матеріалъ... Наконецъ, ознакомленіе,—хотя бы въ видѣ краткихъ библіографическихъ замѣтокъ,—съ имѣющейся, правда, не столь многочисленной, литературой по украинскому вопросу и вновь выходящими книгами, до нѣкоторой степени облегчила бы желающимъ возможность изученія Галичины и указала бы легчайшіе къ нему пути.

Если же время-отъ-времени этотъ фактическій матеріалъ будетъ освѣщаться статьями болѣе широкаго принципіальнаго характера, то, надѣемся, русскому обществу, такъ страстно хотящему вѣрить въ лучшее грядущее и по мѣрѣ силъ способствовать его приближенію, всѣмъ этимъ значительно облегчена будетъ возможность проще и ближе подойти къ разрѣшенію одного изъ стоящихъ, сейчасъ на очереди и имѣющихъ огромное значеніе для опредѣленія всѣхъ отношеній въ странѣ вопросовъ — вопроса украинскаго.

Вячеславъ Прокоповичъ.

Буковина.

(Очеркъ).

Непосредственно вслѣдъ за Галичиной театромъ военныхъ операцій русскихъ войскъ противъ австрійцевъ сдѣлалась и Буковина, прежде очень мало кому изъ русскаго общества извѣстная область Габсбургской монархіи, а теперь сразу привлекшая къ себѣ всеобщее вниманіе. Но среди украинскаго общества хорошо знали „Зелену Буковину“ съ ея главнымъ городомъ Черновцами,—единственнымъ крупнымъ европейскимъ городомъ, гдѣ украинская рѣчь играетъ роль langue parlée съ ея интересными національными отношеніями и необыкновенно оживленною самодѣятельностью небольшого, но разноплеменнаго населенія. Буковина—самая маленькая изъ всѣхъ коронныхъ областей Австріи; она простирается къ югу отъ Галиціи, граничитъ на востокѣ съ Подольской губерніей, а на югѣ—съ Румыніей и занимаетъ всего 10,440 кв. км. гористой поверхности, покрытой зелеными пастбищами и буковыми лѣсами, отъ которыхъ и получила свое названіе—Буковина. На этомъ пространствѣ живетъ свыше 800,000 населенія, изъ котораго украинцевъ 340,000 (42%), румынъ 250,000 (32%), евреевъ около 100,000 (13%), нѣмцевъ около 64,000 (8%), поляковъ около 30,000 (3¾%), мадьяръ—10,000 (1¼%) и, наконецъ, нѣсколько тысячъ великороссовъ, старообрядцевъ-липованъ, переселившихся сюда во второй половинѣ XVIII ст. изъ Россіи и донынѣ сохранившихъ свои энографическія особенности, а также армянъ и цыганъ. Украинцы живутъ въ западной и сѣверной части Буковины, румыны—въ южной, представители другихъ народностей (евреи, поляки, нѣмцы) живутъ преимущественно въ городахъ. Всѣ украинцы и румыны исповѣдуютъ православіе и имѣютъ главой своей церкви митрополита, живущаго въ Черновцахъ.

Главное занятіе жителей страны—земледѣліе и садоводство въ болѣе низменныхъ мѣстностяхъ, скотоводство

въ горахъ, изобилующихъ прекрасными пастбищами—„полонинами"; немаловажную роль въ экономической жизни страны играетъ разработка лѣсныхъ богатствъ (42% пространства Буковины покрыты лѣсомъ, а въ округѣ Кимполюнга даже 78%), рубка деревьевъ и сплавъ по Черемошу и Пруту въ Россію и Румынію. Въ прежнее время Буковина была еще богаче лѣсами, и когда австрійскія войска вступили въ нее, впервые въ 1774 г., то должны были во многихъ мѣстахъ прокладать себѣ путь топоромъ. Въ горахъ, идущихъ по западной и юго-западной границѣ Буковины, находится большое количество минеральныхъ богатствъ: мѣдь, желѣзо, каменный уголь, соль. Въ юго-западномъ углу Буковины, въ Дорна-Ватрѣ находятся источники кисловатыхъ водъ, и здѣсь устроенъ курортъ. Въ общемъ Буковина—страна не бѣдная и очень живописная. Населеніе ея, совсѣмъ малочисленное и полудикое въ моментъ присоединенія ея къ Австріи, удесятерилось въ теченіе менѣе столѣтія и пользуется теперь довольно завиднымъ достаткомъ и благоустройствомъ, добытымъ главнымъ образомъ вслѣдствіе развитія самодѣятельности населенія, въ значительной мѣрѣ, если не исключительно, обусловленной пробужденіемъ его національнаго и политическаго самосознанія. Въ Буковинѣ въ миніатюрѣ отразилась новѣйшая исторія многоплеменной Австріи, постепенно преобразившейся изъ абсолютной монархіи съ одною господствующею національностью въ конституціонную имперію народовъ. И въ этомъ отношеніи исторія маленькой Буковины не менѣе поучительна, чѣмъ исторія другихъ крупныхъ областей Австрійской имперіи.

До настоящаго времени, т.-е. до момента войны, Буковина представляла изъ себя совершенно автономную область съ собственнымъ управленіемъ и мѣстнымъ законодательствомъ, съ сеймомъ, состоящимъ изъ 31 депутата. Въ вѣнскій парламентъ населеніе Буковины посылало 14 депутатовъ. Буковина никогда не представляла изъ себя самостоятельнаго государства и постоянно входила въ составъ сильнѣйшихъ сосѣднихъ государствъ. Въ началѣ нашей эры она входила въ составъ римской Дакіи, а во времена Начальной лѣтописи въ ней жило уже славянское племя тиверцы. Въ удѣльный періодъ Буковина входила въ составъ Галицкаго княжества, одно время была подъ властью татаръ, а въ половинѣ XIV ст. вошла въ составъ Молдавіи.

Около этого же времени началась массовая иммиграція въ Буковину румынъ, которые и включили ее въ образованную ими Молдавію. Румыны въ культурномъ отношеніи поддавались большому вліянію мѣстнаго украинскаго населенія, какъ болѣе сильнаго въ культурномъ отношенія. Въ столицѣ молдавскихъ господарей Сучавѣ господствовала тогдашняя книжная украинская рѣчь, а въ церкви—церковно-славянская. Наивысшаго расцвѣта Молдавія достигла при господарѣ Стефанѣ Великомъ (1457—1504), сумѣвшемъ отстоять независимость своей страны отъ покушеній со стороны Венгріи и Польши. Но вскорѣ, послѣ смерти Стефана, Молдавію вмѣстѣ съ Буковиною завоевали турки, и съ этихъ поръ начинается постепенный упадокъ культурной и экономической жизни Буковины. Господарями являются различные ставленники Порты, немилосердно эксплоатирующіе край, Буковина становится частымъ театромъ войны между Польшей, Турціей, Седмиградіей и одно время и Украиной (при Богданѣ Хмельницкомъ). Столица Молдавіи переносится изъ Сучавы въ Яссы, и Буковина все болѣе и болѣе приходитъ въ запустѣніе. Когда въ 1774 г. Австрія изъ стратегическихъ соображеній рѣшила заокруглить свои новыя пріобрѣтенія на юго-востокѣ,—доставшуюся ей по первому раздѣлу Польши Галичину,—и оккупировала Буковину, то въ ней числилось не болѣе 60,000 душъ населенія. Господствующіе классы населенія,—помѣщики („бояре“) и духовенство—успѣли къ этому времени совершенно румынизоваться, и австрійское правительство, на этомъ основаніи, сочло вновь присоединенную провинцію чисто-румынской. Однако, мѣры, принятыя Австріей для поднятія культуры и просвѣщенія въ краѣ, носили чисто германизаторскій характеръ въ духѣ всѣхъ культурныхъ реформъ императора Іосифа II: школы, основанныя въ Сучавѣ, Черновцахъ и 10 уѣздныхъ, были нѣмецкія. Значительно важнѣе были соціальныя реформы. Подъ властью турокъ крестьянское населеніе находилось въ крѣпостной зависимости отъ бояръ; кромѣ того, существовали и настоящіе рабы (почти исключительно цыгане и татары). Рабство Австрія уничтожила совершенно, а участь крѣпостныхъ была облегчена ограниченіемъ числа барщинныхъ дней и надѣленіемъ крестьянъ землей на правахъ собственности, хотя и безъ права свободно распоряжаться ею. Въ моментъ присоединенія

Буковины къ Австріи на ея территоріи находилось 24 монастыря. Іосифъ II уничтожилъ 21 монастырь, оставивъ только 3. Въ 1786 г. изъ обширныхъ имѣній закрытыхъ монастырей образованъ былъ особый религіозный фондъ, сыгравшій впослѣдствіи немаловажную роль въ исторіи просвѣщенія Буковины (на средства изъ этого фонда существуетъ между прочимъ теперь рядъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также богословскій факультетъ въ черновицкомъ университетѣ).

Формально присоединенная къ Австріи въ 1775 году, Буковина составила одну провинцію съ Галичиной, какъ ея округъ, но продолжала жить своею обособленною жизнью, и умственныя теченія, возникшія среди галицкихъ украинцевъ уже въ первой половинѣ XIX ст., почти ея не затрагивали. Правительство какъ бы совершенно не замѣчало національныхъ различій среди буковинскаго населенія, считаясь лишь съ различіемъ вѣроисповѣднымъ. Бюрократическое нѣмецкое управленіе, сохранившіяся еще фактически крѣпостныя отношенія—все это накопляло недовольство среди крестьянскаго населенія, нашедшее себѣ выходъ въ бурномъ 1848 году. Этотъ революціонный годъ, принесшій Австріи конституцію, отразился и на Буковинѣ. Когда былъ собранъ первый парламентъ въ Вѣнѣ, то изъ 8 буковинскихъ депутатовъ 7 были крестьяне, поставившіе требованіе о надѣленіи крестьянскаго населенія (незадолго передъ тѣмъ было уничтожено крѣпостное право) землей безъ всякаго выкупа. Требованіе это не было удовлетворено, точно такъ же, какъ и протестъ крестьянскихъ депутатовъ-украинцевъ противъ выдѣленія Буковины въ отдѣльную область, что могло повести къ ея совершенной румынизаціи. Тогда одинъ изъ депутатовъ, Лукіанъ Кобылыця, возвратился въ Буковину и поднялъ здѣсь форменное возстаніе среди украинскихъ крестьянъ, подавленное при помощи вооруженной силы. Кобылыця сдѣлался народнымъ героемъ и былъ воспѣтъ въ пѣсняхъ и легендахъ, а выдѣленіе Буковины въ отдѣльную область все-же совершилось въ 1849 году.

Это выдѣленіе, а затѣмъ и учрежденіе въ 1860 году областного буковинскаго сейма, фактически отдавало руководительство въ мѣстныхъ дѣлахъ высшимъ классамъ—румынскимъ и румынизованнымъ. Школы пріобрѣтаютъ румынскій характеръ, высшее духовное управленіе—въ ру-

мынскихъ рукахъ, культурно-просвѣтительныя учрежденія также служатъ румынскимъ національнымъ цѣлямъ,—все это препятствовало развитію среди украинскаго населенія національнаго самосознанія. Правда, среди украинскаго духовенства многолѣтняя административная и культурная связь съ Галичиной оставила извѣстные слѣды, но умственные интересы представителей, если можно такъ выразиться, національнаго теченія среди этого духовенства не выходили изъ предѣловъ узкой церковщины, а литературные вкусы были таковы, что писатели этого направленія, братья Гавріилъ Проданъ (1816—1844) и Василій Проданъ (1809—1881), подражали Державину и писали такимъ ужаснымъ макароническимъ языкомъ, который можетъ вызвать въ насъ только смѣхъ. Это преимущественно оды, панегирики, псалмы, поздравительные стихи знатнымъ особамъ. И все-таки Василій Проданъ былъ мѣстнымъ патріотомъ, онъ организовалъ Общества въ Черновцахъ „Руська Бесіда“ (1869 г.) и „Руська Рада“ (1870) и, какъ умѣлъ, защищалъ народные интересы.

Первымъ дѣйствительно національнымъ поэтомъ среди буковинскихъ украинцевъ былъ Іосифъ Федьковичъ (1834—1887), знавшій произведенія Шевченка и другихъ украинскихъ писателей и писавшій свои стихи и повѣсти на народномъ языкѣ и изъ народной жизни. Федьковичъ не произвелъ однако особаго впечатлѣнія на своихъ буковинскихъ земляковъ и былъ гораздо ранѣе оцѣненъ въ Галичинѣ и даже россійской Украинѣ, чѣмъ у себя на Буковинѣ. Имъ заинтересовался М. П. Драгомановъ, издалъ въ 1876 г. его повѣсти въ Кіевѣ, и эти повѣсти заслужили себѣ весьма сочувственный отзывъ со стороны И. С. Тургенева. Между тѣмъ вѣянія національнаго возрожденія Галичины и народническаго движенія среди ея интеллигенціи начинаютъ съ половины 70-хъ годовъ все сильнѣе проникать и на Буковину. Стараніями мѣстныхъ поэтовъ братьевъ Воробкевичей въ Черновцахъ выходитъ въ 1877 г. первый альманахъ на народномъ языкѣ „Руська Хата“, и въ этомъ альманахѣ наряду съ буковинцами принимаютъ участіе украинцы изъ Галичины и Россіи. Молодое поколѣніе, воспитавшееся подъ вліяніемъ народническихъ идей, занесенныхъ изъ Галичины, и выступившее на общественное поприще въ 80-хъ годахъ, приступаетъ уже къ активной работѣ для культурно-національнаго и экономическаго раз-

витія народныхъ массъ. Среди представителей этого поколѣнія необходимо назвать прежде всего Пигуляка, Смаль-Стоцкаго и Поповича. Главное вниманіе этихъ людей было обращено вначалѣ на поднятіе гражданскаго самосознанія среди народа и на его просвѣщеніе. Въ 1885 г. начинаетъ выходить первая политическая газета на украинскомъ языкѣ въ краѣ—„Буковина“, и въ томъ же году „Руська Бесіда“ стала издавать популярныя книжечки для народа. Къ участію въ политической жизни привлекаются мѣщане и крестьяне, и съ 1886 г. начинаютъ основываться по селамъ читальни. Небольшая, но дружная группа интеллигентныхъ дѣятелей, нашедшая поддержку среди народа, сумѣла за сравнительно короткое время поставить дѣло возрожденія буковинскихъ украинцевъ на вѣрный путь. Постепенно украинцы начинаютъ пріобрѣтать вѣсъ и значеніе въ краѣ. Въ 1890 году впервые въ сеймѣ появляются три украинскихъ депутата, а въ 1892 г. проходитъ въ сеймъ профессоръ украинскаго языка и литературы въ черновицкомъ университетѣ Стефанъ Смаль-Стоцкій, одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ, — если не самый заслуженный, — дѣятель возрожденія украинской Буковины, съ поразительной энергіей работавшій около трехъ десятковъ лѣтъ на самыхъ различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Стоя во главѣ сплоченной группы преданныхъ дѣлу культурныхъ работниковъ, Смаль-Стоцкій провелъ въ сеймѣ цѣлый рядъ законовъ, обезпечивавшихъ національное развитіе буковинскихъ украинцевъ. Они получили двѣ каѳедры въ черновицкомъ университетѣ (основанномъ въ 1875 г.), украинскую гимназію въ Выжницѣ, утраквистическія (на укр. и румынскомъ языкахъ) гимназію и реальное училище въ Черновцахъ, и гимназію въ Кицмани, учительскую семинарію въ Черновцахъ и народныя школы съ роднымъ языкомъ преподаванія въ каждомъ селѣ. Вся украинская Буковина покрылась сѣтью культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, каковы: „Руська Бесіда“, „Народний дім“, „Українська школа“, „Товариство імени Сковороди“, „Жіноча громада“, „Історичне Товариство“ и др., имѣющіе свои филіальныя отдѣленія во всѣхъ крупнѣйшихъ городахъ и мѣстечкахъ области.

Но что особенно замѣчательно было въ жизни буковинской Украины, такъ это широкое распространеніе экономической организаціи крестьянства на основахъ

взаимопомощи. Учрежденія мелкаго кредита, объединенныя въ областной союзъ „Селянська Каса“, имѣли оборотъ въ нѣсколько милліоновъ кронъ ежегодно; сельскохозяйственныя Общества организованы въ одну „Господарьску спілку“, имѣвшую свои оптовые склады, склады машинъ, своихъ инструкторовъ по агрономіи; многочисленныя потребительскія лавки, райфайзенскія кассы, гимнастическія Общества („Січи“) и пожарныя дружины имѣлись почти въ каждомъ селѣ.

Маленькая Буковина, посылавшая въ имперскій парламентъ 5 украинскихъ депутатовъ, вліяла и на общую внутреннюю политику государства. Въ парламентѣ буковинскіе депутаты въ вопросахъ національнаго характера шли всегда вмѣстѣ съ украинскими депутатами Галичины.

Широкое общественное движеніе, охватившее Буковину за послѣдніе два десятка лѣтъ, отразилось и на оживленіи литературной дѣятельности. Послѣднее время въ Буковинѣ выходило около десятка періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ, появлялись книги разнообразнаго содержанія,—научныя, беллетристическія, популярныя, учебники; кромѣ того, разумѣется, Буковина служила рынкомъ для сбыта печатныхъ произведеній на украинскомъ языкѣ, издававшихся какъ въ Галичинѣ, такъ и на нашей Украинѣ. И если вспомнить, что вся украинская часть Буковины равняется средней величины уѣзду россійской губерніи, то нельзя не признать высокой интенсивности ея умственной жизни.

Среди литературныхъ дѣятелей, которыхъ подарила украинской литературѣ Буковина за послѣднюю четверть вѣка, безусловно первое мѣсто занимаетъ талантливая новеллистка Ольга Кобылянская, борецъ за права женщины въ обществѣ и поэтъ буковинской природы. Крупное мѣсто среди украинскихъ ученыхъ изъ буковинцевъ занимаетъ упомянутый уже проф. Смаль-Стоцкій, выдающійся языковѣдъ, авторъ научной грамматики украинскаго языка. Буковина внесла свой вкладъ въ сокровищницу культуры украинскаго народа, и если въ огнѣ текущихъ событій,—какъ хотѣлось бы вѣрить,—выкуется лучшее будущее украинскаго народа, то и культурныя пріобрѣтенія Буковины, добытыя усиліями ея дѣятелей, не пропадутъ даромъ и послужатъ на общую пользу всѣмъ украинцамъ.

М. Жученко.

БІБЛІОТЕКА НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА ІМ. ШЕВЧЕНКА У ЛЬВОВІ

Земельная собственность въ Галиціи.

(Къ исторіи землевладѣнія въ Галиціи).

Настоящая статья была написана еще въ началѣ 1887 года на польскомъ языкѣ и напечатана тогда же въ польскомъ журналѣ „Przegląd Spoleczny (т. III, стр. 21—35 и 323—335), издававшемся въ продолженіе 1886 и 1887 годовъ Болеславомъ Выслоухомъ во Львовѣ. Въ то время она прошла никѣмъ незамѣченной, и только въ іюнѣ 1913 года я перевелъ ее на украинскій языкъ и напечаталъ въ первомъ томѣ собранія моихъ политическихъ статей, писанныхъ на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ продолженіе почти 30 лѣтъ, начиная съ 1886 и до настоящаго 1914 года, подъ заглавіемъ „В наймах у сусідів“. Первый томъ этого собранія, вмѣщающій 45 статей, написанныхъ на польскомъ языкѣ въ годахъ съ 1886 по 1890 включительно, и одну, написанную на украинскомъ языкѣ въ 1887 г. и перепечатанную изъ газеты „Діло“, напечатанъ въ продолженіе второй половины 1913 года и до октября 1914 года и до сихъ поръ не выпущенъ въ продажу вслѣдствіе происшедшей въ это время русской оккупаціи Восточной Галиціи и почти полнаго застоя книжной продукціи и торговли, особенно на украинскомъ языкѣ. Считаю не лишнимъ передать эту статью въ моемъ же переводѣ на русскій языкъ широкой русской публикѣ, потому что она хотя устарѣла въ отношеніи приведенныхъ въ ней цифръ и фактовъ, но не устарѣла въ отношеніи своего идейнаго построенія и соціологической конструкціи.

Львовъ, 2/15 декабря 1914.

I. Цифры и факты.

Имѣя намѣреніе въ цѣломъ рядѣ работъ изучить внутреннія отношенія Галиціи, общественныя и экономическія, начинаю этотъ трудъ съ „грунта“, съ основанія, съ земельной собственности, которая является главнымъ рычагомъ всѣхъ прочихъ отношеній нашего края. Это, впрочемъ, вполнѣ естественно въ краѣ со слабо развитой промышленностью, съ небольшими, большею частью земледѣльческими городами и городками въ краѣ, представительство

которыхъ состоитъ почти въ $^{9}/_{10}$ частяхъ изъ владѣльцевъ большихъ земельныхъ имѣній, значитъ, изъ производителей хлѣба, и въ которомъ болѣе чѣмъ 80% всего населенія занимается земледѣліемъ.

Земельная собственность Галиціи еще по другимъ соображеніямъ обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ, кто интересуется общественными вопросами. Она находится въ настоящее время въ очень тяжеломъ, можно даже сказать, фатальномъ фазисѣ развитія. Выйдя изъ положенія относительной устойчивости, базировавшагося на широкой системѣ ограниченій, связанныхъ съ крѣпостной (барщинной) системой хозяйства и съ абсолютной формой правленія, земельная собственность съ 1848 года представляетъ какъ бы рѣку, на которой весеннее солнце медленно ломаетъ и крошитъ ледяную кору. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, старыхъ законовъ, основанныхъ на римскомъ правѣ и признающихъ землю неотъемлемой собственностью единицъ съ неограниченнымъ правомъ пользованія (jus utendi et abundi), а съ другой стороны—подъ вліяніемъ западно-европейскаго капиталистическаго строя, который интенсивно развивается въ нашемъ краѣ, эта собственность все быстрѣе и быстрѣе попадаетъ въ омутъ спекуляціи, начинаетъ, съ одной стороны, распыляться, а съ другой стороны — консолидироваться въ громадныя латифундіи; начинаетъ все быстрѣе и быстрѣе мѣнять собственниковъ, дѣлается все менѣе и менѣе источникомъ благосостоянія мѣстныхъ жителей, а все болѣе и болѣе предметомъ эксплоатаціи иностранцевъ. Отсюда вытекаетъ, съ одной стороны, громадная задолженность земельной собственности, а съ другой стороны—сильный ростъ деревенскаго пролетаріата. Какъ крупная, такъ и мелкая собственность страдаетъ и приходитъ въ упадокъ подъ вліяніемъ почти однихъ и тѣхъ же факторовъ.

Но вмѣсто того, чтобы искать общаго источника болѣзни и общаго лѣкарства, та и другая подрываютъ другъ друга. Одна хочетъ спасать себя за счетъ другой, и, терзая другъ друга, онѣ только ослабляютъ себя и растравляютъ общую язву вмѣсто того, чтобы лѣчить ее. При такомъ ненормальномъ положеніи очень часто приходится слышать изъ устъ представителей не только крупной, но и мелкой собственности, что „при барщинѣ лучше было". Что устройство земельныхъ отношеній (оставляя въ сторонѣ личныя) въ то время было гораздо лучше и болѣе

соотвѣтствовало положенію нашего края, это, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Достаточно будетъ припомнить хотя бы одну очень важную норму, по которой крестьянскія, т.-наз. „рустикальныя“, земли составляли особый комплектъ, величина котораго по закону не должна была измѣняться. Это значило, что собственникъ господской (доминикальной) или помѣщичьей земли не имѣлъ права присоединить къ своей землѣ ни одной полоски крестьянской (рустикальной) земли. Изъ этого слѣдуетъ, что господинъ или помѣщикъ, не имѣя права распоряженія крестьянскими землями въ своей деревнѣ, долженъ былъ стараться, чтобы каждый участокъ крестьянской земли былъ снабженъ рабочими руками, иначе онъ терялъ слѣдуемую ему изъ этого участка барщину. Нужно однако замѣтить, что законъ о невключаемости рустикальныхъ земель въ доминикальныя никогда не исполнялся во всей строгости со времени австрійскаго владѣнія Галиціей, особенно же въ періоды 1817—19 гг. и 1848—49 гг. много рустикальныхъ участковъ, такъ-называемыхъ „пусток“ или общинныхъ земель, присоединено къ помѣщичьимъ землямъ. Но это нельзя признать нормой, а скорѣе нарушеніемъ ея, порожденнымъ неяснымъ еще для самихъ помѣщиковъ, но пробудившимся уже стремленіемъ къ увеличенію комплекта своей собственной земли въ ущербъ комплекту крестьянской земли.

Либеральная эра послѣ 1848 г. хотя и не упразднила фактическаго различія между рустикальной и доминикальной землей, однако устранила между ними легальное различіе, въ корень измѣнивъ правовое понятіе рустикальной собственности. Ибо если во времена барщины рустикальныя земли не были въ дѣйствительности ни крестьянской, ни помѣщичьей собственностью, но только чѣмъ-то въ родѣ общаго fundus instructus, состоящимъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ собственника доминіи, а косвенно подъ властью государства[1]), то патентъ объ упраздненіи барщины 17-го апрѣля 1848 года сдѣлалъ эти земли частной

[1]) Подданный, обладавшій рустикальной землей, не могъ ни заложить, ни дѣлить ее, ни даже передавать по наслѣдству своимъ дѣтямъ безъ соизволенія „двора“ (доминіи). Въ свою очередь и дворъ не могъ ни дѣлить эту землю, ни даже обмѣнивать отдѣльные участки на свои безъ согласія правительства. Зато дворъ могъ, также съ согласія правительства, выселить лѣниваго или непокорнаго подданнаго изъ его усадьбы съ обязательствомъ посадить на его мѣсто другого подданнаго.

собственностью тѣхъ хлѣбопашцевъ, которые въ данный моментъ сидѣли на нихъ. Въ правовомъ отношеніи 1848 годъ уравнялъ всѣ категоріи земель въ Галиціи. Вмѣсто существовавшихъ до сихъ поръ историческихъ категорій—земель доминикальныхъ, рустикальныхъ и свободныхъ,—принадлежавшихъ мелкой, такъ-называемой „загоновой“ шляхтѣ („однодворцы“), которая не работала, но также и не получала барщины, онъ создалъ только двѣ экономическія категоріи—крупной и мелкой земельной собственности.

Эта реформа, столь важная и глубокая, какъ и всѣ реформы въ нашемъ краѣ, была проведена только наполовину. Старыя общественныя силы, освобожденныя отъ патримоніальной опеки, были брошены въ новую, неизвѣстную имъ, состязательную борьбу съ неравными средствами и шансами успѣха. Крупная собственность имѣла больше шансовъ удержаться и побѣдить въ этой борьбѣ уже благодаря тому, что она была крупной и при повышенныхъ въ 1848 году цѣнахъ земледѣльческихъ и земледѣльчески-промышленныхъ продуктовъ (особенно водки) гораздо легче могла приспособиться къ новой денежной хозяйственной системѣ. Кромѣ того, она имѣла созданную еще въ концѣ XVIII в. „Табулю“ (метрику земельной собственности) и основанную на ней классовую привилегированную финансовую кредитную организацію, теперешнее „Towarzystwo Kredytowe Ziemskie“, основанное въ 1841 году,—слѣдовательно, имѣла возможность пользоваться дешевымъ гипотечнымъ кредитомъ. Но эти чисто экономическіе шансы еще далеко не все.

Крупная собственность во время переворота 1848 г. успѣла спасти еще значительные остатки барщинныхъ привилегій; изъ нихъ самая важная и для всего дальнѣйшаго развитія нашихъ деревенскихъ отношеній почти фатальная—право пропинаціи, на основаніи котораго только крупные земельные собственники имѣли право производить и продавать водку. Между тѣмъ мелкая собственность была въ либеральную эру совсѣмъ лишена всякихъ законныхъ охранительныхъ мѣръ и всякихъ экономическихъ, вспомогательныхъ институцій. Крестьянинъ не имѣлъ гипотечнаго кредита для улучшенія своего хозяйства, потому что для его земель не было ни земельныхъ книгъ, закрѣпляющихъ и упорядочивающихъ право собственности, ни

земельной краевой метрики (Tabula). Повышеніе цѣнъ земельныхъ продуктовъ не помогло крестьянину, потому что у него нечего было продавать, а повышеніе цѣны водки могло только ускорить его разореніе. Прежній патримоніальный (барщинный) порядокъ воспрещалъ евреямъ селиться въ деревняхъ и давать крѣпостнымъ деньги взаймы; либеральная эра дала евреямъ равноправіе, а затѣмъ прямо толкнула ихъ на дорогу эксплуатаціи крестьянъ при помощи кабаковъ и ростовщичества. Въ прежнее время крестьянинъ не могъ ни дѣлить, ни продавать своей земли, и только негласно, окольнымъ путемъ, могъ обойти это запрещеніе. Только 1868 годъ принесъ сеймовый законъ, допускающій неограниченный раздѣлъ земель и—какъ pendant къ нему—второй законъ, устраняющій ограниченія процента и дающій полную свободу ростовщичеству. Съ этихъ поръ не только сами крестьяне начинаютъ продавать свои земли, но также суды начинаютъ пускать послѣднія въ аукціонную продажу. Либеральная эра, какъ видимъ, ломаетъ и ниспровергаетъ то, чѣмъ прежній порядокъ обезпечивалъ стойкость общественнаго устройства.

Но это не все. Конституціонный и автономный строй въ нашемъ краѣ и вообще въ Австріи съ 1860 года былъ основанъ преимущественно на крупной земельной собственности и надѣлилъ ее кромѣ упомянутыхъ уже историческихъ еще значительными политическими привилегіями. Этотъ строй засталъ у насъ и санкціонировалъ на дальнѣйшее время административное раздѣленіе между крупной и мелкой собственностью, между деревенскими „громадами“ (общинами) и „дворовыми обшарами“ (помѣстьями). Начало этого раздѣленія коренится въ барщинныхъ отношеніяхъ и въ томъ взаимномъ антагонизмѣ между „дворами“ и „хатами“ (крестьянскими избами), который остался послѣ внезапнаго разрыва этихъ отношеній. Какъ-будто для обостренія этого антагонизма, но въ дѣйствительности въ силу временной необходимости правительство до 1855 г. заставило дворы отправлять патримоніальное судопроизводство надъ крестьянами и всѣ административныя и полицейскія функціи низшаго разряда. Только въ этомъ году всѣ эти функціи были переданы вновь устроеннымъ уѣзднымъ управленіямъ (Bezirke), а дворамъ былъ предложенъ вопросъ, хотятъ ли они присоединиться къ громадамъ, или предпочитаютъ остаться особо. Почти всѣ дворы, за очень немно-

гими исключеніями, заявили, что они не хотятъ присоединяться къ громадамъ. Поэтому изъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣній были устроены особыя административныя единицы, которыя такъ же, какъ и крестьянскія общины, непосредственно подлежатъ уѣзднымъ властямъ [1]).

На этомъ основалъ областной статутъ (1861 года) организацію областной автономіи, а законъ 2-го апрѣля 1873 г. также избирательную организацію въ парламентъ (Reichsrat). Соотвѣтственно съ этими двумя законами и выборы представителей края производятся такимъ образомъ, что каждый собственникъ бывшихъ доминикальныхъ земель, платящій опредѣленную сумму налоговъ, голосуетъ за депутата непосредственно въ особой куріи крупной собственности, а каждый собственникъ бывшей рустикальной земли, уплачивающій опредѣленную сумму налоговъ, имѣетъ право подавать голосъ только при избраніи выборщиковъ, которые сами избираютъ депутата отъ куріи мелкой собственности. Въ той же куріи мелкой собственности, непосредственно при выборахъ депутатовъ, участвуютъ тѣ собственники бывшихъ доминикальныхъ земель, которые владѣютъ слишкомъ мелкимъ участкомъ для того, чтобы быть допущенными къ подачѣ голосовъ въ куріи крупной собственности. Это такъ-называемые „вирилисты“.

Если мы эти отношенія политическаго устройства представимъ въ цифрахъ, то получимъ такую картину. Въ парламентъ посылаетъ Галиція 63 депутата, въ томъ числѣ 20 отъ куріи крупной собственности, а 27 отъ куріи деревенскихъ общинъ. Имѣющихъ право подавать голосъ въ куріи крупной собственности въ 1884 году было 2.235, а въ 1887—2.086. Слѣдовательно, одинъ депутатъ этой куріи былъ представленъ въ 1884 году — $111,_{75}$, а въ 1887 г.—104 голосами. Между тѣмъ въ куріи мелкой собственности, имѣющихъ право подачи голосовъ было въ 1884 г. 537,923, а въ 1887 г.—508,617 [1]). Слѣдовательно, на одного депутата приходилось въ 1884 году 19,823 и въ 1887 году—18,837 имѣющихъ право голоса. Это значитъ, что депутатъ отъ куріи мелкой собственности представлялъ въ 1884 г. въ $120,_5$, а въ 1887 году—въ $168,_{25}$ разъ больше гражданъ, имѣющихъ право голоса, чѣмъ депутатъ отъ

[1]) Wiadomosci Statystyczne o stosunkach krajowych. Lwow. 1878, ч. IV, ст. 24.

[2]) Тамъ же, ч. VIII, ст. 103—113.

куріи крупной собственности. Другими словами, это значитъ, что голосъ крупнаго земельнаго собственника на политическихъ вѣсахъ въ Галиціи вѣситъ въ полтораста разъ больше, чѣмъ голосъ одного, хотя бы и самаго зажиточнаго, крестьянина.

Еще рельефнѣе обрисуются указанныя отношенія, если вмѣсто имѣющихъ право подачи голоса единицъ, мы примемъ во вниманіе общее число жителей, коллективные интересы которыхъ въ парламентѣ должны представлять депутаты. По переписи 1880 года общее число душъ, принадлежащихъ къ куріи мелкой собственности, въ Галиціи было 5.521,827, а по нѣсколько болѣе раннимъ даннымъ, населеніе „двірських обшарів“ представлялось цифрой 207,945 [1]). Но такъ какъ изъ лицъ, жившихъ въ „двірських обшарах“ (помѣщичьихъ земляхъ), 6,271 подавали голоса въ куріи крестьянскихъ общинъ, то можно принять, что изъ всѣхъ лицъ, живущихъ на этихъ земляхъ, по крайней мѣрѣ 63,000 по своимъ интересамъ связаны съ куріей мелкой собственности. Такимъ образомъ, одинъ депутатъ отъ куріи крупной собственности представляетъ въ парламентъ интересы 7.247 лицъ, между тѣмъ, какъ одинъ депутатъ отъ куріи мелкой собственности представляетъ интересы 207,942 лицъ. Если бы мы наши политическія отношенія разсматривали съ точки зрѣнія популярнаго либеральнаго принципа—равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ,—то пришли бы къ выводу, что каждому гражданину въ „двірському обшарі“ (кромѣ упомянутыхъ выше 63,000) предоставлено въ $28,_{75}$ разъ больше правъ, нежели гражданину, живущему въ деревенской общинѣ.

Таково же, какъ при выборахъ въ парламентъ, положеніе и при выборахъ въ областной сеймъ. Изъ 151 депутата избираютъ „двірські обшари“ 44, а деревенскія общины 74. Выходитъ, что одинъ депутатъ изъ куріи крупной собственности представляетъ 5,075 избирателей, а одинъ депутатъ изъ куріи мелкой собственности представляетъ ихъ 7,629. Одинъ депутатъ изъ группы „двірських обшарів“ представляетъ интересы 3,294 лицъ, а одинъ депутатъ изъ группы деревенскихъ громадъ—интересы $75.870,_5$ лицъ.

Изъ этого видно, какія громадныя преимущества въ политическихъ правахъ имѣетъ крупная собственность въ

[1]) Тамъ же, т. VII, ст. 103.

сравненіи съ мелкой. Исторія нашей автономной жизни—это непрестанная борьба привилегированныхъ съ непривилегированными,—борьба почти всегда безуспѣшная для послѣднихъ. Для того, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить важность и послѣдствія этой борьбы, остановимся на цифрахъ, освѣщающихъ экономическое положеніе обѣихъ борющихся стихій.

Все пространство Галиціи по послѣднему кадастру, произведенному въ 1881 году, обнимаетъ 18.640,554 морга, или 1.354 квадратныхъ мили, 4.554 кв. саженъ. Въ это число входитъ 6.600,778 морговъ пахоты, 3.521,978 морговъ лѣса, 1.248,317 морговъ пастбищъ, 1.540,302 морга сѣнокоса, 193,138 морговъ огорода, 53,361 морговъ горныхъ пастбищъ („полонин"), 37,706 морговъ прудовъ и озеръ и, наконецъ, 447,944 морга такъ-называемыхъ „неужитків", а именно рѣкъ, болотъ, пустыхъ песковъ, дорогъ и т. п. (Тамъ же, т. VI, ст. 136—137). Но это послѣднее измѣреніе не даетъ намъ данныхъ, указывающихъ, какая часть того или иного пространства принадлежитъ крупной, а какая—мелкой собственности, и потому я принужденъ пользоваться данными, собранными въ 1875 г. галицкими цесарско-королевскими (они въ сущности исключительно польскія) сельскохозяйственными Обществами во Львовѣ и въ Краковѣ. Эти данныя, какъ увидитъ читатель, немногимъ отличаются отъ вышеприведенныхъ данныхъ кадастральнаго измѣренія. По этимъ даннымъ крупная собственность въ 1875 году обнимала 1.584,850 морговъ пахоты, 374,416 морговъ сѣнокоса, 299,848 м. пастбищъ, 3.290,060 м. лѣса, 4.254,235 м. „прочихъ земель", къ которымъ, какъ пишетъ д-ръ Рутовскій, „по ошибкѣ причислены фруктовые сады, огороды и парки". На мелкую собственность приходилось 4.654,242 морга пахоты, 1.229,163 м. сѣнокоса, 1.036,756 м. пастбищъ, 383,091 м. лѣса и 522,730 м. другихъ земель. Вмѣстѣ вся крупная собственность обнимала пространство 5.773,000 м., или $42,_{36}\%$ всего пространства Галиціи, а мелкая—7.855,992, или $57,_{64}\%$ [1]).

До сихъ поръ я употреблялъ принятые у насъ термины „крупная" и „мелкая" собственность, но эти термины нужно принимать не совсѣмъ буквально. Мы видѣли уже, что немало владѣльцевъ такъ-называемой крупной, ранѣе доминикальной, собственности подаютъ голоса вмѣстѣ съ вы-

[1]) D-r. Tadeusz Rutowski. Rocznik statystyki Galicyi, 1886, ср. также Wiadomosci statystyczne, т. III, ст. 113.

борщиками куріи мелкой собственности,—хотя и въ привилегированномъ положеніи такъ-называемыхъ вирилистовъ. Съ другой стороны, у насъ имѣется немалое число мелкихъ собственниковъ, имѣнія которыхъ по своимъ размѣрамъ равны или даже выше низшей категоріи крупной собственности, такъ что экономическая грань между крупной и мелкой собственностью кое-гдѣ затирается. Такъ, одна часть имѣній, прежде доминикальныхъ, раздробилась до такой степени, что при выборахъ 1876 г. насчитано 1,153 собственника доминикальныхъ земель, которые уплачивали налоговъ вмѣстѣ съ добавками менѣе 100 гульденовъ и поэтому, какъ вирилисты, подавали голоса вмѣстѣ съ избирателями деревенской куріи. Въ 1883 году такихъ избирателей было уже 1,935, значитъ, почти на 68% болѣе. Кромѣ того, нужно замѣтить, что, вслѣдствіе повышенія земельнаго налога извѣстное число вирилистовъ получило право подачи голосовъ въ куріи крупной собственности; такихъ, болѣе зажиточныхъ, нашлось около 150.

Но, параллельно съ этимъ, нѣкоторая часть рустикальныхъ имуществъ доходитъ до объема 50—100 морговъ. Покойный украинскій статистикъ Владимиръ Навроцкій устанавливаетъ, на основаніи кадастра владѣній, въ группѣ 1859 года, общее число средней земельной собственности размѣромъ 50—300 морговъ въ 8,671, изъ этого числа 5,736 владѣній падало на рустикальную, а 2,935—на доминикальную, или такъ-называемую табулярную собственность. Понятно, что съ этого времени и раздробленіе крупныхъ владѣній вслѣдствіе парцелляціонной политики и, съ другой стороны, консолидація мелкихъ имуществъ въ болѣе значительные комплекты должна была прогрессировать очень значительно, но, къ сожалѣнію, для изученія этого въ высшей степени интереснаго процесса мы въ нашей офиціальной статистикѣ не находимъ почти никакихъ данныхъ [1]). **Др. Ив. Франко.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Только послѣднія десятилѣтія, начиная съ 1889 г., вызвали болѣе интенсивное парцелляціонное движеніе въ Галиціи и обратили на него вниманіе правительственныхъ и близкихъ къ нимъ круговъ. Это проявилось не только во множествѣ случайныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей и дебатахъ на съѣздахъ и въ разныхъ Обществахъ, но также и въ практическихъ мѣропріятіяхъ, какъ организація парцелляціоннаго банка, при поддержкѣ центральнаго автономнаго учрежденія въ Галиціи, такъ-называемаго Wydziału Krajowego и его главнаго финансоваго агента Banku Krajowego.

Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій и украинство

(Къ 30-лѣтію со дня смерти его).

13-го января текущаго года исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти хорошо извѣстнаго въ области юридической науки профессора уголовнаго права въ университетѣ св. Владиміра Александра Ѳедоровича Кистяковскаго. Не менѣе памятна личность его и въ широкихъ кругахъ русской общественности, такъ какъ А. Ѳ. Кистяковскій, будучи строго академичнымъ ученымъ, не только не чуждался живыхъ общественныхъ теченій, но всегда интересовался ими и принималъ въ нихъ извѣстную долю участія, никогда, впрочемъ, не стараясь афишировать себя и нисколько не заботясь объ „игрѣ на популярность". Еще болѣе, казалось бы, должно храниться воспоминаній объ А. Ѳ. Кистяковскомъ въ украинскихъ кругахъ, такъ какъ и студенческіе годы его жизни, и продолжительный періодъ профессорской его дѣятельности прошли въ Кіевѣ, въ этомъ центрѣ украинской интеллигенціи, а въ промежуткѣ, въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1859—62 гг.), ему пришлось прожить въ Петроградѣ, какъ-разъ, значитъ, въ тотъ періодъ, когда украинское теченіе рѣзко обозначалось среди южанъ, жившихъ въ столицѣ, и выразилось въ изданіи журнала „Основа" и разныхъ мелкихъ книжечекъ на украинскомъ языкѣ (такъ-называемыхъ „метеликів"). И дѣйствительно, А. Ѳ. Кистяковскій не только не проходилъ мимо этихъ украинскихъ теченій, но иногда очень тѣсно былъ связанъ съ ними,—однако имя его не фигурируетъ даже у С. Н. Щеголова въ его книгѣ „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма", а ужъ на что авторъ этой книги старался изучить все украинское движеніе, прибѣгая не только къ литературнымъ, но и къ агентурнымъ даннымъ, благодаря чему, сказать мимоходомъ, очень много фактовъ въ его разсказахъ искажено.

Объясняется это умолчаніе объ А. Ѳ. Кистяковскомъ, какъ человѣкѣ, примыкавшемъ къ украинскимъ теченіямъ, вышеуказанной чертой въ характерѣ его—дѣлать дѣло, не афишируя себя. Лучшимъ доказательствомъ такой скромности А. Ѳ—ча служитъ фактъ, уже опубликованный въ печати: въ половинѣ 1861 года онъ вступилъ въ составъ редакціи журнала „Основа“ въ качествѣ помощника главнаго редактора, и между тѣмъ имя его не было нигдѣ опубликовано, равно какъ и многія статьи его не были подписаны, даже такая, какъ „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи“ (1862 г., № 1), была подписана только „—кій“ [1]). Въ періодъ своей жизни въ Кіевѣ въ качествѣ профессора университета А. Ѳ. Кистяковскій, работая почти исключительно по своей научной спеціальности и ведя кабинетную жизнь, не могъ принимать активнаго участія въ дѣлахъ общественныхъ, требующихъ большой затраты времени, но, какъ человѣкъ съ чуткой, хорошей душой, не оставался онъ чуждымъ всего того, что въ той или иной мѣрѣ всплывало на волнахъ общественныхъ теченій. Объ этой сторонѣ его жизни было уже не разъ сказано въ печати, и я, не собираясь дѣлать полной характеристики личности близкаго моему сердцу человѣка, не буду подводить итоговъ сказанному, а только теперь, когда исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти его, т.-е. когда истекъ срокъ, въ который, какъ думалъ Щедринъ, факты становятся уже принадлежащими с т а р и нѣ, а не современности, хочу раскрыть нѣсколько страничекъ въ жизни его,—страничекъ, исключительно касающихся его участія въ дѣлахъ украинскихъ въ періодъ 70-хъ и 80-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Личное знакомство мое съ А. Ѳ. Кистяковскимъ относится къ началу 70-хъ годовъ, т.-е. къ тому времени, когда онъ, возвратившись изъ трехлѣтней заграничной командировки въ 1873 году, поселился опять въ Кіевѣ, а я, въ томъ же году окончивъ университетъ, сталъ учительствовать во 2-й гимназіи, въ которую послѣдовательно поступали учениками всѣ шесть сыновей его. Въ эти годы въ Кіевѣ существовала и очень энергично работала группа

[1]) Факты эти сообщены были мною въ „Кіевск. Стар.“, 1895 г., № 1, въ статьѣ біографической о немъ со словъ А. М. Лазаревскаго.

украинской интеллигенціи, образовавшая негласное Общество подъ названіемъ „Громада“. Работа „громадян“ главнымъ образомъ состояла въ созданіи инціативъ въ дѣлѣ изученія украинской народности и въ поддержаніи всѣхъ научныхъ и литературныхъ предпріятій въ этомъ направленіи. Благодаря такому характеру дѣятельности, громадяне не только, такъ сказать, варились въ собственномъ соку, но постоянно входили въ сношенія съ большимъ количествомъ лицъ, органически не примыкавшихъ къ „Громадѣ“. Въ другое время я надѣюсь разсказать подробнѣе о характерѣ дѣятельности „Громады“; теперь же я упомянулъ о ней только для того, чтобы яснѣе сталъ мой послѣдующій разсказъ.

Отчетливо помню, что А. Ѳ. Кистяковскій къ „Громадѣ“ не принадлежалъ до начала 80-хъ годовъ, хотя несомнѣнно онъ зналъ о существованіи ея и были знакомы съ нимъ лично почти всѣ громадяне. Не принадлежа къ „Громадѣ“, онъ однако былъ связанъ съ нами цѣлымъ рядомъ предпріятій, въ которыхъ главными дѣятелями были громадяне: участіе въ юго-западномъ отдѣлѣ Императ. Географич. Общества, пока онъ не былъ закрытъ въ 1876 году; частое присутствіе на такъ-называемыхъ словарныхъ засѣданіяхъ, которыя еженедѣльно созывались у кого-нибудь на квартирѣ для работъ по составленію украинскаго словаря, но которыя обратились очень скоро во что-то въ родѣ журфиксныхъ вечеровъ, куда приходило большинство негромадянъ и совсѣмъ не для работы словарной, а для пріятной бесѣды о текущихъ общественныхъ вопросахъ. Кромѣ того, былъ рядъ такихъ предпріятій, какъ изданія книгъ, по-украински или объ Украинѣ написанныхъ; для такихъ дѣлъ нужны были болѣе сильныя средства, и тогда матеріальное участіе въ нихъ принимали не только громадяне, но и сей, такъ называвшійся у насъ „суголосний грунтъ“, т.-е. сочувствующій элементъ. И вотъ, повторяю, обо всѣхъ этихъ дѣлахъ зналъ А. Ѳ. Кистяковскій, ко всѣмъ имъ въ томъ или иномъ видѣ примыкалъ, но органически не входилъ въ „Громаду“ сравнительно очень долго, несмотря на то, что близкіе ему люди, и даже родственники, П. П. Чубинскій и В. Б. Антоновичъ, можно сказать, основные столпы „Громады“, имѣли съ нимъ постоянныя связи и отношенія. Въ этотъ періодъ, такъ сказать, внѣгромадскій А. Ѳ—чъ время-отъ-времени устраи-

валъ у себя вечера, носившіе всегда опредѣленный характеръ національнаго украинскаго отпечатка; тутъ собирались всѣ почти громадяне, но большинство составляли люди, только сочувственно относившіеся къ украинскому движенію. Такіе вечера устраивалъ у себя Ал. Ѳ—чъ или по случаю пріѣзда въ Кіевъ кого-нибудь изъ интересныхъ въ національномъ украинскомъ дѣлѣ лицъ, какъ, напримѣръ, труппы Кропивницкаго, или по поводу домашняго украинскаго спектакля, поставленнаго у него въ домѣ молодежью, по преимуществу дѣтьми самого же А. Ѳ—ча и ихъ товарищами. Всѣ эти вечера проходили съ большимъ оживленіемъ, особенно въ застольныхъ рѣчахъ во время ужина.

Послѣ тяжелыхъ для украинства годовъ, послѣ 1876 года, когда вся почти легальная работа „Громады“ была закрыта извѣстнымъ закономъ 18-го мая и когда въ жизни самой „Громады“ произошли повороты въ направленіи значительнаго сокращенія ея членовъ, собранія громадскія приняли характеръ совсѣмъ интимныхъ бесѣдъ болѣе близко сжившихся другъ съ другомъ людей. Живо помню, когда на одно такое собраніе, кажется, въ 1882 году, происходившее вечеромъ въ квартирѣ В. Б. Антоновича, часовъ около 10 вечера явился А. Ѳ—чъ и, хотя въ передней уже замѣтилъ, что у его родича какое-то собраніе, прямо вошелъ въ залу, гдѣ всѣ мы засѣдали, поздоровался со всѣми, такъ какъ были личные его знакомые, и заявилъ: „Ну, что-жъ, господа! Вы здѣсь обсуждаете свои дѣла,—пріймите и меня въ свою компанію“.

Несмотря на то, что пріемъ въ „Громаду“ новыхъ членовъ былъ обставленъ довольно большой осторожностью, ни у кого изъ насъ и въ мысляхъ не шевельнулось возражать,—напротивъ, каждый почувствовалъ въ этой прямотѣ и простотѣ ту сердечность, которая служитъ лучшей гарантіей вполнѣ хорошаго собрата въ какомъ-нибудь дѣлѣ. Сразу же мы стали продолжать обсужденіе нашихъ вопросовъ дня, сразу же принялъ въ нихъ горячее участіе и А. Ѳ—чъ, и съ этого вечера „Громада“ пріобрѣла неожиданно для себя новаго сочлена, которымъ въ правѣ была гордиться всегда и вездѣ.

Такое пріобщеніе А. Ѳ. Кистяковскаго къ организаціи тѣмъ болѣе было дорого для всѣхъ насъ, что не одинъ разъ уже мы имѣли случай убѣдиться въ его не только

романтическомъ увлеченіи національнымъ дѣломъ, но и вполнѣ идейномъ. Благодаря своей авторитетности въ глазахъ администраціи, благодаря своей тактичности и въ то же время прямотѣ А. Ѳ. Кистяковскій во многихъ случаяхъ являлся устроителемъ такихъ ходовъ по дѣламъ украинскимъ, которые едва ли кому-нибудь другому были доступны. И дѣлалось это имъ по собственному почину еще въ тѣ годы, когда онъ не былъ громадяниномъ. Считаю долгомъ разсказать теперь объ одномъ такомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1880 году.

Когда началась лорисъ-меликовская весна, вопросъ украинскій былъ затянутъ къ тому времени крѣпкимъ узломъ. Достаточно сказать, что Кіевъ уже нѣсколько лѣтъ не слышалъ въ концертѣ даже украинской пѣсни. Вотъ въ это-то время, съ назначеніемъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи сенаторскихъ ревизій, пріѣзжаетъ въ Кіевъ сенаторъ Половцевъ, который для цѣлей ревизіи пожелалъ познакомиться съ разными общественными представителями Кіева, и въ томъ числѣ знакомство это состоялось и съ А. Ѳ. Кистяковскимъ. Когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ началось это знакомство, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что первымъ результатомъ его для украинскаго вопроса была подготовка почвы у ревизующаго сенатора для того, чтобы просить его разрѣшить концертъ съ украинскимъ хоромъ въ пользу Общества дневныхъ пріютовъ для дѣтей рабочаго класса, предсѣдательницей котораго была жена А. Ѳ—ча. Когда почва была подготовлена, въ качествѣ офиціальныхъ депутатокъ отъ „Общества“ отправились къ Половцеву двѣ дамы и вскорѣ получили разрѣшеніе на устройство такого концерта. Какъ ни ничтожнымъ можетъ казаться это завоеваніе, но я живо помню, съ какимъ одушевленіемъ, съ какой непритворной радостью встрѣтила многочисленная публика этотъ концертъ въ залѣ кіевской биржи, какимъ праздничнымъ настроеніемъ вѣяло отъ всѣхъ,—и отъ устроителей концерта, и отъ исполнителей, и отъ слушателей. Многіе ли знали тогда, что первоисточникомъ этой радости былъ А. Ѳ. Кистяковскій?

Въ связи съ этой сенаторской ревизіей Половцева находится и еще одинъ случай выступленія А. Ѳ. Кистяковскаго въ защиту украинскаго вопроса. Очевидно, въ бесѣдахъ своихъ съ сенаторомъ Половцевымъ А. Ѳ—чъ настолько

заинтересовалъ его современнымъ положеніемъ украинскаго вопроса, что сенаторъ рѣшилъ ознакомиться съ нимъ не только изъ официальныхъ источниковъ, но и путемъ непосредственнаго знакомства съ мнѣніями и взглядами людей, причастныхъ къ самому движенію. Рѣшено было между ними, что А. Ѳ—чъ устроитъ у себя вечеръ, на который будутъ приглашены знакомые ему люди, такъ или иначе связанные съ украинствомъ, а также состоявшій при ревизующемъ сенаторѣ чиновникъ Ш—ій, при этомъ не было тутъ никакой игры въ прятки, не придано было этому вечеру характера случайнаго собранія, но каждый шелъ туда, зная цѣль и приблизительное содержаніе вечера. Было это въ началѣ 1881 года, точно не помню срока, но во всякомъ случаѣ до 1-го марта. На вечерѣ этомъ присутствовало не менѣе 40 душъ. Бесѣда шла довольно оживленная, а результатомъ ея была просьба Ш—аго, если возможно, составить памятную записку главнымъ образомъ о необходимости національзаціи школы на Украинѣ, каковая записка и можетъ послужить матеріаломъ для заключенія по этому вопросу въ докладѣ о сенаторской ревизіи. Тутъ же намѣчена комиссія изъ нѣсколькихъ лицъ, на которую и возложена была обязанность составить такую памятную записку. Въ комиссію вошли, кромѣ пишущаго эти строки, И. И. Ничипоренко, бывшій тогда директоромъ коллегіи Павла Галагана, и профессоръ университета Н. П. Дашкевичъ. Комиссія собиралась раза три, не болѣе, такъ какъ рѣшено было, что комиссіоннымъ способомъ нужно выработать только подробную программу, а затѣмъ текстъ самой записки долженъ быть составленъ мною. Вскорѣ затѣмъ разразившаяся катастрофа 1-го марта сразу ослабила настроеніе наше, но все-же еще мы жили надеждами на ожидавшійся разсвѣтъ, и комиссія разработала всю программу. Однажды, какъ теперь помню, въ прекрасный день ранней весны (должно быть, въ прѣлѣ мѣсяцѣ) мы встрѣтились у А. Ѳ. Кистяковскаго съ Ш—имъ и, гуляя съ нимъ въ садикѣ хозяина, заговорили о злобахъ дня, причемъ я высказалъ сомнѣніе въ томъ, нужна ли теперь та памятная записка, о которой была рѣчь раньше. Съ нѣкоторой нерѣшительностью Ш—ій все-же сказалъ, что онъ надѣется на благопріятный исходъ, и потому просилъ записку изготовить и прислать ему.

Но вотъ наступилъ конецъ апрѣля, весна въ природѣ

вошла въ полную свою силу, а весна общественная была ликвидирована совсѣмъ. Ни о какой запискѣ больше и разговора не было, никто о ней мнѣ больше не напоминалъ,—такъ и осталась она въ недоконченномъ видѣ лежать въ моемъ портфелѣ, какъ памятка о пережитыхъ бодрыхъ дняхъ, съ которою у меня всегда соединяется благодарная память и объ А. Ѳ. Кистяковскомъ, какъ виновникѣ этого бодраго настроенія.

В. Науменко.

Михайло Павлыкъ.

(Некрологъ).

Среди раскатовъ военной грозы, съ такой ужасной силой разразившейся надъ его бѣдной родиной, сошелъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей Галичины — Михайло Павлыкъ, скончавшійся 13 января во Львовѣ. Несмотря на то, что онъ, въ сущности, давно уже стоялъ въ сторонѣ отъ текущей политики и лишь по временамъ только откликался на злобу дня, его смерть несомнѣнно при обычномъ теченіи жизни нашла бы сильный откликъ въ широкихъ кругахъ украинскаго общества,—и не только въ его родной Галичинѣ: слишкомъ ужъ тѣсно связано его имя съ тѣмъ направленіемъ галицко-украинской жизни, которое возникло въ срединѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, главнымъ образомъ подъ идейнымъ вліяніемъ М. П. Драгоманова и получило названіе радикализма, направленіемъ, пробудившимъ впервые національное и политическое самосознаніе въ широкихъ массахъ галицкаго крестьянства и утвердившаго на галицкой почвѣ лозунги и стремленія европейской демократіи. Теперь, когда Галичина служитъ ареной борьбы милліонныхъ армій и нормальная жизнь въ ней замерла, о самомъ фактѣ кончины Павлыка мы узнали изъ „Прикарпатской Руси“, посвятившей своему политическому противнику некрологъ, дышащій уваженіемъ къ личности покойнаго и отдающій дань его высокимъ душевнымъ качествамъ: неподкупной честности убѣжденій, горячей любви къ родному народу и рѣдкой чистотѣ души. И эта похвала изъ устъ „Прикарпатской Руси“, нисколько не грѣшившей до сихъ поръ рыцарскими доблестями, сама по себѣ уже много говоритъ. Но если бы теперь, на ряду съ органомъ официальнаго москвофильства выходили во Львовѣ прежнія украинскія изданія, они бы многое поразсказали объ этой жизни, цѣликомъ отданной на служеніе идеѣ, объ этомъ чистомъ сердцѣ, которое такъ крѣпко билось за свой народъ, которое жило одной только думой о его счастьи...

Тернистъ былъ жизненный путь покойнаго Павлыка. Судьба не баловала его ни личнымъ счастьемъ, ни матеріальными благами, ни даже картинами крупнаго успѣха его личной дѣятельности, его личныхъ усилій. Его энергія и силы уходили цѣликомъ на повседневную будничную работу, мало замѣтную для сторонняго глаза. Изданіе ряда партійныхъ органовъ, писаніе брошюръ, изслѣдованій, воззваній, внутренняя организаціонная работа въ партіи—среди постоянныхъ преслѣдованій и крайней матеріальной необезпеченности,—на это ушли его лучшіе годы. Но когда на общественную арену выступило поколѣніе, воспитавшееся на его изданіяхъ, и повело свой народъ новыми путями къ завѣтной свѣтлой цѣли, онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать et quorum pars magna fui. Но онъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы приписывать себѣ иную роль, кромѣ роли скромнаго работника культуры, выравнивающаго путь для пришествія соціальной правды.

Михаилъ Ивановичъ Павлыкъ родился въ 1853 году въ селѣ Монастырскомъ подъ Косовомъ, въ самомъ сердцѣ Гуцульщины, въ бѣдной крестьянской семьѣ. Въ жилахъ его отца текла кровь давнихъ гуцульскихъ „опрышковъ", а острое чувство правды и соціальнаго равенства будущій дѣятель унаслѣдовалъ и отъ отца, и отъ дѣда по матери, также простого гуцула, но весьма развитого и высоко цѣнившаго просвѣщеніе. Онъ-то и настоялъ, чтобы внука отдали учиться въ гимназію. 14 лѣтъ служилъ отецъ Михайла въ солдатахъ и прошелъ тамъ суровую школу порядка и дисциплины, отъ чего характеръ его закалился, и потомъ въ семьѣ царилъ строгій духъ послушанія, хотя и основанный на чувствѣ справедливости. Михайла отдали сначала въ коссовское народное училище, потомъ въ гимназію въ Коломыю; окончилъ гимназію онъ во Львовѣ, гдѣ поступилъ и въ университетъ, въ 1873 году. Все время ученія въ гимназіи и въ университетѣ Павлыкъ зарабатывалъ на жизнь уроками. Въ университетѣ онъ сблизился съ такъ называемымъ „Академическимъ кружкомъ",—студенческимъ литературно-научнымъ обществомъ, придерживавшимся такъ называемаго москвофильскаго направленія и издававшимъ свой собственный органъ—„Другъ". Собственно говоря, москвофильство членовъ кружка было чисто платоническимъ, такъ какъ прежде всего, съ русской культурой, русской жизнью и даже русскимъ языкомъ они

были знакомы въ очень слабой степени; общественные взгляды ихъ были еще очень мало выработаны, а въ вопросахъ политическихъ разбирались они весьма слабо да и были къ нимъ довольно равнодушны. Съ другой стороны, имъ не могло импонировать и національное теченіе въ Галичинѣ, представлявшееся тогда народовцами, съ ихъ поверхностнымъ и формальнымъ націонализмомъ и равнодушіемъ къ соціально-экономическимъ нуждамъ народа. И вотъ въ 1875 г. въ „Другѣ“ появились послѣдовательно три статьи М. П. Драгоманова, писанныя на русскомъ языкѣ („Другъ“ издавался на какомъ-то смѣшанномъ „язычіи“, представлявшемъ нѣчто среднее между языками: русскимъ, украинскимъ и церковно-славянскимъ). Въ этихъ статьяхъ Драгомановъ подвергъ самой жестокой критикѣ политическій индифферентизмъ галицкой молодежи, ея слабое разумѣніе національнаго вопроса, ея филистерство, и разъяснилъ, что „украинщина“—„это не только литература на народномъ языкѣ, т.-е. языкѣ большинства, это передача ему результатовъ міровой цивилизаціи, преимущественное, если не всецѣлое посвященіе интеллигенціи, которая могла воспитаться только потому, что народъ работаетъ, обливаясь потомъ, на службу этому народу, нравственную, политическую, соціально-экономическую съ цѣлью удалить отъ народа невѣжество, безправіе, эксплоатацію“ [1]). По мѣрѣ печатанія этихъ статей редакція „Друга“ пробовала полемизировать, но постепенно должна была сдаться по всей линіи, и результатомъ было то, что большая часть членовъ кружка подвергла полному пересмотру свою идейную программу и перешла открыто на сторону украинства, какъ прогрессивнаго направленія, въ формахъ котораго заключается общечеловѣческое идейное содержаніе. Выраженіемъ этого перелома въ міросозерцаніи молодежи былъ рефератъ Павлыка, прочитанный имъ лѣтомъ 1876 г., на вечерѣ въ память Маркіана Шашкевича. Въ этомъ рефератѣ Павлыкъ доказывалъ необходимость точнаго изученія народной жизни, съ цѣлью выясненія соціально-экономическихъ и духовныхъ ея нуждъ, а также необходимость для интеллигенціи реальной работы на пользу народа, въ духѣ соціалистическихъ идеаловъ. Павлыкъ, вмѣстѣ съ другимъ студентомъ—Иваномъ

[1]) М. Драгоманов, Листи до Ів. Франка, т. II, Львів, 1908, ст. 324-я.

Франкомъ (оба крестьянскіе сыновья), явился наиболѣе рьянымъ сторонникомъ новаго направленія. Онъ вступилъ въ непосредственную переписку съ Драгомановымъ и сдѣлался его вѣрнымъ послѣдователемъ и ученикомъ на всю жизнь, сохранивъ до конца дней своихъ трогательный піэтетъ къ памяти и духовному наслѣдію учителя.

Молодая душа искала живой, непосредственной дѣятельности, но первыя же попытки устной и печатной пропаганды вызвали страшный переполохъ среди заскорузлаго и консервативно настроеннаго галицкаго общества, и на головы молодыхъ „землетрясцевъ" посыпались всевозможныя преслѣдованія: аресты, обыски, конфискаціи, и все это безъ всякаго основанія съ точки зрѣнія конституціоннаго порядка, дѣйствовавшаго уже второй десятокъ лѣтъ. Власти, отражавшія взгляды клерикально-шляхетскаго правящаго класса, усмотрѣли въ публичномъ высказываніи соціалистическихъ идей непосредственную угрозу существующему строю и создали изъ одной-двухъ брошюръ дѣло первостепенной государственной важности. Но эта буря послужила лишь пробой для представителей новаго направленія, отвѣявъ все несерьезное и случайное въ ихъ средѣ и закаливъ остальныхъ первымъ страданіемъ за идею. Поддержанный украинцами изъ Россіи, Павлыкъ, съ своимъ ближайшимъ товарищемъ Франкомъ, началъ въ 1878 г. изданіе журнала „Громадський Другъ", популяризуя въ немъ такія страшныя для тогдашняго галицкаго общества понятія, какъ соціализмъ, дарвинизмъ, свободная критика, женская эмансипація, авторитетъ въ вопросахъ воспитанія и т. п. Но изданіе было скоро закрыто. Тогда Павлыкъ сталъ выпускать отдѣльные сборники „Дзвін", „Молот", въ которыхъ, между прочимъ, помѣстилъ рядъ своихъ повѣстей: „Юрко Куликів", „Ребенщукова Тетяна", „Пропащий чоловік" [1]). Въ первой изъ этихъ повѣстей авторъ выступаетъ противъ милитаризма, во второй—противъ принудительности въ вопросахъ брака, въ третьей—рисуетъ темныя стороны жизни духовенства. Въ этихъ повѣстяхъ авторъ обнаружилъ недюжинный талантъ, хотя и преслѣдовалъ цѣли болѣе публицистическія, чѣмъ художественныя. Съ точки зрѣнія теперешнихъ понятій онѣ не

[1]) Всѣ эти повѣсти были впослѣдствіи изданы отдѣльной книгой: Михайло Павликъ. Оповідання, Черновцы, 1909, ст. 212.

представляютъ ровно ничего „преступнаго“, но въ свое время онѣ дорого обошлись автору: оба сборника были конфискованы, Павлыкъ просидѣлъ 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ во время слѣдствія, былъ приговоренъ за „Тетяну Рябенщукову“ еще къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы и имѣлъ въ перспективѣ еще два процесса по поводу конфискованныхъ сборниковъ. Тогда Павлыкъ оставилъ Львовъ и бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ и прожилъ до 1882 г. въ Женевѣ, въ домѣ своего учителя и друга М. П. Драгоманова. Здѣсь окончательно сложились его убѣжденія и онъ навсегда посвятилъ себя дѣлу проповѣди новыхъ идей среди галицкаго общества. Университета кончить ему не пришлось, но зато онъ пріобрѣлъ гораздо больше путемъ самостоятельнаго чтенія и изученія различныхъ соціально-экономическихъ и общественныхъ вопросовъ подъ руководствомъ такого ментора, какъ М. П. Драгомановъ. Павлыкъ помогалъ Драгоманову въ его изданіи „Громада“, а кромѣ того сотрудничалъ въ выходившемъ въ Цюрихѣ подъ редакціей извѣстнаго „ревизіониста“ Эд. Бернштейна журналѣ Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik [1]).

Въ концѣ 1882 г. Павлыку удалось вернуться въ Галичину, гдѣ онъ и отсидѣлъ положенные ему сроки. Положеніе его было тяжелое. Репутація страшнаго „землетрясца“ не давала ему возможности хоть кое-какъ устроиться съ матеріальной стороны, а само русинское общество отворачивалось отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Но это не мѣшало ему всецѣло посвятить себя, въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими товарищами, дѣлу идейной проповѣди, такъ называемаго, радикализма, отлившагося на галицкой почвѣ въ организацію особой партіи подъ такимъ именно названіемъ. Подъ идейнымъ руководительствомъ Драгоманова, при моральной и матеріальной поддержкѣ изъ Украины россійской, партія сформировалась къ концу 80-хъ годовъ и обзавелась собственными органами: „Хліборобъ“, „Народ“, „Громадський Голосъ“, въ которыхъ Павлыкъ былъ редакторомъ и однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ. Имя Павлыка столь тѣсно связано съ этой „ради-

[1]) О женевской жизни Павлыка см. интересныя воспоминанія Л. Дейча въ „Вѣстникѣ Европы“, 1914, кн. VIII,—„Украинская и антирусская эмиграція“, гдѣ Дейчъ характеризуетъ Павлыка, какъ „одного изъ наиболѣе выдающихся по образованію и характеру приверженцевъ Драгоманова“ (см. 215-л.).

кальной" партіей, поставившей себѣ главной цѣлью политическое и соціально-экономическое развитіе трудовыхъ массъ галицко-украинскаго населенія и организацію политической борьбы за непосредственное улучшеніе условій ихъ жизни. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о характерѣ радикальной партіи и значеніи ея въ исторіи Галичины,—достаточно сказать, что она подготовила почву для всѣхъ тѣхъ удивительныхъ успѣховъ, которыхъ достигла общественная жизнь Галичины до настоящаго времени. Павлыкъ принималъ самое близкое участіе въ партіи вплоть до начала 900-хъ годовъ, когда фактически осуществилась партійная дифференціація общественныхъ группъ Галичины, и лѣвая фракція радикаловъ образовала соціалъ-демократическую партію, а правыя группы объединились съ націоналъ-демократами. Партія продолжала существовать и далѣе, но лучшія ея дни уже миновали. Постепенно Павлыкъ отходилъ въ сторону историко-литературныхъ интересовъ, хотя не переставалъ интересоваться своей партіей и на съѣздахъ часто фигурировалъ въ качествѣ почетнаго предсѣдателя. Въ 1904 году, по иниціативѣ партійныхъ товарищей Павлыка, торжественно былъ отпразднованъ во Львовѣ тридцатилѣтній юбилей его дѣятельности. На этотъ юбилей откликнулась молодежь и старые единомышленники Павлыка со всѣхъ концовъ украинской земли [1]). На этомъ юбилеѣ Павлыкъ, въ отвѣтъ на привѣтствія, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, изложилъ тѣ принципы, тѣ руководящія идеи, которыми одухотворяли его въ общественной работѣ; эти идеи—во-первыхъ, обязанность украинской интеллигенціи въ Галичинѣ посвятить всѣ свои силы на служеніе интересамъ крестьянской массы, какъ основы всего народа; вторая идея—борьба за женское равноправіе, и третья—искренность въ высказываніи своихъ убѣжденій, какъ необходимая основа свободы человѣческой мысли.

Еще въ періодъ наибольшаго оживленія своей общественной дѣятельности Павлыкъ находилъ время для литературныхъ занятій. Въ 1887 г. имъ была издана весьма важная и интересная работа „Про руcько-украінські народні читальні". Отойдя отъ участія въ политикѣ Павлыкъ посвятилъ себя всецѣло литературнымъ и научнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ редактируя и опубликовывая матеріалы,

[1]) См. изданіе „Юбилей 30-літньої діяльности Михайла Павлика (1879—1904)". У Львові, 1905, ст. 88.

относящіеся къ личности и дѣятельности горячо-любимаго его учителя М. П. Драгоманова. Изъ этихъ его работъ и изданій необходимо упомянуть слѣдующія: „Якуб Гаватович“, историко-литературное изслѣдованіе объ авторѣ украинскихъ интермедій нач. XVII в. (изд. въ 1900 г.); „Юбилей, смерт і автобіографія М. П. Драгоманова“ (1896); изданіе въ укр. пер. Дрепера „Історія боротьби між вірою і наукою“ (два изданія, 1898 и 1901); переводы: Ибсена—„Ворог народа“, Гауптмана—„Ткачі“, А. Толстого—„Князь Серебряный“, Реймонта—„Мужики“, Островскаго—„Гроза“, Л. Толстого—„Власть тьмы“; 4 тома фольклорныхъ работъ Драгоманова, изд. Науковымъ Т-вомъ им. Шевченка подъ редакціей Павлыка; 8 томовъ переписки Драгоманова и цѣлый рядъ монографій, брошюръ и статей, посвященныхъ Драгоманову и его дѣятельности.

До конца своихъ дней Павлыкъ не зналъ матеріальной обезпеченности и существовалъ на скудный заработокъ переводами и корректурой. Неоднократно приходили къ нему на помощь небольшими суммами земляки изъ россійской Украины, но всѣ присылаемыя ему деньги онъ, по большей части, тратилъ на изданіе какой-нибудь книжки или брошюры: его идеи были для него дороже жизненныхъ благъ и даже самой жизни.

М. Жученко.

БІБЛІОТЕКА НАУК. Т-ВА ІМ. ШЕВЧЕНКА У ЛЬВОВІ

Бѣлорусское возрожденіе.

I.

Приступая къ характеристикѣ и описанію бѣлорусскаго національнаго движенія, опредѣлимъ прежде всего соотношеніе между нимъ и общеевропейскимъ прогрессомъ. Основныя линіи этого послѣдняго обозначились твердо и ясно: именно, онѣ ведутъ въ сторону все болѣе и болѣе увеличивающагося дробленія культуръ вообще и литературъ въ частности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бѣглаго обзора цѣпи наиболѣе значительныхъ и выпуклыхъ фактовъ изъ исторіи европейскихъ культуръ.

Отступивъ отъ современной пестрой и многоязычной литературной жизни вглубь, ко временамъ средневѣковья, мы очутимся въ эпохѣ, когда единственнымъ крупнымъ орудіемъ духовной культуры въ области слова былъ латинскій языкъ, игравшій роль языка интернаціональнаго. Всякій нечуждый умственнымъ интересамъ человѣкъ, въ какой бы точкѣ Западной Европы онъ тогда ни жилъ, непремѣнно былъ съ нимъ знакомъ, такъ какъ знакомство это являлось необходимымъ условіемъ всяческаго образованія. Почти все, что писалось въ это время, писалось по-латыни. Итоги обширной литературы, возникшей такимъ путемъ, давно уже подведены и оказываются весьма многозначительными. Изъ нихъ видно, что несмотря на свою разработанность латинскій языкъ оказался пригоднымъ только лишь для научныхъ трудовъ; что же касается художественнаго творчества, то здѣсь въ теченіе цѣлыхъ столѣтій никакихъ истинныхъ цѣнностей не возникло.

Однако эти цѣнности сразу же начали создаваться, когда писатели (во главѣ съ Дантомъ) обратились къ народнымъ европейскимъ языкамъ,—итальянскому, французскому, нѣмецкому, англійскому, испанскому,—языкамъ грубымъ, необработаннымъ, но живымъ. Конечные результаты этого движенія на-лицо: единая для всѣхъ странъ, обще-

культурная литература исчезла, а ея мѣсто заняли основныя европейскія литературы, обозначившія областями своего распространенія границы нѣсколькихъ наиболѣе значительныхъ культуръ.

Однако описываемый процессъ на этомъ не только не остановился, но, неудержимо развиваясь, расширялъ и углублялъ свое русло и возросталъ, такъ сказать, не въ ариѳметической, а въ геометрической прогрессіи. Вслѣдъ за культурами крупнаго калибра на историческую сцену выступилъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ: португальская, голландская, румынская, чешская, ново-греческая, сербская, болгарская, фламандская, кельтская, финская, эстонская, литовская, латышская, грузинская, армянская, татарская и т. д. Это движеніе, докатившее свои волны до нашего времени, съ каждымъ годомъ все болѣе растетъ, крѣпнетъ и, расширяя сферу своего вліянія, захватываетъ даже такія народности, какъ чуваши, черемисы, эскимосы и т. п.

Параллельно этому идетъ второй, столь же оживленный процессъ, а именно процессъ дробленія культуръ. Одни разносоставные культурные массивы прямо расползаются по шву, примѣромъ чего является обособленіе трехъ скандинавскихъ культуръ, издавна слившихся, но не слившихся въ одно цѣлое. Отъ другихъ отслаиваются болѣе мелкія, близкія къ нимъ по происхожденію, но все-же не тожественныя съ ними національно-культурныя единицы. Особенно ярко и ощутительно ознаменовалъ себя этотъ фактъ, разумѣется, въ области словеснаго творчества. Въ Италіи возникаютъ художественныя произведенія на всѣхъ ея пятнадцати языкахъ, отъ французской литературы откалывается провансальская, отъ испанской — каталонская, отъ чешской—словацкая, сербской—словинская, польской—кашубская, голландской — фризская, отъ русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконецъ, бѣлорусская [1]). Такимъ образомъ, передъ нами въ лицѣ этой послѣдней находится не монстръ, не раритетъ, не уникумъ, а глубоко

[1]) Напомнимъ, что бѣлоруссы сплошной массой заселяютъ всю Могилевскую губернію, Минскую (кромѣ Мозырскаго уѣзда), сѣверную часть Гродненской, восточную—Виленской, всю Витебскую губ., кромѣ ея верхняго угла, сѣверную часть Черниговской (уѣзды Мглинскій, Суражскій, Новозыбковскій и Стародубскій), а также прилегающіе ко всей этой области части губерній Сувалкской, Ковенской, Смоленской. Бѣлорусское населеніе этой территоріи исчисляется 8 милліонами.

жизненное явленіе, находящееся въ руслѣ общеевропейскаго прогресса. Присмотримся же ближе къ ея прошлому и настоящему.

Бѣгло выбирая и суммируя факты, по своей общепризнанности спору не подлежащіе, мы убѣждаемся, что бѣлорусская культура отнюдь не является простымъ варіантомъ культуры великорусской. Наоборотъ, въ ихъ лицѣ передъ нами находятся два самостоятельныхъ культурныхъ комплекса, съ самаго же начала росшихъ и развивавшихся независимо другъ отъ друга. Разнясь между собою и по бытовымъ первоосновамъ, и по вліяніямъ, направленнымъ извнѣ, и по событіямъ дальнѣйшей исторической жизни, они, естественно, пришли къ далеко не тожественнымъ конечнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что уже къ концу XIII ст. (по авторитетному свидѣтельству проф. Карскаго) бѣлорусская народность выступаетъ сформировавшейся въ своихъ основныхъ чертахъ, опередивъ въ этомъ отношеніи народность великорусскую, которая, такимъ образомъ, не могла вліять на процессъ возникновенія ея. Отсутствіе экономическихъ скрѣпъ между ними, географическія условія, изолировавшія Бѣлоруссію отъ сѣверо-восточныхъ земель,—все это оставляло еще меньше мѣста для какого-либо взаимодѣйствія. Наконецъ, въ томъ же XIII вѣкѣ подошли они и къ государственному распутью, что еще рѣзче обособило ихъ: Бѣлоруссія цѣликомъ оказалась въ границахъ в. к. литовскаго, а великорусскія области сгруппировались вокругъ Москвы. Съ этого времени жизнь обоихъ данныхъ народовъ, равно какъ и историческія судьбы ихъ надолго утрачиваютъ всякую общность.

Что касается великорусскаго народа, то ходъ его развитія общеизвѣстенъ. Ассимилировавъ массу финскихъ племенъ, усвоивъ ихъ приспособленный къ окружающимъ условіямъ бытовой укладъ и, слѣдовательно, отклонившись отъ исконнаго славянства какъ антропологически, такъ и культурно, онъ въ довершеніе всего пережилъ эпоху татарщины и оказался почти совершенно отрѣзаннымъ отъ Западной Европы.

Судьбы Бѣлоруссіи сложились иначе. Войдя полностью въ составъ в. к. литовскаго, она ощутительно перетянула тяжестью своей культуры на вѣсахъ исторіи Литву и, пріі-

обрѣтя надъ ней пріоритетъ, продолжала развиваться на своихъ древне-славянскихъ корняхъ. „Писаръ земски (т.-е. государственный канцлеръ) маеть по-руску (т.-е. по-бѣлорусски) литерами и словы рускими вси выписы, листы и позвы писати, а не иншимъ езыкомъ и словы“,—гласила знаменитая фраза тогдашняго закона (статутъ 1588), а это значило, что государственная жизнь в. л. литовскаго должна была проявляться въ бѣлорусскихъ національныхъ формахъ. На бѣлорусскомъ языкѣ творился судъ, по-бѣлорусски писались акты и грамоты, велись сношенія съ иностранными государствами, бѣлорусскій же языкъ, наконецъ, являлся обиходнымъ для великаго князя и его придворныхъ. Но закрѣпленіе и развитіе старыхъ культурныхъ основъ являлось лишь одной стороной въ процессѣ поступательнаго движенія бѣлорусской національности. Быть можетъ, не менѣе крупное значеніе имѣло сближеніе ея съ Западной Европой, съ которой она издавна вела оживленныя сношенія, благодаря связямъ какъ географическимъ, такъ и экономическимъ. Это сближеніе тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить, что именно съ той поры въ выработкѣ бѣлорусской культуры участвуетъ не только сѣрая деревня, но и торговый городъ европейскаго типа,—городъ, организованный на основахъ магдебургскаго права. Онъ сдѣлалъ бѣлорусскую культуру болѣе красочной, многогранной, ввелъ ее въ оборотъ западно-европейской жизни и сталъ, такимъ образомъ, передовымъ форпостомъ Западной Европы на востокѣ.

Неудивительно поэтому, что въ эпоху Возрожденія общій умственный подъемъ, начавшійся на Западѣ, отразился и въ Бѣлоруссіи. Ключомъ забила тутъ жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая религіозная, національная и классовая борьба, организовывались братства, бывшія оплотомъ бѣлорусской народности, закладывались типографіи, учреждались школы съ неожиданно широкой по тому времени программой (въ нѣкоторыхъ преподавалось пять языковъ), возникали высшія учебныя заведенія (юридическая школа имени св. Яна, Полоцкая академія съ правами университета и т. д.). Все это придало широкій размахъ книгопечатанію, только-что успѣвшему сдѣлать въ Бѣлоруссіи нѣсколько первыхъ шаговъ. Основу ему положилъ одинъ изъ лучшихъ представителей нарождавшейся тогда бѣлорусской интеллигенціи, докторъ медицины и бакка-

лавръ „семи свободныхъ наукъ“ Францискъ Скорина изъ славнаго града Полоцка. Еще въ 1517—19 гг. Скорина издалъ въ Прагѣ чешской „бивлію зуполную“, переведя ее на бѣлорусскій языкъ, а затѣмъ съ 1625 г. началъ „выдавать“ свои „битыя“ книги въ самой Вильнѣ. Онъ, правда, не нашелъ себѣ непосредственныхъ преемниковъ, но когда лѣтъ черезъ 40—50 въ Бѣлоруссіи началось только-что описанное мощное движеніе, печатная бѣлорусская книга сыграла въ немъ свою роль. Въ различныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи заработали печатные станки, выбрасывая книги церковныя, полемическія, апологетическія, ученыя, учебныя [1]). Существеннымъ дополненіемъ къ „друкованой“ литературѣ явилась литература письменная, составъ которой былъ еще разнообразнѣе. Особаго упоминанія заслуживаютъ нѣкоторыя художественныя произведенія, каковы, напримѣръ, прекрасная повѣсть о Тристанѣ и Изольдѣ, видѣніе Тундала, сказаніе о Троѣ, длинный фантастическій разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ—Александрія и т. п. Параллельно этому шла созидательная работа и въ другихъ областяхъ духовной жизни: отмѣтимъ хотя бы полоцкія стѣнныя росписи кисти Сальватора Розы. Все это, взятое вмѣстѣ, выдвигало Бѣлоруссію на одно изъ первыхъ мѣстъ среди культурнаго славянства, ставя ее далеко впереди Московщины,—тогдашняго славянскаго захолустья, питавшагося, какъ чужеядное растеніе, духовными соками Бѣлой Руси.

Однако вслѣдъ за описаннымъ „золотымъ вѣкомъ“ въ исторіи бѣлорусской культуры начался періодъ упадка. Пограничнымъ камнемъ между ними является дата уничтоженія въ государственномъ оборотѣ в. к. литовскаго пользованія бѣлорусскимъ языкомъ и замѣна этого послѣдняго польскимъ [2]). Къ указанному времени, т.-е. къ концу XVI столѣтія, летаргія бѣлорусской національной жизни обозначилась вполнѣ ощутительно. Литовско-русское государство, съ 1569 г. связанное уніей съ Польшей, успѣло утратить львиную долю своей самостоятельности. Высшій и средній слой бѣлорусскаго дворянства очень быстро дена-

[1]) Отмѣтимъ среди нихъ Статутъ Великаго Княжества Литовскаго, изданный въ 1588 г. и являющійся капитальнѣйшимъ памятникомъ національнаго бѣлорусскаго права, выросшаго на основѣ юридическихъ началъ, заложенныхъ еще въ кіевскій періодъ русской исторіи.

[2]) Оформлено это было закономъ 1696 г.

ціонализировался. То же самое, хотя болѣе медленно и не въ столь рѣзкихъ формахъ, происходило среди мелкой шляхты и городского мѣщанства. Лишенный классовъ, крѣпкихъ экономически и культурно, придавленный крѣпостной зависимостью, бѣлорусскій народъ не только не могъ продолжать развитіе своей культуры, но не былъ въ состояніи даже просто сберечь уже добытое раньше. Лишь основные, первоначальные элементы культуры (въ родѣ языка, обычаевъ и т. п.) удержалъ онъ за собою, а все остальное, представлявшее собою, такъ сказать, „сливки“ его предыдущаго развитія, было ассимилировано, вобрано въ себя польской культурой и съ тѣхъ поръ фигурируетъ подъ польской этикеткой, будучи по существу бѣлорусскимъ.

Однимъ изъ наиболѣе печальныхъ проявленій указаннаго обнищанія бѣлорусской культуры, безспорно, слѣдуетъ признать почти полное исчезновеніе печатной книги на бѣлорусскомъ языкѣ. Однако этотъ языкъ, переставшій уже служить основою для культурнаго строительства въ Литовской Руси, все еще повсемѣстно господствовалъ въ домашнемъ обиходѣ многихъ слоевъ населенія, тяготѣвшихъ къ Польшѣ. Этимъ и объясняется широкое развитіе рукописной бѣлорусской литературы, идущее сплошь на протяженіи XVII, XVIII и отчасти XIX столѣтій. Характеръ она имѣла главнымъ образомъ чисто-практическій (лѣчебники и т. п.), хотя нерѣдки были и исключенія. Нѣсколько поддерживало бѣлорусскую культуру уніатское духовенство, такъ какъ унія была распространена почти исключительно среди простого народа и являлась въ краѣ какъ бы національной бѣлорусской религіей. Начиная съ конца XVIII столѣтія уніатскимъ духовенствомъ на бѣлорусскомъ языкѣ произносились проповѣди, издавались религіозныя пѣснопѣнія [1]) и т. п. Послѣднимъ проявленіемъ этой дѣятельности является изданный въ 1837 г. бѣлорусскій катехизисъ; черезъ два года произошло возсоединеніе уніатовъ, катехизисъ сожженъ, проповѣдь на бѣлорусскомъ языкѣ воспрещена.

Еще больше значенія въ тогдашней бѣлорусской словесности имѣютъ произведенія юмористическаго характера. Уже въ XVII вѣкѣ можно отмѣтить остроумное сатириче-

[1]) Изъ нихъ извѣстны сборничекъ „Kantyczka“, изд. въ 1774 г., и отдѣльныя стихотв. вещицы „Radujsia Boży narodzie“, „Nowa radaść stala“, „Caru Chryście miły“, „Każuć ludzi“ и проч., вышедшія въ 1771, 1778 и 1792 г.г.

ское письмо на политическія и бытовыя темы, исходившее якобы отъ извѣстнаго краснослова Мелешки и разошедшееся въ массѣ списковъ по всей Бѣлоруссіи. Съ этого же времени ведетъ свое начало цѣлый рядъ бѣлорусскихъ комедій, писавшихся профессорами риторики изъ мѣстныхъ коллегій, а то и самими учениками. Назовемъ, напр., ксендза Цецерскаго, автора ком. „Doctór przymuczony“ (1787 г.), его современника проф. риторики и поэзіи въ Забѣльской гимназіи К. Морашевскаго и проч. Живость бѣлорусской рѣчи—качество, весьма обычное въ произведеніяхъ этого рода. Наконецъ, въ половинѣ XVII же столѣтія появилась стихотворная сатира на протестантскаго пастора, написанная и напечатанная іезуитомъ. По-бѣлорусски въ ней говоритъ (и хорошо, замѣчу въ скобкахъ, говоритъ) крестьянинъ Seńko Náléwayko, пытающійся разобраться въ проповѣди пастора, переполненной греческими цитатами. Сатира эта [1]) была едва ли не первымъ бѣлорусскимъ стихотвореніемъ [2]). Она положила начало цѣлому ряду юмористическихъ стихотворныхъ вещицъ, обычно низкопробнаго достоинства, стремящихся къ тому же иной разъ посмѣяться не только на бѣлорусскомъ языкѣ, но и надъ бѣлорусскимъ языкомъ,—прекрасное мѣрило культурности мѣстнаго панства. Для образца укажемъ на плоское и написанное скверной рѣчью подражаніе „Энеидѣ“ Котляревскаго, принадлежащее перу смоленскаго помѣщика Ровинскаго (жилъ на рубежѣ XVIII—XIX стол., писалъ и по-русски). Наконецъ, къ послѣднимъ годамъ описываемаго періода намѣчается даже нѣкоторая радикально-демократическая струя. Объ ея наличности свидѣтельствуютъ, напр., трагическіе стихи крестьянскаго мальчика Петрука изъ-подъ Крошына, очень острая „Hutorka Nobilja z Rustikusom, abo szlahcica z chlopom“, хранящаяся въ бѣлорусскомъ виленскомъ (частномъ) музеѣ, и т. п. явленія. Но ихъ уже слѣдуетъ считать предвѣстниками новаго періода какъ въ исторіи края вообще, такъ и бѣлорусской литературы въ частности.

II.

Какъ извѣстно, присоединеніе къ Россіи первоначально не произвело рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни бѣлорусскаго

[1]) „Witanie ná Pierwszy Wiazd z Krolewca do Kadlubka Sáskiego Wileńskiego Ixa Herr. N. Lutermachra“, изд. въ Вильнѣ въ 1642 г.

[2]) Нѣсколько строкъ изъ Библіи Скорины, напоминающихъ собою стихи, я въ расчетъ не беру.

края. Нивеллированіе его, подгонка подъ общерусскій ранжиръ, отчетливо началось только съ сороковыхъ годовъ, когда было отмѣнено дѣйствіе литовскаго статута, уничтожена унія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспрещена проповѣдь побѣлорусски, воспрещено (негласно) печатаніе бѣлорусскихъ книгъ, конфискованы ранѣе отпечатанныя и т. п. Вотъ эти-то событія и проводятъ твердую разграничительную черту въ исторіи бѣлорусскаго народа, а не простой фактъ расширенія географической карты Россіи. Именно съ нихъ началась въ жизни Бѣлоруссіи новая глава, какъ началась она благодаря этому и въ предлагаемой статьѣ. Достойно вниманія, что и внутренній обликъ края къ этому времени началъ существенно мѣняться. Возникъ виленскій университетъ, появилась пресса, значительно увеличился спросъ на книгу, начала выкристаллизовываться интеллигенція. Въ умственный обиходъ все глубже и глубже входили демократическія идеи,—отзвукъ французской революціи и польскихъ возстаній. Видны эти идеи и въ указанныхъ уже образчикахъ радикальной литературы, и въ рѣчи съ призывомъ къ освобожденію крестьянъ, сказанной виленскимъ предводителемъ дворянства Завишей на сеймикѣ 1818 г., и въ уничтоженіи „прыгона“ у Хрептовича, Бжостовскаго и проч. Это вниманіе къ народу проявилось, конечно, и въ литературѣ, найдя себѣ къ тому же нѣкоторую опору въ царившемъ тогда романтизмѣ, такъ высоко ставившемъ народную сказку, пѣсню, легенду. Начали печататься бѣлорусскіе этнографическіе матеріалы (Чечотъ и проч.), возникла на почвѣ мѣстнаго „патріотизма“ особая „краевая“ литература, главнымъ образомъ польская [1]). Недосягаемымъ образомъ для этихъ произведеній былъ „Панъ Тадеушъ“ Мицкевича, далеко выдвинувшійся изъ границъ чисто-мѣстнаго значенія. Предметомъ „краевой“ литературы являлось описаніе Бѣлоруссіи, бѣлорусской природы, бѣлорусскаго крестьянства и мелкой шляхты, ихъ повседневной жизни и обычаевъ. Въ эти описанія нерѣдко проскальзывали произведенія бѣлорусскаго народнаго творчества, встрѣчалась и бѣлорусская разговорная рѣчь. Естественно, что дѣятели этого литературнаго теченія кое-что писали прямо по-бѣлорусски и пробовали иной разъ пустить въ печать какую-либо ходившую по рукамъ бѣлорусскую

[1]) Въ русской литературѣ можно отмѣтить произведенія Ѳаддея Булгарина, уроженца Витебщины, и нѣк. друг.

рукопись, обходя цензурный запретъ. Нѣсколько такихъ попытокъ можно зарегистрировать въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Въ „Маякѣ", „Сѣверной Печелкѣ", альманахѣ „Rocznik Literacki" (изд. въ Петербургѣ кружкомъ лицъ съ бѣлорусскими симпатіями), вышедшемъ за границей очеркѣ „Biełaruś" Рыпинскаго [1]), книгѣ Баршевскаго „Zclahcic Zawalnia" и проч. было такъ или иначе помѣщено нѣсколько бѣлорусскихъ стихотвореній [2]), впрочемъ, совершенно незначительныхъ. Часть ихъ принадлежитъ уже упомянутому Баршевскому, видному „краевому" писателю того времени.

Болѣе цѣненъ вкладъ въ бѣлорусскую литературу, сдѣланный Яномъ Чечотомъ. Близкій другъ Мицкевича, онъ въ молодости участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ извѣстномъ тайномъ обществѣ „филоматовъ", былъ въ 1823 г. сосланъ въ Оренбургъ, гдѣ прожилъ 10 лѣтъ, а затѣмъ возвратился въ Бѣлоруссію и до самой смерти занималъ должность библіотекаря въ Шорсовской библіотекѣ графовъ Хрептовичей. Искренній демократъ, горячо любившій бѣлорусскій народъ, онъ собиралъ и издавалъ произведенія народнаго творчества, писалъ по-бѣлорусски морализующаго характера брошюрки (онѣ, однако, не были напечатаны), а въ сборникѣ „Piosnki wieśniacze" 1844 г. помѣстилъ десятка три своихъ бѣлорусскихъ стихотвореній, написанныхъ въ подражаніе народнымъ пѣснямъ. Стиль былъ выдержанъ Чечотомъ столь удачно, что эти пьески неоднократно перепечатывались разными этнографами въ качествѣ чисто народныхъ.

Всѣ эти пробы помѣстить украдкой въ печать нѣсколько бѣлорусскихъ вещицъ завершились появленіемъ въ 1846 г. пьесы „Sielanka" В. Дунина-Марцинкевича, написанной отчасти по-польски, отчасти по-бѣлорусски (для цензуры названа польской). Вслѣдъ за этимъ бдительность цензуры усилилась, и въ исторіи бѣлорусскаго печатнаго слова наступилъ десятилѣтній антрактъ. Но, конечно, рукописная литература продолжала развиваться, хотя ея обликъ сильно измѣнился. Уже отмерла та часть ея, которая служила для повседневнаго практическаго обихода сельской шляхты и городского мѣщанства. На передній планъ выдвинулись

[1]) Тотъ же Рыпинскій сочинилъ нравоучительную поэмку „Niaczyścik", выдержавшую за границей три (?) изданія. Нехитрая по замыслу, она написана недурнымъ бѣлорусскимъ языкомъ.

[2]) Напримѣръ, подъ видомъ народныхъ и т. п.

произведенія стихотворныя, очень часто юмористическія. Ихъ слабость объясняется безцѣльностью ихъ существованія: безграмотный народъ этихъ произведеній не могъ знать, для интеллигенціи же они не были хлѣбомъ духовнымъ, а лишь простымъ привѣскомъ къ литературѣ польской или великорусской. Подчеркиваемъ это, такъ какъ подобное положеніе вещей продолжалось до самаго послѣдняго времени и наложило глубокую печать на все прошлое бѣлорусской литературы; горе ея заключалось въ томъ, что у нея не было ни читателей, ни писателей,—были лишь любители бѣлорусской словесности. Впрочемъ, это не мѣшало появляться довольно интереснымъ бѣлорусскимъ произведеніямъ. Отмѣтимъ среди рукописей 40-хъ годовъ остроумную шуточную поэму „Тарасъ на Парнасе", содержащую между прочимъ выпады противъ Греча и Булгарина. Написанная бойко, хорошей бѣлорусской рѣчью и безукоризненнымъ стихомъ, она впослѣдствіи пріобрѣла широкую популярность и переиздавалась десятка полтора разъ. Еще болѣе интереснаго находимъ мы на рубежѣ шестидесятыхъ годовъ, во время эпохи „великихъ реформъ". За истекшія 10 лѣтъ жизнь въ Бѣлоруссіи сильно эволюціонировала, демократизировалась, что не могло не отразиться на бѣлорусской литературѣ. Эта послѣдняя росла, развивалась, и періодъ общественнаго подъема былъ періодомъ подъема и для нея. Лишь только начались послабленія, вызванныя севастопольской войной, какъ она выдвинулась впередъ во главѣ съ уже упомянутымъ В. Марцинкевичемъ.

Родился онъ въ 1808 г. въ семьѣ мелкаго арендатора, дѣтство провелъ на родинѣ, въ Бобруйскомъ уѣздѣ Минской губ. Затѣмъ, окончивъ въ Бобруйскѣ средне-учебное заведеніе, нѣкоторое время пробылъ въ виленской базиліанской коллегіи и въ петербургскомъ университетѣ. Уйдя изъ послѣдняго, долго служилъ въ различныхъ минскихъ канцеляріяхъ, пока въ 1858 г. не кинулъ службу и не обосновался въ еще раньше купленномъ имѣніи Люцинкѣ (подъ Минскомъ), гдѣ и умеръ въ 1885 г.

Къ первому произведенію Марцинкевича, пьесѣ „Sielanka" знаменитый Монюшко написалъ музыку, и въ 1852, 1853 и 1855 гг. эту пьесу ставили съ большимъ успѣхомъ въ Минскѣ, что вновь проложило бѣлорусской рѣчи дорогу изъ деревни въ городъ. Вслѣдъ за этимъ начинаетъ печа-

таться цѣлый рядъ бѣлорусскихъ поэмъ Марцинкевича[1]), которыя обрываются на 1859 г., такъ какъ цензурный досмотръ къ тому времени уже усилился и переведенныя Марцинкевичемъ двѣ первыя пѣсни „Пана Тадеуша“ по выходѣ изъ типографіи были конфискованы. Съ тѣхъ поръ онъ уже ничего не печаталъ, хотя и продолжалъ писать: намъ извѣстно его стихотвореніе „Весна голад перэпала“ и четыре комедіи.

Писатель грузный и тяжеловѣсный, сосредоточившійся исключительно на эпосѣ, Марцинкевичъ писалъ стихомъ неизящнымъ и неповоротливымъ, сплошь отступающимъ отъ требованій бѣлорусской просодіи (вліяніе польскихъ образцовъ). Можно даже сомнѣваться, былъ ли онъ вообще поэтомъ. Характерно, напримѣръ, что, проведя значительную часть своей жизни въ деревнѣ, онъ совсѣмъ не чувствовалъ природы и не далъ ни одной картинки ея, хотя описывалъ исключительно сельскій бытъ. Впрочемъ, ему нельзя отказать въ знаніи бѣлорусской деревни и въ нѣкоторомъ изобразительномъ талантѣ, а изрѣдка и въ бойкости письма. Наиболѣе полно эти достоинства проявились въ первой пѣснѣ поэмы „Напоп“, сохранившей и доселѣ извѣстный интересъ. Однако заслуги Марцинкевича передъ бѣлорусской литературой лежатъ все-же не въ области художественныхъ достиженій, а въ области чисто исторической. Онѣ въ томъ демократизмѣ, который вѣялъ отъ сантиментально-народническихъ поэмъ Марцинкевича, въ той гуманизаторской тенденціи, которая явственно проступаетъ изъ каждой ихъ строки и которая была по своему времени очень не лишней. Наконецъ, отмѣтимъ, что, много писавъ и много печатая, онъ возбуждалъ вокругъ своихъ произведеній разговоры и полемику, напоминалъ о существованіи бѣлорусскаго языка и зародышей бѣлорусской литературы, наводилъ на вопросъ о возможности ихъ дальнѣйшаго развитія. Неудивительно поэтому, что онъ сталъ центромъ бѣлорусскаго писательскаго кружка, въ составѣ котораго были лица, обладавшія гораздо болѣе крупнымъ талантомъ.

Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть богато

---

[1]) „Напоп“ (1855 г.), „Wieczernice“ (1855 г.), „Kupała“ (1856 г. въ книгѣ „Ciekawijś ?—pczeczytaj !“), „Ščeroûskije darynki“ и „Wierz Nauma Pryhaworki“ (1857 г. въ книгѣ „Dudarz białoruski“), „Pan Tadeusz“ (1859 г.) двѣ первыя пѣсни. Нынѣ все переиздано.

одареннаго „краеваго“ поэта Владислава Сырокомлю (Кондратовича), очень популярнаго и въ Россіи. Извѣстный исключительно своими польскими произведеніями, онъ, однако, много писалъ и по-бѣлорусски[1]), но не могъ закрѣпить въ печати эту послѣднюю сторону своего творчества (за исключеніемъ революціоннаго стихотворенія „Заходзіць сонцэ“). Всѣ его бѣлорусскія рукописи и понынѣ ждутъ своего издателя. Киркоръ указывалъ, что пѣсни Сырокомли теперь поются въ Бѣлоруссіи на-ряду съ народными. Немало бѣлорусскихъ стихотвореній оставилъ и талантливый послѣдователь Сырокомли польскій поэтъ Винцукъ Коротынскій, однако, они, за исключеніемъ одного, не были напечатаны. Еще больше писалъ по-бѣлорусски Артемъ Верига-Даревскій, нигдѣ не печатавшійся. Изъ крупнѣйшихъ его произведеній извѣстны переводъ „Конрада Валенрода“ Мицкевича, поэма „Братом Літвіном“, юмористическія повѣсти „Поврот Михалка“, „Быхоу“, „Гуторка з плендроукі на зямлі Латышской“ и т. д. Современники ставили ихъ очень высоко. Продолжая обзоръ, укажемъ, что упомянутый уже нами извѣстный мѣстный ученый А. Киркоръ писалъ для народа популярныя бѣлорусскія брошюрки, но напечатать ихъ не имѣлъ возможности. Точно такъ же почти не печатались, хотя и писали на бѣлорусскомъ языкѣ, поэты Ялеш Францишъ Вуль, Н. Короткевичъ, Юліанъ Лясковскій, Якубъ Т-ки, Юліанъ Мрочекъ и мн. др. Не вдаваясь въ детальную оцѣнку ихъ творчества, подчеркнемъ все-же, что со времени сороковыхъ годовъ бѣлорусская письменность значительно продвинулась впередъ. Кругозоръ ея, безспорно, расширился. Жизнь бѣлорусской деревни, скромные сельскіе пейзажи, простыя, человѣческія чувства и переживанія, немудрая шутка,—все это нашло себѣ мѣсто на ея страницахъ. Столь же обычными стали демократическія и національно-бѣлорусскія тенденціи, достигавшія иной разъ яркости и остроты исключительной. Наконецъ, эволюціонировала самая форма произведеній, хотя отсутствіе у бѣлорусскихъ писателей достойныхъ образцовъ сказывалось очень ощутительно.

Былъ использованъ въ эту эпоху бѣлорусскій языкъ и для цѣлей чисто-практическихъ. Въ 1862 г. вышелъ „Elementarz dla dobrych dzietok katolikoŭ“ (Варшава), употреблявшійся въ частныхъ сельскихъ школахъ. Появились

[1]) Наприм., либретто для оперы извѣст. музык. Лопатинскаго и проч.

и бѣлорусскія изданія, исходившія изъ правительственныхъ круговъ [1]). Польскіе повстанцы 1863 г. въ свою очередь выпустили рядъ изданій на бѣлорусскомъ языкѣ. Таковы „Мужыцкая прауда", „Гуторка стараго дзеда", „Перэдсьмертный разгаворъ пустэльника Петра" и т. д. К. Калиновскій издавалъ въ Бѣлостокѣ даже бѣлорусскую газетку „Hutorka" (стихотворную), подписываясь псевдонимомъ „Ясько гаспадар с пад Вільні". Тогда-то возникъ интересъ къ бѣлоруссамъ и среди русскаго общества. „Мы виновны передъ вами... Мы, русское общество, какъ-будто забыли про существованіе Бѣлоруссіи",—писалъ славянофильскій „День" и проектировалъ изданіе газеты на бѣлорусскомъ языкѣ. Однако, газета не появилась, а правительство официально воспретило бѣлорусскія театральныя представленія и бѣлорусскія книги, за исключеніемъ этнографическихъ. Въ результатѣ бѣлорусская литература была снова придавлена, снова обречена на прозябаніе въ рукописяхъ. Въ такомъ состояніи она просуществовала цѣлыхъ 15 лѣтъ [2]).

За это время Бѣлоруссія сильно эволюціонировала. Въ ней появилось новое поколѣніе интеллигенціи, выросшее подъ знакомъ народничества, знакомившееся съ соціализмомъ и кое-когда вновь обнаруживавшее зачатки бѣлорусскаго національнаго самосознанія. Сильно развилась бѣлорусская этнографія. Появился рядъ сборниковъ народнаго творчества, составленныхъ Гильфердингомъ, Дмитріевымъ, Безсоновымъ, Шейномъ, Дембовецкимъ, Романовымъ и т. д. Былъ изданъ бѣлорусскій словарь Ив. Носовича, емкостью въ 30 тыс. словъ. Росла и бѣлорусская рукописная беллетристика; продолжали работать многіе прежніе писатели, къ нимъ присоединился рядъ новыхъ,—напримѣръ, Хвэлька изъ Рукшэницъ (Феликсъ Тончевскій), витебчанинъ, изъ многочисленныхъ стихотвореній котораго считаются лучшими „Господыня", „Саусім на тое, што было", „Вечерынка" и т. д.; Ольгердъ Обуховичъ, жившій въ

[1]) „Разсказы на бѣлорусскомъ нарѣчіи" (1863 г.), изд. Виленск. учебн. округа. „Бясѣда стараго вольника зъ новыми, пра ихнае дзѣло", Могилевъ, 1861 г., издано по распоряженію губернатора. Книжка разъясняетъ отмѣну крѣпостного права. На ту же тему написаны два огромныя стихотворенія Блуса въ „Могил. Губ. Вѣдом", 1861 г.

[2]) Въ теченіе ихъ появились въ печати лишь книжечки „Про богацтво ды бьедность" (Женева, 1881, пер. съ украинскаго), „Pan Tadeusz", перев. А. I., ч. I, 1882 г., и нѣсколько бѣлорусскихъ сценокъ Гр. Кулжинскаго (въ 70-хъ годахъ).

Слуцкѣ и оставившій кромѣ массы оригинальныхъ стихотвореній переводы изъ Мицкевича, Сырокомли, Лермонтова; Апанасъ Кисель, могилевецъ, писавшій прозу и стихи; Янъ Шеметъ-Полочанскій; Егалковскій и проч.; въ соціалистическомъ духѣ писалъ Адамъ Гурыновичъ (въ началѣ 90-хъ годовъ).

Къ концу 80-хъ годовъ бѣлорусскія произведенія стали вновь появляться въ печати на страницахъ мѣстныхъ газетъ, „Календаря Сѣверо-Западнаго Края“ и даже отдѣльными книжками. Былъ перепечатанъ, напримѣръ, „Гапонъ“ Марцинкевича, вышелъ рядъ изданій „Тараса на Парнасе“ и т. д. Изъ новыхъ произведеній, печатавшихся въ то время, отмѣтимъ шуточную поэму Шункевича „Сьцяпанъ и Таця-на“ и, въ особенности, стихотворенія Янки Лучыны (Ив. Неслуховскаго). Немногочисленныя, но тщательно обработанныя, они выдѣляются своей литературностью и несомнѣнной талантливостью. Темы ихъ разнообразны, въ содержаніи проступаютъ народническія и національныя тенденціи. Эти тенденціи могли уже найти себѣ откликъ среди мѣстной интеллигенціи, особенно среди народническихъ кружковъ, бѣлорусскихъ студенческихъ землячествъ и т. п. Одно изъ нихъ (московское) перевело и издало въ 1891 г. разсказъ Гаршина „Сигналъ“. Около того же времени группа бѣлоруссовъ-соціалистовъ начала выпускать нелегальную газету „Гомон“. Въ томъ же 1891 г. въ Галиціи вышла книжка стихотвореній Мацея Бурачка „Дудка белоруская“, а въ 1894 г. въ Познани сборничекъ Сымона Реукі „Смык белорускі“. И то, и другое принадлежало перу интереснаго бѣлорусскаго дѣятеля Францишка Богушэвича.

Родился онъ въ 1840 г., учился въ петербургскомъ университетѣ, былъ въ Бѣлоруссіи народнымъ учителемъ. Принималъ участіе въ возстаніи 1863 г., былъ раненъ. Окончивъ затѣмъ въ Нѣжинѣ юридическій факультетъ, занимался судебною дѣятельностью въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а подъ конецъ жизни—въ Вильнѣ. Умеръ Богушэвичъ въ 1898 г. Его произведенія, глубоко проникнутыя національнымъ и демократическимъ духомъ, не блещутъ изяществомъ отдѣлки, но зато отличаются большой энергіей выраженій. Стихъ его простъ и суровъ; изрѣдка эта суровость смѣняется юморомъ. Въ предисловіяхъ къ своимъ книжкамъ Богушэвичъ едва ли не первый явился проповѣдникомъ всесторонняго національнаго возрожденія бѣло-

руссовъ, доказывая, что они представляютъ отдѣльный, самостоятельный народъ.

Въ тѣхъ же девяностыхъ годахъ выступилъ съ рядомъ руссифицированныхъ бѣлорусскихъ разсказовъ не лишенный таланта А. Пщелко [1]), а вслѣдъ за нимъ М. Н. Косичъ (перев. басенъ Крылова, разсказъ „На пиресяленнѣ“ и т. п.). Одновременно съ нимъ напечаталъ рядъ популярныхъ брошюръ А. Ельскій. Были и еще кое-какія изданія. Такъ бѣлорусская литература вошла въ XX столѣтіе.

Къ этому времени въ краѣ появился цѣлый рядъ національныхъ и политическихъ теченій и организацій. Начали возникать подобные же бѣлорусскіе кружки. Одинъ изъ нихъ сыгралъ въ бѣлорусскомъ возрожденіи большую роль, породивъ умѣренное „Общество бѣлорусскаго народнаго просвѣщенія“ и „Белоруски революцийны союзы“, возникшіе въ 1902—3 гг. Первое проявило себя изданіемъ журнальчиковъ-однодневокъ „Калядная чытанка“ и „Великодная чытанка“. Изъ другихъ фактовъ „культурнической“ дѣятельности отмѣтимъ изданіе сборничка стихотвореній Я. Лучыны „Вязанка“ (для цензуры названъ б о л г а р с к и м ъ); выпускъ въ Краковѣ нѣсколькихъ переводныхъ брошюрокъ Конопницкой, Ожешковой, Сенкевича („Wiedźma“, „Janka muzykant“ и т. д.); устройство въ Минскѣ, Петровщинѣ, Карлсбергѣ театральныхъ представленій (подъ флагомъ украинскихъ) и т. п. Въ то же время „Бел. Рэв. Союзъ“, вскорѣ переименованный въ „Белорускую Соцыалистичную Громаду“, издалъ при содѣйствіи P. P. S. рядъ брошюръ и воззваній,—напримѣръ, „Хто праудзйвы прыяцель бедного народу“, „Гуторка об тым, куды мужыцкие грошы идуць“, „Песни“ и пр. Въ такомъ составѣ бѣлорусская литература очутилась на грани событій, начавшихъ исторію всѣхъ народовъ Россіи съ красной строки.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

М. Богдановичъ.

---

[1]) Собраны въ книгахъ „Очерки и разск. изъ жизни бѣлор. деревни“ 906 г., и „Очерки и разск. изъ жизни Бѣлоруссіи“, 1910 г., 2 изд.

Изъ русскихъ журналовъ

(«Русская Мысль». Декабрь 1914 г.).

Въ числѣ вопросовъ, выдвинутыхъ переживаемымъ моментомъ, вопросъ о роли и задачахъ Россіи въ настоящей войнѣ—одинъ изъ наиболѣе значительныхъ, такъ какъ разрѣшеніемъ именно этого вопроса опредѣляется разрѣшеніе и другихъ, стоящихъ съ нимъ въ непосредственной связи.

Многіе склонны думать, что Россіи предстоитъ сыграть роль освободительницы и создать условія, при которыхъ станетъ возможнымъ сохраненіе и политическое возрожденіе тѣхъ народностей, которые до настоящаго момента играли роль „малыхъ рыбъ", которыхъ пожирали „большія".

По мнѣнію многихъ, сейчасъ разрѣшается оружіемъ въ числѣ прочихъ вопросовъ насущный и наболѣвшій—національный вопросъ: „мы боремся за освобожденіе всѣхъ народовъ вообще, всѣхъ тѣхъ, кому угрожаетъ поглощеніе и угнетеніе, безъ различія племени и вѣроисповѣданія. Мы сражаемся за право національностей вообще, за самый національный принципъ въ политикѣ въ полномъ его объемѣ"...

Приведенная цитата взята изъ статьи кн. Е. Трубецкого „Война и міровая задача Россіи", помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли" въ числѣ другихъ статей, трактующихъ аналогичныя темы (Вяч. Иванова „Вселенское дѣло", С. Булгаковъ „Русскія думы" и др.).

На этихъ статьяхъ, въ частности на статьѣ кн. Е. Трубецкого я и позволю себѣ остановиться потому, что здѣсь мы находимъ выраженіе взгляда автора на тѣ задачи, которыя стоятъ передъ Россіей, какъ участницей настоящей войны.

Отмѣтивъ, что „освобожденіе другихъ народовъ и борьба за слабыхъ противъ сильныхъ не есть только дѣло нашего политическаго безкорыстія: оно необходимо и для спасенія самой Россіи", авторъ далѣе говоритъ: „Задача,

навязанная намъ исторіей, чужда противоположности Востока и Запада: она въ одинаковой мѣрѣ возвышается надъ антагонизмомъ племеннымъ и вѣроисповѣднымъ. Это—задача по существу сверхнародная, универсальная,—задача всеобщаго политическаго возрожденія всѣхъ порабощенныхъ національностей"...

Вотъ какого рода задачу, поставленную передъ ней самой исторіей, должна разрѣшить Россія, но посколько велика и значительна эта цѣль, постолько трудно и выполненіе ея. Дѣло въ томъ, что „задача всеобщаго освобожденія народовъ можетъ быть разрѣшена лишь черезъ нашу побѣду—черезъ такую побѣду, которая отдаетъ намъ въ руки міровую гегемонію... И въ этомъ главная трудность на нашемъ пути... Та борьба, которую мы ведемъ въ настоящую минуту, есть прежде всего борьба противъ узкаго націонализма одного народа, ставшаго всеобщимъ врагомъ.

Но именно на почвѣ міровой гегемоніи всего чаще расцвѣтаютъ уродливыя крайности этого націонализма"... Именно, на почвѣ побѣдъ, по словамъ автора, выросло шовинистическое настроеніе въ Германіи, и вопросъ теперь въ томъ, удастся ли Россіи-побѣдительницѣ побороть „того страшнаго и алчнаго звѣря, который таится въ душѣ каждаго народа"... По мнѣнію автора, Россіи удастся избѣгнуть этого торжества націонализма только путемъ „успѣшнаго разрѣшенія національнаго вопроса въ его міровомъ объемѣ и значеніи"...

„Новыя маленькія національныя государства должны родиться на свѣтъ Божій, а старыя должны быть сохранены и доведены до своихъ естественныхъ, національныхъ границъ"...

„Россія должна сохранить за собою значеніе державы-освободительницы, защитницы всѣхъ малыхъ и слабыхъ народовъ противъ народовъ-хищниковъ. Народы должны проникнуться убѣжденіемъ, что она никому изъ нихъ не грозитъ поглощеніемъ, а для всѣхъ служитъ заступницей. Тогда Россія станетъ центромъ союза народовъ въ цѣляхъ общей ихъ безопасности"...

Передъ авторомъ, такимъ образомъ, рисуются широкія перспективы, ожидающія Россію-побѣдительницу, если она найдетъ въ себѣ столько силы, чтобы не пойти по пути Германіи, возомнившей себя первой державой, предъ которой всѣ остальныя должны повергнуться въ прахъ. Задача,

поставленная исторіей передъ Россіей, велика и благородна и съ кн. Е. Трубецкимъ можно согласиться и въ томъ, что для разрѣшенія такой въ высшей степени глубокой и сложной культурной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственной, по его словамъ, задачей, „нужна не только высшая мудрость,—нуженъ тонкій душевный тактъ. Мы должны совмѣстить пламенный патріотизмъ со справедливымъ, дружественнымъ отношеніемъ къ другимъ народностямъ"...

Указавъ далѣе на то, что „мы должны выработать такое отношеніе къ національному вопросу, которое было бы одинаково чуждо противоположныхъ крайностей космополитизма и націонализма", авторъ предостерегаетъ побѣдителей отъ возрожденія „національной гордыни" и поклоненія передъ Россіей, „какъ передъ идоломъ", такъ какъ въ такомъ возведеніи своей націи въ кумиръ, онъ слышитъ звуки „Deutschland, Deutschland über alles"...

„Широкое объединеніе національностей во всѣхъ областяхъ духовной жизни при сохраненіи особенностей каждой изъ нихъ,—осуществленіи единства всемірной культуры въ многообразіи національныхъ ея выраженій, осуществленіе духовной связи націй при широкой ихъ матеріальной взаимопомощи,—таковъ тотъ идеалъ, къ которому мы должны стремиться...

Волею судебъ Россія призвана служить той высшей сверхнародной культурѣ, въ которой отдѣльныя народности не истребляютъ, а восполняютъ другъ друга. Исполнитъ она эту свою задачу или вмѣсто того удалится въ пещеру зависти и тамъ, въ духовномъ уединеніи, будетъ пожирать свою добычу,—это, конечно, всецѣло зависитъ отъ ея доброй воли. Теперь или никогда отъ нея зависитъ выбрать путь жизни или смерти, стать центромъ союза народовъ ради общаго ихъ спасенія противъ всякаго хищенія или насилія или добровольно обречь себя на гибель, которая суждена каждому народу-хищнику"...

Я останавливаю вниманіе читателей главнымъ образомъ на статьѣ кн. Е. Трубецкого, сдѣлавъ оттуда рядъ выдержекъ, потому что въ ней наиболѣе ясно и опредѣленно данъ отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Послѣ нея остается впечатлѣніе чего-то вполнѣ законченнаго, оставляющаго сравнительно немного мѣста предположеніямъ и гаданіямъ. Говорю: сравнительно немного мѣста, такъ какъ все-же при болѣе конкретномъ

разрѣшеніи національнаго вопроса, когда рѣчь зайдетъ уже не о народностяхъ вообще, а объ опредѣленныхъ національностяхъ, судьба которыхъ въ рукахъ Россіи, тутъ уже придется поставить нѣсколько вопросительныхъ знаковъ.

Въ этой статьѣ нѣтъ того мистическаго тумана, смѣшенія политики, экономики и мистическихъ глаголовъ, какіе находимъ въ статьяхъ Вяч. Иванова („Вселенское дѣло") и проф. С. Булгакова („Русскія думы"); особливо въ первой.

Для пониманія настоящаго момента и выясненія тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя выдвинула передъ Россіей настоящая война, эти статьи даютъ очень мало матеріала. Но и здѣсь, какъ и въ первой, цитированной выше, статьѣ, есть указанія на великую роль Россіи („Вселенское дѣло творитъ отечество наше въ эти священные дни",—говоритъ В. Ивановъ), призванной „защищать Европу отъ Европы, въ союзѣ съ ея народами", спасающей ее „отъ новоевропейской и, въ частности, германской опасности" и „подъемлющую знамя свободы народовъ" (С. Булгаковъ).

Оба автора вѣрятъ въ великое призваніе Россіи, вѣрятъ „въ грядущую Россію"... Отвѣтовъ на интересующіе насъ вопросы въ этихъ двухъ статьяхъ нѣтъ, авторы ихъ не указываютъ, въ чемъ должно выразиться творческое призваніе Россіи, а даютъ только отдаленные намеки, весьма неясные, и тѣмъ выпуклѣе и рѣзче на фонѣ этой неопредѣленности и туманности выступаютъ категорическія заявленія кн. Е. Трубецкого.

Всюду въ статьѣ этого автора разсыпаны прекрасныя слова, полныя благородства мысли, рядъ благихъ пожеланій и надеждъ.

Собственно говоря, если бы эти рѣчи раздавались не на страницахъ „Русской Мысли" и если бы, перелиставъ нѣсколько страницъ, я вслѣдъ за статьями кн. Туребецкого, призывающаго къ широкому объединенію національностей, и В. Иванова, устанавливающаго „отстранительный, воспретительный и охранительный смыслъ" настоящей войны, не было маленькой статьи г. Струве, озаглавленной „Великая Россія и святая Русь", намъ бы, пожалуй, и не пришлось говорить о нихъ на страницахъ „Украинской Жизни", или если бы и пришлось говорить, то нѣсколько въ иномъ тонѣ и брать ихъ подъ другимъ угломъ.

Но вотъ именно эти два обстоятельства заставляютъ меня недоумѣнно развести руками и обратиться за соотвѣтствующими разъясненіями и толкованіями къ редакціи самой „Русской Мысли“.

Кн. Трубецкой въ самомъ началѣ своей статьи заявилъ, что „мы сражаемся за право національностей вообще, за самый національный принципъ въ полномъ его объемѣ“... Затѣмъ далѣе всюду подчеркивалъ, какъ можно было убѣдиться изъ приведенныхъ выше цитатъ, особый освободительный характеръ настоящей войны,—войны, которая должна способствовать „осуществленію единства всемірной культуры въ многообразіи національныхъ ея выраженій“.

И вотъ я не знаю, какъ надлежитъ понимать эти фразы рядомъ съ такою, напримѣръ: „При извѣстныхъ условіяхъ „украинское“ движеніе можетъ развиваться, и такъ какъ я этому не сочувствую, то я считаю необходимымъ, чтобы само русское общество противодѣйствовало этому движенію, которое можетъ угрожать внесеніемъ раздвоенія въ развитіе единой русской культуры“.

Эти строки принадлежатъ не кому-либо другому, какъ руководителю и вдохновителю той же „Русской Мысли“ П. Б. Струве („Биржевыя Вѣдомости“, 5 ноября).

Ему же принадлежатъ и такія фразы: „Я лично считаю украинскій вопросъ такъ, какъ его ставитъ, напримѣръ, „Украинская Жизнь“, культурнымъ вопросомъ, который можетъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ сохраненія и укрѣпленія культурнаго единства не полицейскими мѣропріятіями, а прежде всего извѣстной настойчивостью русскаго общества“...

Я не имѣю ни малѣйшей охоты вступать въ полемику съ г. Струве, не имѣю въ виду также выступать на защиту украинскаго національнаго дѣла, на которое дѣлаетъ г. Струве нападеніе.

Моя цѣль гораздо скромнѣе: я хочу показать читателямъ, какъ на страницахъ „Русской Мысли“ одни сотрудники говорятъ разныя прекрасныя слова, рисуютъ широкія перспективы, а другіе въ то же время идутъ походомъ на культуру одной изъ тѣхъ національностей, которая немало жертвъ принесла уже на алтарь войны и принесетъ, быть можетъ, еще больше.

Не въ иномъ какомъ-либо органѣ, а въ той же „Русской

Мысли" вслѣдъ за статьею кн. Е. Трубецкого идетъ небольшая замѣтка г. Струве, который, говоря о присоединеніи Галичины къ Россіи, между прочимъ, утверждаетъ:

„Такое присоединеніе необходимо—какъ это, къ сожалѣнію, съ полной ясностью обнаружилось именно въ связи съ этой войной—и для внутренняго оздоровленія Россіи, ибо австрійское бытіе малорусскаго племени породило и питало у насъ уродливый, такъ-называемый „украинскій вопросъ"... Вотъ какія упованія возлагаетъ на эту войну г. Струве, редакторъ „Русской Мысли", вѣщающій въ томъ же номерѣ устами кн. Е. Трубецкого о „широкомъ объединеніи національностей во всѣхъ областяхъ духовной жизни при сохраненіи особенностей каждой изъ нихъ"...

Я не могу знать, конечно, что мыслилъ авторъ за этими словами, приведенными выше, но я думаю, что какъ-никакъ „широкое объединеніе національностей" съ сохраненіемъ ихъ особенностей никакъ не вяжется съ планами и идеалами г. Струве.

Конечно, бывшій редакторъ „Освобожденія" никоимъ образомъ не склоненъ высказываться за „полицейскія мѣропріятія" въ борьбѣ съ украинствомъ (онъ очень усердно открещивался отъ этого въ своемъ отвѣтѣ проф. Н. А. Гредескулу), но мнѣ думается, что это и неважно и не тутъ „зарыта собака".

Важенъ самый фактъ этакого черезчуръ боевого отношенія г. Струве къ украинскому вопросу, за которымъ онъ никакъ не можетъ признать права на существованіе. И вотъ я никакъ не могу понять, какъ это все умѣщается въ „Русской Мысли": статья кн. Е. Трубецкого и статья П. Струве, борьба за права „національностей вообще" и борьба съ „уродливымъ" украинскимъ вопросомъ, строительство новой жизни на новыхъ началахъ и усердное огражденіе „единства великой русской культуры" путемъ уничтоженія малой украинской... И даже, вращаясь въ предѣлахъ одной только статьи г. Струве („Великая Россія и святая Русь"), я далеко не все здѣсь уясняю себѣ: не представляю, напримѣръ, о какой это „правдѣ" разсказываетъ намъ г. Струве, когда утверждаетъ, что въ настоящей войнѣ „осуществляется религіозное чудо сліянія силы и правды"...

Не слѣдуетъ говорить о правдѣ послѣ рѣчей, какія мы

уже неоднократно слышали отъ г. Струве въ его статьяхъ по украинскому вопросу.

Мнѣ думается, что никода и нигдѣ правда не созидалась на обломкахъ чужой культуры, задавленной хотя бы даже и помощью самыхъ „культурныхъ“ (Боже, сохрани, не полицейскихъ!) способовъ.

Въ глазахъ г. Струве украинскій вопросъ—„уродливый вопросъ“, своего рода аномалія, и „ликвидація“ его, по всѣмъ вѣроятіямъ, приблизитъ насъ еще на одну ступень къ царству правды-справедливости, но какъ смотрятъ на это дѣло другія сотрудники „Русской Мысли“? Готовы ли они, вмѣстѣ съ редакторомъ, объявить себя на положеніи войны съ украинствомъ,—и тогда я уже никакъ не могу понять разсужденій ихъ о „справедливомъ и дружественномъ отношеніи къ другимъ народностямъ“,—или же они полагаютъ, что украинская культура нисколько единству русской культуры не грозитъ и эти двѣ культуры могутъ совершенно мирно существовать и развиваться рядомъ другъ съ другомъ и тогда диссонансъ, который сейчасъ слышится мнѣ въ статьяхъ сотрудниковъ и редактора „Русской Мысли“, будетъ дѣйствительнымъ фактомъ.

Я вполнѣ согласенъ съ проф. Е. Трубецкимъ въ томъ, что для разрѣшенія той задачи, которая стоитъ сейчасъ передъ русскимъ обществомъ, нужна „не только высшая мудрость,—нуженъ тонкій душевный тактъ“.

И смѣю утверждать, что г-номъ Струве этого самого „тонкаго душевнаго такта“ какъ-разъ и не проявлено, насколько же имъ прониклись другіе сотрудники „Русской Мысли“, покажетъ будущее, которое, кстати, скажетъ намъ, насколько вѣрно мое предположеніе, что въ оркестрѣ сотрудниковъ этого журнала не всѣ инструменты одинаково хорошо ведутъ свои партіи.

Л. Бурчакъ.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Запрещеніе украинскихъ изданій. 9-го января кіевская полиція отобрала въ типографіяхъ разрѣшенія на выпускъ всѣхъ выходившихъ въ Кіевѣ изданій на украинскомъ языкѣ. Основаніемъ къ этой мѣрѣ послужило распоряженіе губернатора объ исполненіи приказа главнаго начальника кіевскаго военнаго округа, гласящее слѣдующее: «Пріостановить на все время военнаго положенія всѣ періодическія изданія на малорусскомъ нарѣчіи, древнееврейскомъ языкѣ и еврейскомъ жаргонѣ». Еврейская пресса въ Кіевѣ была представлена двумя изданіями,—еженедѣльникъ «Юдише Нае Лебенъ» и ежемѣсячникъ «Вогинъ»; что касается украинской печати, то, если не считать закрытыхъ еще въ началѣ войны газетъ «Рада» и «Маякъ» и журнала «Українська Хата», до послѣдняго времени выходили въ Кіевѣ слѣдующія украинскія изданія: литературные и общественные журналы «Літературно-науковий Вістник», «Дзвін», «Рідний Край» и «Сяйво», популярныя газеты «Рілля», «Згода» и «Наша Кооперація», педагогическій журналъ «Світло», научные органы «Записки Українського Наукового Товариства» и «Україна», журналъ для дѣтей «Молода Україна»,—всего одиннадцать изданій, не считая нѣкоторыхъ популярныхъ органовъ (напримѣръ, «Комашня-Муравейникъ»), печатавшихся одновременно на русскомъ и украинскомъ языкахъ. «Новое распоряженіе мѣстной администраціи, говорятъ «Русскія Вѣдомости» (№ 13), замыкаетъ собою кругъ мѣропріятій, еще раньше предпринятыхъ по отношенію къ украинской прессѣ въ занятой Галичинѣ, и въ настоящее время въ Европѣ не осталось н и о д н о г о періодическаго изданія на украинскомъ языкѣ. Украинская пресса существуетъ теперь лишь въ Америкѣ (въ Канадѣ, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Бразиліи), обслуживая интересы эмигрантовъ-украинцевъ».

— Одновременно съ запрещеніемъ украинскихъ періодическихъ изданій приняты аналогичныя мѣры и по отношенію къ украинскимъ книгамъ. Такъ, конфискованы, съ привлеченіемъ издателей по 129 ст. «Оповіданння» С. Васильченко (призванъ въ дѣйствующую армію), «Цівільний шлюб» Левченка и др.

Закрытіе журнала «Світло». Послѣдовало отдѣльное, независимо отъ общаго пріостановленія украинскихъ періодическихъ изданій, распоряженіе о закрытіи украинскаго журнала «Світло», выходившаго въ Кіевѣ подъ редакціей П. Н. Диденко.

— Въ связи съ закрытіемъ украинскихъ изданій органъ неистовыхъ кіевскихъ націоналистовъ «Кіевъ», помѣстилъ въ № отъ 17 января статью, въ которой выражаетъ недовольство «колебаніями» въ отношеніи украинскаго слова. «Кіеву» мало тѣхъ мѣръ, которые предприняты главнымъ начальникомъ кіевскаго военнаго округа и онъ изступленно, бряцая патріотическимъ оружіемъ, требуетъ, такъ сказать, полноты репрессивныхъ мѣръ не только къ печатному слову, какъ таковому, но и къ «мазепинскому фонетическому правописанію, мазепинской исторіи, мазепинскому подбору словъ». Свѣдующіе люди, знающіе дѣятелей изъ «Кіева», думаютъ, что газета эта знаетъ, чего хочетъ, когда поднимаетъ новую неистовую травлю, переполненную инсинуаціями, противъ украинскаго слова. Съ этой травлей нѣсколько не вяжется телеграфное сообщеніе «Рѣчи» о томъ, что «по свѣдѣніямъ «Кіевлянина» въ районѣ кіевскаго военнаго округа будетъ разрѣшено печатаніе книгъ и періодическихъ изданій на малорусскомъ нарѣчіи».

Обвиненіе «Львовскаго Военнаго Слова» въ «мазепинствѣ». Какъ это ни странно, но упомянутая нами кіевская газетка, въ поискахъ «мазепинской гидры», нашла ее и въ издаваемомъ штабомъ главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта «Львовскомъ Военномъ Словѣ». Не довольствуясь клеветой, инсинуаціями и доносами на украинскіе органы, эта газетка начала инсинуировать и на военный органъ. Это не обошлось даромъ для «Кіева». Кромѣ наложеннаго на него штрафа въ 1000 руб., дѣятелямъ органа кіевскихъ націоналистовъ пришлось услышать о себѣ много интересныхъ разоблаченій, преданныхъ широкой гласности, изъ устъ, очевидно, освѣдомленнаго «Львовскаго Военнаго Слова». Если въ свое время на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» С. Петлюра уличилъ эту газету во лжи и политическомъ навѣтѣ на украинство, то теперь, благодаря разоблаченіямъ военнаго органа, моральный обликъ, темные пріемы и роль сыщиковъ «кіевскихъ» дѣльцовъ обнаруживается необыкновенно ярко и исчерпывающе. Интересно отмѣтить, что, по словамъ «Львовскаго Военнаго Слова», обвиненіе послѣдняго въ «мазепинствѣ» не обошлось безъ участія «русскаго питомца австрійской школы, всосавшаго съ молокомъ изъ обоихъ грудей великой монархіи рабскую мораль и готоваго нынѣ жалить пяту того, кто не занесъ надъ нимъ своевременно руку, думая, что обращеніе къ здравому смыслу вѣрнѣе плети».

Оправдываясь въ обвиненіяхъ, военный органъ объясняетъ, что «двухъ барышень-мазепинокъ» рекомендовали ему «извѣстные руссофилы», что же касается перехода печатанія газеты въ типографію «мазепинскаго» «Діла», то этотъ переходъ былъ вызванъ техническими причинами и нежеланіемъ Ставропигійской типографіи произвести необходимыя техническія улучшенія. Давая далѣе характеристику органу кіевскихъ націоналистовъ, «Львовское Военное Слово» прибѣгаетъ для этой цѣли къ слѣдующимъ словамъ:

«Газета «Кіевъ» нынѣ совершенно потеряла равновѣсіе и въ полномъ смыслѣ слова опустилась «на дно». Достаточно видѣть хотя бы такъ называемаго «секретаря» этой газеты, съ косоватымъ взглядомъ уклонившагося отъ воинской повинности приказчика изъ москательной лавки, чтобы понять, что мы тутъ имѣемъ дѣло дѣйствительно съ низами журналистики.

Для насъ совершенно ясно тяжелое психологическое состояніе редакціи и издателей газеты «Кіевъ». Въ данное время, когда всѣмъ русскимъ обществомъ овладѣлъ неподдѣльный энтузіазмъ, трудно уже отыграться на однихъ сиплыхъ выкрикахъ о патріотизмѣ, трудно претендовать на странную «монополію» этого законнаго и естественнаго чувства въ каждомъ русскомъ.

Намъ нужно теперь дѣло, нужна активность, идущая вровень съ другими, нуженъ нелицемѣрный подвигъ, безъ стремленія перекричать другихъ.

И вотъ тутъ-то оказывается полное безсиліе такого органа, какъ «Кіевъ», подчиниться существующему порядку вещей. Всѣмъ извѣстна та, въ сущности некрасивая борьба, въ которую вступила эта газета съ военной цензурой, не останавливаясь передъ инсинуаціями относительно особливыхъ стѣсненій, якобы ей чинимыхъ.

Претендуя на какую-то исключительную роль въ такое тяжелое для нашей родины время, газета эта беретъ на себя роль сыщика и навязываетъ свой надзоръ за политическими воззрѣніями офицеровъ, которые, по своей профессіи, стоятъ внѣ партій и не нуждаются ни въ какихъ коррективахъ, кромѣ установленныхъ Верховной Властью.

Мало того, газета эта прибѣгаетъ къ какимъ-то страннымъ запугиваніямъ, пуская въ Кіевѣ подпольные слухи о томъ, что у нея въ Петроградѣ имѣются «связи», якобы оправдывающія избранный ею образъ дѣйствій.

Пусть такіе органы, какъ газета «Кіевъ», продолжаютъ игнорировать офицерскій корпусъ, какъ организацію, состоящую подъ покровительствомъ Верховной Власти, но пусть же они и помнятъ, что русскіе офицеры въ достаточной мѣрѣ хорошо разбираются въ томъ дѣлѣ, къ которому они приставлены».

Темная роль потерявшихъ равновѣсіе журналистовъ «изъ москательной лавки» понемногу всплываетъ на чистую воду. Мы, съ своей стороны позаботимся разоблачить этихъ дѣльцовъ въ той части ихъ «дѣятельности», которая касалась украинскаго слова.

Къ судьбѣ уніатскаго митрополита А. Шептыцкаго. Въ газетахъ появилось сообщеніе, что сосланный въ Курскъ уніатскій митрополитъ А. Шептыцкій возбудилъ, чрезъ посредство своего брата, ходатайство передъ русскими властями о разрѣшеніи ему поселиться, вмѣсто Курска, въ Петроградѣ. Въ связи съ этимъ газеты сообщаютъ не лишенные интереса свѣдѣнія объ отношеніи къ уніатскому митрополиту со стороны курскаго православнаго архіепископа Тихона. Такъ, по сообщенію петроградскаго

«Дня», Шептыцкій пытался вступить въ дружеское общеніе съ мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ. «Сдѣлалъ визитъ архіепископу Тихону—тотъ его не принялъ. Сталъ посѣщать православные храмы—его изгнали». По поводу этого изгнанія, при обсужденіи смѣты Святѣйшаго Синода, депутатъ И. В. Титовъ сдѣлалъ слѣдующій запросъ оберъ-прокурору Синода:

— «Правда ли,—спрашиваетъ въ заключеніе И. В. Титовъ,—что въ Курскѣ уніатскому митрополиту Шептицкому по распоряженію архіерея было приказано удалиться изъ храма послѣ литургіи оглашенныхъ, что потомъ одобрилъ и «Колоколъ»? Канонически такое удаленіе совершенно неправильно, а кромѣ того этотъ фактъ можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе и на уніатовъ [1])».

И. В. Титову отвѣчаетъ прокуроръ святѣйшаго синода В. К. Саблеръ. Курскій епископъ, конечно, понимаетъ, что Шептыцкій къ сонму оглашенныхъ не принадлежитъ, и по поводу сообщеннаго членомъ Думы Титовымъ онъ будетъ запрошенъ. («Рус. Вѣд.»).

Кстати, любопытна позиція «Колокола» въ вопросѣ объ изгнаніи Шептыцкаго. Сперва этотъ не то «офиціозъ», не то, частное изданіе» считалъ, что поступокъ православнаго архіепископа вполнѣ правиленъ и, по словамъ «Дня», даже помѣстилъ корреспонденцію съ издѣвательствомъ надъ Шептыцкимъ безъ всякихъ оговорокъ», но «послѣ запроса въ комиссіи Гос. Думы «Колоколъ» спохватился, и В. Скворцовъ, смиренный редакторъ, сѣчетъ себя со всѣмъ усердіемъ, уподобляясь унтеръ-офицерской вдовѣ. Каясь заднимъ числомъ, «Колоколъ» пишетъ слѣдующее:

«Мы съ болью сердца прочитали и помѣстили сообщеніе курское, ясно видя въ описанномъ эпизодѣ несоотвѣтствіе и не только каноническое, но и миссіонерское.

Съ миссіонерской точки зрѣнія намъ кажутся дѣйствія зоркаго стража курской церкви или недальновидными или же слишкомъ прозорливыми.

Не будемъ касаться частнаго вопроса о непринятіи архіепископомъ Тихономъ визита гр. Шептыцкаго, очевидно, желавшаго отдать дань своего уваженія представителю православной церкви того града, въ которомъ волею судьбы нынѣ сосланный уніатскій митрополитъ обитаетъ.

Есть положенія, которыя обязываютъ принимать и непріятныхъ, и неугодныхъ, даже преступныхъ посѣтителей и еретиковъ и сектантовъ—таково положеніе каждаго пастыря, а тѣмъ паче епископа, по завѣту Спасителя: «грядущаго ко Мнѣ не изжену».

Надо воздать должное «Колоколу». Сглупивъ сначала по излишнему усердію, онъ сѣчетъ себя теперь столь же усердно».

---

[1]) По сообщенію „Колокола“, уніатскій митрополитъ на предложеніе уйти изъ храма, т. к., молъ, на литургіи вѣрныхъ могутъ присутствовать только православно-вѣрующіе, отвѣтивъ, что онъ православный, вышелъ изъ храма и больше уже не заходилъ въ православныя церкви.

— По сообщенію «Кіевской Мысли» въ Кіевъ доставленъ изъ Галиціи и высылается въ Томскую губернію уніатскій епископъ Стефанъ Юрекъ, докторъ философіи и профессоръ церковнаго права львовскаго университета.

— Та же газета сообщаетъ, что изъ Галичины въ Кіевъ въ двадцатыхъ числахъ января была доставлена «новая партія» изъ 21 человѣка, задержанныхъ въ завоеванной области лицъ, высылаемыхъ дальше, въ административномъ порядкѣ, въ Томскую губернію. О составѣ «новой партіи» кіевская газета, откуда мы беремъ это сообщеніе, ничего не говоритъ, ограничиваясь лишь указаніемъ на «разное положеніе и состояніе» высылаемыхъ.

У «мазепинца». Сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей» Е. Ганейзеръ въ одной изъ своихъ корреспонденцій (№ 12, 16 января) передаетъ разговоръ, который онъ велъ въ Галичинѣ съ однимъ изъ украинскихъ дѣятелей. Въ виду того, что корреспонденты русскихъ газетъ мало, въ сущности говоря, удѣляютъ вниманія національнымъ отношеніямъ оккупированнаго края, ограничиваясь больше констатированіемъ сложности отношеній послѣдняго, а также въ виду того, что мы мало имѣемъ свѣдѣній о томъ, что думаютъ и на что надѣются галицкіе украинцы въ связи съ измѣненіемъ ихъ положенія, корреспонденія г. Ганейзера представляетъ нѣкоторый интересъ, и мы считаемъ не лишнимъ перепечатать ее на страницахъ нашего журнала, какъ случайную вѣсточку о настроеніи нашихъ сородичей.

«Познакомился съ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ изъ украинцевъ. Человѣкъ пожилой, лѣтъ за 60, образованный, съ очень умѣренными взглядами. Онъ горячо любитъ свою родину, свой языкъ, свою молодую культуру. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ культурно-просвѣтительныхъ организаціяхъ, во всѣхъ кооперативахъ, широко развившихся въ послѣднее время въ Галиціи.

Мы сидѣли въ маленькомъ салонѣ, въ которомъ вся обстановка была украинская: ковры—мѣстнаго тканья съ украинскимъ рисункомъ, застилавшіе полъ и висѣвшіе на стѣнахъ, столы—кустарной работы карпатскихъ гуцуловъ; бюстъ Шевченка; большая картина, изображающая красивую украинку въ національномъ костюмѣ, пришедшую къ колодцу за водой...

— Я люблю Россію,—ту Россію, которой принадлежитъ будущее... Но я люблю и все это, свою хату, свой языкъ, свой народъ, съ которымъ мы говоримъ одинаковымъ языкомъ. Какъ же мнѣ было уходить къ нѣмцамъ?.. Мнѣ казалось, что нынѣ на арену историческихъ дѣяній выступаетъ новая Россія,—не покорительница народовъ, а освободительница...

— Надо сказать вамъ по совѣсти: было тутъ у насъ немножко австрофильства. Я политикой не занимаюсь, однако, знаю, что было... Вы разсудите сами... Вездѣ есть горячія головы... Но не думайте, что нѣмцы получили бы въ насъ союзниковъ. О-го! У насъ жива память нѣмецкаго угнетенія. Мы знаемъ, что рядомъ съ нами—многомилліонный родной намъ народъ,—родной по

вѣрѣ, по языку. Да въ политикѣ все строится на расчетѣ... Нѣмецъ столько нахвасталъ про свою силу, что и у насъ повѣрили. Вотъ вы и разсудите, какъ намъ быть?.. Отъ нашего австрофильства не осталось ни «крихты» [1]). Ошибку исправили тѣмъ, что были даны лозунги—«сдаваться въ плѣнъ»...

— Вамъ не приходилось видѣть, какъ бесѣдуетъ австрійскій плѣнный украинецъ съ вашимъ украинцемъ, казакомъ съ Кубани? Какъ родные братья. Вы не можете представить себѣ, какія глубокія впечатлѣнія мы пережили во время похода вашихъ войскъ. Какъ пошли люди съ Кубани, съ Днѣпра, съ Ворсклы, съ Полтавщины... Боже мой! Какъ запѣли:

«Розвивайся ты зеленый дубе»!..

Ну, какое же австрофильство? Тутъ не австрофильство,—тутъ слезы на глаза выступали...

Хозяинъ всталъ, взволнованный подошелъ къ окну и молча стоялъ, пряча лицо.

Я вспомнилъ сценку, видѣнную во время ночнаго сидѣнья въ Бродахъ. Часа въ два ночи, когда на вокзалѣ стало пусто, ходившій по платформѣ часовой съ ружьемъ, изъ запасныхъ, крестьянинъ Волынской губерніи, заросшій лохматой бородой и совершенно лишенный военной выправки, присѣлъ на корточки рядомъ съ молоденькимъ австрійскимъ солдатикомъ, сидѣвшимъ въ такой же позѣ. Это былъ плѣнный, котораго вмѣстѣ съ другими отправляли въ Россію. Они оживленно бесѣдовали по-украински и поочередно курили изъ одной трубки...

— Трубка мира,—сказалъ хозяинъ, возвращаясь на свое мѣсто.—Какъ же воевать между собой этимъ людямъ?..

— Народъ украинскій въ Галиціи называетъ себя руськимъ... Это долгое время была единственная «оппозиція», которую могъ позволить себѣ нашъ мужикъ въ трудной борьбѣ съ нѣмцами и поляками. Въ народѣ живетъ стихійно-сильное тяготѣніе къ Россіи. Онъ не разбирается въ политическихъ программахъ, просто мало ими интересуется. Но то, чего онъ добился въ языкѣ, въ школѣ, въ общественныхъ организаціяхъ,—это ему дорого. Я думаю, даже вашимъ націоналистамъ не нужно этого... Они хотятъ уничтожить унію. Не знаю, зачѣмъ имъ это нужно. Скажу по правдѣ, что православіе и уніатство уживались у насъ мирно. Православныя выходили замужъ за уніатовъ и наоборотъ. Не разъ бывало, что уніатскій священникъ крестилъ православнаго ребенка и, наоборотъ, а затѣмъ крещенные записывались въ метрики своей церкви. Возможно, что унія исчезнетъ сама собой, что населеніе легко отъ нея откажется, если... Если не будетъ насилія. Зачѣмъ форсировать, зачѣмъ повторять старую ошибку? Кому нужна поспѣшность въ этомъ дѣлѣ свободной совѣсти?

— Не можетъ быть,—сказалъ въ заключеніе старый украинецъ,—чтобы Россія-освободительница отняла у насъ то, что мы отвоевали сами у нѣмцевъ цѣной тяжелыхъ жертвъ. Вы за-

[1]) Ни крошки.

гляните въ нашу исторію до 1867 года, да и послѣ этого года не легко давалась намъ наша культурная работа...»

— Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 10, 14 января) М. Пришвинъ помѣстилъ, не лишенную остроумія и наблюдательности, корреспонденцію «Война словъ» (изъ Галиціи). Нѣкоторыя мѣста этой корреспонденціи лишены углубленнаго пониманія тѣхъ явленій, съ которыми столкнулся сотрудникъ русской газеты; этимъ до извѣстной степени объясняются и тѣ отчасти рискованныя, отчасти неосторожныя утвержденія автора, которыхъ онъ, какъ родившійся и жившій, по его же собственному утвержденію, «среди народа, богатаго душой», могъ бы избѣжать, говоря о Галиціи, какъ «исторической мели». Въ остальномъ наблюденія г. Пришвина заслуживаютъ вниманія. Съ нѣкоторыми сокращеніями съ корреспонденціей его мы считаемъ не лишнимъ познакомить и читателей нашего журнала.

«Я шелъ въ ставропигію, гдѣ съ давнихъ временъ во Львовѣ нашли себѣ пріютъ люди, носящіе названіе «московофиловъ». Зналъ я о ставропигійскомъ братствѣ только по книгамъ, и потому для меня было большой трудностью найти его въ незнакомомъ городѣ. Городовыхъ на улицахъ не было, а милиціонеры, эти люди съ повязкой на рукѣ и шпагой въ карманѣ, вообще очень мало знали: полицейское дѣло было для нихъ совершенно еще незнакомо. Изъ двухъ главныхъ языковъ этого многоязычнаго города,—польскаго и нѣмецкаго,—я зналъ только нѣмецкій, и потому я спросилъ по-нѣмецки одного простолюдина, не знаетъ ли онъ, гдѣ находится ставропигійскій институтъ. Онъ замоталъ головой: не можетъ или не хочетъ говорить по-нѣмецки.

— Желаете говорить по-польски?—спросилъ я.

— По-руськи,—отвѣтилъ онъ.

Я спросилъ по-русски; онъ замоталъ головой:

— То по-россійски.

Я понялъ, что передо мною былъ русинъ, и сталъ съ грѣхомъ пополамъ объясняться съ нимъ на украинскомъ языкѣ. Выслушавъ, что я ищу ставропигію, онъ очень обрадовался, повелъ меня туда и сталъ о чемъ-то много-много говорить. Мало-по-малу я сталъ понимать, что онъ говоритъ о «жидахъ», какъ принято вовсе не въ оскорбительномъ смыслѣ слова говорить въ Галиціи, такъ же, какъ и у насъ въ Малороссіи, объ евреяхъ. Меня только удивило, что стоило мнѣ только заявить себя русскимъ, идущимъ въ ставропигію, какъ мѣстный человѣкъ уже началъ бранить «жидовъ». Время-отъ-времени мой спутникъ останавливался возлѣ большихъ домовъ съ польскими коронами и говорилъ, что дома эти находятся въ еврейскихъ рукахъ. Потомъ,—я помню,—онъ разсказывалъ еще о какомъ-то еврейскомъ мальчикѣ, воспитанномъ русинами, какъ этотъ мальчикъ потомъ сталъ богатымъ человѣкомъ и оказался очень неблагодарнымъ къ своимъ воспитателямъ. Я перевелъ рѣчь на поляковъ; русинъ и о полякахъ заговорилъ такъ же нехорошо, какъ объ евреяхъ. Мнѣ вообще очень мало приходилось путешествовать по окраинамъ; я родился и жилъ среди народа, богатаго душой; Галиція по первымъ впечатлѣніямъ могла показаться исторической мелью.

Русинъ привелъ меня въ книжную лавку и, сказавъ: «тутъ ставропигія», удалился. Я зашелъ въ лавку и спросилъ себѣ сочиненія галиційскаго писателя Ивана Франка.

Юноша-продавецъ, одѣтый въ форму австрійскаго гимназиста, отвѣтилъ мнѣ не очень дружелюбно:

— У насъ не продаются мазепинскіе писатели.

А я въ то время и понятія не имѣлъ о степени напряженности борьбы въ Галиціи между москвофилами и украинофилами, и слова «мазепинецъ» я не понималъ. Я поднялъ свой бѣлый флагъ наблюдателя съ девизомъ sub specie aeternitatis и сказалъ гимназисту:

— Франко—извѣстный писатель. Можетъ быть, по вашему и Шевченко мазепинецъ?

Гимназистъ сказалъ:

— У насъ не продается Шевченко.

Очевидно, Шевченко былъ тоже мазепинецъ.

Мнѣ попалась на глаза историческая книжка. Первыя страницы ея совершенно правильно были написаны по-русски, и только вмѣсто «какъ» было «якъ», вмѣсто «что»—«що», но чѣмъ дальше, тѣмъ языкъ больше запутывался и, наконецъ, переходилъ въ такую необыкновенную рѣчь:

«Сегодня чешская литература неизвѣстна ширшей публицѣ поляковъ и русскихъ, польская и русская неизвѣстна ширшимъ кругамъ чеховъ. Лишь одинъ языковѣдъ можетъ изучати головныи славянскіе языки»...

Я спросилъ юношу-продавца книгъ, почему такимъ страннымъ языкомъ написана эта книга.

— Локальная варіація,—отвѣтилъ мнѣ гимназистъ.

Въ это время вошелъ новый покупатель и поздоровался съ юношей, отчеканивая каждый слогъ:

— Мое паштэніе, милостивый государь!

— Благодарю покорно,—отвѣтилъ гимназистъ, тоже отчеканивая каждый слогъ.

Пока они разговаривали на своемъ торжественномъ латино-славяно-русскомъ нарѣчіи, я отыскивалъ въ книгахъ все новые и новые образцы этого языка, повидимому, совершенно оторваннаго отъ народнаго творчества; я нашелъ даже грамматику этого языка съ такимъ предисловіемъ:

«Иди-же моя книжечка подъ каждую селянскую стрѣху, скрытно проникай въ народную и середнюю стрѣху школу и гони оттуда лжеучителя-сепаратиста, втискайся въ каждую мѣщанскую комнату, находись на каждомъ варштотѣ ремесленника и на подголовіи деннаго заробника-хомѣрника!».

Я находилъ романы, стихи, поэмы на этомъ языкѣ.

Одна поэма начиналась:

«Тѣ, якъ и прочія повѣрья,
Софроній любитъ съ давнихъ лѣтъ,
Когда его дѣтская вѣра встрѣчала иный свѣтъ»...

Проза тоже была въ родѣ стиховъ:

«Лѣта мои молодыя, гдѣ вы подѣлись? Вернете ли вы опять? Вернете и вертаете, но лишь въ думкахъ, которыи силой-неволею прибиваются изъ головы, выводятъ на явъ миновшитъ, переплетенную веселіемъ и горемъ, беззаботностію и печалію».

Пока я собиралъ эти образцы языка, пришедшій господинъ купилъ все, что ему нужно, и, наконецъ, пожелалъ «отчитываться», т.-е. считаться.

Я тоже показалъ юношѣ на покупаемыя мной повѣсти и поэмы и, кажется, выборомъ своимъ расположилъ его къ себѣ. Онъ даже предложилъ мнѣ и Франка, но только очень просилъ никому-никому объ этомъ не разсказывать: «Сохрани, Боже!»—хотѣлъ онъ сказать, но выговорилъ «Спаси, Господи!».

Я очень хотѣлъ узнать, какъ на этомъ языкѣ инклинацій, информацій, перемѣшанномъ съ якъ и що, люди могутъ, напримѣръ, объясняться въ любви. Но юноша разсказалъ, что тамъ, въ деревнѣ, откуда онъ родомъ, совсѣмъ не говорятъ на такомъ языкѣ. Онъ ему научился въ тайномъ гимназическомъ кружкѣ.

Юноша въ концѣ не только Франка продалъ, но даже обѣщался къ завтраку достать полнаго, запрещеннаго у насъ, Шевченка.

Изъ лавки ставропигійскаго братства я попалъ на многоязычный базаръ. Тамъ были карпатскіе горцы въ самотканной одеждѣ. Встрѣчаясь, они привѣтствовали другъ-друга словами «Миръ вамъ!»; другія славянскія народности вмѣсто нашего «здравствуйте» говорили «Слава Богу»; нѣкоторые изъ нихъ продавали «красно писанныя палочки». Я ловилъ эти слова среди городскаго «язычія» и жаргона смѣшанныхъ народностей, какъ будто на полѣ сраженія среди труповъ находилъ уцѣлѣвшихъ живыхъ людей. Среди всей этой многоязычной толпы вездѣ были русскіе солдаты, пили чай, ѣли колбасу, приспособляясь, тамъ къ нѣмецкому, тамъ къ польскому, тамъ къ украинскому. Мнѣ казалось, они были тутъ только явными представителями и раньше бывшей здѣсь тайной войны между этими народностями и классами населенія.

И въ церквахъ, посѣщаемыхъ мной въ это утро, я вездѣ встрѣчалъ оголоски этой войны: тутъ боролись между собой различныя формы поклоновъ, перстоложеній, напѣвовъ, цвѣтовъ на свѣчахъ. Смотря по тому, кто былъ патрономъ церкви, она имѣла видъ то католической, то восточной; скамьи для сидѣнья то очень большія заполняли, какъ въ костелахъ, все пространство для молящихся, то сокращались до половины, то вовсе исчезали, и только маленькія, незамѣтныя лѣпились у самыхъ стѣнъ. Иконостасы то закрывали алтарь доверху, то, ажурные и узенькіе, дѣлали видимой всю службу въ алтарѣ, какъ у католиковъ. Въ одной церкви мнѣ разсказывали, что громадный образъ Николая Угодника раньше былъ въ иконостасѣ, теперь же его перенесли въ алтарь за престолъ, иконостасъ уменьшился до половины, и Николай Угодникъ, убранный цвѣтами, сталъ смотрѣть по западному. Въ церкви, гдѣ сохранилась могила Ѳедора-первопечатника, меня водилъ въ алтарь іезуитскій монахъ и, самъ похожій скорѣе на

военнаго, спрашивалъ, нѣтъ ли у меня съ собой сабли. Тициановскія слащавыя, пухленькія лица святыхъ, ангеловъ и Богородицъ боролись съ греческими постными ликами, хоровое пѣніе—съ органными звуками, колокольчики—съ тимпанами. Въ одной уніатской церкви, гдѣ почти не было скамеекъ, образа восточные, и все вообще напоминало очень восточную церковь; служилъ священникъ, бритый, похожій на покойнаго папу. Я услышалъ здѣсь во время войны проповѣдь о Христѣ на чистомъ украинскомъ языкѣ, и народъ со слезами на глазахъ, слушая эту проповѣдь на родномъ языкѣ, не разъ становился на колѣни. Послѣ службы я подошелъ къ священнику, поблагодарилъ его за проповѣдь и просилъ объяснить мнѣ эти замѣченныя мной въ разныхъ церквахъ измѣненія въ уніатскомъ обрядѣ. Священникъ отвѣтилъ мнѣ на языкѣ галиційскихъ образованныхъ русскихъ (sic!), удивился моей быстрой «рекогносцировочности» въ «локальныхъ» дѣлахъ, «информаціи» въ религіозныхъ вопросахъ, а о замѣченныхъ мною отклоненіяхъ въ обрядѣ сказалъ, какъ и тотъ гимназистъ о латинскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ:

«Локальная инклинація».

Москофилы, запрещающіе продать Шевченка и Франка, ставшихъ достояніемъ европейской литературы, въ иномъ свѣтѣ представляются нашимъ націоналистамъ, чѣмъ г-ну Пришвину! Очень жаль, что послѣдній не ознакомилъ читателей «Русскихъ Вѣдомостей» съ украинской книжной продукціей.

Все же бѣдный гимназистъ, москвофилъ, продавецъ книгъ въ Ставропигіи, едва ли поблагодаритъ Л. Пришвина за разсказъ о «тайной» продажѣ Шевченка и Франка: не поздоровится гимназисту отъ гг. Дудыкевичей и Лабенскихъ!

Вопросъ о субсидіи галицкимъ учителемъ въ петроградской думѣ (Засѣданіе 14 января), по сообщенію «Дня» (№ 14), вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣніями. Въ связи съ заявленіемъ въ предыдущемъ засѣданіи по этому вопросу гл. Аф. В. Васильева, поступило аналогичное ходатайство на имя городского головы и отъ Лохвицкой-Скалонъ. Городской голова предлагаетъ думѣ ходатайство это удовлетворить и сдѣлать ассигнованіе въ суммѣ 7½ т. руб. изъ «милліоннаго фонда», предназначеннаго на нужды военнаго времени.

Первымъ возражаетъ Н. И. Коробка. Онъ боится, что дума рѣшитъ этотъ вопросъ «въ слѣпую», имѣя смутныя свѣдѣнія о томъ, что творится въ Галиціи. Въ частности, русско-галицкое общество, которое организовало пріѣздъ этихъ учителей—есть политическая организація, ведущая въ Галиціи активную борьбу,

. . . . . .

. . . . . .

Н. Н. Шнитниковъ тоже подчеркиваетъ, что политическая тенденція въ дѣятельности русско-галицкаго общества мѣшаетъ городу вмѣшаться въ это дѣло.

— Если и давать деньги,—замѣчаетъ ораторъ,—то во всякомъ случаѣ не въ распоряженіе этого общества.

Эти заявленія вызвали протестъ со стороны «правой» думы... Гласн. Васильевъ волнуясь говоритъ:

— Стыдно думать, что русскіе люди, хотя бы и малороссы, могли обойтись безъ русскаго языка.

Между пропагандой особнячества и русскимъ обществомъ нѣтъ ничего общаго...

Гласные недоумѣваютъ.... Развѣ кто-нибудь объ этомъ говорилъ?!

Гласн. П. П. Дурново пошелъ еще далѣе. Онъ заявилъ:

— Я, какъ военный, не могу этого допустить. По-моему, такія рѣчи, какъ гл. Коробки и Шнитникова, стыдно даже помѣщать въ стенограмму нашего засѣданія.

Предсѣдательствовавшій вчера В. Д. Кузьминъ-Караваевъ прервалъ оратора и заявилъ:

— Когда я предсѣдательствую, не можетъ быть произнесено ораторами, которыхъ я не остановилъ, такихъ рѣчей, которыя стыдно было бы занести въ стенограмму.

И пришлось генералу Дурново смиренно подчиниться этому справедливому замѣчанію.

Долго о своихъ чувствахъ къ галичанамъ говорилъ В. С. Кривенко.

М. П. Федоровъ предлагаетъ отбросить политику, которой мѣсто не въ этомъ собраніи...

Н. Н. Шнитниковъ хочетъ дать объясненія по личному вопросу, но «правая» возмущается и не даетъ оратору говорить.

Деньги ассигновали, присоединившись къ ходатайству городского головы...

Къ лекціи прот. М. В. Митроцкаго въ Кіевѣ о Галичинѣ. По сообщенію «Кіева», членомъ Государственной Думы прот. Митроцкимъ (правый) былъ прочитанъ 22 января докладъ, посвященный Галиціи. Докладчикъ говорилъ о событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ и современномъ положеніи Галичины послѣ оккупаціи ея русскими войсками. Докладчикъ сообщилъ между прочимъ о гоненіяхъ и репрессіяхъ, которымъ подверглось «русское» населеніе края со стороны австрійскихъ военныхъ и гражданскихъ властей. Сообщеніе это требуетъ поправокъ. Репрессіямъ подверглись не только такъ-называемые «москвофилы», но и все украинское населеніе Галичины. Мадьярскими войсками казненъ между прочимъ уніатскій священникъ о. Зубрицкій, украинскій ученый—историкъ; арестованы: публицистъ О. Назарукъ, членъ львовскаго сейма Новаковскій и цѣлый рядъ другихъ украинскихъ дѣятелей. По сообщеніямъ лицъ, имѣвшихъ возможность побывать въ Галиціи и собравшихъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ австрійской власти какъ военной, такъ и гражданской въ дни, предшествовавшіе непосредственно военнымъ дѣйствіямъ и, потомъ, занятію Галичины русскими войсками, положеніе дѣла рисуется нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ это представлено о. Митроцкимъ или «Прикарпатской Русью». Какъ мы уже сообщали въ № 11—12 «Украинской Жизни» за 1914 г., арестамъ и всякимъ другимъ формамъ

преслѣдованій подверглось все населеніе (украинское) мѣстнаго края. Въ доносахъ и расправахъ надъ украинцами опредѣленную роль сыграла польская администрація Галичины, вдохновляемая и руководимая вшехполяками и другими польскими націоналистами. Въ атмосферѣ возбужденія и недовѣрія, создавшейся уже въ первые дни войны, достаточно было неободобрительнаго отзыва о комъ-нибудь, высказаннаго вліятельнымъ въ данномъ округѣ лицомъ, чтобы заподозрѣнный былъ арестованъ и подвергался репрессіямъ вплоть до казни. Обращенія къ мѣстной высшей власти за заступничествомъ, не достигли своей цѣли. Съ цинизмомъ и пилатовскимъ умываніемъ рукъ высшая власть отклоняла ходатайства о помощи, вручая судьбу заподозрѣнныхъ въ руки мадьярскимъ войскамъ, творившимъ, «скорый судъ», безъ милости и пощады. Обо всемъ этомъ слѣдовало бы, «Прикарпатской Руси» и о. Митроцкому, въ цѣляхъ объективности и полнаго освѣщенія галицкихъ отношеній, поставить въ извѣстность и своихъ читателей и своихъ слушателей.

Вечеръ въ Москвѣ, посвященный Галиціи. 19-го января въ большой аудиторіи Политехническаго музея состоялся вечеръ, посвященный Галичинѣ. С. М. Чемодановъ съ успѣхомъ прочелъ популярное изложеніе прошлаго Галичины.

Обрисовавъ тяжелое прошлое Галичины и выразивъ надежду, что грядущее присоединеніе къ великой Россіи обѣщаетъ Галичинѣ новую свѣтлую эру, лекторъ указалъ, что объективность заставила его остановиться на тяжелой страницѣ исторіи Галичины, на рядѣ угнетеній отъ родного по крови польскаго народа, и высказалъ для будущаго пожеланія единенія, народныхъ правъ, свободы и новаго возрожденія многострадальной страны.

В. В. Яковенко читалъ о современной Галичинѣ, объ этнографическомъ составѣ ея восьмимилліоннаго населенія (изъ нихъ 3½ милл. русиновъ) и о шагахъ къ національному возрожденію со стороны русинскаго населенія. Въ этомъ направленіи обнаружилось два теченія, которыя, работая во многихъ отношеніяхъ параллельно, разошлись въ вопросѣ о желательномъ для русинской культуры языкѣ: «москофилы» стояли за великорусскій, а «народовцы», вліяніе которыхъ въ послѣднее время разросло, стояли за языкъ украинскій.

Вечеръ закончился музыкальнымъ отдѣленіемъ, посвященнымъ русинскому (sic) и украинскому народному творчеству.

«Утро Россіи», откуда мы беремъ эти свѣдѣнія, говоря о лекціи В. В. Яковенко, замѣчаетъ, что симпатіи лектора были на сторонѣ украинскаго теченія: «Это дѣлало его изложеніе не объективнымъ». Для «Утра Россіи» объективность въ украинскомъ вопросѣ тамъ, гдѣ отрицаютъ этотъ вопросъ и относятся къ нему, какъ къ подлежащему искорененію.

Докладъ Г. Тана въ московскомъ Юридическомъ собраніи «Четыре націи». 19-го января извѣстный писатель Танъ прочиталъ докладъ о «Четырехъ націяхъ» въ Галичинѣ. Докладчикъ, въ качествѣ корреспондента одной русской газеты, прожилъ въ Галичи-

нѣ полтора мѣсяца и подѣлился своими наблюденіями передъ ауди-торіей московскаго юридическаго собранія. Наблюденія г. Тана болѣе или менѣе вѣрны, объективны и представляли большой интересъ для слушателей. Въ особенности интересны были сообщенныя имъ свѣдѣнія о дѣятельности украинскихъ кооперативныхъ организацій, покрывшихъ густою сѣтью Галичину. Интересъ представляло для слушателей-украинцевъ сообщеніе докладчика о запискѣ, поданной украинскими дѣятелями Галичины, высшей мѣстной власти о желательности и необходимости открытія украинскихъ кооперативовъ въ цѣляхъ оказанія экономической помощи разоренному населенію края. За позднимъ временемъ пренія и обмѣнъ мнѣній по поводу доклада не состоялись.

— 25-го января въ квартирѣ одного изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей г. Москвы состоялось, по сообщенію мѣстныхъ газетъ («Утро Россіи») собраніе, на которомъ уполномоченный общеземскаго союза проф. С. А. Котляревскій подѣлился своими впечатлѣніями и наблюденіями, вынесенными изъ поѣздки въ Галичину. На собраніи присутствовали многіе представители русскихъ, польскихъ, украинскихъ и еврейскихъ круговъ г. Москвы. Объ этомъ собраніи болѣе полныя свѣдѣнія будутъ сообщены нами въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Разгромъ земскихъ библіотекъ при Л. А. Кассо въ Кіевской губерніи. «Русское Слово» (№ 20) опубликовало, на основаніи собранныхъ имъ чрезъ своихъ корреспондентовъ, свѣдѣнія о разгромѣ земскихъ библіотекъ за время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо. Кіевскій корреспондентъ «Русскаго Слова» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія по этому поводу:

Въ кіевскомъ земствѣ, какъ молодомъ, библіотечное дѣло поставлено весьма слабо.

Но циркуляръ Кассо, отдавшій земскія библіотеки во власть инспекторовъ, окончательно погубилъ и эти слабые ростки просвѣтительнаго дѣла.

Изъ библіотекъ какъ Кіевскаго, такъ и другихъ уѣздовъ были изъяты, по требованію инспекторовъ, всѣ безъ исключенія книги на малорусскомъ языкѣ, какъ беллетристическія, такъ и научныя, богословскія и др.

Въ общемъ, въ 30-ти школьныхъ библіотекахъ Кіевскаго уѣзда, изъято около 2,000 малорусскихъ книгъ, составляющихъ 10—20% общаго числа книгъ.

Изъ книгъ на русскомъ языкѣ изымались даже нѣкоторые учебники.

Замѣчательно, что эти изъятія были произведены изъ книгъ, предварительно уже пропущенныхъ, ибо списки книгъ представлялись на предварительную цензуру инспекторовъ до покупки.

Только одно уманское земство опротестовало циркуляръ о библіотекахъ, указавъ въ подробно мотивированномъ докладѣ, что изъятіе малорусскихъ книгъ совершенно обезцѣнило библіотеки.

Далѣе указывалось на большой вредъ для сельскаго хозяй-

ства отъ изъятія популярныхъ агрономическихъ брошюръ на малорусскомъ языкѣ, благодаря которымъ крестьяне пріучались къ болѣе культурнымъ методамъ веденія сельскаго хозяйства.

Любопытная исторія произошла съ павленковскими библіотеками.

Ихъ было въ Кіевской губерніи 100.

Всѣ онѣ были закрыты по требованію учебнаго округа.

Сюда пріѣзжалъ представитель наслѣдниковъ Павленкова г. Черкасовъ и требовалъ возврата изъятыхъ книгъ.

Оказалось, что книги частью розданы, частью уничтожены.

— Губернское Земство въ Екатеринославѣ, во время послѣдней сессіи постановило учредить стипендіи для крестьянскихъ дѣтей **имени Т. Шевченка** въ школахъ сельско-хозяйственныхъ и реальномъ училищѣ.

— **Что читаетъ украинская деревня?** Харьковская газета «Утро» сообщаетъ, что въ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губ. была произведена анкета на тему о томъ:

— Что читаетъ сейчасъ деревня?

Отвѣты получились въ высшей степени интересные и крайне важные для характеристики проснувшейся народной мысли.

Въ Харьковской губ.

— Читаемъ газеты. Нѣкоторые сельчане «вскладчину» даютъ «гроші» на газету. «Був у сусіда. Він читав мині про войну. Ну, і хлопці наші москалі! Дай ім Бог здоровля. Жаль, что наша читальня «не мае газеты» (Изъ Славгорода, Ахтырскаго у.).

— «Бова—осточортів». «читав цю фанаберію». Былъ въ земской школѣ и смотрѣлъ «театръ». «Добрая кумедія»... «Здается, як наше життя»... (Изъ Поповки, Изюмскаго у.).

— Въ лавкѣ намъ читаютъ газету. «Кажут, що це клуб». А то-ж ще? І я-ж кажу, що клуб». «Жаль, що я—не грамотный». «А дітки мои—в школі». (Изъ Нов.-Рябины, Богодуховскаго у.).

— «Читав «Кузьму Крючкова». «Тонюсенька книжка». А книг нема, і газети нема» (Изъ Зміевскаго у.).

— Одинъ панич читалъ «мині і хлопцям (аж пьять хлопців) про Нестора (конечно, о погибшемъ Нестеровѣ), що съ еропланом, сердешный, убывся» (Изъ Сумскаго у.).

— Попав лысток: «як Вильгельмъ чорта выдумав». Брехня. Вередує той, хто пысав цеє» (Изъ Купянскаго у.).

— Вотъ, если бы «добра душа» прислала бы намъ «кныжок». У насъ «грамотіів чи мало!.. І газетокъ имѣть «не шкода». (Изъ Валковскаго уѣзда).

— Писарь давъ мині на недилі «Хозяина, та работныка». Казав він, що пысав цю книжку барын, що землю мужикам подарував». «Читав... Он, як!.. И чудно, и добре». «Ласковый барин—зараз видно» (Изъ Волчанскаго у.).

Въ Полтавской губ.

— Я, писарь, прошу пропечатать нижеслѣдующее сообщеніе. Былъ сходъ. Рѣшили крестьяне газету выписывать. Давай имъ газету, и никакихъ разговоровъ. Собрали деньги. Сталъ я имъ иногда почитывать. Слушаютъ внимательно. А потомъ спрашиваютъ: хо-

рошая ли это газета? Говорю: ничего. А они говорятъ: нѣтъ, ты дай намъ хорошую. Не хорошую «намъ не треба» (Изъ Константиноградскаго у.).

— Намъ подарили «Пропавшую грамоту» Гоголя. Мій «сусид, дурный він, каже: що це за Гоголь? Траву таку маэм. Я ему кажу: схаменыся, це наш земляк, покійнычок. Був він, як мини казали, в Пілтавскої губ. и пысав книжки». (Изъ Миргородскаго у.).

— Зеньковская уѣздная земская управа съ 18 августа 1914 г. издавала здѣсь безплатные выпуски телеграммъ, которые разсылались по волостямъ уѣзда. Нынѣ изданіе прекращается, такъ какъ телеграммы приходили позже краевыхъ газетъ. Мѣстные крестьяне за 6—7 верстъ пріѣзжали спеціально, чтобы узнать «новости о войнѣ» (Изъ Зеньковскаго у., отъ соб. кор.).

— Пришлите, Бога ради, газету, «або яку книжку» о войнѣ. Помылосердствуйте (Изъ Кобелякскаго у.).

Въ Екатеринославской губ.

— Мы слышали, что будутъ печатать газету въ земствѣ. «Ось якъ!» Пусть «пропечатаютъ» о нашемъ хозяйствѣ. «Да нехай пышут, щоб мы поняли» (Изъ Екатеринославскаго у.).

— На нашихъ рудникахъ читали мало. Больше пили. Теперь многіе читаютъ, и одобряютъ чтеніе. Что читаютъ? Да все брошюры и газеты. Особенно газеты. Книги я видѣлъ—хорошія. Кольцова читали. Нравится, говорятъ. Нѣтъ вотъ только библіотекъ (Изъ Бахмутскаго у.).

— «Попався мени тутечка лыст. «О конячемъ сапѣ». Читав, читав. Ни, не второпаю. Хто їх знає, як пысалы». У насъ и «дивки грамотны». «Грамотны, таки-сяки диты» (Изъ Верхнеднѣпровскаго у.)».

Было бы наиболѣе отвѣчающимъ интересамъ просвѣщенія удовлетворить духовный голодъ украинскаго крестьянина при помощи родного слова, при помощи книги на родномъ, украинскомъ, языкѣ. Но... само слово это находится подъ подозрѣніемъ, а доступъ украинской книги обставленъ всяческими ограниченіями и препятствіями.

Болѣзнь академика Ѳ. Е. Корша. Академикъ Ѳ. Е. Коршъ, извѣстный ученый и общественный дѣятель, неоднократно помѣщавшій свои статьи по украинскому вопросу и въ нашемъ журналѣ, сильно занемогъ. Больному сдѣлана операція, прошедшая благополучно.

Библіографія.

Н. Лаговъ. *Галичина, ея исторія, природа, населеніе, богатства и достопримѣчательности. Стр. 123+VIII, карта страны и 31 рис.*

«Въ этой книгѣ собрано о Галичинѣ все наиболѣе существенное, начиная съ ея многострадальной исторіи и кончая ея современными особенностями и достопримѣчательностями; хотя еще многое, о чемъ слѣдовало сказать, пришлось отложить по условіямъ времени». «Для этой работы мнѣ приходилось пользоваться какъ старыми трудами нашихъ славяновѣдовъ, такъ и богатымъ наплывомъ текущихъ матеріаловъ въ повременной печати». Такъ говоритъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ г. Лаговъ и съ такими заданіями подходитъ къ работѣ. Многообѣщающее вступленіе даетъ право надѣяться найти, наконецъ, научное освѣщеніе исторіи и современнаго положенія Галиціи, изложенное въ популярной формѣ. Но сомнѣнія въ основательности обѣщаній автора вытекаютъ уже черезъ 2—3 фразы: въ перечнѣ пособій, служившихъ основой для разбираемой работы, списокъ которыхъ любезно приводится, мы не находимъ ни одного имени крупныхъ украинскихъ ученыхъ, по зато, какъ «драгоцѣнный источникъ» указаны Э. Реклю и Немировичъ-Данченко. (!). Конечно, никто не можетъ отнять у источниковъ г. Лагова доли «оригинальности», но только въ цѣнности результатовъ такого подбора матеріаловъ заранѣе позволительно сомнѣваться. Можно смѣло утверждать, что ни одинъ изъ составителей популярныхъ брошюръ по исторіи Франціи, Англіи или еще какой-либо страны, не рѣшился бы базироваться на указанныхъ источникахъ съ прибавленіемъ энциклопедическаго словаря. Для исторіи же Галиціи законъ не писанъ и каждый старается повернуть ее на свой ладъ, сообразно личнымъ вкусамъ и въ мѣру личной изобрѣтательности. Въ этомъ отношеніи—искаженія истины—г. Лаговъ далъ дѣйствительно образцовое произведеніе.

Мы не будемъ останавливаться на подробномъ указаніи невѣрныхъ датъ, отдѣльныхъ ошибокъ въ мелкихъ фактахъ и т. п. (количество ихъ, кстати сказать, болѣе, чѣмъ достаточное). Ограничимся лишь выясненіемъ физіономіи брошюры и посмотримъ, въ какомъ свѣтѣ выставляетъ она украинство и его дѣятельность. Ту же «оригинальность», какая проявилась въ подборѣ источниковъ, обнаруживаетъ авторъ и въ пользованіи матеріаловъ: факты признаются имъ постольку, поскольку не противорѣчатъ его апріорнымъ построеніямъ, а дальше онъ или спутывается и впа-

даетъ въ противорѣчіе со своими собственными утвержденіями, или не стѣсняется прибѣгать не только къ извращеніямъ, но и къ клеветѣ.

Брошюра г. Лагова распадается какъ бы на 2 части: первая—конгломератъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній: по исторіи, географіи, естествознанію, языкознанію, фольклору и др.; вторая носитъ характеръ «гида» (видъ литературы, по всей вѣроятности хорошо извѣстный автору, т. к. онъ составилъ нѣсколько «гидовъ» по столицамъ и курортамъ Европы) и «практическія» свѣдѣнія выдвинуты на первое мѣсто. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на первой части, какъ болѣе типичной для характера выводовъ автора.

Много хлопотъ доставляетъ составителю религія галичанъ, не мало усилій приходится затратить для доказательства ихъ «православія». И, нужно сказать, что, въ концѣ-концовъ онъ съ этой задачей не справился. «Русскіе уніаты Галичины до сихъ поръ считаютъ себя православными, полагая, что православіе коренной Россіи лишь «тверже» ихъ вѣры; и нерѣдко, покидая унію, переходятъ вполнѣ въ него» (стр. 18—19). Но нѣсколько дальше память измѣняетъ автору и онъ утверждаетъ какъ разъ противоположное: «чисто православныхъ до 1814 г. почти не было» (стр. 40). Которое же утвержденіе правильно? Объ этомъ авторъ умалчиваетъ, позабывъ привести здѣсь цифровыя данныя, которыми онъ пользуется въ другихъ случаяхъ. Правда, нѣсколько ниже, на той же страницѣ, приведено процентное отношеніе исповѣданій Галичины къ числу населенія (45% населенія католики, 42%—уніаты), но оно ничего не говоритъ, т. к. не указанъ процентъ іудеевъ, протестантовъ, армяно-грегоріанъ и др. и судить о количествѣ православныхъ невозможно. Поэтому намъ придется напомнить автору, что среди украинцевъ уніатская паства исчисляется въ 3,540 тыс. человѣкъ, католиковъ около 200 тыс. и православныхъ всего 2,845 человѣкъ.

Не менѣе старательно обращаются въ православіе и угроруссы, съ той разницей, что послѣднее «вывозится» для нихъ изъ Америки: «въ отношеніи вѣроисповѣданія всѣ угрорусы офиціально числятся греко-уніатами, но до сихъ поръ упорно называютъ себя православными; православіе дѣйствительно у нихъ не исчезло, но сохраняется во всей своей чистотѣ, вѣроятно, благодаря тому, что поддерживаются тѣсныя сношенія съ угроруссами монахами на Аѳонѣ и съ американской православной церковью» (стр. 45).

Еще дальше идетъ авторъ въ вопросѣ объ украинскомъ движеніи и украинскомъ языкѣ. Разумѣется, «пресловутое украинство» явилось результатомъ австрійской интриги, цѣль которой—внести раздѣленіе среди галичанъ, «пустить русина на русина». «Украинское движеніе въ Галичинѣ начало свое положило изъ Россіи еще въ пору общаго увлеченія произведеніями Шевченка» (стр. 26); раньше украинцевъ не существовало, были только русскіе, проводившіе свои «чисто-русскіе тенденціи». Различіе между украинцами и русскими въ томъ, что первые «обособленность свою мало-по-малу довели до утвержденій, что они совсѣмъ

не русскіе, а самостоятельный народъ; точно также самостоятельнымъ языкомъ, по ихъ мнѣнію, является и то малорусское нарѣчіе, на которомъ говорятъ русскіе галичане» (стр. 26). Какъ видно, политика раздѣленія, проводимая Австріей, увѣнчалась успѣхомъ и сторонники «самостійной Украйны» «нашли себѣ дружную поддержку въ Австріи и у галицкихъ поляковъ» (стр. 26). Уже не стремилась ли и Австрія къ «самостійной Украйнѣ», поддерживая, по заявленію г. Лагова, украинцевъ? Обвиненія украинцевъ въ сепаратизмѣ и гипотеза объ австрійской интригѣ не новы (кстати, въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о сепаратизмѣ иностранномъ, такъ что не совсѣмъ понятно, почему авторъ принимаетъ такъ близко къ сердцу интересы австрійской государственности и съ такой силой обрушивается на украинцевъ). Онѣ успѣли, съ легкой руки г. Юзефовича, еще съ середины 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, прочно утвердиться среди авторовъ, не имѣющихъ другихъ аргументовъ, кромѣ инсинуацій и брани. Есть еще третье излюбленное обвиненіе—иностранныя деньги—и г. Лаговъ не преминулъ имъ воспользоваться.

Стремясь обособиться отъ всего русскаго, галиційскіе украинцы «изобрѣли свое особое фонетическое правописаніе» и, даже «не довольствуясь уніей, задались цѣлью формально принять католичество» (стр. 27). Такое умонастроеніе, какъ уже было отмѣчено, нашло поддержку въ официальныхъ кругахъ и «ярый ненавистникъ русскихъ» графъ Голуховскій «своимъ подчиненнымъ галичанамъ объявилъ, что они совсѣмъ не такіе русскіе, какіе живутъ въ Россіи, а—русины или рутены; даже рутенцы, а позднѣе—украинцы; не имѣя возможности истребить изъ разговорной рѣчи слова русскіе или русска, онъ предписалъ писать ихъ или съ однимъ лишь с (руска), или со вставкой ь (руська)» (стр. 23). Приведенная цитата, кромѣ своей явной тенденціозности, обличаетъ глубочайшее невѣжество автора въ историческихъ вопросахъ. Однако, онъ не единственный сторонникъ такого объясненія терминовъ «русинъ», «руській», «русскій» и «украинецъ», оно выдвигается многими авторами извѣстнаго типа, почему мы сдѣлаемъ маленькую историческую справку: Вышеуказанные термины очень древняго происхожденія и встрѣчаются во многихъ памятникахъ. Названіе «русинъ» обозначало обитателя средняго Поднѣпровья (такъ «Русская Правда» различаетъ русина и славянина). Употреблялся онъ и въ другомъ значеніи—русскаго славянина вообще, а не только приднѣпровца. Въ этомъ смыслѣ находимъ его въ мирномъ договорѣ князя новгородскаго Ярослава Владимировича съ нѣмцами около 1195 г.: «Оже іемати скотъ Варягоу на Роусинѣ или Русину на Варязѣ»... (памятн. Истор. Вел. Новг., подъ ред. С. В. Бахрушина, стр. 63). «Въ томъ же договорѣ упоминается и о «Рускыхъ городѣхъ». Существовало названіе «русинъ» и позже: въ договорной грамотѣ литовскаго князя Казимира Ягелловича со Псковомъ, 30 декабря 1440 г., обѣщается свободный пропускъ въ Литву всякаго гостя «или Ляхъ, или Русинъ, или Полочанинъ, или Витиблянинъ, или Смольнянинъ» (ibid. стр. 86). Терминъ «украи-

нецъ» тоже насчитываетъ не одно столѣтіе. Такимъ образомъ ясно, насколько абсурдно мнѣніе г. Лагова о происхожденіи этихъ обозначеній. Украинцы не ограничили свою дѣятельность одной Галиціей, а пытались перенести ее и въ Угорскую Русь. Но здѣсь политика «созданія» языка и національности потерпѣла крушеніе и угроруссы составляютъ пріятное исключеніе: «языкъ ихъ остался неискалѣченнымъ украинцами. Всѣ учебники въ школахъ и вся мѣстная литература пишутся не фонетикой, а обще-русскимъ этимологическимъ правописаніемъ и совершенно свободны отъ украинскаго жаргона» (стр. 46). Врядъ ли нужно останавливаться особенно подробно на вопросѣ о «жаргонѣ»; исторія языка доказываетъ невѣрность этого мнѣнія. Изученіе древнерусскихъ литературныхъ памятниковъ обнаружило, что «различія были уже и въ языкѣ отдѣльныхъ племенъ;—другими словами, русскій языкъ уже въ древнѣйшую пору (IX в.) дѣлился на говоры». Съ теченіемъ времени различія эти не сгладились, а усилились, «памятники, написанные, напримѣръ, въ Вел. Новгородѣ, отличаются по языку отъ написанныхъ на Волыни и въ Галичѣ» и, очень важно, что «главнѣйшія черты современнаго малорусскаго нарѣчія мы найдемъ въ древнихъ памятникахъ галицко-волынскихъ XII в.». Приведенныя цитаты взяты изъ статьи Д. Н. Ушакова, извѣстнаго знатока исторіи языка. Онѣ доказываютъ, что языкъ украинскій не явился результатомъ политики австрійскаго правительства или украинскаго обособленія, а развился въ результатѣ длительнаго историческаго процесса, при чемъ коренныя различія, въ томъ числѣ и фонетическія, намѣтились очень рано.

Но на какомъ же языкѣ, по мнѣнію г. Лагова, говорятъ галичане и угроруссы? На русскомъ, который «напоминаетъ малороссійское нарѣчіе, но ближе его къ русскому литературному языку» (стр. 41). Правда, авторъ не скрываетъ, что благодаря продолжительному польскому вліянію, въ этотъ языкъ вошло много польскихъ словъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «господствуетъ ужасная смѣсь обоихъ языковъ». Это не мѣшаетъ «русскимъ» галичанамъ понимать общерусскій языкъ и «съ увлеченіемъ и любовью» читать на немъ книги: въ Галиціи они посѣщаютъ вечерніе курсы при бурсахъ, на которыхъ изучаютъ русскій языкъ, исторію и литературу и «все воспитаніе велось въ строго русскомъ и даже церковномъ духѣ» (стр. 27), а у угроруссовъ открыты тайныя школы «гдѣ усердно обучались церковно-славянскому и русскому литературному языку не только дѣти, мальчики и дѣвочки, но даже и взрослые» (стр. 46). Автора не смущаетъ, очевидно, нѣкоторая несообразность: не католиковъ же и уніатовъ, въ самомъ дѣлѣ, обучаютъ и воспитываютъ въ школахъ въ русскомъ «церковномъ духѣ», а мы видѣли выше какъ мало въ Галиціи православныхъ.

Занятія населенія не ограничиваются русскимъ языкомъ: читаютъ и польскія книги и тоже «съ удовольствіемъ». Нужно сказать, что такое лингвистическое богатство низшихъ школъ, въ связи съ изученіемъ церковно-славянскаго языка дѣтьми и взрослыми (не въ примѣръ Россіи, гдѣ онъ составляетъ сущее мученіе всѣхъ учащихся средней и низшей школы и забывается еще до

окончанія учебнаго заведенія), не вліяетъ, очевидно, на подъемъ культурности населенія, такъ какъ, по свѣдѣніямъ автора, процентъ неграмотныхъ среди галицкихъ украинцев, по однимъ даннымъ достигаетъ 67, а по другимъ даже 79,8%.

Касается авторъ и украинской печати, но, изъ всѣхъ газетъ Галиціи, достойной упоминанія считаетъ лишь «Прикарпатскую Русь», какъ органъ, имѣющій, «наиболѣе опредѣленную физіономію» (стр. 63).

Образцомъ «домысловъ» автора можетъ служить и объясненіе официальнаго названія Галиціи—«королевство Галиціи и Лодомеріи». По его мнѣнію оно явилось въ концѣ XVIII в., послѣ присоединенія Галичины къ Австріи, и слово «Лодимерія»—«искаженіе слова «Владимирія» по имени князя кіевскаго Владимира» (жаль не указано котораго. Не въ честь ли Владимира святого или Мономаха назвали австрійцы свое новое пріобрѣтеніе?). На самомъ дѣлѣ титулъ этотъ ведетъ начало съ первой половины XIII в., когда венгерскій король временно овладѣлъ Галиціей, принялъ титулъ «короля Галиціи и Володимеріи» (Galiciae Lodomeriaquae rex) и не отъ имени кіевскаго князя, а города Владимира.

Въ заключеніе, упомянемъ еще объ одной мелкой, но характерной подробности, рисующей степень знакомства автора съ современной украинской жизнью. Указывая сходство между россійскими украинцами и галичанами, онъ подчеркиваетъ, что въ Галиціи «весь малорусскій обиходъ, только босоногія хохлушки здѣсь не щеголяютъ яркими цвѣтами своихъ сарафановъ и паневъ» (стр. 56). Во-первыхъ, это утвержденіе не вѣрно, такъ какъ костюмы галичанъ очень красочны, а во-вторыхъ, интересно было бы знать, гдѣ видѣлъ почтенный авторъ «босоногихъ хохлушекъ» въ сарафанахъ?

Въ книгѣ Лагова дѣйствительно собрано все наиболѣе «существенное» изъ области невѣжества и безтолковья.

Н. М.

А. В. Бѣлгородскій. *Галиція—исконное достояніе Россіи. Ц. 15 к. Изд. Т-ва Сытина.*

Брошюра г. Бѣлгородскаго служитъ дополненіемъ и, во многихъ отношеніяхъ, дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ теорій, которыя положилъ въ основу своего труда г. Лаговъ. Только теоріи эти у г. Бѣлгородскаго кристализовались и приняли вполнѣ законченный видъ. Если брошюра г. Лагова носитъ хоть внѣшненаучный обликъ, (видна попытка обосновывать свои выводы хоть на какихъ-нибудь изслѣдованіяхъ, привлечь для обобщеній такія объективныя данныя, какъ цифровой матерілъ и т. д.), то г. Бѣлогородскій оставляетъ науку въ покоѣ и подмѣняетъ ее гипотезами кустарнаго производства, главными источниками которыхъ, какъ можно заключить, были «Прикарпатская Русь» и рѣчи Антонія харьковскаго (бывшаго волынскаго). Было бы слишкомъ

длинно и утомительно отмѣчать всѣ тѣ несообразности, изъ которыхъ сплошь состоитъ брошюра. Конечно тоже, что и у предыдущаго автора, стремленіе—сдѣлать русинъ во что бы то ни стало православными: «въ сознаніи православныхъ галичанъ ясно живетъ мысль», говоритъ авторъ: «что только подъ знаменемъ православія Галиція можетъ жить, какъ единая великая русская земля» и «извѣстны ихъ паломничества (галичанъ) въ Кіевъ и Почаевъ для поклоненія мѣстнымъ святынямъ (стр. 42—43)». Разница въ томъ, что Америкѣ предпочитаются туземные источники православія—Почаевъ и Кіевъ. Православнымъ приходится вести геройскую борьбу и «страдальцы за вѣру, являясь лучшими людьми Галиціи, передъ всѣмъ міромъ громко свидѣтельствовали, что никакія гоненія и мученія, ни даже самая смерть, не заставятъ ихъ измѣнить вѣрѣ отцовъ» (стр. 42). Среди патріотовъ, руководителей этой борьбы, первое мѣсто занимаетъ о. Іоаннъ Наумовичъ, почитаемый «какъ новый Моисей, выведшій народъ изъ рабства невѣжества» (стр. 40).

Конечно, и языкъ галичанъ «исконно-русскій», а украинцы съ ихъ «жаргономъ»—продуктъ австрійской изобрѣтательности. Относительно обоснованности послѣдняго мнѣнія было уже приведено заключеніе Д. Н. Ушакова, основанное на изученіи памятниковъ древне-русскаго языка. Добавимъ только, что г. Бѣлогородскій, какъ человѣкъ точный, приводитъ дату «изобрѣтенія» «особой украинской фонетики, представляющей собою смѣсь польскаго, нѣмецкаго, малорусскаго и даже латинскаго языковъ»—это 1890 годъ. Благодаря этому «прекрасный народный русскій языкъ былъ изуродованъ и обратился въ какое-то неудобоваримое мѣсиво. «Квестія», «колумнія», «донація», «субвенція», «кавція» и «квота»—вотъ немногіе перлы этого новаго языка, который австрійское правительство старается насильственно, помимо желанія народа, ввести въ школѣ, судѣ и администраціи» (стр. 44.). Приведенная цитата въ комментаріяхъ не нуждается. Приходится только пожалѣть, что лингвистическія занятія автора не дали ему ни одного чисто украинскаго слова, такъ какъ приведенныя имъ—результатъ иностранныхъ вліяній, какихъ не мало найдется и въ «прекрасномъ русскомъ» языкѣ—недаромъ существуетъ словарь иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ (200,000 словъ)! Не желая упрекнуть автора въ отсутствіи творчества и оригинальности, мы вынуждены констатировать, что самая теорія «изобрѣтенія», путемъ уродованія русскаго языка, несмотря на точно приведенную дату, создана не г. Бѣлогородскимъ: это только реставрація стараго оружія, которымъ болѣе полустолѣтія тому назадъ боролись поляки съ украинцами. Извѣстно, что поляки обвиняли намѣстника Галиціи Стадіона (сороковые годы XIX в.) въ томъ, что онъ «выдумалъ» галицкихъ русиновъ-украинцевъ, а украинскій языкъ,—утверждали они,—испорченный польскій.

Останавливается авторъ разсматриваемой брошюры и на названіяхъ: русинъ, рутенъ, рутенецъ, рускій и т. д. Только, на этотъ разъ, создателемъ и проводникомъ этихъ терминовъ являет-

ся не Голуховскій, а Стадіонъ, который въ 1848 г. (опять точная дата!) объявилъ новоиспеченнымъ украинцамъ: «вы можете разсчитывать на поддержку правительства только въ томъ случаѣ, если захотите быть самостоятельнымъ народомъ и откажетесь отъ національнаго единства съ народомъ внѣ государства, а именно въ Россіи, т.-е. захотите быть рутенами, а не русскими» (стр. 37). По поводу «особаго, не русскаго» имени «рускій» и «русинъ», которое такъ часто фигурируетъ въ древне-русскихъ памятникахъ для обозначенія русскихъ славянъ, уже было сказано. Здѣсь добавимъ только нѣсколько разъясненій относительно обозначенія «рутены», которому авторъ приписываетъ такое громадное значеніе въ смыслѣ обособленія галичанъ. Слово это вовсе не является продуктомъ австрійской политики въ позднѣйшее время, какъ думаетъ авторъ: оно существовало съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда языкомъ офиціальныхъ и международныхъ сношеній былъ латинскій и было ни чѣмъ инымъ, какъ латинской интерпретаціей названіе «русскій»—ruthenus. Въ этомъ смыслѣ—обозначенія русскихъ славянъ—слово ruthenus встрѣчается во многихъ актахъ. За неимѣніемъ подъ рукой болѣе древнихъ, укажемъ на привилей Бѣльскому повѣту 1501 года, гдѣ слово ruthenus именно въ этомъ значеніи склоняется во всѣхъ падежахъ „aliquis Ruthenus“, „Si alicui Rutheno“, „in aliqu per Ruthenum“ и т. д. (Любавскій. Очеркъ исторіи литов.-рус. гос. стр. 342—45).

Крайнее осужденіе находитъ у автора дѣятельность украинцевъ или, по его терминологіи, «украинофиловъ».

Въ этомъ отношеніи онъ, опять-таки, пошелъ дальше г. Лигова и старается познакомить читателя съ чаяніями «украинофиловъ», не сообщая, впрочемъ, «драгоцѣннаго источника», изъ котораго взяты столь важныя данныя.

Нужно все-таки отдать должное эпической цѣльности автора, который, ставъ на опредѣленную точку зрѣнія, придерживается ее до конца, въ какой бы мѣрѣ ни опровергали ее факты. Книжка Бѣлгородскаго съ этой точки зрѣнія безспорна, какъ плоскость, но интересующемуся Галичиной въ цѣляхъ ознакомленія съ ея исторіей и современностью къ ней обращаться не приходится.

Н. М.

В. Зубковскій. *Галиція. Краткій обзоръ географіи, этнографіи, исторіи и экономической жизни страны. Харьк. 1914 г. Ц. 20 к.*

Указанная брошюра выгодно отличается серьезнымъ, сдержаннымъ тономъ и добросовѣстностью изложенія. Матеріаломъ для нея послужили изслѣдованія такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Грушевскій, Ефименко, Рудницкій и др., что обезпечиваетъ ей полную научную доброкачественность и отсутствіе ошибокъ. Въ широкомъ объемѣ введенъ статистическій матерьялъ, иногда даже слишкомъ обильный для популярной брошюры, дѣлающій ее нѣсколько тяжелой (напр. 1-й очеркъ—общія географиче-

скія свѣдѣнія), но, въ большинствѣ случаевъ, оперирующій, съ цифрами послѣдняго времени. Несмотря на сжатость, хорошо и очень содержательно изложена исторія Галичины, особенно очеркъ, посвященный украинскому возрожденію или какъ онъ озаглавленъ авторомъ: «Періодъ австрійскій». Здѣсь выдвинуты всѣ тѣ этапы, которые пришлось пройти украинству, начиная съ эпохи Іосифа II. Правда, нельзя согласиться съ заключеніемъ автора о роли романтизма въ дѣлѣ возрожденія: безусловно романтизмъ усиливалъ и поддерживалъ интересъ къ народному творчеству, языку, поэзіи, національности и, съ этой стороны, оказалъ извѣстное вліяніе, но приписывать ему исключительное значеніе невозможно. Среди неточностей можно указать на ошибочность мнѣнія, что присоединеніе украинскихъ земель къ Россіи началось только съ половины XVII в., т. к. отдѣльныя княжества Черниговщины и Сѣверщины стали переходить къ Москвѣ еще въ 70—80 гг. XV в., что и было причиной долголѣтнихъ войнъ между литовскимъ и московскимъ государствомъ. Интересъ и этнографическій очеркъ, довольно подробный (приведено даже нѣсколько «коломыекъ», а, въ концѣ брошюры приложены образцы галицкихъ народныхъ пѣсенъ. Нужно только сказать, что гипотеза автора о происхожденіи гуцуловъ (смѣсь русинъ съ цыганами, румынами и венграми), неосновательна, т. к. по своимъ атропологическимъ и этнографическимъ особенностямъ гуцулы не представляютъ иного, сравнительно съ другими украинскими племенами, типа, наоборотъ, обнаруживаютъ тѣ же общеукраинскія черты, но сохранившіеся, благодаря изолированности, въ большей чистотѣ.

Найболѣе слабое мѣсто брошюры—экономическій очеркъ, слишкомъ поверхностный и бѣглый.

Большой дефектъ—отсутствіе карты и иллюстрацій: разобраться безъ карты въ географическомъ очеркѣ совершенно невозможно и громадное количество названій, не связанное ни съ какимъ конкретнымъ представленіемъ, оказывается мертвымъ балластомъ, только затрудняющимъ читателя. Въ общемъ, брошюра г. Зубковскаго—одна изъ лучшихъ и серьозныхъ брошюръ (изъ серіи популярныхъ) послѣдняго времени, посвященныхъ Галичинѣ.

Н. М.

Л. Куснищскій. *Червонная Русь (Галиція). Книгоизд. „Общее Дѣло". М—ва. 1914—1915 г. Ц. 20 коп. „Миръ и война", вып. I.*

Брошюра г. Кусницскаго является I выпускомъ серіи общедоступныхъ очерковъ, посвященныхъ современной войнѣ и разсчитана, очевидно, на самый широкій кругъ читателей, лишенныхъ всякой или, по крайней мѣрѣ, достаточной исторической подготовки. Брошюра подобнаго рода, конечно, не можетъ вдаваться въ излишнія подробности и намѣчаетъ только основные моменты. Однако историческій процессъ долженъ быть выдвинутъ

на первое мѣсто и проведенъ съ начала до конца, иначе теряется цѣльность, и брошюра обращается въ рядъ очерковъ, болѣе или менѣе удачныхъ, но пестрыхъ и не объединенныхъ въ стройное цѣлое. Вотъ этимъ отсутствіемъ цѣльности и страдаетъ брошюра г. Кусницкаго. Лоскутность особенно замѣтна въ историческомъ очеркѣ: отсутствіе историческаго процесса, связывающаго разновременныя явленія, дѣлаетъ подборъ матеріала случайнымъ, выдвинуты зачастую факты, имѣющіе менѣе важное значеніе и затушеваны болѣе существенные. Никто не станетъ спорить, что время княженія Даніила Романовича было очень важнымъ моментомъ въ исторіи Галиціи, но несомнѣнно также, что знакомство съ украинскимъ возрожденіемъ XIX в. еще болѣе необходимо, такъ какъ въ немъ лежатъ корни настоящаго. Между тѣмъ, авторъ подробно останавливается на эпохѣ Даніила и обходитъ XIX в., только упоминая въ двухъ словахъ о борьбѣ украинцевъ за языкъ, права и культуру. Ничего не говорится объ уніи и, когда ниже идетъ рѣчь о роли священниковъ-уніатовъ въ современной Галиціи, является недоумѣніе, что такое уніаты и откуда они появились: въ началѣ брошюры (стр. 8), авторъ указывалъ, что жизнь духовная и культурная въ галицко-волынскомъ княжествѣ была та же, что въ кіевскомъ, а, значитъ, и населеніе православное. Было бы полезно выдвинуть культурно національную борьбу XVI—XVII вв. противъ ополяченія и уніи.

Ошибочно приписано заселеніе Галиціи въ VI в. славянами «пришедшими сюда съ Днѣпровскихъ береговъ» (стр. 4). О прародинѣ славянъ существуетъ въ наукѣ нѣсколько мнѣній: одни изслѣдователи ищутъ ее на Дунаѣ, другіе переносятъ въ Прикарпатье, третьи помѣщаютъ въ бассейнѣ Днѣстра, южнаго Буга и правыхъ береговъ Припети и Днѣстра и т. п. Но всѣ (кромѣ представителей перваго мнѣнія—о придунайской прародинѣ), включаютъ въ ея предѣлы территорію позднѣйшей Галиціи и согласны между собой въ направленіи колонизаціи—съ запада на востокъ, а не обратно. Поэтому занять Галицію переселенцы съ Днѣпра не могли. Въ позднѣйшее время (XII—XIII вв.) отливъ населенія изъ кіевщины въ галицко-волынское княжество объясняется не измѣненіемъ направленія заселенія славянъ, а желаніемъ уйти отъ смутъ и опасностей кіевскаго княжества, тѣмъ болѣе, что Кіевъ уже не былъ тѣмъ узломъ экономической жизни, который стягивалъ населеніе раньше.

Укажемъ еще на устарѣлость цифръ, рисующихъ современное положеніе украинской школы: количество школъ среднихъ и низшихъ показано меньше дѣйствительнаго. Въ 1911 г. низшихъ школъ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ было 2514 (а не 2000 тыс.), среднихъ (въ Галиціи) 7 украинскихъ, 3 польско-украинскихъ и 7 учительскихъ семинарій и въ Буковинѣ—одна чисто-украинская гимназія, двѣ украинско-нѣмецкія и одна учительская семинарія не говоря уже о частныхъ украинскихъ гимназіяхъ.

Написана брошюра очень популярно, тонъ сдержанный, безъ

всякой тенденціозности, современное положеніе Галиціи изложено хорошо, хотя и кратко, выдвинуто значеніе общественной инициативы въ созданіи культурныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, въ частности, авторъ подробно останавливается на дѣятельности «Просвіты». Изданіе и рисунки хороши, въ особенности обложка. Было бы желательно, чтобы авторъ, при второмъ изданіи своей брошюры, исправилъ указанные выше пропуски и ошибки.

Н. М.

Литературная лѣтопись.

— Вышла въ началѣ января м-ца четвертая книжка органа Украинскаго Научнаго Общества въ Кіевѣ „*Україна*“ со слѣдующимъ содержаніемъ: 1) М. Грушевскій. Новый Хозарскій текстъ о войнахъ Олега. 2) Л. Орленко. Брачный разводъ въ Германщинѣ въ XVIII ст. 3) Мих. Василенко. О. М. Бодянскій и его поэтическое творчество. 4) Ол Грушевскій. Изъ экономической жизни украинскихъ монастырей XVII—XVIII вв. 5) В. Козловская. Памяти В. В. Хвойка. 6) А. Н. Никовскій. Ф. П. Фортунатовъ (некрологъ). Среди матеріаловъ и замѣтокъ обращаетъ на себя вниманіе „Польска вірша“ о битвѣ подъ Полтавой и Обзоръ украинскихъ матеріаловъ въ изданіяхъ Архива Импер. Географическаго О-ва. Далѣе идетъ богатая библіографія по различнымъ вопросамъ украиновѣдѣнія и научная хроника, на этотъ разъ изобилующая преимущественно музейнымъ матеріаломъ. Какъ нововведеніе, отмѣтимъ списокъ книгъ и неперіодическихъ публикацій, по вопросамъ украиновѣдѣнія, изданныхъ въ первой половинѣ 1914 г. съ подраздѣленіемъ ихъ на отдѣлы: 1) Археологія, исторія искусства. 2) Политическая и соціальная исторія. 3) Право и статистика. 4) Исторія литературы. 5) Этнографія и фольклеръ. 6) Географія. 7) Языкъ. 8) Библіотеки, музеи, библіографическія изданія. Это нововведеніе является очень цѣннымъ справочникомъ, регистрирующимъ текущую литературу украиновѣдѣнія. Книга прошла черезъ военную цензуру.

— Вышелъ вторымъ изданіемъ „Українско-російскій словникъ“ В. Дубровскаго, предназначенный главнымъ образомъ для широкаго употребленія.

— Въ Нью-Іоркѣ на англійскомъ языкѣ вышла книга „*Taras Shevchenko. In memory of the hundrèd anniversary*“.

— Изъ новыхъ книгъ по вопросамъ украинской археологіи и исторіи искусства слѣдуетъ отмѣтить: 1) Ѳ. Ѳ. Горностаева „Дворцы и церкви Юга“ (Вып. 8. „Культурныхъ Сокровищъ Россіи“), 2) Древности. Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Импер. Археол. Общества (Матеріалы о памятникахъ Полтавщины, Харьковщины и Черниговщины). 3) S. P. Объ Украинской вышивкѣ XVIII вѣка и современномъ ея возрожденіи.

— Въ Журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ помѣщено изслѣдованіе А. Грушевскаго „Повинности городовой работы въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“.

— Въ IV т. (3 ч.) изданій Кіевской Археографической Комиссіи помѣщены „Акты, относящіеся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго подъ редакціей Ив. Каманина и съ его вступительной статьей „Участіе южно-русскаго населенія въ возстаніи Богдана Хмельницкаго“.

— Послѣдняя книжка „*Записок Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові*“, вышедшая передъ войной (т. 121), заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи и изслѣдованія: 1) „Paetr. Krupiakevyć.—De himnografhia Mariana in Eccleisia Graeca. 2) Ил. Свѣнцицкій. Галицко-украинское церковное малярство XV—XVI вв. 3) Богданъ Барвинскій. Польская персонификація „Украіни“ 1664 г. 4) М. Возняк. Къ вопросу о національныхъ взглядахъ Якова Головацкаго въ 1848 г. и 5) Автобіографическая Записка Константина Петровича Михальчука.

— Въ Харьковѣ переизданъ прекрасный и высоко-художественный разсказъ на украинскомъ языкѣ „Кузь та Грицуль“ В. Винниченка.

— Романъ украинскаго беллетриста В. Винниченка „Къ своимъ“ („По свій“), печатавшійся въ продолженіи

1912 г. на страницахъ „Завѣтовъ“, выйдетъ въ русскомъ переводѣ отдѣльной книжкой въ изданіи „Московскаго издательства“.

— Интересъ къ украинскому вопросу несомнѣнно возрастаетъ. Въ газетахъ все чаще и чаще появляются статьи и замѣтки, посвященныя этому вопросу. Нѣкоторымъ показателемъ этого интереса можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что изданіе нашего журнала „Украинскій вопросъ“ (вышедшее въ началѣ 1914 г.) теперь почти уже все разошлось и является необходимость въ переизданія его.

— Вышелъ третій выпускъ „Обозрѣнія трудовъ по славяновѣдѣнію“, издаваемаго Императорской Академіей Наукъ. Выпускъ посвященъ *Украиновѣдѣнію* и составленъ В. В. Дорошенкомъ. Въ немъ помѣщены свѣдѣнія о литературѣ по украиновѣдѣнію за 1912 г. съ подраздѣленіемъ на главы: I Литература, II. Этнографія и Географія, III. Археологія, антропологія и генеалогія, IV. Исторія, V. Исторія церкви и религіозныхъ движеній, VI. Исторія права, VII. Исторія искусствъ. VIII. Общій отдѣлъ (Архивы и Музеи, Описаніе рукописей). Обозрѣніе является цѣннымъ справочнымъ пособіемъ для всякаго, интересующагося вопросами украиновѣдѣнія. (Труды по украинскому языку за 1912 г. отмѣчены въ отдѣлѣ „Языкознаніе“, вып. II того же „Обозрѣнія“ (стр. 172—174).

— Въ т. XIX, кн I „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ помѣщенъ „Обзоръ украинской исторіографіи“ Е. Ю. Перфецкаго, заключающій въ себѣ библіографію литературы по исторіи Угорской Руси, начиная съ 1614 г. Въ связи съ переживаемыми событіями работа г. Перфецкаго является несомнѣнно полезной и своевременной.

— Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ (1914 г. № 10 декабрь стр. 227—285) помѣщена большая информаціонная статья г. Ю. Я. Хейфица „*Галиція*“, посвященная правовымъ условіямъ государственнаго быта Галичины. Статья распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) политическое устройство (парламентъ, краевой сеймъ, политическія права гражданъ), 2) административное устройство (Центральное управленіе, краевое и окружное управленіе, полиція, самоуправленіе округовъ, общинъ и городовъ) и 3) судебное устройство (общія судебныя учрежденія, прокурорскій надзоръ и адвокатура, подсудность гражданскихъ лицъ военнымъ судамъ, административные суды).

Статья представляетъ болѣе или менѣе объективный очеркъ правового строя Галиціи. Фактическое положеніе далеко не всегда соотвѣтствуетъ такъ называемому юридическому, какъ это особенно наблюдается въ Галиціи. Авторъ очевидно и не имѣлъ въ виду представлять перваго, излагать дѣйствительное положеніе, являющееся въ результатѣ примѣненія той или иной правовой нормы.

Авторъ пользовался по преимуществу нѣмецкими источниками и лишь нѣсколькими польскими и русскими, а въ украинскія (дающія безусловно богатый матеріалъ, освѣщающій фактическое положеніе національностей въ Галиціи), конечно, не заглянулъ. Явившееся въ результатѣ этого незнакомство автора съ галицкой дѣйствительностью сказалось и въ очеркѣ. Читатель, интересующійся жизнью Галиціи, конечно въ правѣ требовать отъ автора болѣе или менѣе детальнаго освѣщенія хотя бы чисто съ правовой точки зрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ, пріобрѣтающихъ въ условіяхъ галицкой дѣйствительности особенное значеніе. Между тѣмъ, эти вопросы авторомъ недостаточно оттѣнены или совершенно отсутствуютъ.

Къ первымъ относятся напр., избирательное право, особенно сеймовое и связанная съ нимъ цѣлая система нормъ краевого представительства, его компетенціи и отношенія къ общеимперскому представительству, организація краевого школьнаго совѣта и связанное съ нимъ огражденіе правъ національности на школу на родномъ языкѣ, организація органовъ мѣстнаго самоуправленія, весьма усложняющаяся въ Галиціи моментомъ національнымъ и др. Совершенно отсутствуютъ нормы дѣйствующаго въ Галиціи австрійскаго кооперативнаго законодательства—отсутствіе тѣмъ болѣе ощутительное, что кооперація въ Галиціи является факторомъ, мимо котораго едва ли позволительно пройти автору очерка правового строя Галиціи.

— Въ январской книжкѣ за 1915 г. „*Голоса Минувшаго*“ помѣщена статья С. Петлюры„ Къ исторіи Научнаго Общества им. Шевченко во Львовѣ, (стр. 264—273). Авторъ, исходя изъ того положенія, что „широко поставленная информація объ историческихъ путяхъ“ пройденныхъ въ своемъ развитіи населеніемъ этого края (Галиціи), будетъ содѣйствовать болѣе бережному отношенію къ тому, что уже создано этимъ населеніемъ въ различныхъ проявленіяхъ его жизни“, знакомитъ въ данномъ случаѣ съ исторіей Научнаго Общества имени Шевченка во Львовѣ, поль-

зуясь для этого извѣстной книгой Вол. Дорошенка, посвященной обозрѣнію дѣятельности названнаго Общества, этой неофиціальной академіей Наукъ украинскаго народа, за время съ основанія О-ва по 1912 г.

— Въ № 350 (14 января) «*Петроградскаго Курьера*» Мих. Могилянскимъ помѣщена статья „Галицко-буковинская украинская литература", въ которой сжато излагается исторія украинскаго литературнаго возрожденія въ Галиціи и Буковинѣ съ краткой характеристикой творчества наиболѣе видныхъ представителей этой литературы. Статья Мих. Могилянскаго заканчивается слѣдующимъ заключеніемъ. „Произведенія россійскихъ украинцевъ, украинцевъ галичанъ и украинцевъ буковинцевъ не отдѣлены другъ отъ друга какими либо перегородками, они составляютъ во всей своей совокупности развитіе литературы украинскаго народа, раскрывающей передъ всѣмъ свѣтомъ внутреннюю жизнь его духа".

— Тотъ же авторъ въ № 11 „*Рѣчи*" (12 января) въ статьѣ „По украинскому вопросу" возражаетъ г. Струве по поводу исторически и фактически невѣрнаго утвержденія послѣдняго, будто „Австрійское бытіе Галицкой Руси, государственная и обособленная ею культурная оторванность Галиціи отъ Россіи, создали „національную" постановку украинской проблемы нетолько въ самой Галиціи, но и въ предѣлахъ малороссійскихъ губерній Россійской имперіи". Путемъ ссылокъ на источники изъ исторіи украинскаго возрожденія и современной украинской публицистической литературы Мих. Могилянскій опровергаетъ утвержденіе и Струве, вскрывая бездоказательность этого утвержденія и „полное незнаніе и непониманіе" авторомъ его „украинскаго движенія и въ Галиціи и въ предѣлахъ малороссійскихъ губерній".

— Полемикѣ съ Струве посвящена статья Я. Наумова „На очевидныя темы" въ № 1 „*Разсвѣта*" (органъ посвященный еврейскимъ интересамъ). Авторъ полагаетъ, что „съ именемъ Струве въ исторіи украинскаго движенія будетъ по справедливости связано не только обостреніе вопроса въ настоящій моментъ, по извѣстнымъ причинамъ не вполнѣ удобный для полемики, но и новая постановка его".

Послѣ краткаго ознакомленія читателей съ этой „новой постановкой" украинскаго вопроса,—съ идеологіей обрусенія, авторъ болѣе подробно останавливается на затронутомъ г. Струве вопросѣ о государственномъ федерализмѣ и о невозможности и ненужности" автономнаго строя для отдѣльныхъ національностей Россіи.

Предлагаемыя „первымъ русскимъ націоналъ-либераломъ" (т.-е. П. Струве) мѣры огражденія и особаго покровительства при такъ наз. „пріобщеніи" къ русской культурѣ сближаютъ его съ галицкимъ Дудыкевичемъ. Авторъ полагаетъ, что либерализмъ г-на Струве „будетъ понятъ и оцѣненъ заинтересованными народностями Галиціи, обладающими—не слѣдуетъ этого забывать—высоко-развитымъ чувствомъ національнаго самосознанія, добытымъ въ непрерывной борьбѣ за самостоятельное развитіе"...

— Въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*" (№ 5, 1915 г.) помѣщена статья С. Ефремова, посвященная описанію Буковины (краткій историческій очеркъ и современное—передъ войной—состояніе).

— Въ № 2 „*Кооперативной Жизни*" находимъ статью Ив. Прихоженка „Кооперація въ Галиціи". Къ статьѣ прилежены иллюстраціи украинскихъ кооперативовъ и Научнаго Общества Им. Шевченка во Львовѣ.

— Въ книгѣ „*Кооперація на Всероссійской выставкѣ 1913 г. въ Кіевѣ*" (изданіе Бюро Кооперативной Секціи), заключающей въ себѣ массу матеріала о кооперації въ Россіи, помѣщено также много матеріала, касающагося кооперації на Украинѣ, а также въ Галиціи. Соотвѣтствующія свѣдѣнія читатель найдетъ въ нижеслѣдующихъ главахъ книги: Кредитная кооцерація на Украинѣ; Украинская кооперація въ Галиціи.

— „*Вѣстникъ финансовъ промышленности и торговли*" помѣстилъ во второмъ полугодіи минувшаго года цѣлый рядъ замѣтокъ по вопросамъ экономической жизни Галиціи, мѣстныхъ финансовъ края и другихъ. Въ послѣднемъ № за 1914 годъ между прочимъ помѣщена замѣтка „кооперативное движеніе среди русинъ". Авторъ ея, замѣчая совершенно справедливо, что въ результатѣ развитія кооперації явился ростъ политическаго вліянія русинъ, пишетъ: „русинскій (украинскій) языкъ фактически получилъ права гражданства. Во Львовскомъ университетѣ было нѣсколько каѳедръ на украинскомъ языкѣ. Возросла роль русинъ въ областномъ земскомъ самоуправленіи и въ послѣдніе годы русины становились если не совсѣмъ равными съ другими національностями, то во всякомъ случаѣ они уже не были безправными руси-

нами 70—80 и даже 90 хъ годовъ". Кромѣ замѣтокъ, въ томъ же журналѣ помѣщены статьи „Галиціи и ея промышленность" (№ 37) и „Галиція въ экономическомъ отношеніи" (№ 51). Послѣдняя даетъ довольно много информаціоннаго матеріала и касается между прочимъ также вопроса о спеціальномъ экономическомъ и сельскохозяйственномъ образованіи въ Галиціи.

— Обстоятельную статью посвятилъ М. Славинскій „Украинцамъ Австро-Венгріи" въ первой книжкѣ, „Вѣстника Европы" за 1915 г.

— Въ январскихъ №№ „Биржевыхъ Вѣдомостей" П. Струве дѣлится своими впечатлѣніями изъ поѣздки въ Галицію: много удѣляется мѣста москвофиламъ, при чемъ ихъ роль и значеніе въ дѣлѣ русской идеи оцѣнивается преувеличенно. Къ статьямъ Струве намъ придется вѣроятно возвратиться въ ближайшей книжкѣ журнала.

— *Литература о Галичинѣ.* Есиповъ В. В. проф.—Славяне, нѣмцы и турки. „Культурная Германія, Галиція и Польша, 56 стр. ц. 60 к.—Продонъ И. С. Буковинскіе очерки. 15 стр.—В. А. Лазаревскій. Русскій народъ въ Карпатахъ. Галицкая Русь въ ея борьбѣ за свою національную самобытность. Ц. 10 к.—Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ Великой Войны 1914 г. (съ картой Галиціи, Буковины съ Угорской Русью). Ц. 1 р. 25 к. Петроградъ.—Проф. А. Погодинъ. „Зарубежная Русь". Изд. Сойкина. Ц. 50 к.—Хейфицъ. Ю. „Галиція. Политическое, административное и судебное устройство". Журн. Мин. Юстиціи. Ц. 1 р.

Книги, поступившія въ редакцію.

Л. В. Падалка. Карта территоріальнаго разграниченія Полтавской губерніи въ масштабахъ мѣстныхъ изученій. (Съ приложеніемъ таблицы и пояснительнаго текста). Изданіе Полтавской ученой архивной Комиссіи. Полтава, 1914 ц. 50 к.

Л. В. Падалка. Происхожденіе и значеніе имени „Русь" (Отдѣльный оттискъ изъ XII вып. Трудовъ Полтавской Ученой Архивной Комиссіи Полтава). 1915 г.

Б. Кусницкій. Червонная Русь (Галиція). Изд. Миръ и война. Вып. I-й. Ц. 20 к. Москва 1915 г.

Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ Великой войны 1914 г. Съ картой Галиціи и Буковиной съ Угорской Руеью. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала „Украинская Жизнь". Съ рисунками и картой. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 40 к.

Л. Бурчакъ. Галиція, ея прошлое и настоящее. Съ картой и иллюстраціями. К-во „Читатель". Москва, 1914 г. Ц. 20 к.

А. Кащенко. У запалі боротьби. Історична повість. З портретомъ автора. Полтава, 1914 г. Ц. 50 к. Видання книгарні І. І. Маркевича.

Селянський кооперативний календар „Товариш" на 1915 рік. ц 4 к. Вид. „Наша Кооперація". Київ 1915 г.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. П. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Я. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова. Спб. 1914 г. т. I. (I. Развитіе украинскихъ изученій въ XIX в. и раскрытіе въ нихъ основныхъ вопросовъ украиновѣдѣнія. М. Грушевскаго. II. Исторія украинскаго народа М. Грушевскаго).

М. Вовк. Десять років життя білоцерківського споживчого Товариства. Київ 1914 г.

Славянская библіотека. I. Историческій очеркъ славянства. В. М. Пичета. II. Составъ современнаго Славянства. Ч. М. Іоксимовича. Изданіе книж. маг. „Вѣстникъ Мануфактурн. Промышл.". Москва, 1914 г. Ц. ?.

Іванови Франкові. В сороклітті письменської діяльности. Записки Наукового товариства імени Шевченка. т. CXVII и CXVIII. Стр. 394.

Czeseaw Jankowski. Polska Etnografizcna. Warszawa. С. 20 к.

К. Голіцинська. Земська страховка. Изд. „Благотворит. О-ва изд. Общеполезныхъ дешевыхъ книгъ". Петроградъ. 1915. Ц. 8 к.

Обозрѣніе трудовъ по Славяновѣдѣнію. Выпускъ III. Украиновѣдѣніе. Изд. Императорской Академіи Наукъ. 1915 г. Ц. 50 к. Петроградъ.

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій.

Открыта подписка на 1915 годъ.

На прогрессивную, общественнно-политическую и литературную газету

ПОЛТАВСКІЙ

Годъ изданія 3-й.

ДЕНЬ

Годъ изданія 3-й.

Условія подписки:

На 12 мѣс.—6 р., | 6 м.—3 р. 20 к. | 3 м.—1 р. 70 к. | 1 м.—60 к.

ВНИМАНІЮ АНОНСОДАТЕЛЕЙ.

„Полтавскій День"—наиболѣе распространенная газета въ Полтавской губ.

ТАКСА НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Для иногородныхъ: впереди текста 40 к. со строки петита или мѣста, занимаемаго ею; **позади текста 30 к.** со строки петита или занимаемаго ею мѣста. **Для мѣстныхъ** впереди текста **25 к.** за строку петита или мѣста, занимаемаго ею; **позади текста 15 к.** со строки петита или занимаемаго ею мѣста. **Объявленія лицъ, ищущихъ мѣста или занятій,** печатаются позади текста съ платой за каждый разъ **15 к.** за объявленіе изъ трехъ строкъ петита и **10 коп. за каждую добавочоую строку.**

Адресъ: **г. Полтава, редакція газеты „Полтавскій День": Тел. № 533.**

Открыта подписка на 1915-й годъ.

ХУТОРЯНИНЪ.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельскаго хозяйства, кооперації, промышленности и торговли. Издается полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства съ 1896 года. Годовая подписка съ пересылкой и доставкой 2 р. 20 к. Подписчики получатъ: 52 номера (около двухъ листовъ каждый, что за годъ составитъ томъ свыше 1800 страницъ текста съ иллюстраціями). Сборникъ с.-х. статей. Календарь «Хуторянинъ» на 1915 годъ. (Около 200 стран. текста, съ массой рисунк. и чертежей, цѣна въ отдѣльной продажѣ 25 к.). О сборникахъ имѣются самые лучшіе отзывы. Два выпуска библіотеки «Хуторянина». Плакатъ въ краскахъ. 10 сортовъ сѣмянъ. Сѣмена заказаны въ одномъ изъ лучшихъ сѣменномъ хозяйствѣ и будутъ разосланы въ началѣ марта всѣмъ подписавшимся до 1 января 1915 г. Великая европейская война. Еженедѣльное приложеніе въ размѣрѣ ½ печатн. листа, съ рисунк., портрет. и картами, что въ концѣ года составитъ иллюстриров. исторію войны (въ объемѣ около 26 печ. лист.). Редакціи журнала въ теченіе послѣдн. лѣтъ присуждены три золотыхъ медали; на южно-русской областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 г. изъ всѣхъ сельско-хоз. журналовъ только редакція журнала «Хуторянинъ» получила золотую медаль. Спеціально избранная комиссія одесскаго отдѣленія Императорскаго техническаго о-ва признала журн. «Хуторянинъ» чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающимъ полнаго одобренія. Журналъ «Хуторянинъ» допущенъ въ бесплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Требуйте безплатно проспекты, номера и смѣты на объявленія. Адресъ: Полтава, Пушкинская, д. Полт. о-ва сел. хоз. ред. «Хуторянинъ». Отвѣтств. редак., презид. полт. общ. сел. хоз., заслужен. профессоръ А. П. Шимковъ. Секретарь редакціи Д. О. Ярошевичъ.

ЖИТОМИРСЬКА ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № Н 3362 П

4 р. въ годъ за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914—15 годъ (6-й г. изд.).

Журналъ выходитъ **два раза** въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печатн. л. **большого формата.** За годъ выйдетъ 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). ● **«Бюллетени»** идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью, какъ періодической, такъ и непериодической, какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журнала—всесторонне отражать **картину идейной, духовной жизни современности.** ● **«Бюллетени»** —это коллективная литературная памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить **настольною книгою** для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● За истекшій годъ въ «Бюллетеняхъ» напечатано 226 ст. по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Кромѣ того, даны: 1) сводъ отзывовъ о 500 книгахъ; 2) перечень около 3000 нов. кн., 3) содерж. болѣе 75 журналовъ за годъ и 4) библіографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. ● *Библіографія въ „Бюллетени" ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журналовъ. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.*

Трагическимъ событіямъ современной ВОЙНЫ «Бюллетени» удѣляютъ особенное вниманіе, стремясь отразить на своихъ страницахъ все, что уясняетъ глубину и серьезность переживаемаго момента.

Отзывы печати:

Утро Рос.: «Жур. заслуживаетъ особаго вниманія». ● **Рус. Вѣд.:** «Бюлл. знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни»... ● **Рус. Шк.:** «Бюлл.» дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же «Бюлл.» оказываютъ огромную услугу»... ● **Огни:** «Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурн. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.»... ● **Рус. Сл.:** «Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года»... ● **Совр. Сл.:** «Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе»... ● **Голосъ:** «Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли». ● **Илл. Обозр. Гол. М.:** «Бюлл.» безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину дух., нравственной, внутр. русской жизни за цѣлый годъ». ● **Нов. Ж. для Вс.:** «Бюлл.» незамѣнимы, особенно въ провинціи». ● **Ряз. Вѣстн.:** «Бюлл.» умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни»... ● **Сѣв. У.:** «Журн. въ дѣльныхъ, обстоят. ст. даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго»... ● **Рус. Молва:** «Все то важное, что терялось въ гущѣ журн. и пестромъ содерж. газетъ, извлечено заботливой рукой, и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ самые широкіе круги читателей»... ● **Кіевск. Мысль:** «Бюлл.» могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по «первоисточникамъ», а для провинц. читателя, руководителей библіотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый». ● **Ран. Утро:** Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться «Бюлл.» ● **Вѣстн. Восп.:** «...Изданіе, заслуживающее вниманія широкихъ круговъ читателей... Мы... относимся съ сочувствіемъ къ этому полезному и интересному изд.». ● **Жатва:** «Хорошую культурную работу выполняютъ «Бюлл.»... ● **Нижег. Лист.:** «...Изданіе, очень интересное по своему характеру..., избавляетъ отъ перечитыванія всѣхъ журналовъ»... ● **Курск. Газ.:** «...Вотъ журн., которому по праву будетъ принадлежать будущее и самое изд. котораго—отраднѣйшее литер. явл. современности»... ● **Изв. Одесск. Библіогр. О-ва:** «Для библіографовъ въ этомъ изданіи представл. большой интересъ отд. «отзывы о книгахъ»... ● **Сибирь:** «Типъ «Бюлл.»... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умѣло и, дѣйствительно, даетъ отраженіе «идейной, дух. жизни современности»...

Проспектъ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ—**4** р., 6 м.—**2** р. **50** к., 3 м.—**1** р. **25** к. За границу на годъ **5** р. Для сельск. учит. при **непосредственномъ обращеніи** въ контору на годъ **3** р. **50** к. **Подписка принимается** во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ почт. учрежденіяхъ. **Имѣются полные комплекты «Бюлл.» Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.**

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Контора и редакція: Москва, Хлѣбный пер. д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: *В. Крандіевскій и В. Носенковъ.* ● Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

1915 3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго,

1915 3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

Журналъ иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами.

Журналъ посвященъ **исторіи и исторіи литературы** русской и всеобщей и имѣетъ въ виду интересы **широкихъ круговъ** интеллигентныхъ читателей, обращая вниманіе въ ближайшее время на **темы, способствующія историческому пониманію текущей европейской войны.**

Между прочимъ будутъ напечатаны статьи по исторіи **СЛАВЯНСТВА (Галиція, Угорская Русь, Польша, Сербія** и др.), по исторіи культурныхъ и политическихъ отношеній **Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи** и **Турціи** за послѣднія 50 лѣтъ и рядъ біографій **(Вильгельмъ II, Францъ-Іосифъ, Косцюшко, Гамбетта, Эдуардъ VII, Мицкевичъ, Бисмаркъ).**

Въ 1915 году будетъ печататься
Историческій романъ изъ прошлаго Бельгіи.

Въ литературномъ отдѣлѣ будетъ помѣщена **переписка ген. А. П. Ермолова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Софьи Ковалевской, кн. Д. М. Волконскаго, гр. А. А. Аракчеева, Г. И. Успенскаго, Н. И. Костомарова,** декабристовъ: **Розенъ, Якушкина, Пущина, фонъ-Визина;** дѣятелей освоб. крестьянъ и земцевъ 70 гг., сенатора **Шульца, И. А. Кошелева съ И. С. Аксаковымъ** и др.

Кромѣ того предположены **статьи и воспоминанія** *Д. Н. Анучина, К. К. Арсеньева, В. Я. Богучарскаго, И. П. Бѣлоконскаго, Е. Н. Водовозовой, Ч. Вѣтринскаго, Н. В. Давыдова, С. А. Ефремова, И. Н. Игнатова, А. А. Кизеветтера, П. С. Когана, Л. С. Козловскаго, П. А Кропоткина, Е. Д. Кусковой, Н. А. Морозова, Л. Ѳ. Пантелѣева, М. Н. Покровскаго, Г. В. Плеханова, С. Н. Прокоповича, А. С. Пругавина, Н. И. Романова, И. Е. Рѣпина, В. И. Семевскаго, Е. В. Тарле, В. Г. Тана, В. Н. Фигнеръ, В. М. Фриче, Р. М. Хинъ* и др.

Обозрѣніе текущихъ **иностранныхъ журналовъ** ведется: *А. М. Васютинскимъ, В. Н. Перцевымъ, В. Керженцевымъ* (Лондонъ), *И. М. Херасковымъ* (Парижъ), *Г. И. Шрейдеромъ* (Римъ).

Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи** въ 1914 году приняло участіе **болѣе 80 авторовъ.**

Подписчики на 1915 годъ имѣютъ право пріобрѣсти въ конторѣ журнала на льготныхъ условіяхъ историческія книги изданія „ЗАДРУГА“.

Подробный проспектъ высылается безплатно.

Условія подписки: съ доставк. и пересылк. въ Россіи на годъ—**10** руб.; на 6 мѣс.—**5** руб.; для народн. учителей разсрочка.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, д. 29. Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(VI-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„НОВЫЙ ВОСХОДЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОРГАНЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРЕСАМЪ ЕВРЕЙСТВА.

„НОВЫЙ ВОСХОДЪ“ считаетъ задачей: объединеніе и организацію всѣхъ элементовъ русскаго еврейства на почвѣ общей борьбы за гражданское и національное равноправіе и общей единодушной работы для удовлетворенія насущныхъ нуждъ обездоленной еврейской массы.

„НОВЫЙ ВОСХОДЪ“, въ виду захватившей огромную часть еврейства **грандіозной войны,** и того вліянія, какое она можетъ оказать на судьбы еврейства, удѣляетъ этому міровому событію особое вниманіе, отводя ему **спеціальные отдѣлы** въ журналѣ.

„НОВЫЙ ВОСХОДЪ“ сверхъ того, **посвятить міровой войнѣ, участію въ ней евреевъ и значенію ея для еврейства ОТДѢЛЬНУЮ КНИГУ,**

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

„МІРОВАЯ ВОЙНА и ЕВРЕИ“

въ которой будутъ всесторонне освѣщены: дѣятельность евреевъ—воиновъ, врачей, санитаровъ и пр., участіе въ войнѣ мирнаго населенія, а также—вопросы, связанные съ политическими и экономическими послѣдствіями войны для еврейства.

Книга эта, въ размѣрѣ 10—12 лист. большого формата, будетъ богато иллюстрирована.

Книгу **„МІРОВАЯ ВОЙНА И ЕВРЕИ“ подписчки, внесшіе годовую плату полностью, получатъ какъ**

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ отдѣльную продажу книга поступ. въ концѣ 1915 года, по цѣнѣ 2 р. 50 к.

Подписная цѣна на журналъ „НОВЫЙ ВОСХОДЪ“:

Въ Россіи: На годъ **5** р. — к. На полгода **2** р. **50** к. На 3 мѣсяца **1** р. **25** к.
За границу: На годъ **6** р. **50** к. На полгода **3** р. **25** к. На 3 мѣсяца **1** р. **75** к.

На покрытіе расходовъ по экспедиціи и пересылкѣ безплатнаго приложенія вносится при подпискѣ 50 к.

Въ „Новомъ Восходѣ“ подписчики найдутъ **юридическіе совѣты и указанія по вопросамъ законодательства о евреяхъ.** Руководятъ этимъ отдѣломъ **Л. М. Айзенбергъ и Г. Б. Сліозбергъ.**

Адресъ Редакціи и Конторы: Петроградъ, Кирочная, 23, кв. 28.

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

Безпартійная прогрессивная газета

до окончанія войны выходитъ ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Со 2-го декабря программа газеты расширена, составъ редакціи и сотрудниковъ обновленъ и увеличенъ. Газета объединяетъ всѣ прогрессивныя теченія русской жизни.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Авилова Л. А., *Анзиміровъ В. А.*, *Анзимірова О. В.*, *Ануфріева Л. Н.*, *Артари А. П*, прив.-доц., *Арцыбашевъ М. П*, *Брандъ Р. Ф.*, заслуж. проф., *Брюхатовъ Л. Д.*, *Бунинъ И. А.*, почетн. академ., *Бунинъ Ю. А.*, *Быстренинъ В. П.*, *Бѣлоусовъ И. А.*, *Вильде Н. Н.*, *Владиміровъ Л. Е.*, заслуж. проф. *Волынцевъ Е. Н.*, *Волькенштейнъ О. А.*, прис. пов., *Волковъ В. Н.*, *кн. Волконскій Н. А.*, *графъ де-ла-Бартъ*, прив. доц., *Ф. Г. Донъ-Аминадо*, *Герье В. И.*, заслуж. проф, *Гиляровскій В. А.*, *Гиляровская Н. В.*, *Глаголь Сергѣй*, *Глоба-Михайленко И. М.*, *Евдокимовъ А. А.*, *Епифанскій А. А.*, *Ермиловъ В. Е.*, *Звонаревъ Б. Н.*, *Зеленко А. У.*, *Ивановъ Вячеславъ*, *Иверонов С. А.*, *Ильинскій А. А.*, проф. *Кацъ Ф. Ю.*, *Книжникъ С. З.*, *Кожевникова П. Е.*, *Коршъ Е. Ѳ.*, *Котляревскій С. А.*, проф. *Кречетовъ С. А.*, *Криницкій Маркъ*, *Крандіевская А. Р.*, *Крандіевскій В. А.*, *кн. Крапоткинъ С. А.*, *Крашенинниковъ Н. А.*, *Кулагинъ Н. М*, проф. *Леонидовъ Олегъ*, *Либусь В. Д.*, *Ликіардопуло М. Ф*, *Линцеръ С. К.*, *Лобановъ В. М.*, *Любимовъ М.*, *Мавичъ І.*, *Манькинъ-Невструевъ Н. А.*, *Маръ Анна*, *Менделевичъ Р. А.*, *Мертваго А. П.*, *Мжедловъ А. З.*, *Миндалевъ Л. А.*, *Митропольскій И. И.*, *Назимовъ Вл. Я.*, *Николаевъ Н. М.*, *Носковъ Н. Д.*, *Обуховъ А. М.*, *Озеровъ И. Х.*, проф., членъ Гос. Совѣта, *Паршинъ А. М.*, *Подгорецкій Б. В.*, *Познышевъ С. В.*, проф. *Потемкинъ В. П.*, *Переплетчиковъ В. В.*, *Перцовъ П. П.*, *Рачинскій Г. А.*, предсѣд. философск. о-ва, *Ржевскій В. А.*, членъ Гос. Думы, *Рыбаковъ Ф. Е.*, проф. *Сабанѣевъ Л. Л.*, *Савельевъ И. С.*, *Сахновскій В. Г.*, *Серафимовичъ А. С.*, *Синегубъ Е. Е.*, *Синицынъ Н. В.*, *Снѣжинскій Вл.*, *Смиренскій С. П.*, свящ. *Срединскій С. Н.*, *Сумбатовъ* (Южинъ) князь, *А. И.*, *Сизовъ В. В. Тихоновичъ В. В.*, *Толстая С. Н. гр.*, *Троицкій И. А.*, *Тулуповъ Н. В.*, гр. *Толстой И. Л.*, *Угримовъ Б. И.*, *Хитрово Л. А.*, *Цингеръ А. В.*, *Шамбинаго С. К.*, прив.-доц., *Штромбергъ М. А.*, *Шершеневичъ В. Т.*, *Фальборкъ Г. А.*, *Федоровъ В. П.*, *Энгельгартъ М. А.*, *Эрнъ В. Ф.*

Освѣщая и разрабатывая всѣ животрепещущіе вопросы, интересующіе общество, „ГОЛОСЪ МОСКВЫ“ ставитъ своей главной и первой задачей,—чтобы ни одно выдающееся событіе въ мірѣ не прошло не отмѣченнымъ на страницахъ газеты. Во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Россіи и за границей газета имѣетъ **собственныхъ корреспондентовъ** и обо всемъ интересномъ, гдѣ бы и что бы ни совершалось, сообщаетъ своимъ читателямъ раньше и подробнѣе всѣхъ. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы въ погонѣ за сенсаціями читателямъ не сообщались непровѣренные, вздорные слухи.

Исключительное вниманіе «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» удѣляетъ событіямъ, происходящимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Газетой командированы спеціальные корреспонденты въ дѣйствующую армію и во всѣ близлежащіе районы и въ завоеванныя земли.

Пробные номера газеты для ознакомленія высылаются БЕЗПЛАТНО по перв. требов.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ (9-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **9** р., на 6 м. **4** р. **75** к., на 3 м. **2** р. **50** к., и на 1 м. **1** р.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 3 р. и къ 1 іюля 3 р., и 2) для полугодовыхъ—при подпискѣ 3 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 75 к.

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА ВЪ РОССІИ для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, учительницъ, студентовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ приказчиковъ и рабочихъ.

въ годъ **6** р. **50** к., на 6 мѣс. **3** р **50** к., на 3 мѣс. **1** р. **75** к. и на 1 мѣс. **75** к.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 2 р. 50 к., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 2 р., 2) для полугодовыхъ—при подпискѣ 2 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 50 к.

Подписка принимается; въ главной конторѣ „ГОЛОСА МОСКВЫ“ — Москва, Филипповскій пер., 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, конторахъ объявленій и во всѣхъ почт.-телеграф. отдѣл.

„Товариство „ЧАС“ у Київі“.

КРАМНИЦЯ „ЧАС“,

Київ. В.-Володимирська, 53, (проти городського театру).

ПРОДАЄ:

1) **українські книги, газети, журнали, альбоми, малюнки, гравюри, листівки, портрети, книги по українознавству,** писані иншими мовами, ілюстрований одривний календарь „Час“, і т. и.

2) добірні вироби українського народнього рукомества (кустарныя, издѣлія): ткацьки (килими, плахти, станки, джегри, крайки, вишивані мережані та старовинні (весільні) рушники, вишивані та мережані сорочки та набори до них, скатерті, хустки, сереветки, і т. и.). Гуцульскі вироби (килими, коці, запаски, крайки, чересі, дзюбанки, гердани, дармовіси, цятковані вироби і т. и.).

Добірні глиняні вироби інструктора кераміки п. Білоскурського з Київщини, ошішнянського гончаря Гладиревського та инших, з Полтавщини, Київщини, Черніговщини, то-що (куманці, глечики, миски, тарілки, філіжанки, тежики, вироби з червіньки і т. и.): Артистичні стільні українскі вироби, з білої глини, Івана Левинського у Львові (Галичина).

Каталог та цінник (прейс-курант) висилаються даром.

Галичина, Буковина, Угорская Русь.

СОСТАВЛЕНО СОТРУДНИКАМИ ЖУРНАЛА

„Украинская Жизнь“.

Съ рисунками въ текстѣ и картой Галичины, Буковины, Угорской Руси, исполненной въ краскахъ. 230 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Кн-во „ЗАДРУГА“.
Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(четвертый годъ изданія).

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

„Украинская Жизнь“ въ 1915 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Въ теченіе 1915-го г. въ „Украинской Жизни“ будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ исторіи Галиціи и Буковины, національно-политическимъ отношеніямъ въ нихъ, характеристикѣ культурно-просвѣтительныхъ организацій, характеристикѣ украинско-галицкихъ писателей и экономической политикѣ края.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	— р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

Москва, Б. Полянка, 32.—Тел. № 3-44-48.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

249

ПРОВЕРЕНО
СГФ. 1987

0,60к

3362 / 1915
№1

III
НС-15024
1915-1

БІБЛІОТЕКА
III
Ж-15024
1915-2

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА
імени
ШЕВЧЕНКА
У ЛЬВОВІ.

Ч. 23027 Г/1915, №2

96 2 3.027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 2.
ФЕВРАЛЬ 1915 г.

Москва. Годъ изданія четвертый.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Оедоръ Евгеніевичъ Коршъ.** (†) 16 февраля. . . . 5
II. **Языкъ цифръ въ школьномъ дѣлѣ.** *П. Смутка.* . . 7
III. **Наслѣдство г. Кассо на Украинѣ.** *С. О. Сѣрополка.* 16
IV. **Къ исторіи земельныхъ отношеній въ Галиціи.** I. Цифры и факты *(Продолженіе). Д-ра Ивана Франка* 20
V. **Культурно-просвѣтительныя украинскія организаціи въ Галиціи.** *С. Ф. Русовой.* 32
VI. **Судьба галицкихъ украинцевъ въ освѣщеніи русскихъ журналовъ.** Статьи о Галичинѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ (М. Славинскаго), „Русскихъ Запискахъ“ (С. Ефремова), „Современникѣ“ (М. Флеровскаго) и „Вѣстникѣ Воспитанія“ (А. Л.). *Н. Дворянской* 44
VII. **Бѣлорусское возрожденіе.** *(Окончаніе). М. Богдановича.* 53
VIII. **По поводу статьи Дейча „Украинская и общерусская эмиграція“.** *Влад. Дебогорія-Мокріевича.* . . 63
IX. **Изъ русскихъ газетъ.** I. Значеніе украинскаго народа въ исторіи освобожденія южныхъ славянъ. *Проф. Н. Ф. Сумцова.* II. „Одесскій Листокъ“ объ австрійской оріентаціи проф. М. Грушевскаго. III. Положеніе украинской печати. 74
X. **На Украинѣ и внѣ ея.** Ссылка проф. М. Грушевскаго въ Симбирскъ.—Хроника за мѣсяцъ.—Дѣятельность екатеринославской „Просвіти“, вызванная войной *Л. Ж—ла.*—Извѣстія о Галиціи и изъ Галиціи 81
XI. **Библіографія.** Д. И. Багалѣй. Русская исторія. Т. I. *Н. М.*—Сборникъ Импер. Историческаго Общества. Т. 144. *В. Пичеты.*—Александръ Красовскій. Борьба противъ уніи въ Западной Россіи и единство русскаго народа въ 1648—1668 г. *В. Пичеты.*—Проф. К. Г. Воблый. Производительныя силы Галиціи (Статистико-экономическій очеркъ). *В. Садовскаго.*—Проф. Н. Ястребовъ. Галиція наканунѣ Великой войны 1914 г. *Г—цкаго.* 97
XII. Литературная лѣтопись 107
XIII. Объявленія.

Э113188

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 2.

23.027

Годъ изданія четвертый.

БІБЛІОТЕКА
НАУК. ТОВ. ШЕВЧЕНКА
ЛЬВОВІ

АН УРСР
№ Ж 3362 П

Москва.—1915 г.

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., с. д.
1915.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Ѳедоръ Евгеніевичъ Коршъ.** (†) 16 февраля. . . . 5
II. **Языкъ цифръ въ школьномъ дѣлѣ.** *П. Смутка.* . . 7
III. **Наслѣдство г. Кассо на Украинѣ.** *С. О. Сѣрополка.* 16
IV. **Къ исторіи земельныхъ отношеній въ Галиціи.** I. Цифры и факты *(Продолженіе). Д-ра Ивана Франка* 20
V. **Культурно-просвѣтительныя украинскія организаціи въ Галиціи.** *С. Ф. Русовой.* 32
VI. **Судьба галицкихъ украинцевъ въ освѣщеніи русскихъ журналовъ.** Статьи о Галичинѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ (М. Славинскаго), „Русскихъ Запискахъ“ (С. Ефремова), „Современникѣ“ (М. Флеровскаго) и „Вѣстникѣ Воспитанія“ (А. Л.). *Н. Дворянской* 44
VII. **Бѣлорусское возрожденіе.** *(Окончаніе). М. Богдановича.* 53
VIII. **По поводу статьи Дейча „Украинская и общерусская эмиграція“.** *Влад. Дебогорія-Мокріевича.* . . 63
IX. **Изъ русскихъ газетъ.** I. Значеніе украинскаго народа въ исторіи освобожденія южныхъ славянъ. *Проф. Н. Ф. Сумцова.* II. „Одесскій Листокъ“ объ австрійской оріентаціи проф. М. Грушевскаго. III. Положеніе украинской печати. 74
X. **На Украинѣ и внѣ ея.** Ссылка проф. М. Грушевскаго въ Симбирскъ.—Хроника за мѣсяцъ.—Дѣятельность екатеринославской „Просвіти“, вызванная войной *Л. Ж—ла.*—Извѣстія о Галиціи и изъ Галиціи 81
XI. **Библіографія.** Д. И. Багалѣй. Русская исторія. Т. I. *Н. М.*—Сборникъ Импер. Историческаго Общества. Т. 144. *В. Пичеты.*—Александръ Красовскій. Борьба противъ уніи въ Западной Россіи и единство русскаго народа въ 1648—1668 г. *В. Пичеты.*—Проф. К. Г. Воблый. Производительныя силы Галиціи (Статистико-экономическій очеркъ). *В. Садовскаго.*—Проф. Н. Ястребовъ. Галиція наканунѣ Великой войны 1914 г. *Г—цкаго.* 97
XII. Литературная лѣтопись 107
XIII. Объявленія.

†

Академикъ

Ѳедоръ Евгеніевичъ

КОРШЪ

послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни скончался 16 февраля с. г.

Памяти друга украинскаго народа и незабвеннаго сотрудника „Украинской Жизни“ редакція посвящаетъ мартовскую книжку журнала.

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ім. ШЕВЧЕНКА У ЛЬВОВІ

Языкъ цифръ въ школьномъ дѣлѣ.

Старый и все еще для насъ новый вопросъ о раціональной школѣ въ условіяхъ нашего строя еще долго будетъ ждать своего разрѣшенія. Мы твердо усвоили афоризмъ „нѣмецкій школьный учитель побѣдилъ Францію", но уже успѣли, кажется, забыть, что и намъ пришлось потерпѣть пораженіе отъ питомцевъ японскаго учителя. Мы энергично вырабатываемъ планы всеобщаго обязательнаго обученія, но затѣмъ спокойно миримся съ отказомъ отъ осуществленія этихъ плановъ за недостаткомъ рессурсовъ. Мы знаемъ, что коснѣющій въ невѣжествѣ народъ—плохая опора для государства, но насъ не волнуетъ политика, основанная на стремленіи подчинить школу интересамъ опредѣленнаго міровоззрѣнія преимущественно предъ интересами просвѣщенія... Такъ было—такъ будетъ... но все-же, нужно надѣяться, не вѣчно. И когда, наконецъ, Россія получитъ возможность организовать начальное образованіе на здоровыхъ основахъ, нынѣшнія наблюденія надъ результатами дѣйствующей въ школьномъ дѣлѣ системы будутъ цѣннымъ матеріаломъ и для исторіи школы, и для будущихъ дѣятелей ея оздоровленія.

Такимъ матеріаломъ являются выпускаемые съ 1913 года министерствомъ народнаго просвѣщенія статистическія свѣдѣнія о положеніи начальныхъ школъ въ имперіи, по даннымъ однодневной переписи 1911 г. [1]). Свѣдѣнія эти, пріуроченныя къ существующему дѣленію имперіи на учебные округа, разработаны извѣстнымъ статистикомъ В. И. Покровскимъ. По настоящее время вышло 7 выпусковъ министерскаго изданія, посвященныхъ округамъ: Петроградскому, Московскому, Одесскому, Кіевскому, Харьковскому, Казанскому, Оренбургскому. Въ общей сложности эти округа охватываютъ 43 губерніи Европейской Россіи, безъ ея западной окраины, а такъ какъ въ число ихъ входятъ и всѣ губерніи съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ (въ Одесскомъ округѣ—Екатеринославская и Херсонская, въ

[1]) Однодневная перепись начальныхъ школъ въ имперіи, произведенная 18-го января 1911 г., выпуски I—VII.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № П- 85699

Кіевскомъ—Кіевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская, въ Харьковскомъ—Харьковская), то сопоставленіе соотвѣтствующихъ цифръ даетъ возможность освѣтить рядомъ съ общею характеристикою постановки школьнаго дѣла въ Россіи также и тѣ особыя условія, въ которыхъ находится начальное образованіе въ украинскихъ губерніяхъ. Имѣя въ виду эту спеціальную задачу, мы разсмотримъ главнѣйшіе итоги офиціальнаго изслѣдованія, останавливаясь преимущественно на среднихъ цифрахъ и процентныхъ отношеніяхъ, которыми отдѣльныя стороны школьнаго дѣла характеризуются болѣе наглядно, чѣмъ абсолютными величинами.

Эти итоги по учебнымъ округамъ могутъ быть сведены въ слѣдующую таблицу:

1 нач. школа приходится:	Петр.	Моск.	Одесск.	Кіевск.	Харьк.	Каз.	Оренб.
1. На квадр. верстъ. . .	167	24,8	29,6	21,1	33,3	64,4	210
2. „ жителей	1020	1221	1555	1708	1661	1638	1704
3. „ учащихся	49,3	77,8	78,5	70,5	73,3	68,2	62,0
4. % учащихся къ общему числу дѣтей школьнаго возраста .	28,8	28,9	24,3	18,7	22,9	21,2	18,0
5. % отказовъ въ пріемѣ къ общему числу учащихся	6,3	7,3	21,1	21,9	14,9	10,7	8,4
6. % школъ не выше 3-лѣтняго курса . . .	73,0	76,5	44,9	76,1	84,5	65,9	72,0
7. Средній расходъ на 1 школу (руб.) . . .	1085	1011,2	1324,5	749,9	899,5	865,3	932,2
8. Средній расходъ на 1 учащагося (руб.) .	22	15,3	16,8	10,6	12,2	12,7	15,0
9. Средній расходъ на 1 жителя (коп.) . . .	104,3	82,5	84,0	43,8	55,2	48,6	54,3
10. % окончив. курсъ . .	12,3	10,3	8,2	9,1	10,3	11,0	10,4
11. % выбывш. до окончанія	16,8	17,7	21,0	19,0	20,2	19,6	18,8

Изъ этой таблицы вытекаютъ слѣдующіе выводы относительно постановки школьнаго дѣла въ разсматриваемыхъ округахъ.

Гуще всего сѣть начальныхъ школъ въ Харьковскомъ, Одесскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ округахъ, гдѣ на каждую школу приходится въ среднемъ районъ 21,1—33,3 кв. верстъ (графа 1-я). Но по отношенію къ количеству жителей (графа 2-я) въ лучшихъ условіяхъ находятся округа Петроградскій и Московскій (1 школа на 1,020—1,221 жителей), тогда какъ въ прочихъ округахъ либо густота населенія па-

рализуетъ доступность школъ по разстоянію, либо недостаточно развитая школьная сѣть слабо обслуживаетъ даже сравнительно рѣдкое населеніе (Оренбургскій округъ). Въ результатѣ, въ менѣе счастливыхъ округахъ значительное количество дѣтей школьнаго возраста, какъ видно изъ данныхъ въ графѣ 4-й, остается за стѣнами школы (Оренбургскій, Кіевскій, Казанскій, Харьковскій, Одесскій округа), либо въ силу физической невозможности пользоваться слишкомъ отдаленною школою (Оренбургскій округъ), либо встрѣчая систематическіе отказы въ пріемѣ (графа 5-я), особенно высокій процентъ которыхъ наблюдается въ округахъ: Кіевскомъ, Одесскомъ и Харьковскомъ (21,9—14,9).

Больше всего расходуютъ на начальное образованіе (графа 7-я) округа: Одесскій, Петроградскій, Московскій, Оренбургскій (932,2—1324,5 руб. на школу и 15—22 руб. на учащагося). При этомъ Одесскій округъ культивируетъ преимущественно школы высшихъ типовъ (всего 44,9% школъ не выше 3-лѣтняго курса), а столичные округа предпочитаютъ хорошо оборудованную мелкую школу (графа 6-я). Отсюда такой незначительный процентъ отказовъ въ пріемѣ по Петроградскому и Московскому округамъ (6,3—7,3), хотя условія обученія въ каждомъ изъ нихъ существенно различны: въ Петроградскомъ преобладаетъ типъ малолюдной школы (всего 49,3 учащихся въ среднемъ), тогда какъ Московскій по населенности школъ стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ Одесскаго (графа 3-я).

Останавливаясь болѣе внимательно на постановкѣ школы въ округахъ, включающихъ губерніи съ украинскимъ населеніемъ, мы находимъ, что они занимаютъ первыя мѣста по густотѣ школьной сѣти, но эта сѣть все-же слишкомъ недостаточна по сравненію съ потребностью мѣстнаго населенія въ образованіи. Стремленіе жителей къ начальной школѣ характеризуется крупными цифрами отказовъ въ пріемѣ. Типъ школы въ этихъ округахъ, за исключеніемъ Одесскаго, преимущественно мелкій, съ непродолжительнымъ курсомъ ученія. Такимъ образомъ, для той части дѣтскаго населенія этихъ округовъ, какой посчастливилось не остаться за дверьми школы, обученіе, казалось бы, обставлено условіями, благопріятствующими успѣшному прохожденію курса: по разстоянію отъ мѣста жительства учащихся школы весьма доступны и курсъ ученія недологъ.

Каковы же результаты начальнаго обученія въ разсматриваемыхъ семи округахъ? На это отвѣчаютъ двѣ послѣд-

нія графы нашей таблицы (10-я и 11-я): процентъ оканчивающихъ курсъ самый высокій въ округахъ Петроградскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Московскомъ и Харьковскомъ (отъ 12,3 до 10,3), а самый низкій—въ Кіевскомъ (9,1) и Одесскомъ (8,2); процентъ же выбывшихъ до окончанія курса особенно великъ въ округахъ Одесскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ (отъ 21 до 19) и менѣе значителенъ въ остальныхъ. Такимъ образомъ, самые неблагопріятные результаты начальнаго обученія оказываются именно въ округахъ съ преобладающимъ украинскимъ элементомъ населенія: Одесскомъ, Харьковскомъ и Кіевскомъ. При этомъ крупныя затраты Одесскаго округа на школы высшаго типа имѣли только то вліяніе, что процентъ оканчивающихъ школу въ этомъ округѣ получился самый низкій, а процентъ выбывшихъ до окончанія курса—самый высокій.

Выдѣлимъ теперь изъ трехъ послѣднихъ округовъ губерніи съ абсолютнымъ большинствомъ украинскаго населенія и составимъ для нихъ таблицу, аналогичную только-что разобранной.

1 нач. школа приходится:	Кіев.	Вол.	Под.	Полт.	Черн.	Хар.	Екат.	Херсон
1. На квадр. верстъ. . .	19,1	27,0	15,8	18,4	26,6	23,7	29,4	30,8
2. „ жителей	1965	1681	1635	1500	1755	1628	1655	1732
3. „ учащихся	81,5	63,0	60,2	71,2	79,6	77,7	87,8	90,0
4. % учащихся къ общему числу дѣтей школьнаго возраста .			18,7			24,	,5	2?,8
5. % отказовъ въ пріемѣ къ общему числу учащихся. . . .	24,3	16,4	31,6	16,7	20,9	17,9	22,7	20,5
6. % школъ не выше 3-лѣтняго курса . . .	61,1	78,4	85,5	76,8	80,1	88,9	52,7	46,6
7. Средній расходъ на 1 школу (руб.) . . .	995,8	548,4	541,5	866,0	824,0	1138,9	1639,2	1484,1
8. Средній расходъ на 1 учащагося (руб.) .	12,3	8,7	9,0	12,0	10,0	14,6	18,2	16,4
9. Средній расходъ на 1 жителя (коп.) . . .	50,4	32,5	33,1	56,3	46,8	70,0	96,9	84,4
10. % окончив. курсъ . .	7,9	7,6	9,7	10,6	9,5	10,7	8,2	7,8
11. % выбывш. до окончанія	20,0	16,8	19,5	18,6	20,0	19,7	22,1	21,1

Сопоставленіе обѣихъ таблицъ еще ярче оттѣняетъ указанныя выше особенности школьнаго дѣла въ украинскихъ губерніяхъ по сравненію съ постановкою его въ другихъ

районахъ Россіи. Въ то время, какъ по всѣмъ семи учебнымъ округамъ 1 школа приходится на 21,1—210 квадратныхъ верстъ, въ восьми украинскихъ губерніяхъ 1 школа обслуживаетъ только 15,8—30,8 квадратныхъ верстъ. Зато во всѣхъ округахъ на 1 школу приходится 1,020—1,708 жителей, а въ украинскихъ губерніяхъ среднее число жителей на 1 школу возрастаетъ до 1,520—1,965. Соотвѣтственный перевѣсъ для украинскихъ губерній мы находимъ и въ среднемъ количествѣ учениковъ на одну школу (60,2—90,0), тогда какъ по учебнымъ округамъ эти цифры колеблются въ предѣлахъ 49,3—78,5. Неудовлетворенное стремленіе населенія къ школѣ характеризуется числомъ отказовъ въ пріемѣ, достигающимъ въ украинскихъ губерніяхъ 16,4—31,6% числа учащихся, тогда какъ во всѣхъ округахъ этотъ процентъ не превышаетъ 6,3—21,9. Въ болѣе яркомъ освѣщеніи рисуются по даннымъ второй таблицы губерніи Одесскаго округа—Екатеринославская и Херсонская,—изъ которыхъ первая даетъ особенно высокія цифры расходовъ на начальную школу, но и наиболѣе высокій процентъ выбывающихъ до окончанія курса. Вообще результаты начальнаго обученія въ украинскихъ губерніяхъ таковы, что оканчиваетъ курсъ всего 7,6—10,7%, а выбываетъ 16,8—22,1%, тогда какъ по всѣмъ учебнымъ округамъ процентъ оканчивающихъ колеблется въ предѣлахъ 8,2—12,3, а процентъ выбывающихъ—въ предѣлахъ 16,8—21,0. И это—несмотря на отмѣчаемую статистикою густоту школьной сѣти въ украинскихъ губерніяхъ, при которой посѣщеніе школы обставлено гораздо болѣе удобными условіями, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ разсматриваемаго района.

Что же это за особенное свойство восьми губерній благодатнаго Юга Россіи, которое въ такой степени парализуетъ работу по распространенію начальнаго образованія въ народныхъ массахъ? Ихъ косность и неспособность воспринимать даже элементарныя знанія? Конечно, нѣтъ, ибо населеніе этихъ губерній, какъ мы видѣли на статистическихъ данныхъ, горячо стремится къ просвѣщенію и притомъ далеко не считается тупымъ и бездарнымъ. Недостатокъ общественной иниціативы, направленной на развитіе школьнаго дѣла? Отчасти можетъ быть, такъ какъ въ трехъ губерніяхъ Юго-западнаго края земскія учрежденія введены только недавно, и то на особыхъ основаніяхъ, не способствующихъ широкой и энергичной общественной работѣ. Но вѣдь такіе же неблагопріятные результаты получаются и по тѣмъ губер-

ніямъ, гдѣ земства давно и дѣятельно культивируютъ народное образованіе, гдѣ земская народная школа пользуется заслуженною высокою репутаціей, гдѣ и наши цифры указываютъ на крупныя затраты въ области школьнаго дѣла. Значитъ, и это предположеніе приходится отбросить, какъ неосновательное. Найти объясненіе плохихъ успѣховъ народной школы въ украинскихъ губерніяхъ можно, очевидно, лишь въ такой сторонѣ школьной организаціи, которая является общею для всѣхъ губерній съ украинскимъ населеніемъ, независимо отъ типа школъ и иныхъ мѣстныхъ условій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такимъ общимъ признакомъ для этихъ губерній является именно преобладаніе въ нихъ украинскаго населенія, а слѣдовательно здѣсь и заключается разгадка занимающей насъ задачи: народная школа въ украинскихъ губерніяхъ даетъ плохіе результаты потому, что она игнорируетъ національность учащихся. Мы пришли, на основаніи офиціальной статистики, къ тому выводу, который давно санкціонированъ авторитетами педагогіи: начальная школа въ губерніяхъ съ украинскимъ населеніемъ должна быть построена на примѣненіи украинскаго языка и украинскаго учебнаго матеріала, иначе она не поможетъ народнымъ массамъ выйти изъ культурной отсталости. Въ теченіе десятковъ лѣтъ это требованіе выдвигается общественными дѣятелями Украины, мѣстными земствами, а въ первыхъ двухъ государственныхъ думахъ—и украинскими депутатами. Въ полномъ согласіи съ этими требованіями находятся обширная педагогическая литература и ежедневныя наблюденія практиковъ, людей земли, находящихся въ соприкосновеніи съ народными массами на Украинѣ. Но сферы, вѣдающія дѣло народнаго образованія, до сегодня остаются глухи къ этому голосу науки и жизни. И вотъ собственная офиціальная статистика министерства народнаго просвѣщенія въ концѣ-концовъ предъявляетъ наглядное доказательство того, что правы были выступавшіе за примѣненіе украинскаго языка въ народной школѣ украинскихъ губерній и что офиціальная школьная политика сознательно шла по невѣрной дорогѣ.

Чтобы этотъ выводъ не показался случайнымъ и недостаточно обоснованнымъ, подвергнемъ его провѣркѣ: изслѣдуемъ результаты начальнаго обученія въ Россіи, насколько они выражаются въ уровнѣ грамотности населенія разсматриваемаго района. Конечно, грамотность сама по себѣ не можетъ служить мѣриломъ для полной характери-

стики школьнаго дѣла: задачи раціональной школы не ограничиваются одними примитивами знаній, и умѣнье читать ничего не говоритъ объ умственномъ развитіи и уровнѣ образованія человѣка; гоголевскій Петрушка, составлявшій изъ буквъ слова безъ пониманія ихъ смысла, при подсчетѣ грамотныхъ попадетъ въ ихъ число наравнѣ съ дипломированнымъ ученымъ; выбывшіе изъ начальной школы до окончанія курса, если они не разучились читать, окажутся въ одномъ спискѣ съ бывшими товарищами, которымъ посчастливилось окончить школу. Но если и при такомъ широкомъ масштабѣ для оцѣнки результатовъ школьнаго обученія украинскія губерніи все-же окажутся позади района съ великорусскимъ населеніемъ, то въ этомъ только предубѣжденный взглядъ не увидитъ подтвержденія нашего вывода, что первоначальное обученіе дается украинскому населенію въ несвойственныхъ ему формахъ, затрудняющихъ просвѣщеніе народныхъ массъ.

Для опредѣленія уровня грамотности мы воспользуемся обычно примѣняемымъ для этой цѣли подсчетомъ грамотныхъ новобранцевъ въ различныхъ губерніяхъ. Способъ этотъ далекъ отъ совершенства въ научномъ смыслѣ, ибо даетъ характеристику лишь одной опредѣленной категоріи мужского населенія, но въ статистикѣ новобранцевъ можно найти болѣе свѣжія цифры, по сравненію съ данными переписи 1897 г., и притомъ цифры, во всякомъ случаѣ болѣе точныя, тогда какъ данныя переписи были подвергнуты въ свое время спеціальною критикою большимъ сомнѣніямъ. Въ изданіи министерства народнаго просвѣщенія „Статистическія свѣдѣнія по народному образованію въ Россійской Имперіи“, выпускъ VII, имѣются въ приложеніи свѣдѣнія о грамотныхъ новобранцахъ призыва 1905 года. Для губерній, входящихъ въ составъ разсматриваемыхъ нами семи учебныхъ округовъ (за исключеніемъ трехъ губерній—Архангельской, Астраханской, Оренбургской—и трехъ областей—Донской, Уральской, Тургайской,—по которымъ данныя отсутствуютъ). По этимъ даннымъ грамотность новобранцевъ характеризуется слѣдующими цифрами, въ процентахъ къ общему числу, въ нисходящемъ порядкѣ:

Петроградская	95	Екатеринославская	64
Ярославская	94	Херсонская	64
Московская	89	Вятская	60
Тверская	84	Харьковская	58
Калужская	81	Воронежская	57

Владимірская	80	Курская	56
Новгородская	77	Псковская	56
Тульская	76	Тамбовская	56
Рязанская	75	Пермская	55
Костромская	75	Симбирская	55
Таврическая	70	Самарская	54
Смоленская	69	Пензенская	49
Олонецкая	68	Кіевская	49
Вологодская	67	Подольская	46
Нижегородская	67	Казанская	40
Черниговская	66	Волынская	39
Орловская	65	Бессарабская	32
Полтавская	65	Уфимская	23
Саратовская	64		

Во главѣ этого списка стоитъ 15 губерній съ грамотностью 67—95%, принадлежащихъ, за немногими исключеніями (Петроградская, Олонецкая, Таврическая), къ коренному великорусскому району (свыше 90% чистаго великорусскаго населенія); сюда входятъ губерніи съ разнообразными экономическими условіями: промышленный центръ, часть центрально-земледѣльческаго, сѣверо-западнаго и приозернаго районовъ; очевидно, моментъ экономическій въ данномъ случаѣ играетъ второстепенную роль, уступая первое мѣсто вліянію этнографическаго состава; только въ указанныхъ выше трехъ губерніяхъ преобладаютъ, повидимому, иныя вліянія,—въ частности, въ Петроградской губерніи явно выступаетъ вліяніе столицы, дающей, по понятнымъ причинамъ, особенно высокій процентъ грамотныхъ новобранцевъ.

Слѣдующія 15 губерній нашего списка отмѣчены грамотностью 54—66%. Въ этомъ числѣ находимъ 5 украинскихъ губерній, принадлежащихъ къ старому земскому району. Изъ остальныхъ 10 губерній этой группы коренныхъ великорусскихъ только 4 (Орловская, Тамбовская, Псковская и Пермская), а въ прочихъ имѣется болѣе или менѣе значительная примѣсь украинскаго или инородческаго населенія (Воронежская и Курская, Вятская, Симбирская, Самарская, Саратовская).

Послѣднія мѣста нашего списка занимаютъ семь губерній съ грамотностью ниже 50%. Между ними имѣется лишь одна губернія, Пензенская, съ преобладающимъ великорусскимъ населеніемъ,—затѣмъ идутъ три губерніи Юго-западнаго края и, наконецъ, три губерніи съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ (Казанская, Бессарабская, Уфимская). Только двѣ послѣднія губерніи занимаютъ по уровню

грамотности еще болѣе низкое мѣсто, чѣмъ „русскія“ губерніи—Кіевская, Подольская и Волынская. Несомнѣнно, въ такомъ низкомъ образовательномъ уровнѣ Юго-западнаго края немалую роль играетъ слабое развитіе общественной работы въ сферѣ народнаго образованія, но ненормальность общей постановки начальной школы въ губерніяхъ съ украинскимъ населеніемъ ярко иллюстрируется приведенными цифрами. Если въ краѣ старой культуры, съ университетскими центрами, съ богатыми экономическими условіями, грамотность едва достигаетъ низшаго уровня рядовыхъ губерній великорусскаго района, не блещущихъ особенно высокимъ уровнемъ школьнаго дѣла, то, значитъ, школьникамъ этого края труднѣе дается грамота, чѣмъ дѣтямъ того болѣе счастливаго района, на языкѣ котораго написаны буквари и учебники.

Вотъ что говоритъ языкъ цифръ о положеніи народной школы въ украинскихъ губерніяхъ и о роли родного языка при начальномъ обученіи. Истина, которую мы вывели изъ данныхъ офиціальной статистики, правда, общеизвѣстна и не разъ повторялась крупными авторитетами педагогіи и изслѣдователями народной жизни, но подчеркнуть ее вновь именно теперь представляется особенно важнымъ. Если въ нормальное время школьная политика у насъ осуществляется нерѣдко людьми, болѣе призванными къ дѣятельности иного рода, чѣмъ къ просвѣтительной работѣ, то въ переживаемое нами теперь лихолѣтье педагогическія аксіомы еще менѣе имѣютъ шансовъ служить основою школьнаго дѣла. И мы видимъ, что благодаря исключительнымъ условіямъ военнаго времени оккупированная русскими войсками восточная Галиція освобождается не только отъ австрійскаго владычества, но и отъ родной украинской школы, взамѣнъ которой тамъ водворяется, manu militari, незнакомая до сихъ поръ галичанамъ школа великорусская. Приведенныя въ нашей статьѣ цифры свидѣтельствуютъ, что школьная система, дающая столь скудные результаты въ украинскихъ губерніяхъ Россіи, едвали принесетъ населенію восточной Галичины развитіе просвѣщенія и культуры, достигшихъ было въ этой странѣ, благодаря національной школѣ, уже довольно высокаго уровня.

П. Смутокъ.

Наслѣдство г. Кассо на Украинѣ.

По сообщеніямъ газетъ, новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Игнатьевъ сдѣлалъ порученіе своему вѣдомству составить докладъ, который долженъ выяснить, какіе циркуляры и распоряженія министерства образовали наслоенія, противорѣчащія задачамъ просвѣщенія.

Дѣйствительно, за время пребыванія г. Кассо во главѣ министерства народнаго просвѣщенія эти „наслоенія“ легли настолько густымъ слоемъ на нивѣ народнаго просвѣщенія, что они въ значительной степени поглотили тѣ здоровые ростки, которые пробились наружу въ результатѣ почти полувѣковой дѣятельности земствъ и культурныхъ начинаній общественной и частной иниціативы.

Въ особенности тяжелымъ „наслоеніемъ“ сказались министерскія правила отъ 9 іюня 1912 г., въ силу которыхъ земства устраняются отъ руководства народными библіотеками при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—а таковыхъ библіотекъ у насъ большинство,—и, что самое главное, такія библіотеки подчиняются дѣйствію ограничительнаго каталога, такъ какъ имѣютъ право вводить въ составъ книжнаго имущества только тѣ книги, которыя признаны ученымъ комитетомъ „заслуживающими вниманія при пополненіи народныхъ библіотекъ и читаленъ“.

Какъ извѣстно, многія земства, не желая, съ одной стороны, итти на умаленіе своихъ правъ въ народно-библіотечномъ дѣлѣ, съ другой—принимать соучастіе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ противозаконномъ лишеніи читателей изъ народа права на книгу, не изъятую изъ обращенія, вынуждены были приступить къ закрытію пришкольныхъ народныхъ библіотекъ и къ отказу устраивать впредь народныя библіотеки при школахъ, несмотря на то, что такія библіотеки, не требуя особыхъ затратъ на наемъ помѣщенія и завѣдываніе ими, стоятъ значительно дешевле.

Если „правила“ отъ 9 іюня 1912 г. вообще затормозили развитіе народно-библіотечнаго дѣла, то по отношенію къ

Украинѣ они, можно сказать, доконали украинскую книгу, такъ какъ учебный комитетъ въ своихъ спискахъ не признаетъ украинскихъ книгъ.

Такимъ образомъ, однимъ росчеркомъ пера г. Кассо изъ пришкольныхъ народныхъ библіотекъ Украины изъяты книги на украинскомъ языкѣ. Извѣстны случаи, когда по распоряженію инспекторовъ народныхъ училищъ изымались изъ обращенія въ народныхъ библіотекахъ произведенія Шевченка „Катерина“, „Невольникъ“, „Назаръ Стодоля“, какъ это имѣло мѣсто въ народныхъ библіотекахъ Харьковской губ. Болѣе того: были случаи, какъ, напримѣръ, въ с. Ладыжинѣ Уманскаго у., изъятія изъ народныхъ библіотекъ по требованію учебнаго вѣдомства, Евангелія на украинскомъ языкѣ, изданнаго съ благословенія св. синода...

Для многихъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ борьба съ украинской литературой въ народныхъ библіотекахъ стала едва ли не главнѣйшимъ предметомъ ихъ дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія. Труды въ этомъ направленіи, конечно, оцѣнивались по заслугамъ г. Кассо. Достаточно напомнить, что директоръ народныхъ училищъ Кіевской губ. г. Плескій, особенно отличавшійся по части преслѣдованія украинской литературы въ народныхъ библіотекахъ, призванъ былъ г. Кассо на отвѣтственный постъ въ оккупированной Галиціи, гдѣ г. Плескому открыто болѣе широкое поприще для осуществленія задачъ „культуртрегерства“.

Не меньшимъ репрессіямъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія подвергается украинскій языкъ и въ школѣ,—начальной и средней, мужской и женской—безразлично. Въ этомъ отношеніи учебное вѣдомство заходитъ такъ далеко, что запрещаетъ, напримѣръ, учащимся разговаривать между собою въ стѣнахъ учебнаго заведенія на украинскомъ языкѣ, посѣщать украинскіе спектакли, мотивируя это запрещеніе, какъ было, напримѣръ, въ Александровскѣ, „безнравственнымъ направленіемъ украинскихъ пьесъ“, принимать участіе въ торжествахъ по случаю юбилея Шевченка (по циркуляру министра Кассо) и т. д.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ своемъ рвеніи по искорененію „украинскаго“ духа изъ всего школьнаго строя мѣстное учебное вѣдомство зачастую проявляло „творчество“, которое потомъ воспринималось г. Кассо и находило приложеніе въ общеимперскихъ циркулярахъ.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85699

Такъ, напримѣръ, только сравнительно недавно, именно 30 октября 1914 г., былъ изданъ циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о томъ, что на лѣтнихъ учительскихъ курсахъ при разборѣ учебниковъ надлежитъ имѣть въ виду только допущенные ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, а между тѣмъ еще весной того же года попечитель кіевскаго учебнаго округа предписалъ не касаться на учительскихъ съѣздахъ вопроса объ учебникахъ, изъ опасенія, что учителя могутъ поднять вопросъ о необходимости украинскихъ учебниковъ въ школахъ.

Министерство народнаго просвѣщенія прекрасно понимаетъ, что „душою" школы является учащій, поэтому объектомъ сугубаго вниманія учебнаго начальства и пользуется у насъ учащій. Если народный учитель вообще не можетъ похвалиться правовымъ положеніемъ, все-же личная жизнь учащаго въ Великороссіи болѣе обезпечена отъ вмѣшательства „недреманнаго ока", нежели таковая учащаго-украинца.

Въ самомъ дѣлѣ, если по отношенію къ учащимъ вообще существуетъ ограниченіе въ дѣлѣ выбора періодическихъ изданій при выпискѣ ихъ за счетъ земскихъ суммъ, то по отношенію къ учащимъ-украинцамъ дозволяется вмѣшательство учебнаго начальства въ вопросѣ о томъ, что они выписываютъ за свой собственный счетъ. Такъ, извѣстны случаи, когда учащимъ, подписчикамъ „Рады", ставился учебнымъ начальствомъ ультиматумъ: „Рада" или мѣсто.

Если для занятія учительской должности вообще требуется, помимо извѣстнаго образовательнаго ценза, благонадежность, то для занятія учительской должности на Украинѣ требуется сугубая благонадежность. Такъ, попечитель одесскаго учебнаго округа г. Смольяниновъ издалъ циркуляръ о томъ, что на учительскія должности слѣдуетъ назначать коренныхъ русскихъ, украинцевъ же лишь въ томъ случаѣ, если имѣются секретныя свѣдѣнія объ ихъ совершенной благонадежности и правыхъ убѣжденіяхъ.

Неудивительно поэтому, что учебное вѣдомство признаетъ „не ко двору" даже талантливыхъ, выдающихся педагоговъ, если только они дерзаютъ смѣть имѣть свое сужденіе по вопросу объ языкѣ преподаванія въ школахъ на Украинѣ, „несовмѣстимое съ педагогической дѣятельностью въ русской государственной школѣ". Мы напомнимъ, для примѣра, что именно по такимъ мотивамъ былъ уволенъ въ Кіевѣ талантливый педагогъ В. К. Прокоповичъ послѣ его

выступленія на всерос. съѣздѣ по народн. образованію съ докладомъ „Народная школа и родной языкъ на Украинѣ".

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ мѣропріятій со стороны учебн. вѣдом., какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго, одухотворенныхъ одной общей мыслью—искоренить въ дѣлѣ школьнаго и внѣшкольнаго образованія все то, что имѣетъ отношеніе къ родному языку украинскаго народа.

Можно думать, что многіе мѣстные дѣятели учебнаго вѣдомства на Украинѣ усматривали въ такого рода дѣятельности провиденціальное назначеніе г. Кассо, а потому и сами настолько усердствовали, что отказывались признавать Украину даже въ ея прошломъ. Въ этомъ отношеніи достаточно характерно поведеніе инспектора нар. учил. (Бердянско-Орѣховскаго района), не разрѣшившаго народное чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ по брошюрѣ, допущенной общей цензурой, на тему „Запорожье, страна и народъ".

Если новый министръ, дѣйствительно, искренно задался мыслью устранить наслоенія, противорѣчащія задачамъ просвѣщенія, то онъ долженъ по отношенію къ Украинѣ „кассировать" то, что было привнесено г. Кассо и его подчиненными въ дѣло народ. просвѣщ. на Украинѣ, и создать условія для нормальнаго развитія этого дѣла на Украинѣ.

Однимъ же изъ главнѣйшихъ условій является родной языкъ въ школѣ и литературѣ.

„Не обучать народъ родному языку,—говорилъ еще въ 1861 г. членъ учен. комитета мин. нар. просвѣщ. Н. Х. Вессель,—значитъ не дозволять развиваться мысли народной, всѣмъ духовнымъ силамъ народа, значитъ оставлять народъ въ постоянномъ младенчествѣ" („Учитель", 1861 г.).

Гр. Игнатьевъ, какъ землевладѣлецъ и бывшій общественный дѣятель Украины, могъ вынести оттуда для своей дѣятельности на отвѣтственномъ посту министра народнаго просвѣщенія тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу мѣропріятій по развитію народнаго просвѣщенія на Украинѣ. Въ этомъ отношеніи ему нечего заимствовать у своего предшественника г. Кассо, но онъ можетъ взять себѣ въ руководители министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина и попечителя кіевскаго учебнаго округа Н. И. Пирогова, положившихъ на Украинѣ первый камень въ созданіи школъ на родномъ языкѣ учащихся.

С. Сѣрополко.

Земельная собственность въ Галиціи

(Къ исторіи землевладѣнія въ Галиціи).

(Продолженіе [1]).

Присмотримся ближе къ этой „средней“ собственности и попытаемся найти кое-какія указанія, которыя могли бы дать основаніе для опредѣленія ея характера. Въ рукописной запискѣ покойнаго В. Навроцкаго, сохранившейся у меня среди его писемъ и бумагъ, я нашелъ очень интересныя данныя о ростѣ средней собственности въ Галиціи съ 1819 до 1859 года. Въ 1819 году насчитывалось рустикальныхъ владѣній отъ 10 до 100 и болѣе морговъ 7.920, а въ 1859 году ихъ было уже только 5.736; значитъ, число такихъ владѣній на протяженіи этого времени убавилось на 27,5%. Между тѣмъ, въ одной только Восточной Галиціи такихъ владѣній насчитывалось въ 1819 году 3.178, а въ 1859 г.—3.574,—значитъ, на 11% болѣе. Спеціально въ Коломыйскомъ повѣтѣ (уѣздѣ) въ 1819 году было ихъ 471, а въ 1859 г.—слѣдовательно, на 27% болѣе. Эти цифры очень характерны. Коломыйскій уѣздъ считается еврейскимъ царствомъ въ Галиціи, и покойный Навроцкій пришелъ къ заключенію, что главнымъ факторомъ, который въ тѣ времена концентрировалъ въ своихъ рукахъ эту среднюю собственность, были евреи-ростовщики, арендаторы господскихъ кабаковъ (корчемъ) и т. д., а также выслужившіеся господскіе „оффиціалисти“ и „граціалисти“, лѣсные надзиратели, ключники, экономы и т. п. Можно безошибочно утверждать, что изъ этихъ же элементовъ и состоитъ и теперь главная часть вирилистовъ. Значительное мѣсто въ этой группѣ средней спеціально рустикальной собственности занимаютъ сельскіе священники, владѣльцы такъ-называемыхъ эрекціональныхъ земель, размѣромъ у „руськихъ“ (украинскихъ) священниковъ въ среднемъ по

[1]) См. „Укр. Жизнь“ № 1.

20—150, у королическихъ (латинскихъ) по 50—200 и больше морговъ. По статистическимъ даннымъ д-ра Т. Рутовскаго, въ Галиціи латинскихъ парохій 863 и самостоятельныхъ капелланій 95, а „руськихъ“ парохій 1.737 и 553 капелланіи. Въ суммѣ получаемъ 3.288 самостоятельныхъ, датированныхъ приходовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ 3.000 принадлежатъ, навѣрное, къ этой „средней“ собственности.

Если теперь обратимъ вниманіе на остальную часть группы крупной собственности, то увидимъ въ ея развитіи съ 1819 года весьма замѣтную тенденцію къ солидаціи и сосредоточенію большихъ районовъ земли въ рукахъ уменьшающагося числа собственниковъ. Такъ, въ 1819 году всѣ доминикальныя земли были раздѣлены между 8.448 собственниками; слѣдовательно, одно владѣніе въ среднемъ обнимало 683,36 морговъ. Въ 1859 году то же самое или, вѣрнѣе, значительно увеличенное включеніемъ множества „пустыхъ“ крестьянскихъ участковъ въ помѣщичьи земли пространство доминикальныхъ земель имѣло только 7.435 собственниковъ, притомъ изъ этой цифры нужно исключить еще 2.935 владѣльцевъ средней собственности.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какимъ количествомъ доминикальной земли владѣли эти средніе собственники, но считая на каждаго въ среднемъ даже 150 морговъ,—цифра, навѣрно, слишкомъ большая,—получимъ 4.500 крупныхъ собственниковъ, которые владѣли въ среднемъ по 1.185 морговъ каждый. Въ 1876 году насчитывается уже только 2.686 собственниковъ крупныхъ владѣній, а если допустить, что изъ бывшей доминикальной собственности кромѣ выше вычтенныхъ на протяженіи 1860—1876 годовъ раздроблено и парцеллировано еще столько же, то все-таки главная группа крупной собственности консолидировалась еще болѣе. Средній размѣръ владѣнія въ группѣ крупной собственности теперь равняется 2.397 моргамъ. Какъ видимъ, уменьшеніе числа крупныхъ имѣній на протяженіи 68 лѣтъ шло въ пропорціи 100:46.36:24.69, а въ то же время размѣръ отдѣльнаго владѣнія въ группѣ собственности прогрессировалъ въ пропорціи 100:173.24:350.44.

Совершенно обратное движеніе видимъ въ группѣ мелкой собственности. Въ 1819 году мелкихъ собственниковъ или, вѣрнѣе, владѣльцевъ рустикальныхъ земель насчитывалось 519.292. Изъ этого числа нужно, однако, исключить 1.192 имѣнія, обнимавшія свыше 100 морговъ (положимъ

среднимъ числомъ 110) и 6.008 имѣній размѣрами въ 50—100 м. (положимъ среднимъ числомъ 75), въ итогѣ 7.920 имѣній, которыя, вмѣстѣ взятыя, обнимали 601.000 м. Въ такомъ случаѣ получимъ средній размѣръ одного владѣнія въ группѣ мелкой собственности 14 м. Въ 1859 году мелкихъ собственниковъ было уже 793.970 несмотря на то, что въ продолженіе этого времени законъ о недѣлимости рустикальныхъ земель не былъ отмѣненъ. Исключивъ и здѣсь соотвѣтственно указанной выше нормѣ 1.542 имѣнія размѣромъ каждое свыше 100 морговъ и 4.194 имѣнія размѣромъ по 50—100 морговъ, получимъ, какъ средній размѣръ одного владѣнія въ группѣ мелкой собственности, 9,35 морга. Послѣднія данныя, имѣющіяся по данному вопросу, это—отчетъ ц. к. дирекціи государственныхъ финансовъ для Галиціи о числѣ гражданъ, уплачивающихъ земельную подать въ 1883 году. Тамъ указано 1.420.021 собственниковъ земли съ 1.569.844 податными листами (D-r T. Rutowski, „Rocznik Statystyki Galicyi", 1886, стр. 107). Эта цифра заключаетъ въ себѣ число крупныхъ землевладѣльцевъ въ 2.086 и гораздо больше среднихъ землевладѣльцевъ, число которыхъ нельзя опредѣлить точно, но мы не ошибемся, принимая ихъ не менѣе 10.000. Осталось бы затѣмъ круглое число мелкихъ землевладѣльцевъ—1.408.000. Принимая объемъ одной трети среднихъ земельныхъ собственностей въ 110, а двухъ третей въ 75 морговъ и произведя соотвѣтствующія вычисленія, получимъ средній объемъ одного владѣнія 5,18 м. Какъ видимъ, на протяженіи 68 лѣтъ число мелкихъ землевладѣльцевъ въ Галиціи возростало въ пропорціи 100:154.14:275.34, между тѣмъ, какъ размѣръ одного владѣнія въ группѣ мелкой собственности уменьшался въ пропорціи 100:66.78:37.

Но эти данныя недостаточны для полной характеристики того процесса разложенія, который переживаетъ наша земельная собственность. Для дополненія характеристики нужно принять во вниманіе также тѣ предѣлы, до какихъ доходитъ развитіе съ одной и другой стороны. Самый крупный землевладѣлецъ въ Галиціи, это—государственная казна (камера), которая имѣетъ въ своемъ владѣніи бывшія коронныя и старостинскія имущества польской Рѣчи Посполитой, хотя значительно уменьшенныя распродажами, особенно въ первыя десятилѣтія австрійскаго владычества. Несмотря на это, указанныя имѣнія все-таки обнимаютъ

388.914 морговъ, и притомъ почти исключительно лѣсовъ. Второе по величинѣ владѣніе въ группѣ крупной собственности равно 146.000 м., третье—графа Потоцкаго—80.000, четвертое—эрцгерцога Альбрехта — 70.000. Какъ pendant слѣдуетъ привести интересныя, почерпнутыя изъ записокъ В. Навроцкаго цифры, представляющія ростъ числа самыхъ мелкихъ земельныхъ владѣній, обнимающихъ 5—2 морга и даже ниже.

Уже въ 1819 году такихъ мелкихъ владѣній было 181.168, или 35,81% всѣхъ мелкихъ земельныхъ единицъ края. Въ 1859 году ихъ было уже 349.012, или 44,28% всѣхъ мелкихъ имуществъ. Въ настоящее время (1886 годъ), какъ видимъ изъ вышеприведенныхъ исчисленій, почти вся наша мелкая собственность дошла уже до того уровня, который при господствѣ все болѣе и болѣе грозной конкурренціи нельзя назвать иначе, какъ состояніемъ медленнаго вымиранія и банкротства.

Эти цифры указываютъ намъ, такъ сказать, только внѣшность, результаты того процесса, который совершается въ нашей земельной собственности.

Взглянемъ нѣсколько глубже, присмотримся, какіе двигатели или факторы содѣйствуютъ этому процессу. Эти факторы, безъ сомнѣнія, очень разнородны; ихъ можно раздѣлить на политическіе и соціально-экономическіе. Къ первымъ принадлежатъ: упраздненіе барщины въ 1848 году и участіе галицкой шляхты въ революціонныхъ движеніяхъ 1846, 1848—49 и 1863—4 годовъ, если не упоминать болѣе давнихъ. Между соціально-экономическими факторами, имѣвшими вліяніе на развитіе нашей земельной собственности, главнымъ образомъ слѣдуетъ отмѣтить послѣдствія упраздненія общины, особенно фатальное для нашей страны разрѣшеніе вопросовъ объ индемнизаціи (выкупѣ барщины), пропинаціи (выкупѣ права на производство и продажу водки) и сервитутовъ (права крестьянъ на лѣса и пастбища), далѣе организація кредита залога земельной собственности, податную систему, условія сбыта земледѣльческихъ продуктовъ и переходъ земли изъ рукъ въ руки.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что между факторами первой и второй категоріи существуетъ очень тѣсная связь. Такъ, напримѣръ, долги, которые дѣлала шляхта, принимавшая участіе въ возстаніяхъ, очень чувствительно должны были отозваться на состояніи ея земельнаго хозяй-

ства, должны были лишить извѣстное число помѣщиковъ ихъ имуществъ, способствовать концентраціи однихъ и раздробленію другихъ имѣній, а главнымъ образомъ переходу многихъ крупныхъ владѣній въ чужія руки. Не подлежитъ также сомнѣнію, что процессы помѣщиковъ съ крестьянами изъ-за сервитутовъ, которыхъ на протяженіи двухъ десятилѣтій (1850—1870) было слишкомъ 30.000, довели до разоренія многія тысячи мелкихъ собственниковъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ, которыя дали бы возможность оцѣнить въ полномъ объемѣ вліяніе и воздѣйствіе каждаго изъ указанныхъ факторовъ на нашу земельную собственность, а детальная разработка каждаго изъ нихъ требовала бы особой работы по источникамъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что для нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ,—напримѣръ, для вопроса о сервитутахъ,—существующіе во львовскомъ намѣстничествѣ обширные матеріалы до сихъ поръ остались никому недоступными, какъ и вообще всякіе официальные матеріалы для политической и экономической исторіи послѣднихъ десятилѣтій. Въ доказательство того, что политическія движенія имѣли большое вліяніе на экономическія отношенія, достаточно было бы привести хотя бы реестры польскихъ шляхетскихъ семействъ, имѣнія которыхъ были конфискованы русскимъ правительствомъ за участіе ихъ членовъ въ возстаніяхъ 1830—31 и 1863—4 годовъ и которые потеряли свои имѣнія за участіе ихъ членовъ въ политическихъ движеніяхъ. Эти потери были очень большія въ Царствѣ Польскомъ и въ такъ-называемыхъ „забранныхъ краяхъ“ (Полѣсьѣ, Волыни, Подоліи, Украинѣ и Литвѣ), но гораздо меньше въ Галиціи. Для иллюстраціи галицкихъ отношеній привожу слѣдующіе два факта. 19-го марта 1846 года, мѣсяцъ спустя послѣ памятной рѣзни въ окрестностяхъ Тарнова, вице-президентъ Львовской губерніи баронъ Кригъ сообщаетъ въ Вѣну, что въ самыхъ западныхъ округахъ Галиціи за время съ 22-го февраля по 12-е марта 1846 г. взято взаймы на гипотеку шляхетскихъ земель 1.357,808 гульденовъ, по его мнѣнію, для политическихъ цѣлей [1]). А въ хозяйскихъ счетахъ одного подольскаго помѣщика, Федоровича, принципіальнаго противника возстанія, между счетами 1864 г. я нашелъ слѣдующую записку: „Возстаніе стоило мнѣ около

[1]) M. Frh. v. Sala, Geschichte des polnischen Aufstandes im J. 1846, стр. 322.

3.500 гульденовъ наличными и болѣе чѣмъ вдвое продуктами".

Самое упраздненіе барщины повліяло достаточно отрицательно на наши деревенскія отношенія. Хотя оплата труда сельскихъ рабочихъ немного повысилась, но въ то же время гораздо болѣе повысились цѣны на земледѣльческіе продукты. Для примѣра приведу только цѣны водки, которая въ тѣ „веселые" годы для крупнаго землевладѣнія имѣла первенствующее значеніе. Въ Тернопольскомъ округѣ въ 1846 году цѣна „горца" водки была 35 крейцеровъ, въ половинѣ 1848 года она поднялась на 50, въ сентябрѣ на 51, въ іюнѣ 1849 на 1 гульденъ; на той высотѣ стояла два мѣсяца, потомъ начала падать, но въ концѣ 1849 г. все еще стояла на 57 кр. И когда еще до сихъ поръ нѣкоторые галицкіе помѣщики утверждаютъ, что упраздненіе барщины въ 1848 году застало помѣщичій классъ неподготовленнымъ, безъ денежной наличности, то большую часть вины слѣдуетъ приписать ихъ собственной ненаходчивости, а не самому упраздненію барщины. Упомянутый уже помѣщикъ Янъ Федоровичъ, сынъ „руськаго" священника и вмѣстѣ съ тѣмъ также помѣщика, именно въ эти годы, благодаря повышенію цѣны водки, получилъ возможность изъ арендатора сдѣлаться собственникомъ довольно богатаго имѣнія.

Гораздо тяжелѣе были послѣдствія упраздненія барщины, тѣ ея пережитки, которые долгія десятилѣтія висѣли надъ краемъ какъ тяжелыя тучи, истощая и поглощая его жизненные соки. Это были три сестры съ латинскими названіями: индемнизація, сервитутовая язва и пропинація.

Двѣ изъ нихъ—первая и третья—дождались довольно дѣльнаго и исчерпывающаго изученія[1]). Только вторая до сихъ поръ не дождалась основательнаго изученія, какого она заслуживаетъ въ исторіи нашихъ экономическихъ и общественныхъ отношеній второй половины XIX столѣтія.

---

[1]) Вопросу объ индемнизаціи посвящены двѣ польскія книги: Зыблике-вича, „Indemnizacya", odbitka z „Czasu", Krakow, 1880 г., и анонимнаго автора (A. W., „Sumy galicyjskie", odbitka z „Reformy", Krakow, 1882 г.) Въ томъ же году на основаніи этихъ польскихъ трудовъ и другихъ источниковъ была написана моя статья „Галицька індемнізація", напечатанная во львовской газетѣ „Дѣло" (1882, ч. 68—70) и перепечатанная въ моей книгѣ „В наймах у сусідів", т. I, Львів, 1914, ст. 265—361. О пропинаціи см. Wiadomosci statystyczni o stosunkach krajowych rocznik III и V, а также основательныя статьи В Навроцкаго „Що нас коштує пропинація" („Правда", 1876) и „Пјанство ј пропінаціај в Галичині" („Громада", т. IV, Женева, 1882, ст. 20—58).

Я не стану здѣсь входить въ подробности этихъ вопросовъ; достаточно будетъ привести только суммы, которыя поглотили онѣ, для указанія той тяжести, съ какой онѣ падали на мелкую собственность. Такъ, за индемнизацію уплатила одна только Галиція, кромѣ государственной казны, съ 1853 по конецъ 1880 года въ общемъ итогѣ 72.772.249 гульд., а за годы 1881—1886, считая только по 3 милліона въ годъ, еще 18 милліоновъ, что составляетъ круглымъ числомъ сумму 91 милл. гульд. Эта сумма, хотя и не совсѣмъ равномѣрно, была разложена на крупную и мелкую собственность. Зато другая сумма, 13½ милліоновъ, составляющая фондъ выкупа пропинаціи, почерпнута исключительно изъ мелкой собственности, изъ крестьянскаго населенія. На него тоже въ громадномъ большинствѣ пали издержки процессовъ изъза сервитутовъ, которыхъ, по отчету ц. к. львовскаго намѣстничества, предложенному галицкому сейму, до 1881 г. было свыше 30 тысячъ. Принимая въ расчетъ только 30.000 процессовъ, проигранныхъ крестьянами (около 3 тысячъ было выигранныхъ), и полагая издержки каждаго изъ нихъ (многіе тянулись десятки лѣтъ и доводили до крестьянскихъ волненій и болѣе или менѣе жестокихъ и кровавыхъ усмиреній съ помощью войска) по меньшей мѣрѣ въ 500 гульд., получимъ новое обремененіе мелкой собственности въ суммѣ не менѣе 15 милліоновъ гульд. На основаніи этихъ, скорѣе слишкомъ низкихъ, нежели слишкомъ высокихъ цифръ, увидимъ, что за послѣдніе 33 года вслѣдствіе половиннаго упраздненія барщины пало на нашу земельную собственность *покрайней мѣрѣ 119 милліоновъ гульд. обложенія, 119 милліоновъ совсѣмъ потерянныхъ для продукціи и для благосостоянія страны.*

Весьма характерно при этомъ то обстоятельство, что эта тяжесть совсѣмъ неравномѣрно ложилась на крупную и мелкую собственность, но, какъ обычно это въ нашу капиталистическую эпоху, преимущественно пала на болѣе слабаго, т.-е. на мелкую собственность. Хотя индемнизаціонную прибавку платятъ теперь равномѣрно крупные и мелкіе собственники, все-таки не слѣдуетъ забывать, что крупные собственники въ 1853 году получили индемнизаціонныя облигаціи (казенныя обязательства) на сумму 79.140.225 гульденовъ [1]) и что de nomine вся эта громадная сумма должна

[1]) Смотри мою статью „Галицька індемнізація“ въ изданіи „В наймах у сусідів“, т. I, ст. 286.

была пойти въ ихъ карманы. Но въ дѣйствительности наши помѣщики распродали почти всѣ свои облигаціи сейчасъ же въ первое „тяжелое“ время 1853—57 годовъ, когда правительство еще не начало уплачивать ихъ и когда ихъ курсъ былъ самый низкій. Но въ такомъ случаѣ кто же виноватъ, что они сами выпустили изъ рукъ такой большой капиталъ и обогатили имъ евреевъ и иностранныхъ капиталистовъ? И, несмотря на все это, все-же по крайней мѣрѣ половина этого капитала пошла въ ихъ карманы; слѣдовательно, прибавки, которыя они теперь уплачиваютъ въ пользу евреевъ и иностранныхъ капиталистовъ, были apriori компенсированы съ процентами. Но то, что уплачиваетъ крестьянинъ, никто и не откуда не станетъ компенсировать, а уплатилъ онъ до сихъ поръ подъ видомъ индемнизаціи по крайней мѣрѣ 50 милліоновъ гульденовъ.

Точно также и процессы изъ-за сервитутовъ крупнымъ собственникамъ не обошлись такъ много, какъ мелкимъ, уже хотя бы потому, что почти всѣ процессы, за небольшими исключеніями, они выиграли, слѣдовательно, получили также вознагражденіе за издержки. Но если допустимъ, что въ какихъ-либо 5.000 случаевъ помѣщики либо проиграли процессы, либо подарили крестьянамъ понесенныя издержки и что каждый такой процессъ стоилъ помѣщику среднимъ числомъ 1,000 гульденовъ, то получимъ сумму затратъ на процессы изъ-за сервитутовъ 5 милліоновъ гульд., третью часть того, что потеряли крестьяне.

Что же касается пропинаціи, то вся операція съ ея выкупомъ, начиная съ 1876 года, до сихъ поръ (1887) еще только въ одной третьей части окончена,—въ этомъ чистая или, вѣрнѣе, совсѣмъ не чистая прибыль крупной собственности въ ущербъ мелкой. Въ итогѣ безспорнымъ будетъ положеніе, что на половинномъ упраздненіи барщины, несмотря на всѣ превратности судьбы, крупная собственность въ концѣ-концовъ выиграла, а мелкая потеряла по крайней мѣрѣ 75 милліоновъ гульденовъ совсѣмъ непродуктивно и безвозвратно.

Перейдемъ теперь къ другимъ тяжестямъ, какія несетъ наша земельная собственность въ пользу государства и страны. Прежде всего нужно обратить вниманіе на два рода прямыхъ налоговъ, обременяющихъ почти исключительно жителей деревень, а именно налоги земельный и домово-

классовой [1]). Сумма перваго въ 1883 году представляла 4.436.666 гульд., а сумма второго 1.502.588 гульд., обѣ вмѣстѣ 5.939.254 гульд., или 58,5% всѣхъ прямыхъ налоговъ, какіе уплачиваетъ Галиція въ пользу государства [2]). Эти два налога для нашихъ крестьянъ составляютъ основаніе, по которому высчитываютъ прибавки краевыя, уѣздныя, школьныя и общинныя, которыя доходятъ до высоты 100—200% прямыхъ налоговъ, а за вычетомъ выше указанной индемнизаціонной прибавки все еще составляютъ 80%, или по крайней мѣрѣ 4.750.000 гульд.

Что же касается косвенныхъ налоговъ, которые падаютъ не на собственность и не на доходъ, а на потребленіе (консумнью), слѣдовательно, на каждаго жителя почти въ равной мѣрѣ, то въ 1879 году (болѣе поздней цифры я не могъ добыть) высшая счетоводная палата въ Вѣнѣ высчитала для всей Долитавіи (австрійскихъ провинцій безъ венгерской короны) 170.213.426 гульд., или среднимъ числомъ 15 г. 73 кр. на одного жителя [3]). Для 4.420.000 населенія, живущаго земледѣліемъ въ Галиціи, это составитъ сумму 69.526.600 гульд. Понятно, что о равномѣрномъ распредѣленіи этой тяжести между крупной и мелкой собственностью и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ намъ извѣстно, что на крупныхъ имуществахъ живутъ только 207.000, на мелкихъ же 4.213.000; значитъ, косвенныхъ податей платитъ крупная собственность 3.256.110 г., мелкая же 66.370.490 гульденовъ.

Если при указанныхъ условіяхъ наша мелкая земельная собственность падаетъ такъ сильно, то это нисколько не должно удивлять насъ. Напротивъ, нельзя же удивляться отпорной силѣ, которая проявляется уже хотя бы въ томъ, что наша мелкая собственность пропорціонально гораздо менѣе обременена долгами, чѣмъ крупная. Это иллюстрируютъ вотъ какія цифры. Фр. К. Нейманъ оцѣнилъ сумму ипотечныхъ долговъ, обременяющихъ крупную собственность въ Галиціи въ концѣ 1857 года, въ 70 милліоновъ гульд., а именно 15 милліоновъ въ публичныхъ кредитныхъ

[1]) Дома въ австрійской податной системѣ раздѣлены на два разряда: классового налога съ домовъ большей частью деревенскихъ, служащихъ жилищемъ только одному семейству и не приносящихъ домовладѣльцу никакого денежнаго дохода, и домовъ чиншевыхъ, исключительно городскихъ, имѣющихъ квартиры для жильцовъ, платящихъ за нихъ домовладѣльцу.

[2]) Wiadomosci statystyczni rocznik, VII, ст. 173.

[3]) Сравни № 577 der Ralagen zu den Stenografhischen Protokollen des Abgeogneten han. Se IX Sesion., стр. 177.

учрежденіяхъ и 55 милліоновъ у частныхъ лицъ [1]). Въ концѣ 1875 года оцѣнилъ Марассе сумму этихъ долговъ въ 140 милліоновъ гульденовъ [2]), а къ концу 1881 года она возросла до 178.393.323 гульденовъ [3]). Желая оцѣнить тяжесть этихъ долговъ, нужно учесть ту часть крупной собственности, которая не подлежитъ ипотечному обложенію, а именно такъ-называемыя имущества „мертвой руки", какихъ въ Галиціи имѣется 742.372 морга. Прочія, а именно 5.030.637 морговъ крупной земельной собственности, были обременены ипотечными долгами въ 1857 году по 13 г. 91 кр., въ 1875 году по 27 г. 82 кр., а въ 1881 году по 35 г. 50 кр. отъ морга. Высчитывая на основаніи таблицъ, опубликованныхъ д-ромъ Рутовскимъ [4]), стоимость всѣхъ земель крупной собственности въ Галиціи, за исключеніемъ имуществъ „мертвой руки", въ 147.957.506 гульд., мы увидимъ явленіе необыкновенное и почти невѣроятное. Сумма долговъ крупной земельной собственности въ Галиціи въ 1881 г. превышала кадастральную оцѣночную стоимость всей нашей крупной собственности. Въ дѣйствительности это не какое-либо экономическое чудо, но только канцелярскій счетоводный фокусъ. Желая избѣгнуть высокаго обложенія податями, обладатели крупныхъ имѣній постарались о томъ, чтобы ихъ земли, особенно лѣса, были оцѣнены ниже дѣйствительной стоимости. Такъ, оцѣночная стоимость лѣсовъ въ таблицахъ д-ра Рутовскаго фигурируетъ по 12 г. 60 кр. для морга.

Что касается мелкой собственности, то ея задолженность въ концѣ 1875 года оцѣнилъ М. Марассе въ 10 милліоновъ гульд., а Инама-Штернеггъ къ концу 1881 года опредѣлилъ сумму этихъ долговъ въ 46.967.401 гульд. Эта сумма неполная, такъ какъ въ то время только незначительная часть сельскихъ обществъ имѣла готовыя земельныя книги, куда вписываются долги. Поэтому смѣло можно удвоить эту сумму, включая въ нее также частные долги, которые очень часто доводятъ нашихъ крестьянъ до разоренія. Но и при такомъ дополненіи получимъ сумму долговъ мелкой соб-

[1]) Fr. Neumann, Ueber den lantwirsschaftlichen credit in Oesterreich, въ журналѣ „Oesterreichische Rewue", 1864.

[2]) Marasse, Ueber die Versduldung des Galizischen Grundbezitces im Jahre въ журналѣ „Statistische Monatsschrift", 1876.

[3]) K. Fr. v. Inama-Sterneg, Die Statistic der Aypothekaropul den in Oesterreich. Statistische „Monatsschrift", 1883.

[4]) D-r I. Rutowski, „Rocznik statyctyki Galicyi", т. I, ст. 105—108.

ственности 93.934,82 гульд., почти на половину менѣе суммы долговъ крупной собственности. Она представляетъ едва 30% стоимости земли, находящейся во владѣніи мелкихъ собственниковъ.

Какъ среди подобныхъ вліяній капиталистическаго хозяйства падаетъ наша мелкая собственность, это въ общихъ чертахъ извѣстно. Продажи деревенскихъ и мелкихъ городскихъ хозяйствъ съ аукціона давно обратили на себя вниманіе нашей интеллигенціи, главнымъ образомъ потому, что ростъ числа продажъ крестьянскихъ земель съ аукціона она считала показателемъ соотвѣтствующаго роста деревенскаго пролетаріата. Статистическое бюро при „Виділі Краєвому“ во Львовѣ посвятило изслѣдованію этого явленія три работы въ своихъ „Wiadomosciach“. На протяженіи 11 лѣтъ съ 1873 до 1883 такихъ продажъ было 23.237, а сверхъ того еще въ 1867—8 годахъ (только изъ тѣхъ годовъ сохранились эдикты, опубликованные въ правительственной „Gazecie Lwowskiej“) еще 435, въ итогѣ 23.672. Принимая въ годы 1869—1872, для которыхъ нѣтъ данныхъ, среднимъ числомъ по 400 продажъ ежегодно, получимъ общее число продажъ мелкихъ хозяйствъ въ Галиціи въ продолженіе 16 лѣтъ 25.272. Число, безъ сомнѣнія, очень значительное, но оно представляетъ только 1,8% всѣхъ мелкихъ владѣній нашего края. Другими словами, оно указываетъ, что изъ каждой тысячи нашихъ мелкихъ собственниковъ на протяженіи этихъ критическихъ 16 лѣтъ послѣ изданія либеральныхъ законовъ 1868 года о свободѣ раздѣла земли и о свободѣ ростовщичества едва 18 подверглись экспропріаціи судебнымъ путемъ.

Гораздо меньше данныхъ объ аукціонныхъ продажахъ крупныхъ владѣній. Наше статистическое бюро, столь полное филантропіи для мелкой собственности, молчитъ о „господахъ обывателяхъ“, которые, какъ мы видѣли, даже черезчуръ пользуются благодѣяніями кредита. Между тѣмъ, по какому-то недоразумѣнію именно крупная собственность, эта основа консервативной политики и эта возлюбленная дочь господствующей у насъ системы, оказывается гораздо менѣе устойчивой, чѣмъ мелкая. Въ послѣднія 11 лѣтъ продано съ публичныхъ торговъ, какъ высчиталъ Стефчикъ („Czas“ 1886 года, ч. 239—241), 520 крупныхъ владѣній, или 24,92% всѣхъ этихъ владѣній вообще.

Эти цифры только часть картины. Ихъ свидѣтельство

еще не очень краснорѣчивое, потому что обнаруживаетъ общеизвѣстный и безъ того фактъ, что крупныя имущества болѣе подвергаются вліянію капиталистическаго хозяйства, чаще мѣняютъ своихъ владѣльцевъ, чѣмъ мелкія. Впрочемъ продажа съ молотка одного „фольварка“ (крупнаго хозяйства) или даже одного имѣнія еще не означаетъ полнаго разоренія собственника, у котораго такихъ имѣній бываетъ нѣсколько, между тѣмъ какъ публичная продажа крестьянскаго хозяйства обыкновенно означаетъ полное разореніе одной крестьянской семьи. Можно сказать почти навѣрно, что съ 1848 года вся галицкая крупная собственность, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ десятковъ старыхъ родовыхъ магнатскихъ гнѣздъ (Тарновскихъ, Потоцкихъ, Сапѣгъ, Чарторыйскихъ, Дѣдушицкихъ, Лянцкоронскихъ и др.), по крайней мѣрѣ разъ, а иногда и нѣсколько разъ мѣняла своихъ собственниковъ. Даже изъ этихъ старыхъ родовыхъ гнѣздъ пали нѣкоторыя; достаточно будетъ вспомнить продажу путемъ конкурса большого Грималовскаго ключа, состоявшаго изъ трехъ мѣстечекъ и 32 деревень и принадлежавшаго къ родовому имуществу Сенявскихъ[1]) и распроданнаго за долги въ 1822—25 гг., или продажу города Скалата съ приселками, принадлежавшаго семьѣ Понятовскихъ и купленнаго въ 1866 году евреемъ Розенштокомъ.

Еще болѣе характерно то обстоятельство, что наша крупная собственность, очень часто попадаетъ въ руки иностранцевъ. Такъ, изъ указателя галицкихъ поселеній, изданнаго г. Биго въ 1886 году, видимъ, что въ Галиціи принадлежитъ: австрійскому эрцгерцогу Альбрехту 81 имѣніе, барону Либичу и комп. 71, барону Гиршу 19, графу Шифгоге 7, фирмѣ братьевъ Тонетъ (продавцамъ дерева) въ Вѣнѣ 10, князю М. Монлеару 17, графу Стадіону 18, эрцгерцогинѣ Изабеллѣ 13, наслѣдникамъ графа Шамбора 21, барону Кинскому 24, барону Поннеру 12, графу Рессеніе 23 и т. д. Прибавимъ, что почти всѣ эти громадныя владѣнія возникли за послѣднія 30 лѣтъ.

Д-ръ Иванъ Франко.

---

[1]) Экономическо-статистическій обзоръ этого ключа на основаніи образцовъ составленнаго инвентаря отъ 1800 года я сдѣлалъ въ моей статьѣ „Грималівський ключ у р. 1800“, напечатанной въ публикаціи „Правнича Часопись“, т. I, Львовъ, 1904.

Культурно-просвѣтительныя украинскія организаціи въ Галиціи.

Если кто, интересуясь народнымъ просвѣщеніемъ въ Галиціи, заглянетъ въ статистическія данныя, онъ увидитъ по цифрамъ количество народныхъ школъ, не уступающее по своему соотношенію съ количествомъ жителей состоянію народнаго образованія и въ Россіи. Такъ, въ 1910 году во всей Галиціи народныхъ сельскихъ и городскихъ школъ было 5,606, а безъ частныхъ—5,412. Въ этихъ послѣднихъ училось 1.220,415 дѣтей обоего пола. Изъ всѣхъ 6,242 гминъ (или волостей) только въ 311 не было школъ. По даннымъ того же 1910—1911 года, гимназій было 86, реальныхъ училищъ 14, мужскихъ и женскихъ учительскихъ семинарій было 18, коммерческихъ школъ 15, богословскихъ 5, сельскохозяйственныхъ 19, 2 горныхъ, 2 акушерскихъ, 114 ремесленныхъ, 13 рукодѣльныхъ. Такое количество общеобразовательныхъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній на пространствѣ 78½ квадр. килом.,—приблизительно равномъ двумъ нашимъ южнымъ губерніямъ, Кіевской и Подольской,—представляетъ намъ положеніе народнаго образованія въ блестящемъ видѣ. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ статистическими безпристрастными данными замѣчается нѣчто противорѣчивое, обнаруживающее совершенно неправильное распредѣленіе благъ просвѣщенія между двумя народностями, населяющими Галичину и пользовавшимися въ теоріи одинаковыми правами по австрійской конституціи. Эти двѣ народности, — поляки, которыхъ считается 46,5%, и русины—42,1% [1]),—далеко не равномѣрно обслуживаются этими школами; такъ, изъ 5,588 организованныхъ низшихъ школъ русинскихъ меньше половины—2,450. Изъ 77 гимназій и реальныхъ училищъ, какія

[1]) Мы брали цифры переписи 1910 г. и руководствовались болѣе яснымъ признакомъ вѣроисповѣданія, чѣмъ разговорнаго языка.

были въ 1907—8 учебномъ году, 69 польскихъ, 7 русинскихъ, 1 смѣшанная (утраквистская). Въ результатѣ получились цифры, показывающія, что русины стоятъ почти ниже всѣхъ народовъ Австріи по своему образованію. Общее количество неграмотныхъ въ Галиціи составляетъ 63,9; по отдѣльнымъ народностямъ получаются такія характерныя цифры: русины 79,8, поляки 52,8, нѣмцы 47,4. Другими словами, чѣмъ обезпеченнѣе политическія права народности, тѣмъ и просвѣщеніе ея выше. Права русинъ на родную школу были парализованы закономъ 22 іюня 1867 г., по которому открытіе всякаго средне-учебнаго заведенія съ украинскимъ языкомъ въ Галиціи зависѣло отъ согласія мѣстной уѣздной „рады", или совѣта, между тѣмъ какъ польское учебное заведеніе открывалось простымъ распоряженіемъ надлежащаго административнаго органа и никогда не встрѣчало никакихъ препятствій для своего открытія. Въ уѣздной радѣ засѣдали мѣстные поляки, и благодаря ихъ воздѣйствію въ Галиціи 20 лѣтъ, съ 1867 г. по 1887 г., не было открыто ни одной украинской гимназіи, и русины должны были довольствоваться одной своей гимназіей во Львовѣ и посылать своихъ дѣтей въ польскія гимназіи, гдѣ они должны были забыть свою національность, свой языкъ. Послѣ долгихъ, настойчивыхъ требованій, обращенныхъ къ сейму, русины добились сначала параллельныхъ классовъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія, а затѣмъ и отдѣльной украинской гимназіи въ 1887 г. въ г. Перемышлѣ. Затѣмъ черезъ четыре года была открыта такая же гимназія въ г. Коломыѣ въ 1891 г., черезъ 7 лѣтъ въ г. Тарнополѣ—въ 1898 г. и въ г. Станиславовѣ въ 1905 г. Каждую эту гимназію русинамъ приходилось покупать у поляковъ тѣмъ или инымъ соглашеніемъ, тѣми или иными уступками экономическому господству поляковъ на землѣ русинъ. Но бывали періоды, когда самыя настойчивыя требованія украинцевъ разбивались о національный шовинизмъ поляковъ, и только общій ростъ украинскаго самосознанія далъ въ руки русинъ новую силу для охраны своего національнаго достоинства и удовлетворенія нуждъ просвѣщенія. Къ 1910 г. развились въ Галиціи просвѣтительныя общественныя организаціи—„Просвіта", „Учительска Громада", „Взаємна Учительська Поміч", „Руське Педагогичне Товариство", „Дністер", „Товариство імени Петра Могили", „Наукове Товариство імени Шевченка" и др. Пред-

ставители ихъ объединились въ одну общественную организацію, „Краєвий Шкільний Союз“. Онъ сталъ энергично бороться за родную школу, сталъ объединять сознательныхъ русинъ на защиту своей національной культуры, соединять свои ничтожныя матеріальныя средства для созданія своихъ средне-образовательныхъ учебныхъ учрежденій. Безчисленными нитями связанъ былъ этотъ союзъ со всѣми провинціальными культурными центрами, и дальше вглубь страны проникали его связи, въ мѣстечки, села Галиціи, и привлекали къ себѣ симпатіи крестьянъ, ихъ трудовые гроши. „Краєвий Шкільний Союз“, начавъ работать съ 1910 г., уже открылъ 8 украинскихъ гимназій въ самыхъ маленькихъ городкахъ Галиціи (Збаражѣ, Городенкѣ, Копиченкахъ, Рагатинѣ, Чортковѣ, Яворовѣ, Буськѣ, Долинѣ. Въ 1913—14 г. въ этихъ гимназіяхъ числилось 2,118 учащихся, и огромное большинство ихъ были дѣти крестьянъ,— дѣти, пришедшія изъ села за наукой. Чтобы пріютить ихъ, другія просвѣтительныя и экономическія Общества являлись на помощь и при каждой гимназіи устраивали такъ-называемыя „бурсы“, нѣчто болѣе демократическое, болѣе радушно теплое, чѣмъ пансіоны, существующіе въ Россіи при казенныхъ гимназіяхъ.

Здѣсь и начинается та почтенная работа, которая велась на протяженіи послѣднихъ 25 лѣтъ лучшею частью украинской интеллигенціи и которая спасла самосознаніе украинскаго народа и противъ всѣхъ недостойныхъ усилій поляковъ отстояла русинскую школу и русинское учительство. Съ этой работой лучше всего познакомиться на фактахъ, и тогда она встанетъ передъ нами какъ живая общественная сила, безчисленными нитями связанная съ народной жизнью, съ народнымъ сознаніемъ. Вотъ, напр., какъ организовывались и начинали жить гимназіи, открытыя „Шкільним Краєвим Союзом“. Украинская гимназія въ Збаражѣ была открыта филіальнымъ отдѣленіемъ „Руськаго Педагогичного Товариства“. Первое собраніе по этому поводу собралось 15-го августа 1910 г. съ участіемъ делегатовъ рогатинской гимназіи и выбрало комитетъ для веденія дѣла подъ предсѣдательствомъ одного энергичнаго мѣстнаго дѣятеля. Для пополненія средствъ комитетъ привлекъ всѣ села въ Збаражскомъ уѣздѣ и въ каждомъ селѣ устроился маленькій комитетъ для сбора денегъ. Кромѣ того обратились за денежной помощью къ заатлантическимъ друзьямъ, переселенцамъ.

Къ 15-му сентября уже торжественно былъ открытъ I классъ „Украинской частной гимназіи въ Збаражѣ“, а къ концу года комитетъ уже получилъ отъ сельскаго населенія уѣзда 7,485 кр.; съ присылкою денегъ изъ Америки этотъ капиталъ почти удвоился и представлялъ 13,157 кр., на какія уже можно было вести дѣло. Энергичный комитетъ сталъ думать о постройкѣ собственнаго помѣщенія въ 100,000 кр., какія разсчитывалъ собрать займомъ въ 40,000 кр. и подпискою съ мѣстныхъ крестьянъ и уѣздной интеллигенціи. Сразу же устроилась при гимназіи и школьная библіотека въ 221 т. Учениковъ на первый годъ было 43 (39 русинъ и 4 еврея). Преподавательскій составъ включалъ 1 учителя всѣхъ обязательныхъ предметовъ, учителя пѣнія, учителя Закона Божія. Кромѣ того былъ „управитель“ всей хозяйственною частью и школьный врачъ.

Также исключительно мѣстными средствами открыта была гимназія въ Буску, устройство и содержаніе которой на первый 1910—11 г. обошлось 8,120 кр. Во многихъ изъ этихъ гимназій преподаваніе поставлено образцово, какъ, напр., въ рогатинской. Въ отчетѣ за два года существованія гимназіи совершенно справедливо сказано, что „ея прекрасное развитіе является лучшимъ доказательствомъ жизненности нашего народа и культурнаго развитія нашего общества. Идейность, работа и деньги здѣсь дружно объединились вокругъ плодотворнаго дѣла, и жертвователи видятъ, что ихъ лепта приноситъ большой % для блага ихъ дѣтей и для завоеванія лучшей будущности нашему народу. Два года упорной работы, дружныхъ жертвъ дали два года блестящихъ успѣховъ. Невѣдомый идетъ къ намъ навстрѣчу третій годъ, но онъ не страшитъ насъ, потому что, мы знаемъ, общество само спѣшитъ къ намъ на помощь,и насъ не смущаютъ крупные расходы въ 75,000 кр. Мы соберемъ ихъ съ нашего населенія“.

Кромѣ общей хорошей постановки дѣла въ этихъ частныхъ украинскихъ гимназіяхъ интересна та работа, которая велась въ нихъ свободно и продуманно надъ развитіемъ національнаго самосознанія учениковъ, истинныхъ дѣтей русинскаго народа. Эта работа проявлялась уже въ самомъ преподаваніи на украинскомъ языкѣ, въ изученіи этого роднаго языка, въ составленіи хорошихъ библіотекъ изъ украинскихъ книгъ, въ правильной постановкѣ изученія роднаго края, роднаго искусства и родной музыки, а также

въ организаціи національныхъ школьныхъ праздниковъ: то празднуютъ юбилей Общества „Просвіты“, такъ много сдѣлавшаго для развитія родной школы; то память національныхъ поэтовъ и ученыхъ (Шевченка, Житецкаго, Федьковича и др.). На праздникахъ исполнялись хоровыя пѣсни, декламаціи, рефераты, все—на родномъ языкѣ, и создавалось настроеніе, полное вѣры въ творческія силы своего народа, желанія самоотверженно служить его нуждамъ, его интересамъ. Тамъ, въ польскихъ, въ утраквистскихъ гимназіяхъ, все украинское третировалось какъ „хлопское“, низменное,—тутъ, въ своей родной гимназіи, каждый ученикъ чувствовалъ себя дома и воспитывался въ уваженіи къ своему народу, его языку, его культурѣ.

Для облегченія крестьянамъ пользоваться городскими гимназіями, при каждой изъ нихъ устроены бурсы, которыя содержались разными Обществами. Въ Рогатинѣ для этого основалось Общество „Шкільна Поміч“. Оно въ первомъ же году собрало 1,913 кр. и помогало бѣднѣйшимъ ученикамъ учебными пособіями, одеждой, лѣкарствами, платою за квартиру и т. п. Въ томъ же году Общество купило участокъ земли, на которомъ и выстроило помѣщеніе подъ бурсу, которая уже существовала 10 лѣтъ въ нанятой квартирѣ. Эта бурса была устроена въ 1899 г. „Руським Товариством Педагогичним“. Въ бурсѣ жило 126 учениковъ платныхъ (отъ 6 до 20 кр. въ мѣсяцъ) и безплатныхъ.

Жили они въ атмосферѣ труда и ласки. Зимой вставали въ 5½ часовъ, лѣтомъ и того раньше. Сначала собирались на общую молитву, повторяли уроки, завтракали и шли въ классы. Въ свободное время устраивались прогулки, игра въ мячъ, лапту и т. п. и готовили уроки. Ученики сами пилили дрова, клали грядки подъ овощи и цвѣты, чистили картофель, подметали и прибирали комнаты. Порядокъ жизни устанавливался самими учениками, представлявшими самоуправляющіяся группы. На праздникахъ ученики устраивали любительскіе спектакли. Въ эти бурсы было всегда такъ много желающихъ, что назначали опредѣленныя правила и условія поступленія.

Но какъ ни были поставлены хорошо частныя украинскія гимназіи, онѣ уже по своему небольшому числу не могли удовлетворить потребности украинскаго населенія, и русины совершенно правильно домогались отъ правительства открытія украинскихъ государственныхъ средне-учеб-

ныхъ заведеній и субсидій на свои частныя школы. Галицкое учительство въ видахъ большей опредѣленности положенія народнаго образованія предлагало подѣлить Галичину на Восточную съ украинской постановкой дѣла и на Западную съ такою же польскою, отвѣчающей мѣстному населенію.

Конечно, не изъ-за однѣхъ гимназій велась въ Галиціи борьба съ поляками, не менѣе горячо отстаивали начальныя школы, чтобы онѣ были въ каждой „громадѣ", а для правильнаго веденія ихъ необходимы учителя съ хорошей подготовкой. Украинскихъ семинарій почти-что нѣтъ, ибо на 47 уѣздовъ Восточной Галичины приходилось 7 мужскихъ и 2 женскихъ учительскихъ семинаріи, но въ нихъ преподаваніе велось по-польски, украинцевъ принимали неохотно; такъ, изъ 70 подавшихъ прошенія принято 7 (въ 1904 г.), а поляковъ изъ 45-ти—42!!...

Проходить науку на чужомъ языкѣ трудно, и при другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ ихъ оканчивало семинаріи гораздо меньше, чѣмъ поляковъ: такъ, въ разные годы изъ 69 окончившихъ 19 украинцевъ, изъ 69—15, изъ 71—12. Вслѣдствіе этого и число поступающихъ украинцевъ въ эти государственныя семинаріи годъ отъ году уменьшалось: въ 1904—5 году украинцы сост. 24%, а въ 1909—10 г. 23%. Не мудрено, что въ общемъ числѣ всѣхъ народныхъ учителей 14,739 д. украинцевъ въ 1907 году было не болѣе 3,000.

Вотъ почему три просвѣтительныя организаціи—„Руське товариство педагочине", „Краєвий шкільний союз" и новообразовавшійся „Комітет семинаріи"—обратились къ обывателямъ съ предложеніемъ собирать деньги для устройства частной украинской семинаріи.

Вообще хорошо понимая значеніе народнаго учителя и для школы и для поднятія національнаго сознанія въ народѣ, украинцы образовали два Общества для огражденія его духовныхъ, правовыхъ и матеріальныхъ нуждъ—„Руське педагогичне товариство", самое давнее, и „Общество взаимной помощи всѣмъ учителямъ Галиціи и Буковины". По послѣднему отчету видно, что въ немъ числилось 908 членовъ, вносившихъ въ годъ около 12.000 кр., а весь денежный оборотъ со спеціальными фондами къ 1914 г. достигъ 23,557 кр., собранныхъ съ убогаго русинскаго учительства добровольными жертвами. Общество имѣло 59

филіальныхъ отдѣловъ, въ которыхъ главнымъ образомъ и проявлялась его національно-культурная работа—открытіе библіотекъ и читаленъ съ украинскими книгами и журналами, чтеніе рефератовъ, созваніе конференцій, устройство спектаклей, кассъ взаимопомощи и т. п. Особенно важную роль играли всѣ отдѣлы и центральное правленіе Общества для агитаціи во время выборовъ въ сеймъ и въ парламентъ: они произносили рѣчи, созывали предвыборныя „віча“ для проведенія въ депутаты сознательныхъ украинцевъ, защитниковъ правъ учительства и правъ украинскаго народа. Борьба за эти права, за поднятіе матеріальнаго и юридическаго положенія украинскаго учительства, огражденіе его отъ тѣхъ униженій и притѣсненій, какія сыпались на него со стороны польской „рады“, администраціи и польской аристократіи въ краѣ,—эта настойчивая борьба составляла главную задачу Общества и велась не только самимъ учительствомъ, а рука въ руку съ крестьянами, участниками „віч“ и конференцій, созываемыхъ Обществомъ. Въ этой непосредственной, живой связи съ народной массой и таилась жизненная сила Общества, плодотворность его работы. Крестьяне понимали задачи учительства и помогали имъ на выборахъ. Такъ, когда поднялась оживленная борьба за повышеніе жалованья учителей, одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніи крестьянъ своими простыми практическими аргументами особенно удачно поддерживалъ эти требованія учителей. Онъ указывалъ, что поденный работникъ больше зарабатываетъ, чѣмъ учитель, указывалъ на то, что нищенское вознагражденіе, получаемое учителемъ, лишаетъ его возможности принимать болѣе дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ села, и закончилъ свои доводы народной поговоркой: „Коли ти мене так годуэшь, аби я не здох, той я тобі так роблю, абим не зіпрів“ [1]).

При центральной „радѣ“ Общества существовали нѣсколько комиссій общаго характера: издательская, издающая печатный органъ „Учительське Слово“ (съ 1912 г.), комиссія правовой защиты, строго слѣдившая за всякимъ нарушеніемъ личныхъ и гражданскихъ правъ учителя; она давала юридическіе совѣты, постоянно вносила черезъ депутатовъ разныя требованія въ сеймъ и въ парламентъ. Пе-

[1]) См. журн. „Учитель“, № 5—6 1914, стр. 182.

дагогическая комиссія разрабатывала педагогическіе вопросы, правила, инструкціи и т. п. „Общество взаимной помощи галицкихъ и буковинскихъ учителей“ состояло черезъ своихъ представителей членомъ „Общеславянскаго учительскаго союза“. Для ознаменованія юбилея Т. Шевченка Общество постановило учредить интернатъ для дѣтей учителей, намѣревалось построить учительскій домъ; вообще оно энергично предпринимало все, что казалось ему необходимымъ для интересовъ учительства и культурно-національнаго дѣла въ Галиціи. Его девизъ—„съ народомъ и для народа“, и его воззванія передъ выборами старались, чтобы ни одинъ голосъ украинскаго представительства не попалъ въ руки врага и невѣрнаго кандидата: „побѣда народа есть одновременно и побѣда учителя“,—говорили эти пылкія воззванія [1]). „Будущее за тѣмъ народомъ, въ чьихъ рукахъ народная школа. Въ ней, въ народной школѣ, таятся всѣ задатки свободнаго расцвѣта національной культуры и экономическаго благосостоянія народа“.

Не менѣе плодотворную дѣятельность проявило и другое, болѣе старшее учительское Общество въ Галиціи, „Руське товариство педагогичне“. Въ его существованіи можно отмѣтить три разныя историческія эпохи.

1) Эпоха реакціи централизма въ австрійской политикѣ 1881—1901 гг., когда „товариство“ не могло проявлять особенно оживленной дѣятельности, но все-же служило очагомъ объединенія учителей-украинцевъ.

2) Пробужденіе автономной дѣятельности отдѣльныхъ филій Общества 1902—1906 гг.

3) Интенсивная работа центральныхъ учрежденій „товариства“ при слабой отзывчивости филій 1906—1911 гг. И, наконецъ, съ 1912 годомъ „товариство“ вступило въ 4-й наиболѣе дѣятельный періодъ, когда работа его проникла въ самые глухіе закоулки Галиціи и велась одинаково энергично какъ секціями, такъ и центромъ, представляя изъ себя наилучшую организованную автономную федерацію уѣздныхъ секцій, работавшихъ также надъ улучшеніемъ положенія украинскаго учителя, расширеніемъ сѣти украинскихъ школъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Его органомъ служилъ педагогическій журналъ „Учитель“, уже 26

[1]) „Учительське Слово“, № 15 1913 г., стр. 342. № 4 1913, стр. 64.

лѣтъ выходившій ежемѣсячно во Львовѣ, служа и организаціоннымъ, и просвѣтительнымъ нуждамъ украинскаго учительства. Это одно изъ самыхъ серьезныхъ и долговременныхъ педагогическихъ славянскихъ изданій. Кромѣ него нѣкоторое время служила агитаціоннымъ задачамъ прекрасно, литературно редактированная учительская газета „Промінь“, горячо отстаивавшая интересы учительства и національное достоинство украинской школы въ Галиціи. Затѣмъ нѣкоторое время выходила газета „Прапоръ“ и пять лѣтъ издавалась въ Мамаевцахъ (въ Буковинѣ) педагогическая газета „Каменяри“; эпиграфомъ этотъ учительскій органъ выбралъ себѣ стихъ Франка, такъ подходящій къ работѣ учителя:

Лупайте сю скелю! Нехай ні жар, ні холод
Не спинить вас! Зносіть і труд, і спрагу й голод,
Бо вам призначено скалу осю розбить!

Всѣ эти Общества и печатные органы, конечно, объединяли учительство, ободряли его и помогали ему какъ можно интенсивнѣе и экстенсивнѣе развивать національно-просвѣтительное дѣло въ Галиціи. Чтобы наилучше ознаменовать юбилейный годъ Шевченка, украинское учительство объединенными силами мечтало созвать первый всеукраинскій съѣздъ народныхъ учителей изъ всѣхъ земель украинскихъ 25—26 іюля 1914 г. Программа его была такова: 1) Открытіе съѣзда. 2) Привѣтствія иноземныхъ и мѣстныхъ гостей. 3) Выборы президіума. 4) Рефераты на тему: Обзоръ состоянія украинскихъ народныхъ школъ и положеніе украинскаго учительства въ Галиціи, Буковинѣ, Венгерской и Россійской Украинѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Канадѣ, въ Бразиліи. 5) Положеніе украинской педагогической прессы и литературы. 6) Дѣтская украинская литература. 7) Взаимныя сношенія между украинскимъ учительствомъ разныхъ странъ. 8) Закрытіе съѣзда.

Этотъ первый съѣздъ многострадальнаго украинскаго учительства вокругъ наболѣвшаго вопроса о родной школѣ, родномъ языкѣ какъ органѣ просвѣщенія, конечно, былъ бы знаменательнымъ доказательствомъ зрѣлости національнаго сознанія въ украинскомъ учительствѣ и былъ бы лучшимъ безсмертнымъ вѣнкомъ на память великаго генія Украины, сказавшаго когда-то:

Учитеся, брати моі,
Думайте, гадайте!
І чужому научайтесь
І свого не цурайтесь!

Рядомъ съ учительскими организаціями надъ просвѣщеніемъ украинской народной массы въ Галиціи работали и другія просвѣтительныя организаціи: „Просвіта“, „Українське наукове товариство імени Шевченка“, „Товариство імени Петра Могили“, „Українська бесіда“, „Союз украинськой академічної молодіжи“ и др. полухудожественныя, полупросвѣтительныя („Боян“ и др.). Всѣ они устраивали библіотеки, читали рефераты, организовывали національные праздники, спектакли и т. п. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи, конечно, принадлежало „Просвіті“, но о ней уже была помѣщена въ „Украинской Жизни“ спеціальная статья въ 1913 г., а потому мы ограничимся только тѣми данными, какія можемъ почерпнуть изъ ея послѣдняго отчета за 1913 годъ. Число филій ея достигло до 75. Вспомогательныхъ комиссій работало 20. Эти комиссіи можно разбить по отраслямъ дѣятельности „Просвіти“. 7 комиссій работали для задачъ просвѣтительно-организаціонныхъ; 4—для издательскаго дѣла, 2 по экономическимъ нуждамъ населенія и 6 для управленія разнородною организаціею Общества. Просвѣтительныя комиссіи организовали курсы для неграмотныхъ (до 60 курсовъ въ отчетномъ году), курсы высшихъ знаній и др. Интересна комиссія, существующая для оказанія помощи русинамъ, переселившимся въ Америку. Особенно много работала издательская комиссія: издала 16 книжекъ въ 209 печатныхъ листовъ въ числѣ 135.500 экземпляровъ и продолжала издавать свой органъ „Письма з Просвіти“ (8-й годъ изданія). Особенно интересна работа филій „Просвіти“, разсѣянныхъ по всей Галичинѣ. Остановимся для примѣра на филіальномъ отдѣленіи въ г. Стрыѣ. По отчету 1910—11 гг. членовъ состояло 166 чел., читаленъ открыто въ уѣздѣ 43, съ 1,790 членами; только 8 волостей (громад) въ уѣздѣ еще не имѣютъ читальни. Кромѣ библіотечной комиссіи въ филіи работала еще лекціонная, которая при помощи студентовъ устроила 33 чтенія съ фонаремъ въ 30 селахъ. Читали и профессора, и учителя, и инженеры и др. Послѣ лекцій бойко шла продажа книгъ. Предполагалась органи-

зація летучихъ библіотекъ, а постоянной библіотекѣ въ Стрыѣ одинъ учитель гимназіи завѣщалъ 4,000 кр., и библіотека была открыта, имѣетъ 2,529 т. Филія организовывала національно-художественные праздники памяти Шашкевича, Шевченка, праздникъ свободы въ маѣ и др. Филія же содержала бурсу на 26—60 дѣтей.

Члены филій—простые крестьяне, которые своей трудовой копейкой и поддерживали эти просвѣтительныя національныя организаціи. Конечно, бывали и крупныя пожертвованія, какъ, напримѣръ, вышеупомянутое отъ учителя, но и они поступали изъ кармана трудового интеллигентнаго элемента, такъ какъ богатой буржуазіи украинской нѣтъ въ Галичинѣ.

Изъ крупныхъ учрежденій, содержимыхъ „Просвітою", нельзя не упомянуть прекрасную библіотеку во Львовѣ въ 11.293 т., имѣющую болѣе 500 читателей, перебравшихъ за 1913 годъ 3,798 т. [1]), сельскохозяйственную школу въ Милованѣ, женскую хозяйственную школу въ Угерцяхъ, коммерческую школу во Львовѣ и много другихъ просвѣтительныхъ курсовъ, спеціальныхъ библіотекъ и т. п.

Изъ другихъ Обществъ немало работало для украинскаго просвѣщенія Общество имени Петра Могилы. Оно устраиваетъ въ разныхъ пунктахъ доклады, лекціи; за 1911 годъ прочитано было его 69 лекторами 122 лекціи, на которыхъ перебывало 13.927 слушателей въ 8 пунктахъ. А за три года существованія Общество устроило 331 лекцію при помощи 177 лекторовъ для 36.792 слушателей. Устраивались лекціи и по городамъ, и по селамъ.

Многое можно было бы сказать о національно-просвѣтительной работѣ и другихъ Обществъ въ Галиціи, но для журнальной замѣтки нашъ матеріалъ можетъ достаточно уяснить тотъ путь, какимъ развивалось народное сознаніе въ украинской массѣ Галичины. Просвѣщеніе шло къ нему не черезъ официальную школу, не изъ административныхъ учрежденій,—и то, и другое было въ рукахъ другой привилегированной націи, которая безжалостно топтала достоинство украинскаго народа и злоупотребляла своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы подавить въ ру-

[1]) Изъ нихъ 2,534 на украинскомъ языкѣ, 43 к. на русскомъ. Въ правительственныхъ библіотекахъ въ Галиціи книги все польскія, развѣ иногда попадутся сочиненія Федьковича или Шевченка.

синахъ всякую надежду выбиться изъ нищеты, изъ мрака невѣжества. Украинскую народность спасла украинская интеллигенція. Сама вышедшая изъ народа, она легко поняла его нужды и достойно использовала всѣ возможности, даваемыя австрійскою конституціею, чтобы сѣтью просвѣтельныхъ и экономическихъ учрежденій поднять экономическое благосостояніе русина, поднять его національное сознаніе и разсѣять окружавшій его мракъ невѣжества. Сама матеріально слабо обезпеченная, галицкая интеллигенція сумѣла собрать необходимыя средства, чтобы дать своему народу родную школу, родную книгу, родной праздникъ. Этимъ и должно достойно оцѣнить народное просвѣщеніе въ Галиціи,—оно выросло на національной демократической основѣ, оно было связано тысячными нитями съ народной жизнью, отвѣчаетъ народнымъ нуждамъ и насквозь проникнуто національнымъ духомъ украинскаго народа. Въ этомъ была его сила, помогавшая ему въ теченіе десятковъ лѣтъ въ его борьбѣ съ гораздо болѣе сильной націей.

С. Русова.

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА У ЛЬВОВІ

Судьба галицкихъ украинцевъ въ освѣщеніи русскихъ журналовъ.

Статьи о Галичинѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ (М. Славинскаго), „Русскихъ Запискахъ“ (С. Ефремова), „Современникѣ“ (И. Флеровскаго) и „Вѣстникѣ Воспитанія“ (А. Л.).

На страницахъ „Укр. Жизни“ уже не разъ отмѣчалось то невѣжественное, пристрастное или поверхностное отношеніе, которое встрѣчалъ украинскій вопросъ и его современное положеніе въ Галичинѣ въ многочисленныхъ книгахъ и брошюрахъ, выпущенныхъ за послѣднее время. Добросовѣстное заблужденіе и искаженіе дѣйствительности было, въ сущности, самымъ невиннымъ изъ авторскихъ пріемовъ, такъ какъ на-ряду съ нимъ встрѣчаемъ чрезвычайно тенденціозное освѣщеніе, замалчиваніе или прямо инсинуаціи, стремленіе свести къ нулю всѣ тѣ культурно-національныя пріобрѣтенія, которыхъ удалось добиться галицкимъ украинцамъ. Тѣмъ болѣе важно и интересно прослѣдить, какъ освѣщаются соотвѣтствующіе вопросы русскими журналами, являющимися представителями извѣстныхъ теченій и настроеній общественной мысли, съ которыми, весьма вѣроятно, придется считаться въ недалекомъ будущемъ галиційскимъ украинцамъ.

Въ настоящій обзоръ мы включаемъ статьи: М. Славинскаго „Украинцы въ Австро-Венгріи“ („Вѣстникъ Европы“, I, 1915 г.), С. Ефремова „На перепутьи“ („Русскія Записки“, № 2, 1914), И. Флеровскаго „Прошлое и настоящее Галиціи“ („Современникъ“, № 12, 1914) и А. Л. „Борьба за школу въ Галиціи“ („Вѣстникъ Воспитанія“, № 8—9, 1914).

Авторы упомянутыхъ статей неодинаково освѣщаютъ вопросъ, не съ одинаковой полнотой разсматриваютъ тѣ или другія явленія, и въ то время какъ статья „Современника“ представляетъ главнымъ образомъ подробный историческій очеркъ до конца XVIII столѣтія, касаясь бѣгло и край-

не поверхностно Галичины позднѣйшаго времени, другія, какъ, напримѣръ, статья „Русскихъ Записокъ", главное вниманіе удѣляютъ политической, соціальной и культурной жизни современной Галичины, вовсе не касаясь ея исторіи до ея присоединенія къ Австріи. Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ историческихъ фактахъ изъ исторіи Галичины,—думаемъ, что они извѣстны въ главнѣйшихъ чертахъ; не будемъ также излагать послѣдовательно различные моменты, какъ они представлены въ отдѣльныхъ статьяхъ. Обратимъ вниманіе лишь на оцѣнку украинства и тѣ перспективы, которыя намѣчаются для него въ отдаленномъ будущемъ.

Первый вопросъ, которому удѣляютъ названные выше авторы вниманіе, это—вопросъ объ этнографическомъ составѣ населенія Галичины, разрѣшаемый ими въ томъ смыслѣ, что австрійскіе украинцы составляютъ этнографически особую группу, отличную отъ великорусской:

По этнографическому составу своего населенія Галичина распадается на двѣ части, разграниченныя по р. Сану. Западная часть входитъ въ предѣлы этнографической Польши; восточная, примыкающая къ Холмщинѣ, Волынской и Подольской губерніямъ, населена украинцами, образующими вмѣстѣ съ жителями упомянутыхъ сейчасъ губерній западную группу украинскаго племени. Въ этомъ, и только въ этомъ, смыслѣ нужно понимать «исконно русскій характеръ занятой области» («Русск. Зап.», стр. 311).

«Лишь отдаленныя историческія воспоминанія, восходящія къ средневѣковью, связываютъ галицкую, буковинскую и угорскую Русь съ Русью вообще; съ Русью украинской, кромѣ того, ихъ связываетъ единство народности и единство культурнаго возрожденія, твердо установившееся, несмотря на вѣковую принадлежность къ двумъ различнымъ государствамъ» («Вѣстникъ Европы», стр. 336).

Если это такъ, если населеніе Галичины составляютъ украинцы, тѣмъ самымъ рѣшенъ и вопросъ объ языкѣ, которымъ они пользуются въ повседневной жизни и литературѣ,—вопросъ, встрѣчавшій такое противорѣчивое и сбивчивое рѣшеніе во многихъ брошюрахъ: будетъ ли это „украинскій" языкъ, по терминологіи одного автора, или „русинскій"—другого, во всякомъ случаѣ онъ является отдѣльнымъ языкомъ, а не тѣмъ „русскимъ", на которомъ говорятъ великороссы и которымъ будто бы, по утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ, пользуются галичане. Вообще всѣ статьи подчеркиваютъ то исключительно важное значеніе,

которое имѣлъ для украинцевъ національный вопросъ, а значитъ и украинскій языкъ въ процессѣ возрожденія, и тѣ трудности, которыя пришлось преодолѣть на этомъ пути. Вотъ какъ характеризуется положеніе, въ которомъ было украинское населеніе въ моментъ присоединенія къ Австріи:

«Украинская народность, покрывавшаяся понятіемъ уніатскаго исповѣданія, представлена была почти исключительно темнымъ и забитымъ крестьянствомъ и не особенно возвышавшимся надъ его уровнемъ духовенствомъ. Австрія получила край въ ужасающемъ состояніи—безъ торговли и промышленности, съ разоренными городами и полуголоднымъ, закрѣпощеннымъ сельскимъ населеніемъ. Не говоря уже о народныхъ массахъ, даже уніатское духовенство находилось въ крѣпостной зависимости отъ шляхты. Что же касается культурнаго уровня этого единственнаго возвышавшагося надъ массой слоя, то онъ представлялся въ столь же безнадежномъ видѣ. Въ массѣ духовенство и по образу жизни, и по своимъ взглядамъ въ сущности не выдѣлялось изъ общаго уровня темнаго крестьянства. Священники лишь одинъ изъ тридцати получали какое-либо образованіе; многіе не умѣли вовсе писать; умѣніе читать по-польски и церковно-славянски считалось достаточнымъ цензомъ для пріобрѣтенія духовнаго сана» («Р. Зап.», 315—16).

«Полуобнищалый и загнанный русинъ, представляющій собою уже не націю, а лишь этнографическую массу, спаянную общностью языка и голода, полуграмотный уніатскій священникъ, вольнолюбивый, но малокультурный шляхтичъ—вотъ наиболѣе рельефныя фигуры новой австрійской провинціи» («Современникъ», стр. 101).

Такими безрадостными красками рисуется Галиція конца XVIII в. Казалось, украинцы, какъ нація, были обречены на гибель. Но съ первой четверти XIX в. начинаются проблески національнаго возрожденія, которые сначала сказываются лишь у отдѣльныхъ, болѣе сознательныхъ личностей, потомъ становятся достояніемъ кружковъ романтически настроенной молодежи и, наконецъ, входятъ въ народныя массы, становятся прочнымъ и неотъемлемымъ ихъ пріобрѣтеніемъ и вмѣстѣ базисомъ для дальнѣйшаго культурно-политическаго движенія. Всѣ указанныя статьи отмѣчаютъ важность и плодотворность этого возрожденія на основѣ роднаго языка и родныхъ культурныхъ традицій, но не всѣ сходятся въ указаніи причинъ, давшихъ ему первый толчокъ. Въ то время, какъ большинство указываетъ на органическій характеръ движенія,—изъ среды самого галицкаго общества, подъ вліяніемъ европейскаго романтизма, событій общеславянскаго возрожденія и украинской литературы изъ Россіи,

благодаря которымъ былъ намѣченъ путь возрожденія въ сторону изученія народной жизни и народнаго языка, „единственно правильный путь просвѣщенія народа", — авторъ статьи „Современника" не хочетъ отказаться отъ теоріи „созданія" народности и придаетъ гораздо большее значеніе не дѣятельности общества, а тактикѣ австрійскаго правительства.

«Если въ послѣдніе годы мы и наблюдали развитіе національнаго самосознанія русинъ, то эти послѣдніе прежде всего обязаны австрійской политикѣ, часто перемежающейся, но всегда относительно благопріятной къ русинамъ... Получивъ Галицію, австрійское правительство было далеко не увѣрено, что ему удастся удержать ее за собою, и спѣшитъ, съ одной стороны, поскорѣе выжать изъ нея всѣ экономическіе соки, а съ другой—ослабить ея хозяевъ, шляхту, путемъ противопоставленія ей русинскаго крестьянина. Много позднѣе, уже послѣ 48 года, поляки, обозленные правительственнымъ благожелательствомъ къ русинамъ, кричали, что русиновъ «выдумалъ гр. Стадіонъ» (губ. края). И въ этомъ крикѣ была доля правды, ибо только прямое благожелательство правительства могло двинуть эту этнографическую массу къ національному пробужденію» («Современникъ», стр. 102).

Въ подтвержденіе приведеннаго вывода авторъ ссылается на мнѣніе „крайняго украинскаго націоналиста" проф. Грушевскаго, будто бы отмѣчающаго „всегда относительно благопріятную" къ украинцамъ политику австрійскаго правительства. Можно думать, что это просто недоразумѣніе, такъ какъ подобныхъ выводовъ изъ работы проф. Грушевскаго „Очеркъ исторіи украинскаго народа", ссылки на которую находимъ у автора, сдѣлать нельзя: дѣйствительно отмѣчается попытка Стадіона въ 1848 г. опереться на украинцевъ, но тутъ же указывается, что она была неудачна, такъ какъ реакціонные элементы, которые были выброшены на поверхность русинскаго общества, не сумѣли использовать положеніе, движеніе быстро глохнетъ, москвофильская волна заливаетъ его и оно совершенно замираетъ. Въ какой мѣрѣ русины пользовались правительственной „поддержкой" позже, ясно изъ того положенія, какое занялъ въ Галичинѣ польскій и украинскій элементъ. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ авторъ и самъ значительно смягчаетъ прежнее утвержденіе, указывая на ту исключительно крупную роль общественнаго сознанія и дѣятельности, какая имѣла мѣсто въ Галичинѣ. Говоря о партійной группировкѣ, онъ замѣчаетъ:

«Вся тяжесть отстаиванія русинъ, какъ самостоятельной національности, падаетъ на «народовцевъ». И нельзя не отдать имъ справедливости, что они дѣлали въ области русинскаго просвѣщенія и отстаиванія народныхъ интересовъ огромныя усилія, и тотъ національно-политическій сдвигъ, какой произошелъ среди русинъ къ настоящему времени, можетъ быть смѣло занесенъ въ политическій балансъ «народовцевъ». Если посмотрѣть на сдвигъ съ относительной точки зрѣнія, т.-е. сравнивъ настоящее русинъ съ ихъ прошлымъ до 48-го года, то онъ покажется поистинѣ гигантскимъ: русины изъ этнографической массы стали націей,—они имѣютъ свои школы, свои гимназіи и университетъ, они имѣютъ свою литературу, нѣкоторые изъ представителей которой получили признаніе даже за предѣлами Галиціи (напр., Франко), своихъ представителей въ сеймѣ и райхсратѣ и т. д.,—словомъ, съ ихъ голосомъ, какъ націи, начинаютъ считаться и поляки, и имперское правительство» («Совр.», стр. 106).

Крупныя пріобрѣтенія въ области культурной, экономической и политической, которыхъ удалось добиться украинцамъ, подчеркиваются и другими статьями, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на ту обостренную, напряженную борьбу съ поляками, которую приходится вести, на ту ненормальную атмосферу, въ которой чисто-культурныя начинанія, какъ открытіе средней школы, становятся вопросомъ политическимъ, событіемъ первостепенной важности, требующимъ для своего проведенія громадной затраты силъ и времени. Съ этой стороны очень интересны и поучительны тѣ данныя, которыя приводятся статьей „Вѣстника Воспитанія“ по поводу борьбы за школу.

«Положеніе офиціальной школы среди украинскаго населенія очень печально, — говоритъ она. — Какія-либо надежды въ этомъ отношеніи на центральное австрійское правительство представлялись совершенно напрасными; мѣстное же областное правительство, находившееся всецѣло въ рукахъ поляковъ, всегда смотрѣло на всякія національныя пріобрѣтенія украинцевъ какъ на ущербъ для своего status possidendi въ краѣ» («Вѣстн. Военн.», № 8, стр. 36).

Это не голословное утвержденіе: авторъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, рисующихъ, съ какой настойчивой полонизаціей приходится бороться украинской школѣ. Стараніе затормозить открытіе новыхъ школъ, стремленіе сдѣлать языкомъ преподаванія, въ уже существующихъ украинскихъ, польскій, цѣлый рядъ вопіющихъ нарушеній закона, стремленіе урѣзать отпускаемые на украинскую школу кредиты, назначеніе учителей-украинцевъ въ Западную Галичину и поляковъ въ Восточную,—вотъ нѣкоторыя изъ

тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ хозяева края—поляки. Понятно, что при такихъ условіяхъ школьное дѣло является частью болѣе общаго дѣла—національной борьбы за обезпеченіе національнаго существованія и развитія. Поэтому такая ожесточенная борьба за среднюю школу и особенно университетъ, вокругъ котораго сплотились украинцы и который на нѣкоторое время дѣлается наиболѣе животрепещущимъ не только для Галичины, но и для всей Австріи. Каждый шагъ былъ завоеванъ путемъ крайне упорной борьбы:

«Парламентъ, сеймъ, многочисленные народные митинги-вѣча, административныя и судебныя учрежденія, отъ низшихъ до высшихъ, пресса, всѣ области политической и экономической жизни народа,—все это было ареной борьбы, въ числѣ другихъ національныхъ задачъ, и за школу» («Вѣстн. Восп., № 8, стр. 40).

Эта борьба требовала сплоченія общества, широкаго развитія общественной иниціативы и затраты большихъ матеріальныхъ средствъ,—затраты тѣмъ болѣе тягостной, что галичане въ массѣ крайне не обезпечены и Галичина лишена крупныхъ украинскихъ капиталистовъ. Тѣмъ не менѣе замѣчается какъ широкое развитіе частныхъ культурно-просвѣтительныхъ, научныхъ и экономическихъ учрежденій,—школы и курсы, Общества „Просвіта“, „Наукове т-во ім. Шевченка“, многочисленные кооперативы разнаго рода и др.,—такъ и крупныя затраты, которыя несетъ для этого общество, собирая необходимыя суммы „по сотикові“.

«Нигдѣ, кажется, пожертвованія и частные сборы не составляютъ въ такой степени бытового явленія, какъ въ украинской Галичинѣ. Жертвуютъ всѣ, рѣшительно всѣ, даже безнадежно бѣдные люди, каждый по мѣрѣ силъ и возможности. Пожертвованіе въ суммѣ 1,000 кронъ обычно вызываетъ сенсацію, какъ «княжескій даръ»; но море жертвъ составляется, собственно, изъ мелкихъ суммъ, которыя собираются при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, всѣми возможными путями, на всякомъ собраніи общественномъ и частномъ. Ученики начальныхъ и среднихъ школъ отказываются отъ завтраковъ, чтобы пожертвовать, студенты ходятъ по домамъ «колядовать» на школу, объявляютъ дни школьнаго цвѣтка, собираютъ въ церкви, въ праздничные дни старушки по деревнямъ ходятъ по домамъ и собираютъ на школу—гелерами, яйцами, полотномъ и разными другими продуктами и вещами» («Вѣстн. Восп.», № 8, 52).

Какъ уже было указано выше, перевѣсъ политическаго вліянія и фактическое господство въ краѣ поляковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе всякой надежды на участіе правительства въ разрѣшеніи національныхъ задачъ украин-

цевъ, необходимость дѣйствовать самостоятельно, добиться всего своими собственными усиліями или раствориться въ массѣ польскаго населенія, принявъ польскій языкъ и культуру, разбудили общество, развили въ немъ силу сопротивленія, самодѣятельность и творчество. Конечно, осуществить всѣ запросы украинцамъ еще не удалось, но то, что было достигнуто, служило порукой, что остальное—дѣло болѣе или менѣе близкаго будущаго. Сравнительно съ тѣмъ, что было хотя бы даже въ половинѣ XIX вѣка, пріобрѣтенія послѣднихъ десятилѣтій громадны, и, главное,

«то, что украинцы въ Галичинѣ сдѣлали, они сдѣлали собственными силами, на свои собственныя скудныя средства. Почти всѣ украинскія учрежденія въ Галичинѣ безъ преувеличеній могутъ приложить къ себѣ гордыя слова, красующіяся на фронтонѣ чешскаго театра въ Прагѣ: «Народъ—себѣ», съ той, впрочемъ, существенной разницей, что все это создано и достигнуто народомъ бѣдняковъ, народомъ, не имѣющимъ въ своей средѣ крупныхъ капиталистовъ, народомъ, буквально въ потѣ лица зарабатывающимъ хлѣбъ свой насущный. И эти тысячи школъ, эти сотни всевозможныхъ культурныхъ организацій, эта густая сѣть общественныхъ ячеекъ, эта сильная пресса и бодрая литература—развѣ не пріобрѣтаютъ при такихъ условіяхъ особенно показательнаго значенія? Вѣдь это прекрасное свидѣтельство о томъ богатомъ запасѣ духовныхъ силъ, который заложенъ въ забитомъ народѣ; вѣдь это яркій показатель той неисчерпаемой, можно сказать, способности къ развитію, которую проявляетъ народъ, имѣющій хотя бы слабую возможность итти своимъ собственнымъ путемъ и развиваться не исключительно по чужой указкѣ»... («Русск. Записки», стр. 334).

Статьи стараются познакомить и съ политическими завоеваніями украинцевъ, степенью ихъ участія въ рейхсратѣ и галицкомъ сеймѣ, группировкой украинскихъ партій. Мы не будемъ, по недостатку мѣста, останавливаться подробно на этихъ указаніяхъ. Отмѣтимъ только, что это не всегда удается: такъ, напримѣръ, статья „Современника“, вообще дающая очень поверхностное понятіе о Галичинѣ послѣднихъ десятилѣтій, пользующаяся устарѣвшимъ цифровымъ матеріаломъ, для настоящаго времени совершенно недоказательнымъ (экономическое положеніе крестьянъ поясняется таблицей урожаевъ, базирующейся на данныхъ 1888—92 гг.), даетъ невѣрную группировку партій послѣдняго времени: „народовцы“, „москвофилы“ и „святоюрцы“. Зато очень ясное представленіе объ украинскихъ партіяхъ, съ указаніемъ отличительныхъ чертъ ихъ программы, даетъ статья „Русск. Записокъ“.

Въ связи съ партійной группировкой мы остановимся на одномъ вопросѣ: роли москвофиловъ въ политической и культурной жизни Галичины. Значеніе, придаваемое этой партіи, вообще говоря, невелико, хотя все-же оцѣнки авторовъ различныхъ статей расходятся. Наименѣе опредѣленную и противорѣчивую позицію занимаетъ статья „Современника", которая признаетъ за ними то лишь „нѣкоторую популярность въ народѣ", то „значительное вліяніе". Гораздо болѣе опредѣленно высказываются другія статьи. Онѣ указываютъ на характеръ москвофильства, какъ теченія реакціоннаго, лишеннаго творчества, отчаявшагося сдѣлать что-либо собственными силами, а потому ищущаго поддержки на сторонѣ, причемъ платоническое москвофильство мирно уживалось въ нихъ съ австрійской лояльностью. Самая попытка обратиться къ Россіи, причемъ подъ послѣдней понимались не дѣятельные общественные круги, а русская бюрократія и близкія ей теченія, не вдохнула въ партію москвофиловъ новыхъ силъ, и чѣмъ болѣе развивалось національное сознаніе среди украинцевъ, чѣмъ шире они развертывали свою дѣятельность, исходящую изъ потребностей массъ и направленную къ ихъ удовлетворенію, тѣмъ болѣе хирѣли москвофилы, сдавая позицію за позиціей и хотя удержались до послѣдняго времени, но не они направляютъ общественно-политическую и культурную жизнь Галичины, не въ ихъ рукахъ сходятся нити той большой и важной работы, о которой говорилось выше. Удѣльный же вѣсъ москвофиловъ, какъ политической партіи, опредѣляется количествомъ мѣстъ, полученныхъ ими на сеймовыхъ выборахъ 1913 г.: 1 изъ 32, доставшихся украинцамъ, несмотря на блокъ москвофиловъ съ реакціонными польскими партіями.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можемъ констатировать, что авторы указанныхъ статей, несмотря на разницу въ настроеніяхъ и отношеніи, согласно указываютъ на ту длинную и трудную дорогу, которую пришлось пройти галиційскимъ украинцамъ, добиваясь признанія правъ украинскаго языка и народности. Эта работа уже въ прошломъ, отошла въ область исторіи, и новая фаза жизни должна развернуться передъ Галичиной послѣ окончанія настоящей войны. Естественно, что, не довольствуясь освѣщеніемъ прошлаго, авторы статей пытаются угадать смутныя очертанія будущаго и намѣтить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, принципы дальнѣйшаго существованія Галичины. Тревожные

вопросы о томъ, что будетъ съ результатами долголѣтней дружной работы, какъ отнесется русское общество къ тому, что было до сихъ поръ сдѣлано украинцами, на какихъ основаніяхъ сложится жизнь Галичины, какое мѣсто займетъ въ ней украинскій элементъ и удастся ли ему удержать и развивать дальше свои культурно-національныя пріобрѣтенія,—вопросы, на которые, по существу, отвѣты сейчасъ невозможны. Но все-же отношеніе общества или, по крайней мѣрѣ, его передовыхъ слоевъ пытаются намѣтить указанныя статьи въ заключеніи своего обзора. Война прервала кипучее строительство общества, но „прошлое не уходитъ, не оставивъ наслѣдства будущему, отчаяваться въ которомъ галичанамъ нѣтъ повода. То, что достигнуто ими въ Австріи, не можетъ быть утрачено въ Россіи“,—говоритъ статья „Вѣстн. Европы“. Ту же надежду на возможность развитія въ будущемъ на основѣ національности высказываетъ и авторъ статьи „Современника“: „будущее ихъ (русинъ), каковы бы ни были превратности исторіи, въ смыслѣ національнаго существованія вполнѣ обезпечено“. Еще болѣе опредѣленно выражаются „Русск. Записки“:

«Не пытаясь теперь же освѣтить во всей полнотѣ эти ближайшія перспективы, я все-же имѣю смѣлость напомнить, что не даромъ пройденъ Галичиной огромный путь культурнаго и общественнаго развитія и усовершенствованія, не даромъ произведена грандіозная работа по организаціи народныхъ силъ, не даромъ въ высокой степени проявлена способность къ творческому, созидательному труду, не даромъ пріобрѣтены, наконецъ, величайшій опытъ и навыки борьбы за національную индивидуальность. Все это не можетъ исчезнуть безслѣдно, не можетъ пропасть безплодно, утонуть и распылиться въ музыкѣ мечей и свистѣ пуль... И каково бы ни было ближайшее будущее,—въ дальнѣйшемъ Галичина, несомнѣнно, пойдетъ намѣтившимся уже путемъ національнаго развитія и усовершенствованія ея демократическихъ учрежденій,—пойдетъ, возможно, рядомъ и нераздѣльно съ остальными частями украинской земли».

Таково отношеніе къ украинскому языку и культурѣ на страницахъ русскихъ журналовъ. Они ясно и опредѣленно указываютъ, какіе крупные и плодотворные разультаты были уже достигнуты, и выражаютъ увѣренность, что дальнѣйшее развитіе пойдетъ въ томъ же направленіи, съ той разницей, что будущее развернетъ еще значительно шире тѣ богатыя возможности и задатки, которые заложены въ украинскомъ народѣ.

Н. Дворянская.

Бѣлорусское возрожденіе

(Окончаніе [1]).

III.

1905 г. является вѣхой, отмѣчающей точку перелома въ исторіи бѣлорусскаго возрожденія. Событія, связанныя съ этимъ годомъ, создали въ народныхъ массахъ стремленіе разобраться въ окружающей жизни и вызвали лихорадочный спросъ на идеологическія цѣнности. Писать для этого массового читателя было необходимо прежде всего просто и понятно, такъ что сама собой являлась мысль обратиться къ бѣлорусскому языку. Появились изданія „Бѣлорусской Соцыалистычной Громады", печатались по-бѣлорусски воззванія и нѣкоторыхъ другихъ партій [2]), появилась и беллетристика съ яркой политической окраской. Среди этой послѣдней отмѣтимъ сборнички стихотвореній „Скрынка белоруская" и „Хрэст на свободу". Изъ агитаціонныхъ брошюръ Б. С. Г. можно назвать: „Чы будзе для усих земли", „Што такое свобода", „Як зрабиць каб людзям стало добрэ на сьвеци", „Як мужыку палешыць свое жицьце" и т. п. Наконецъ, на исходѣ 1906 г. въ Вильнѣ появилась первая легальная бѣлорусская газета „Наша Доля" ярко радикальной окраски. На седьмомъ номерѣ она была закрыта. Однако, въ это время уже началъ выходить новый еженедѣльникъ „Наша Ніва"(Вильна), державшійся болѣе умѣреннаго направленія и сосредоточившій на себѣ всѣ бѣлорусскія національныя чаянія. Еще раньше группа бѣлоруссовъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, основала издательское товарищество „Загляне сонцэ і у нашэ ваконцэ" и принялась за выпускъ учебниковъ, произведеній нѣкоторыхъ новыхъ, а

---

[1]) См. „Укр. Жизнь" № 1.

[2]) Изъ не-революціонныхъ изданій назовемъ брошюры „Аб чим у нас цяпер гаманяц", Борисовъ, 1906 г., 2 изд., и „Hutarka ab tom, jakaja maja być Ziamla i Wola", 1906 г., стихотворный разсказъ г. А. У.

также и старыхъ бѣлорусскихъ писателей (Бурачка, Марцинкевича, Купалы) и т. п. Эта культурная дѣятельность какъ петербургскихъ, такъ и виленскихъ бѣлоруссовъ нашла себѣ сочувственный откликъ и поддержку. Волна общественнаго возбужденія къ этому времени уже схлынула и Россія вступила во всѣмъ еще памятную полосу реакціи. Въ эту пору „Наша Ніва“ вела неустанную просвѣтительную работу. Ставя своей цѣлью всестороннее возрожденіе бѣлорусской народной культуры и, слѣдовательно, твердо стоя на опредѣленной демократической позиціи, она пробила себѣ дорогу въ самые глухіе уголки Бѣлоруссіи, въ самые темные слои населенія. Для многихъ тысячъ людей она явилась первой газетой, прочитанной ими, первымъ источникомъ знанія, не носившаго казенной печати, изложеннаго простымъ и яснымъ языкомъ. Къ бѣлорусскому крестьянину, сжившемуся съ мыслью, что онъ—хамъ, а его „мова“—хамская, „Наша Ніва“ печатно обратилась на этой „мове“, вызывая въ немъ тѣмъ самымъ уваженіе и къ ней, и къ себѣ самому, пробуждая въ немъ чувство собственнаго достоинства. Въ бѣлорусскомъ краѣ, истерзанномъ національной борьбой, „Наша Ніва“ неустанно напоминала о необходимости чтить права каждаго народа, цѣнить всякую культуру и, закрѣпляя свои національныя устои, широко пользоваться пріобрѣтеніями культуры какъ польской, такъ и великорусской и украинской. Это, а также и многое другое, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, учитывая значеніе скромной еженедѣльной бѣлорусской газетки, размѣромъ въ одинъ печатный листъ.

Вотъ уже девятый годъ работаетъ „Наша Ніва“ въ этомъ направленіи. Она подверглась неоднократнымъ конфискаціямъ, редакторъ отсиживалъ въ тюрьмѣ, воспрещалось чтеніе ея и для военныхъ, и для духовенства, и для народныхъ учителей, и для учениковъ учительскихъ семинарій и еще для цѣлаго ряда лицъ. Субсидируемая русская пресса травила ее, утверждая, что она издается на польскія деньги для ослабленія въ краѣ великорусскихъ позицій и для подготовки почвы къ ополяченію его. Въ свою очередь органы польскаго шовинистическаго націонализма видятъ въ ней тонкое средство для обрусенія бѣлоруссовъ-католиковъ, созданное на деньги казны. Но все это не сломило энергіи издателей „Нашей Нівы“ и не смогло задержать развитіе бѣлорусскаго движенія. Въ настоящее время „Наша Ніва“ идетъ

въ крестьянство какъ ни одинъ органъ цѣлаго края. Со всѣхъ сторонъ въ нее льются писанные неискусной рукой крестьянина-бѣлоруса корреспонденціи, стихи, разсказы, статьи. Разросшійся сельскохозяйственный отдѣлъ привелъ къ возникновенію спеціальнаго ежемѣсячника „Саха“ (Минскъ, 3-й годъ изд.). Для бѣлоруссовъ-католиковъ издается латинскимъ шрифтомъ еженедѣльникъ „Biełarus“ [1]) (Вильна), для бѣлорусской молодежи — ежемѣсячникъ „Лучынка“ (Минскъ), для интеллигентныхъ читателей—литературно-публицистическіе сборники „Маладая Беларусь“ (С.-Петербургъ [2]). Пять лѣтъ какъ уже выходитъ „Беларускі календар Нашае Нівы“ (10.000 экз.), получившій на сельскохозяйственныхъ выставкахъ рядъ медалей и похвальныхъ отзывовъ, а со стороны прессы,—даже черносотенной,—самую высокую оцѣнку. Наконецъ, на еврейскомъ языкѣ выходитъ журналъ „Литва“ (Вильна), спеціально посвященный литовскому и бѣлорусскому возрожденію. Основанъ цѣлый рядъ книгоиздательствъ („Загляне сонцэ і у нашэ ваконцэ“, „Наша Хата“. „Полачанін“, „Беларусскае выдавецкае таварыства“ и т. д.), выпустившихъ уже немало книгъ, число экземпляровъ которыхъ превышаетъ четверть милліона.

Однако, литературной производительностью бѣлорусское движеніе, конечно, не исчерпывается. Слѣдуетъ отмѣтить, напримѣръ, возникновеніе въ Вильнѣ бѣлорусскаго музыкально-драматическаго кружка, занявшагося развитіемъ бѣлорусской сцены, пѣсни, музыки, танца. Не ограничиваясь выступленіями въ Вильнѣ, труппа кружка съ большимъ успѣхомъ объѣздила всю Бѣлоруссію, побывавъ едва ли не въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ городскомъ или сельскомъ центрѣ. Нерѣдки и самостоятельно организованныя сценическія представленія на мѣстахъ, встрѣчающіяся все чаще и чаще. Въ заключеніе упомянемъ о возникновеніи научныхъ кружковъ для изслѣдованія Бѣлоруссіи (С.-Петербургъ, Нов. Александрія), о собираніи бѣлорусскаго національнаго музея, объ основаніи собственныхъ книжныхъ

---

[1]) Его клерикальный характеръ является нѣкоторымъ диссонансомъ въ бѣлорусской печати. Впрочемъ, „Biełarus'y“, не чужды ни національныя, ни демократическія тенденціи ея, хотя проявляются онѣ у него въ болѣе умѣренной формѣ.

[2]) Въ 1914 г. началъ выходить органъ бѣлорусскаго студенчества „Раніца“. Появились однодневки: въ 1912 г. въ Вильнѣ „Крапіва“ (юмор.), а въ концѣ 1914 г. тамъ же другая однодневка (для помощи жертвамъ войны.)

магазиновъ, подготовительной работѣ къ устройству бѣлорусскихъ школъ (неофиціальныхъ) и проч., и проч. Благодаря всему этому бѣлорусскій языкъ начинаетъ проникать въ обиходъ культурнаго общества; имъ, напримѣръ, пользуются при торговыхъ сношеніяхъ, при устройствѣ выставокъ, для костельной проповѣди и т. п. Но главное значеніе всего описаннаго состоитъ не въ этомъ. Оно состоитъ въ нарожденіи бѣлорусской народной интеллигенціи, вызванной къ жизни событіями 1905 г. и формировавшейся подъ вліяніемъ неустанныхъ усилій бѣлорусскихъ изданій дать ей возможность стать на ноги. Теперь она, наконецъ, выросла и окрѣпла. Крестьянинъ съ особой духовной закваской, рабочій, иной разъ народный учитель,—вотъ кто входитъ въ ея составъ. Все это люди дѣла, а не слова, люди, являющіеся неразрывной частью народа, не перерѣзавшіе соединительной пуповины между нимъ и собой. Съ другой стороны, это люди, для которыхъ только одинъ языкъ дорогъ, близокъ и понятенъ—языкъ бѣлорусскій. Это люди, которые не дѣлаютъ надъ собой насилія, не стѣсняютъ работу своей мысли, обращаясь къ нему, а, напротивъ, ступаютъ тѣмъ самымъ на нахоженную тропинку, хорошо наѣзженную колею. Опираясь на эту интеллигенцію, бѣлорусское движеніе начинаетъ чувствовать подъ собою прочный грунтъ. Ибо она-то и является основнымъ читательскимъ ядромъ для бѣлорусскихъ изданій, она же несетъ на своихъ плечахъ крупнѣйшую часть и самой писательской работы. Чтобы представить себѣ, какой массовый характеръ имѣетъ это участіе народной интеллигенціи въ литературѣ, достаточно узнать, что одна „Наша Ніва“ въ 1910 г. помѣстила 666 корреспонденцій изъ 320 мѣстъ, 69 разсказовъ 30 различныхъ авторовъ, 112 стихотвореній 24 поэтовъ и рядъ публицистическихъ статей, принадлежавшихъ, помимо силъ самой редакціи, перу 32 лицъ. Присмотримся же ближе къ наиболѣе виднымъ представителямъ этой литературы, интересной не только тѣмъ, что она идетъ въ народъ, но и тѣмъ, что она идетъ изъ народа.

***

До сихъ поръ въ бѣлорусской литературѣ, какъ это постоянно встрѣчается у начинающихъ возрождаться народовъ, главную роль еще продолжаетъ играть поэзія. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе фигура Янки

Купалы, писателя съ крупными достоинствами, хотя и носящими нѣсколько односторонній характеръ. Первоначально рабочій на деревенскомъ винокуренномъ заводѣ, Купала сразу же выдвинулся своею первою книгою стиховъ („Жалейка", 1908 г.) и съ тѣхъ поръ продолжаетъ приковывать къ себѣ вниманіе бѣлорусскаго читателя. Правда, необработанные, хаотическіе стихи „Жалейки" производятъ впечатлѣніе скорѣе своими темами, всегда ярко гражданскаго направленія, чѣмъ довольно слабыми художественными достоинствами. Однако, уже въ этой книгѣ нѣкоторыя мѣста заставляли видѣть въ Купалѣ богато одареннаго поэта, лишь не умѣющаго использовать какъ слѣдуетъ свой незаурядный талантъ. „Адвечная песьня"—лирическая драма, вышедшая въ 1910 г.,—еще опредѣленнѣе указывала на талантъ Купалы. Находясь въ несомнѣнной идейной связи со стихотвореніями „Жалейки", она, безспорно, художественнѣе ихъ и оставляетъ, благодаря своей цѣльности и выдержанности, болѣе глубокій слѣдъ въ душѣ читателя. Изданный въ томъ же 1910 году сборникъ стиховъ „Huślar" показалъ, кромѣ того, что дарованіе Купалы способно эволюціонировать, расширять кругъ своихъ темъ, совершенствовать свои творческіе пріемы. Однако, въ полной мѣрѣ это сказалось лишь въ послѣдней, лучшей книгѣ неудержимо развивающагося бѣлорусскаго поэта, а именно въ сборникѣ „Шляхам жицьця" (1913 г.). Кромѣ того, перу Купалы принадлежатъ „Паулінка", драма изъ сельской жизни, написанная хорошей прозой, и лирическая драма „Сон на кургане"; изданы онѣ сравнительно недавно.

Необыковенная ритмичность—вотъ главная, всеподчиняющая особенность Купалы. Его буйные, стремительные ритмы захватываютъ, гипнотизируютъ читателя, не даютъ ему задержаться, опомниться, покоряютъ его своей власти. Ими обусловлены и всѣ достоинства, равно какъ и недостатки разбираемыхъ стиховъ, богатство риѳмъ, яркихъ и полнозвучныхъ, звенящихъ не только на концѣ, но и посединѣ строкъ, удивительно звучный подборъ словъ, энергія выраженій,—все это характерно для поэзіи Купалы. Но характерно для нея и отсутствіе точности эпитета, ясности фразы, четкой оформленности самого стихотворенія въ цѣломъ, ибо все это приносится въ жертву звучности и ритмичности. Лишь въ послѣдніе годы дѣятельности Купалы эти недостатки начали исчезать, и въ лицѣ его началъ вырисовываться не только „Божіей милостію поэтъ", но и умѣлый ма-

стеръ своего дѣла, расширяющій кругъ своихъ темъ, формъ и стилей, искусно работающій надъ общей архитектурой произведенія, конструкціей строфы, комбинаціями риѳмъ и т. п.

Несомнѣннымъ талантомъ обладаетъ и Якубъ Колосъ, бывшій народный учитель, печатающійся по-бѣлорусски еще съ 1906 г. Книжка его стихотвореній „Песьні жальбы“ вышла въ 1910 г., а позднѣйшія произведенія разбросаны на страницахъ различныхъ бѣлорусскихъ изданій. Многими сторонами своего творчества онъ напоминаетъ Никитина. Это писатель простой, спокойный и всегда себѣ равный. Нѣтъ у него чего-нибудь особенно сильнаго, яркаго, неожиданнаго, но нѣтъ и слабаго, никчемнаго. Стихъ его не блещетъ крупными достоинствами, но всегда старательно обдуманъ и умѣло обработанъ. Крестьянская жизнь, ея тяжесть, поэзія труда, сельскіе пейзажи, національно-гражданскіе мотивы, тюремное одиночество [1]),—этимъ и ограничивается весь кругозоръ его скромной поэзіи. Но столько въ ней любви къ родному краю, столько неподдѣльнаго, тихаго лиризма, что становится вполнѣ понятной популярность Колоса среди бѣлорусскихъ читателей.

Въ обзорахъ бѣлорусской литературы къ именамъ этихъ двухъ поэтовъ принято присоединять и мое. Часть принадлежащихъ мнѣ стихотвореній составила вышедшій въ 1913 г. сборникъ „Вянок“. Конечно, съ моей стороны умѣстна лишь характеристика, но не оцѣнка ихъ. Отмѣчу поэтому, что мое творчество было направлено главнымъ образомъ на расширеніе круга темъ и формъ бѣлорусской поэзіи.

Изъ другихъ бѣлорусскихъ поэтовъ въ самостоятельную величину начинаетъ вырабатываться Алесь Гарунъ (крестьянинъ, столяръ), нашедшій свои особые ритмы и время отъ времени радующій насъ изящной оригинальностью стиха [2]). Рѣзко индивидуальную физіономію имѣютъ немногочисленныя произведенія К. Каганца [3]) (лѣсникъ), отъ которыхъ вѣетъ языческой Русью. Довольно своеобразны и хороши изрѣдка появляющіяся стихотворенія Цётки (М. Крапіука),

[1]) Колосъ пробылъ три года въ тюрьмѣ за участіе въ „Бѣлорусскомъ учительскомъ союзѣ“.

[2]) За послѣднее время выдвигается впередъ г. Ясакоръ—поэтъ со стихомъ выразительнымъ и энергичнымъ, но нѣсколько риторическимъ.

[3]) См. выше.

близкія многими своими сторонами къ народному творчеству. На темахъ, касающихся любви, сосредоточилась К. Буйло („Кургомная кветка"), пишущая не очень яркіе, но гладкіе стихи. Въ юмористическомъ родѣ работаетъ А. Павловичъ (сб. „Снапок", 1910 г.). Упомянемъ еще Будзыку, Гурло (крестьянинъ), И. Гартнаго (рабочій-кожевникъ), Ф. Чернышевича (крестьянинъ), Л. Лобика (крестьянинъ), Янука Д. (крестьянинъ), К. Арла (народный учитель), Я. Журбу (народный учитель) и т. д. Внимательный читатель найдетъ много интереснаго въ ихъ не всегда искусной, но всегда безыскусственной поэзіи, темы которой продиктованы окружающей жизнью.

**
*

Переходя къ беллетристамъ-прозаикамъ, остановимся прежде всего на Ядвигинѣ Ш. Сынъ мелкаго землевладѣльца, онъ еще въ концѣ 80-хъ годовъ принималъ участіе въ бѣлорусскомъ движеніи, будучи студентомъ московскаго университета. Исключенный оттуда за участіе въ студенческихъ волненіяхъ, вернулся на родину и началъ писать побѣлорусски (ком. „Злодзей", разск. „У судзе" и т. п.). Когда окрѣпла бѣлорусская печать, писательская дѣятельность Ядвигина Ш. развернулась шире, и онъ быстро завоевалъ себѣ популярность среди бѣлорусскихъ читателей. Произведенія его собраны въ книжкахъ „Дзед Завала" (поэма, 1909 г.), „Бярозка" (сб. разск., 1912 г.), „Васількі" (сб. разск., 1914 г.).

Въ творчествѣ Ядвигина Ш. преобладаютъ небольшіе разсказики басеннаго склада, обычно содержащіе въ себѣ простое или упрощенное рѣшеніе какой-либо житейской проблемы. Соотвѣтственно этому Ядвигинъ Ш. широко пользуется аллегоріей и охотно обращается при выборѣ дѣйствующихъ лицъ къ міру животныхъ. Но онъ такъ знаетъ и любитъ этотъ міръ, такъ умѣло и мѣтко подбираетъ черты для характеристики своихъ героевъ, что всѣ его звѣри и птицы становятся вполнѣ индивидуальными фигурами. Неподдѣльный юморъ и достоинства языка, всегда живого и колоритнаго, еще болѣе скрашиваютъ разсказы Ядвигина Ш. Наконецъ, есть у него нѣсколько вещицъ и патетическаго характера, намѣчающихъ новую сторону въ талантѣ этого своеобразнаго писателя.

Еще сильнѣе сказался патетическій элементъ въ произве-

деніяхъ Власта. Крестьянинъ-самоучка, съ ранняго дѣтства принужденный вести тяжелую борьбу за кусокъ хлѣба, онъ сумѣлъ достигнуть разносторонняго образованія и развить свое тонкое чувство красоты. Какъ это на первый взглядъ ни удивительно, Властъ началъ съ произведеній, написанныхъ въ духѣ польскаго модернизма. Впрочемъ, посторонія вліянія вскорѣ исчезли, и талантъ Власта обнаружилъ свое истинное лицо. Онъ не плодовитъ, но его немногочисленные разсказы всегда полны чувства глубокаго и волнующаго, мысли тревожной и значительной, всегда отличались рѣдкостнымъ разнообразіемъ темъ и стилей.

Т. Гушча изображаетъ въ своихъ очеркахъ повседневную жизнь бѣлорусской деревни. Неглубокіе по замыслу, они отличаются правдивостью и естественностью рисунка, оживленностью діалога, льющагося всегда легко и свободно. Умѣетъ Т. Гушча найти и трогательныя, и прочувствованныя слова, и окрашенныя юмористическимъ колоритомъ. Часть его разсказовъ собрана въ книжечкахъ „Т. Гушча. Апаведаньня“ (1912 г.), „Прапау чэлавек“ (1914 г.), „Нёманау дар“ (1914 г.), „Тоустае палена“ (1914 г.), „Родные зьявы“ (1914 г.).

Своеобразны разсказы З. Бядули, частью вошедшіе въ сборникъ „Z. Biadula. Abrazki“ (1913 г.). Съ мрачнымъ юморомъ изображаетъ онъ невеселую бѣлорусскую жизнь и стремится уйти отъ нея въ фантастическій, сказочный міръ. Именно какъ фантастъ и интересенъ З. Бядула. Полны глубокаго, потрясающаго чувства и истиннаго символизма разсказы безвременно погибшаго С. Полуяна († 8 апр. 1910 г.). Лирическимъ подъемомъ отличаются и немногочисленныя вещицы П. Простаго („Якім Бяздольна“, 1914 г.), написанныя сильнымъ, взволнованнымъ языкомъ, приближающимся къ стихотворной рѣчи. Бойко и живо сработаны разсказы Галубка, проникнутые незатѣйливымъ юморомъ. Изъ другихъ беллетристовъ назовемъ Н. Новича, Лёсика, Жывицу и проч. Наконецъ, въ сферѣ публицистики и критики, а иной разъ и научной работы много сдѣлали иниціаторъ и руководитель „Нашей Нівы“ А. Новина, мѣстный экономистъ А. Власовъ, уже упомянутый нами Властъ (книга „Гісторыя Беларусі“ и рядъ статей), Ив. Луцкевичъ, критикъ и библіографъ Р. Земкевичъ, А. Бульба, С. Полуянъ, І. Маньковскій, Ю. Верэшчака, Л. Гмыракъ, Максимъ Бѣлоруссъ, иначе Максимъ Гарэцкій („Рунь“, 1914 г.) и мн. друг. Характе-

ристика каждаго изъ нихъ въ отдѣльности затруднительна, но не упомянуть о нихъ нельзя. Вѣдь именно благодаря ихъ стойкости и самоотверженію бѣлорусское движеніе, нашедшее нынѣ твердую опору въ широкихъ кадрахъ народной интеллигенціи, выдержало всю тяжесть первыхъ годовъ своего существованія, пріобрѣло свой теперешній идейный обликъ и некрупными, но глубокими, нестираемыми буквами врѣзало свое имя на скрижаляхъ мірового прогресса.

М. Богдановичъ.

Post scriptum.

Очеркъ мой, написанный въ іюлѣ 1914 г., заканчивается какъ-разъ тѣмъ моментомъ, вслѣдъ за которымъ разразилась война. Въ Бѣлоруссіи ея вліяніе было гораздо болѣе ощутительнымъ, чѣмъ въ центральной Россіи. Это сказалось и на бѣлорусскомъ движеніи: его главная опора, національно-сознательная молодежь, оказалась подъ ружьемъ, въ выходѣ нѣкоторыхъ органовъ печати создался перерывъ, изданіе книгъ пріостановилось, прекратились шаги къ созданію бѣлорусскаго научнаго общества и т. п. Нынѣ это глухое время приходитъ къ концу, и мы, оглядываясь на него, можемъ отмѣтить нѣсколько достойныхъ вниманія явленій, обозначившихся болѣе или менѣе ясно.

Еще раньше въ бѣлорусской печати указывались такого рода факты, какъ полученіе торговыми фирмами корреспонденціи на бѣлорусскомъ языкѣ, возростающей съ каждымъ годомъ, или какъ изданіе ими по-бѣлорусски прейсъ-курантовъ, появленіе бѣлорусскихъ каталоговъ на кустарной выставкѣ и т. п. Очевидно, уже начинало формироваться сознаніе, что бѣлорусская рѣчь можетъ по праву войти въ мѣстный общественный оборотъ.

Во время войны наличность такого сознанія сказалась гораздо болѣе опредѣленно. Въ вызванныхъ ею общественныхъ организаціяхъ (Вильна, Минскъ) представителямъ бѣлорусскаго движенія было отведено мѣсто на-ряду съ представителями остальныхъ національныхъ формацій этого многоплеменнаго края; всякаго рода воззванія, отчеты, извѣщенія этихъ организацій печатаются на пяти мѣстныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на бѣлорусскомъ; на пяти же языкахъ были изданы въ Вильнѣ въ день благотворитель-

наго сбора газеты-однодневки, среди нихъ — бѣлорусская. Все это показываетъ, что въ сознаніи мѣстнаго общества бѣлорусскій народъ не tabula rasa, а самостоятельная національная величина, бѣлорусское же движеніе—живая культурно-общественная сила. Вотъ одинъ изъ результатовъ бѣлорусской національной работы, который вскрытъ войной и который мы желали бы подчеркнуть.

М. Н.

По поводу статьи Дейча „Украинская и общерусская эмиграція“.

Въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1914 годъ былъ помѣщенъ очеркъ Л. Дейча подъ заголовкомъ „Украинская и общерусская эмиграція“, гдѣ между прочимъ упоминается мое имя; я не могъ своевременно на него отозваться, такъ какъ книжка, къ сожалѣнію, попалась мнѣ въ руки только недавно. Однако по пословицѣ: „лучше поздно, чѣмъ никогда“, покорнѣйше прошу васъ, г. редакторъ, не откажите мнѣ въ помѣщеніи этой моей замѣтки на страницахъ вашего журнала.

Начну прежде всего съ фактическихъ поправокъ.

Разсказывая о моей поѣздкѣ въ Италію, имѣвшей мѣсто въ 1881 или 1882 году, Дейчъ передаетъ это въ такомъ видѣ, будто Драгомановъ рекомендовалъ мнѣ тогда того магната, съ которымъ я долженъ былъ встрѣтиться въ Италіи, чтобы получить отъ него большую сумму денегъ для русскихъ революціонныхъ дѣлъ. Между тѣмъ происходило это совсѣмъ не такъ. Драгомановъ магната этого никогда въ глаза не видѣлъ и направлять меня къ нему не могъ. Дѣло это исходило отъ польскихъ патріотическихъ круговъ, и, ѣдучи во Флоренцію, гдѣ я долженъ былъ предварительно встрѣтиться съ однимъ старымъ польскимъ эмигрантомъ,—насколько помню, Артуромъ Волынскимъ,—который уже съ своей стороны долженъ былъ меня свести съ тѣмъ магнатомъ, я везъ тогда рекомендаціи къ Волынскому отъ поляковъ, а не отъ Драгоманова, являвшагося въ данномъ случаѣ только передаточной инстанціей. Такъ что, мнѣ кажется, Дейчу, не знавшему всѣхъ подробностей дѣла, лучше было вовсе не касаться его и ужъ во всякомъ случаѣ не представлять это дѣло въ такомъ духѣ, какъ онъ его представилъ, явно съ намѣреніемъ бросить какую-то неблаговидную тѣнь на Драгоманова.

Далѣе, переходя въ своемъ очеркѣ къ вопросу о пере-

говорахъ „Исполнительнаго Комитета“ съ делегатомъ „Добровольной охраны“, Дейчъ вспоминаетъ о моемъ пріѣздѣ изъ Парижа въ Женеву и твердитъ, будто я къ нему обратился тогда за адресомъ Мар. Ник. Ошаниной. „Когда я сообщилъ ему (т.-е. мнѣ),—пишетъ Дейчъ,—что онъ съ нею разминулся, такъ какъ она всего на-дняхъ переселилась въ Парижъ, онъ (т.-е. я) выразилъ чрезвычайную досаду и огорченіе“. „На мой вопросъ, какимъ образомъ онъ набрелъ на этого делегата (д-ра Нивинскаго), Мокріевичъ назвалъ Драгоманова. Тогда, помню, я воскликнулъ: это, вѣроятно, окажется такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какимъ были огромныя суммы отъ польскаго магната. Но Мокріевичъ полагалъ, что въ данномъ случаѣ предпріятіе болѣе серьезное. Несмотря на испытанную имъ незадолго передъ тѣмъ неудачу, онъ все-же полагался на слова Драгоманова, который, повидимому, вѣрилъ явившемуся къ нему делегату. Я же остался при скептическомъ отношеніи къ этой совершенно новой въ эмигрантской жизни затѣѣ“. „Получивъ отъ меня адресъ Ошаниной,—повѣствуетъ Дейчъ,—Мокріевичъ въ тотъ же день уѣхалъ съ рекомендованнымъ ему Драгомановымъ делегатомъ дворцовой партіи“.

Въ этомъ изложеніи рядъ невѣрностей. Несмотря на такую подробность, сохранившуюся въ памяти Дейча, какъ выраженныя мною „досада и огорченіе“ по поводу того, что я не засталъ въ Женевѣ Ошаниной, я долженъ внести тутъ существенную поправку, именно: съ Ошаниной я нисколько не разминулся, такъ какъ въ Парижъ она переѣхала раньше моего отъѣзда оттуда; и въ Парижѣ я съ нею встрѣчался, и ея адреса у Дейча въ тотъ разъ я не могъ спрашивать, такъ какъ зналъ, что она находится въ Парижѣ, и зналъ, какъ ее тамъ можно найти. Передъ своимъ отъѣздомъ я жилъ съ однимъ пріятелемъ въ Иль-адамѣ,—деревнѣ, расположенной недалеко отъ Парижа,—и Ошанина посѣтила насъ тамъ, какъ только переѣхала въ Парижъ. Если „пріятель“ живъ гдѣ-либо въ Россіи, то онъ можетъ подтвердить этотъ фактъ.

Точно такъ же я долженъ сказать, что Драгомановъ вовсе не рекомендовалъ мнѣ делегата „дворцовой партіи“ (д-ра Нивинскаго), какъ не рекомендовалъ и того магната, съ которымъ я долженъ былъ видѣться въ Италіи. О моей встрѣчѣ съ д-ромъ Нивинскимъ я уже разсказалъ въ „Быломъ“, а потомъ и въ „Русской Мысли“. Я разсказалъ, какъ Ни-

винскій самъ себя рекомендовалъ мнѣ и какъ потомъ повторилъ свою рекомендацію въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ передъ Лавровымъ и Ошаниной. Къ этой саморекомендаціи Нивинскаго равно-таки ничего не прибавилъ отъ себя Драгомановъ, какъ и я съ своей стороны ничего не добавилъ потомъ передъ Лавровымъ и Ошаниной. Разсказывая о первой встрѣчѣ Лаврова и Ошаниной съ Нивинскимъ, происходившей въ моемъ присутствіи, я между другими привелъ по воспоминаніямъ слѣдующія слова Нивинскаго (смотр. „Былое“, 1907 г. апрѣль): „Мое положеніе, господа, выгоднѣе вашего,—замѣтилъ онъ.—Я знаю, кто вы всѣ. Но я для васъ неизвѣстная величина, и, слѣдовательно, ко всему тому, что я здѣсь говорю и предлагаю, вы имѣете основаніе относиться съ недовѣріемъ. Чтобы вы могли увѣриться въ томъ, что наша организація представляетъ дѣйствительную силу,—я предлагаю слѣдующее доказательство: кого хотите изъ эмигрантовъ „Добровольная охрана“ берется легализировать“.

Спрашивается, могла ли имѣть мѣсто подобная постановка вопроса, если бы Нивинскій явился къ Лаврову съ рекомендаціями?

Что же было причиной для созданія легенды о драгомановской рекомендаціи, такъ упорно поддерживаемой нѣкоторыми? Уже В. Я. Богучарскій въ своей книгѣ „Изъ исторіи политической борьбы“ допустилъ „вольное толкованіе“ разсказаннаго мною эпизода въ „Быломъ“, отбросивъ изъ моего разсказа все то, что не подходило къ построенной имъ исторической схемѣ, и освѣтивъ весь эпизодъ такъ, будто Драгомановъ навязалъ мнѣ Нивинскаго съ тѣмъ, чтобы я его доставилъ Лаврову. Богучарскому понадобилось это для схемы; но для чего Дейчъ подтверждаетъ въ своемъ очеркѣ легенду о драгомановской рекомендаціи?

Какъ только Дейчъ узналъ, что дѣло это съ делегатомъ (д-ромъ Нивинскимъ) ведетъ свое начало отъ Драгоманова, онъ воскликнулъ: „Это, вѣроятно, окажется такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какимъ были огромныя суммы отъ польскаго магната“, и несмотря на то, что Мокріевичъ былъ другого мнѣнія,—онъ, Дейчъ, „остался при скептическомъ отношеніи къ этой совершенно новой въ эмигрантской жизни затѣѣ“.

Казалось бы, и всему дѣлу конецъ?! Однако на повѣрку вышло другое.

„Вспоминая теперь объ этихъ переговорахъ „Добровольной охраны“ съ „Исполнительнымъ комитетомъ“, которые, конечно, оказались такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какъ и деньги отъ магната,—пишетъ Дейчъ,—я не сомнѣваюсь ни на минуту, что никто изъ насъ,—Лавровъ, Ошанина, Тихомировъ и я,—не сталъ бы на нихъ тратить ни средствъ, ни времени, если бы не знали, что этотъ делегатъ отъ высокихъ сановниковъ попалъ къ намъ черезъ посредство Драгоманова“.

Итакъ, оказывается: съ одной стороны именно потому, что дѣло съ делегатомъ исходило отъ Драгоманова, это дѣло представлялось Дейчу мыльнымъ музыремъ, и онъ отнесся къ нему скептически; а съ другой стороны именно потому, что делегатъ былъ рекомендованъ Драгомановымъ, Дейчъ, хотя и зналъ, что это былъ мыльный пузырь, отнесся съ довѣріемъ и вступилъ въ переговоры съ делегатомъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ по мыльному пузырю.

Однако оставлю въ сторонѣ эти мыльные пузыри о драгомановской рекомендаціи; этотъ вопросъ, думаю, вполнѣ выясненъ, и къ нему едва ли понадобится когда бы то ни было возвращаться. Теперь же посмотримъ, какъ Дейчъ въ своемъ очеркѣ характеризуетъ личность Драгоманова и его роль среди русской эмиграціи.

По словамъ Дейча, Драгомановъ въ 80-мъ году былъ сторонникомъ террористической борьбы и въ то время пользовался большимъ почетомъ среди русскихъ эмигрантовъ. Только небольшой кружокъ польскихъ соціалистовъ да нѣсколько человѣкъ русскихъ, между которыми былъ самъ Дейчъ, относились подозрительно къ драгомановскому радикализму; въ частности Дейчъ считалъ даже Драгоманова прямо „неискреннимъ“. Между ними вскорѣ произошелъ разрывъ. По словамъ Дейча, случилось это такъ: одинъ изъ украинцевъ (группы Драгоманова), по имени Подолинскій, прочелъ рефератъ въ собраніи русскихъ эмигрантовъ, гдѣ обличалъ революціонеровъ-южанъ въ томъ, что они ничего полезнаго не сдѣлали для своего народа, и противопоставилъ имъ полезную дѣятельность украинофиловъ. На этотъ рефератъ счелъ нужнымъ отвѣтить Дейчъ, и вотъ какъ между прочимъ онъ разсказываетъ объ этомъ своемъ выступленіи: онъ не помнитъ точно, что онъ говорилъ въ защиту революціонеровъ, но помнитъ,

что очень скоро онъ перешелъ въ нападеніе. „Я постарался, — пишетъ онъ,—представить дѣятельность украинофиловъ на юго-западѣ безполезнымъ времяпрепровожденіемъ, чуть ли не переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Я сообщилъ, какъ украинофилы по нѣсколько лѣтъ проводятъ въ обработкѣ одной буквы малороссійскаго словаря или въ собираніи и изданіи народныхъ пѣсенъ и поговорокъ, а если ужъ и раскачаются написать что-нибудь для народа, то печатаютъ столь глубокомысленные разсказы, какъ „Про сіру кобылу“ или „Як баба Параска та купыла порося“.

„Помню, раздался веселый и одобрительный смѣхъ, — говоритъ Дейчъ,—но среди украинцевъ моя рѣчь вызвала бурю негодованій“.

Все это привело къ тому, что украинцы вышли изъ членовъ русскаго общества. „Такое рѣшеніе вызвало общее изумленіе. Въ моихъ возраженіяхъ,—наивно добавляетъ Дейчъ,—не было ничего личнаго“.

По его мнѣнію, этотъ разрывъ украинцевъ съ общерусской эмиграціей слѣдуетъ объяснить оскорбленнымъ самолюбіемъ Драгоманова. Драгомановъ-де привыкъ играть первую роль, а теперь его срѣзали, и потому онъ обозлился и прекратилъ сношенія съ русскими эмигрантами.

Правда, въ тѣ далекія времена болѣе или менѣе мы всѣ, южане, принадлежали къ лагерю лѣвыхъ; къ украинофильству любили отнестись, что называется, съ кондачка; но въ данномъ случаѣ любопытно то, что Дейчу даже теперь, болѣе тридцати лѣтъ спустя, видимо, не приходитъ мысль въ голову, что зубоскальничанье надъ культурной работой „украинофиловъ“, сопровождавшееся „одобрительнымъ смѣхомъ“ присутствовавшихъ, совсѣмъ не было похвально, иначе онъ понималъ бы, что это зубоскальничанье было за-глаза достаточнымъ поводомъ для выхода украинцевъ изъ членовъ общества.

Какъ бы тамъ ни было, украинцы вышли изъ членовъ общества, и Драгомановъ оказался изолированнымъ. Но полная изолированность, въ которую онъ самъ себя поставилъ,—повѣствуетъ далѣе Дейчъ,—вызвала у него угнетенное состояніе духа; онъ становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ, подозрительнымъ, пессимистически настроеннымъ и чуть не во всякомъ съ нимъ въ чемъ-либо несогласномъ готовъ былъ видѣть врага. Безотрадный

взглядъ Драгоманова на будущее особенно рельефно сказался по слѣдующему поводу: послѣ событія 1-го марта на вопросъ Кравчинскаго, что думаетъ Драгомановъ, послѣдній отвѣтилъ: „Думаю, что первымъ дѣломъ меня повѣсятъ". Какъ? Почему? Кто? Оказывается, что повѣсятъ его террористы, когда захватятъ власть.

Разсказавъ этотъ поистинѣ изумительный эпизодъ, къ которому я еще вернусь и попытаюсь ему дать надлежащее освѣщеніе, Дейчъ сообщаетъ, что онъ тогда чрезъ Кравчинскаго старался успокоить Драгоманова, видимо, серьезнѣйшимъ образомъ увѣряя его въ томъ, что революціонеры не думаютъ его вѣшать, и въ заключеніе патетически восклицаетъ: „Бѣдный Михайло Петровичъ! До какой мнительности дошелъ онъ въ имъ же самимъ для себя созданномъ изолированномъ положеніи!" И тутъ же нѣсколькими строками ниже, говоря о наступавшей послѣ 1-го марта реакціи, Дейчъ сообщаетъ: „И вотъ въ это надвигавшееся мрачное время, когда можно было уже разслышать звуки приближавшейся грозы, Драгомановъ счелъ возможнымъ выступить въ печати съ брошюрой „Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale", направленной противъ дѣйствовавшихъ въ Россіи революціонеровъ.

Я передалъ почти все, что говорится въ очеркѣ о Драгомановѣ; и нужно признать, что говорится такъ спутанно, противорѣчиво, неясно, что характеристика получается самая неудачная, правильнѣе сказать, никакой; ясно только одно, что авторъ не любитъ Драгоманова. Постараюсь же съ своей стороны дать объясненія нѣкоторымъ фактамъ, на которые указываетъ Дейчъ и которымъ, какъ мнѣ кажется, онъ самъ даетъ невѣрное толкованіе, и, можетъ быть, мнѣ удастся кое-что уяснить.

Эмигрировалъ я въ 81-мъ году. Пріѣхавъ въ Женеву, я засталъ тамъ нѣсколько человѣкъ старыхъ моихъ пріятелей и товарищей по кружку: Стефановича, Дейча и др. Съ Драгомановымъ я тогда только познакомился. Конечно, я не присутствовалъ при размолвкѣ украинцевъ съ русскими эмигрантами, о которой разсказываетъ Дейчъ, но уже съ первыхъ дней для меня было очевидно, что произошло тутъ не простое недоразумѣніе, а нѣчто весьма существенное, именно принципіальное разногласіе. Я долженъ сказать, что группа „чернопередѣльцевъ" (Стефановичъ, Дейчъ и др.) въ то время въ Женевѣ представляла

единственную организованную группу среди русскихъ эмигрантовъ, а потому она сразу стала играть видную роль въ нашей женевской колоніи. Но „чернопередѣльчество“ далеко не было обыкновеннымъ русскимъ народничествомъ; во главѣ „Чернаго Передѣла“ стояли лица, создавшія такъ-называемое „Чигиринское дѣло“, и дѣло это накладывало на „Черный Передѣлъ“ свою спеціальную окраску. А надо знать, что „Чигиринское дѣло“, между прочимъ страшно нашумѣвшее въ то время, многихъ приводило въ восторгъ, какъ попытка созданія бунта въ народѣ; если даже нѣкоторые въ душѣ и относились отрицательно къ этому дѣлу, то ничѣмъ этого не проявили, словно робѣя открыто высказаться. И происходило это, по моему мнѣнію, вотъ почему: мы, революціонеры 70-хъ годовъ, обыкновенно разцѣнивали факты съ боевой точки зрѣнія; другими словами: чѣмъ болѣе боевой характеръ носилъ извѣстный фактъ, тѣмъ онъ въ рядѣ совершенныхъ дѣлъ занималъ болѣе почетное мѣсто. Такая расцѣнка въ сильной степени между прочимъ способствовала къ переходу нашего движенія отъ пропаганды къ бунтарству, а затѣмъ и къ террору. При расцѣнкѣ фактовъ съ этой спеціально революціонно-бунтовской точки зрѣнія „Чигиринское дѣло“ заняло очень видное мѣсто. Оно и понятно: болѣе революціоннаго дѣла среди народа до той поры не было создано революціонерами, и потому на него было обращено общее вниманіе, то былъ почти крестьянскій бунтъ, — а о бунтахъ съ такою жадностью мечтали тогда народники-революціонеры!

И вотъ къ этому-то бунтовскому дѣлу Драгомановъ отнесся отрицательно; по крайней мѣрѣ въ то время, когда я познакомился съ нимъ, онъ высказывался категорически противъ „Чигиринскаго дѣла“. Съ этого, какъ мнѣ кажется, началось расхожденіе Драгоманова съ „чернопередѣльцами“. Съ народниками болѣе ранняго періода, группировавшимися около журнала „Община“ (Клеменсъ и др.), издававшагося въ Женевѣ, у Драгоманова были самыя пріятельскія отношенія, а съ Сергѣемъ Кравчинскимъ въ частности даже болѣе, чѣмъ пріятельскія. Дейчъ, касаясь этихъ отношеній, объясняетъ ихъ, повидимому, добродушіемъ Кравчинскаго, уживавшагося вообще со всѣми; но на самомъ дѣлѣ это было несовсѣмъ такъ; Кравчинскій любилъ и уважалъ Драгоманова, „какъ едва ли кого другого“;

по собственному его признанію, и Драгомановъ отвѣчалъ ему тѣмъ же. Понятно, совершенно иного характера отношенія должны были установиться между Драгомановымъ и „чернопередѣльцами“ въ силу уже одной той принципіальной розни, какая являлась между ними по существеннѣйшему вопросу, именно по вопросу о допустимости или недопустимости пріемовъ, употребленныхъ революціонерами въ „Чигиринскомъ дѣлѣ“.

Дейчъ страннымъ образомъ обходитъ этотъ важный вопросъ въ своемъ очеркѣ и говоритъ о чемъ угодно, только не о немъ.

Переходя теперь къ вопросу о моемъ сближеніи съ Драгомановымъ, я долженъ сказать, что и въ этомъ вопросѣ догадки Дейча оказываются также неудачны. Сближеніе явилось слѣдствіемъ совсѣмъ не того, что я былъ „малороссъ“ и съ „малороссами“ у меня были раньше сношенія, какъ объясняетъ Дейчъ. Я никогда не былъ націоналистомъ, получивъ хорошіе уроки по націонализму еще въ юности. Переживая польское возстаніе 60-хъ годовъ въ Юго-западномъ краѣ, нельзя было не возмущаться крайнимъ шовинизмомъ, проявляемымъ въ то время поляками на каждомъ шагу. Все происходило такъ грубо и примитивно,—да шовинизмъ по самому своему существу всегда грубъ,—что очень легко было оцѣнить по достоинству это явленіе. Въ отвѣтъ на это, такъ сказать, „польское засилье“ въ нашемъ Юго-западномъ краѣ правительство отвѣтило тогда „обрусеніемъ“, то-есть опять-таки шовинизмомъ, только, конечно, съ другой стороны. Потомъ, живя на Балканскомъ полуостровѣ, мнѣ пришлось наблюдать довольно близко націоналистическія проявленія; а къ болгарскому движенію 1885 года, когда происходило соединеніе Румеліи съ Сѣверной Болгаріей, я стоялъ даже очень близко къ самому центру. Послѣ сербско-болгарской войны, окончившейся тогда побѣдою болгаръ, я пріѣхалъ въ Женеву и въ тотъ свой пріѣздъ особенно сблизился съ Драгомановымъ. Разсказывалъ я ему въ тотъ разъ много и подробно о хорошихъ и дурныхъ фактахъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ; и заключенія, сдѣланныя мною на основаніи непосредственныхъ наблюденій, въ конечномъ выводѣ носили такой непривлекательный, мрачный характеръ, что, помню, Драгомановъ, слушая какъ-то меня, воскликнулъ: „А грязная же это штука націоналистическія движенія!“ Да это, конечно,

такъ и есть: всякое національстическое движеніе (я веду рѣчь, само собою разумѣется, о политическомъ, а не культурно-національстическомъ движеніи) всегда сопровождается взрывомъ шовинизма, который, строго говоря, и не представляетъ изъ себя въ качественномъ отношеніи ничего другого, какъ тотъ же національзмъ, только болѣе ярко выраженный; шовинизмъ—это, такъ сказать, одинъ изъ фланговъ національстическаго движенія, и тутъ даже никакая культура не помогаетъ; это мы видимъ теперь у нѣмцевъ, гдѣ даже міровые ученые показали свои шовинистическіе рога.

Такъ что, повторяю, съ Драгомановымъ я сошелся совсѣмъ не на почвѣ національзма; да и какой же національстъ былъ самъ Драгомановъ, когда въ его политическихъ взглядахъ вопросы самоуправленія имѣли несравнимо большее значеніе, чѣмъ національстическіе? Драгомановъ былъ федералистъ или, точнѣе опредѣляя, автономистъ; я же,—подобно всѣмъ народникамъ,—былъ крайнимъ децентралистомъ,—и вотъ на этой почвѣ и произошло наше сближеніе.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, революціонное движеніе со своимъ переходомъ изъ народническаго періода въ народовольческій стало постепенно утрачивать децентралистическіе принципы, вырабатывая въ замѣну ихъ централизмъ; идея захвата власти дѣлалась все болѣе и болѣе популярной среди революціонеровъ. Само собою разумѣется, что эта эволюція не могла встрѣтить сочувствія у автономиста Драгоманова; между его воззрѣніями и воззрѣніями, господствовавшими у народовольцевъ, получилась огромная принципіальная рознь, которая и дала поводъ къ его полному расхожденію съ революціонерами, дѣйствовавшими въ Россіи. Этимъ, конечно, только и нужно объяснить все дальнѣйшее поведеніе Драгоманова вплоть до напечатанія имъ брошюры „La tyrannicidce etc.“, а вовсе не его оскорбленнымъ самолюбіемъ или какими бы то ни было другими подобными мотивами.

Оканчивая свои замѣчанія, вызванныя очеркомъ Дейча, въ заключеніе мнѣ хочется коснуться еще того эпизода, который я назвалъ раньше изумительнымъ.

У покойнаго Михаила Петровича была одна типичная черта: бесѣдуя съ нимъ, трудно бывало отгадать въ извѣстныхъ случаяхъ, иронизируетъ ли онъ, или серьезно го-

воритъ: свою иронію, подчасъ очень тонкую, онъ такъ перемѣшивалъ съ серьезнымъ,—такимъ ровнымъ, спокойнымъ тономъ преподносилъ ее слушателямъ, что чрезвычайно легко могъ ввести въ заблужденіе всякаго. Я замѣчалъ, что у него въ такіе моменты только одна бровь чуть-чуть бывало приподнималась выше другой.

И вотъ теперь, когда я прочелъ у Дейча этотъ эпизодъ, вся эта сцена живо нарисовалась передъ моими глазами въ слѣдующемъ видѣ:

— Какъ же вы думаете, Михайло Петровичъ, чего можно ожидать теперь послѣ случившагося?—спросилъ Кравчинскій (т.-е. послѣ 1-го марта).

— Чего ожидать?—переспросилъ Драгомановъ. У него слегка поднялась одна бровь, и онъ, уставивъ свои сѣрые, серьезные глаза въ Кравчинскаго, проговорилъ:—Думаю, что первымъ дѣломъ меня повѣсятъ.

— Кто? За что?—удивленно воскликнулъ Кравчинскій.

— Да ваши же террористы, конечно, когда захватятъ власть въ свои руки,—отвѣчалъ Драгомановъ.

Какъ посмотрѣлъ тогда на эту драгомановскую выходку самъ Кравчинскій,—объ этомъ Дейчъ не сообщаетъ; видимо, однако, Кравчинскій передалъ товарищамъ буквально слова Драгоманова. Но мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ не надо было обладать особенной догадливостью для того, чтобы уловить иронію, прозвучавшую въ словахъ Драгоманова,—она тутъ совсѣмъ даже не была скрыта; и трудно допустить, чтобы Кравчинскій, отличавшійся наблюдательностью, могъ такъ грубо обмануться. Въ самомъ дѣлѣ, что бы это была за политическая партія и какіе шансы могла имѣть она для захвата власти въ Россіи, если бы самымъ важнымъ и первымъ своимъ дѣломъ она ставила повѣшеніе Драгоманова? Въ устахъ историка Драгоманова это могло прозвучать только какъ иронія.

Но Дейчъ его слова оцѣнилъ по своему; принявъ ихъ за чистую монету, онъ сдѣлалъ выводъ, что Драгомановъ вѣрилъ въ захватъ власти народовольцами и, слѣдовательно, очень преувеличивалъ силу и значеніе этой революціонной партіи. А сдѣлавъ такой выводъ, Дейчъ, помимо другихъ, курьезныхъ обобщеній о русскомъ обществѣ и его тогдашнихъ настроеніяхъ, въ частности по отношенію къ Драгоманову, впалъ между прочимъ въ слѣдующее противорѣчіе: съ одной стороны, по его словамъ,

Драгомановъ вѣрилъ въ силу революціонеровъ и боялся, что они, захвативъ власть, его повѣсятъ,—боялся до такой степени, что у Дейча явилось даже желаніе какъ-нибудь его успокоить; съ другой стороны, Драгомановъ въ это же самое время издалъ свою брошюру „La tyrannicide etc.“, направленную противъ революціонеровъ, и Дейчъ сообщаетъ объ этомъ фактѣ, повидимому, нисколько не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ фактъ служитъ къ опроверженію сдѣланныхъ имъ же нѣсколькими строками выше обобщеній. Какъ же все это согласить? И ужъ не для того ли Драгомановъ печаталъ эту брошюру, чтобы „Исполнительный комитетъ“ на самомъ дѣлѣ его повѣсилъ, какъ только захватитъ власть?!..

Вотъ, какъ говорится: „Ні пришити, ні прилатати одного до другого!“ Такая есть пословица у насъ на Подоліи, очень подходящая къ данному случаю.

Влад. Дебогорій-Мокріевичъ.

18-го декабря 1914 года.

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ім. ШЕВЧЕНКА У ЛЬВОВІ

Изъ откликовъ русской печати.

I. Значеніе украинскаго народа въ исторіи освобожденія южныхъ славянъ.

Краткую историческую справку объ участіи украинскаго народа въ дѣлѣ освобожденія южныхъ славянъ даетъ проф. Н. Ф. Сумцовъ въ одной изъ своихъ статей, вызванныхъ войной, на столбцахъ „Южнаго Края“ [1]). Отмѣчая главныя историческія даты изъ борьбы украинскаго народа съ турками, проф. Н. Ф. Сумцовъ совершенно вѣрно полагаетъ, что „если Турція нынѣ валится, то первую роль въ многовѣковой исторической драмѣ ея паденія сыграли украинцы“. Читатель не посѣтуетъ, если мы возстановимъ въ его памяти забытыя страницы изъ исторіи Украины, пользуясь для этого статьей уважаемаго харьковскаго профессора, и если по прочтеніи ихъ онъ еще болѣе укрѣпится въ признаніи того несоотвѣтствія, какое бросается въ глаза при сопоставленіи историческихъ заслугъ украинскаго народа въ освободительномъ движеніи славянства и того положенія, въ которомъ украинскій народъ пребываетъ въ настоящее время благодаря враждебнымъ усиліямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ славянскихъ соплеменниковъ, вѣрнѣе, благодаря отдѣльнымъ и вліятельнымъ группамъ послѣднихъ.

«Извѣстный ученый, нынѣ покойный, Гильфердингъ высказалъ мысль, что Украина—мостъ, связывающій сѣверныхъ и южныхъ славянъ. Мысль эта вѣрна въ приложеніи къ происхожденію славянской освободительной идеи,—въ той ея формѣ, которая относится къ освобожденію славянъ отъ турецкаго ига. Эта идея возникла и выросла на украинской почвѣ, воспитана условіями жизни старой Украины, ея борьбы съ татарами и турками въ XVI—XVII ст., воспѣта въ ея народныхъ историческихъ думахъ и пѣсняхъ, дала яркія отраженія въ старой украинской литературѣ.

Покрытая мракомъ невѣжества Москва, въ узкихъ и замкнутыхъ рамкахъ жизни, стояла далеко отъ южныхъ славянъ, мало

[1]) № 11050.

ими интересовалась и хотя считала себя третьимъ Римомъ, но понимала его въ духѣ византійскаго православія.

Польша тянула къ католическому Западу; на порабощенный славянскій югъ она обращала мало вниманія. Стефанъ Баторій и Янъ Замойскій стремились въ XVI в. присоединить Москву къ Польшѣ и воспользоваться ея силами для борьбы съ турками, но примѣшивали къ этому постороннюю цѣль,—введеніе въ Москвѣ католицизма. Блестящее выступленіе въ XVII вѣкѣ Яна Собѣсскаго имѣло случайный эпизодическій характеръ.

Русь—Украина была просвѣщеннѣе Москвы и стояла ближе южнымъ славянамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Часто страдая отъ турокъ и татаръ, украинскій народъ рано понялъ необходимость объединенія славянъ для борьбы съ турками; ранѣе всѣхъ вступилъ онъ въ эту борьбу и велъ ее съ перемѣннымъ счастьемъ, на свой рискъ и страхъ, на свои собственныя средства, безъ поддержки поляковъ, иногда при противодѣйствіи съ ихъ стороны, при живомъ общеніи съ румынами, частью сухимъ путемъ черезъ Молдавію и Валахію, частью морскимъ, въ видѣ морскихъ набѣговъ на Варну и самый Стамбулъ.

Въ XVII ст. украинцы уже имѣли ясную идею о славянствѣ, какъ цѣломъ, и гордились имъ. Въ стихотвореніи Седовскаго 1641 года говорится съ очевиднымъ поэтическимъ преувеличеніемъ, что «широкость славянскаго діалекта равняется ширинѣ земного шара».

Лазарь Барановичъ, черниговскій архіепископъ XVII ст., талантливый писатель и тонкій политическій дѣятель, съ одной стороны, стремился оградить Украину отъ московскихъ воеводъ, съ другой—одновременно стремился къ объединенію украинцевъ съ великороссами и поляками для борьбы съ турками. Съ наибольшей ясностью его національныя и политическія стремленія этого рода выражены въ сборникѣ стихотвореній на польскомъ языкѣ «Lutnia Apollonowa» 1671 г. Барановичъ владѣлъ хорошо польскимъ языкомъ и пользовался имъ для выраженія своихъ національныхъ украинскихъ идеаловъ. Его любимой мечтой была побѣда надъ турками и освобожденіе угнетаемыхъ ими народовъ.

O Slawna Rus, swoj kurek
Niech obroci na Turek,
A tam bracia wyzwoli,
Le w, niewoli ich boli....
Cemus' o bratu niedbały
Brat tvoj w Turczech sypié waly
W okowach swe nogi nose,
Sztuki chleba zebrzak prosi....

Т.-е.: Славная Русь! Обрати свое оружіе на турокъ и освободи своихъ братьевъ изъ неволи; не будь небрежна къ ихъ долѣ: они насыпаютъ валы въ Турціи, въ оковахъ волокутъ ноги и просятъ, какъ нищіе, кусокъ хлѣба.

Несмотря на жестокія войны украинцевъ съ поляками, Бара-

новичъ проводилъ мысль, что если бы эти народы соединились для борьбы съ турками, давно бы уже ихъ одолѣли.

By obrocily sily na Turczyna,
Dawno by zbili tego poganina....

Барановичъ взывалъ:

Mezny Rusinê nie wadzsie s polaki...
Jest z kim probowac sily, turka z tataramy
Zobiciè; teby nadarzy Pan Bog was scarbami.

Т.-е.: Мужественный русинъ, не сорься съ поляками; есть съ кѣмъ у тебя помѣрять силы, разгромите вмѣстѣ турокъ и татаръ, и Богъ наградитъ васъ...

Украинцы, въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, не разъ протягивали руку полякамъ, но, ослѣпленные духомъ шляхетскаго высокомѣрія и религіозной нетерпимости, поляки отворачивались и тѣмъ лишь ускорили свое паденіе. Эту руку во второй половинѣ XVII в. взяла болѣе дальновидная Москва, что послужило толчкомъ къ переносу съ юга на сѣверъ идеи покровительства славянамъ.

Когда двѣсти лѣтъ спустя, въ 1858 г., Шевченко писалъ:

Оттак то, ляше, друже, брате!
Неситиі ксензи, магнати
Нас порізнили, розвели...
Подай же руку козакові,
І сердце чистее подай,
І знову іменем Христовим
Возобновим наш тихій рай!

Когда Шевченко писалъ этотъ призывъ, онъ стоялъ на почвѣ старой исторической традиціи.

Во второй половинѣ XVII вѣка многіе украинцы переселились въ Москву,—въ положеніи руководящей культурной силы; и съ ними въ Москву перешла и здѣсь ими была закрѣплена славянская идея. Царевна Софья и Петръ Великій стремились провести ее въ духѣ пожеланій Лазаря Барановича.

Если Турція нынѣ валится, то первую роль въ многовѣковой исторической драмѣ ея паденія сыграли украинцы; за ними пошли другіе славяне, преимущественно великороссы, глубоко усвоившіе выработанную украинцами идею освобожденія южныхъ славянъ отъ турецкой неволи.

Воевалъ украинскій народъ съ землей турецкой, «вѣрой бусурманской» много вѣковъ собственными силами, ходилъ помогать румынамъ еще при Богданѣ Хмельницкомъ, помогалъ полякамъ много разъ, всегда шелъ рука-объ-руку въ первыхъ рядахъ съ великоруссами. Въ послѣднюю русско-турецкую войну за освобожденіе болгаръ первыми за Дунай пошли и наиболѣе тяжкія потери понесли полки изъ украинцевъ, уроженцевъ украинскихъ губерній; въ концѣ 70-хъ годовъ въ мѣстныхъ газетахъ шли длинные столбцы съ именами убитыхъ на поляхъ сраженій украинцевъ

губерній Харьковской, Полтавской, Кіевской, Волынской и друг. Днѣпръ и Дунай унесли въ Черное море такъ много украинской крови, что нужно только удивляться, какъ оно не стало краснымъ, неизмѣнно сохранило небесный цвѣтъ лазури, и зоветъ народы къ жизни и къ радости.

Проф. Ф. Н. Сумцовъ.

II. „Одесскій Листокъ“ объ „австрійской оріентаціи“ М. Грушевскаго.

Въ связи съ арестомъ проф. М. Грушевскаго и непрекращающимися нападками на него націоналистическихъ газетъ А. Мережинъ въ „Одесскомъ Листкѣ“ (4 февраля, № 33) въ обстоятельной статьѣ вскрываетъ бездоказательность обвиненій, предъявляемыхъ этими органами къ украинскому ученому.

«Въ послѣднее время,—говоритъ авторъ,—извѣстный украинскій ученый проф. М. С. Грушевскій сталъ мишенью для стрѣлъ нашихъ націоналистическихъ и примыкающихъ къ нимъ органовъ. «Въ послѣднее время»—это не совсѣмъ точно. Съ тѣхъ поръ, какъ проф. Грушевскій поставилъ, на имѣвшемъ состояться въ 1899 г. въ Кіевѣ археологическомъ съѣздѣ, ребромъ вопросъ о допущеніи рефератовъ на украинскомъ языкѣ,—нападки на него со стороны опредѣленныхъ круговъ не прекращались. Но въ послѣднее время эти нападки получили, соотвѣтственно моменту, опредѣленную окраску.

Теперь уже не довольствуются обвиненіями въ сепаратизмѣ вообще, такъ какъ это обвиненіе въ связи съ войной потеряло весь свой смыслъ. Нѣтъ того народа, котораго бы «смутьяны» не обвиняли въ сепаратизмѣ.

Теперь, чтобы заслужить, не скажу, довѣрія, но хотя бы вниманія, необходимо указать конкретно, въ чемъ и гдѣ проявился этотъ сепаратизмъ. Пришлось и въ отношеніи проф. Грушевскаго измѣнить тактику и указать на что-либо конкретное. Но какъ доказать конкретно его сепаратизмъ и враждебность Россіи, когда дѣятельность его, научная и общественная, протекала у всѣхъ на глазахъ и когда нѣтъ ни одного факта для подтвержденія клеветы. Съ начала своей литературной дѣятельности въ 1888 г. по 1904 г. проф. Грушевскій написалъ 549 работъ на разныя научныя и общественныя темы. Съ тѣхъ поръ творчество его не прекращалось ни на день. Мы имѣемъ восемь томовъ его «Исторіи Украины». Отдѣльныя его работы издавались Императорской академіей наукъ и печатались даже въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (№ 3, 1904 г.). Въ 1906 году онъ былъ избранъ харьковскимъ университетомъ докторомъ русской исторіи honoris causa. Все это каждому извѣстно, и нигдѣ, ни въ

одномъ его произведеніи, ни въ одномъ выступленіи никакой враждебности Россіи не обнаружено. Какъ же быть съ вещественными доказательствами? Гдѣ ихъ добыть?

Но тутъ прибѣгли къ старому испытанному пріему: указать такіе «факты», сослаться на такія «выступленія», которые трудно провѣрить.

— У насъ, въ Россіи,—говорятъ «смутьяны»,—проф. Грушевскій ничего не говорилъ и не писалъ «такого», но тамъ, во Львовѣ, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ университета, предсѣдателемъ научнаго товарищества имени Шевченка и редакторомъ его изданій,—тамъ онъ былъ однимъ изъ активныхъ проводниковъ «австрійской оріентаціи» среди украинцевъ, къ каковой оріентаціи онъ призывалъ также и русскихъ украинцевъ. Такъ какъ это дѣлалось въ Галиціи, то намъ это неизвѣстно.

Возникаетъ, конечно, вопросъ, почему ничего опредѣленнаго и конкретнаго не могутъ указать также галицкіе москвофилы, которые жили и дѣйствовали вмѣстѣ съ проф. Грушевскимъ въ томъ же Львовѣ. А вѣдь они, вообще говоря, довольно старательны въ подборѣ фактовъ и ихъ комментированіи. Но такой вопросъ задастъ разбирающійся въ общественныхъ вопросахъ человѣкъ, а ссылка на Галицію имѣетъ въ виду другой кругъ людей».

Отмѣчая далѣе статью Л. Бурчака, помѣщенную въ № 11—12 нашего журнала за прошлый годъ, и признавая появленіе ея вполнѣ своевременнымъ, А. Мережинъ приводитъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ статьи проф. М. Грушевскаго, напечатанной въ іюньской книжкѣ „Літературно-Наукового Вістника“ за прошлый годъ („Сараївська трагедія“), характеризующихъ подлинную позицію украинскаго ученаго въ такъ-называемой „австрійской оріентаціи“.

Проф. М. Грушевскій, какъ знаютъ уже наши читатели, является сторонникомъ „болѣе общихъ и принципіальныхъ соображеній, которыя диктуютъ украинской національной политикѣ не итти за чужими плохими примѣрами, не надѣяться на разрѣшеніе украинской проблемы съ помощью какихъ-то сторонніхъ вліяній, а строить ее только на органическомъ развитіи своихъ собственныхъ національныхъ силъ, способовъ и возможностей“. Цитируя приведенную выдержку изъ названной выше статьи проф. М. Грушевскаго и рядъ другихъ, А. Мережинъ въ заключеніе говоритъ:

«Большей ясности и опредѣленности трудно себѣ представить. Вѣскость этихъ словъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они писались наканунѣ войны, т.-е. въ такой моментъ, когда всякій проникнутый австрійской оріентаціей счелъ бы своимъ долгомъ подогрѣвать австрофильскія чувства галицкихъ украинцевъ, а не охлаждать ихъ.

Яснѣе яснаго, что говорить объ австрофильствѣ проф. Грушевскаго или, тѣмъ болѣе, о томъ, что онъ пропагандировалъ его среди русскихъ украинцевъ, могутъ только безнадежные сикофанты».

III. Положеніе украинской печати.

Распоряженіемъ начальника кіевскаго военнаго округа взято назадъ изданное 9 января распоряженіе о пріостановленіи всѣхъ изданій въ предѣлахъ округа, выходившихъ на украинскомъ языкѣ. Первоначальное распоряженіе однако осталось въ силѣ по отношенію къ ежедневной газетѣ „Рада“ и журналамъ—педагогическому „Світло“ и „Літературно-Науковому Вістнику“. Такимъ образомъ, правомъ возобновленія на изданіе могутъ воспользоваться научные и спеціальные органы, закрытые постановленіемъ отъ 9 января.

Отмѣчая новое распоряженіе начальника кіевскаго военнаго округа, „Русскія Вѣдомости“ высказываютъ слѣдующія, раздѣляемыя и нами, соображенія:

Къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ невыясненнымъ, будутъ ли они въ состояніи воспользоваться этой предполагаемой возможностью. Дѣло въ томъ, что непремѣннымъ «условіемъ выхода въ свѣтъ малорусскихъ изданій поставлено соблюденіе общепринятаго въ русскомъ языкѣ правописанія», и это условіе является настолько же непонятнымъ по существу, насколько и стѣснительнымъ на практикѣ. Фонетическія особенности украинскаго языка, конечно, не укладываются въ рамки «общепринятаго въ русскомъ языкѣ правописанія». И это понятно. Если даже и въ русской научной литературѣ раздаются голоса о неудовлетворительности «общепринятаго правописанія» для русскаго же языка, то тѣмъ болѣе должна эта неудовлетворительность сказываться при примѣненіи этого правописанія къ другому языку. Въ украинскомъ языкѣ есть звуки, отсутствующіе въ русскомъ, въ другихъ есть свои оттѣнки, не передаваемые чужимъ правописаніемъ. Это привело уже къ тому, что старыя украинскія изданія, употреблявшія навязанное правописаніе (до 1905 г.), остались безъ читателя, и издатели вновь стали передъ практическимъ вопросомъ, слѣдуетъ ли выпускать свои изданія въ такомъ видѣ, который явно препятствуетъ распространенію книги. Вопросъ настолько серьезный, что можетъ совершенно парализовать,—на время, конечно,—украинскую книжную и журнальную продукцію. Цензура ссылается на извѣстный актъ 1876 г., которымъ предписывалось общерусское правописаніе для украинскихъ изданій.

Но этотъ актъ, какъ не опубликованный ни въ свое время, ни послѣ и не вошедшій ни въ одинъ изъ сборниковъ законодательныхъ актовъ, вообще не имѣетъ силы закона, тѣмъ болѣе, что временныя правила 1905 г. отмѣнили его во всѣхъ частяхъ (запрещеніе научной и популярной литературы, періодической печати и т. п.).

Такимъ образомъ, передъ украинской печатью, даже не политической, сооружена такая запруда, которая грозитъ фактически уничтожить признанное теоретически право выпускать въ свѣтъ повременныя изданія. Кому и для чего это нужно?..

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Проф. М. С. Грушевскій, содержавшійся, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ Лукьяновской тюрьмѣ, въ настоящее время, по сообщенію газетъ, высланъ на жительство въ г. Симбирскъ. Первоначально мѣстомъ ссылки украинскаго ученаго была назначена Томская губернія, но послѣ ходатайства «трехъ видныхъ русскихъ академиковъ» признано было возможнымъ замѣнить Томскую губернію г. Симбирскомъ, куда и выѣхалъ проф. М. Грушевскій на жительство въ 20-хъ числахъ февраля мѣсяца.

Новое распоряженіе начальника кіевскаго военнаго округа объ украинскихъ изданіяхъ. Какъ мы сообщали въ предыдущей книжкѣ нашего журнала, распоряженіемъ высшихъ военныхъ властей кіевскаго округа постановлено было «пріостановить на все время военнаго положенія всѣ періодическія изданія на малорусскомъ нарѣчіи». Нынѣ это распоряженіе отмѣнено и украинскимъ изданіямъ предоставлено право выхода въ свѣтъ при условіи соблюденія государственнаго правописанія. Отмѣна распоряженія не распространяется на пріостановленныя по спеціальному распоряженію ежедневную газету «Рада», педагогическій журналъ «Світло» и «Литературно-Науковий Вістник». Неизвѣстно, воспользуются ли, при создавшихся условіяхъ, украинскія изданія новымъ распоряженіемъ начальника кіевскаго военнаго округа.

— Намъ сообщаютъ, что въ Харьковѣ предполагается изданіе ежемѣсячнаго украинскаго общественнаго литературнаго журнала «Основа».

Третья очередная выставка украинскаго архитектурно-художественнаго отдѣла харьковскаго литературно-художественнаго кружка. Украинскій архитектурно-художественный отдѣлъ при харьковскомъ литературно-художественномъ кружкѣ, о дѣятельности котораго въ области украинскаго искусства намъ приходилось уже говорить, продолжаетъ энергично работать. 1-го февраля имъ была открыта третья очередная выставка, въ которой приняли участіе слѣдующіе художники: М. А. Беркосъ, С. И. Васильковскій, К. К. Первухинъ, профессоръ академіи художествъ Н. С. Самокишъ, художникъ морского вѣдомства М. С. Ткаченко, Н. М. Уваровъ и художники-любители Б. К. Пилипенко и В. Г.

Фавръ. Изъ архитекторовъ: К. Н. Жуковъ, В. Г. Леонтовичъ, А. М. Литвиненко, Н. Е. Макаренко, С. П. Тимошенко, инженеръ-технологъ В. Н. Галицкій и др. Кромѣ того, каневское уѣздное земство: А. М. Иваницкій, М. М. Дашкевичъ, С. А. Таранушенко и др.; въ скульптурномъ отдѣлѣ—В. А. Литягина и Г. І. Риха.

Обозрѣватель выставки С. К—ъ дѣлится въ «Южномъ Краѣ» слѣдующими впечатлѣніями:

І. Живопись. Нашъ маститый художникъ С. И. Васильковскій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выставилъ цѣлую серію типовъ украинскихъ церквей (5); особенно интересны и красивы церкви Галиціи (9 штукъ); изъ церквей русской Украины особенно интересна, какъ картина, церковь на Волынѣ, въ Овручскомъ уѣздѣ (№ 6); освѣщеніе облаковъ удивительно эффектно, да и на всѣхъ другихъ «архитектурныхъ» картинахъ пейзажи написаны «по-Васильковски». Пейзажей на эту выставку С. И. Васильковскій далъ, къ сожалѣнію, мало—всего 13 пейзажей (на прошлой выставкѣ ихъ было 35). Изъ его пейзажей намъ больше нравится № 22—«Уступъ р. Донца»,—воздухъ, небо, вода и отраженіе въ водѣ удивительно хороши; такъ же хорошъ № 23 — «На рѣкѣ Донцѣ. Очень красива сочно написанная «Ковыльная степь» (№ 19); большое полотно: воздухъ, ковыль, дали и фигуры двухъ верховыхъ запорожцевъ написаны удивительно хорошо, и чувствуется, что въ степи стоитъ жара, воздухъ раскаленъ; намъ кажется, слѣдовало бы нѣсколько успокоить тучи на срединѣ неба—онѣ лѣзутъ впередъ. Красивое пятно (№ 26)—«Осенній вечеръ»—солнечный закатъ на морѣ. Красочна большая акварель «Выслѣживаютъ врага» (№ 27) съ верховыми казаками. Первая фигура намъ меньше нравится, зато въ остальныхъ и особенно во второй много движенія. На всѣхъ пейзажахъ много воздуха, свѣта. Вообще картины г. Васильковскаго это—поэзія красокъ.

М. А. Беркосъ далъ шесть картинъ (4 масла и 2 акварели). Больше друихъ намъ нравится № 3 «Въ усадьбѣ»; чувствуется, что художникъ писалъ ее съ большой любовью. Индюки написаны великолѣпно; намъ кажется, что фигура дѣвочки нѣсколько мала; вообще картина очень красивая. Хорошъ (№ 2) «Хуторъ». «Лѣтомъ (№ 6) — красивое пятно, много солнца, но слишкомъ много зелени. «Ночью» (№ 1)—огромное полотно, изображаетъ зимнюю лунную ночь въ лѣсу со стаей голодныхъ волковъ, вдали видѣнъ монастырь или церковь. Вся картина слишкомъ темна. Изъ акварелей намъ больше нравится по тону «Зимой» (№ 5). Вообще г. Беркосъ—большой мастеръ.

На выставкѣ имѣется единственная небольшая картина только нѣсколько дней тому назадъ умершаго въ Москвѣ художника К. К. Первухина—«Лагуны». Очень красивая вещица, но пропадаетъ для зрителей благодаря ужасной монтировкѣ,—рама совершенно ее убиваетъ,—точно нарочно вставлена въ такую раму, чтобы ее никто не замѣтилъ. Жаль!

Профессоръ Н. С. Самокишъ далъ шесть вещей—3 масла, 1 акварель и 2 рисунка перомъ. Два самыхъ крупныхъ очень

интересныхъ полотна являются собственностью Н. В. Фенина. Самое большое полотно (декоративное пано) написано очень тонко, живописуетъ отдыхъ путешественниковъ XVIII вѣка на лужайкѣ, близъ моря. На первомъ планѣ три барышни и два кавалера, всѣ въ костюмахъ XVIII вѣка, здѣсь же стоитъ борзая собака; на второмъ планѣ запряженная старинная карета, тутъ же конюхъ держитъ подъ уздцы двухъ осѣдланныхъ лошадей. Всѣ фигуры людей, лошадей и собаки написаны великолѣпно, яркими, но нѣжными тонами, въ нихъ много движенія. Картина производитъ большое впечатлѣніе, отъ нея такъ и вѣетъ стариной.

Второе большое полотно, «Табунъ у водопоя» (№ 2), также очень красиво, написано сочно, лошади стоятъ «какъ живыя», и даже въ покойно стоящемъ табунѣ много движенія. Третій небольшой холстъ (№ 3) «Скачущій табунъ»—этюдъ. На первомъ планѣ скачущій верхомъ безъ сѣдла пастухъ. Лошадь написана великолѣпно, движеніе передано удивительно. Хорошо написанъ и пейзажъ.

Б. К. Пилипенко далъ три небольшихъ картины: № 1—«Звоница Доминицкаго монастыря», № 2—«Костелъ XVII вѣка» и № 3—«Около монастыря».

Художникъ морского вѣдомства М. С. Ткаченко давно такъ полно не показывалъ себя Харькову; на настоящую выставку онъ далъ 23 холста (на прошлой было 2)—18 пейзажей и архитектуры и 5 маринъ. Изъ морскихъ видовъ намъ больше нравится: «Подъ солнцемъ» № 10, «Во время отлива» № 5—яркое красочное пятно, № 1—«Восходъ луны»—большая марина, вода и отраженіе въ ней луны очень хороши, небо же и прибрежная волна мало трогаетъ; въ общемъ картина красива, но ее слѣдовало бы назвать «Взошла луна»—послѣдняя стоитъ надъ горизонтомъ довольно высоко.

Изъ пейзажей намъ больше всего нравится № 21 «Осокоръ»—этюдъ. Написанъ этотъ этюдъ поразительно хорошо, масса воздуха, на первомъ планѣ дерево-осокоръ стоитъ какъ живое. Это—шедевръ. Очень хороша по нѣжности тоновъ небольшая картина № 6 «Видъ Сены» (Булонскій лѣсъ); затѣмъ зимній пейзажъ «Ясный день» (№ 3)—снѣгъ, тѣни и стволы сосенъ залиты солнцемъ, очень хороши. № 2 «Млины»—довольно большое полотно, написано очень ярко и сочно въ желтыхъ тонахъ, вся картина залита лучами заходящаго солнца. Хорошъ № 16 «Ганокъ» (крытое крыльцо) дома Галагана въ Полтавской губерніи. Красивъ маленькій этюдъ № 7 «Въ Булонскомъ лѣсу». № 11—самое большое полотно изъ выставленныхъ г. Ткаченко вещей—«Въ іюнѣ»,—изображаетъ крестьянскую хату, залитую яркимъ іюньскимъ солнцемъ. Много воздуха, свѣта, прекрасныя деревья и падающія отъ нихъ на хату тѣни. Картина ярка и красива. Хорошъ № 12 «Будинокъ» и № 13 «Хата». Вообще намъ нравится кисть М. С. Ткаченко по своей сочности.

Н. М. Уваровъ выставилъ только двѣ вещи: № 1—портретъ въ натуральную величину И. М. Бичъ-Лубенскаго,—написанъ

онъ очень хорошо, какъ и вообще всѣ портреты этого прекраснаго портретиста. Что касается его второй вещи—«Среди учителей» (№ 2),—можно только пожалѣть, что ей дали мѣсто на выставкѣ. Правда, это «шаржъ», и на выставкѣ карикатуръ вещь эта, пожалуй, была бы на мѣстѣ, на настоящей же выставкѣ она производитъ непріятное впечатлѣніе.

Художникъ-любитель В. Г. Фавръ далъ восемь маленькихъ картинокъ; больше другихъ намъ нравится «Повѣяло весной» (№ 2) и «Вотъ мельница... веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ» (№ 8). Пріятный по тону этюдъ № 7 «Стога». № 1, «Въ осеннюю слякоть»—теменъ, написанъ черно-коричневыми тонами, а слякоти все-таки нѣтъ.

II. Архитектура. Объ архитектурѣ мы скажемъ только нѣсколько словъ, не считая себя спеціалистами въ этой отрасли.

К. Н. Жуковъ далъ нѣсколько проектовъ и эскизовъ (7). Очень красиво земское народное училище въ г. Волчанскѣ (№ 1), красивъ и оригиналенъ проектъ дачи доктора О'Гонъ въ Полтавской губерніи (№ 2), сдѣланный, такъ сказать, по Гоголю, на что въ каталогѣ и сдѣлано указаніе авторомъ. № 6—проектъ санаторіи въ Крыму—перспективный видъ лѣваго крыла фасада, очень красивъ по архитектурнымъ массамъ и компоновкѣ.

Каневское уѣздное земство Кіевской губерніи дало два проекта—четырехкласснаго училища и земской лечебницы,—оба неинтересны и нестильны.

Не дурны по простотѣ и окраскѣ «эскизы домика въ пригородѣ» А. М. Литовченко.

С. П. Тимошенко далъ 8 эскизовъ и проектовъ. Очень красивы проекты: гимназіи въ Лозовой-Павловкѣ, дома г. Грузова въ поселкѣ «Новый Харьковъ», дачи на берегу Чернаго моря. Дачи г. Тимошенко вообще удивительно изящны и красивы. Хороши его эскизы воротъ и калитокъ. Вся архитектура, конечно, въ украинскомъ стилѣ.

На выставкѣ имѣются двѣ чрезвычайно интересныя и цѣнныя коллекціи фотографій. Архитекторъ В. Г. Леонтовичъ далъ коллекціи деревянныхъ украинскихъ церквей на Волыни (104 снимка), а г-нъ «S. P.»—двѣ коллекціи: «Матеріалы по украинскому зодчеству» (24 снимка) и «Слободская Украина» (22 снимка).

Для любителей древняго зодчества и спеціалистовъ коллекціи эти представляютъ огромный интересъ.

Заканчивая бѣглый обзоръ третьей очередной выставки украинскаго архитектурно-художественнаго отдѣла, нужно сказать, что отдѣлъ этотъ работаетъ, что называется, не покладая рукъ,—съ каждымъ годомъ выставка дѣлается все болѣе интересной и все болѣе и болѣе привлекаетъ посѣтителей.

Война сказалась и на выставкѣ,—никакихъ заграничныхъ экспонатовъ въ этомъ году нѣтъ.

Отклики украинской молодежи на смерть грузинскаго поэта кн. Церетели. По сообщенію «Русскихъ Вѣдомостей», украинская

учащаяся молодежь обратилась со слѣдующимъ письмомъ по поводу смерти грузинскаго національнаго поэта:

«Грохотъ пушекъ не заглушитъ чувствъ глубокой скорби по національной утратѣ. Церетели и Шевченко были близкими друзьями. Эти два славныхъ имени составляютъ живой символъ нашихъ надеждъ, чаяній и стремленій».

Къ пребыванію митрополита А. Шептицкаго въ Курскѣ. Въ связи съ запросомъ въ бюджетной комиссіи объ инцидентахъ съ уніатскимъ митрополитомъ А. Шептицкимъ епископъ курскій Тихонъ сообщилъ св. синоду, что «случая удаленія А. Шептицкаго изъ церкви Знаменскаго монастыря не было и не было такого случая ни въ одной изъ церквей г. Курска».

Корреспондентъ «Русскаго Слова» по этому поводу «изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ» устанавливаетъ слѣдующее:

Вскорѣ послѣ прибытія въ Курскъ, 26-го сентября, въ день празднованія Іоанна Богослова, гр. А. Шептицкій съ разрѣшенія губернатора Н. П. Муратова явился въ сопровожденіи полицейскаго чиновника въ Знаменскій монастырь и выслушалъ всю литургію.

Послѣ литургіи архіепископъ Тихонъ выразилъ губернатору Н. П. Муратову свое неудовольствіе по поводу того, что гр. Шептицкій—католикъ—оставался въ храмѣ и послѣ возгласа «Оглашенніи, изыдите», и просилъ Н. П. Муратова сдѣлать распоряженіе, чтобы сопровождающій Шептицкаго чиновникъ послѣ возгласа «Оглашенніи, изыдите» уводилъ его изъ церкви.

Н. П. Муратовъ исполнилъ желаніе архіепископа и отдалъ чинамъ полиціи соотвѣтствующее распоряженіе.

Черезъ недѣлю епископъ Шептицкій вновь явился въ Знаменскій монастырь и вновь простоялъ всю литургію.

Послѣ этого архіепископъ Тихонъ обратился къ Н. П. Муратову за разъясненіемъ, почему, несмотря на ясно выраженное имъ, архіепископомъ, желаніе гр. Шептицкій все-же оставался въ храмѣ и послѣ литургіи оглашенныхъ.

При этомъ архіепископъ выразилъ удивленіе, что хозяиномъ храма является не онъ, а администрація.

Въ итогѣ этихъ объясненій Н. П. Муратовъ запретилъ гр. Шептицкому посѣщеніе православныхъ церквей и разрѣшилъ посѣщать костелъ.

Приставъ той части, въ которой жилъ гр. Шептицкій, за неисполненіе распоряженія Н. П. Муратова былъ подвергнутъ аресту на трое сутокъ.

Въ настоящее время гр. Шептицкому запрещено посѣщеніе и костела, и онъ содержится подъ строгимъ домашнимъ арестомъ.

Украинцы на войнѣ. Изъ екатеринославскихъ украинцевъ на войнѣ находятся слѣдующія лица: членъ екатер. «Просвіти» Росинскій (призванъ солдатомъ изъ запаса).

Л. Л. Козырь—изъ начинающихъ авторовъ (взятъ на дѣйствительную службу рядовымъ).

Д. Л. Горбенко, окончившій въ этомъ году университетъ въ Кіевѣ, призванъ на службу въ качествѣ врача.

Г. В. Чмець поступила сестрой милосердія на войну.

Г. И. Коробчанскій, сотрудникъ «Дніпр. Хвиль» и «Маяка», пошелъ на войну въ качествѣ добровольца, причемъ его въ виду слабаго здоровья врачи дважды забраковали, но онъ явился въ третій разъ и былъ принятъ. Раненъ подъ Саракамышемъ и находится на излѣченіи въ ставропольскомъ госпиталѣ.

О. Л. Якуша, студентка кіевскаго университета, окончившая въ январѣ выпускные экзамены, призвана на службу въ качествѣ врача.

Смерть на позиціяхъ. 3-го сентября въ бою подъ Перемышлемъ палъ смертью героя видный кооперативный украинскій дѣятель, инструкторъ по кооперації подольскаго губернскаго земства П. И. Брага.

Убитый—сынъ священника, воспитывался въ подольской духовной семинаріи. Принадлежалъ онъ къ числу учениковъ, которыхъ не удовлетворяла сухая семинарская наука и которые искали разрѣшенія такихъ міровыхъ вопросовъ, какъ религія, философія, общественная жизнь. Когда отголоски общественнаго оживленія, лучшихъ надеждъ и увлеченій проникли и за семинарскія стѣны, П. И. сталъ въ переднихъ рядахъ борцовъ за права семинаріи, за измѣненіе ея системы воспитанія, за расширеніе программы общеобразовательныхъ наукъ. Но дождаться осуществленія своихъ надеждъ ему было не суждено. За участіе въ этой борьбѣ онъ вмѣстѣ съ 60 товарищами былъ исключенъ изъ семинаріи передъ самыми экзаменами, благодаря чему лишился доступа въ высшую школу.

Послѣ этого П. И. поступилъ слушателемъ общеобразовательныхъ курсовъ въ Петроградѣ, а потомъ на сельскохоз. курсы при кіевскомъ политехническомъ институтѣ. Ему хотѣлось найти такую работу, чтобы всегда быть въ близкихъ отношеніяхъ съ народомъ, работать на его пользу. И онъ поступаетъ на должность инструктора по кооперації на Волыни, а послѣ въ родное Подолье.

Кооперація увлекла его всего, онъ отдалъ ей всю свою энергію, всю душу, силу и здоровье.

Способный и энергичный къ работѣ, онъ сѣялъ на селѣ слово знанія, правды и любви, будилъ село отъ тяжелаго сна и звалъ къ лучшему будущему.

Никто не былъ такъ чутокъ къ болямъ нашихъ т-въ, никто такъ не болѣлъ душой за ихъ судьбу, какъ П. И.

Дѣятельное участіе принималъ П. И. и въ украинской общественной жизни: былъ членомъ «Просвіти», работалъ въ издательствѣ «Дністер». Онъ несъ ту общественную работу, которая, будучи сама по себѣ малозамѣтною, неустанно ведетъ народъ къ лучшему будущему («Муравейникъ»).

— 30-го января украинскимъ общественнымъ собраніемъ «Громада» въ Петроградѣ былъ устроенъ «Український вечір сучасної (современной) украинской музики» съ участіемъ лучшихъ силъ петроградскихъ оперныхъ театровъ и хора подъ управленіемъ

Ф. Левицкаго, исполнявшаго «колядки и щедривки» по обычаю украинскаго народа. По поводу этого вечера «День» говоритъ слѣдующее:

Украинскіе вечера въ Петроградѣ всегда отличаются особымъ многолюдствомъ, и на нихъ царитъ самое непринужденное веселье. Вечеръ, устроенный украинскимъ обществомъ «Громада» 30-го января въ залѣ Калашниковской биржи, отличался особымъ оживленіемъ. Украинскимъ соединеннымъ хоромъ подъ управленіемъ г. Левицкаго была исполнена колядка «Ой, видит Бог, видит Творец, що весь міръ погибае». Но гвоздемъ вечера все-таки были галиційскія народныя пѣсни и извѣстное музыкальное произведеніе галиційскаго композитора «Коломійка». Съ большимъ успѣхомъ выступалъ также вокальный квартетъ г. Супруненка, исполнявшій исключительно малорусскія народныя пѣсни. Въ виду того, что въ настоящее время концертные вечера разрѣшаются только до 11 часовъ ночи, программа украинскаго вечера была далеко не исчерпана, но это не помѣшало публикѣ остаться довольной тѣми исполнителями, которыхъ ей удалось выслушать. Сборъ съ вечера поступитъ въ пользу клуба «Громада».

Военныя событія сдѣлали Галичину фокусомъ общественнаго вниманія. Интересъ къ ней возросъ чрезвычайно и даже, какъ извѣстно, среднія школы получили предписаніе «организовать, особенно въ столичныхъ городахъ, гдѣ для этого найдутся необходимыя ученыя силы, чтенія по славянскому вопросу, о Галиціи въ частности».

— «Кіевъ» продолжаетъ воевать. Отъ живыхъ людей, украинскихъ дѣятелей и ученыхъ, которыхъ онъ вездѣ вылавливаетъ, выслѣживаетъ, онъ постепенно переходитъ и къ неодушевленнымъ предметамъ, находя и въ нихъ эмбріоны украинской «гидры». Въ первую очередь среди этихъ предметовъ выдѣлена... вывѣска съ именемъ С. Грушевскаго (отца проф. М. Грушевскаго). Эта злополучная вывѣска не даетъ покоя газетѣ, и «Кіевъ» обрушивается на нее, такъ сказать, «короткими ударами: «народъ не знаетъ имени С. Грушевскаго», но зато, молъ, онъ знаетъ М. Грушевскаго и «будетъ немало смущенъ тѣмъ, что само правительство разрѣшило бы такое имя приставить къ школьному зданію». Аргументъ, какъ видите, неподражаемый и до него могла додуматься «своимъ умомъ» только редакція «Кіева». Можно быть увѣренныемъ, что черезъ нѣкоторое время «Кіевъ» придумаетъ еще болѣе нелѣпые аргументы противъ вывѣски, какъ и противъ другихъ неодушевленныхъ предметовъ, имѣющихъ свойство «смущать» редакцію неуравновѣшенной газетки.

Памяти А. Н. Колюбакина. Убитый въ одномъ изъ сраженій бывш. депутатъ Государственной Думы А. М. Колюбакинъ былъ популяренъ, въ особенности въ послѣднее время, и въ украинскихъ кругахъ. Колюбакинъ живо интересовался украинскимъ вопросомъ, признавалъ за нимъ большое значеніе для внутренней жизни Россіи и много содѣйствовалъ усвоенію на этотъ

вопросъ правильной точки зрѣнія въ близкихъ ему общественныхъ кругахъ. Видный украинскій общественный дѣятель, бывш. членъ первой Думы П. Чижевскій посвящаетъ въ «Рѣчи» памяти покойнаго слѣдующія теплыя строки:

«Я испытываю жгучую потребность посвятить нѣсколько строкъ памяти незабвеннаго товарища.

Оставаясь горячимъ патріотомъ общаго нашего отечества Россіи, принося на алтарь его всѣ свои силы, умъ, энергію и чувства, стремясь всѣми фибрами своего существованія къ возвеличенію мощности и славы своей родины, А. М. былъ прежде всего энтузіастомъ свободы...

Но и могущество, и славу отечества, и свободу А. М. понималъ не совсѣмъ такъ, какъ понимали эти блага нѣкоторые изъ его друзей и единомышленниковъ. Могущество Россіи А. М. видѣлъ не въ сосредоточіи всѣхъ силъ и средствъ государства и законодательной иниціативы его гражданъ въ одномъ центрѣ, а въ самомъ широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія, начиная съ наименьшей ячейки—сельскаго и волостного земства—и кончая автономными властями.

Подъ свободой А. М. подразумѣвалъ не только тѣ правовыя нормы, въ атмосферѣ которыхъ живетъ всякій гражданинъ любого правового государства, но также и право каждаго народа, входящаго въ его составъ, на національное самоопредѣленіе, то-есть, право говорить, писать, учиться на своемъ родномъ языкѣ, право развивать свою собственную національную культуру...

А. М. непоколебимо вѣрилъ, что полная, въ указанномъ смыслѣ, свобода всѣхъ національностей, населяющихъ Россію, не только не ослабитъ ея силу, не подорветъ значенія великорусскаго языка и великорусской культуры, а, напротивъ, объединивъ всѣ народы государства вокругъ великорусскаго центра, подыметъ мощь Россіи на недосягаемую высоту и будетъ только содѣйствовать развитію великорусской культуры и великорусскаго языка.

А. М. былъ убѣжденъ, что сильнѣйшая спайка государства вытекаетъ не изъ единообразія обычаевъ, языка, культуры, а изъ полной свободы всякой группы гражданъ жить и устраиваться по-своему, лишь бы только не нарушались при этомъ права другихъ гражданъ.

Но особенно близокъ и дорогъ былъ намъ А. М. своимъ отношеніемъ къ украинскому вопросу.

Считая насъ русскими, наравнѣ съ бѣлоруссами и великороссами, онъ не отнималъ у насъ права оставаться въ то же время и украинцами и не видѣлъ въ развитіи особой украинской культуры какой-либо угрозы для культуры великорусской.

По мнѣнію А. М., не тотъ несетъ рознь въ среду русскаго народа, кто отстаиваетъ права на самобытность каждой изъ трехъ великихъ его вѣтвей, а тотъ, кто стремится насильственными мѣрами сгладить и уничтожить эту самобытность».

Дѣятельность екатеринославской «Просвіти», вызванная войной.

Члены екатеринославскаго украинскаго литературно-артистическаго Общества «Просвіта», желая притти по силѣ возможности на помощь нуждающимся семьямъ запасныхъ, предложили городскому попечительству о семьяхъ запасныхъ устроить и оборудовать на свой счетъ дешевую столовую, на что со стороны попечительства послѣдовало согласіе.

Совѣтъ старшинъ Общества «Просвіта» постановилъ выдать изъ кассы Общества сумму, нужную для оборудованія столовой, и, сверхъ того, обязался давать ежемѣсячно 16 руб. на наемъ помѣщенія для столовой, намѣтивъ райономъ для столовой одну изъ нуждающихся окраинъ города, а именно Мандрыковку.

Исполнять постановленіе совѣта старшинъ, т.-е. устраивать столовую для семей запасныхъ, взялись слѣдующіе члены «Просвіти»: г-жи Д. Г. Бирюкова, Т. С. Сулима - Бычихина, Л. Е. Бѣднова, Е. С. Гаркавцева, М. Г. Коростовцева, А. Г. Павловская и В. П. Труба, при дѣятельномъ участіи членовъ попечительства Е. В. Щеголевой и А. И. Ѳедоровой (въ настоящее время тоже записавшихся въ члены О-ва «Просвіта»).

Дружными стараніями названныхъ лицъ при участіи еще нѣкоторыхъ членовъ городского попечительства, Е. К. Солодковской и мѣстнаго общественнаго дѣятеля И. Я. Акинфіева, столовая была открыта 6-го сентября 1914 г.

Изъ отчета столовой за первые четыре мѣсяца ея существованія (до 1-го января сего года) явствуетъ, что столовая въ теченіе всего этого времени содержалась исключительно на частныя пожертвованія, не получая ни откуда никакихъ субсидій.

Пожертвованія же поступали въ видѣ ежемѣсячныхъ и единовременныхъ взносовъ частью отъ членовъ «Просвіти», частью отъ постороннихъ лицъ, сочувственно отнесшихся къ гуманному выступленію «Просвіти», какъ организаціи, идущей помогать обездоленнымъ семьямъ, кормильцы которыхъ призваны въ ряды арміи.

Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ столовая отпустила обѣдовъ на 4,707 семействъ въ 13,664 порціяхъ, съ уплатою по 5 коп. съ семьи, независимо отъ числа ея членовъ (семьи въ 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 человѣкъ все равно платятъ пять копеекъ).

Сверхъ того, столовая роздала безплатно 409 порцій и 3,619 стакановъ молока для дѣтей до 4-хъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, столовая О-ва «Просвіти» накормила въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ 17,692 души, выдавая на каждую порцію, т.-е. на взрослаго человѣка, по одному фунту ржаного хлѣба, по тарелкѣ борщу или супу и по тарелкѣ какой-нибудь каши или макаронъ; дѣтямъ до 5-ти лѣтъ дается полпорціи борщу и каши, а также стаканъ молока съ полуфунтомъ бѣлаго хлѣба.

Дѣлами столовой управлялъ и управляетъ дамскій комитетъ, состоящій главнымъ образомъ изъ представительницъ украин-

ской интеллигенціи, къ числу которыхъ примкнули и русскія интеллигентки.

Молодая, пока еще первая, женская украинская въ Екатеринославѣ организація своей дружной, энергичной работой привлекаетъ къ себѣ сочувствіе общества, выражающееся въ томъ довѣріи, съ какимъ жертвователи изъ самыхъ различныхъ слоевъ, взглядовъ и направленій, несутъ свои лепты на столовую.

Всѣ вышеперечисленные члены «Просвіти», выступившіе на арену общественной дѣятельности при открытіи столовой, работаютъ въ ней и понынѣ, пополнивъ свои ряды еще новыми членами, А. Я. Куличенко и М. П. Денисенко, примкнувшими къ названной организаціи нѣсколько позже.

Въ настоящее время столовая переполнена, число нуждающихся семействъ растетъ, работа въ столовой увеличивается, но комитетъ работаетъ такъ же энергично, какъ и въ началѣ своей дѣятельности, лелѣя одну мечту—довести свою скромную работу до конца войны съ тѣмъ, чтобы въ годину тяжелаго народнаго испытанія служить народу и обществу по мѣрѣ своихъ силъ.

28-го сентября екатеринославская «Просвіта» устроила литературно-музыкально-вокальный вечеръ въ пользу раненыхъ въ зданіи екатеринославской городской управы.

28 и 29-го января былъ устроенъ въ зданіи городского художественнаго музея въ пользу подвижного госпиталя благотворительный базаръ съ концертными нумерами. «Просвіта», принимая участіе въ этомъ благомъ начинаніи, устроила нѣсколько украинскихъ кіосковъ, отличавшихся удивительно выдержаннымъ стилемъ и изяществомъ.

Особенно красивъ и стиленъ былъ гетманскій наметъ (шатеръ), въ которомъ дамы въ національныхъ украинскихъ костюмахъ продавали варенуху и разные украинскіе лакомства: вергуны, пряники, пироги и проч.

Время отъ времени близъ гетманскаго намета мѣстный кобзарь Кожушко пѣлъ старинныя думы про Морозенка, Богдана и другія.

Мужскія и женскія фигуры въ національныхъ украинскихъ костюмахъ, окружавшія кобзаря, довершали иллюзію, создаваемую гетманскимъ шатромъ.

Въ дѣло устройства украинскихъ кіосковъ много труда и средствъ вложила М. П. Хреникова и другія.

Л. Ж—ло.

Галичина.

Высылки изъ Галичины. Въ хроникѣ кіевскихъ газетъ за январь мѣсяцъ (№ 26, 32 и др.) встрѣчаются сообщенія о высылкѣ въ Томскую и др. губерніи партій плѣнныхъ изъ Галиціи. Обычно эти сообщенія говорятъ «о большихъ этапахъ», задержанныхъ по разнымъ причинамъ въ завоеванныхъ мѣстностяхъ

и высылаемыхъ на время войны». Въ сообщеніи «Кіевской Мысли» отъ 9 февр. говорится о партіи въ 62 человѣка, русинъ и гуцуловъ, задержанныхъ въ Галиціи и Буковинѣ; въ сообщеніи той же газеты (№ 26) говорится о «новомъ этапѣ въ 33 человѣка; въ сообщеніи отъ 11 февраля (№ 32)—объ этапѣ въ 52 человѣка.

Ходатайство о галицкихъ кооперативахъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Въ февральской книжкѣ (№ 3) «Кооперативной Жизни» напечатано слѣдующее сообщеніе: обращеніе къ членамъ Государственной Думы. Комитетъ обратился ко всѣмъ членамъ Государственной Думы со слѣдующимъ письмомъ.

«Комитетъ, препровождая при семъ матеріалъ, характеризующій положеніе кооперативныхъ организацій въ Галиціи, обращаетъ ваше вниманіе на важность безпрепятственнаго развитія и укрѣпленія кооперативныхъ организацій. При тѣхъ затрудненіяхъ и видоизмѣненіяхъ, которыя переживаются хозяйствомъ, безъ широкой самодѣятельности населенія, оно подвергается опасности такой разрухи, которая будетъ угрожать государственнымъ интересамъ Россіи. Въ ряду мѣръ, необходимыхъ немедленно, на первомъ мѣстѣ стоитъ безпрепятственное разрѣшеніе кооперативныхъ союзовъ.

Громадное моральное значеніе, помимо матеріальнаго, имѣло бы и широкое развитіе долгосрочныхъ ссудъ. Кредитная кооперація въ Россіи до сихъ поръ, вопреки общепризнанной истины о долгосрочности сельскохозяйственнаго кредита, развиваетъ только краткосрочный кредитъ. Въ этомъ отношеніи русское крестьянство находится въ ненормальномъ положеніи и ни въ одной странѣ, гдѣ существуетъ кооперація, крестьянское населеніе не находится въ такомъ положеніи. Комитетъ отмѣчалъ эту ненормальность еще въ 70-хъ годахъ при самомъ возникновеніи у насъ кредитной кооперації.

Препровождая вамъ нѣкоторые матеріалы, освѣщающіе нужды кооперації въ настоящее время, комитетъ надѣется, что вы найдете случай защитить интересы громадной массы населенія».

Командировка въ Галицію А. О. Бончъ-Осмоловскаго. Съ присоединеніемъ къ Россіи Галиціи въ кооперативную семью входитъ новый членъ. Кооперація въ Галиціи, какъ извѣстно, получила значительное развитіе.

Комитетъ, какъ представитель всей русской кооперації, призналъ, что на его обязанности лежитъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ.

Осуществить командировку удалось благодаря той поддержкѣ, которую оказали городскіе служащіе. Городскими служащими передано въ распоряженіе комитета 2,000 руб. для помощи населенію Галиціи. Командированъ въ Галицію А. О. Бончъ-Осмоловскій.

Возобновленіе дѣятельности украинскаго кредитно-страхового Общества Дністеръ». Украинское кредитно-страховое Общество «Днѣстеръ» во Львовѣ получило разрѣшеніе властей на возобновленіе своихъ дѣйствій. Общество закрыто было распоряженіемъ галиційскаго генералъ-губернатора вмѣстѣ съ другими Обществами и организаціями послѣ оккупаціи Галичины русскими войсками. Еще за нѣсколько дней до возобновленія дѣятельности «Дністра» въ органѣ москвофиловъ «Прикарпатская Русь» былъ напечатанъ доносъ на это Общество, но тѣмъ не менѣе и онъ не оказалъ желаннаго для москвофиловъ дѣйствія. «Дністер» представляетъ крупную финансовую организацію взаимнаго страхованія съ широкой дѣятельностью. Основанъ «Дністер» въ 1892 г. Къ 1912 году сумма его фондовъ равнялась 3.353,304,81 кр.; число заключенныхъ страхованій въ томъ же году—272,204. Въ переживаемые Галичиной дни возобновленіе дѣятельности «Дністра» является очень важной мѣрой, могущей оказать существенную помощь разоренному войною населенію.

Представлялось бы желательнымъ возстановленіе дѣятельности и другихъ мѣстныхъ экономическихъ кооперативныхъ и просвѣтительныхъ организацій, созданныхъ населеніемъ Галичины и временно прекратившихъ свою дѣятельность.

— По сообщенію «Новаго Времени», изданіе украинской газеты «Діло», выходившей во Львовѣ и закрытой послѣ занятія его русскими войсками, перенесено въ Вѣну. «Діло» выходитъ теперь еженедѣльно. По свѣдѣніямъ «Новаго Времени», въ Вѣнѣ выходитъ на нѣмецкомъ языкѣ еженедѣльникъ «Ukrain. Korrespondenzblatt».

— Во Львовѣ въ настоящее время, кромѣ офиціальнаго «Львовскаго Военнаго Слова», москвофильскихъ органовъ «Прикарпатской Руси» и «Голоса Народа», выходятъ слѣдующія польскія изданія: «Smigus», «Łowiec», «Dźwignia» и «Kosmos», а также 7 ежедневныхъ: «Słowo Polskie», «Kuryer Lwowski», «Dziennik Polski», «Gazeta Codzienna», «Gazeta Wieczorna», «Wiek Nowy», «Gazeta Narodowa». Были предприняты ходатайства передъ надлежащими властями о возобновленіи украинскихъ изданій, но эти ходатайства успѣхомъ не увѣнчались.

Православіе въ Галичинѣ. Архіепископъ Евлогій, вѣдающій галицкими приходами, обратился, по сообщенію «Бессарабской Жизни», къ св. синоду съ просьбой «поручить архіепископамъ харьковскому, литовскому, херсонскому и гродненскому и епископамъ подольскому, полтавскому, екатеринославскому, черниговскому, холмскому, полоцкому, могилевскому и минскому предложить священникамъ ввѣренныхъ имъ епархій, отличающимся примѣрнымъ пастырскимъ служеніемъ и владѣющимъ малороссійскимъ языкомъ, отправиться въ Галичину для исполненія пастырскихъ обязанностей.

Св. синодъ, признавая ходатайство преосвященнаго Евлогія заслуживающимъ удовлетворенія, опредѣлилъ поручить архі-

епископу Платону и преосвященнымъ другихъ вышеназванныхъ епархій предложить подвѣдомственнымъ имъ священникамъ, удовлетворяющимъ вышеприведеннымъ требованіямъ преосвященнаго Евлогія, отправиться въ Галичину для пастырскаго служенія, предупреждая желающихъ, что священники новооткрытыхъ православныхъ приходовъ въ Галичинѣ обезпечены жалованіемъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ получаютъ священники варшавской и холмской епархій». Какъ извѣстно, священники варшавской и холмской епархій получаютъ болѣе увеличенные оклады жалованья по сравненію съ окладами, установленными для другихъ епархій.

Командировка въ Галичину проф. Жуковича. «Рѣчь» сообщаетъ, что по порученію св. синода 29-го января выѣхалъ въ Галицію профессоръ петроградской духовной академіи П. Н. Жуковичъ съ цѣлью ознакомленія съ положеніемъ церкви въ Галиціи. Профессору Жуковичу поручено представить синоду подробный докладъ о состояніи недавно образовавшихся по иниціативѣ архіепископа Евлогія православныхъ приходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Жуковичъ на мѣстѣ обслѣдуетъ школьное дѣло и организацію церковно-приходскихъ школъ въ Галиціи.

Епископская каѳедра во Львовѣ. Св. синодъ призналъ необходимымъ, чтобы управляющій православными церквами въ Галиціи архіепископъ волынскій Евлогій переселился изъ Житомира во Львовъ, что вызывается неотложными нуждами православнаго дѣла въ новоприсоединенномъ краѣ («День», № 30).

Миссіонеръ о. Давыдовъ въ Галичинѣ. Извѣстный старообрядческій писатель Ѳ. Е. Мельниковъ разсказываетъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» интересный эпизодъ командировки въ Галичину миссіонера, обличителя старообрядцевъ.

«Въ Галицію командированы православные священники для присоединенія къ русской церкви уніатовъ. Въ число командированныхъ священниковъ попали и противостарообрядческіе миссіонеры. Они повели здѣсь агитацію противъ старообрядцевъ. Въ издающейся въ городѣ Львовѣ «Прикарпатской Руси» появились статьи миссіонера-священника Василія Демидова въ обличеніе старообрядчества. Демидовъ пытается дискредитировать старообрядцевъ въ глазахъ русскаго правительства, причемъ ссылается на совершенно вымышленныя и немыслимыя связи старообрядцевъ съ уніатскимъ митрополитомъ графомъ Шептицкимъ. Въ этомъ миссіонерскомъ походѣ старообрядцы усматриваютъ признаки готовящагося рѣшенія по вопросу о старообрядческой митрополіи. Статьи о. Демидова, несомнѣнно инспирированныя болѣе значительными лицами, чѣмъ авторъ ихъ, были немедленно перепечатаны изъ «Прикарпатской Руси» въ «Колоколѣ» г. Скворцова. Самъ Демидовъ—незначительная личность, но любопытна его біографія. Онъ по рожденію старообрядецъ изъ г. Обояни Курской губерніи. Ему предстояло итти на военную службу. Однако, онъ предпочелъ ей службу въ приходской школѣ въ качествѣ учителя. Демидовъ присоединился къ православію и былъ избавленъ отъ военной службы.

При сильной протекціи синодальнаго миссіонера о. Крючкова онъ вскорѣ получилъ и санъ іерея. Затѣмъ сталъ миссіонерничать, сначала въ г. Челябинскѣ, потомъ въ оренбургской епархіи. Когда началась война, онъ добился, чтобы его командировали въ Галицію. Здѣсь онъ старается выслужиться, и въ этомъ успѣваетъ. «Колоколъ» печатаетъ, что о. Демидовъ даже чудеса творитъ во Львовѣ».

Львовскій университетъ и украинскія каѳедры. «Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ со словъ возвратившагося изъ Галиціи завѣдующаго разрядомъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія И. И. Гливенка о возобновленіи занятій во львовскомъ университетѣ. По свидѣтельству И. И. Гливенка, «занятія въ университетѣ наладились, хотя студентовъ значительно меньше, чѣмъ въ прежніе годы». Объ языкѣ преподаванія сообщается слѣдующее:

«Какъ извѣстно, во львовскомъ университетѣ преподаваніе раньше происходило на польскомъ языкѣ, хотя было нѣсколько каѳедръ съ преподаваніемъ на языкѣ малорусскомъ. Этотъ порядокъ сохраненъ и въ настоящее время».

Перепечатывая это сообщеніе изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Русскія Вѣдомости» указываютъ на слѣдующее:

«Въ этомъ интересномъ и важномъ извѣстіи остается, къ сожалѣнію, неяснымъ, относится ли указаніе на «сохраненіе прежняго порядка» только къ польскому языку, или также и къ малорусскому».

Ассигнованіе 35,000 руб. на галицко-русскіе курсы въ Петроградѣ. Въ засѣданіи совѣта министровъ 23-го января былъ разрѣшенъ, по ходатайству галицко-русскаго Общества передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, отпускъ изъ военнаго кредита 35,000 руб. въ пособіе на содержаніе въ Петроградѣ, при женской гимназіи М. А. Лохвицкой-Скалонъ, безплатныхъ временныхъ курсовъ для учителей и учительницъ-галичанъ, на 150 чел., для ознакомленія ихъ съ русской литературой, исторіей и географіей.

Изъ современныхъ настроеній Галичины. Корреспондентъ «Голоса Москвы» (№ 34) даетъ слѣдующую картину проводимыхъ въ Галичинѣ начинаній и вызываемыхъ ими настроеній среди мѣстнаго населенія:

«Все идетъ во Львовѣ—да и во всей Восточной Галиціи—по старому руслу, по которому здѣсь потекли событія со времени возсоединенія области съ Россіей.

О дѣятельности украинскихъ Обществъ вовсе не слышно: они все еще не открыты.

Зато москвофильскія учрежденія усиленно развиваютъ свою энергію. Какъ извѣстно, послѣ образованія галиційскаго генералъ-губернаторства было открыто пять такихъ Обществъ: Общество имени Качковскаго, Общество русскихъ женщинъ «Жизнь», «Русская Рада», «Народный Домъ» и «Ставропигія».

Первое изъ нихъ приступаетъ къ организаціи въ помѣщеніи Народнаго дома ряда общедоступныхъ чтеній по русской исторіи, географіи и литературѣ.

Устраиваются новыя и возстанавливаются старыя читальни, тоже Общества имени Качковскаго, и въ городахъ и селахъ.

За первыми пятью начали разрѣшаться и другія, также москвофильскія Общества.

Лишнее говоритъ, что и всѣ другія мѣры правительственной власти направлены къ той же цѣли—поддержанію сторонниковъ «русскаго языка» противъ сторонниковъ «малороссійскаго нарѣчія».

Такъ, въ конторѣ газеты «Львовское Военное Слово», издаваемой штабомъ главнокомандующаго, организована продажа русскихъ книгъ—классиковъ, грамматикъ, хрестоматій, букварей, календарей и т. п.

Продолжается работа учебной дирекціи. Въ четырехъ городахъ—Львовѣ, Самборѣ, Станиславовѣ и Тарнополѣ, гдѣ основаны инспекціи народныхъ училищъ и учреждены педагогическіе курсы для учащихъ и образцовыя начальныя школы,—организуются педагогическія библіотеки для учащихъ и музеи наглядныхъ пособій.

И все это, конечно, для русскихъ школъ, русскихъ училищъ, на русскомъ языкѣ...

Вполнѣ терпимой мѣстная правительственная власть оказалась къ польскому обществу.

По крайней мѣрѣ, львовскому магистрату разрѣшено открыть въ городѣ польскія начальныя училища.

Какое впечатлѣніе произвело въ здѣшнихъ украинскихъ кругахъ сообщеніе «Кіевлянина», что одобренъ проектъ реформы галиційскихъ церковныхъ дѣлъ архіепископа Евлогія, будетъ понятно, если вспомнить суть этого проекта, который сводится къ созданію изъ Галичины митрополіи съ центромъ во Львовѣ и съ епископіями въ Галичѣ и Ярославѣ и къ присоединенію Буковины къ бессарабской епархіи.

При этомъ митрополитомъ львовскимъ опредѣленно назывался архіепископъ волынскій Антоній.

Какъ это послѣднее обстоятельство, такъ и взгляды автора проекта архіепископа Евлогія на галиційскій вопросъ (высокопреосвященный—сторонникъ полной руссификаціи края) даютъ совершенно опредѣленную окраску предполагаемой реформѣ.

Но она и сама по себѣ весьма характерна. И даже не тѣмъ, что въ ней указано, а тѣмъ, чего ей нехватаетъ: уніаты здѣсь не упоминаются (вѣроятно, въ предположеніи, что они въ ближайшее время станутъ православными)...

Какъ не упоминаются въ числѣ разрѣшаемыхъ общественныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній украинскія Общества и училища» («Голосъ Москвы»).

Церковно-приходскія школы въ Галичинѣ. По ходатайству архіепископа Евлогія училищный совѣтъ при св. синодѣ отпустилъ средства на оборудованіе и содержаніе 100 церковно-приходскихъ школъ въ Галичинѣ, которыя не могутъ содержаться на мѣстныя средства.

— Григ. Семешко, извѣстный сотрудникъ южныхъ газетъ, со-

сланный нынѣ въ Нарымскій край, описываетъ встрѣчу въ «Рѣчи» (№ 23) въ с. Колпашево съ австрійскими плѣнными, взятыми въ Черновицахъ при оккупаціи русскими войсками Буковины и нынѣ сосланными въ Нарымскій край:

«Дѣло было въ первый день Рождества въ селѣ Колпашево. Въ довольно грязной, съ низкимъ потолкомъ, избѣ ямщика, расположившись въ рядъ на узенькой скамейкѣ подъ стѣной, сидѣли черновицкій вице-губернаторъ Василій Дулинкевичъ, прокуроръ черновицкаго суда Лозаріусъ Норбертъ, депутатъ рейхсрата Николай Спинуль, бургомистръ гор. Черновицъ Саллу Вейсельбергеръ и адвокатъ Филиппъ Менценъ.

Видъ у всѣхъ ихъ былъ довольно неважный: общипанные какіе-то, потертые, внѣшностью они совершенно не выдавали служебнаго своего положенія.

Разговоръ у насъ съ ними пошелъ на украинскомъ языкѣ, но они держались съ большой осторожностью.

По ихъ словамъ, всѣ они арестованы какъ заложники. Предполагался обмѣнъ ихъ на арестованныя въ Галиціи семьи братьевъ Геровскихъ, и пока шли по этому поводу переговоры между русскимъ и австрійскимъ правительствами, всѣ они жили въ гор. Винницѣ и пользовались тамъ относительной свободой (жили въ гостиницѣ подъ надзоромъ полиціи); но когда трехмѣсячные переговоры не увѣнчались успѣхомъ, ихъ отправили въ Нарымскій край. Ѣхали они сюда на свой счетъ, въ сопровожденіи стражниковъ.

Во время нашей бесѣды въ избу вошелъ стражникъ, рыскавшій по селу въ поискахъ для нихъ квартиры, и сталъ поочереди здороваться со всѣми за руку, начиная съ вице-губернатора и кончая ямщикомъ, и всѣмъ имъ это показалось вполнѣ естественнымъ. Первоначально австрійцы устроились-было въ селѣ Колпашево, поселившись по два человѣка въ довольно чистенькихъ комнатахъ, но недѣли черезъ двѣ по распоряженію томскаго губернатора Дудинскаго ихъ разселили по одному въ сѣверныхъ деревняхъ Нарымскаго края».

Корреспонденція Гр. Семешко была перепечатана и другими газетами, причемъ въ передачѣ «Кіевской Мысли» авторъ корреспонденціи свой разговоръ съ плѣнными ведетъ уже не на украинскомъ, а на «малороссійскомъ» языкѣ.

Изъ Галиціи. Командированная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для обслѣдованія Галичины и Буковины особая комиссія во главѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ М. М. Пуришкевичемъ (братомъ депутата) представила отчетъ о своей поѣздкѣ.

М. М. Пуришкевичъ отмѣчаетъ, между прочимъ, неудовлетворительный составъ командированныхъ въ Галичину полицейскихъ чиновъ, отъ услугъ которыхъ генералъ-губернаторское управленіе во Львовѣ нынѣ намѣрено освободиться. Оно не упускаетъ случая замѣщать должности уѣздныхъ начальниковъ кандидатами изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ,

уѣздныхъ предводителей дворянства, совѣтниковъ губернскихъ правленій и т. д.

Жалобы на уѣздныхъ начальниковъ исходятъ не отъ одного только генералъ-губернаторскаго управленія во Львовѣ,—пишетъ М. М. Пуришкевичъ,—но почти отъ всѣхъ, съ кѣмъ только приходится встрѣчаться, причемъ наиболѣе умѣренные изъ жалующихся указываютъ на необходимость смѣнить хотя бы помощниковъ начальниковъ уѣздовъ, коими назначены становые пристава. Жалобы приходилось слышать какъ отъ военныхъ чиновъ, такъ и отъ должностныхъ лицъ и частныхъ.

Рѣчь въ такихъ случаяхъ далеко не всегда шла о поборахъ или вымогательствѣ, но больше указывали на разграбленіе имущества, оставленнаго въ пустыхъ квартирахъ бѣжавшею частью населенія. Если даже признать послѣднія жалобы бездоказательными, то все-же, казалось бы, нельзя не считаться съ тѣмъ, что по данному предмету создалось опредѣленное общественное настроеніе, и несомнѣнно, что среди коренныхъ жителей Галичины оно еще болѣе распространено, нежели въ кругахъ мѣстнаго русскаго общества и администраціи.

М. М. Пуришкевичъ констатируетъ, что условія, въ которыхъ приходится работать уѣзднымъ начальникамъ, открываютъ широкій просторъ для административнаго произвола и злоупотребленій, которыя во многихъ случаяхъ могутъ оставаться безнаказанными («Утро Россіи»).

— «Голосъ Руси» передаетъ, что архіеп. Евлогій, коему поручено управленіе церковными дѣлами въ Червонной Руси, встрѣчаетъ затрудненія въ своей дѣятельности. Вотъ что говоритъ самъ владыка:

«Мое посланіе къ галицкому народу вызвало недовольство, между прочимъ, еще и среди уніатскаго духовенства, которое не преминуло отвѣтить мнѣ особымъ посланіемъ довольно страннаго содержанія. Послѣднее было выработано не безъ участія бывшаго уніатскаго митрополита графа Шептицкаго, находящагося сейчасъ въ Курской губерніи. Связь между графомъ Шептицкимъ и уніатскимъ духовенствомъ въ Галичинѣ не прерывается до настоящаго времени.

На 6-е января, когда предполагалось отслужить во Львовѣ божественную литургію и освятить воду, архіепископъ получилъ предложеніе служить 6-го января и въ Преображенскомъ, и въ Успенскомъ соборахъ, принадлежащихъ Ставропигійному институту и народному дому.

Несмотря на согласіе, по этому поводу возникла дипломатическая переписка нашихъ властей съ уніатскимъ правленіемъ, во главѣ съ замѣстителемъ графа Шептицкаго—офиціаломъ Бѣлицкимъ. Въ результатѣ оказалось, что для торжественнаго богослуженія была назначена маленькая православная церковь св. Георгія при русскомъ штабѣ. Святить воду можно было только у маленькаго колодца, недалеко отъ церкви. Въ силу такихъ соображеній и разногласій служба 6-го января была отмѣнена».

Библіографія.

Д. И. Багалѣй. *Русская исторія. Съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Т I. Княжеская Русь (до Іоанна III).*

Было бы напрасно искать въ трудѣ проф. Д. И. Багалѣя оригинальныя теоріи, новыя слова, создающія школу и толкающія науку на новые пути: это обзоръ длительной работы нѣсколькихъ поколѣній историковъ, внимательное и очень ясное изложеніе научныхъ теченій, причемъ наиболѣе важнымъ и спорнымъ изъ нихъ посвящены цѣлыя отдѣльныя главы. Таково, напримѣръ, изложеніе варяго-русскаго вопроса, въ свое время боевого и до крайности волнующаго представителей различныхъ точекъ зрѣнія, обзоръ взглядовъ на удѣльный періодъ и т. д.

Личныя воззрѣнія автора нигдѣ не выступаютъ на первый планъ и большею частью лишены оригинальности, или примыкая къ одному изъ существующихъ, или примиряя противоположныя направленія. Образцомъ первыхъ можетъ служить взглядъ проф. Багалѣя на славянское происхожденіе Руси, въ которомъ онъ поддерживаетъ мнѣніе проф. Гедеонова, образцомъ послѣдняго—отношеніе къ вопросу о феодализмѣ, гдѣ авторъ, отрицая взглядъ И. П. Павлова-Сильванскаго, придерживается точки зрѣнія умѣреннаго направленія, видѣвшаго въ удѣльномъ періодѣ зародыши феодализма, но отрицавшаго тождество или сходство его съ феодализмомъ западно-европейскимъ. Типъ изслѣдованія, котораго придерживается авторъ, не новъ въ русской исторической литературѣ: таковъ былъ трудъ проф. К. И. Бестужева-Рюмина, во многомъ уже устарѣвшій. Цѣнность и значеніе подобной работы въ томъ, что она вводитъ не-спеціалиста въ кругъ современной разработки исторіи, даетъ возможность критически разобраться въ различныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу, теченіяхъ и предохраняетъ отъ увлеченія устарѣвшей, давно оставленной наукой, теоріей. Многочисленныя же указанія литературы вопроса, помѣщенныя впереди каждой главы, дѣлаютъ книгу сверхъ того неоцѣнимымъ справочнымъ пособіемъ.

Первый томъ охватываетъ событія до половины XV в.,—первую эпоху русской исторіи,—«Русь княжескую» по терминологіи автора. Но въ удѣльный періодъ съ пол. XI до пол. XIII в. разсматривается только исторія Руси сѣверо-восточной, украинская обрывается на половинѣ XIII в. и заканчивается княженіемъ Да-

ніила Романовича. Послѣдующей исторіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель, подъ властью Литвы и Польши, будетъ посвященъ III т.

Излагая исторію первой эпохи (которая въ свою очередь распадается на три періода: 1) кіевскій—до пол. XI в., 2) областной—до пол. XIII в. и 3) удѣльный—до пол. XV в., авторъ обращаетъ вниманіе на исторію отдѣльныхъ земель, выдѣлившихся изъ прежняго Кіевскаго княжества, выдвигаетъ географическіе и этнографическіе элементы. Въ виду тѣхъ «гипотезъ» о происхожденіи украинскаго языка и народности, которыя въ послѣднее время усиленно распространяются многими популярными брошюрами, мы остановимся нѣсколько на мнѣніи по этому вопросу проф. Багалѣя, подкрѣпляемомъ авторитетомъ такихъ ученыхъ, какъ А. А. Шахматовъ и А. И. Соболевскій.

Дифференціація говоровъ и народностей началась еще въ древнѣйшую эпоху разселенія славянъ и зависѣла отъ разницы условій, въ которыя попали новые насельники: «племенныя особенности двухъ главныхъ русскихъ народностей, великорусской и малорусской, нашли для себя первое основаніе въ особенностяхъ самой природы» (стр. 120).

Въ связи съ концентраціей племенъ въ области идетъ параллельный процессъ роста различій и образуются три группы говоровъ и народностей: 1) сѣверо-русская, 2) средне-русская (бѣлоруссы), 3) южно-русская (малорусская или украинская). «Процессъ созданія трехъ русскихъ народностей и нарѣчій уже замѣтенъ въ областную эпоху (съ пол. XI до пол. XIII в.), но болѣе законченное развитіе его относится къ удѣльному періоду», однако «въ памятникахъ XII в., какъ это убѣдительно доказалъ А. И. Соболевскій, выступаютъ особенности малорусскія» (стр. 232).

Отличительной чертой труда проф. Багалѣя является широкое привлеченіе матеріала, добытаго археологіей и исторіей искусства, а также привнесеніе культурнаго элемента. Въ отношеніи послѣдняго онъ объединяетъ историческое и культурное направленіе: «Пусть изслѣдуются не только высшія проявленія человѣческаго духа: литература, наука, философія, искусство, но и факты, касающіеся домашней жизни, обстановки»; въ изображеніи прошлаго народа, должны участвовать «и его политическая исторія, и его соціально-экономическая жизнь, и наука, и искусство, и литература, и религія, и нравственность» (стр. 11).

Сообразно этому съ каждымъ періодомъ связаны главы, рисующія матеріальную и духовную культуру эпохи, а въ концѣ книги приложенъ альбомъ снимковъ съ памятниковъ искусства и быта. **Н. М.**

Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества. *Т. 144. Спб. 1914 г.*

Въ настоящемъ томѣ опубликованы матеріалы по исторіи Екатерининской комиссіи. Онъ содержитъ 39 городскихъ наказовъ отъ Малороссійской, Воронежской и Бѣлгородской губерній и отно-

сится ко времени окончательнаго уничтоженія гетманскаго строя на Украинѣ и стремленія Румянцева уничтожить «вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразное смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ, отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происходящія, въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія, самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привилегій и вольностей узаконеніе»... Выборы въ комиссію 1767 г. не были свободны отъ административнаго давленія, и потому наказы 1767 г. не есть свободное выраженіе мнѣній украинскаго народа и его примиренія съ политикой Екатерины II и Румянцева. Поэтому они довольно односторонне обрисовываютъ настроеніе общества. И тѣмъ не менѣе для XVIII вѣка наказы слѣдуетъ признать источникомъ первостепенной важности, такъ какъ они сообщаютъ крайне цѣнныя свѣдѣнія о внутренней торговлѣ, состояніи путей сообщенія, цѣнахъ на продукты, объ экономическомъ положеніи областей; мѣстами даже можно уловить отраженіе политическаго недовольства, охватившаго страну благодаря политикѣ Екатерины II. Городскіе наказы и раньше были извѣстны, только теперь напечатаны полностью, но полному изслѣдованію, кажется, еще не подвергались. Это даетъ намъ основаніе обратить вниманіе читателя на ихъ содержаніе въ спеціальной статьѣ, опубликовать которую мы надѣемся въ недалекомъ будущемъ.

В. Пичета.

Александръ Красовскій. *Борьба противъ уніи въ Западной Россіи и единство русскаго народа въ 1648—1668. Историческое изслѣдованіе. Витебскъ. 1914 г. Ц. 1 руб.*

Въ послѣднее время появилось немало работъ подъ громкимъ титуломъ «историческое изслѣдованіе», интересныхъ только въ одномъ отношеніи: именно въ нихъ нѣтъ рѣшительно никакого изслѣдованія. Къ такого рода «историческимъ» недоразумѣніямъ принадлежитъ и трудъ г. Красовскаго. Авторъ обнаружилъ въ немъ весьма существенные недостатки для историческаго изслѣдованія: а) незнакомство съ источниками и литературой вопроса; в) отсутствіе объективности; с) некритическое отношеніе къ своимъ пособіямъ; д) полное незнакомство съ исторіей внутреннихъ отношеній въ Украинѣ и Западной Россіи. И послѣ этого приходится удивляться смѣлости автора, назвавшаго свою неудачно составленную компилятивную работу «историческимъ изслѣдованіемъ». Работа автора не даетъ ни новаго матеріала, ни новыхъ выводовъ. Обо всемъ этомъ писалось раньше и притомъ съ бо́льшимъ обоснованіемъ, спокойствіемъ и объективностью. Къ тому же предшественники автора использовали несомнѣнно и бо́льшее количество источниковъ. Авторъ не хочетъ знать ни украинскихъ, ни польскихъ историковъ, не пытается даже разобраться въ ихъ «идеологіи». Зато г. Красовскій безусловно соглашается съ выводами Батюшкова, автора крайне пристрастнаго, скорѣе памфлетиста, чѣмъ историка, проникнутаго ненавистью и къ украинской, и

къ польской народностямъ. Для знакомства съ внутренними и внѣшними отношеніями на Украинѣ авторъ пользуется «Исторіей Россіи» Соловьева,—трудомъ, конечно, почтеннымъ, но освѣщающимъ событія на Украинѣ съ «великорусской» точки зрѣнія. Если бы авторъ заглянулъ въ «Акты Ю. и З. Россіи», то нашелъ бы тамъ немало интереснаго матеріала и помимо Соловьева. Когда проф. Н. Жуковичъ принялся за изученіе сеймовой борьбы православныхъ противъ уніи, то авторъ пересмотрѣлъ вопросъ сызнова, пустивъ въ научный оборотъ огромное количество рукописнаго матеріала. Г. Красовскому послѣдній совершенно неизвѣстенъ, за исключеніемъ только заглавія одной рукописи. А между тѣмъ литературная борьба за и противъ уніи въ Польшѣ и Украинѣ и сеймовыя пренія дали бы много автору матеріала и сдѣлали бы работу автора болѣе цѣнной. Авторъ пошелъ въ сторону наименьшаго сопротивленія и неудачно повторилъ все «старое», извѣстное. Научныя претензіи у автора огромны, но историческія сужденія, поскольку они выразились въ предисловіи, довольно убоги. У историка-автора не оказалось «историческаго» чутья, умѣнья ориентироваться въ исторической обстановкѣ, и не стоило бы объ этомъ говорить, если бы къ его книгѣ не былъ приклеенъ научный ярлычокъ «изслѣдованіе». Для автора весь смыслъ борьбы православныхъ съ уніатами заключается въ борьбѣ *за единую вѣру и народность*. Авторъ сочувствуетъ этой борьбѣ, но мало понимаетъ ее и, говоря о постигшихъ неудачахъ политику Алекс. Мих., не мѣшаетъ вспомнить вѣщія слова одного епископа, написанныя къ Хованскому: «*не симъ образомъ устрояются побѣды и торжества*». Слова мудрыя, не потерявшія своего значенія и для даннаго момента, и автору не мѣшало бы почаще вспоминать о нихъ вмѣсто выраженія ярости и гнѣва противъ прошлыхъ и нынѣшнихъ украинцевъ. Единая Россія не могла быть созданной въ XVII в. на «*національномъ*» угнетеніи. Авторъ-историкъ не понялъ всей глубины своего изслѣдованія, какъ аргумента, уничтожающаго всѣ его «*основныя предпосылки*». Что знаетъ авторъ о казакахъ и объ украинствѣ XVII в.? Ничего! Вѣдь нельзя же считать серьезными знаніями его разсужденія о присоединеніи Украины къ Москвѣ и измѣнѣ гетмановъ въ западной и восточной ея половинахъ. Гдѣ же «статьи Хмельницкаго, гдѣ реальная политика Москвы, отпугивавшая отъ нея и наиболѣе искреннихъ москвофиловъ? Для автора — это «terra incognita», впрочемъ, какъ и вся исторія Украины. Нельзя бросать никакихъ упрековъ въ исторической работѣ. Надо изслѣдовать, а тогда можно будетъ понять и отношеніе высшаго духовенства къ Москвѣ и казацкой старшины, и политическіе идеалы современниковъ Хмельницкаго... Тогда выяснилось бы, что въ крушеніи всѣхъ плановъ православныхъ, въ потерѣ правобережной Украины, виновато только «*московское правительство*», ибо «*не симъ способомъ устраиваются побѣды и торжества*»,—*скажемъ еще разъ*. Мы не собираемся своей замѣткой насиловать «политическія убѣжденія» мнимаго изслѣдователя. Мы хотимъ только показать ему, какія

слѣдуетъ предъявлять требованія къ «историческому изслѣдованію», если бы авторъ пожелалъ снова преподнести публикѣ еще новое изслѣдованіе, а не повторить того, что давно было сказано въ научной литературѣ. Еще одно слово. Зналъ ли авторъ о работѣ В. Бѣднова «Православная церковь въ Литвѣ и Польшѣ по «Volumnia legum» Кіевъ. 1910 г. Въ спискѣ историковъ и пособій она не числится, а знакомство съ ней было бы для автора не лишнимъ. Незнакомство съ ней для «ученаго историка»—фактъ довольно удивительный!

В. Пичета.

Проф. К. І. Воблый. *Производительныя силы Галиціи (Статистико-экономическій очеркъ). Кіевъ. 1915 г. Цѣна 30 коп.*

Русская интеллигенція, проявлявшая такъ недавно къ Галиціи столь неглубокій интересъ, какъ къ какой-нибудь экзотической странѣ, въ родѣ Урагвая и Парагвая, и знавшая о ней приблизительно столько же, теперь предъявляетъ усиленный спросъ на литературу о Галиціи. На книжномъ рынкѣ появился за послѣдніе мѣсяцы цѣлый рядъ брошюръ и книгъ, посвященныхъ Галиціи. Къ сожалѣнію, громадная часть этой литературы представляетъ не болѣе какъ макулатуру.

Къ немногимъ отраднымъ исключеніямъ принадлежитъ рецензируемая брошюра проф. Воблаго. Небольшая по объему, но очень содержательная брошюра кіевскаго профессора даетъ отчетливое представленіе объ экономическомъ положеніи Галиціи. Авторъ даетъ свѣдѣнія о населеніи края, его распредѣленіи по національностямъ, религіи и профессіональному составу; характеризуетъ экономическія отношенія въ области сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; сообщаетъ данныя о путяхъ сообщенія и положеніи кредита въ краѣ и въ заключеніе въ немногихъ словахъ останавливается на задачахъ экономической политики по отношенію къ Галиціи. Вездѣ въ изобиліи авторъ иллюстрируетъ свой очеркъ соотвѣтствующими статистическими данными. Съ осторожностью ученаго изслѣдователя онъ всякій разъ, когда приходится дѣлать обобщенія и давать выводы, старается избѣгать категорическихъ утвержденій. Въ общемъ и цѣломъ брошюра представляетъ безспорный вкладъ въ небогатую литературу о Галиціи и даетъ объективный и провѣренный матеріалъ; это достоинство брошюры необходимо подчеркнуть и выдѣлить, такъ какъ одна изъ основныхъ чертъ той литературы, которая теперь предпріимчивыми авторами и издателями преподносится читателю, это—обиліе въ ней выводовъ, опредѣляющихся опредѣленными общественно-политическими симпатіями авторовъ, основанными притомъ на самомъ фантастическомъ матеріалѣ.

Къ недостаткамъ брошюры, если можно отнести это къ недостаткамъ, необходимо причислить ея излишнюю краткость. Благодаря ей нѣкоторыя данныя объ экономическомъ положеніи края, которыя, намъ казалось, необходимо бы было выяснить и подчеркнуть, одни упущены, другія изложены излишне кратко. Ука-

жемъ для примѣра на то, что авторъ почти совершенно обошелъ разсмотрѣніе вопроса о крупномъ землевладѣніи въ Галиціи, удѣлилъ мѣсто характеристикѣ кооперативнаго движенія въ краѣ, не соотвѣтствующее его значенію въ экономической жизни Галиціи.

Наиболѣе общій интересъ въ брошюрѣ проф. Воблаго представляютъ двѣ послѣднія страницы, въ которыхъ авторъ останавливается на задачахъ экономической политики въ краѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ надвинувшіяся событія сдѣлали вопросъ о Галиціи моднымъ среди русскихъ общественныхъ круговъ, не было и нѣтъ недостатка въ планахъ будущаго устройства края. И трактовка этихъ плановъ, и настроеніе, создавшееся вокругъ нихъ, не могутъ не внушать украинскому обществу самыхъ серьезныхъ опасеній за будущую судьбу края... Мысли проф. Воблаго о задачахъ экономической политики въ краѣ могли бы подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на многихъ изъ творцовъ прожектовъ о будущемъ устройствѣ Галиціи.

Проф. Воблый указываетъ, что основной задачей экономической политики въ Галиціи должно быть урегулированіе аграрныхъ отношеній въ краѣ. Но сложность и запутанность ихъ не даетъ данныхъ надѣяться, что они могутъ быть разрѣшены при помощи шаблонныхъ пріемовъ русской землеустроительной политики послѣднихъ лѣтъ. Расчеты нѣкоторыхъ политиковъ на дѣятельность Крестьянскаго банка, каковой, по ихъ мнѣнію, нужно поскорѣе открыть въ Галиціи, представляются проф. Воблому мало основательными. Точно также не приходится возлагать большихъ надеждъ ни на переселенческое движеніе, ни на отходъ на заработки: ни то, ни другое не можетъ исчерпать излишка населенія въ Галиціи.

Аграрный вопросъ въ краѣ можетъ быть разрѣшенъ въ результатѣ ряда мѣропріятій, направленныхъ къ общему подъему экономической жизни въ краѣ,—мѣропріятій, создающихъ благопріятныя условія для развитія добывающей и обрабатывающей промышленности въ Галиціи. Подъемъ народнаго благосостоянія долженъ совершаться на основѣ просвѣщенія и хозяйственной самодѣятельности населенія,—этими словами заканчиваетъ проф. Воблый свою брошюру, устанавливая такимъ образомъ неразрывную связь между задачами экономической политики и общей политикой въ краѣ.

Пожелаемъ, чтобы эти мысли объективнаго изслѣдователя, далекаго отъ тѣхъ политическихъ страстей, какія разгорѣлись вокругъ вопроса о Галиціи, обратили на себя вниманіе соотвѣтствующихъ общественныхъ круговъ. **В. Садовскій.**

Галиція наканунѣ Великой войны 1914 года. *Проф. Ястребовъ. Петроградъ. 1915 г. Стр. 146. Ц. 1 р. 25 коп.*

Книга дѣлится на семь отдѣловъ: I. Галиція и ея природа. II. Населеніе Галиціи. III. Церковь въ Галиціи. IV. Просвѣщеніе въ Галиціи. V. Хозяйственный бытъ Галиціи. VI. Политическій

строй. VII. Исторія Галиціи. Такимъ образомъ, хотя авторъ касается въ своей работѣ всѣхъ сторонъ своей темы, но нельзя приэтомъ сказать, чтобы разработка всѣхъ этихъ отдѣловъ отличалась достаточной полнотой, каковая особенно необходима въ виду злободневности и вообще важнаго значенія многихъ вопросовъ галицкой жизни. Такъ, авторъ недостаточно детально и точно говоритъ о малорусскомъ просвѣщеніи, въ частности о среднемъ образованіи. Кромѣ пяти казенныхъ украинскихъ гимназій (Львовъ, Перемышль, Коломыя, Тарнополь и Станиславовъ; слѣдовало автору сказать также, какой борьбы стоило для украинцевъ ихъ пріобрѣтеніе), Ястребовъ указываетъ только двѣ частныхъ гимназіи съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Насколько извѣстно, за послѣдніе годы украинцы открыли много частныхъ среднихъ школъ: шесть мужскихъ гимназій (Збарожъ, Чортковъ, Яворовъ, Рогатинъ, Городенка, Копичинцы), одно реальное училище (Бускъ) и одну женскую гимназію во Львовѣ; помимо этихъ частныхъ школъ украинцы имѣютъ: четыре учительскихъ семинаріи (Ястребовъ упоминаетъ только десять учит. семинарій утраквистическихъ, т.-е. съ преподаваніемъ нѣкоторыхъ предметовъ по-польски, другихъ по-украински; изъ нихъ одна женская), одинъ женскій лицей (въ Перемышлѣ) и, наконецъ, четыре гимназіи утраквистическія съ преподаваніемъ по-польски и по-украински (Бережаны, Рогатинъ, Стрый, Яворовъ) [1]).

Если въ вопросѣ о средней школѣ авторъ оказывается столь неосвѣдомленнымъ, а можетъ быть и тенденціознымъ, то еще хуже обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ экономическихъ организаціяхъ украинцевъ Галиціи. Здѣсь наиболѣе ярко сказывается опредѣленная тенденція Ястребова, тѣмъ болѣе странная, что авторъ въ предисловіи объявляетъ себя ученымъ и только ученымъ (ст. VIII). На стр. 48 авторъ говоритъ: «Малороссы имѣютъ свои собственныя экономическія организаціи: 1) старорусскія: кредитное товарищество «Днѣстер», «Рольничій Союзъ», «краєвый союзъ кредитный», «Руській ревизійный союзъ»... и далѣе перечисляются Общества «украинофильскія»... Но прежде всего Общества «Днѣстеръ» совсѣмъ нѣтъ, есть «Дністер» [2])—страховое Общество съ 2 милл. капитала и принадлежитъ оно украинцамъ, а не стародруссамъ, что доподлинно должно быть извѣстно г. Ястребову, т. к. Общество теперь закрыто (лучшій способъ узнать, чье Общество). Вообще объ экономическихъ Обществахъ украинской части Галиціи Ястребовъ слыхалъ «краемъ уха». «краєвый союз кредитовий» также принадлежитъ не стародруссамъ, а украинцамъ. «Рольничаго союза» также нѣтъ у москвофиловъ, а есть «Русскій Торговый домъ» (только во Львовѣ [3]); словомъ, изъ указанныхъ Ястребовымъ экономическихъ организацій украинской части Галиціи только «Русскій ревизіонный союзъ» дѣйстви-

[1]) „Вѣстникъ Воспитанія“ 1914 (ноябрь и декабрь).

[2]) Также въ значительной степени является оно и кредитнымъ Обществомъ.

[3]) „Русск. Вѣдом.“ № 18, 1915.

тельно принадлежитъ старорусскамъ. Но авторъ здѣсь довольно послѣдователенъ (правда, съ большей выгодой для старорусскихъ): извращая названія экономическихъ организацій и приписывая лишнее старорусскамъ, онъ также извращаетъ и названія организацій украинскихъ, умалчивая однако о многихъ изъ нихъ или щедро уступая ихъ москвофиламъ. Такъ, Общество «Народня Торговля» (съ 20 отдѣленіями по провинціи и 150 лавками) онъ считаетъ москвофильской, хотя она имъ никогда не принадлежала; подъ упомянутымъ Ястребовымъ «Украинскимъ ревизійнымъ союзомъ», вѣроятно, нужно разумѣть извѣстный самому автору «Краєвий союз ревизійний» (сравни стр. 58). Нечего и говорить, что авторъ, при всей своей щедрости по отношенію къ москвофиламъ, весьма несправедливъ къ украинцамъ и потому совсѣмъ не говоритъ о нѣкоторыхъ изъ ихъ многочисленныхъ экономическихъ организаціяхъ, какъ «Руська Щадниця», «Союз Господарсько-торговельних сділок», «Товариство для збуту худоби», «Дністер, «Народня торговля» и др.

Трудно рѣшить, что руководило авторомъ при сообщеніи этихъ свѣдѣній, и даже, можно думать, здѣсь больше или невѣжества, или просто небрежности и неуваженія не только къ трактуемому вопросу, но и къ читателю. Подтвержденіемъ этого можетъ служить хотя бы такое мѣсто: «Наиболѣе значительные города въ восточной Галиціи: Львовъ (260 тыс., изъ нихъ католиковъ-поляковъ 46 тыс., уніатовъ - малороссовъ 22 тыс., евреевъ 26 т.)»,... (ст. 18). Итакъ, имѣемъ: 46 т.+22 т.+26 т.= 94 тыс. и недоумѣваемъ, какой же національности еще 156 тыс. населенія; получается цѣлый математическій фокусъ, между тѣмъ какъ статистика обходится безъ такихъ фокусовъ и опредѣляетъ населеніе Львова въ 206,113 чел., которое дѣлится: 105,469 поляковъ (51,2%), 39,319 (19,1%) украинцевъ и 57,387 евреевъ (27,8%).

Указанный мной недостатокъ работы—отсутствіе яснаго и точнаго опредѣленія національно-культурныхъ и экономическихъ пріобрѣтеній старорусиновъ (москвофиловъ) и новорусиновъ (украинцевъ)—тѣмъ болѣе чувствителенъ, что указана политическая сила той и другой группы (въ парламентѣ украинскія партіи имѣютъ 25 депутатовъ, москвофилы—2, въ сеймѣ украинскія партіи—30 депут., москвофилы—2); конечно, авторъ останавливается на этихъ вопросахъ, но освѣщаетъ ихъ не всегда съ должной полнотой и правдивостью (мы это указали), да и вообще не выражаетъ прямо «собственнаго сужденія» о москвофилахъ и ихъ «работѣ»; впрочемъ, для нихъ молчаніе, быть можетъ, полезнѣе самыхъ длинныхъ разсужденій.

Приведенные дефекты работы являются, можно допустить, даже умышленными, такъ какъ хотя авторъ и не обнаруживаетъ «ясно и неприкровенно» своего отношенія къ украинскому національному развитію, все-же оно сказывается если не между строкъ, то иногда «въ видѣ примѣчаній мелкимъ шрифтомъ»; эти же «примѣчанія» объясняютъ также, почему Ястребовъ не хочетъ сказать всего о москвофилахъ и о національно-культурныхъ пріобрѣтеніяхъ украинцевъ.

Объ украинцахъ Ястребовъ, какъ это и свойственно воспитанному славянофилу, говоритъ вскользь, въ примѣчаніяхъ, но зато съ извѣстнымъ душкомъ и цѣлью. Такъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ сообщаетъ: «Симпатіи украинцевъ къ нѣмцамъ вообще, къ Германіи въ частности сказывались не только въ изданіи журнала «Ukrainische Rundschau» для освѣдомленія нѣмцевъ объ украинскомъ движеніи, въ отказѣ отъ участія въ «неославянскомъ движеніи»..., но и въ политической близости къ нѣмецкимъ партіямъ въ Австріи, въ сношеніи съ офиціальными сферами Германіи черезъ «Ostmarkverein» и т. п.» (ст. 138).

Что таится подъ «т. п.», невѣдомо, но первый пунктъ обвиненія представляетъ плодъ необычайной изобрѣтательности Ястребова: это обвиненіе совершенно новое; однако же намъ извѣстно, что Федорчукъ много пишетъ по украинскимъ вопросамъ во французской прессѣ, Рафаловичъ—въ англійской, наконецъ, украинцы галицкіе, какъ и русскіе, пишутъ по-русски...—о чемъ же говоритъ все это? О неославянскомъ вопросѣ говорить не приходится (вѣдь много есть противниковъ неославянства, и нельзя объяснить все это происками нѣмцевъ), что же касается сношеній съ «Ostmarkverein», то велись они частнымъ лицомъ и по вопросамъ самаго безобиднаго характера—о наймѣ галицкихъ рабочихъ въ Германіи.

Какъ ни наивны эти «кивки» въ сторону украинцевъ, они все-же говорятъ объ опредѣленныхъ взглядахъ Ястребова, о желаніи послѣдняго доказать, что вообще галицкіе украинцы являются въ значительной мѣрѣ сторонниками «австрійской оріентаціи»,—но для кого же это секретъ и для кого это можетъ быть явленіемъ непонятнымъ или вызывающимъ удивленіе?

Наконецъ, кромѣ отдѣловъ, трактующихъ о Галиціи, при книгѣ Ястребова есть нѣчто въ родѣ «взгляда на будущее»—небольшой отрывокъ «Смыслъ и задачи великой освободительной войны».

Здѣсь, между прочимъ, находимъ слѣдующее (стр. 1—10): «Въ творчествѣ славянства послѣ войны не можетъ быть забыто и построеніе новой формы политическаго государственнаго бытія, т.-е. федераціи не малыхъ государствъ-провинцій, а крупныхъ славянскихъ государствъ-народовъ съ Россіей во главѣ, при участіи Румыніи, Угріи и Греціи» (стр. 8).

Удивительно, почему авторъ среди «крупныхъ славянскихъ государствъ-народовъ» хочетъ видѣть Румынію, Угрію (Венгрію) и Грецію?

Указанные мной недостатки книги Ястребова о Галиціи, лишній разъ показываютъ, насколько все-же долженъ читатель осторожно относиться даже къ работѣ спеціалиста-историка, позволяющаго себѣ, по извѣстнымъ соображеніямъ, или умалить значеніе извѣстныхъ фактовъ, или умолчать о нихъ, или, наконецъ, извратить ихъ.

Библіографія, какой пользовался авторъ, не заключаетъ въ себѣ многаго, что было бы весьма кстати для данной работы,—

я говорю объ украинскихъ изданіяхъ, изъ какихъ Ястребовъ использовалъ далеко не все [1]) (не использованы статьи Лозинскаго въ журналѣ «Нова Громада», Грушевскаго «Изъ польско-украинскихъ отношеній въ Галиціи», работы Жука объ экономическихъ организаціяхъ галицкаго крестьянства), оказавъ значительное, если не исключительное, предпочтеніе источникамъ польскимъ и отчасти нѣмецкимъ.

Такова эта работа о Галиціи. Сравнительно съ другими, изданными до сего времени (книга Василевскаго является устарѣвшей), книга Ястребова представляетъ новый значительный по объекту трудъ, долженствующій, казалось бы, дать широкую и правдивую картину современнаго состоянія Галиціи, всѣхъ сторонъ ея жизни. Не всегда, однако, авторъ преслѣдуетъ интересы читателя и задачи безпристрастнаго информатора,—иногда, какъ это указали мы выше, Ястребовъ, въ угоду своимъ симпатіямъ и склонностямъ, допускаетъ искаженіе фактовъ или умолчаніе о нихъ.

Все это значительно понижаетъ внутреннюю цѣнность разсмотрѣнной нами книги.

Г—цкій.

Литературная лѣтопись.

Въ Москвѣ съ марта мѣсяца начнетъ выходить украинскій двухнедѣльный журналъ „Тепла Роса“ (кооперативный и сельскохозяйственный).

— Издававшійся въ Кіевѣ до сихъ поръ на русскомъ и украинскомъ языкахъ популярный кооперативный журналъ „*Муравейникъ — Комашня*“ въ настоящемъ году выходитъ только на русскомъ языкѣ и носитъ названіе „Муравейникъ“.

— Готовится къ печати 2-й томъ коллективнаго труда „*Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ*“.

— „Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“ (выпускъ 5, 1914 г.) заключаетъ въ себѣ рядъ статей, посвященныхъ *памяти Д. П. Миллера* и оцѣнкѣ его научныхъ работъ по исторіи Украины. Таковы, напр., статьи проф. Дм. Багалѣя „Памяти Д. П. Миллера“, Слабченка „Д. П. Миллеръ, какъ историкъ украинскаго права“ и В. А. Барвинскаго—біографическій очеркъ. Д. П. Миллера.

— „Книгоиздательство писателей“ въ Москвѣ готовитъ къ выпуску изданіе разсказовъ О. Федьковича въ переводѣ съ украинскаго. Переводъ сдѣланъ покойнымъ Златовратскимъ.

— Въ изданіи „Юной Россіи“ 6-мъ изданіемъ вышли „Очерки и разсказы“ А. А. Ефименко подъ общимъ названіемъ „На Украинѣ“.

— Отдѣльнымъ изданіемъ вышла интересная статья *проф. Н. Ф. Сумцова „Сны Т. Г. Шевченка“*. Къ психологіи художественнаго творчества, „напечатанная первоначально въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“.

— Съ январской книжки „Русскихъ Записокъ“ началось печатаніемъ продолженіе обширнаго изслѣдованія *В. Мякотина „Очерки соціальной исторіи Малороссіи“*. Данный очеркъ посвященъ вопросу о свободныхъ войсковыхъ селахъ и владѣльческихъ имѣніяхъ въ Лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.

— По случаю тридцатилѣтія ученопедагогической дѣятельности *проф. Д. И. Багалѣя* харьковское историко-филологическое Общество посвятило юбиляру XX т. своего *„Сборника“*, въ которомъ помѣщены портретъ юбиляра,

---

[1]) Однако использованъ „Літературно-Науковий Вістник“, „Студії з поля суспільних наук“ и „Очеркъ истор. укр. народа“ Грушевскаго.

біографія, библіографія его изслѣдованій и статей, описаніе юбилейнго чествованія и перепечатаны всѣ статьи Д. И. Багалѣя по исторіи просвѣщенія въ г. Харьковѣ,—всего 38 статей,—о Сковородѣ, Каразинѣ, Шадѣ, Тимковскомъ, Рижскомъ, Осиповскомъ, Успенскомъ, Гулакъ-Артемовскомъ, Вернетѣ, Квиткѣ, Потебнѣ и др. Многія статьи при обиліи новаго содержанія, извлеченнаго изъ архивовъ, отличаются такой стройностью и законченностью, что даютъ ясное представленіе о выдающихся культурныхъ труженикахъ, работавшихъ въ мѣстныхъ харьковскихъ условіяхъ, причемъ многіе изъ нихъ заслужили почетную извѣстность какъ въ исторіи украинской литературы, такъ и въ исторіи украинскаго общественнаго движенія.

— „Петроградскія Вѣдомости“ въ № 39 отъ 19 февраля посвящаютъ большую статью „Украинскому вопросу“. Цитируя предисловіе къ изданію нашего журнала „Украинскій вопросъ“ о „совмѣстности удовлетворенія украинскихъ стремленій съ общегосударственными интересами“, газета говоритъ, что „эти слова служатъ руководящимъ началомъ въ изложеніи книги“. Особенно теперь, съ занятіемъ Галиціи, взглядъ „Украинской Жизни“ пріобрѣтаетъ большое значеніе. Въ дальнѣйшемъ идетъ обстоятельное изложеніе содержанія „Украинскаго вопроса“. Статья заканчивается слѣдующими словами: „Не умаляя правъ и преимуществъ великорусскаго языка, какъ общегосударственнаго, необходимо допустить, на-ряду съ нимъ, украинскій языкъ въ практику мѣстныхъ органовъ администраціи, суда, церковного управленія. Неизбѣжнымъ является введеніе украинскаго языка въ школу, какъ языка преподаванія. Только при такихъ условіяхъ оживится самодѣятельность украинскаго общества, и народныя массы на Украинѣ выйдутъ изъ состоянія духовнаго и экономическаго упадка“.

— „Голосъ Жизни“ (№ 2) сочувственно отзывается о первомъ томѣ изданія „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“, находя „въ высокой степени своевременнымъ появленіе большого коллективнаго труда объ украинскомъ вопросѣ“.

— Въ № 20 (22/I) „Пріазовскаго Края“ помѣщенъ некрологъ украинскаго дѣятеля въ Галиціи *Н. Шавлика*, написанный *А. С.*

— Въ декабрьской книжкѣ „Современника“ *И. Флеровскій* посвящаетъ отдѣльную статью *„Прошлому и настоящему Галиціи“* (см. о ней выше).

— Въ январской книжкѣ „Русской Школы“ находимъ статью *С. Вознесенскаго „Галицкая Русь и ея борьба за національную культуру“*. Отзывъ о ней будетъ данъ на страницахъ нашего журнала.

— Описанію и характеристикѣ дѣятельности *„Экономическихъ организацій въ Галичинѣ“* посвящена статья *С. Ефремова* въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (21/II, № 42).

— Въ изданіи Голике и Вильборгъ въ скоромъ времени выйдетъ художественный альбомъ подъ названіемъ *„Галиція въ ея старинѣ“*. Текстъ и иллюстраціи *Г. К. Лукомскаго*. Тѣмъ же авторомъ составлено подробное описаніе стариннаго зодчества Львова и восточной Галиціи. Статья эта появится во второй книгѣ журнала „Аполлонъ“.

— *С. Ефремовъ* въ *„Голосѣ Минувшаго“* (февраль) въ статьѣ „Изъ исторіи возрожденія Галичины“ знакомитъ съ первыми проявленіями національнаго возрожденія галицкихъ украинцевъ въ концѣ XVIII в. Статья С. Ефремова, повидимому, является вступленіемъ къ серіи очерковъ, посвященныхъ исторіи украинскаго возрожденія въ Галичинѣ. Цѣль послѣднихъ, по словамъ автора, заключается въ томъ, чтобы привлечь къ литературно-научному матеріалу, накопленному галицкими украинцами, „вниманіе серьезно интересующихся даннымъ вопросомъ и искренно ищущихъ на него отвѣта людей, а также предостеречь ихъ отъ довѣрія къ тѣмъ „спеціалистамъ“, голосъ которыхъ такъ звонко раздается въ вынужденно-пустомъ пространствѣ Придетъ, конечно, время, когда пространство заполнится и тщательно скрываемая теперь истина восторжествуетъ,—тогда и назойливые голоса поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголющихъ искоренителей спадутъ до естественнаго діапазона“.

— Редакція иллюстрированнаго журнала „Солнце Россіи“ приступаетъ къ изданію большого художественнаго альбома *„Галиція, ея жизнь, красоты и бытъ“*.

— Въ харьковскомъ богословскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ *И. С. Проданъ* печатаетъ *„Буковинскіе очерки“*— крайне тенденціозный матеріалъ для знакомства съ краемъ и его національными отношеніями.

— Среди популярной макулатуры, посвященной Галиціи, выдѣляется небольшая брошюра М. Богдановича „Червоная Русь“ объективно научнымъ отношеніемъ къ трактуемой темѣ, знаніемъ предмета и ясностью изложенія. Объ

этой брошюрѣ появился рядъ благопріятныхъ отзывовъ въ „Что и какъ читать дѣтямъ“ № 1, 1915; „Русской Школѣ“, 1914,9—10: „Вѣстникѣ Воспитанія“, 1914, кн. 8; „Рѣчи“ 1914 № 290 и др. Иначе думаетъ „Новое Время“ (1914 г. № 13863). По мнѣнію рецензента этой газеты, „Червоная Русь“ М. Богдановича „вызываетъ сплошное недоумѣніе крайнимъ невѣжествомъ ея составителя“. Рецензентъ не объясняетъ, въ чемъ усмотрѣно имъ это невѣжество. Однако изъ дальнѣйшихъ замѣчаній его видно, что вина М. Богдановича заключается единственно въ томъ, что населеніе Галиціи названо „русинами, родственными нащимъ украинцамъ“. Это приводитъ въ раздраженіе г-на рецензента, и этимъ исключительно объясняется его рѣзкій отзывъ о добросовѣстной брошюрѣ М. Богдановича.

— „*Прикарпатская Русь*“ совершенно потеряла голову. Въ статьѣ „Къ школьному вопросу въ Карпатской Руси“ редакція этой газеты пишетъ сдѣдующее: „О невозможности и недопустимости хотя бы только временнаго остановленія здѣсь (въ Галиціи) нынѣ прежней „украинской“ школы, въ какомъ бы то ни было объемѣ и видѣ, конечно, теперь уже и говорить не приходится“. Украинская школа, по словамъ „Прикарпатской Руси“, содѣйствовала „распущенности и грубости нравовъ“, не только благодаря тому, что она „проникнута фанатическою ненавистью къ русскому народу“ (?), но и потому, что она „тенденціозно исковеркана искусственнымъ псевдо-малорусскимъ жаргономъ и нелѣпымъ фонетическимъ правописаніемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ „допущеніе малорускаго язьіка въ карпато-русскія школы логически вызвало бы и оживило бы подобныя же вожделѣнія и попытки также и по отношенію къ школамъ южныхъ и западныхъ губерній Россіи и, такимъ образомъ, опять выдвинуло бы на дневную очередь и оживило бы новою настойчивостью и силой заглохшую было въ послѣднее время агитацію въ этомъ направленіи“.

— Въ № 25 „Рѣчи“ помѣщена рецензія *Мих. Могилянскаго* на книгу Ор. Левицкаго „Волынські оповидання“.

— Въ №№ 17 и 22 московскаго „Голоса Москвы“ помѣщена большая статья *Л. Бурчака* „Галиційскія культурныя организаціи“, въ которой авторъ останавливается на дѣятельности главнымъ образомъ „Просвіти“, „Нукового товарища им. Шевченка“. Статья даетъ много матеріала для сужденія о степени развитія украинской культуры въ Галиціи.

— Тотъ же авторъ на столбцахъ той же газеты въ статьѣ „*Украинская опасность*“ вскрываетъ сущность обвиненій, предъявляемыхъ къ украинству, доказывая совмѣстимость осуществленія національныхъ украинскихъ стремленій съ общегосударственными интересами.

— Въ № 10 (январь II) за 1915 г. „Бюллетеней Литературы и Жизни“ среди библиограф и по національному вопросу (стр. 271—275) находимъ нѣкоторыя,— къ сожалѣнію, случайныя,—указанія и на статьи, помѣщенныя въ нашемъ журналѣ.

— Въ той же книжкѣ „Бюллетеней“ перепечатана рецензія *С. Рклицкаго* (изъ 4-й кн. „Украинская Жизнь“ за 1914 г.) на изслѣдованіе проф. К. В. Харламповича „Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь“, т. I.

— „*Кіевская Мысль*“ въ № отъ 10-го февраля помѣщаетъ краткую рецензію на коллективную работу сотрудниковъ „Украинской Жизни“ „Галичина, Буковина и Угорская Русь“, называя эту книгу „лучшимъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ изданій“ на данную тему.

— *Новыя книги о Галичинѣ.* 1) Катаевъ. И. М. Даніилъ Романовичъ Галицкій. Галицкая Русь въ XIII—XIV в. в. до присоединенія къ Польшѣ (очеркъ) съ картою въ текстѣ. Изд. „Школа“ Москва. 32 стр., ц. 8 к. 2) Проф. Г. И. Танфильевъ. Галиція и Буковина. Географическій очеркъ. Одесса 1915 г. 3) Д. Вергунъ. „Что такое Галиція?“ Петроградъ. Ц.? 4) Витте Е.-де. „Буковина и Галичина“. Ц.? 5) Богдановичъ М. „Угорская Русь“. „Библіотека войны“ № 24. Москва. 1914. 6) Н. Шаховская. „Кн. Даніилъ Галицкій“. Ц. 10 к. М. Изд. Некрасова.

Отъ редакціи.

— Въ различныхъ изданіяхъ въ связи со смертью академика Ѳ. Е. Корша отмѣчено было и его исключительно дружественное отношеніе къ украинцамъ. Не регистрируя здѣсь этихъ указаній, мы постараемся систематизировать ихъ въ слѣдующей книжкѣ „Украинской Жизни“, которую предположено посвятить памяти и выясненію заслугъ покойнаго друга украинскаго народа.

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій.

№ Ж 3362 п

Открыта подписка на 1915 годъ.

На прогрессивную, общественнно-политическую и литературную газету

ПОЛТАВСКІЙ

Годъ изданія 3-й. **ДЕНЬ** Годъ изданія 3-й.

Условія подписки:

На 12 мѣс.—6 р., | 6 м.—3 р. 20 к. | 3 м.—1 р. 70 к. | 1 м.—60 к.

ВНИМАНІЮ АНОНСОДАТЕЛЕЙ.

„Полтавскій День"—наиболѣе распространенная газета въ Полтавской губ.

ТАКСА НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Для иногородныхъ: впереди текста 40 к. со строки петита или мѣста, занимаемаго ею; **позади текста 30 к** со строки петита или занимаемаго ею мѣста. **Для мѣстныхъ** впереди текста **25 к.** за строку петита или мѣста, занимаемаго ею; **позади текста 15 к.** со строки петита или занимаемаго ею мѣста. **Объявленія лицъ, ищущихъ мѣста или занятій,** печатаются позади текста съ платой за каждый разъ **15 к.** за объявленіе изъ трехъ строкъ петита и **10 коп. за каждую добавочную строку.**

Адресъ: **г. Полтава, редакція газеты „Полтавскій День": Тел. № 533.**

Л. БУРЧАКЪ.

ГАЛИЦІЯ

ЕЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Съ картой и многими иллюстраціями.
Цѣна 20 коп. съ перес. 30 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Б. Садовая, 15, кв. 60. Е. П. Іовенко.

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА У ЛЬВОВІ

Ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ.

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ.“

Петроградъ. 3-й годъ изданія. Вышелъ № 1 (январскій). Содержаніе: 1. Благо тебѣ, очарованный братъ. Стихотв. — Маріэтты Шагинянъ. 2. Армянскому народу. Стихотвореніе.—Маріэтты Шагинянъ. 3. Суровые дни (Въ деревнѣ). За семью печатями.—Ив. Шмелева. 4. Стражи закона. Очеркъ.—Пьера Милля. Перев. съ французскаго. 5. Шиповники. Разсказъ.—Вѣры Станевичъ. 6. Три стихотворенія.—С. Парнокъ. 7. Драма крестьянина. Повѣсть.—І. Линнанкоски. Пер. съ финскаго.—М. П. Благовѣщенской. 8. Индійскіе цвѣты (Бгартригари) и двоестрочія.—К. Бальмонта. 9. 1) Байрону, 2) Генераламъ двѣнадцатаго года. Стихотв.—Марины Цвѣтаевой. 10. Парижъ во время великихъ событій.—Мих. Павловича. 11. Въ Германіи въ декабрѣ мѣсяцѣ.—Ж. Вердэна. 12. Балканская мозаика.—Влад. Викторова-Топорова. 13. Проблема войны въ литературѣ Франціи.—Андрея Левинсона. 14. Первый курортный съѣздъ.—Б. Веселовскаго. 15. Государственная роспись на 1915 годъ.—А. Лещa. 16. Дороговизна жизни.—Н. Огановскаго. 17. Польскіе обывательскіе комитеты и евреи.—Григорія Ландау. 18. Матеріалы къ психологіи переживаемаго времени: 1) Кумиры. Ромэна Роллана. 2) Протестъ. Артура Шницлера. 19. Научная работа П. Л. Лаврова.—Н. Карѣева. 22. О положеніи и задачахъ философіи въ Россіи.—Б. Яковенко. 21. Новый коллективный трудъ о западно-европейской литературѣ.—Ал. Гвоздева. 22. Библіографія. 256 стр. текста; цѣна въ отдѣльной продажѣ 60 коп.

Продолжается подписка на 1915 г. Съ достав. и перес.: годъ 4 руб., 6 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 25 к. Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала: Петроградъ, Загородный пр., 21, въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Отдѣльные номера продаются во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и высылаются изъ главной конторы журнала за 60 коп., наложеннымъ платежомъ—80 коп.

Издательница **С. И. Чацкина.**

Ежедневная газета. 11-й г. изданія.

„ГОЛОСЪ ЮГА.“

«Голосъ Юга» помѣщаетъ сообщенія собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. «Голосъ Юга» помѣщаетъ корреспонденціи заграничн. корреспондентовъ изъ Парижа и Лондона. «Голосъ Юга» получаетъ, кромѣ агентскихъ телеграммъ, также телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ столицъ и другихъ крупныхъ городовъ. Отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы передаются собственными думскими корреспондентами — членами Государственной Думы. Въ «Голосѣ Юга» помѣщаются статьи по политическимъ и общественнымъ вопросамъ извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей. «Голосъ Юга» даетъ иллюстрированныя приложенія, посвященныя важнѣйшимъ событіямъ общей и мѣстной жизни, а также помѣщаетъ портреты и рисунки въ текстѣ газеты. Во всѣхъ крупныхъ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ нашего района «Голосъ Юга» имѣетъ корреспондентовъ, доставляющихъ свѣдѣнія по почтѣ, телеграфу и телефону. **Подписная цѣна:** съ доставкой: на годъ—8 руб., ½ года—4 р. 25 к., 3 мѣсяца—2 р. 25 к., 1 мѣсяцъ—75 к. Безъ доставки: на годъ—7 р., ½ года—3 р. 75 к., 3 мѣсяца—2 р. 10 к., 1 мѣсяцъ—70 к. Учителя, земскіе и городскіе служащіе, рабочіе, крестьяне и сельскіе священники платятъ въ годъ 6 рублей съ пересылкой. Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка—при подпискѣ 3 р., 1-го апрѣля 3 р. и 1-го сентября 2 р. Контора помѣщается въ г. Елисаветградѣ, по Московской улицѣ, въ д. Златкевича. Открыта съ 8 час. утра до 7 ч. веч.

Издатель **Д. С. Горшковъ.**

Замовляйте собі негайно на 1915 рік

український хліборобський і спільничо-товариський (кооперативний) журнал

„ТЕПЛА РОСА."

«Тепла Роса» буде служити потребам селянина хлібороба і помагати йому в хозяйстві практичними порадами; буде писати про хліборобство, скотарство, садівництво, пасішництво, хороби на худобі, права і закони, про кооперацію (спілкування) на селі. «Тепла Роса» буде давать звістки про всі цікаві новини і про важні події нашого життя, писати про життя селян-хліборобів; отповідати на запитання читачів. «Теплою Росою» ми хочемо помогти селянинові поставити хозяйство на кращий лад, як показуэ наука, оживить думку хлібороба, разбить байдужість, дати світа і усунути з селянського життя те лихо, котре його обгортаэ. В «Теплій Росі» будуть писати агрономи, спеціялисти, хозяі-практики і др.; будутъ уміщатися малюнки. Виходить двічи на місяць. Рік іде од 1 ноября до 1 ноября. **Ціна** од 1 марта до 1 ноября 1915 р. **1 р. 25 коп.** Одно число на пробу 7 коп.

Адреса редакції журнала «Тепла Роса»: Москва, Новослобідська ул., 50 п. 44. Редакторъ-Видавець агроном природник Лесь Красівський.

„ЛОХВИЦКОЕ СЛОВО."

Газета выходитъ 2 раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ (100 №№ въ годъ), на русскомъ и украинскомъ языкахъ, посвященная мѣстнымъ вопросамъ общественно-экономической жизни, техники сельскаго хозяйства и кооперации. 4-й годъ изданія. Въ настоящемъ году газета «Лохвицкое Слово» будетъ выходить по прежней программѣ и при увеличенномъ составѣ сотрудниковъ. Въ связи съ Европейской войной, въ газетѣ печатаются телеграммы и помѣщаются обзоры военныхъ событій. **Подписная цѣна: на годъ 1 р. 30 к., ½ года—75 к.** Подписка принимается: Лохвица, Общество сельскихъ хозяевъ.

Открыта подписка на 1914—1915 г.

(Подписной годъ съ сентября.)

На дѣтскій литературно-художественный журналъ. 7-й годъ изданія.

„ДОБРОЕ УТРО."

Журналъ одобренъ многими инспекторами и педагогами народныхъ училищъ. Подписная цѣна: на годъ—3 руб., на ½ года—1 руб. 75 коп. Всѣ наши юные читатели и читательницы получатъ: 24 №№ богато-иллюстрированнаго журнала, 30 безплатныхъ приложеній, 20 №№ для младшихъ братьевъ и сестеръ. Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Сказки Андерсена. 3 карты изъ жизни животныхъ и растеній. Азбуку для малышей. Ученическій календарь. Книгу Русскихъ сказокъ. Книгу, какъ собирать растенія. Альбомъ открытокъ для раскрашиванія. Журналъ будетъ выходить подъ редакціей Г. Д. Дѣева-Хомяковскаго, Н. В. Покровскаго, С. А. Разсадина. При ближайшемъ участіи: Е. Н. Опочинина, В. А. Гиляровскаго, Н. В. Ченцова, С. С. Розанова, С. Н. Кошкарова, С. Д. Дрожжина,, М. Н. Денисова, Н. Чехова и мн. др. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Карбасникова, и др., а также почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россіи, к-рѣ журнала «Будильникъ». Адресъ редакціи и конторы: Москва, Екатерининская пл., Александровск. ул., д. 8, кв. 18.

„Товариство „ЧАС“ у Київі“.

КРАМНИЦЯ „ЧАС“,

Київ. В.-Володимирська, 53, (проти городського театру).

ПРОДАЄ:

1) **українські книги, газети, журнали, альбоми, малюнки, гравюри, листівки, портрети, книги по українознавству,** писані иншими мовами, ілюстрований одривний календарь „Час“, і т. и.

2) добірні вироби українського народнього рукомества кустарныя, издѣлія): ткацьки (килими, плахти, станки, джегри, крайки, вишивані мережані та старовинні (весільні) рушники, вишивані та мережані сорочки та набори до них, скатерті, хустки, сереветки, і т. и.). Гуцульскі вироби (килими, коці, запаски, крайки, череси, дзюбанки, гердани, дармовіси, цятковані вироби і т. и.).

Добірні глиняні вироби інструктора кераміки п. Білоскурського з Київщини, опішнянського гончаря Гладиревського та инших, з Полтавщини, Київщини, Черніговщини, то-що (куманці, глечики, миски, тарілки, філіжанки, тежики, вироби з червіньки і т. и.): Артистичні стільні українскі вироби, з білої глини, Івана Левинського у Львові (Галичина).

Каталог та цінник (прейс-курант) висилаються даром.

Галичина, Буковина, Угорская Русь.

СОСТАВЛЕНО СОТРУДНИКАМИ ЖУРНАЛА

„Украинская Жизнь“.

Съ рисунками въ текстѣ и картой Галичины, Буковины, Угорской Руси, исполненной въ краскахъ. 230 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Кн-во „ЗАДРУГА“.
Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(четвертый годъ изданія).

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

„Украинская Жизнь“ въ 1915 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Въ теченіе 1915-го г. въ „Украинской Жизни“ будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ исторіи **Галиціи и Буковины**, національно-политическимъ отношеніямъ въ нихъ, характеристикѣ культурно-просвѣтительныхъ организацій, характеристикѣ украинско-галицкихъ писателей и экономической политикѣ края.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	— р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ **5** руб., на 6 мѣс. **2** руб. **50** к. и на 3 мѣс. **1** р. **25** к. съ доставкою и пересылкою.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ **60** к.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

Москва, Б. Полянка, 32.—Тел. № 3-44-48.

127

Тип. Т-ва Рябушинскихъ ква.

ПРОВЕРЕНО
С/Ф. 19 87
0,60к

3362/1915
№2

БІБЛЇОТЕКА
III
Ж-15024
1915-2

23[illegible]7
Україн.
Жизнь
1[illegible]
1915
№2

III
HC-15024
1915-3/6

XXIV
Сб. 3.
Дубов
1928/5290.

III
2/C15024
1915-3/4

07

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

1908/5290.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1915 Г.
№ 3—4.

Москва. Годъ изданія четвертый.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Портретъ Ѳ. Е. Корша.

I. **Біографія Ѳедора Евгеніевича Корша.** 5

II. **Галичина въ цифрахъ.** Статистическо-демографическая справка. *С. Е.* 17

III. **Украинская кооперація въ Галичинѣ** *(Окончаніе будетъ). В. В. Садовскаго.* 22

IV. **De profundis.** *Вячеслава Прокоповича.* 31

V. **Акад. Ѳ. Е. Коршъ, какъ украинолюбецъ и украиновѣдъ.** *Проф. А. Крымскаго.* 41

VI. **Ѳ. Е. Коршъ объ украинскомъ вопросѣ** (*Окончаніе будетъ). О. Бѣлоусенка.* 48

VII. **Ѳ. Е. Коршъ и украинство.** *С. А. Ефремова.* . . . 65

VIII. **Трезвость на украинѣ** (Письмо изъ Полтавской губ.). *А. Киржницъ* 78

IX. **С. Ю. Витте и украинское слово.** *А. А. Русова* . . 95

X. **Памяти Ѳ. Е. Корша** (Изъ личныхъ воспоминаній). *А. Ѳ. Саликовскаго.* 98

XI. **Ѳ. Е. Коршъ и украинское Евангеліе.** *П. І. Стебницкаго.* 106

XII. **Случайныя замѣтки:** I. О польской прессѣ и „сказаніе“ В. А. Маклакова объ украинской интеллигенціи. *С. В. Петлюры.*—II. Тряпичкины-очевидцы. *Мих. Могилянскаго.*—III. О выступленіи акад. Соболевскаго по украинскому вопросу. *П. Тернивскаго.* 111

XIII. **По поводу статьи Г. Алексинскаго** 122

XIV. **Изъ русскихъ журналовъ** (В. Мякотинъ о выступленіи П. Струве). *Л. Бурчака* 124

XV. **Изъ русскихъ газетъ.** I. П. Боборыкинъ о „грядущихъ осложненіяхъ“. II. „Заурядъ-нарѣчіе“. *Homuncalus'a.* 132

XVI. **Смерть Ѳ. Е. Корша въ откликахъ русской печати** *П.* 138

XVII. **На Украинѣ и внѣ ея.** За два мѣсяца.—Закрытіе „Теплоі Роси“.—Годовщина смерти Т. Г. Шевченка.—Галицкая выставка въ Петроградѣ.—Изъ жизни украинскаго общества въ Каменцѣ-Подольскомъ.—Чествованіе памяти Т. Шевченка въ Екатеринославѣ и дѣятельность „Просвіти“, вызванная войной. *Е. Виров-го.*—Смерть и похороны Ѳ. Е. Корша.—Чествованіе памяти Ѳ. Е. Корша. *Б. С.*—Музей и могила П. Кулиша.—Вѣсти изъ Галичины и про Галичину.—Бесѣды ген.-губ. Г. Бобринскаго.—В. Шухевичъ (†).—Наивные вопросы галичанъ 144

XVIII. **Библіографія.** Юрій Крижаничъ о политикѣ Москвы по отношенію къ Украинѣ. *В. И. Пичеты.*—Проф. А. Погодинъ „Зарубежная Русь“. *Н. М.*—Г. Хоткевич „Гірські акварелі“. *Л. Бурчака.*—Іванові Франкові в сороклітте його письменськоі праці. *С. П.*—Списокъ сочиненій акад. Ѳ. Е. Корша по украинскому вопросу и на украинскомъ языкѣ . 169

XIX. Литературная лѣтопись. Книги, поступившія въ ре-

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 3—4.

Годъ изданія четвертый.

Москва.—1915 г.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 3362 П

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., с. д.
1915.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Портретъ Ѳ. Е. Корша.

I. **Біографія Ѳедора Евгеніевича Корша.** 5

II. **Галичина въ цифрахъ.** Статистическо-демографическая справка. *С. Е.* 17

III. **Украинская кооперація въ Галичинѣ** *(Окончаніе будетъ). В. В. Садовскаго.* 22

IV. **De profundis.** *Вячеслава Прокоповича.* 31

V. **Акад. Ѳ. Е. Коршъ, какъ украинолюбецъ и украиновѣдъ.** *Проф. А. Крымскаго.* 41

VI. **Ѳ. Е. Коршъ объ украинскомъ вопросѣ** (*Окончаніе будетъ). О. Бѣлоусенка.* 48

VII. **Ѳ. Е. Коршъ и украинство.** *С. А. Ефремова.* . . . 65

VIII. **Трезвость на украинѣ** (Письмо изъ Полтавской губ.). *А. Киржницъ* 78

IX. **С. Ю. Витте и украинское слово.** *А. А. Русова* . . 95

X. **Памяти Ѳ. Е. Корша** (Изъ личныхъ воспоминаній). *А. Ѳ. Саликовскаго.* 98

XI. **Ѳ. Е. Коршъ и украинское Евангеліе.** *П. І. Стебницкаго.* 106

XII. **Случайныя замѣтки:** I. О польской прессѣ и „сказаніе“ В. А. Маклакова объ украинской интеллигенціи. *С. В. Петлюры.*—II. Тряпичкины-очевидцы. *Мих. Могилянскаго.*—III. О выступленіи акад. Соболевскаго по украинскому вопросу. *П. Тернивскаго.* 111

XIII. **По поводу статьи Г. Алексинскаго** 122

XIV. **Изъ русскихъ журналовъ** (В. Мякотинъ о выступленіи П. Струве). *Л. Бурчака* 124

XV. **Изъ русскихъ газетъ.** I. П. Боборыкинъ о „грядущихъ осложненіяхъ“. II. „Заурядъ-нарѣчіе“. *Homuncalus'a.* 132

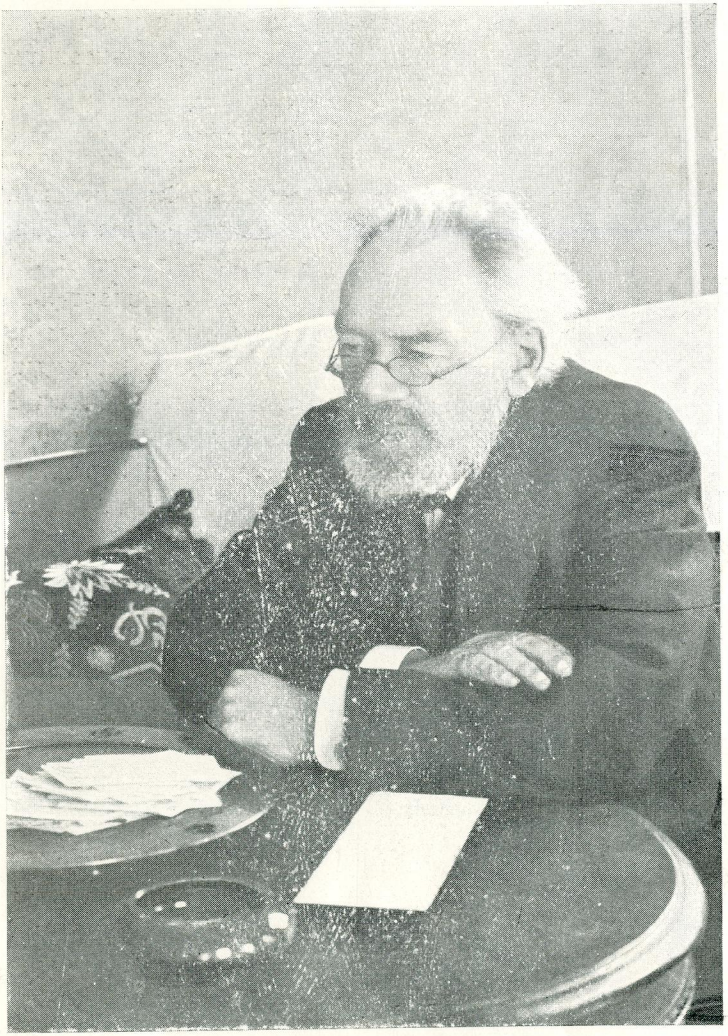
XVI. **Смерть Ѳ. Е. Корша въ откликахъ русской печати** *П.* 138

XVII. **На Украинѣ и внѣ ея.** За два мѣсяца.—Закрытіе „Теплої Роси“.—Годовщина смерти Т. Г. Шевченка.—Галицкая выставка въ Петроградѣ.—Изъ жизни украинскаго общества въ Каменцѣ-Подольскомъ.—Чествованіе памяти Т. Шевченка въ Екатеринославѣ и дѣятельность „Просвіти“, вызванная войной. *Е. Виров-го.*—Смерть и похороны Ѳ. Е. Корша.—Чествованіе памяти Ѳ. Е. Корша. *Б. С.*—Музей и могила П. Кулиша.—Вѣсти изъ Галичины и про Галичину.—Бесѣды ген.-губ. Г. Бобринскаго.—В. Шухевичъ (†).—Наивные вопросы галичанъ 144

XVIII. **Библіографія.** Юрій Крижаничъ о политикѣ Москвы по отношенію къ Украинѣ. *В. И. Пичеты.*—Проф. А. Погодинъ „Зарубежная Русь“. *Н. М.*—Г. Хоткевич „Гірські акварелі“. *Л. Бурчака.*—Іванові Франкові в сорокліттє його письменськоі праці. *С. П.*—Списокъ сочиненій акад. Ѳ. Е. Корша по украинскому вопросу и на украинскомъ языкѣ . 169

XIX. Литературная лѣтопись. Книги, поступившія въ редакцію 177

XX. Объявленія.



F. Kohlrausch

Біографія Ѳедора Евгеніевича Корша[1]).

Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ родился 22-го апрѣля 1843 г. въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Университетской типографіи, въ квартирѣ редактора „Московскихъ Вѣдомостей", которымъ былъ въ то время отецъ Ѳ. Е., Евгеній Ѳедоровичъ (1810—1897), бывшій прежде университетскимъ библіотекаремъ, впослѣдствіи занимавшій около 30 лѣтъ мѣсто библіотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ, дѣятельный литераторъ и переводчикъ. Родоначальникъ русской вѣтви Коршей, по преданію, выселился въ Россію изъ Силезіи при Петрѣ Великомъ въ числѣ другихъ иноземныхъ горнорабочихъ. Фамилія Коршъ встрѣчается въ восточной Германіи до сихъ поръ. Е. Ѳ. былъ женатъ на Софьѣ Карловнѣ Рейссигъ, дочери полковника, выходца изъ Гессенъ-Касселя, лютеранкѣ, принявшей впослѣдствіи православіе. Ѳ. Е. еще ребенкомъ подвергался дважды тяжелой мозговой болѣзни („воспаленіе въ мозгу", какъ говорили тогда), спасеніе отъ которой безъ потери умственныхъ способностей считалось почти чудомъ. Тѣмъ не менѣе онъ выучился грамотѣ рано и незамѣтно, по вывѣскамъ и заглавіямъ, и скоро пристрастился къ чтенію. Развитію въ немъ интереса къ книгѣ способствовала та высоко образованная среда, которая его окружала съ младенческихъ лѣтъ, такъ какъ его отецъ былъ виднымъ членомъ кружка Герцена и Грановскаго. Въ 1849 г. Е. Ѳ. съ семействомъ переѣхалъ въ Петербургъ на мѣсто редактора „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи". И тамъ, въ его домѣ, бывали извѣстные общественные дѣятели, ученые и писатели: Николай, Дмитрій и Владиміръ Алексѣевичи Милютины, Гр. Гр. Даниловичъ, переѣхавшіе раньше изъ Москвы Петръ Гр. Рѣдкинъ и Конст. Дм. Кавелинъ (женатый на сестрѣ Е. Ѳ.

---

[1]) Настоящая біографія Ѳ. Е. Корша, по свѣдѣніямъ редакціи, сообщеннымъ семьею покойнаго, носитъ автобіографическій характеръ. *Ред.*

Антонинѣ), Ив. А. Гончаровъ, Ив. Ив. Панаевъ, его жена А. Я. („Станицкій"), Н. А. Некрасовъ, А. А. Краевскій, наѣзжавшіе въ Петербургъ Ив. Серг. Тургеневъ, Пав. Вас. Анненковъ (въ то время издававшій Пушкина), Н. Н. Буличъ (изъ Казани), Дм. Ив. Каченовскій (изъ Харькова) и др. Лѣтъ съ восьми Ѳ. Е. началъ учиться болѣе или менѣе систематически подъ руководствомъ сестры отца, Маріи Ѳедоровны, жившей въ семьѣ брата, умной и, по-тогдашнему, образованной, владѣвшей тремя иностранными языками—французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, друга Грановскаго и Герцена, съ семействомъ котораго въ 1847—1848 г. она посѣтила Францію, Италію и Швейцарію. Когда Е. Ѳ. занялъ мѣсто помощника редактора „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ", къ кругу его знакомыхъ присоединился редакторъ этого журнала, извѣстный Николай Ив. Надеждинъ. Въ этотъ періодъ времени, въ возрастѣ отъ 9 до 11 лѣтъ, любимымъ занятіемъ Ѳ. Е. было чтеніе о звѣряхъ и птицахъ, что заставляло нѣкоторыхъ взрослыхъ предполагать въ немъ наклонность къ естественнымъ наукамъ. Въ началѣ 1854 г. Грановскій во время своего пребыванія въ Петербургѣ уговорилъ Е. Ѳ. послать сына къ нему для помѣщенія его въ извѣстный тогда въ Москвѣ пансіонъ Ром. Ив. Циммермана (pensionnat attaché à l'Eglize Réformée) съ тѣмъ, чтобы праздники онъ проводилъ у Грановскаго. Осенью того же года Ѳ. Е. былъ отправленъ въ Москву и по своимъ познаніямъ принятъ Циммерманомъ въ третій классъ. Этотъ пансіонъ, какъ и вообще частныя учебныя заведенія въ тѣ годы, состоялъ подъ почти лишь формальнымъ надзоромъ инспектора изъ профессоровъ, пріѣзжавшаго чуть ли не только на экзаменъ. Такимъ правительственнымъ инспекторомъ въ пансіонѣ Циммермана былъ профессоръ фармакологіи Н. Б. Анке, пріятель директора, весельчакъ и шутникъ. Прочно установленной программы не было, и новые предметы преподаванія—правда, второстепенные—такъ же легко и внезапно появлялись, какъ и отмѣнялись; но главные предметы всѣ были на-лицо, и преподаваніе было обставлено хорошо. Въ числѣ преподавателей находились лучшія педагогическія лица того времени,—напр., А. К. Ивановъ—для исторіи и географіи, Ив. Карл. Гедике (сынъ пастора и лютеранинъ, но истый москвичъ)—для русской словесности, протоіерей И. М. Богословскій-Платоновъ—для Закона Божія,—и даже универси-

тетскіе профессора—извѣстный экономистъ Ив. Кондр. Бабстъ и лекторъ нѣмецкаго языка, отличный латинистъ Ю. К. Фелькель. Преподавались въ пансіонѣ языки русскій, французскій и нѣмецкій (съ I класса), латинскій (съ III класса), греческій и англійскій (съ IV класса), Законъ Божій православный и для „нѣмцевъ"—протестантскій, математика, физика, естественная исторія, исторія всеобщая, исторія русская, географія, космографія (временно), политическая экономія и статистика (также), риторика и піитика въ связи съ философіей (также), танцы, гимнастика (для желающихъ—и фехтованіе), рисованіе и хоровое пѣніе. Эти предметы пользовались далеко не одинаковымъ вниманіемъ. Особенно хорошо было поставлено преподаваніе языковъ. Ѳ. Е. скоро пристрастился къ занятію языками, преимущественно древними, и самъ, безъ учителя, ознакомился съ итальянской грамматикой. Впослѣдствіи онъ узналъ, что Гедике хотѣлъ сдѣлать изъ него слависта, но для увлеченія славянскими языками въ училищѣ было слишкомъ мало данныхъ. 4-го октября 1855 г. Грановскій умеръ, а 12-лѣтняго Ѳ. Е., перешедшаго уже въ IV классъ, началъ брать къ себѣ по праздникамъ Н. Х. Кетчеръ, извѣстный переводчикъ Шекспира. Къ тому времени пансіонъ изъ своего помѣщенія со Старой Басманной былъ переведенъ на Моховую, въ домъ Скворцова, состоявшій тогда изъ одного двухъэтажнаго зданія въ глубинѣ двора, съ большимъ садомъ за этимъ зданіемъ. Въ 1856 г. Е. Ѳ. вернулся въ Москву по приглашенію Каткова и Леонтьева для того, чтобы вмѣстѣ съ ними и съ проф. П. Н. Кудрявцевымъ издавать „Русскій Вѣстникъ", и такимъ образомъ Ѳ. Е. попалъ снова въ свое семейство. Къ этому времени относится его знакомство съ А. В. Станкевичемъ, съ которымъ впослѣдствіи, несмотря на разницу въ возрастѣ, его связывала горячая дружба, съ М. С. Щепкинымъ, знаменитымъ актеромъ, котораго, впрочемъ, видалъ еще въ своемъ дѣтствѣ, и съ профессорами университета, помимо Леонтьева и Кудрявцева, С. Дм. Шестаковымъ (тогда уже въ отставкѣ), Серг. М. Соловьевымъ, Н. А. Поповымъ, Б. Н. Чичеринымъ, Ѳ. М. Дмитріевымъ, М. Н. Капустинымъ, С. и К. Рачинскими и др. Въ 1860 г. Ѳ. Е. вступилъ въ московскій университетъ студентомъ историко-филологическаго факультета. Окончившіе курсъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ должны были для поступленія въ университетъ держать экзаменъ въ казенныхъ гимна-

зіяхъ. Въ 1860 и 1861 г. этотъ порядокъ былъ „въ видѣ опыта“ видоизмѣненъ такъ, что всѣ желающіе попасть въ число студентовъ экзаменовались въ особыхъ комиссіяхъ по отдѣльнымъ предметамъ экзамена, состоявшихъ изъ гимназическихъ учителей съ профессорами во главѣ и засѣдавшихъ въ университетѣ. Extemporale съ русскаго языка на латинскій, продиктованное учителемъ первой гимназіи Я. В. Смирновымъ, основательнымъ латинистомъ, Ѳ. Е. написалъ безъ ошибки, но изъ алгебры неизбѣжно провалился бы, если бы не былъ спасенъ тѣмъ снисхожденіемъ, которое тогдашніе учителя математики сплошь да рядомъ оказывали на экзаменахъ будущимъ филологамъ, какъ и учителя классическихъ языковъ—будущимъ математикамъ. Въ университетѣ Ѳ. Е. слушалъ и по возможности записывалъ всѣ лекціи, кромѣ богословія, не связаннаго ни съ однимъ факультетомъ въ особенности и сдававшагося на экзаменахъ по руководству Макарія, и новыхъ языковъ, преподаваніе которыхъ въ университетѣ начиналось почти съ азбуки. Литографіи лекцій появились впервые лишь тогда, когда онъ кончалъ курсъ, и возбудили противъ себя общее неудовольствіе искажавшими ихъ ошибками. На-ряду съ классическими языками онъ съ перваго курса принялся за изученіе санскрита подъ руководствомъ профессора восточныхъ языковъ (по уставу 1835 г.) П. Я. Петрова. Тотъ же профессоръ читалъ одновременно арабскій языкъ, но Ѳ. Е., боясь обременить себя на первый разъ большимъ количествомъ предметовъ, рѣшился принять участіе въ этомъ курсѣ лишь со второго полугодія, для чего ему пришлось нагонять своихъ товарищей собственными силами. Оба эти языка онъ слушалъ до послѣдней возможности, т.-е. санскритъ, преподаваемый ежегодно, — до конца учебнаго 1864—1865 года, когда вольному посѣщенію лекцій былъ положенъ конецъ недостаткомъ времени, а языкъ арабскій—до конца 1863—1864 г., когда Петровъ объявилъ курсъ персидскаго языка, который Ѳ. Е. также прослушалъ. Турецкаго языка Петровъ не любилъ и потому не преподавалъ, говоря, что на немъ нечего читать, и Ѳ. Е. познакомился съ этимъ языкомъ и другими того же корня уже безъ посторонней помощи. Между преподавателями историко-филологическаго факультета въ то время ученостью или дарованіями выдавались С. М. Соловьевъ, Степ. Вас. Ешевскій, Ѳедоръ Ив. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ. Кромѣ этихъ

яркихъ представителей своихъ спеціальностей заслуживаютъ особаго упоминанія трое скромныхъ преподавателей, мало извѣстныхъ внѣ круга ихъ слушателей,—уже названный П. Я. Петровъ, не столько научно, сколько живо усвоившій себѣ не менѣе 10 восточныхъ и западныхъ языковъ и любовно прививавшій ихъ знаніе своей малочисленной аудиторіи, Г. А. Ивановъ, тонкій знатокъ латинскаго языка и превосходный учитель и переводчикъ, и Э. Ѳ. Клинъ, онѣмеченный лужичанинъ изъ Саксоніи, читавшій лекціи по латинской грамматикѣ и римской литературѣ исключительно на латинскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ. Гораздо большую извѣстность, которую однако нельзя назвать славой, стяжалъ себѣ первый преподаватель философіи въ московскомъ университетѣ по возстановленіи преподаванія этой науки Памфилъ Дан. Юркевичъ, не блиставшій ни оригинальностью, ни опредѣленностью своихъ воззрѣній, но отличавшійся основательнымъ знаніемъ своего предмета, образцовой вышколенностью мыслительнаго процесса и ясностью изложенія.

Переходъ на второй курсъ (въ 1861 г.) ознаменовался для Ѳ. Е. двумя событіями: 1) лѣто онъ провелъ впервые въ имѣніи А. В. Станкевича, Курлакѣ (Ворон. губ., Бобр. у.), гдѣ затѣмъ онъ гостилъ часто вплоть до кончины владѣльца (въ 1912 г.); 2) въ сентябрѣ вспыхнули крупные студенческіе безпорядки, которымъ Ѳ. Е. противодѣйствовалъ по мѣрѣ своихъ силъ, уговаривая своихъ товарищей по курсу, споря съ коноводами волненій на сходкахъ и посѣщая лекціи до послѣдней крайности (напр., запершись вдвоемъ съ проф. Петровымъ въ аудиторіи „Юридическая внизу“, читалъ съ нимъ Хамасу въ то самое время, какъ въ профессорской студенты чуть не побили попечителя Н. В. Исакова). Историко-филологическій факультетъ—вообще не изъ легкихъ, а тогда былъ особенно труденъ для прохожденія. Такъ-называемыхъ „факультетскихъ“ (т.-е. безусловно важныхъ) предметовъ было на немъ не менѣе восьми, но только по имени, а на дѣлѣ, при дѣленіи наукъ на отрасли, читаемыя иногда разными преподавателями, ихъ было больше. И всѣ они были одинаково обязательны всѣмъ. Экзамены сдавались въ теченіе мѣсяца черезъ два года: въ концѣ второго курса и въ концѣ четвертаго. Какъ усердно ни занимайся въ году, почти къ каждому экзамену приходилось готовиться тѣмъ усерднѣе, что нѣкоторые профессора пре-

доставляли студентамъ завершать посредствомъ собственнаго чтенія недоведенные до конца курсы или пополнять такимъ образомъ фактическую сторону, оставленную почти незатронутой въ лекціяхъ. Такъ, у Ешевскаго курсъ номинальный, но обязательный—средняя исторія, курсъ дѣйствительный—паденіе западной Римской имперіи, пособіе—вторая часть „средняго“ Вебера (въ переводѣ Евг. Ѳед. и Валентина Ѳед. Коршей); у Соловьева номинальный и обязательный курсъ—русская исторія до Петра I, дѣйствительный—содержаніе перваго отдѣла XIII тома его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, пособіе—соотвѣтствующая часть его учебника. При такихъ условіяхъ прочитывать въ короткое время приходилось такъ много разнообразныхъ лекцій и пособій, что и самымъ добросовѣстнымъ студентамъ случалось являться на экзаменъ съ далеко не полной подготовкой. Такъ, и Ѳ. Е., отвѣтивъ хорошо изъ курса Ешевскаго, неминуемо провалился бы по одному вопросу изъ нечитанной имъ части учебника, если бы не припомнилъ кое-какихъ свѣдѣній изъ своего частнаго чтенія.

По окончаніи курса со степенью кандидата и по представленіи сочиненія „Deetymologia Lucretiana“ Ѳ. Е. былъ оставленъ Леонтьевымъ при каѳедрѣ римской словесности со стипендіей имени Грановскаго (кажется, въ 400 руб.) на два года для приготовленія къ испытанію на степень магистра. Эта мѣра была принята, повидимому, съ согласія всѣхъ членовъ факультета, кромѣ профессора греческой словесности Іос. Ив. Пѣховскаго, который изъ окончившихъ въ томъ году курсъ признавалъ наиболѣе даровитымъ Людоміра Щербовича-Вечора, автора сборника стихотвореній „Kwiaty marzeń“. Для того, чтобы не быть въ тягость отцу, содержавшему большое семейство исключительно своимъ трудомъ, Ѳ. Е., еще будучи студентомъ, давалъ частные уроки, а по выходѣ изъ университета принялъ мѣсто учителя латинскаго языка въ высшемъ классѣ того пансіона, въ которомъ воспитывался недавно самъ, но по отъѣздѣ Циммермана за границу принадлежавшаго Цаму. Пансіонъ находился уже въ упадкѣ, а это такъ невыгодно отражалось на ученьѣ, что Ѳ. Е. ушелъ оттуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ по рекомендаціи Леонтьева онъ былъ приглашенъ на должность преподавателя французскаго языка въ Александровское военное училище, гдѣ,

благодаря заботамъ директора ген. Шванебаха и особенно инспектора капитана Павла Николаевича Юшенова, преподавали Чупровъ, Ключевскій, замѣчательный математикъ-классикъ Цвѣтковъ и другіе менѣе извѣстные, но почтенные ученые и педагоги. Это было въ 1866—1867 г., а еще въ 1865 г. по предложенію того же Леонтьева Ѳ. Е. было поручено преподаваніе греческаго языка на первомъ курсѣ независимо отъ лекцій ординарнаго профессора Пѣховскаго, которыя, по мнѣнію предлагавшаго, были мало полезны слушателямъ.

Приблизительно къ тому же времени относится начало занятій Ѳ. Е. ново-греческимъ языкомъ и „Словомъ о полку Игоревѣ".

Между тѣмъ Ѳ. Е. дѣятельно готовился къ магистерскому экзамену и собиралъ матеріалы для диссертаціи. Въ 1867 г. бывшій въ то время деканомъ С. М. Соловьевъ, считая его колебанія относительно назначенія срока экзамена слѣдствіемъ неосновательной робости, самъ назначилъ день перваго испытанія. Въ тѣ времена экзамены на степень магистра римской или греческой словесности, за исключеніемъ перевода латинскихъ текстовъ, производились обязательно сплошь на латинскомъ языкѣ. Благодаря своему участію во всѣхъ упражненіяхъ, которыми руководилъ Клинъ, это условіе почти нисколько не затрудняло Ѳ. Е. Выдержавъ благополучно экзаменъ, онъ приступилъ къ писанію диссертаціи „De versu saturnio" и 31-го мая 1868 г. успѣшно защитилъ ее. Диспутъ происходилъ также на латинскомъ языкѣ. Тогда же онъ былъ избранъ въ штатные доценты (по уставу 1863 г.) и командированъ за границу на два года съ пособіемъ въ 1,000 руб. при жалованіи въ 1,200 руб.

Осенью онъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ классическая филологія была въ ту пору богато представлена. Будучи принятъ въ число студентовъ берлинскаго университета и „имматрикулированъ", онъ слушалъ въ теченіе двухъ семестровъ лекціи Гаупта (Тибуллъ, Аристофанъ, Ѳеокритъ), Кирхгофа (Гесіодъ, Эврипидъ, греческая діалектологія), Гюбнера (латинская эпиграфика), Моммсена (царствованіе Августа) и посѣщалъ семинаріи первыхъ двухъ профессоровъ, но лишь въ качествѣ сторонняго слушателя, такъ какъ активное участіе въ семинарскихъ занятіяхъ, обязательно сопряженное съ полученіемъ казенной стипендіи, разрѣша-

лось только прусскимъ подданнымъ. Однимъ изъ его товарищей по слушанію лекцій былъ извѣстный впослѣдствіи знатокъ греческихъ трагиковъ, приватъ-доцентъ мюнхенскаго университета Николай Векклейнъ. Между берлинскими пріятелями Ѳ. Е., впрочемъ, значительно старшими, можно отмѣтить издателя трагедій Софокла Густава Вольфа и полиглота Абеля. Часть свободнаго отъ университетскихъ занятій времени Ѳ. Е. посвящалъ ознакомленію съ хранящимися въ королевской библіотекѣ памятниками языка вымершихъ балтійскихъ славянъ, расширенію своихъ познаній въ языкахъ итальянскомъ и чешскомъ и сведенію данныхъ, собранныхъ имъ для толкованія „Слова о полку Игоревѣ“, въ связный комментарій къ этой во многихъ отношеніяхъ загадочной поэмѣ. Осенью 1869 г. Ѳ. Е. переселился въ Вѣну, гдѣ, не посѣщая университетскихъ лекцій, занимался практически языками сербо-хорватскимъ, словѣнскимъ и, въ виду поѣздки въ Италію, итальянскимъ, читая на этихъ языкахъ и, при случаѣ, разговаривая. Знакомству его со словѣнскимъ языкомъ (который въ лекціяхъ московскаго слависта Іос. Макс. Бодянскаго, едва упоминался, и то подъ именемъ хорутанскаго) сильно содѣйствовали докторъ Прешернъ, племянникъ поэта Франца Прешерна, и особенно докторъ Л. М. Енко, позже основавшій въ Люблянѣ кружокъ любителей русскаго языка. Весною 1870 г. Ѳ. Е. поѣхалъ въ Римъ. Тамъ онъ осматривалъ музеи и окрестности города, замѣчательныя остатками древности, иногда вмѣстѣ съ проф. Влад. Ив. Герье. Въ нѣмецкомъ археологическомъ институтѣ онъ былъ принятъ директоромъ Генценомъ (Henzen) и секретаремъ Гельбигомъ (Helbig) въ качествѣ лица, имъ уже не безызвѣстнаго, такъ какъ въ запискахъ института была помѣщена, при посредствѣ проф. (теперь академика) Н. П. Кондакова, университетскаго товарища Ѳ. Е., его поправка къ большой ольвійской надписи, списанной Ив. Егор. Забѣлинымъ, потомъ Кондаковымъ и позже профессоромъ копенгагенскаго университета Уссингомъ, который самостоятельно предложилъ ту же самую поправку. Въ Римѣ Ѳ. Е. познакомился также съ Корссеномъ (Corssen), изучавшимъ тогда памятники этрусскаго письма для своего сочиненія объ этрусскомъ языкѣ, съ издателемъ Проперція Герцбергомъ (Herzberg) и съ молодымъ приватъ-доцентомъ, впослѣдствіи профессоромъ въ Килѣ и Ростокѣ Рихардомъ Ферстеромъ,

собиравшимъ матеріалы для изданія сочиненій Ливанія и въ цѣляхъ полноты этой работы обратившимся къ Ѳ. Е. съ просьбой о сличеніи Ливаніевыхъ текстовъ по рукописямъ московской патріаршей библіотеки, что Ѳ. Е. исполнилъ немедленно по возвращеніи въ Москву. Изъ Рима Ѳ. Е. вмѣстѣ съ А. В. Станкевичемъ и его семействомъ посѣтилъ Неаполь и его окрестности, Помпеи и Флоренцію. Въ началѣ іюня 1869 г. черезъ Вѣну и Берлинъ онъ вернулся въ Россію.

Съ осени того же года онъ началъ лекціи въ университетѣ, читая то на высшихъ, то на низшихъ двухъ курсахъ и объясняя Иліаду (съ обширными введеніями историко-литературными, историческими или лингвистическими), Пиндара и другихъ лириковъ, Ѳукидида, Лисія, Теренція, Лукреція, Цицерона, Катулла, Горація, Проперція, Овидія, Стація, и отъ времени до времени излагая стихосложеніе классическихъ языковъ. При этомъ онъ велъ семинарій по греческому языку, говоря и заставляя студентовъ говорить и писать исключительно по-латыни. Это удавалось ему вполнѣ до тѣхъ поръ, когда въ его семинаріи начали появляться такіе студенты, которые прошли полный курсъ гимназій, перестроенныхъ по уставу министра гр. Дм. А. Толстого. Принимая живое участіе въ университетскихъ дѣлахъ, Ѳ. Е. былъ сильно встревоженъ и разстроенъ покушеніями того же министра на уставъ 1863 г., которыя начались циркулярами, отмѣнявшими отдѣльныя статьи устава, но неисполнимыми и тѣмъ вносившими анархію въ жизнь университетовъ, а увѣнчались въ 1875 г. образованіемъ комиссіи изъ Н. А. Любимова, профессора физики въ московскомъ университетѣ Гезена, бывшаго въ то время, кажется, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, но болѣе извѣстнаго изготовленіемъ спичекъ въ компаніи съ Мичинсономъ, Александра Ив. Георгіевскаго, вѣрнаго сподвижника Дм. А. Толстого и предсѣдателя ученаго комитета того же министерства, и Ив. Петр. Новикова, чуть ли не интендантскаго и во всякомъ случаѣ нестроевого генерала, будто бы знавшаго по-латыни, подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова. Эта комиссія разъѣзжала по университетамъ, посѣщала лекціи и допрашивала преподавателей по одиночкѣ, стараясь одного сбить отвѣтами другого, иногда перетолкованными, и такимъ путемъ добывая матеріалы для новаго устава или, точнѣе, для уничтоженія стараго. Много желательныхъ ми-

нистерству матеріаловъ было доставлено комиссіи Любимовымъ въ видѣ памфлета противъ университетовъ, напечатаннаго на правахъ рукописи для тѣхъ, „кому о томъ вѣдать надлежитъ“. Когда эта брошюра была доставлена частнымъ образомъ проф. Сергѣю Алексѣевичу Усову, одному изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ устава 1863 г., кружокъ его единомышленниковъ, человѣкъ около 30, въ томъ числѣ и Ѳ. Е., составили и послали Любимову записку съ обвиненіемъ въ измѣнѣ профессорскимъ обязанностямъ и съ отказомъ отъ всякихъ сношеній съ нимъ. На это посланіе Любимовъ отвѣчалъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ гаерской статейкой доноснаго характера. Проф. Владиміръ Ив. Герье, который уже стяжалъ себѣ почетную извѣстность своими статьями противъ новаго устава, появившимися въ „Вѣстникѣ Европы“, возразилъ на эту выходку статьей въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Любимовъ отвѣтилъ и ему. Ѳ. Е. опровергъ его отвѣтъ, воспользовавшись услугами той же газеты, которая тогда и получила отъ „Моск. Вѣдомостей“, числившихся официально органомъ московскаго университета, ироническое прозвище „профессорской газеты“. Завязалась оживленная полемика, которая могла бы затянуться, если бы не была прекращена свыше.

Въ 1877 г. Ѳ. Е. защитилъ докторскую диссертацію подъ заглавіемъ „Способы относительнаго подчиненія. Глава изъ сравнительнаго синтаксиса“ и вскорѣ былъ избранъ въ экстраординарные профессора, а черезъ нѣсколько лѣтъ— въ ординарные. Около того же времени онъ женился. Отъ этого брака у него съ 1879 до 1884 включительно родилось четверо дѣтей, но второй ребенокъ (дѣвочка) прожилъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Лѣтомъ 1884 г., послѣ долгихъ споровъ и колебаній, былъ, наконецъ, утвержденъ новый университетскій уставъ, имѣвшій очень мало общаго съ первоначальнымъ проектомъ 1873—4 г., который содержалъ въ себѣ параграфъ о свободѣ слушанія съ однимъ государственнымъ, независимымъ отъ прочитанныхъ курсовъ экзаменомъ въ концѣ и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ защитника, впрочемъ, безсильнаго, въ лицѣ Ѳ. Е. Къ осени 1885 г. новый уставъ былъ введенъ въ университеты, и Ѳ. Е., какъ, вѣроятно, и многіе другіе профессора, скоро убѣдился въ томъ, что научные курсы приходится замѣнить болѣе популярными. Успѣшности университетскихъ занятій мѣшали и частые безпорядки. Съ

1887 г. начались выпускныя испытанія въ комиссіяхъ, называемыя теперь государственными. Они производились тогда въ два пріема—весною и осенью. Сначала Ѳ. Е. былъ членомъ московской историко-филологической испытательной комиссіи, а въ 1889 г. получилъ отъ министра графа Делянова назначеніе въ предсѣдатели такой же комиссіи въ новороссійскомъ университетѣ. Проживъ въ Одессѣ около пяти мѣсяцевъ и заинтересовавшись разноплеменнымъ населеніемъ этого города, памятниками греческой культуры въ его окрестностяхъ и возникшимъ тогда при университетѣ историко-филологическимъ Обществомъ, ознаменовавшимъ себя на первыхъ порахъ кипучей и плодотворной дѣятельностью, Ѳ. Е. перешелъ временно въ тамошній университетъ. Въ Одессѣ онъ поддерживалъ оживленныя и отчасти дружескія отношенія съ греками и много занимался языками ново-греческимъ и средне-греческимъ. Въ 1891 г. прежній порядокъ экзаменовъ въ комиссіяхъ былъ отмѣненъ: всѣ испытанія были сосредоточены въ концѣ апрѣля и въ маѣ. Въ этомъ году Ѳ. Е. былъ командированъ въ качествѣ предсѣдателя историко-филологической испытательной комиссіи въ университетъ св. Владиміра. Тамъ онъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ и сошелся за это время съ проф. Владиміромъ Вонифатьевичемъ Антоновичемъ, Павломъ Игнатьевичемъ Житецкимъ и нѣкоторыми молодыми представителями украинофильства и, пользуясь указаніями проф. Кнауэра, расширилъ свои изслѣдованія по древне-индійскому стихосложенію изученіемъ ведійскихъ размѣровъ. Весною 1892 г. Ѳ. Е. вернулся въ Москву и былъ немедленно назначенъ предсѣдателемъ историко-филологической комиссіи при с.-петербургскомъ университетѣ. Съ того же года онъ состоитъ преподавателемъ персидской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Въ 1893 г. онъ былъ предсѣдателемъ испытательной комиссіи въ Харьковѣ. Въ 1894 г. онъ подвергся административной карѣ въ числѣ тѣхъ профессоровъ, которые подали генералъ-губернатору вел. кн. Сергію Александровичу жалобу на полицію, произвольно арестовавшую множество студентовъ по обвиненію въ безпорядкахъ. Въ 1897 г. кара была съ него снята, и съ тѣхъ поръ до 1902 г., за исключеніемъ 1899 г., когда онъ предсѣдательствовалъ вторично въ Харьковѣ, онъ бывалъ назначаемъ въ томъ же качествѣ въ с.-петербургскій университетъ то на историко-филологическій факультетъ, то

на восточный. Въ 1900 г. онъ былъ избранъ въ ординарные академики отдѣленія русскаго языка и словесности академіей наукъ, членомъ-корреспондентомъ которой по историко-филологическому отдѣленію числился уже нѣсколько лѣтъ. Не перенося петербургскаго климата, Ѳ. Е. остался въ Москвѣ, но по нѣсколько разъ въ годъ ѣздилъ въ Петербургъ на засѣданія академіи и состоящихъ при ней комиссій. Одна изъ такихъ комиссій—для составленія діалектологической карты Россіи—открыта въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Е. Въ 1908 г. по иниціативѣ Ѳ. А. Чудовскаго образовалось Общество славянской культуры въ Москвѣ, и Ѳ. Е. былъ единогласно избранъ въ его предсѣдатели. Обязанности, сопряженныя съ этимъ званіемъ, вовлекли его въ сношенія съ разными славянскими народами и заставляли не разъ выступать публично съ докладами и рѣчами о различныхъ вопросахъ, касающихся славянства, и писать въ журналахъ и газетахъ на такія же темы, особенно объ отношеніяхъ великороссовъ къ малороссамъ. Въ 1910 г. онъ былъ предсѣдателемъ историко-филологической испытательной комиссіи при московскомъ университетѣ.

Галичина въ цифрахъ

(Статистически-демографическая справка [1]).

По офиціальной переписи австрійскаго населенія въ концѣ 1910 г. во всей Галичинѣ насчитывалось 8.025,675 жителей, въ томъ числѣ 7.980,477 австрійскихъ подданныхъ.

По религіозному признаку населеніе Галичины распадалось на слѣдующія группы:

Р.-католики	3,731,569, или	46,5%
Гр.-католики (уніаты)	3,379,613 „	42,1%
Іудеи	871,895 „	10,9%
Прочіе	42,598 „	0,5%
Всего	8,025,675 „	100%

Въ отношеніи употребляемаго въ домашнемъ обиходѣ языка офиціальная статистика того же года даетъ слѣдующія цифры:

Польскій языкъ употребляли	4,672,500, или	58,5%
Украинскій „ „	3,208,092 „	40,2%
Нѣмецкій „ „	90,114 „	1,1%

Эти офиціальныя цифры не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и должны быть исправлены сообразно съ фактическимъ отношеніемъ говорящихъ на томъ или другомъ языкѣ. По необходимыхъ исправленіяхъ,—выдѣленіи въ особую группу евреевъ и перечисленіи части украинцевъ, занесенныхъ въ польскую рубрику,—это фактическое отношеніе выразится въ такомъ видѣ (въ круглыхъ цифрахъ):

Польскій языкъ въ дѣйств. употребляли	3,650,000, или	45%
Украинскій „ „ „	3,450,000 „	43%
Еврейскій „ „ „	800,000 „	10%
Нѣмецкій „ „ „	150,000 „	2%

Такимъ образомъ, этнографическій составъ населенія въ Галичинѣ фактически можетъ быть опредѣленъ слѣдующими цифрами:

---

[1]) Составлено по офиціальному изданію „Podręcznik statystyki Galicyi wydany przez krajowe biuro statystyczne“ pod. red. Tad. Pilata, tom IX, cz. 1—2, Lwów, 1913, съ поправками по работамъ В. Охримовича въ „Студіях з поля суспільних наук і статистики“, три тома, Львів, 1909—1912.

Поляковъ около	3,600,000,	или 45%
Украинцевъ „	3,450,000	„ 43%
Евреевъ „	870,000	„ 11%
Нѣмцевъ „	80,000	„ 1%

Среди украинцевъ было около 3.330,000 уніатовъ и около 120,000 рим.-католиковъ („латинники"); среди поляковъ—около 3.550,000 р.-католиковъ и около 50,000 уніатовъ; среди нѣмцевъ—около 40,000 протестантовъ и около 40,000 р.-католиковъ.

**
*

Галичина дѣлится на двѣ области: Восточную Галичину и Западную. Граница между ними проходитъ по западной линіи уѣздовъ („повіт") Сяноцкаго, Березовскаго, Перемышльскаго и Ярославскаго.

Населеніе Восточной Галичины въ концѣ 1910 г. распадалось по вѣроисповѣданію на слѣдующія группы (въ круглыхъ цифрахъ):

Уніаты	3,293,000,	или 61,7%
Р.-католики	1,351,000	„ 25,3%
Іудеи	659,000	„ 12,3%
Прочіе.	33,000	„ 0,7%
Всего . .	5,336,000	„ 100%

По національности населеніе Восточной Галичины фактически состояло изъ:

Украинцевъ въ числѣ	3,373,000,	или 63,2%
Поляковъ „	1,240,000	„ 23,2%
Евреевъ „	650,000	„ 12,3%
Нѣмцевъ „	60,000	„ 1,1%

Официальная статистика число украинцевъ (русинъ—Ruthen) опредѣляетъ цифрой 3.133,194, или 58,9% всего населенія, т.-е. на 140,000, или 4,3%, меньше, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности.

Въ Западной Галичинѣ въ концѣ 1910 г. было 87,000 уніатовъ, изъ нихъ украинцевъ 77,000; официальная статистика это число уменьшаетъ до 75,000 чел.

Хотя въ Восточной Галичинѣ большинство населенія украинское, а въ Западной—польское, тѣмъ не менѣе раздѣленіе на Восточную и Западную области не совпадаетъ съ дѣйствительной этнографической границей между украинцами и поляками. Западные отрѣзки „повітовъ" Ярославскаго, Березовскаго и Сяноцкаго принадлежатъ собственно къ польской этнографической территоріи, и, наоборотъ,

юго-восточная полоса, простирающаяся вдоль Карпатъ, заселена украинцами („лемками"), т.-е. относится къ украинской этнографической территоріи.

Этнографическая граница между украинцами и поляками въ Галичинѣ, начинаясь на карпатскомъ водораздѣлѣ около села Шлехтовой, тянется сперва на востокъ, а затѣмъ на сѣверъ по линіи поселеній Північна, Грибів, Горлиці, Жмигород, Дукля, Риманів, Заршин, Сянок, Динів, Дубецьке, Радимно, Ярослав и Синява до Тарнограда въ Царствѣ Польскомъ. На юго-востокъ отъ этой линіи простирается украинская этнографическая территорія, къ сѣверо-западу идетъ польская.

На украинской этнографической территоріи украинцы составляютъ коренное населеніе въ количествѣ 64% всѣхъ жителей края. Среди украинцевъ, преимущественно по городамъ и рѣже въ деревняхъ, живутъ поляки въ количествѣ 23%, евреи—12% и нѣмцы—1%. Такое соотношеніе существуетъ, если брать всю украинскую этнографическую территорію въ Галичинѣ въ цѣломъ. Однако по отдѣльнымъ мѣстностямъ указанное соотношеніе мѣняется, обнаруживая значительныя колебанія. Въ этомъ отношеніи украинская этнографическая территорія распадается на слѣдующіе районы:

1-й районъ обнимаетъ собой „повіти" гуцульско-покутскіе, расположенные на юго-востокѣ Галичины: Надворна, Коломия, Печеніжин, Косів, Снятин, Товмач, Городенка, Заліщики и Борщів, гдѣ украинцы составляютъ 66—88%, поляки 4—18%, евреи 8—20%;

2-й—обнимаетъ „повіти", расположенные по карпатскому предгорью и приднѣстровью: Богородчани, Калуш, Долина, Рогатин, Бібрка, Жидачів, Стрий, Сколе, Дрогобич, Турка, Старий Самбір и Ліско,—здѣсь украинцы составляютъ 64—86%, поляки 5—20%, евреи 8—18%;

3-й—обнимаетъ „повіти" сѣверной Галичины: Яворів, Рава, Жовква и Сокаль, гдѣ украинцы составляютъ 66—80%, поляки 13—18%, евреи 8—15%;

4-й—обнимаетъ „повіти" галицкой Волыни и Подолья: Гусятин, Чортків, Скалат, Теребовля, Тернопіль, Збараж, Броди, Камінка, Струмилова, Зборів, Золочів, Перемишляни, Бережани, Підгайці, Бучач и Станиславів,—здѣсь украинцы составляютъ 55—72%, поляки 18—34%, евреи 8—18%;

*

5-й—обнимаетъ „повіти“ средней Галичины: Львів, Городок, Рудки, Самбір, Добромиль, Мостиська, Цішанів, Перемишль и Ярослав,—здѣсь украинцы составляютъ 40—66%, поляки 20—50%, евреи 8—20%, и, наконецъ,

6-й—обнимаетъ „повіти“ Лемковщины: на востокѣ—Сянік и Березіев, на западѣ—Кросно, Ясло, Горлиці, Новий Санч и Грибів,—здѣсь украинцы заселяютъ только южную (горную) полосу вдоль венгерской границы, составляя компактную массу населенія (до 88%), однако въ отношеніи къ населенію всего района находятся въ меньшинствѣ: 10—50%.

Кромѣ того, отдѣльныя украинскія поселенія вкраплены и въ „повітах“ Западной Галичины: Переворск, Ланьцут, Стрижів, Новий Торч и Ряшів.

***

Въ административномъ отношеніи Галичина раздѣляется на 84 „повіта“ (уѣзды, округи); изъ этого числа 53 „повіта“ находятся въ Восточной Галичинѣ и 31 въ Западной.

На восточныхъ „повітах“ украинцы по отношенію ко всему населенію даннаго „повіта“ составляли:

Въ	18	„повітах“ . . . . 75—88%
„	10	„ . . . . 66—75%
„	22	„ . . . . 50—66%
„	3	„ . . . . 40—50%
„	1	„ 16%

Въ западныхъ:

Въ	1	„повітѣ“ 25%
„	3	„ . . . . 10—20%
„	3	„ . . . . 5—10%
„	4	„ . . . . 1— 5%

Всѣхъ „громад“ (обществъ, поселеній) въ Галичинѣ къ концу 1910 г. считалось 6,242; изъ нихъ 3,757 были въ Восточной Галичинѣ и 2,485 въ Западной.

По вѣроисповѣдному признаку громады распадались на группы:

	Вос. Гал.	Зап. Гал.	Вся Гал.
Съ уніатскимъ большинствомъ	3,028	144	3,172
„ католическимъ „	598	2,316	2,914
„ іудейскимъ „	90	21	111
„ протестантскимъ „	41	4	45
Всего	3,757	2,485	6,242

По національному признаку официальная статистика давала слѣдующее дѣленіе громадъ:

	Вос. Гал.	Зап. Гал.	Вся Гал.
Съ украинскимъ большинствомъ	2,812	137	2,949
„ польскимъ „	879	2,341	3,220
„ нѣмецкимъ „	66	7	73
Всего	3,757	2,485	6,242

Произведя въ этой официальной статистикѣ указанныя въ началѣ замѣтки поправки, получимъ фактическое соотношеніе громадъ по національному составу:

	Вос. Гал.	Зап. Гал.	Вся Гал.
Съ украинскимъ большинствомъ	3,047	137	3,184
„ польскимъ „	550	2,320	2.870
„ нѣмецкимъ „	70	7	77
„ еврейскимъ „	90	21	111
Всего.	3,757	2,485	6,242

***

Въ главной своей массѣ украинцы занимаются земледѣліемъ и обитаютъ преимущественно въ сельскихъ поселеніяхъ; въ городахъ даже Восточной Галичины украинцы составляютъ обычно меньшинство, уступая первое мѣсто польско-еврейскому населенію.

***

Въ періодъ 1900—1910 гг. на каждыя 10,000 душъ галицкаго населенія приходилось 432 рожденія и 266 смертей,— естественный приростъ всего населенія равнялся, такимъ образомъ, 166 душамъ. По отдѣльнымъ національностямъ этотъ приростъ распредѣлялся такъ: среди украинцевъ на 10,000 душъ приходилось 473 рожденія и 327 смертей,— естественный приростъ 146 душъ; среди поляковъ соотвѣтственныя цифры будутъ: 424, 268 и 156; среди евреевъ: 404, 208 и 196. Такимъ образомъ, у украинцевъ, несмотря на наивысшій процентъ рождаемости, благодаря существующей въ то же время и высокой смертности, наблюдается меньшій естественный приростъ, чѣмъ среди поляковъ и евреевъ. Точно также и фактическій приростъ населенія среди украинцевъ (8,7%) меньше, чѣмъ среди поляковъ (11,6%), хотя нѣсколько превышаетъ таковой же среди евреевъ. Это объясняется усиленіемъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія среди украинскаго населенія эмиграціи за предѣлы края.

С. Е.

Украинская кооперація въ Галичинѣ.

Кооперативное движеніе въ Галичинѣ есть результатъ исторіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Зародившись сравнительно недавно, оно, тѣмъ не менѣе, пріобрѣло къ настоящему времени такіе значительные размѣры, что мимо него не можетъ пройти тотъ, кто интересуется національными и общественными отношеніями въ краѣ.

Своеобразныя условія національной жизни Галичины отразились и на развитіи кооперативнаго движенія. Обостренная національная и партійная борьба разложила кооперативное движеніе по національностямъ и даже по партіямъ. Въ краѣ существуетъ,—вѣрнѣе—существовалъ,—рядъ параллельныхъ кооперативныхъ организацій—украинскихъ, польскихъ, еврейскихъ и москвофильскихъ. Въ задачи настоящаго очерка входитъ лишь ознакомленіе съ украинскимъ кооперативнымъ движеніемъ.

Интенсивное развитіе кооперативнаго движенія въ краѣ за послѣдніе годы можетъ быть въ значительной степени уяснено въ связи съ той экономической и національной обстановкой, въ которой пришлось пролагать себѣ путь движенію.

Преимущественно крестьянская украинская масса населенія Галичины (по даннымъ Бузека, въ земледѣліи занято 94,4% всего украинскаго населенія) при освобожденіи отъ крѣпостного права попала въ очень неблагопріятныя экономическія условія. Реформа 1848 г., проведенная съ ненадлежащей полнотой,—реформа, при которой помѣщики сохранили рядъ старыхъ привилегій,—отсутствіе дешеваго кредита для крестьянства, неблагопріятное разрѣшеніе вопроса о сервитутахъ, отсутствіе законодательныхъ мѣръ, направленныхъ въ защиту мелкой собственности,—всѣ эти условія создали то положеніе, что къ нашему времени почти половина всего крестьянства Галичины попала въ положеніе несостоятельныхъ производителей, ведущихъ хозяйство лишь на небольшихъ клочкахъ земли.

По даннымъ 1902 года, распредѣленіе хозяйства по размѣрамъ земельной площади въ восточной (украинской) Галичинѣ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Размѣры хозяйствъ въ гкт.	% количество хозяйствъ.
До 0,5 гкт.	6, 5
„ 0,5— 2 „	36, 1
„ 2 — 5 „	37, 2
„ 5 — 10 „	14, 4
„ 10 — 50 „	4, 4
„ 50 —100 „	0, 2
Свыше 100	0,34

Приведенныя цифры рѣзко и отчетливо указываютъ на малоземелье украинскаго крестьянства. При такомъ положеніи, съ увеличеніемъ народонаселенія, а слѣдовательно съ увеличеніемъ малоземелья, аграрный кризисъ долженъ былъ ощущаться крестьянствомъ все сильнѣе и сильнѣе. Выходъ изъ создавшагося положенія для отсталаго малоземельнаго крестьянскаго хозяйства былъ необходимъ. При сравнительно слабомъ развитіи галицкой промышленности переходъ избыточнаго сельскаго населенія въ индустрію существовалъ въ незначительной степени. Экономическое положеніе края указывало на возможность двухъ исходовъ для облегченія и ослабленія аграрнаго кризиса. Это были эмиграція и развитіе кооперативныхъ организацій. И тотъ, и другой способъ для ослабленія аграрнаго кризиса были использованы въ полной мѣрѣ, причемъ поскольку эмиграція являлась и является преимущественно стихійнымъ движеніемъ, постольку кооперативное движеніе есть результатъ организованной дѣятельности общественныхъ силъ.

Эмиграція изъ украинской Галичины пріобрѣла массовый характеръ съ начала девятисотыхъ годовъ минувшаго столѣтія; о размѣрахъ ея даютъ понятіе слѣдующія цифры. За десятилѣтіе 1900—1910 гг. изъ украинской Галичины эмигрировало 259,500 ч., что составляетъ 5,4% всего населенія, въ томъ числѣ украинцевъ 212,000, что составляетъ 7% украинскаго населенія.

Но само собою разумѣется, что эмиграція не могла разрѣшить аграрный кризисъ въ метрополіи. Радикальное ослабленіе этого кризиса могло произойти лишь на почвѣ приспособленія остающагося въ краѣ земледѣльческаго населенія къ новымъ хозяйственнымъ отношеніямъ. Осуществленіе этихъ задачъ и взяло на себя кооперативное движеніе.

Задачи кооперативнаго движенія, которыя диктовались

ему экономическими условіями, должны были сводиться къ облегченію перехода галицкаго крестьянскаго хозяйства отъ примитивнаго зернового къ интенсивному скотоводческому и земледѣльческому хозяйству.

Развитіе капитализма въ Австріи, создавшее въ ней усиленный спросъ на продукты сельскаго хозяйства, давало экономическую основу для разрѣшенія той задачи, которая стояла передъ кооперацією.

Интенсивность аграрнаго кризиса была одной изъ причинъ, которая способствовала быстрому развитію кооперації въ краѣ. Но было бы ошибочнымъ остановиться на одной лишь этой причинѣ и оставить безъ вниманія другую, которая сыграла не менѣе существенную роль въ развитіи кооперативнаго движенія въ краѣ. Мы имѣемъ въ виду ту тѣсную связь, которая существуетъ между развитіемъ кооперативнаго движенія въ Галичинѣ и общимъ подъемомъ здѣсь національной украинской жизни. Движеніе, направленное къ возрожденію угнетенныхъ національностей, въ мѣру своего развитія и укрѣпленія ставитъ себѣ экономическіе лозунги: освобожденіе данной національности отъ экономической зависимости чужихъ національностей.

Кооперація въ Галичинѣ привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе общественныхъ круговъ, пріобрѣла значительное количество силъ матеріальныхъ и духовныхъ, потому что она стала въ Галичинѣ національнымъ дѣломъ, однимъ изъ средствъ осуществленія задачъ національнаго возрожденія.

Если это обстоятельство создало въ галицкой украинской кооперації рядъ явленій, которыя для кооператоровъ чистой воды и будутъ представляться нежелательными,—напр., партійность кооперації, терпимое отношеніе къ частному національному предпринимательству,—то вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что только благодаря этой связи кооперації съ общимъ дѣломъ національнаго возрожденія и удалось ей достигнуть значительнаго развитія и значительныхъ успѣховъ.

Для характеристики тѣхъ задачъ, которыя ставятъ себѣ украинскіе кооператоры, очень любопытный матеріалъ даютъ матеріалы совѣщанія представителей украинской кооперації въ мартѣ—маѣ 1912 г.

Совѣщаніе остановилось на разсмотрѣніи общаго вопроса о соотношеніи между кооперативнымъ и частнымъ представительствомъ и приняло по этому вопросу отдѣль-

ную резолюцію. Заключительная часть резолюціи гласитъ: „вся наша торговая организація должна быть основана на принципѣ раціональной кооперації, причемъ кооперативная организація должна быть проведена съ полной послѣдовательностью, но при проведеніи ея необходимо относиться съ надлежащей осторожностью къ существующимъ уже здоровымъ зародышамъ украинской національной торговли и, въ случаѣ надобности, организовать въ отношеніи къ частной торговлѣ кампанію для проведенія на практикѣ лозунга: „свой къ своему“.

Едва ли такая резолюція могла бы удовлетворить послѣдовательнаго кооператора; съ увѣренностью можно сказать, что съ точки зрѣнія послѣдовательной кооперації противъ такой формулировки задачъ кооперації былъ бы выдвинутъ цѣлый рядъ возраженій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что только благодаря такой формулировкѣ своихъ задачъ украинская кооперація въ Галичинѣ достигла того развитія, которое мы видимъ передъ войной.

Развитіе украинской кооперації относится, какъ было уже сказано, къ послѣднимъ двумъ десятилѣтіямъ, вѣрнѣе— даже къ послѣднему десятилѣтію, хотя отдѣльныя украинскія кооперативныя организаціи начали основываться значительно раньше: среди нынѣ существующихъ украинскихъ кооперативныхъ организацій наиболѣе старой является кредитное товарищество: „В і р а“ въ Тисьменицѣ, основанное въ 1873 г.; изъ отдѣльныхъ позднѣйшихъ датъ необходимо отмѣтить 1883 г.,—годъ основанія первой и долгое время единственной потребительской украинской организаціи: „Н а р о д н а Т о р г о в л я“ во Львовѣ,—и 1891 годъ, когда крупнѣйшее въ краѣ культурно-просвѣтительное Общество „П р о с в і т а“ включило въ число своихъ задачъ работу въ экономической области. Исторія массоваго развитія украинской кооперації должна быть начата съ 1894 года, когда въ Перемышлѣ было основано кредитное товарищество „В і р а“. Вслѣдъ за этимъ товариществомъ начали возникать и другіе. Съ конца девяностыхъ годовъ начали создаваться центральныя кооперативныя организаціи для отдѣльныхъ видовъ кооперативовъ; созданіе такихъ организацій имѣло благотворное вліяніе на развитіе кооперативнаго движенія на мѣстахъ, которое съ конца девяностыхъ годовъ развивается и идетъ впередъ все болѣе быстрымъ темпомъ. О степени интенсивности этого развитія даетъ представленіе слѣдую-

щая таблица, указывающая на число кооперативныхъ организацій въ отдѣльные годы:

Годы.	Число кооперативовъ.	Число членовъ.	Паи въ кронахъ.	Кассовый оборотъ въ кронахъ.	Прибыль въ кронахъ.
1899	18	6539	225580	6111065	22525
1902	55	23363	792944	24111110	100232
1905	100	46630	1390974	46416344	153406
1908	227	88842	2936486	123405741	268118
1911	511	165293	5748467	283316235	373767

Переходя къ болѣе подробному изложенію положенія отдѣльныхъ видовъ кооперацiи, мы предварительно должны отмѣтить, что, какъ указано уже выше, наше изложеніе въ связи съ поставленной задачей не охватываетъ всей кооперацiи въ украинской Галичинѣ. Кромѣ украинскихъ кооперативныхъ организацій въ Галичинѣ существуетъ рядъ польскихъ, еврейскихъ и москвофильскихъ кооперативныхъ Обществъ.

Еврейскія кооперативныя организаціи, почти исключительно кредитныя, обслуживаютъ нужды еврейскаго населенія. Польскія кооперативныя организаціи, пользующіяся значительными субсидіями изъ правительственныхъ средствъ, объединяютъ все польское населеніе, такъ отчасти и украинское. Но національная борьба и національные антагонизмы, которые такъ сильны въ Галичинѣ, сдѣлали совмѣстную дѣятельность Обществъ въ цѣляхъ обслуживанія нуждъ той и другой національности крайне затруднительной. Въ польскихъ организаціяхъ экономическія нужды украинскаго населенія регулярно оставались въ пренебреженіи и не были обслуживаемы въ должной мѣрѣ. Поэтому съ ростомъ національнаго сознанія украинскія кооперативныя организаціи, состоящія изъ украинцевъ, выходятъ изъ польскаго кооперативнаго объединенія и присоединяются къ украинскому. Но и къ послѣднему времени опредѣленное число украинскихъ кооперативныхъ организацій примыкало къ польскому объединенію. Рядомъ съ польскими кооперативными объединеніями существуетъ въ Галичинѣ и правительственное учрежденіе по содѣйствію кооперацiи— такъ-называемый патронатъ. Это учрежденіе, задачей котораго официально является содѣйствіе развитію кооперацiи среди всѣхъ національностей края, фактически вело національную польскую политику.

Въ послѣдніе годы, передъ войной, при усилившемся при-

токѣ средствъ и оживленіи дѣятельности москвофильскихъ организацій была сдѣлана попытка организаціи москвофильскихъ кооперативныхъ обществъ. Дѣятельность въ этомъ направленіи, основанная на партійныхъ соображеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нуждами населенія, сводилась лишь къ внесенію раздора и разлада въ уже существующія, достаточно сильныя украинскія объединенія, и признать положительными результаты этой дѣятельности затруднительно.

Но при существованіи ряда параллельныхъ кооперативныхъ организацій громадное большинство кооперативовъ среди украинскаго населенія принадлежало къ украинскимъ объединеніямъ. Поэтому изложеніе положенія украинской кооперації въ извѣстной степени есть изложеніе положенія кооперації среди всего украинскаго населенія Галичины.

При относительной бѣдности украинцевъ интеллигентными силами, при слабомъ развитіи грамотности, особое значеніе въ развитіи кооперації пріобрѣтаютъ учрежденія по содѣйствію кооперації; на ихъ дѣятельности мы и остановимся въ первую очередь.

Украинцы располагаютъ двумя учрежденіями по содѣйствію кооперації. Дѣятельностью въ этомъ направленіи занимается старѣйшее изъ украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ Обществъ „Просвіта“ и Общество „Сільскій Господарь“.

Впервые „Просвіта“ ввела въ кругъ своей дѣятельности содѣйствіе кооперації въ 1891 г., но первые годы работа ея въ этомъ направленіи была очень незначительной и ограничивалась изданіемъ ряда книгъ на сельскохозяйственныя и кооперативныя темы. Въ 1896 г. при „Просвіт'ѣ“ учреждается должность агронома, далѣе должность инструктора по кооперації. Ими устраиваются въ деревняхъ лекціи на сельскохозяйственныя и кооперативныя темы, оказывается содѣйствіе учрежденію кооперативныхъ организацій и производится инструктированіе ихъ. При отдѣленіяхъ „Просвіти“ въ деревняхъ возникаетъ рядъ кооперативныхъ организацій—товарищескія лавки, кассы. Къ концу 1912 г. при отдѣленіяхъ „Просвіти“ было 540 товарищескихъ лавокъ и 257 кассъ. Особенно развилась дѣятельность „Просвіти“ въ направленіи содѣйствія кооперації съ 1906 года, когда при „Просвіт'ѣ“ была выдѣлена хозяйственно-промышленная комиссія, въ число задачъ которой входило и содѣйствіе коопе-

раціи. Въ послѣдніе годы, съ возникновеніемъ ряда спеціальныхъ кооперативныхъ организацій, взявшихъ на себя веденіе той работы, которая производилась „Просвітой", дѣятельность ея въ этомъ направленіи принимаетъ болѣе спеціальный характеръ. Отъ обслуживанія кооперативнаго движенія въ цѣломъ „Просвіта" съ появленіемъ спеціальныхъ организацій для осуществленія этихъ цѣлей отказывается и ограничиваетъ свою дѣятельность изданіемъ кооперативной и сельскохозяйственной литературы и завѣдываніемъ основанными ею сельскохозяйственными и торговыми школами. Эти школы, создавая рядъ подготовленныхъ къ кооперативной работѣ лицъ, имѣютъ немаловажное значеніе для дальнѣйшаго развитія кооперацiи.

Общество „Сільскій Господарь" было основано въ 1898 г., но дѣятельность его, какъ краевого Общества, начинается съ 1905 г. Задача Общества по новому уставу, принятому въ 1909 году,—способствовать улучшенію благосостоянія украинскаго народа путемъ улучшенія сельскаго хозяйства и домашнихъ промысловъ. Для осуществленія этихъ цѣлей Общество представляетъ интересы украинскаго населенія передъ правительствомъ, основываетъ сельскохозяйственныя и кооперативныя Общества, распространяетъ сельскохозяйственныя знанія путемъ изданія книгъ, брошюръ, устройства лекцій и курсовъ, устраиваетъ показательныя поля и образцовыя хозяйства, занимается посредничествомъ при покупкѣ земли, сельскохозяйственныхъ продуктовъ, машинъ, искусственнаго удобренія и т. д. Къ концу 1912 г. „Сільский Господарь" имѣлъ 90 отдѣленій, 1,151 кружокъ и 26,612 членовъ. Общество болѣе всего удѣляетъ вниманія устройству сельскохозяйственныхъ лекцій и курсовъ и издательству соотвѣтственной литературы. За три года, 1910—1912 гг., Обществомъ организовано въ различныхъ мѣстностяхъ 91 систематическій курсъ и 3,527 отдѣльныхъ лекцій. За тѣ же годы Обществомъ издано 27 брошюръ на сельскохозяйственныя и кооперативныя темы; кромѣ того имъ съ 1910 г. издается еженедѣльный с.-х. органъ „Господарська Часопись". При содѣйствіи Общества основано было сельскохозяйственныхъ Обществъ и кооперативныхъ организацій въ 1910 г. 24, въ 1911 г.—82, въ 1912 г.—71.

Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться болѣе подробно на дѣятельности этихъ двухъ организацій по содѣйствію кооперацiи. Намъ важно и необходимо лишь указать

на размѣры дѣятельности украинскихъ общественныхъ круговъ въ этомъ направленіи. Приведенныя же выше данныя это обстоятельство оттѣняютъ въ достаточной степени. Наиболѣе крупныя общественныя организаціи въ свои задачи вводятъ, какъ мы видимъ, работу въ этомъ направленіи, несмотря на то, что она не является ихъ непосредственной задачей; они для этой работы предоставляютъ и свои средства, и свои силы—тотъ большой и сложный аппаратъ, который не могъ бы быть у молодого кооперативнаго движенія, если бы оно разсчитывало только на самого себя. Это вниманіе къ кооперативному движенію со стороны посторонних организацій, это обслуживаніе его не чисто кооперативными учрежденіями находитъ свое объясненіе въ отношеніи украинскихъ общественныхъ круговъ къ кооперації, какъ къ національному дѣлу.

Изъ отдѣльныхъ отраслей кооперативнаго движенія наиболѣе значительной и развитой представляется кредитная кооперація. Первыми кредитными учрежденіями, получившими болѣе широкое распространеніе, были кассы при читальняхъ „Просвіти“, которыя начали возникать съ 1891 года. Число этихъ организацій довольно значительно; къ концу 1912 года общее число ихъ равнялось 257, но удѣльный вѣсъ ихъ въ кооперативномъ движеніи невеликъ. Несовершенная организація этихъ кассъ, отсутствіе капиталовъ и надлежащаго контроля не дали возможности этому типу кооперативныхъ учрежденій сколько-нибудь широко проявить свою дѣятельность.

Основой кредитной кооперації являются зарегистрованныя кредитныя товарищества на основаніи закона 1873 года. Къ 1912 году кредитныхъ товариществъ, принадлежащихъ къ украинскому кооперативному объединенію, насчитывалось 343; кромѣ того 402 украинскихъ товарищества примыкали къ краевому кооперативному объединенію—Патронату. Украинскія кредитныя товарищества организованы въ большинствѣ случаевъ въ послѣдніе годы; какъ мы указывали выше, начало массоваго кооперативнаго движенія принято относить къ 1894 году; позднее основаніе украинскихъ кредитныхъ кооперативовъ не могло не отразиться на ихъ финансовой мощности. Какъ по числу членовъ, такъ особенно по размѣру капиталовъ они значительно слабѣе польскихъ кооперативныхъ учрежденій, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, цифры, характеризующія ихъ современное положеніе, сами

по себѣ представляютъ достаточно внушительный характеръ. Приводимъ для сравненія нѣсколько цифръ.

Кредитныя товарищества, принадлежащія къ польскому объединенію, въ 1911 году имѣли:

	Товариществъ.	Членовъ.	Въ паяхъ.	Общій оборотъ капиталъ.	Общій кас. оборотъ.
Польскія . .	213	335563	44,6	260	5409
Украинскія .	320	120904	5,0	40	203

Кредитная кооперація, какъ и прочіе виды кооперації въ Галичинѣ, объединена и имѣетъ свой союзный центръ, кромѣ того она примыкаетъ къ общекооперативному украинскому объединенію, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Центромъ для украинской кредитной кооперації является „Краевий Союзъ Кредитовий“. Его функціи сводятся къ кредитованію союзныхъ товариществъ и организаціонной и инструкторской помощи имъ. Ненормальнымъ явленіемъ въ организаціи „Краевого Союзу Кредитового“ является то, что онъ является центральнымъ банкомъ не только для союзныхъ товариществъ,—членами союза могутъ быть и отдѣльныя лица, которыя и пользуются кредитомъ въ банкѣ союза. Но союзъ въ послѣдніе годы стремился стать исключительно банкомъ товариществъ и освободиться отъ членовъ союза—частныхъ лицъ. Къ концу 1912 года въ кредитномъ союзѣ состояло 889 членовъ, въ томъ числѣ 424 частныхъ лица. Резервные фонды и паи союза къ 1912 году равнялись 1,081 т. кр., вклады—2,098 т. кр., займы товариществамъ—3,040 т. кр., при общемъ размѣрѣ кредита 4,662 т. кр.

Потребность украинскихъ кредитныхъ товариществъ въ кредитѣ настолько велика, что она не можетъ быть удовлетворена однимъ лишь только союзнымъ банкомъ. Товарищества пользуются также кредитомъ въ другихъ украинскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, а также въ краевомъ и Государственномъ банкѣ. Украинскія финансовыя учрежденія, которыя въ значительной степени обслуживаютъ кредитную кооперацію и въ которыхъ помѣщены капиталы товарищества, это—товарищество взаимнаго кредита „Дністер“, „Українська Щадниця“ въ Перемышлѣ и „Український Гіпотечний банк“.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Садовскій.

De profundis.

„Есть бо древу надежда: аще бо посѣчено будетъ, паки процвѣтетъ и лѣторосль его не оскудѣетъ“.
Книга Іова, гл. XIV, ст. 7.

Весьма поучительную картину представляетъ, безъ сомнѣнія, и для внимательнаго наблюдателя-современника, и для пытливаго историка будущаго настоящее положеніе украинской печати.

Въ моментъ необычайно важный,—моментъ историческаго перелома, напряженныхъ исканій и чаяній, въ моментъ лихорадочной дѣятельности,—въ области украинской печати, этого нерва жизни народной, молчаніе и покой,—покой могилы.

Ея ужъ нѣтъ... И естественно возникаетъ мысль помянуть ушедшую отъ насъ, но близкую и дорогую сердцу „незлим, тихим словом“.

Послѣдніе мѣсяцы жизни украинской прессы проходили подъ печальными ауспиціями. Къ умолкнувшимъ въ самомъ началѣ войны товарищамъ—„Радѣ“ и „Маяку“—нѣсколько позже присоединились „Світло“ и „Літературно-Науковий Вістник“; съ началомъ же новаго года прервалось бренное существованіе и остальныхъ: въ силу распоряженія г. главнаго начальника кіевскаго военнаго округа „пріостановленъ выходъ въ свѣтъ всѣхъ изданій на малороссійскомъ нарѣчіи...“ [1]).

---

[1]) Итакъ, перешли въ небытіе: 1) ежедневная „Рада“, еженедѣльники популярные: 2) „Маякъ“, 3) „Згода“, 4) земледѣльческій „Рилля“, 5) „Наша Кооперація“, 6) Рідний Край“ съ журналомъ для дѣтей, 7) „Молода Україна“, ежемѣсячники: 8) „Літературно-Науковий Вістник“, 9) „Дзвін“, 10) „Українська Хата“, 11) педагогическій „Світло“, 12) художественный „Саяйво“, 13) медицинскій „Життя і Знання“, научныя изданія 14) „Україна“ и 15) „Записки Науковаго Товариства в Київі“. Всего 15 изданій; за исключеніемъ „Життя і Знання“ всѣ въ Кіевѣ.

„Новое распоряженіе мѣстной администраціи,—писали „Русскимъ Вѣдомостямъ“ изъ Кіева, — замыкаетъ собою кругъ мѣропріятій, еще раньше предпринятыхъ по отношенію къ украинской прессѣ въ занятой Галичинѣ, и въ настоящее время въ Европѣ не осталось ни одного періодическаго изданія на украинскомъ языкѣ“ [1]).

Правда, при проведеніи въ жизнь этого мѣропріятія обозначались нѣкоторыя колебанія, едва ли однако могущія существенно повліять на создавшееся положеніе. Такъ, 9-го января полиція отобрала въ Кіевѣ имѣвшіяся въ редакціяхъ разрѣшенія на выходъ въ свѣтъ, а въ началѣ февраля газеты обошло извѣстіе, что „общее распоряженіе о закрытіи всѣхъ выходящихъ въ Кіевѣ изданій на украинскомъ языкѣ“ взято мѣстной администраціей обратно [2]). Такимъ образомъ, предъ украинской печатью, за исключеніемъ четырехъ вышеуказанныхъ органовъ, дальнѣйшій выходъ которыхъ былъ прекращенъ независимо отъ общаго распоряженія, открывалась, повидимому, возможность возврата къ жизни.

Къ сожалѣнію, привходящія обстоятельства тотчасъ же свели ее почти на нѣтъ. „Дѣло въ томъ,—говоритъ авторъ письма изъ Кіева въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—

что непремѣннымъ «условіемъ выхода въ свѣтъ малорусскихъ изданій поставлено соблюденіе общепринятаго въ русскомъ языкѣ правописанія», и это условіе является настолько же непонятнымъ по существу, насколько и стѣснительнымъ на практикѣ. Фонетическія особенности украинскаго языка, конечно, не укладываются въ рамки «общепринятаго въ русскомъ языкѣ правописанія». Въ украинскомъ языкѣ есть звуки, отсутствующіе въ русскомъ, въ другихъ есть свои оттѣнки, не передаваемые чужимъ правописаніемъ. Это привело уже къ тому, что старыя украинскія изданія, употреблявшія навязанное правописаніе (до 1905 г.), остались безъ читателя, и издатели вновь стали передъ практическимъ вопросомъ, слѣдуетъ ли выпускать свои изданія въ такомъ видѣ, который явно препятствуетъ распространенію книги. Вопросъ настолько серьезный, что можетъ совершенно парализовать,—на время, конечно,—украинскую книжную и журнальную продукцію...

Такимъ образомъ, передъ украинской печатью, даже не политической, сооружена такая запруда, которая грозитъ фактически уничтожить признанное теоретически право выпускать въ свѣтъ повременныя изданія» [3]).

---

[1]) „Р. Вѣд.“ 1915, I, 17.
[2]) „Р. Вѣд.“ 1915, № 40.
[3]) „Р. Вѣд.“ 1915, № 40.

Въ свою очередь добавимъ только, что созданіе новаго препятствія для украинскихъ изданій со стороны правописанія, помимо вопроса объ его цѣлесообразности,—вопроса, который особенно выдвигаютъ нѣкоторыя ограниченія этой мѣры во времени и пространствѣ,—является нѣсколько неожиданнымъ и трудно поддающимся объясненію еще въ силу одного не лишеннаго значенія и интереса обстоятельства: соотвѣтствующее украинскому языку фонетическое правописаніе не только за послѣднее десятилѣтіе вошло въ повседневный usus въ Россіи, но и получило высокое и авторитетное признаніе офиціальныхъ сферъ: оно принято для украинскихъ публикацій Императорской Академіей Наукъ и получило распространеніе въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ украинскаго перевода Евангелія (Святе Евангеліе славянською й українською мовою), изданнаго въ Синодальной типографіи „съ благословенія Святѣйшаго Синода".

Конечно, отмѣченныя выше колебанія административной практики могутъ вызвать соотвѣтствующій отзвукъ въ украинской журналистикѣ въ видѣ попытки того или иного единичнаго изданія къ выходу въ свѣтъ [1]); конечно, самое ограниченіе примѣненія даннаго распоряженія извѣстной территоріей открываетъ кое-какія перспективы и даетъ нѣкоторую возможность ихъ использовать, но все-же въ общемъ это, повторяемъ, не въ состояніи измѣнить создавшагося положенія.

Итакъ, въ духовной жизни украинскаго общества, поскольку она находила свое выраженіе въ печати, наступаетъ антрактъ. Правда, въ нашемъ прошломъ мы можемъ отмѣтить и болѣе длительные перерывы развитія, вызывавшіеся внѣшними причинами, но настоящій антрактъ если и короче, то зато больнѣе. Вѣдь не прошла даромъ работа поколѣній, создались кадры своей интеллигенціи, глубоко въ душу проникла ей потребность въ своемъ живомъ печатномъ словѣ. И лишеніе его—пусть временное—даетъ себя чувствовать болѣзненно и остро.

Народъ безъ газеты! Вникните только въ эти слова, и если вы сможете хоть мысленно поставить себя теперь въ аналогичное положеніе, то вы поймете, какой сложный комплексъ личныхъ и общественныхъ переживаній скрываетъ за собой этотъ фактъ—отсутствіе своей прессы.

---

[1]) Такъ, напр., вознобновлено на новыхъ условіяхъ изданіе „Рідного Краю" на „общерусскомъ правописаніи".

Мы не будемъ касаться здѣсь причинъ этого явленія, которыя коренятся, повидимому, въ самомъ языкѣ изданій, а не вызываются отнюдь ихъ направленіемъ или содержаніемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы универсальный характеръ мѣры, распространившей свое дѣйствіе на всѣ безъ исключенія органы прессы: публицистическіе, литературные, научные, спеціальные, популярные и даже дѣтскіе... Мы не будемъ останавливаться на сейчасъ еще трудно поддающихся учету послѣдствіяхъ, среди которыхъ вырисовываются предъ краемъ грозные признаки гибели культурныхъ цѣнностей, дезорганизаціи общественной работы, несомнѣннаго упадка... Мы не будемъ говорить о томъ, какъ должно такое положеніе отразиться на нормальной жизни края, особенно въ переживаемый острый моментъ, когда печатное слово, несмотря на извѣстную связанность внутреннюю, вытекающую изъ особенностей даннаго времени, получило необычайное расширеніе внѣшнее, проникнувъ въ дотолѣ недоступные уголки и пріобрѣтя новыя массы читателей... Пройдемъ мы мимо и тѣхъ настроеній, какія могли появиться въ нѣкоторыхъ кругахъ народа въ результатѣ лишенія его своей прессы, не останавливаясь на вопросѣ, какъ отражаются они на жизни всей страны, на пользу или вредъ они общему дѣлу.

Не знаемъ мы и того, какъ отразилась въ печати союзныхъ и нейтральныхъ странъ эта экстраординарная мѣра, во всякомъ случаѣ слишкомъ крупная для того, чтобы пройти незамѣченной.

Не объ этомъ говоримъ мы,—мы хотимъ подойти къ создавшемуся положенію съ другой стороны.

Наше вниманіе привлекаетъ значеніе этого факта,—и не только несомнѣнно показательное, при попыткахъ опредѣленія равнодѣйствующей твердо принятаго курса внутренней политики и направленія общественныхъ силъ,—для русскаго общества.

Что потеряло оно въ украинской прессѣ? Какія возможности утрачены имъ здѣсь? Какія ограниченія и затрудненія встали теперь для него на пути ознакомленія съ внутреннимъ міромъ украинскаго народа.

Чтобы подойти къ отвѣту на эти вопросы, слѣдуетъ прежде всего опредѣлить, какое мѣсто занимала украинская печать въ жизни всей страны, что с в о е г о вносила она въ ея духовную сокровищницу.

Вотъ почему, по нашему мнѣнію, весьма умѣстна въ данный моментъ попытка краткой характеристики украинской печати на фонѣ ея взаимоотношеній къ русской.

Къ концу 1905 года относится начало украинской прессы. Немного лѣтъ прошло съ той поры, но это не были для нея „вотще минувшіе годы".

Несмотря на свою молодость, на крайне неблагопріятныя условія существованія, на долю этой прессы, помимо хорошо всѣмъ знакомыхъ общерусскихъ тяготъ, выпадали еще и свои особенныя терніи, дѣлавшія ея путь дѣйствительно „тернистим шляхом",—украинская пресса живетъ и развивается. Постепенно вырабатывается свой контингентъ опытныхъ литературныхъ работниковъ. Создается своя аудиторія, внимательная, чуткая, созвучно настроенная. Нарождается и растетъ свой читатель, читатель-другъ. И какія препятствія ни ставитъ наша дѣйствительность распространенію украинскаго печатнаго слова, связь между читателемъ и газетой не рвется: слишкомъ ужъ она прочна и интимна. Многими незримыми нитями соединенъ съ близкой ему по языку и духу прессой, на-время лишенной ея, читатель. О ней, объ этой близости говорятъ и теперь въ украинскихъ редакціяхъ многочисленные запросы и подписка, поступившіе въ то время, когда не только не появилось ни одного нумера замершаго изданія, но даже въ силу особыхъ условій не было возможности оповѣстить объявленіемъ о предполагаемомъ выходѣ.

Причины этой внутренней, притягательной силы молодого и, казалось, неокрѣпшаго организма въ томъ, что онъ отвѣчаетъ потребностямъ времени, ими вызванъ на свѣтъ и ихъ удовлетворяетъ по мѣрѣ возможности.

Украинская пресса, вѣрная вѣковымъ завѣтамъ нашей литературы—„демократическому направленію, сочувствію къ угнетеннымъ и оскорбленнымъ" и великимъ идеаламъ гуманности,—внося посильную лепту въ общую политическую работу пробужденія общественнаго самосознанія и воспитанія новыхъ поколѣній гражданъ, имѣетъ еще и свое спеціальное назначеніе и характеръ, такъ какъ служитъ часто единственнымъ путемъ распространенія здравыхъ политическихъ воззрѣній въ украинской деревнѣ.

Она обслуживала мѣстные нужды и интересы, особенно ярко проявляющіеся въ послѣдніе годы и не всегда нахо-

*

дившіе свое отраженіе на столбцахъ общей прессы,—напримѣръ, кооперативное движеніе, вопросъ объ объединеніи различныхъ организацій—въ первую линію южныхъ земствъ—на экономической почвѣ, отношенія центра и окраинъ,—вопросы, поставленные на цѣломъ рядѣ послѣднихъ съѣздовъ. Особеннымъ богатствомъ отличался въ ней отдѣлъ корреспонденцій, разносторонне освѣщавшихъ жизнь на мѣстахъ и вводившихъ въ кругъ народныхъ переживаній и настроеній. Принадлежность этихъ вѣстей въ большинствѣ перу авторовъ-крестьянъ, придавая имъ своеобразный характеръ, дѣлала ихъ особенно цѣнными и интересными.

Далѣе, пресса эта удовлетворяла потребности и давала лозунги украинской трудовой интеллигенціи и сознательнымъ представителямъ народныхъ массъ, что придавало ей строго демократическій характеръ.

Только въ ней находили, наконецъ, свое отраженіе всѣ стороны украинскаго національнаго движенія, все глубже пускающаго корни и захватывающаго все шире и шире новые круги населенія и несомнѣнно идущаго къ тому, чтобы стать виднымъ факторомъ мѣстной жизни.

Если къ этому мы прибавимъ, что голосъ украинскаго народа, не имѣющаго послѣ закона 3-го іюня настоящаго представительства въ Думѣ и потому лишеннаго возможности самому использовать для заявленія своихъ нуждъ думскую трибуну и вынужденнаго для этого прибѣгать къ помощи своихъ политическихъ друзей, раздавался, хотя и въ ограниченныхъ внѣшними условіями предѣлахъ, только на столбцахъ нашей прессы,—то ея значеніе сдѣлается болѣе или менѣе яснымъ.

Въ силу этого правильный ходъ и развитіе мѣстной жизни, находящей себѣ освѣщеніе на страницахъ украинской печати, стоятъ въ тѣсной, неразрывной связи съ самимъ существованіемъ послѣдней и требуютъ для него нормальныхъ условій.

Однако это далеко не всегда сознавалось значительной частью русской прессы, какъ столичной, настроенной въ большинствѣ на централистическій ладъ и подходящей къ явленіямъ провинціальной жизни съ особымъ масштабомъ, такъ и краевой, идущей по ея слѣдамъ и подчасъ недостаточно чуткой къ мѣстнымъ нуждамъ и запросамъ.

Вѣдь, казалось, общія задачи, стоящія предъ русской и

украинской печатью, должны бы были вызвать и взаимообмѣнъ и въ повседневной работѣ, своего рода эндосмосъ и экзосмосъ.

И въ то время, какъ украинскіе публицисты прислушивались къ голосу русскихъ газетъ и по мѣрѣ силъ и возможности реагировали на него,—можно ли то же сказать о весьма и весьма многихъ изъ ихъ русскихъ товарищей?

Съ сожалѣніемъ приходится констатировать малый и поздній интересъ и незначительную освѣдомленность большей части русскихъ журналистовъ въ украинскихъ дѣлахъ.

Въ результатѣ получалась такая картина: жизнь властно выдвигаетъ на очередь національный вопросъ, привлекающій къ себѣ все больше и больше вниманія. Среди сложныхъ и серьезныхъ проблемъ этого рода, отъ разрѣшенія коихъ во всемъ ихъ разнообразіи и полнотѣ зависитъ дальнѣйшее развитіе страны, одно изъ первыхъ мѣстъ и по глубинѣ основъ, и по широтѣ размаха принадлежитъ національному движенію украинскому, имѣющему большое значеніе въ жизни и края, и всей страны. Его уже учитываютъ реальные политики; даже 4-я Дума, несмотря на отсутствіе чисто украинскаго представительства, посвящаетъ дебатамъ по этому вопросу значительное время; оппозиція не теряетъ обычно—за нѣкоторыми прискорбными упущеніями—случая поставить его.

И въ то же самое время русская пресса, этотъ барометръ жизни, идетъ позади реальныхъ политическихъ дѣятелей, не только не доставляя имъ достаточно матеріала, не только не расчищая дороги, не облегчая работы, но подчасъ даже недостаточно освѣщая сказанное по этому поводу съ трибуны Государственной Думы и т. п.

Сознаніе этого несоотвѣтствія, — вѣдь какъ-ни-какъ, а украинское движеніе есть фактъ, къ которому можно относиться такъ или иначе, но на который не можетъ закрывать глаза газета, если она хочетъ итти въ тактъ съ жизнью, и въ особенности газета мѣстная, связанная съ почвой, на какой растетъ и изъ какой только и черпаетъ жизненныя силы,—постепенно назрѣвало и привело дѣятелей періодической печати Юга, объединившихся вокругъ кіевскаго Общества журналистовъ на послѣднемъ общемъ собраніи весной прошлаго года, къ постановкѣ и обсужденію вопроса. Въ результатѣ собраніе высказало пожеланіе, „чтобы ор-

ганы русской прессы обращали по возможности больше вниманія на освѣщеніе вопросовъ жизни и культуры негосударственныхъ народовъ и положеніе ихъ печати“ [1]).

Принятіе этой резолюціи ознаменовало сдвигъ съ мертвой точки въ данномъ вопросѣ мѣстной южной прессы,—сдвигъ, успѣвшій къ тому же времени обозначиться и въ прессѣ столичной.

Оставалось ожидать, исходя изъ взаимныхъ интересовъ, реализаціи этого пожеланія. Внезапно нахлынувшая волна грозныхъ событій, захвативъ вниманіе общества, задержала этотъ процессъ. А между тѣмъ если и раньше всегда чувствовалось недостаточное ознакомленіе и недостаточная освѣдомленность русскаго общества въ этомъ направленіи, то особенно это дало себя знать теперь, въ моментъ войны, когда сложная проблема самимъ ходомъ событій поставлена во весь ростъ...

Вѣдь если болѣе чуткіе органы русской прессы, учитывая значеніе крестьянской массы и внимательно относясь къ ея нуждамъ, прислушиваются къ голосамъ изъ деревни и удѣляютъ имъ столько мѣста, то они лишены теперь возможности ознакомиться со сложнымъ процессомъ, какой творится въ нѣдрахъ многомилліоннаго крестьянскаго населенія Украины, лишены возможности отмѣтить, какой экономическій и культурный сдвигъ намѣчается тамъ, уяснить, какъ преломляются великія событія въ народной психологіи...

Отсутствіе украинской печати препятствуетъ, далѣе, русскому обществу составить себѣ правильное представленіе о чаяніяхъ и настроеніяхъ украинской интеллигенціи,—настроеніяхъ, которыя въ связи съ провозглашенными съ одной стороны идеалистическими лозунгами, а съ другой—со столь рѣзко обозначившимся практическимъ курсомъ представляютъ несомнѣнный и крупный интересъ.

Наконецъ, затруднительна сейчасъ и разработка мѣстныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и выдвинутаго въ первую очередь вопроса галицкаго, составной части болѣе крупной проблемы украинской. И если условія момента дѣлали не всегда возможной широкую принципіальную постановку ея, широкое разностороннее освѣщеніе ея на страницахъ украинской печати, то все-же съ прекращеніемъ ея существованія

[1]) „Рада“, 1914, № 89.

для русскаго общества утраченъ непосредственный источникъ освѣдомленія; оно лишилось возможности имѣть тщательно собранный фактическій матеріалъ; оно потеряло внимательнаго наблюдателя мѣстной жизни громаднаго края, чуткаго стража и представителя предъ лицомъ всей страны его интересовъ.

Если намъ удалось хотя въ общихъ чертахъ намѣтить роль украинской печати, ея мѣсто и на Украинѣ и во всероссійскихъ отношеніяхъ, то, я думаю, читатель согласится и съ нашимъ выводомъ. Пока это мѣсто не занято, русское общество не можетъ не чувствовать существеннаго затрудненія на путяхъ „познанія Россіи въ ея цѣломъ и частяхъ", въ которомъ залогъ мирнаго сожитія ея разноплеменнаго населенія.

Вотъ почему во взаимныхъ интересахъ стемиться къ тому, чтобы скорѣе зазвучалъ снова голосъ украинской печати.

Если этого не могутъ не желать отдающіе себѣ отчетъ въ значеніи національнаго вопроса для общихъ отношеній и учитывающіе его мѣсто въ общерусской жизни элементы русскаго общества, то еще болѣе присуще это стремленіе украинской интеллигенціи, для которой отсутствіе своей прессы и именно въ переживаемый острый моментъ является крайне и крайне тягостнымъ. Особенно тяжелымъ является это лишеніе для деревенскихъ ея представителей, въ первую голову молодой крестьянской интеллигенціи, выдвинувшейся изъ народной массы: въ то время, какъ село жадно ловитъ вѣсти, какъ создаются различные проекты удовлетворенія этой потребности, путемъ созданія новыхъ изданій и болѣе широкаго распространенія старыхъ, сознательные слои нашего крестьянства утратили привычный, ближайшій и доступнѣйшій источникъ освѣдомленія.

И если украинское общество внѣшне спокойно переноситъ создавшееся положеніе, то это объясняется въ значительной степени и тѣмъ, что оно, опираясь на живыя, творческія силы народныхъ массъ, на которыхъ зиждется наше національное движеніе, твердо вѣритъ, что развитіе народовъ идетъ по строгимъ законамъ исторіи, не знающей ни скачковъ, ни возврата назадъ. Поэтому украинское общество и въ данномъ явленіи видитъ лишь временную задержку, извѣстное замедленіе. И вотъ, отрываясь отъ бо-

лѣзненныхъ впечатлѣній дѣйствительности и переходя къ оцѣнкѣ создавшагося въ результатѣ отсутствія прессы положенія съ исторической точки зрѣнія, она не можетъ не отмѣтить въ переживаемомъ моментѣ и нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ. И дѣйствительно, въ конечномъ балансѣ такія переживанія, несмотря на ихъ болѣзненность и горечь, даютъ многое. Сознательное общество, лишенное того, съ чѣмъ оно сроднилось, волей-неволей глубже заглядываетъ во внутрь себя, получаетъ возможность произвести извѣстную оцѣнку, подвести итоги, прочнѣе и реальнѣе ощутить значеніе въ своей жизни и дѣятельности умолкнувшей печати и до боли ясно почувствовать свою живую органическую связь съ нею. И несомнѣнно, и въ такіе періоды вызваннаго внѣшними условіями молчанія и видимаго бездѣйствія не прекращается творческая работа въ глубинахъ народнаго духа: идетъ важный процессъ нарастанія и накопленія потенціальной энергіи.

Вотъ почему и мы, начавъ со спокойно-печальныхъ тоновъ некролога ушедшей отъ насъ украинской прессы, можемъ закончить ея оцѣнку въ моментъ антракта бодрыми мотивами, находящимися въ гармоніи съ пробужденіемъ природы послѣ зимняго сна и радостными пѣснопѣніями весенняго праздника,—мотивами, полными вѣры и надежды на скорое возвращеніе къ новой жизни и пышный ея расцвѣтъ.

Вячеславъ Прокоповичъ.

Акад. Ѳ. Е. Коршъ, какъ украинолюбецъ украиновѣдъ [1]).

Въ своихъ многолѣтнихъ, исконныхъ, симпатіяхъ къ украинству Ѳ. Е. Коршъ исходилъ исключительно изъ великорусской точки зрѣнія. Украинцевъ онъ любилъ потому, что считалъ ихъ такими же русскими, какъ и великоруссовъ. Историко-этнографическая перспектива представлялась ему такъ: существуетъ одна, единая Русь, одно историческо-единое племя русское, а въ немъ—три братственныхъ вѣтви, три братственныхъ народности: великорусская, малорусская и бѣлорусская. Какъ въ отдѣльной семьѣ братья могутъ быть непохожи, но вмѣстѣ дополняютъ другъ друга и образуютъ гармоническое цѣлое, такъ дѣло происходитъ и въ семьѣ Руси. Слава единой русской семьи, благо ея, культурное ея преуспѣяніе заключаются въ томъ, чтобы каждый изъ трехъ братьевъ—великоруссъ, малоруссъ, бѣлоруссъ—съ возможной полнотой развилъ свои врожденныя типичныя способности, съ возможной свободой развернулъ свои индивидуальные таланты, свое „я“. Всякая попытка со стороны одного изъ братьевъ ассимилировать другихъ братьевъ—вредна,—вредна не только въ общекультурномъ, общечеловѣческомъ отношеніи,—она вредна и для него самого въ частности, порождая въ другихъ братьяхъ недовольство, порождая общерусскій разладъ. Великоруссъ,—по убѣжденію Ѳ. Е. Корша,—и можетъ, и долженъ цѣнить то культурное разнообразіе, которое вносится въ общерусскую семью наличностью не одной, а трехъ русскихъ народностей. А опредѣленіе того предѣла, до котораго должны дойти въ своемъ культурномъ развитіи малоруссы (и бѣлоруссы), надо предоставить имъ самимъ,—иначе опять выйдетъ разладъ.

---

[1]) Рефератъ, доложенный на торжественномъ засѣданіи Общества славянской культуры въ память скончавшагося академика.

Такой взглядъ на украинство вполнѣ легко встрѣтить и у другихъ великоруссовъ. У Корша отличіе было то, что взглядъ его былъ не голая, индифферентная теорія: теоретическое уваженіе къ правамъ украинства сопровождалось у него задушевнымъ расположеніемъ къ украинству. Вспоминается мнѣ одинъ вечеръ въ мартѣ 1909 г., когда я, акад. Коршъ и акад. Шахматовъ, втроемъ, какъ редакторы, составляли программу для изданія украинской энциклопедіи. Зашла рѣчь о бѣлоруссахъ, и А. А. Шахматовъ сообщилъ, что, бесѣдуя въ одномъ бѣлорусскомъ городѣ съ бѣлорусскими патріотами, онъ, къ своему сожалѣнію, убѣдился, что они между собою говорятъ всегда по-русски (т.-е. великорусски). „Но, быть можетъ, съ точки зрѣнія великорусскаго эгоизма вы внутренно испытали вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое довольство?“—спросилъ я. „О нѣтъ!—живо отвѣтилъ А. А. Шахматовъ.—Развитіе бѣлорусскаго и малорусскаго языковъ есть для меня общерусское національное пріобрѣтеніе, это—одно изъ прекрасныхъ проявленій русскаго же разнообразія!“—„И вотъ эта простая истина остается недоступна нашимъ обрусителямъ! — съ живостью прервалъ насъ Ѳ. Е. Коршъ.—Тѣмъ болѣе, что обрусители-то въ большинствѣ вовсе не русскіе, а какіе-нибудь нѣмцы“.

Въ развитіи украинскихъ симпатій можно наблюдать у Ѳ. Е. Корша этапы, стадіи. По мѣрѣ того, какъ украинство въ Россіи прогрессировало въ самоопредѣленіи и въ своихъ національныхъ требованіяхъ, расширялось и у Ѳ. Е. Корша сознаніе тѣхъ правъ, которыми украинцы должны пользоваться, и тѣхъ задачъ, къ которымъ оно должно стремиться.

Въ молодости своей Ѳ. Е. Коршъ имѣлъ общеніе лишь съ такъ-называемыми „украинофилами“—людьми типа Бодянскаго, Костомарова, Гатцука. Это были люди наполовину обрусѣлые, идеалы ихъ сводились преимущественно къ просвѣщенію украинскаго народа на его родномъ языкѣ и къ развитію украинской литературы лишь „для домашняго обихода“,—значитъ, почти исключительно беллетристической. Романтическое казакофильство здѣсь играло не послѣднюю роль, и Ѳ. Е. Коршъ съ молодыхъ лѣтъ могъ легче всего видѣть передъ собою такіе образцы украинской литературы, какъ „Наські українські казки“ Іська Материнки (псевдонимъ проф. Бодянскаго) съ комично-молодцеватыми заявленіями:

„А що серце козацькеє—
„Не боїться турків!
„Чи чуєш? а? не боїться турків!“

Идеалы Шевченка и Костомарова, т.-е. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, разумѣется, производили въ Ѳ. Е. Коршѣ болѣе серьезное впечатлѣніе и заставляли отнестись къ украинскому вопросу съ уваженіемъ, но налетъ украинофильства, т.-е. любительства, держался въ немъ довольно долго, и, напр., я помню, какъ въ 1892 г. при встрѣчѣ со мною Ѳ. Е. Коршъ обращался съ привѣтствіемъ: „здорові були, козаче“. Даже въ 1896 г. я,ославъ ему свой украинскій переводъ съ персидскаго, „Книгу царей (Шахъ-наме)“ Фирдовсія, получилъ отъ него письмо, суть котораго была такая: „Я (т.-е. Коршъ) сперва боялся, годится ли Фирдовсій для передачи по-украински, потому что собственно лишь два литературныхъ жанра, юмористическій и нѣжный, безусловно и безспорно соотвѣтствуютъ природѣ украинца, одинаково склонной и къ юмору, и къ сантиментальности, а значитъ—соотвѣтствуютъ и природѣ языка. Въ этихъ двухъ родахъ,—прибавляетъ письмо Корша,—охотно подвизаюсь и я (Коршъ) и нахожу, что мои украинскія стихотворенія я и не могъ бы выразить по-великорусски: великорусскій языкъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ отрасляхъ, менѣе выразителенъ, чѣмъ малорусскій“.

Украинофильская точка зрѣнія во взглядѣ на украинскій вопросъ является типичной для перваго періода жизни Ѳ. Е. Корша.

Украинскихъ стихотвореній Корша перваго періода его жизни довольно много, и они почти всѣ остаются ненапечатанными. Въ „Газетѣ Гатцука“ 1885 г. напечатанъ сонетъ въ похвалу Шевченка (котораго Коршъ сравниваетъ съ Преширномъ) и „Гимнъ Кириллу и Меѳодію“, составленный Гатцукомъ по случаю 900-лѣтняго юбилея славянскаго первоучителя и переведенный тогда же Коршемъ на русскіе стихи. Годъ спустя Ѳ. Е. Коршъ помѣстилъ по-украински въ той же „Газетѣ Гатцука“ свой стихотворный „Привѣтъ малорусской труппѣ въ Москвѣ“. Одна изъ элегій этого же ранняго періода напечатана лѣтъ ужъ десять спустя въ альманахѣ Бѣлиловскаго „Склада“. Въ этихъ стихотвореніяхъ Ѳ. Е. Корша мы видимъ совершенно свободное, плавное орудованіе и малорусскимъ языкомъ, и малорусскимъ стихомъ, хотя иныя мелкія особенности обнаруживаютъ въ

авторѣ все-же человѣка, который изучилъ языкъ, а не отъ природы говоритъ на немъ. Именно въ тогдашнихъ стихахъ Корша есть, такъ сказать, наклонность употреблять „эссенціи", позаимствованныя изъ этнографическихъ записей,—напр., вмѣсто „жити"—„ряст топтати", вмѣсто „умерти"—„дуба дати". Поставленныя рядомъ, эти два выраженія несовмѣстимы, и полустишіе

„Ряст топтати, дуба дати—
„Це не въ нашій волі"

обнаруживаетъ неукраинское происхожденіе автора.

Однако въ дальнѣйшей жизни, во второй половинѣ 1890-хъ гг., у Ѳ. Е. Корша мы видимъ удивительную чуткость ко всевозможнымъ оттѣнкамъ и тонкостямъ малорусской рѣчи и, параллельно съ тѣмъ, проникновеніе сознаніемъ, что украинскій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ во всю ширь и глубь.

Переходъ украинскихъ воззрѣній Ѳ. Е. Корша въ новую стадію совершался на моихъ глазахъ, и, сколько могу припомнить, сильнымъ толчкомъ послужило то новое, озлобленное цензурное гоненіе, которое съ 1894 года воздвигнуто было на украинскую литературу. Въ предѣлахъ Россіи она была окончательно упразднена, доступъ произведеній печати изъ австрійской Галичины тоже былъ воспрещенъ,—и всѣ украинскіе писатели принуждены были, превратившись въ нелегальныхъ, отнынѣ сосредоточить всѣ свои духовные интересы исключительно въ заграничномъ Львовѣ. Львовъ, Галичина давно уже превращались, благодаря прежнимъ отношеніямъ россійской цензуры, въ украинскій Піемонтъ; а отнынѣ, съ 1894 г., Львовъ явился всеукраинскимъ центромъ. И центръ этотъ заблисталъ. „Наукове Товариство імени Шевченка у Львові" сдѣлалось всеукраинскою академіею наукъ; съ ея изданіями не могла отнынѣ не считаться и россійская Академія Наукъ, и весь ученый міръ.

Ѳ. Е. Коршъ глубоко возмущался дѣйствіями цензуры, которыя привели къ такимъ результатамъ. „Вѣдь эти гоненія направили украинскую жизнь въ ложное русло!"—негодовалъ онъ. Приближалось столѣтіе „Энеиды" Котляревскаго (1898), приближалось празднованіе столѣтняго юбилея возрожденной малорусской литературы,—и оно состоялось бы только за границей, во враждебной русскимъ атмосферѣ. Ѳ. Е. Коршъ, бывая въ Петербургѣ, старался внушать всѣмъ власть имущимъ мысль о неестественности такого положенія.

Къ счастью, главнымъ цензоромъ сдѣлался кн. Шаховской, бывшій ученикъ Ѳ. Е. Корша, и онъ проникся тѣми резонами, которые выставлялъ передъ нимъ Ѳ. Е. Коршъ; разрѣшено было и въ россійской Украинѣ отпраздновать столѣтіе „Энеиды". Разрѣшено было изданіе юбилейныхъ альманаховъ и сборниковъ; и если не разрѣшено было изданіе газетъ въ Кіевѣ, то все-же вновь допущены были изъ Львова нѣкоторые украинскіе журналы („Літературно-Науковий Вістник"). И далеко не всѣ украинцы донынѣ знаютъ о той роли, которую сыгралъ при этомъ въ ихъ пользу Коршъ...

Избранный въ 1900 г. въ Академію Наукъ, Ѳ. Е. Коршъ могъ отнынѣ дѣйствовать въ пользу украинцевъ и черезъ это высоко-авторитетное ученое учрежденіе Россіи. Прочіе академики, люди глубоко-ученые, объективные, чуждые политическихъ тенденцій, лишенные той узкой политической близорукости, которая ничего въ даль не видитъ, тоже подобно Ѳ. Е. Коршу понимали всю культурную опасность, какая возникала отъ запрещенія малорусской литературы и отъ гоненій на все украинское. И вотъ въ началѣ 1900-хъ гг. Академія Наукъ возбуждаетъ передъ правительствомъ и передъ синодомъ повторительныя ходатайства объ изданіи малорусскаго перевода Евангелія и Священнаго Писанія и вообще объ отмѣнѣ запрещенія, тяготѣющаго надъ украинскою литературою. Въ 1905 г., когда „повѣяло весною", Академія Наукъ избрала комиссію, которая бы высказалась передъ правительствомъ въ этомъ отношеніи. Комиссіей издана была замѣчательная записка-книга „О б ъ о т м ѣ н ѣ с т ѣ с н е н і й м а л о р у с с к а г о с л о в а", лингвистическая и историко-литературная часть которой составлена при дѣятельномъ участіи академика Корша. Авторы записки, во всеоружіи историко-филологической науки, показали, что малорусскій языкъ столь же старъ, какъ и великорусскій (въ просторѣчіи называемый просто „русскій"), что малорусская литература имѣетъ свою старую исторію и что запрещеніе, наложенное на малорусскую литературу указомъ 1876 г. и усиленное реакціей Плеве, даже практически приводитъ къ величайшему государственному вреду. Записка одобрена была общимъ собраніемъ всей Академіи Наукъ и подана отъ нея правительству. Затѣмъ Академія Наукъ приняла участіе въ редактированіи для изданія святѣйшимъ синодомъ у к р а и н с к а г о п е р е в о д а Е в а н г е л і я,—и въ редакціонной комиссіи живѣйшее участіе принималъ акад.

Коршъ, поражая всѣхъ приглашенныхъ малороссовъ своимъ тонкимъ знаніемъ не просто малорусскаго языка, но и его діалектическихъ особенностей. Въ эти же времена, около 1906 года, Коршъ и Шахматовъ выдвинули, для избранія въ ординарные академики, кандидатуру извѣстнаго заслуженнаго галицко-малорусскаго писателя и ученаго Ивана Яковлевича Франка; кандидатура эта впрочемъ не прошла: большинство членовъ Академіи остановились на одномъ изъ россійскихъ профессоровъ-славистовъ. Уваженіе свое къ Франку акад. Коршъ нѣсколько лѣтъ спустя засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что прислалъ для юбилейнаго сборника, посвященнаго 50-лѣтію писательской дѣятельности Франка, свою статью, которая, понятно, писана была имъ не иначе, какъ по-украински.

Со времени описанныхъ событій, съ 1905 года, акад. Коршъ дѣлается однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ на Украинѣ лицъ. Главное ученое учрежденіе украинской націи, „Наукове Товариство імени Шевченка у Львові“ избираетъ его своимъ почетнымъ членомъ. То же дѣлаетъ новоосновавшееся одноименное „Товариство“ въ Кіевѣ. Ѳ. Е. Коршъ украшаетъ своими трудами изданія „Товариств“ какъ львовскаго, такъ и кіевскаго. Но этого мало: на старости лѣтъ акад. Коршъ превращается, ради Украины, въ публициста, борется за право украинской народности въ газетахъ и журналахъ. Выступаетъ онъ при этомъ не только какъ языковѣдъ, но и какъ ревнитель славянскаго развитія, какъ предсѣдатель (съ 1908 г.) Общества славянской культуры, какъ предсѣдатель или почетный членъ тѣхъ украинскихъ „гурткoвъ“, которые основывались въ Москвѣ при его же участіи.

Принялъ акад. Ѳ. Е. Коршъ участіе и въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Шевченка, гдѣ помѣстилъ статью „Шевченко среди поэтовъ славянства“. Далѣе, акад. Ѳ. Е. Коршъ явился дѣятельнымъ сотрудникомъ „Украинской Жизни“, основавшейся въ концѣ 1911 года; здѣсь помѣщены и его статьи публицистическія, и ученo-филологическія, цѣнныя какъ изложеніе его авторитетныхъ взглядовъ на исторію малорусскаго языка отъ старѣйшихъ временъ. Такъ какъ „Украинская Жизнь“ издается на языкѣ русскомъ, то естественно, что помѣщенныя здѣсь статьи акад. Корша писаны по-русски. Что же касается тѣхъ ученыхъ работъ, которыя онъ давалъ для изданій львовскаго и кіевскаго Обществъ

имени Шевченка, то, какъ и естественно было ждать, онъ ихъ писалъ по-украински, абсолютно безъ всякой посторонней помощи, и онѣ печатались буква въ букву согласно съ его рукописями, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особенностей его орѳографіи. Эти писанныя по-украински научныя статьи акад. Корша касаются вопросовъ изъ исторіи распаденія древне-русскаго языка на великорусскій и малорусскій и изъ исторіи чужихъ вліяній на малорусскій языкъ. Цѣнными являются наблюденія Ѳ. Е. Корша надъ чертами вліянія сербскаго, выразившагося у малоруссовъ, напр., въ словѣ „сотина", т.-е. „сотня". Однако, когда затѣмъ профессоръ черновицкаго университета Смаль-Стоцкій попытался въ своей украинской исторической грамматикѣ датировать слишкомъ ранней эпохой черты сходства между языками малорусскимъ и сербскимъ, то акад. Коршъ выступилъ противъ него въ кіевскомъ журналѣ „Україна" со статьею „Дещо про нову теорію вийстя вкраінського народу". Въ этой статьѣ онъ показалъ, что проф. Смаль-Стоцкій потерялъ изъ виду историко-языковѣдную перспективу и что онъ забылъ про существованіе древняго общерусскаго періода въ исторіи великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго языковъ.

Названная статья акад. Корша помѣщена въ октябрьской книжкѣ" „Украіны" 1914 года, когда академикъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ. Если не ошибаюсь, это было послѣднее его произведеніе, какое онъ увидѣлъ въ печати. Такимъ образомъ, приходится констатировать, что послѣднія свои силы онъ отдалъ Украинѣ, что умеръ акад. Коршъ украинскимъ писателемъ и что послѣдней печатно выраженной его идеей было напоминаніе объ историческомъ общерусскомъ единствѣ,—идеей, изъ которой и вытекала у него, великорусса, благородная горячая любовь къ свободному, всестороннему развитію украинской народности.

Проф. А. Е. Крымскій.

Ѳ. Е. Коршъ объ украинскомъ вопросѣ.

Въ лицѣ Ѳ. Е. Корша крупную утрату понесла не только наука; покойный ученый представлялъ многогранную личность, которая не могла всецѣло замкнуться въ кругу той или иной научной спеціальности. Живая, дѣятельная натура, высокоразвитое гражданское чувство, многосторонняя образованность сообщали особый, живой характеръ и его научной дѣятельности и влекли его къ тѣмъ жизненнымъ интересамъ, какіе волновали все мыслящее русское общество.

Какъ не только филологъ, но также этнологъ и этнографъ, Ѳ. Е. Коршъ естественно и ближе всего долженъ былъ заинтересоваться національнымъ вопросомъ. Въ области этого послѣдняго наиболѣе интересовали его факты національнаго возрожденія народовъ; не случайно, напр., то, что покойный Ѳ. Е. Коршъ былъ,—кажется, единственнымъ,—переводчикомъ (на русскій и украинскій языки) стихотвореній Ф. Преширна, родоначальника національнаго возрожденія словинской народности. По глубокому убѣжденію Ѳ. Е. Корша, „сохраненіе національностей съ ихъ языкомъ и самобытной культурой“ необходимо „для того же, для чего и сохраненіе личности,—для того, чтобы родъ человѣческій не превратился въ человѣческое стадо... Могущественнѣйшій рычагъ развитія,—говорилъ онъ,—есть постановка новыхъ точекъ зрѣнія, а каждая національность, какъ и личность, обладая своимъ особеннымъ міросозерцаніемъ, вноситъ въ общечеловѣческую сокровищницу знаній и мыслей отличную отъ другихъ точку зрѣнія на вопросы, занимающіе все человѣчество безъ исключенія“ („Голосъ изъ партіи 17 октября“).

Вниманіе Ѳ. Е. Корша привлекалъ и вопросъ украинскій въ виду особаго значенія его въ разрѣшеніи важнѣйшей національной проблемы русской жизни. „Украинскимъ вопросомъ,—говорилъ Ѳ. Е. Коршъ,—я интересовался издавна

и продолжаю неуклонно интересоваться не только потому, что украинцы составляютъ многочисленнѣйшее, послѣ великоруссовъ, славянское племя, изъ котораго въ Россійскомъ государствѣ живетъ до 25.000,000, но и по той причинѣ, что такъ какъ: 1) они одного происхожденія съ великоруссами, къ которымъ я самъ принадлежу, 2) ихъ древнѣйшая исторія совпадаетъ съ древнѣйшей исторіей великоруссовъ и 3) они одинаково съ великоруссами и бѣлоруссами называются русскими, понятіе „русскій“ не исчерпывается понятіемъ „великоруссъ“, а для своей полноты требуетъ присоединенія понятія „малоруссъ“ или „украинецъ“ (какъ и понятія „бѣлоруссъ“). Мой интересъ къ украинскому вопросу выражался и выражается въ стремленіи къ познанію украинскаго племени и его историческихъ судебъ, а толчкомъ къ возникновенію этого интереса послужило мое довольно раннее знакомство съ украинскимъ языкомъ и произведеніями украинской народной словесности, которое сразу показало мнѣ отличія украинскаго племени отъ великорусскаго, не оставляющія ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ мѣстнымъ варіантомъ одного и того же племени, а съ двумя разными, хотя и близко родственными другъ съ другомъ племенами“ („Объ украинскомъ національномъ возрожденіи“). Принять близкое участіе въ освѣщеніи украинскаго вопроса побудила Ѳ. Е. Корша та специфическая трактовка этого вопроса, какая безсознательно или даже вполнѣ преднамѣренно затемняла его, насыщая вокругъ него атмосферу горькими и недобрыми чувствами. Особенно сгустилась эта атмосфера въ послѣднее время, когда на украинское національное движеніе и его дѣятелей посыпались тяжкія обвиненія въ связи съ завоеваніемъ Галичины, на почвѣ которой украинское движеніе—до войны—достигло наибольшихъ пріобрѣтеній. Покойный Ѳ. Е. Коршъ болѣлъ душой по поводу этой недостойной травли и настойчиво рекомендовалъ глубже вдуматься въ смыслъ совершающихся историческихъ событій и вмѣсто того, чтобы сѣять вражду и злобу, создать, наоборотъ, прочные устои для неразрывной внутренней связи двухъ русскихъ народностей.

Исходной точкой воззрѣній Ѳ. Е. Корша по украинскому вопросу служитъ положеніе о наличности особой національной культуры украинскаго народа,—культуры, являющейся результатомъ всей многосторонней его исто-

рической жизни. „Духовныя потребности украинскаго народа не выдуманы его новѣйшей интеллигенціей... Не по силамъ ей одной да и незачѣмъ „сознательно работать надъ созданіемъ національности и широкой національной культуры“ (П. Б. Струве); шире ли будетъ украинская культура, чѣмъ была при Богданѣ Хмѣльницкомъ,—вопросъ особый, а наличность украинской національности можетъ казаться сомнительной только тому, кто не имѣетъ о ней никакого понятія. Какъ сознательно и какъ любовно относились украинцы къ своей національности еще въ давнее время, видно, напримѣръ, изъ того, что Евангеліе переведено у нихъ на народный языкъ въ XVI в.“ („Къ спору объ украинской культурѣ“). „Культура малорусская стояла нѣкогда настолько выше великорусской, что въ XVII вѣкѣ ученые выписывались въ Москву изъ Украины. Мы, господствующее племя, все это забыли или, точнѣе, говоря, предпочитаемъ забывать каждый разъ, какъ отъ исторіи переходимъ къ выводамъ изъ нея; а украинцы помнятъ. Помнитъ, конечно, не безграмотное крестьянство, а интеллигенція; но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что заостреніе вопроса о самостоятельной украинской культурѣ есть дѣло только интеллигенціи... Что такое наша интеллигенція, особенно такая демократичная, какъ наша? Какъ бы ни казалась она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаленной отъ народнаго большинства, ея отличіе отъ него состоитъ лишь въ большей культурности и, слѣдовательно, сознательности, а характеръ этой культурности и направленіе этой сознательности идутъ изъ низовъ“ (тамъ же).

Эти свои положенія Ѳ. Е. Коршъ развиваетъ и обосновываетъ данными историческими, этнологическими и филологическими. Онъ указываетъ на элементы національныхъ различій въ русскомъ племени еще въ глубокой древности. „Славяне, какъ извѣстно, раздѣляются на три большихъ группы: восточную, южную и западную. Южная и западная вѣтви раздѣляются на нѣсколько различныхъ племенъ, тогда, какъ вѣтвь восточная состоитъ вся изъ одного племени, которое называетъ себя русскимъ. Это многочисленнѣйшее изъ славянскихъ племенъ распадалось нѣкогда на болѣе мелкія племена—поляне, древляне, сѣверяне, волыняне, дреговичи, вятичи и др.,—сравнительно мало различающіяся по языку, хотя должно думать, что, напр., словѣне, жившіе около Новгорода, давно уже говорили иначе, не-

жели кіевскіе поляки или бессарабскіе тиверцы. Но по мѣрѣ развитія государственной жизни и экономическихъ отношеній эти разновидности громаднаго русскаго племени стали соединяться въ болѣе или менѣе крупныя этнографическія группы, и въ результатѣ этого долгаго и сложнаго процесса, не безъ участія народныхъ примѣсей, на сѣверѣ—финской, на югѣ—турецкой (половецкой и т. п.), на западѣ—польской и литовской, приблизительно къ концу XII в. обозначились настоящія три подраздѣленія русскаго племени: великороссы, малороссы и бѣлоруссы. Всѣ эти три вѣтви нѣкогда единаго народа до сихъ поръ одинаково называютъ себя русскими, особенно тогда, когда имъ приходится имѣть дѣло съ другими національностями" („Украинскій народъ и украинскій языкъ"). Послѣдующій ходъ исторической жизни только развивалъ и усиливалъ національныя отличія. „Татарское нашествіе, прокатившись бурнымъ потокомъ по всей южной Россіи, опустошило заселенную часть ея отъ Днѣпра до Карпатъ и на цѣлыхъ четыре столѣтія обособило нынѣшнюю Украину отъ остальной русской территоріи и, такимъ образомъ, сыграло огромную роль въ распаденіи Руси на Великую и Малую. Первенствующее значеніе въ выработкѣ отличій малорусскаго племени отъ великорусскаго принадлежитъ тому обстоятельству, что послѣ татарскаго погрома исторія сѣвера и юга Россіи совершенно расходится. Галиція въ концѣ XIV вѣка должна была окончательно войти въ составъ Польши, значительная часть Украины присоединилась къ Литовскому княжеству. Слѣдовательно, общеніе между сѣверомъ и югомъ Россіи было совершенно разорвано. Культура явилась не одинаковой. Сѣверная Россія оставалась вѣрна византійскимъ и восточнымъ преданіямъ, тогда какъ южная Россія продолжала свое развитіе при помощи Литвы и Польши, особенно дѣятельной послѣ Люблинской уніи. Такимъ образомъ, великоруссы получили какъ бы иную умственную и нравственную физіономію, нежели южане" (Тамъ же). Въ результатѣ такой раздѣльности исторической жизни и опредѣлился современный національный украинскій типъ, теоретически отрицаемый, но признаваемый практически даже нашими націоналистами. „Если славянскій элементъ и былъ болѣе или менѣе одинаковъ на сѣверѣ и на югѣ Россіи, иноплеменныя примѣси къ этому элементу тамъ и здѣсь были различны, а при такомъ раз-

личіи результаты той и другой племенной смѣси не могутъ не быть также различны антропологически. Едва ли кто, свободный отъ предвзятыхъ великорусско-національностическихъ мыслей, признаетъ тождество типовъ великорусскаго и малорусскаго, если только сравнить съ одной стороны портреты, напр., Писемскаго и Л. Н. Толстого, съ другой—Гоголя и Шевченка, характерныхъ представителей двухъ украинскихъ типовъ—узкокостаго съ длиннымъ носомъ („аиста“) и ширококостаго съ короткимъ и толстымъ носомъ. О „типичномъ хохлѣ“ можно услышать отъ самихъ нашихъ національностовъ“ („Національностическая наука“).

Этнологическое различіе двухъ національныхъ типовъ сопровождается различіемъ ихъ и въ языкѣ. „Параллельно съ обособленіемъ историческимъ шло, конечно, и обособленіе въ языкѣ. И вотъ уже приблизительно съ XIV вѣка мы находимъ совершенно особенный, вполнѣ опредѣлившійся малорусскій языкъ“ („Украинскій народъ и украинскій языкъ“). Мы не будемъ излагать здѣсь имѣющихъ спеціально научный характеръ сужденій академика Корша о происхожденіи украинскаго языка и о положеніи его въ ряду другихъ языковъ, отсылая интересующихся къ спеціальнымъ статьямъ его по данному вопросу („Де-що про нову теорію вийстя Вкраїнського народа“, „Де-що про вийстя Вкраїнської народности“); остановимся только на тѣхъ мѣстахъ его филологическихъ изысканій, гдѣ онъ, попутно съ принципіальнымъ разрѣшеніемъ вопроса объ украинскомъ языкѣ, касается тѣхъ возраженій и укоризнъ по отношенію къ украинскому языку и въ частности современному литературному, какія часто высказываются среди противниковъ и сторонниковъ его развитія.

Первый и главный аргументъ, на основаніи котораго противники украинства отказываютъ украинскому языку въ правѣ на литературное развитіе и широкое употребленіе, заключается въ томъ, что это не языкъ, а діалектъ. „Есть ли малорусскій языкъ нарѣчіе или языкъ?—говоритъ Ѳ. Е. Коршъ.—Теоретическій вопросъ этотъ является важнымъ лишь для людей, не посвященныхъ въ лингвистику, потому что на самомъ дѣлѣ любой языкъ можно разсматривать и какъ языкъ, и какъ нарѣчіе, въ зависимости отъ той величины, съ которой мы его сравниваемъ“. Ѳ. Е. Коршъ подтверждаетъ это положеніе очень яркими примѣрами.

Такъ, напр., языки французскій, провансальскій, итальянскій, испанскій, португальскій и румынскій, несмотря на ихъ взаимное сходство, должны быть признаны языками, когда они разсматриваются безъ связи другъ съ другомъ или противопоставляются другимъ языкамъ, но при сопоставленіи ихъ съ языкомъ „романскимъ“ они оказываются нарѣчіями, а нѣкоторые даже говорами, какъ, напр., французскій и провансальскій, составляющіе галльскую разновидность романскаго языка. Но этого мало: въ свою очередь и латинскій языкъ, лежащій въ основѣ „романскаго“, есть лишь одно изъ италійскихъ нарѣчій, совокупность которыхъ составляетъ нарѣчіе индо-европейскаго языка. Съ такой точки зрѣнія любой языкъ можно назвать какъ языкомъ, такъ и нарѣчіемъ, а иногда и говоромъ, и положеніе это Ѳ. Е. Коршъ примѣняетъ къ украинскому языку. „Приблизительно такое же мѣсто въ системѣ индо-европейскихъ языковъ, какъ языку обще-романскому, принадлежитъ языку обще-славянскому. По отношенію къ этому, необходимо предполагаемому, языку всѣ славянскіе языки, не исключая такъ-называемаго старо-славянскаго или церковно-славянскаго, находятся въ положеніи даже не нарѣчій, а лишь говоровъ и подговоровъ, такъ какъ нарѣчій его было собственно три: восточное (русское), западное и южное. Потому, напр., чешскій языкъ, ведущій свое начало изъ западнаго нарѣчія и вмѣстѣ со словацкимъ, еще не выдѣлившимся въ особую разновидность, составлявшій одинъ изъ говоровъ этого нарѣчія обще-славянскаго языка, относится къ этому языку какъ подговоръ. Такъ и великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій языки суть лишь говоры восточнаго (русскаго) нарѣчія общеславянскаго языка“ („Украинскій народъ и украинскій языкъ“). Въ виду этого „языкъ Малой Россіи можетъ быть названъ діалектомъ лишь по отношенію къ тому доисторическому языку, на которомъ говорили русскіе славяне до своего рѣшительнаго раздѣленія на три вѣтви. Относительно этого русскаго пра-языка и великорусскій языкъ есть діалектъ. По отношенію къ послѣднему малорусскій языкъ есть языкъ. Какъ таковой, онъ въ свою очередь раздѣляется на нарѣчія и говоры, совершенно независимые отъ нарѣчій и говоровъ великорусскихъ“ („Къ спору объ украинской культурѣ“). Тотъ же вопросъ—считать ли украинскую рѣчь языкомъ или нарѣчіемъ—Ѳ. Е. Коршъ переноситъ съ теоретической

на болѣе понятную для каждаго практическую почву. „Такова точка зрѣнія лингвистическая или генеалогическая,—говоритъ онъ, приведя указанныя соображенія.—Но возможна и другая, болѣе соотвѣтствующая настоящимъ условіямъ,—культурно-историческая: вѣдь можно опредѣлить языкъ въ отличіе отъ нарѣчія еще такимъ образомъ: „языкъ есть орудіе выраженія мыслей и чувствъ народа, который имѣетъ свою собственную культуру и собственную исторію, народа, представляющаго собою опредѣленную этнографическую единицу". Съ этой точки зрѣнія малорусскій языкъ есть несомнѣнно въ такой же степени языкъ, какъ языкъ великорусскій" („Украинскій народъ и укр. языкъ").

Приведенными соображеніями само собою разрѣшается и то сомнѣніе, высказываемое по адресу украинскаго языка,—нуженъ ли онъ при параллельномъ существованіи близкаго великорусскаго языка. „Два параллельныхъ языка, различныхъ по звуку",—цитируетъ Ѳ. Е. Коршъ слова П. Б. Струве,—это, можетъ быть, и „роскошь", но, какъ мы видѣли, языки великорусскій и украинскій различаются не одними звуками, а столькими особенностями, что ихъ взаимная близость гораздо виднѣе лингвисту, нежели даже образованному, но стоящему далеко отъ языковѣдѣнія человѣку, а простые украинцы, лишенные книгъ на своемъ родномъ языкѣ и обязанные учиться по книгамъ великорусскимъ, плохо выучиваются грамотѣ и по окончаніи ученья часто ее забываютъ" („Націоналистическая наука").

Касается Ѳ. Е. Коршъ и того внѣшне-остроумнаго возраженія, высказаннаго П. Б. Струве, что если бы Петръ Великій перенесъ центръ управленія изъ Москвы не въ Петербургъ, а въ Кіевъ, то общерусскій письменный языкъ все-таки образовался бы, хотя не такой, какъ нынѣшній, а „съ гораздо большей примѣсью малорусскихъ элементовъ". „Если такъ,—говоритъ Ѳ. Е. Коршъ,—не было бы, пожалуй, и „украинскаго вопроса". Но любопытно узнать, каковы были бы эти примѣси: только ли лексическія, или также фонетическія, морфологическія и синтактическія. Первыя сравнительно безразличны, и при нихъ дѣло представилось бы приблизительно въ его настоящемъ положеніи, но прочія подвергли бы опасности весь характеръ языка, его національную, т.-е. великорусскую, физіономію, противъ чего возстала бы вся великорусская часть насе-

ленія и, создавъ себѣ особый письменный языкъ, предоставила бы Украину въ этомъ отношеніи самой себѣ, чѣмъ послѣдняя и воспользовалась бы для освобожденія своей рѣчи отъ сѣвернаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, изъ помѣси великорусскаго языка съ украинскимъ вышло бы нѣчто въ родѣ того „отвратительнаго русско-малорусскаго волапюка", все шире разливающагося по городамъ нашихъ южныхъ губерній, въ которомъ насъ удивляютъ не только чуждыя намъ слова и странные обороты, а и превратное значеніе хорошо извѣстныхъ намъ словъ, объяснимое уже не украинскимъ вліяніемъ самимъ по себѣ, а разными иноязычными воздѣйствіями на сбитое съ толку сознаніе своего и чужого въ рѣчи; таковы новороссійскія н а н я т ь—отдать въ наймы (малор. в і д д а т и въ н а й м ы, но франц. louer нанимать, отдавать въ наймы), з а н я т ь — дать въ долгъ (малор. позичити), з а п о м н и т ь—запамятовать, забыть (малор. з а б у т и, но польское zapomniec), о д ѣ т ь—надѣть (малор. н а д я г т и, но часто уже и о д я г т и въ томъ же смыслѣ), г у л я т ь—вести себя безъ стѣсненія, какъ дома (значеніе, на Украинѣ, кажется, неизвѣстное), с р я д у—непосредственно, тотчасъ (малор. п р о с т о, з а р а з)" („Къ спору объ укр. культурѣ"). Весьма поучительнымъ для нашихъ теоретиковъ-объединителей могли бы быть указанія Ѳ. Е. Корша на практическую цѣнность воображаемаго и желаемаго ими эклектическаго языка. „Такой обезличенный, варварскій языкъ—ублюдокъ способенъ не обогащать „общерусскій" языкъ,—какъ думаетъ П. Б. Струве,—а лишь портить оба русскіе языка,—и сѣверный, и южный,—что и замѣчается на дѣлѣ. Языкъ Чехова и Короленко, на которыхъ онъ ссылается, вездѣ, гдѣ они не отступали сознательно отъ принятой ими нормы, есть чистый великорусскій. Во всякомъ случаѣ, бессарабско-херсонская мѣшанина, на которую неизбѣжно былъ бы похожъ великорусскій языкъ „съ гораздо большей примѣсью малорусскихъ элементовъ", не могла бы служить орудіемъ истинной культуры, потому что черезчуръ сильно пахнетъ безсознательнымъ и безсмысленнымъ „выравниваніемъ по высшему уровню", равнодушнымъ не только къ мѣстнымъ различіямъ внутри той же національности, а къ національности вообще („Къ спору объ укр. культурѣ").

Не мѣшало бы и нашимъ зоиламъ внимательно отнестись къ авторитетному голосу покойнаго ученаго по по-

воду неумѣренныхъ претензій, предъявляемыхъ ими къ современному украинскому литературному языку. „Для правильной оцѣнки протестовъ отдѣльныхъ украинцевъ противъ стараній того или другого литератора о созданіи такого языка слѣдуетъ принять въ расчетъ слѣдующія обстоятельства: 1) если украинскому простолюдину (а на него-то часто и ссылаются протестующіе) будетъ поднесено при посредствѣ хоть идеальной украинской рѣчи нѣчто недоступное его пониманію по самому существу написаннаго, онъ, конечно, ничего не пойметъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, но въ этомъ виноватъ не языкъ; 2) требованіе, чтобы во всѣхъ родахъ письменности употреблялся языкъ Шевченка, исполнимо, да и то не всецѣло только по отношенію къ этимологической сторонѣ языка, а никакъ не къ лексической и даже не къ синтаксической, потому что съ обѣихъ этихъ сторонъ рѣчь Шевченка, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ формальныхъ достоинствахъ, слишкомъ скудна для потребностей разнообразной и разсчитанной на много поколѣній литературы; 3) украинскій языкъ, особенно на первое время, подчиняется искусственной обработкѣ туже, чѣмъ великорусскій, между прочимъ потому, что никогда не испытывалъ такой ломки, какую выдерживалъ въ теченіе многихъ столѣтій великорусскій книжный языкъ подъ вліяніемъ церковно-славянскаго, послужившаго и еще служащаго ему, впрочемъ, неистощимымъ источникомъ обогащенія“ („Націоналистическая наука“). Недостатки языка устраняются постепенно, съ его развитіемъ, съ органическимъ объединеніемъ въ немъ элементовъ всѣхъ отдѣльныхъ говоровъ; такой путь послѣдовательнаго прогресса прошли всѣ развитые, культурные языки. „Вполнѣ вѣроятно, что формальной основой будущаго единаго украинскаго письменнаго языка послужитъ именно языкъ Шевченка, такъ какъ его нарѣчіе занимаетъ не только по географическому положенію, а и по своимъ грамматическимъ свойствамъ приблизительно середину между крайними восточнымъ (слободскимъ) и западнымъ (галицкимъ); но построить весь письменный языкъ цѣликомъ на одной этой основѣ немыслимо. Въ созданіи письменнаго языка, кромѣ основного нарѣчія, или говора, должны принять участіе всѣ, по крайней мѣрѣ наиболѣе развитыя нарѣчія даннаго живого языка. Это и происходитъ теперь въ украинской письменности такимъ образомъ, что каждый писатель упо-

требляетъ или свой мѣстный говоръ, или кладетъ свое нарѣчіе въ основу своего языка, дополняя и видоизмѣняя ее заимствованіями изъ другихъ нарѣчій, отчасти уже бывшихъ въ литературномъ употребленіи... Эта разноголосица неизбѣжна въ началѣ образованія любого письменнаго языка. Старая великорусская пословица гласитъ: „не помутясь, море не уставится". Такъ и письменный языкъ. Вѣдь и тотъ русскій языкъ, которымъ справедливо любовался Тургеневъ, долженъ былъ пройти черезъ регламентъ Петра Великаго, черезъ Кантеміра, Тредіаковскаго, Сумарокова съ такими варваризмами, какъ аркебузировать, и съ такими провинціализмами, какъ трожда или добряе. Новыхъ словъ за это и послѣдующее время было сочинено множество—отъ переведеннаго Тредіаковскимъ съ латинскаго objectum и затѣмъ общепринятаго предмета до встрѣченнаго смѣхомъ мокроступы" („Націоналистическая наука").

Тѣ же въ общемъ соображенія высказываетъ Ѳ. Е. Коршъ и при разборѣ вопроса объ украинской литературѣ. „Единеніе сѣвера и юга Россіи въ письменномъ языкѣ... затрещало по шву уже тогда, когда И. П. Котляревскій написалъ свою „Энеиду" („Къ спору объ укр. культурѣ"). Съ другой стороны, и для украинской литературы ея молодость и сравнительная отсталость не должны служить препятствіемъ къ тому, чтобы она существовала и развивалась. „Въ томъ, что украинская письменность въ обширности, разнообразіи и міровомъ значеніи отстала отъ великорусской, нѣтъ ничего удивительнаго или позорнаго для нея: вѣдь она начала становиться на ноги всего лишь съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, тогда какъ основаніе новой великорусской литературы заложено въ первой половинѣ XVIII вѣка. При этомъ нельзя забывать и тѣ отнюдь не благопріятныя условія, въ которыхъ украинскимъ писателямъ приходится дѣйствовать, особенно у насъ" („Націоналистическая наука"). Существованіе и развитіе отдѣльной литературы украинской не можетъ ослабить литературу русскую; какъ сказалъ Ѳ. Е. Коршъ въ одномъ своемъ сатирическомъ стихотвореніи на украинскомъ языкѣ („Хулителямъ Шевченка"),—

Від того ще Парнас московський не змарніє,
Що затягти не зміг до себе всіх співак,
А хто в чужу дуду дударить, хоч не вміє,
Такий—не соловей, а мабудь тільки шпак.

Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, Ѳ. Е. Коршъ на основаніи данныхъ, которыя относятся къ областямъ его научной спеціальности, приходилъ къ несомнѣнному убѣжденію въ національной особенности украинскаго народа; послѣдній признавался имъ особой,—въ національномъ смыслѣ„—составной частью русскаго племени—„тріединой Руси“,—частью, сохранившею не только „общее имя, но и много ясныхъ слѣдовъ первоначальнаго единства“ съ другими составными частями того же цѣлаго, но въ этнографическомъ отношеніи особою и отличною отъ нихъ („Тріединая Русь“, „Націоналистическая наука“). Отличительныя національныя черты украинской народности сжато сгруппированы Ѳ. Е. Коршемъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ его на анкету, предложенную нашимъ журналомъ: „Отличія украинцевъ отъ прочихъ славянскихъ народовъ такъ очевидны, что о нихъ не стоитъ и говорить. Что же касается ихъ отличій отъ „державной народности“, то они обнаруживаются: 1) въ языкѣ, который относится къ великорусскому приблизительно такъ же, какъ кашубскій къ польскому или какъ словинскій къ сербо-хорватскому, и распадается на нарѣчія и говоры независимо отъ развѣтвленій великорусскаго языка; 2) физическимъ складомъ, точнѣйшее опредѣленіе котораго есть дѣло антропологовъ, но достаточно типичнымъ для того, чтобы можно было отличить украинца отъ великорусса съ перваго взгляда; 3) особенностями духовными: своеобразнымъ юморомъ, впечатлительностью, чувствительностью, живымъ воображеніемъ, предпочтеніемъ образовъ умозрѣнію; 4) бытовыми чертами, настолько рѣзкими и устойчивыми, что онѣ сохраняются и тамъ, гдѣ украинцы живутъ среди великорусскаго населенія. Всѣ эти отличія нельзя не признать существенными, потому что выработаться они могли только въ теченіе многихъ вѣковъ отдѣльной отъ великоруссовъ жизни и потому выдержатъ, конечно, и еще много вѣковъ, измѣняясь лишь кое въ чемъ подъ вліяніемъ общечеловѣческой культуры.

Указывая съ такой ясностью отличительныя черты украинской національности, академикъ Ѳ. Е. Коршъ вмѣстѣ съ тѣмъ всегда съ такою же опредѣленностью констатировалъ фактъ племенного единства трехъ русскихъ народностей—великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, подчеркивая „близкое взаимное родство этихъ трехъ народовъ, сохранившихъ не только свое общее имя, но и много ясныхъ

слѣдовъ своего первоначальнаго единства" („Націоналистическая наука"). Сознаніе этого единства доставляло ему чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія: „единство названія цѣлыхъ трехъ племенъ—да вѣдь это залогъ братскаго единенія и счастья всѣхъ трехъ!" („Украинцы и Австрія"). Но глубокій умъ и чистое, благородное сердце предохраняли ученаго гражданина отъ столь распространеннаго соблазна покрыть племенное единство трехъ народностей полнымъ ихъ тождествомъ и заставляли со всею рѣшительностью протестовать противъ „непозволительнаго злоупотребленія этимъ единствомъ со стороны сильнѣйшаго изъ трехъ восточно-славянскихъ племенъ",—злоупотребленія, выражающагося въ утвержденіи, что „всякій называющійся русскимъ долженъ быть великороссомъ; мало того: по мнѣнію приверженцевъ „великорусской идеи", онъ и есть въ сущности великороссъ, потому что, хотя бы и назывался малороссомъ, ничѣмъ не отличается отъ великоросса и въ силу своего тождества съ нимъ не имѣетъ ничего общаго съ „украинцемъ" („Украинцы и Австрія"). „Мы, великороссы, въ своей державной гордынѣ, до такой степени отождествляли понятіе „русскій" съ самими собой, что всѣхъ называющихся этимъ именемъ считаемъ не родственниками, а соплеменниками, допуская въ нихъ лишь такое различіе съ нами, какое замѣчается между москвичемъ и волжаниномъ или орловцемъ" („Завоеватели и завоеванные"). Съ неподражаемымъ сарказмомъ изображаетъ Ѳ. Е. Коршъ, какъ наши патентованные патріоты стараются передъ малосвѣдущей публикой жонглировать неясною терминологіей. „Патріоты извѣстнаго пошиба предпочитаютъ взывать къ чувству, нежели къ логикѣ, и этнографическое положеніе украинцевъ, къ сожалѣнію, таково, что даетъ возможность довольно широкаго логическаго произвола въ оцѣнкѣ ихъ племенной особенности: съ одной стороны, „хохолъ"—не то, что „кацапъ", а съ другой, въ отличіе отъ поляка, чеха, серба и всякаго иного славянина, онъ—„русскій". Логически мыслящій человѣкъ скажетъ: „да, онъ—русскій, но не великороссъ". А россійскій спеціалистъ по дѣламъ патріотизма побѣдно воскликнетъ: „ага, онъ—русскій. Мы тоже русскіе. Стало быть, онъ ничѣмъ не отличается отъ насъ и не смѣетъ требовать себѣ ничего особаго". Такъ же и распоряжаемся съ украинцами: когда рѣчь идетъ объ ихъ благожелательности, они—ино-

родцы; когда дѣло доходитъ до осуществленія ихъ инородческихъ правъ, они—то же, что мы" („Патріотъ" о „мазепинствѣ").

„Вотъ на этомъ двоякомъ смыслѣ слова „Русь" и „русскій",—говоритъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ,—и построены недоразумѣнія—не всегда искреннія—нашихъ политиковъ, теоретическихъ и практическихъ, относительно малороссовъ или украинцевъ". И онъ объясняетъ историческое происхожденіе терминовъ „Русь" и „русскій". „Русью" или „русскими" зовутъ или, по крайней мѣрѣ, звали себя одинаково и великороссы, и малороссы, и бѣлоруссы. Первоначально „Русью" называли Кіевъ съ принадлежащими къ нему землями, и лишь позже, вслѣдствіе первенствующаго положенія „матери городовъ русскихъ", имя „Русь" распространилось на всѣхъ восточныхъ или „русскихъ" славянъ. Еще позже, когда изъ отдѣльныхъ племенъ этихъ славянъ,—полянъ, древлянъ, сѣверянъ, кривичей, дреговичей и т. д.,—сложились три болѣе крупныхъ и болѣе однородныхъ въ своемъ составѣ племени—великороссы, малороссы и бѣлоруссы,—они всѣ удержали за собой это имя, такъ какъ ясно сознавали свое взаимное родство. Теперь это старое племенное названіе сохранилось преимущественно тамъ, гдѣ Руси приходится противополагать себя инородцамъ: удержавшаго народа великороссовъ въ противоположность другимъ народамъ и государствамъ, у малороссовъ австрійскихъ въ противоположность нѣмцамъ, полякамъ и мадьярамъ, у бѣлоруссовъ въ противоположность полякамъ и Литвѣ" („Завоеватели и завоеванные").

Съ чисто анатомической точностью и раздѣльностью даетъ Ѳ. Е. Коршъ анализъ понятій племенного единства и національнаго различія въ отношеніи великорусской и малорусской народностей. „Въ эпоху „Слова о полку Игоревѣ" былъ, правда, хотя и разнообразный по мѣстностямъ, но все-таки единый народъ—русскій; однако, разница между сѣверными, южными и западными русскими и въ то время была такова, что черезъ два—три вѣка стало ужъ три русскихъ народа, изъ которыхъ каждый имѣетъ одинаковое право на присвоеніе себѣ этого имени и потому на самостоятельное національное развитіе въ государствѣ, носящемъ тоже имя („Націоналистическая наука"). Поэтому „злоупотреблять наличностью этого особенно близкаго сходства отнюдь не слѣдуетъ: между малороссомъ и вели-

короссомъ существуютъ и различія,—прежде всего то, которое зависитъ отъ разницы условій жизни на югѣ и жизни на сѣверѣ" („Украинскій народъ и укр. языкъ"). Не нужно забывать основное положеніе, что „единство не есть тождество. А если такъ, тотъ, кто признаетъ единство русскаго народа, тѣмъ самымъ обязывается признавать, что понятіе „русскій народъ" не исчерпывается понятіемъ „великоруссы", „малороссы" или „бѣлоруссы", взятымъ отдѣльно въ смыслѣ какъ бы исключительнаго представителя всей русской народности: всѣ эти три племени имѣютъ одинаковое право на имя „Русь" и на дѣлѣ всѣ три одинаково его себѣ присвоили. А это право на одно и то же имя неизбѣжно включаетъ въ себѣ права не на одинъ этотъ звукъ. Съ точки зрѣнія единства, такъ сказать, алгебраическаго или, пожалуй, плацъ-параднаго, было бы, можетъ быть, лучше, чтобы вся эта Русь говорила, чувствовала и жила іота въ іоту одинаково, а именно, разумѣется, такъ, какъ говоритъ, чувствуетъ и живетъ многочисленнѣйшее и политически могущественнѣйшее изъ русскихъ племенъ"... Но „главная помѣха установленію такого безусловнаго единства состоитъ въ томъ, что исторія не идетъ назадъ: такая попытка приведенія сѣверной Руси (долго не называвшей себя Русью) и южной (искони звавшей себя такъ) къ одному культурному знаменателю могла бы до нѣкоторой степени удасться до татарскаго нашествія, а послѣ этого прискорбнаго событія, когда одна часть южной Руси зажила своей особой жизнью, другая подчинилась Литвѣ, третья досталась Польшѣ, и когда онѣ объединились вновь да и то не цѣликомъ, лишь въ концѣ XVIII вѣка, всякія мечты о стрижкѣ сѣверной и южной Руси подъ одну гребенку должны быть отнесены къ разряду утопій,—тѣмъ болѣе, что старое населеніе послѣдней, раскинувшись отъ Дона до Карпатъ, какъ ни сокращали его съ трехъ сторонъ, ухитрилось разрастись до 30 милліоновъ. Добро бы еще эти милліоны людей представляли собою безсмысленное и безвольное стадо, равнодушное къ своей старинѣ и къ своимъ племеннымъ особенностямъ и потому сдающееся на всякія условія, лишь бы ему было обезпечено нѣкоторое пользованіе вещественными благами". Но въ томъ-то и дѣло, что въ исторіи украинскаго народа видимъ „неуклонное стремленіе къ одному и тому же идеалу—національной самостоятельности, если не государственной, для которой и

не было надлежащихъ условій, то, во всякомъ случаѣ, духовной". И если „потребность въ національномъ самоопредѣленіи по обоимъ берегамъ Днѣпра долго прорывалась почти лишь инстинктивно, но и тогда временное торжество надъ нею покупалось цѣною тяжкаго труда и чувствительныхъ потерь", то, „къ чему же могутъ привести такія условія теперь, когда сознаніе народности охватило всю Европу и даже Азію?" („Тріединая Русь").

Національная будущность украинской народности не вызывала сомнѣній въ покойномъ ученомъ: и прошлыя судьбы украинскаго народа, и современное его состояніе приводили его къ твердой увѣренности въ національной жизнеспособности народа. „Украинская народность,—говоритъ онъ,—несомнѣнно доказала свою жизнеспособность тѣмъ, что въ теченіе почти семи вѣковъ своего отдѣльнаго существованія, ознаменованныхъ кровавыми насиліями со стороны сосѣдей и внутренними раздорами, не только удержалась, но и окончательно опредѣлилась, развивъ заложенныя въ нее начала племенной индивидуальности до степени яснаго и прочнаго этническаго типа. А такъ какъ всякая жизнеспособная народность привноситъ нѣчто свое въ общечеловѣческую культуру, исчезновеніе такой народности подъ напоромъ внѣшнихъ силъ есть прямой ущербъ для человѣчества. Потому такая народность заслуживаетъ поощренія своему развитію въ направленіи ея національныхъ особенностей посредствомъ свободнаго пріобщенія къ общечеловѣческой культурѣ" („Объ украинскомъ національномъ возрожденіи"). Всѣ эти данныя объ устойчивости украинской народности при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ приводили нашего ученаго къ заключенію, что всякія внѣшнія воздѣйствія на нее въ цѣляхъ ея искорененія „не только безполезны, а и вредны конечнымъ задачамъ виновниковъ этихъ мѣропріятій" (тамъ же).

На вопросъ о вредѣ административныхъ стѣсненій по отношенію къ національному развитію украинской народности и объ установленіи правильныхъ отношеній къ данному факту Ѳ. Е. Коршъ останавливается довольно подробно, и въ соображеніяхъ его по этому поводу видимъ рѣдкую широту взгляда и удивительно глубокое пониманіе истинныхъ государственныхъ интересовъ. По вопросу о внѣшнихъ стѣсненіяхъ украинцевъ въ національной сферѣ онъ въ частности замѣчаетъ, что а) административныя мѣро-

пріятія, загоняя внутрь то, что имѣло безспорное право на полное обнаруженіе, придаютъ въ глазахъ самихъ дѣйствующихъ лицъ ихъ невиннымъ дѣйствіямъ преступный характеръ и тѣмъ стираютъ въ мысляхъ народа границы между позволительнымъ и недопустимымъ и пріучаютъ его къ сознанію своей преступности, какъ своего нормальнаго состоянія; б) великорусскія націоналистическія организаціи внушаютъ украинцамъ, особенно менѣе интеллигентнымъ, плохо разбирающимся въ своихъ чувствахъ, отчасти презрѣніе, отчасти ненависть къ „державной народности“ или „кацапамъ“; в) непріязненное отношеніе великорусской интеллигенціи къ украинскому движенію отчуждаетъ отъ нея украинскую интеллигенцію и заставляетъ ее обращать свои взоры на Западъ, гдѣ ея мечты въ значительной мѣрѣ осуществлены“ („Объ украинскомъ національномъ возрожденіи“). Почтенный ученый вскрываетъ весь трагизмъ положенія, заключающійся въ томъ, что преслѣдуются въ данномъ случаѣ національныя стремленія безъ всякихъ къ тому фактическихъ основаній; стремленія эти могутъ вызвать какія-либо подозрѣнія въ сепаратизмѣ развѣ лишь съ точки зрѣнія гоголевской свахи, у которой всѣ святые говорили по-русскіи („Нѣчто объ украинствѣ“). Упомянувъ объ одномъ изъ противниковъ украинства, который „обусловливаетъ возможность самостоятельной украинской культуры ни болѣе, ни менѣе, чѣмъ разрушеніемъ всего государственнаго и общественнаго уклада Россіи“, Ѳ. Е. Коршъ съ чувствомъ искренней обиды за такое умаленіе русской державности спрашиваетъ: „Ужели для того, чтобы россійскіе украинцы получили право на свободное употребленіе своего языка, необходимо полное переустройство, если не конечное разрушеніе Россійской имперіи?“ („Къ спору объ украинской культурѣ“). Высказывая сожалѣніе по поводу узкихъ тенденцій тѣхъ „нашихъ націоналистовъ и государственниковъ, которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ понятія національнаго государства (а такихъ много и между либералами)“ („Завоеватели и завоеванные“), Ѳ. Е. Коршъ указываетъ, что литературную и просвѣтительную дѣятельность въ національной формѣ нельзя трактовать какъ дѣятельность политическую и что, наоборотъ, являющееся результатомъ такой дѣятельности національное самосознаніе служитъ источникомъ гражданскаго самосознанія вообще. Въ виду великорусскихъ націоналистическихъ предразсудковъ

спѣшу заявить, что въ литературныхъ и просвѣтительныхъ предпріятіяхъ россійско-украинской интеллигенціи я вижу не политическую агитацію, поставившую себѣ цѣлью искусственное созданіе доселѣ насуществовавшаго національнаго чувства въ относительно темной массѣ украинскаго простого народа, а лишь посильную помощь ей въ осмысленіи того смутнаго полусознанія своей племенной особенности отъ великоруссовъ, наличность котораго не подлежитъ сомнѣнію и которое, какъ показываетъ исторія Украины со времени присоединенія ея къ Россійскому государству, не можетъ быть искоренено никакими насильственными мѣрами, и въ простомъ народѣ еще менѣе, чѣмъ въ интеллигенціи, которая сама вернулась къ національному сознанію только потому, что чѣмъ дальше, тѣмъ въ большемъ количествѣ набирается изъ простого народа. Сознаніе своей народности, опирающееся не на одно чувство своихъ отличій отъ инородныхъ сосѣдей и сожителей, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ болѣзненно и даже безсмысленно обостряться, а поддержанное знакомствомъ, хотя бы поверхностнымъ, но связнымъ и по возможности научнымъ, со своей исторіей и положеніемъ не въ одной данной мѣстности, содержитъ въ себѣ задатки не государственнаго сепаратизма, а такого государственнаго устройства, которое обезпечитъ государству искреннюю и непоколебимую привязанность всѣхъ входящихъ въ его составъ народовъ“ („Объ украинскомъ нац. возрожденіи“). Идеалъ внутреннихъ отношеній въ государствѣ рисуется Ѳ. Е. Коршу въ удовлетвореніи потребностей всѣхъ составныхъ его частей: „устройство всякой части государства, съ точки зрѣнія его собственной выгоды, должно быть таково, чтобы каждая часть дорожила своей связью съ цѣлымъ“ (тамъ же).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

О. Бѣлоусенко.

Ѳ. Е. Коршъ и украинство.

Въ многочисленныхъ некрологахъ и статьяхъ, посвященныхъ памяти Ѳ. Е. Корша, красною нитью проходитъ съ рѣдкимъ единодушіемъ одна мысль—о глубокомъ гуманизмѣ, человѣчности въ высшемъ значеніи этого слова, проникавшей насквозь всю многолѣтнюю работу ученаго языковѣда. Что языковѣдъ былъ языковѣдомъ, что онъ зналъ множество мертвыхъ и живыхъ, привилегированныхъ и гонимыхъ языковъ,—это кажется естественнымъ, хотя и вызываетъ изумленіе предъ широтой такой поистинѣ необъятной натуры. Но субъективное отношеніе языковѣда къ этой массѣ языковъ, его проникновеніе въ трепещущую жизнь, скрывающуюся за языками, вызываетъ уже не изумленіе предъ ученымъ, а безграничное преклоненіе предъ человѣкомъ, способнымъ свои лингвистическія изысканія освѣтить лучемъ истинной человѣчности. „Его изумительное знаніе множества древнихъ и новыхъ, восточныхъ и западныхъ языковъ, его страстный интересъ,—пишетъ о Ѳ. Е. Коршѣ одинъ изъ его учениковъ,—не только къ языкамъ, но и къ людямъ на нихъ говорящимъ,—это прямо феноменъ, и притомъ не только въ смыслѣ виртуозномъ (чѣмъ такъ отличался покойный), но и какъ могучая благодатная сила, щедро дѣлившаяся своими необъятными, все прибывающими и вѣчно юными сокровищами со всѣми, кто приходилъ съ ней въ соприкосновеніе“ [1]). „Это было,—говоритъ о покойномъ другой его почитатель,—не только накопленіе мертвыхъ знаній; жизнь всѣми красками и силами блистала и трепетала въ его обращеніи съ сухими фактами... Не забудется ученый, вызывавшій удивленіе передъ силой своего таланта и питавшій въ насъ гордое сознаніе, что у насъ есть такіе ученые; не забудется и человѣкъ, привлекавшій къ себѣ всѣмъ обая-

[1]) Покровскій, М. М.„Памяти Ѳ. Е. Корша“, „Русскія Вѣдомости“, 1915, № 38.

ніемъ своего блестящаго таланта“ [1]). Ѳ. Е. Коршъ разумѣлъ, такъ сказать, языки человѣческіе и ангельскіе, но это не была „мѣдь звенящая или капиталъ бряцающій“. Онъ ощущалъ теплоту жизни въ народѣ, носителѣ языка; народы „униженные и оскорбленные“, языки которыхъ говорятъ о богатствѣ духовной жизни, находили въ немъ защитника и покровителя“,—таковъ еще одинъ отзывъ о покойномъ [2]). „Чрезъ слово къ душѣ народа,—таковъ былъ методъ Корша; онъ изучалъ жизнь языка въ связи съ условіями жизни народа, любилъ живую рѣчь“,—характеризуетъ научные пріемы Корша профессоръ А. А. Грушка въ засѣданіи, посвященномъ чествованію его памяти [3]) „Отличный знатокъ славянства, славянскихъ литературъ, глубокій цѣнитель славянской поэзіи, удивительный изслѣдователь и великорусской, и малорусской, и польской, и болгарской письменности, Ѳ. Е. въ своей славянской душѣ сумѣлъ сочетать души разошедшихся членовъ славянства“,—еще разъ свидѣтельствуетъ ближайшій другъ и сотрудникъ почившаго, академикъ А. А. Шахматовъ [4]). И, конечно, не только славянство сумѣлъ вмѣстить въ своей всеобъемлющей душѣ Коршъ: его интересы были гораздо шире, и справедливо отмѣтилъ одинъ изъ цитированныхъ уже авторовъ, что „сербъ могъ сказать, что Коршъ—другъ сербовъ, но то же заявлялъ и финнъ, что Коршъ—другъ финновъ“ [5]).

То же заявляли и украинцы въ своихъ статьяхъ о поминальныхъ рѣчахъ, что „Коршъ—другъ украинцевъ“ [6]). И по чистой совѣсти, съ чистымъ сердцемъ не могли не заявлять. Ибо въ лицѣ почившаго родина Шевченка имѣла дѣйствительно такого вѣрнаго, испытаннаго, преданнаго, любящаго и притомъ совершенно безкорыстнаго друга, что и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ изъ себя феноменъ, чрезвычайно рѣдко встрѣчающійся въ наше сухое, черствое, по преимуществу политическое и политиканствующее время. И если обладаніе такимъ другомъ само-по-себѣ является

---

[1]) Ушаковъ Д.—Памяти Ѳ. Е. Корша, „Русскія Вѣдомости“, № 39.

[2]) Годлевскій Вл.—У гроба Ѳ. Е. Корша, „Русск. Вѣдомости“, № 40.

[3]) „Русскія Вѣдомости“, № 57.

[4]) Шахматовъ А.—Памяти Ѳ. Е. Корша, „Русск. Вѣд.“, № 41.

[5]) „Русскія Вѣдомости“, № 40.

[6]) Петлюра С.—Памяти Ѳ. Е. Корша—друга украинцевъ, „Русскія Вѣдомости“, № 39.

уже огромнымъ счастьемъ, то оно же было и признакомъ, особенно цѣннымъ въ наше тоже по преимуществу лютое время. Клеветникамъ, неустанно источающимъ мутную слюну своей непостижимой злобы; ненавистникамъ, съ пѣной у рта глашающимъ о любви къ человѣчеству и дѣлами доказывающимъ противное; славянофиламъ, разинувшимъ грязную пасть на одинъ изъ величайшихъ славянскихъ народовъ; либераламъ, не гнушающимся ковать желѣза противъ свободы же; политиканамъ, ловящимъ рыбу въ мутной водѣ,—всѣмъ этимъ врагамъ украинскаго движенія мы смѣло можемъ противопоставить величавый, прекрасный, чистый образъ этого мудраго старика: смотрите—онъ былъ нашимъ другомъ... И уже одно это—то, что Коршъ былъ другомъ украинцевъ, что онъ не уставалъ поднимать свой голосъ въ защиту движенія, на которое только лѣнивый не набрасывался съ злобными обвиненіями и гнусными выдумками,—весьма много говоритъ тому, кто вообще способенъ что-либо понимать въ жизненныхъ явленіяхъ, разбираться въ ихъ прямомъ смыслѣ. Этотъ кристальный человѣкъ не могъ припадать къ грязному источнику, и если онъ все-таки наполнялъ, и весьма часто, свой стаканъ живой водой украинскаго движенія, то, значитъ, это дѣйствительно живая вода... Вотъ смыслъ, кроющійся въ томъ эпитетѣ „другъ украинцевъ“, который по праву принадлежалъ Коршу.

И мнѣ кажется, больше—я увѣренъ, что ни въ чемъ не выразилась такъ полно и ярко та общепризнанная черта покойнаго, съ указанія на которую я началъ настоящую статью, какъ въ его отношеніи къ украинскому движенію. Украинскій народъ вѣдь изъ униженныхъ униженнѣйшій, изъ оскорбленныхъ наичаще оскорбляемый, лишенный имени, языка, интеллигенціи, права на культуру, возможности быть самимъ собою, ежечасно заушаемый и оплевываемый даже иными изъ защитниковъ „народной свободы“,—В. Маклаковъ вѣдь не единственный изъ добровольцевъ на этомъ славномъ поприщѣ. И, конечно, этотъ народъ слишкомъ мало привлекалъ и привлекаетъ къ себѣ вниманіе, слишкомъ рѣдко пользуется счастьемъ видѣть дружескую улыбку на чужихъ по происхожденію лицахъ. Отнестись просто по-человѣчески къ этому народу, къ его національному сознанію, къ его неумирающей потребности быть самимъ собою, подойти къ нему со словомъ участія и

ободренія, съ дружескимъ пожатіемъ руки, съ защитой въ трудную минуту, съ активной помощью въ страдную пору— это въ самомъ дѣлѣ является высшимъ признакомъ той неподкупной гуманности, на которой стоитъ міръ истинно-человѣческихъ отношеній. Коршъ, геніальный языковѣдъ, любившій не только языки, но и людей, говорящихъ этими языками, не могъ пройти мимо народа, наиболѣе, быть можетъ, въ національномъ отношеніи обобраннаго и обдѣленнаго. И если именно это выразительнѣе всего подчеркиваетъ отмѣченное свойство высокой личности ученаго, то и намъ оно доставляетъ величайшую радость и огромнѣйшее счастье—къ именамъ великихъ друзей украинскаго народа, какимъ былъ, напримѣръ, „сѣверный богатырь" Бьёрнстерне Бьёрнсонъ, присоединить еще одно славное имя—Ѳедора Евгеньевича Корша.

Было бы въ высшей степени интересно и поучительно выяснить и прослѣдить, откуда въ его душу занесены были сѣмена симпатіи и участія къ чужому и далекому народу, что послужило первымъ толчкомъ въ той дѣятельной любви къ украинскому возрожденію, какую наиболѣе полно покойный развернулъ уже въ послѣдніе годы своей жизни, когда между прочимъ и нашъ журналъ далъ ему готовую трибуну для его убѣжденнаго слова. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, коренной москвичъ по происхожденію, связямъ и традиціямъ, чистый „кацапъ", какъ любилъ называть себя подъ веселую руку самъ Ѳедоръ Евгеньевичъ, не только интересовался Украиной и любилъ ее совершенно сыновней любовью, но даже превращался повременамъ въ „Хведора Коржа", чтобы говорить съ украинцами на ихъ родномъ языкѣ? Къ сожалѣнію, въ настоящее время, при скудости біографическаго матеріала и отсутствіи данныхъ объ умственномъ ростѣ и развитіи почившаго, мы лишены возможности отвѣтить на этотъ, если хотите, даже интригующій вопросъ. Только въ видѣ догадки я могу отмѣтить одно вліяніе, вѣроятно, поразившее впечатлительную душу Ѳедора Евгеньевича еще въ періодъ ранняго его юношества. Я имѣю въ виду пребываніе Шевченка въ Москвѣ во время возвращенія поэта изъ ссылки весной 1858 г.

Въ извѣстномъ дневникѣ Шевченка довольно подробно разсказывается объ его московскихъ впечатлѣніяхъ и знакомствахъ тѣхъ двухъ недѣль, съ 11-го по 26-е марта, которыя украинскій поэтъ провелъ, переживая у „стараго безобраз-

наго Пимена", т.-е. въ квартирѣ Щепкина, находившейся около Пименовской церкви. Покидая „гостепріимную Москву", Шевченко отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Въ Москвѣ болѣе всего радовало меня то, что я встрѣтилъ въ просвѣщенныхъ москвичахъ самое теплое радушіе лично ко мнѣ и непритворное сочувствіе къ моей поэзіи" [1]). Среди „просвѣщенныхъ москвичей", имена которыхъ записаны на соотвѣтственныхъ страницахъ дневника, встрѣчаемъ и имя Е. Ѳ. Корша, отца будущаго языковѣда. Ѳедору Евгеньевичу было въ это время 15 лѣтъ,—возрастъ, когда можно уже сознательно относиться къ окружающему, когда складывается и формируется чловѣкъ,—и возможно, что то „непритворное сочувствіе" къ украинской поэзіи, о которомъ упоминается въ запискахъ Шевченка, было однимъ изъ первыхъ толчковъ въ эту сторону, испытанныхъ на своемъ жизненномъ пути высокоодареннымъ юношей. И тѣмъ болѣе, что этому способствовала и окружающая обстановка, та среда, въ которой ему по преимуществу приходилось вращаться съ ранняго дѣтства. Отецъ Ѳедора Евгеньевича состоялъ членомъ кружка Герцена и Грановскаго, былъ другомъ Щепкина, украинофильское настроеніе котораго и нѣжная привязанность къ Шевченку слишкомъ хорошо извѣстны. И нѣкоторые слѣды этой обстановки мы фактически можемъ указать у позднѣйшаго Корша,—напримѣръ, хотя бы въ такой характерной фразѣ его въ одномъ изъ писемъ къ А. Ѳ. Саликовскому: „а я скажу, какъ Шевченко: „Аби було написано" (слышано отъ М. С. Щепкина)" [2]). Обаятельный сбразъ украинскаго Кобзаря въ связи съ вліяніемъ Щепкина и былъ, мнѣ кажется, первымъ толчкомъ для Корша въ дѣлѣ возбужденія интереса къ украинскому движенію. Коршъ зналъ и любилъ поэзію Шевченка и понималъ ее, какъ рѣдко кто изъ многочисленныхъ почитателей поэта; извѣстенъ его восторженный отзывъ о Шевченкѣ въ рѣчи, произнесенной во время московскаго юбилейнаго чествованія памяти Шевченка въ 1911 году и законченной высоко-знаменательными словами: „Шевченко есть такое же божество, какъ Пушкинъ, но живущее на своемъ особомъ солнцѣ" [3]). Что моя догадка о

[1]) Творі Т. Шевченка, т. II, СПБ., 1911, стр. 322—323.

[2]) Саликовскій, А. Ѳ.—Памяти Ѳ. Е. Корша, „Приазовскій Край", № 77.

[3]) Коршъ Ѳ.—Шевченко среди поэтовъ славянства, сборникъ „На спомин 50-літніх роковин смерти Шевченка", Москва, 1912, стр. 78.

вліяніи на Корша бесѣдъ, связанныхъ съ пребываніемъ въ Москвѣ Шевченка, можетъ имѣть фактическое основаніе— этому косвенное подтвержденіе находимъ у самого Ѳедора Евгеньевича. „Толчкомъ къ возникновенію этого интереса (къ украинскому вопросу),—пишетъ самъ Ѳ. Е.,—послужило мое довольно раннее знакомство съ украинскимъ языкомъ и произведеніями украинской народной словесности“ [1]), а кромѣ Щепкина, можетъ быть, Бодянскаго едва ли кто иной въ Москвѣ могъ доставить юношѣ это „довольно раннее знакомство“ [2]).

Какъ бы то ни было, что бы ни послужило первымъ толчкомъ, фактъ интереса къ украинству со стороны Корша еще въ юношескомъ возрастѣ устанавливается непоколебимо. А для такихъ глубокихъ, всеобъемлющихъ натуръ, какъ Коршъ, достаточно бываетъ лишь перваго толчка, чтобы однажды разбуженная мысль продолжала итти въ указанномъ направленія и доходила до естественныхъ выводовъ, не стѣсняясь никакими условными рамками. И мы наблюдаемъ поразительное явленіе: свѣтило европейской науки, витавшее въ сферѣ отвлеченнаго мышленія и научныхъ построеній, систематически отвлекается въ сторону чужого, повидимому, ему дѣла, превращаясь для этой цѣли изъ „академика Корша“ въ „Хведора Коржа“, т.-е. обращаясь къ тому языку, который даже многимъ украинцамъ по происхожденію кажется недостойнымъ разработки и употребленія въ культурной жизни. Это перевоплощеніе производится съ такимъ мастерствомъ, что непосвященному трудно даже догадаться, что передъ нами коренной москвичъ, „кацапъ“, а не природный украинецъ.

Когда началось это перевоплощеніе, мы опять-таки не имѣемъ пока возможности установить. Первое изъ извѣстныхъ намъ украинскихъ произведеній Ѳедора Евгеньевича появилось въ 1887 году въ извѣстной „Газетѣ Гатцука“, навѣрное, хорошо памятной московскимъ старожиламъ. Внѣшнимъ поводомъ къ выступленію Ѳ. Е. Корша въ качествѣ украинскаго писателя послужилъ пріѣздъ въ Москву

[1]) Коршъ Ѳ.—Объ украинскомъ національномъ возрожденіи, „Украинская Жизнь“, 1913 г., кн. I, стр. 14.

[2]) Редакція считаетъ нужнымъ отмѣтить, что покойный Ѳ. Е. Коршъ никогда не упоминалъ о непосредственномъ вліяніи на него бесѣдъ, связанныхъ съ пребываніемъ Т. Шевченка въ Москвѣ; не сохранилось объ этомъ воспоминаній и въ семьѣ покойнаго, къ которой редакція обращалась по сему поводу. *Ред.*

украинской труппы и вызванная ея спектаклями полемика между московскими газетами, превратившаяся въ обсужденіе вопроса о возможности и желательности развитія украинской литературы и вообще національнаго движенія. Гатцукъ, въ свое время сотрудничавшій въ украинской „Основѣ“, напечаталъ въ своей газетѣ статью въ защиту украинскаго движенія, помѣстивъ при этомъ нѣсколько украинскихъ стихотвореній, принадлежащихъ перу „одного великоросса, коренного москвича“, которыя „лучше всего свидѣтельствуютъ о той теплотѣ, съ какою встрѣчаетъ истинно русскій человѣкъ рѣчь братскаго народа и какъ воспріимчиво еще его впечатлѣніе для всего родного“ [1]). Авторъ стихотвореній не названъ по имени, но не трудно въ этомъ „коренномъ москвичѣ“ угадать Ѳедора Евгеньевича: стиль и мысли принадлежатъ несомнѣнно ему. Въ виду чрезвычайно интереснаго отклика на злобу тогдашняго дня я приведу здѣсь одно изъ этихъ стихотвореній, озаглавленное: „Чи подоба річ писати українські сонети? (Одказ, кому треба)“ [2]), кстати, оно теперь едва ли кому извѣстно, кромѣ, быть можетъ, записныхъ библіографовъ.

Учора десь на світі тім Петрарка,
Серед співочих сидючи братів,
Коли сонет український уздрів,
Розлютувався так, що вийшла сварка.
«На віщо,—каже,—щоб якась Одарка,
Або там Пріська, чула той же спів,
Яким колись Лауру я хвалив?
Та й Муза в вас яка? хиба шинкарка!»
—«Та вгомонись!—гукнув йому Тарас:—
Яку хто любить, та йому й Лаура,
Хиба в нас гірша, як у вас натура?
Хиба своїх пісень немає в нас?
Хиба нам мова наша не покірна?..
Та школа й слів: послухай лиш Преширна!»

Въ высшей степени простое („яку хто любить, та йому й Лаура“), но въ то же время и чрезвычайно глубокое, истинно человѣческое рѣшеніе спора объ объемѣ національныхъ правъ украинскаго народа предложено въ шуточной, но подкупающе изящной формѣ. И мы сейчасъ увидимъ, что то же истинно человѣческое рѣшеніе, но обставленное

[1]) Цит. по перепечаткѣ въ. Львовскомъ журналѣ „Зоря“, 1887, стр. 160.

[2]) „Возможно ли писать сонеты по-украински? (Отвѣтъ, кому слѣдуетъ)“.—„Зоря“, 1887, стр. 160.

уже богатымъ арсеналомъ научной аргументаціи, дано Коршемъ въ его чрезвычайно интересныхъ и глубоко-поучительныхъ статьяхъ, появлявшихся въ повременной печати, преимущественно въ нашемъ журналѣ. Однако, чтобы покончить съ украинскими стихотвореніями покойнаго, добавлю при этомъ, что въ печатномъ видѣ извѣстно лишь очень незначительное ихъ количество [1]), большинство же ожидаетъ своей очереди, какъ интереснѣйшій психологическій матеріалъ изъ области настроеній многосторонней натуры.

Въ послѣднее десятилѣтіе, когда съ украинскаго вопроса было снято наложенное на него въ 1876 г. табу и сдѣлалось возможнымъ обсужденіе его въ печати, Ѳедоръ Евгеньевичъ неоднократно вступалъ участникомъ въ давній „споръ южанъ и сѣверянъ", держа сторону первыхъ; вступалъ всегда съ обычными своими пріемами—сжатостью, несокрушимой логикой, богатой фактической аргументаціей и тѣмъ изящнымъ остроуміемъ, которое налагаетъ своеобразную печать на всѣ его произведенія. Всѣ важнѣйшіе злободневные вопросы украинской жизни вызывали съ его стороны вдумчивую оцѣнку и, главное, благожелательное отношеніе къ самому существу спора. Не говоря уже о многочисленныхъ газетныхъ статьяхъ, къ которымъ не брезгалъ прибѣгать ученый академикъ и докторъ всевозможныхъ университетовъ [2]), въ нашемъ журналѣ имъ помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по самымъ различнымъ поводамъ. Первое выступленіе противъ украинства пріобрѣвшаго столь печальную извѣстность г. Струве вызва-

---

[1]) Въ альманахѣ „Складка" 1897 г. напечатано три стихотворенія за подписью „Хведор Корж": „Біда від кумедіянтів", „Розвага" и „З Пеширна"; въ „Л.-Н. Вістникѣ" 1913, кн. II, одно—„Хулителямъ Шевченка", и, наконецъ одно шуточное опубликовалъ недавно А. Ѳ. Саликовскій въ упоминавшейся уже статьѣ „Памяти Ѳ. Е. Корша". Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ автору сейчасъ упомянутой статьи Ѳ. Е. бросаетъ мимоходомъ фразу о „тетради моихъ стихотворныхъ переводовъ и таковыхъ же грѣховъ, отчасти украинскихъ",—„Приазовскій Край", № 77.

[2]) Любопытно, что даже такому авторитетному писателю, какъ Ѳ. Е. Коршъ, не всегда удавалось получить мѣсто въ русской прессѣ для своихъ выступленій по украинскому вопросу. Печатая въ „Укр. Жизни" одну изъ своихъ статей, Ѳ. Е. снабдилъ ее примѣчаніемъ, изъ котораго узнаемъ, что статья, „набранная въ двухъ газетахъ, не могла появиться ни въ надлежащемъ мѣстѣ, ни въ надлежащее время" и что вообще оказалось, что для нея „нѣтъ мѣста" ни въ одной изъ московскихъ газетъ. „Укр. Жизнь", 1913 г., кн. II, стр. 5.

ло обстоятельнѣйшій отвѣтъ Ѳ. Е. Корша—„Къ спору объ украинской культурѣ“ („Украинская Жизнь“, 1912 г., кн. II); на извѣстную анкету, предпринятую редакціей нашего журнала, онъ откликнулся обстоятельнѣйшей работой—„Объ украинскомъ національномъ возрожденіи“ (1913 г., кн. I); безсмысленное обвиненіе украинства въ сепаратизмѣ парировано имъ въ статьѣ „Украинцы и Австрія“ (1913 г., кн. II); холмскій вопросъ послужилъ поводомъ для работы „По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины“ (1913 г., кн. III); націоналистическіе набѣги въ научную область, въ частности брошюра проф. Сикорскаго, послужили матеріаломъ для „Націоналистической науки“ (1913 г., кн. VII—VIII). Событія, связанныя съ положеніемъ украинства во время войны, вызвали появленіе статей Ѳедора Евгеньевича въ „Новомъ Звенѣ“ и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ и т. п.

Какую же позицію занималъ Ѳ. Е. Коршъ въ украинскомъ вопросѣ?

Прежде всего необходимо отмѣтить, что, какъ историкъ, онъ не признавалъ за терминомъ „русскій“ его современнаго значенія, въ смыслѣ исключительно „великорусскій“, выступая противъ отожествленія „Руси“ съ „Великороссіей“. Для Ѳ. Е. Корша „выраженіе „тріединая Русь“ въ этнографическомъ смыслѣ указываетъ на близкое взаимное родство этихъ трехъ народовъ (великороссовъ, украинцевъ и бѣлоруссовъ), сохранившихъ не только свое общее имя, но и много ясныхъ слѣдовъ своего первоначальнаго единства, а въ политическомъ—на ихъ равноправіе въ русской средѣ“ („У. Ж.“, 1913, кн. VII—VIII, стр. 33). Но онъ понималъ также, что при современномъ соотношеніи указанныхъ народностей недоразумѣній можно избѣжать лишь „подъ условіемъ принятія имени „русскій“ въ историческомъ его значеніи“ (тамъ же, стр. 16). „Единство названія цѣлыхъ трехъ племенъ—да вѣдь это залогъ братскаго единенія и счастья всѣхъ трехъ!—восклицаетъ Коршъ въ одной изъ своихъ полемическихъ статей.—Казалось бы такъ,—продолжаетъ онъ,—но на дѣлѣ замѣчается непозволительное злоупотребленіе этимъ единствомъ со стороны сильнѣйшаго изъ трехъ восточно-славянскихъ племенъ: всякій называющійся русскимъ долженъ быть великороссомъ“ (1913 г., кн. II, стр. 6—7). Вотъ почему по практическимъ соображеніямъ онъ принимаетъ терминъ „Украи-

на“ и систематически его придерживается, считая, что „наличность украинской національности можетъ казаться сомнительной только тому, кто не имѣетъ о ней никакого понятія“ (1912 г., кн. II, стр. 46). Для него нѣтъ и „тѣни сомнѣнія въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ мѣстнымъ варіантомъ одного и того же племени, а съ двумя разными, хотя и близко родственными другъ съ другомъ племенами“ (1913, кн. I, стр. 14). Также внѣ сомнѣнія стоитъ для Ѳ. Е. Корша и другой, тѣсно связанный съ предыдущимъ вопросъ—существуетъ ли особая украинская культура? „Украинская народность,—пишетъ Ѳ. Е. въ своихъ отвѣтахъ на анкету нашего журнала, представляющихъ резюме всѣхъ его взглядовъ по украинскому вопросу,—несомнѣнно доказала свою жизнеспособность тѣмъ, что въ теченіе почти семи вѣковъ своего отдѣльнаго существованія, ознаменованныхъ кровавыми насиліями со стороны сосѣдей и внутренними раздорами, не только удержалась, но и окончательно опредѣлилась, развивъ заложенныя въ нее начала племенной индивидуальности до степени яснаго и прочнаго этническаго типа. А такъ какъ всякая жизнеспособная народность привноситъ нѣчто свое въ общечеловѣческую культуру, то исчезновеніе такой народности подъ напоромъ внѣшнихъ силъ есть прямой ущербъ для человѣчества. Потому такая народность заслуживаетъ поощренія своему развитію въ направленіи ея національныхъ особенностей посредствомъ свободнаго пріобщенія къ общечеловѣческой культурѣ“ (тамъ же, стр. 15—16). Приведя въ другомъ мѣстѣ факты, свидѣтельствующіе о существованіи украинской культуры въ прошломъ, Ѳ. Е. даетъ любопытное объясненіе регулярно возникающимъ на этотъ счетъ спорамъ и сомнѣніямъ: „Мы, господствующее племя, все это забыли или, точнѣе говоря, предпочитаемъ забывать каждый разъ, какъ отъ исторіи переходимъ къ выводамъ изъ нея; а украинцы помнятъ“ (1912, кн. II, стр. 43). Но не только въ забывчивости, по мнѣнію Ѳ. Е., дѣло,—замѣчается среди „господствующаго племени“ и нѣчто болѣе худшее. Коснувшись притѣсненій и нападокъ на украинство, онъ указываетъ, что „сваливать всю вину въ этомъ на правительство было бы клеветою: къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ либераловъ, готовые всегда заступиться за права любой не-русской народности въ Россійскомъ государствѣ, словно не могутъ признать

такія же права за народностью украинской, малорусской" (тамъ же, стр. 47). Показаніе, особенно цѣнное со стороны такого безпристрастнаго свидѣтеля, какимъ является въ данномъ случаѣ Ѳедоръ Евгеньевичъ, котораго трудно заподозрѣть въ излишней придирчивости.

Практическіе выводы, которые дѣлалъ Ѳ. Е. изъ своихъ теоретическихъ предпосылокъ, не менѣе ясны и опредѣленны и сводятся прежде всего къ возможности неограниченнаго культурнаго развитія. Украинской литературѣ и наукѣ онъ придаетъ важное значеніе прежде всего потому, что видитъ въ нихъ средства „приведенія національнаго чувства украинцевъ къ ясному и отчетливому сознанію" (1913, кн. I, стр. 17). „Что же дѣлать съ украинцами?—такимъ вопросомъ оканчиваетъ Ѳ. Е. свои возраженія г. Струве и отвѣчаетъ:—Остается одно—дать имъ культурную свободу. Образуютъ они свою собственную культуру, не боящуюся напора культуры великорусской,—ихъ счастье, а въ противномъ случаѣ они подчинятся великорусской культурѣ, но уже добровольно, сознательно, безъ всякаго озлобленія" (1912, кн. II, стр. 47). И въ устахъ Корша такое рѣшеніе означало не что иное, какъ требованіе полной и нестѣсняемой свободы обнаруженія и развитія украинскаго движенія. Наиболѣе настоятельнымъ въ ряду украинскихъ требованій представлялся ему вопросъ объ украинской школѣ,—причемъ онъ всегда имѣлъ въ виду какъ причины, такъ и слѣдствія народнаго просвѣщенія на украинскомъ языкѣ и неоднократно къ этому возвращался. „Трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь поставилъ себѣ задачей одичаніе и озлобленіе цѣлаго народа; а изъ обученія на непонятномъ языкѣ ничего вѣдь не можетъ выйти, кромѣ поголовнаго невѣжества и общей ненависти къ тѣмъ, кто подъ видомъ хлѣба подаетъ камень" (1913, кн. I, стр. 16),—это безспорная, непререкаемая истина для Ѳ. Е. Корша. И потому онъ при всякомъ случаѣ возвращается къ обоснованію постулата украинской школы, считая осуществленіе этого требованія краеугольнымъ камнемъ всего зданія украинской національной культуры. „Итакъ, снова и снова: прежде всего—низшая школа съ народнымъ языкомъ преподаванія. Прочая же вся приложатся" (тамъ же, стр. 19). Ибо ближайшія задачи всего украинскаго движенія сводятся, по мнѣнію Ѳ. Е., „къ заботамъ объ истинномъ, т.-е. свободномъ отъ постороннихъ

цѣлей и основанномъ на возможно широкой программѣ просвѣщенія своего народа снизу" (тамъ же, стр. 21).

Меньше вниманія удѣлялъ Ѳ. Е. политическимъ требованіямъ и рѣже вообще ихъ касался, считая въ этой сферѣ прежде всего необходимымъ удалить всякій элементъ принужденія и угнетенія и осуществить принципъ „равноправія въ русской средѣ". Въ общемъ онъ стоялъ на позиціи федерализма и много употребилъ усилій, чтобы выяснить русскому обществу, что эта позиція ничего общаго не имѣетъ съ пресловутымъ сепаратизмомъ, которымъ такъ любятъ запугивать всѣхъ и каждаго забубенныя головушки націонализма и націоналъ-либерализма. И въ политическихъ своихъ построеніяхъ Ѳ. Е. возвышался до мыслей, граничащихъ съ прозорливостью. Такъ, предвидя еще въ 1913 году войну съ Австріей, Ѳ. Е. обращалъ вниманіе на тягостное положеніе поляковъ и украинцевъ, которымъ „предстоитъ, чего добраго, рѣзаться со своими братьями", и особенно возмущался людьми, которые „въ эту-то поистинѣ трагическую минуту" занимаются политическимъ сыскомъ надъ украинцами. Признавая, что положеніе закордонныхъ украинцевъ дѣйствительно можетъ служить „предметомъ тщетныхъ воздыханій" со стороны ихъ россійскихъ земляковъ, Ѳ. Е. Коршъ продолжаетъ: „прекратимъ эти воздыханія не обычнымъ пріемомъ зажатія ртовъ, а удовлетвореніемъ законныхъ желаній нашихъ украинцевъ—и тогда, только тогда мы получимъ право на требованіе, чтобы они промогласно протестовали противъ малѣйшаго намека на возможность ихъ симпатій къ чужому государству. Но тогда они выступятъ съ такимъ протестомъ и безъ нашего требованія" (1913, кн. II, стр. 9). Съ другой стороны, Коршъ совѣтовалъ украинцамъ принимать самое дѣятельное участіе во всѣхъ проявленіяхъ общественнаго движенія, но непремѣнно въ качествѣ украинцевъ,—„чтобы вся Россія знала ихъ въ качествѣ особаго, отличнаго отъ великоруссовъ народа и видѣла въ нихъ самостоятельную политическую и культурную величину, которая можетъ не только жаловаться, а и стоять за себя, не только требовать, а и давать" (1913, кн. I, стр. 24). И, провозглашая такое положеніе, онъ самъ шелъ на всякую работу, отрывая драгоцѣнное время отъ своихъ научныхъ изысканій, разъ видѣлъ въ ней средство показать украинцевъ „въ качествѣ особаго, отличнаго отъ великороссовъ

народа". Къ этой категоріи занятій относится работа Ѳ. Е. въ качествѣ члена академической комиссіи по изданію извѣстной записки „Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова", его участіе въ редактированіи украинскаго перевода Евангелія и юбилейныхъ Шевченковскихъ торжествахъ, его предсѣдательствованіе въ Обществѣ славянской культуры и работа въ украинской секціи этого Общества, его сотрудничество въ украинскихъ ученыхъ изданіяхъ и т. п.

Этимъ указаніемъ на чисто-практическую дѣятельность почившаго „Друга украинцевъ" я и заканчиваю настоящій очеркъ. Послѣдняя изъ указанныхъ чертъ особенно выпукло, во весь, можно сказать, ростъ ставитъ рѣдкій даръ, которымъ въ совершенствѣ располагалъ Ѳ. Е.—умѣніе сочетать служеніе чистой наукѣ съ чрезвычайной практической ясностью и интересомъ къ волнующимъ злобамъ дня, къ подлиннымъ страданіямъ живыхъ людей. Это потому, что онъ былъ человѣкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова и ничто человѣческое не считалъ чуждымъ себѣ, умѣя переноситься въ чужое положеніе, переживать его и проникаться имъ до степени интеллектуальнаго, если хотите, перевоплощенія. Къ нему, этому равно великому ученому и человѣку, можно безъ всякой натяжки приложить извѣстныя слова поэта:

Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пропасти страстей,
Познать на дѣлѣ жизнь людей,
Прочесть всѣ темныя страницы
Всѣ беззаконныя дѣла,
И сохранить полетъ орла
И сердце кроткой голубицы—
Се человѣкъ.

„Се человѣкъ",—въ этомъ, краткомъ афоризмѣ заключается, быть можетъ, наилучшая и самая широкая характеристика незабвеннаго въ украинскомъ возрожденіи „кацапа" Ѳедора Евгеньевича Корша.

С. Ефремовъ.

Трезвость на Украинѣ

(Письмо изъ Полтавской губерніи).

По количеству поглощаемаго населеніемъ алкоголя Полтавская губ. занимала далеко не послѣднее мѣсто даже среди „пьяныхъ“ губерній, тратя на него въ два раза больше, чѣмъ на всѣ обязательные платежи и налоги. Какъ видно изъ отчета главнаго управленія неокладныхъ сборовъ, въ 1913 году одной только водки здѣсь было продано на 17,285,600 руб., въ то время какъ общая сумма всѣхъ обязательныхъ платежей и налоговъ составляла лишь 9,361,428 руб.

Запрещеніе продажи водки, рѣшительное изъятіе ея изъ обихода поэтому, естественно, должно было произвести сильный переворотъ въ жизни населенія, должно было замѣтно отразиться какъ на матеріальномъ его благосостояніи, такъ и на духовно-моральномъ обликѣ его.

Чтобы выяснить хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ размѣръ и характеръ этихъ измѣненій, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе полное и всестороннее представленіе о томъ, какъ деревня приспособилась къ столь непривычной для нея безводочной жизни, статистическое бюро полтавскаго губернскаго земства произвело объ этомъ подробную анкету среди населенія, результаты которой оно недавно опубликовало [1]).

Всѣхъ отвѣтовъ статистическое бюро получило 1,791, которые по отдѣльнымъ уѣздамъ распредѣляются такъ: Гадячскій—90, Золотоношскій—124, Зѣньковскій—143, Кобелякскій—109, Константиноградскій—134, Кременчугскій—115, Лохвицкій—84, Лубенскій—86, Миргородскій—137, Переяславскій—46, Пирятинскій—172, Полтавскій—119, Прилукскій—149, Роменскій—109 и Хорольскій—172, т.-е., за не-

---

[1]) „Какъ повліяло прекращеніе продажи водки на жизнь населенія Полтавской губ.“, Полтава, 1915 г.

большимъ исключеніемъ, анкета равномѣрно охватила почти всѣ уѣзды, а потому и выводы изъ нея могутъ безъ особаго риска быть распространены на всю губернію. Цѣнность полученныхъ отвѣтовъ, кромѣ того, увеличивается еще тѣмъ, что для этой анкеты кругъ земскихъ корреспондентовъ былъ значительно расширенъ. Къ участію въ ней были привлечены, кромѣ обычныхъ корреспондентовъ, земскіе врачи, фельдшера, народные учителя, агрономы, духовенство, кооперативы, представители сельской администраціи и др.

Изъ всѣхъ указанныхъ губерній Полтавская, если не ошибаемся, пока еще единственная систематически и по опредѣленному плану обслѣдовавшая вліяніе отрезвленія на жизнь деревни, а потому полагаемъ, что читателямъ „Украинской Жизни“ небезынтересно будетъ болѣе подробно познакомиться съ результатами этой анкеты.

I.

Водка такъ глубоко проникла во всѣ поры нашей деревенской жизни, она была такимъ неотъемлемымъ аттрибутомъ всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій религіозной, семейной и экономической жизни деревни, что положительно трудно себѣ представить, чтобы населеніе безропотно встрѣтило полное и притомъ принудительное изгнаніе ея изъ его обихода. А между тѣмъ, какъ свидѣтельствуютъ почти всѣ отвѣты на вопросъ объ отношеніи населенія къ запрещенію продажи водки, оно въ подавляющемъ своемъ большинствѣ встрѣтило эту мѣру не только безропотно, но радостно, въ полномъ сознаніи огромнаго ея моральнаго и экономическаго значенія.

„Въ первые дни населеніе, не разсчитывая, что винныя лавки закрыты на продолжительное время, надѣялось, что съ окончаніемъ мобилизаціи онѣ будутъ открыты. Спустя недѣли двѣ населеніе начало съ этимъ свыкаться. Часто приходилось слышать отъ лицъ непьющихъ и женщинъ: „Добре було-б, як бы казенку закрыли зовсім“. Пьющіе же нерѣдко раздѣляли эту мысль. Что же касается горькихъ пьяницъ, то имъ пришлось погоревать. Въ первые дни они бросились на поиски, разсчитывая найти хотя бы за очень высокую плату нѣсколько рюмокъ водки. Теперь же совсѣмъ свыклись съ трезвымъ образомъ жизни“ (Лохвицкій уѣздъ).

„Вообще съ начала закрытія все подымался вопросъ, какъ будемъ молотить безъ водки, а когда покончили молотьбу, то каждый увидѣлъ десять—пятнадцать рублей неизрасходованныхъ, тогда была благодарность, что закрыта. Пьющіе—нѣту, и не надо. Отъ пьяницъ, когда придется спросить: „ну, что, какъ теперь?—Ну, что-жъ, безъ водки не помремъ“ (Полтавскій у.). Аналогичныя сообщенія со ссылками на дешевизну „трезвой“ молотьбы хлѣба поступили также изъ Балаклейской вол. и м. Оболони. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ приводятся различные другіе мотивы или же констатируется самый фактъ радостнаго отношенія, безъ указанія причинъ.

„Непьющіе люди отнеслись радостно, а пьющіе—немного“ (Пирятинскій у.). „Будто на все село благодать сошла съ неба“ (оттуда же).

Весьма существеннымъ коррективомъ къ этимъ субъективнымъ показаніямъ объ отношеніи деревни къ принудительному отрезвленію служатъ послѣдовавшіе въ августѣ и сентябрѣ, т.-е. послѣ одного—двухъ мѣсяцевъ трезвости, многочисленные приговоры сельскихъ сходовъ о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ навсегда, причемъ, какъ сообщаютъ корреспонденты, самыми горячими защитниками этихъ приговоровъ часто являлись наиболѣе горькіе пьяницы.

Весьма характерно и показательно отношеніе къ отрезвленію деревни женской половины ея населенія, наиболѣе сильно страдавшей отъ пьянства мужчинъ. Съ ихъ стороны, за рѣдкими исключеніями, оцѣнка единодушно восторженная.

„Отнеслись женщины съ большой благодарностью по адресу войны“. „Всѣ радуются“. „Исполнилась ихъ завѣтная мечта“. „Не находятъ словъ благодарности“. „Смотрятъ какъ на радостный сонъ“. „Женщины,—пишетъ учительница изъ Пирятинскаго уѣзда,—узнавъ, что у меня есть вашъ опросный листъ, пришли просить и молятъ меня написать, что онѣ теперь только и свѣтъ увидѣли и чтобы больше ввѣкъ водки не было“. „Матери, жены и сестры благодарятъ. Въ честь прекращенія продажи водки женщины покупали въ церкви дорогія свѣчи и ставили ихъ такъ: одну за то, что закрыли водку, а другую,—чтобъ ее никогда не открывали“.

А вотъ нѣсколько отвѣтовъ самихъ заинтересованныхъ женщинъ — крестьянокъ и казачекъ. „У людей война, а мінi—замиреніе“. „Слава Богу. Ми як у друге заміж пішли! Наче другій світ став“. „Там іще чи попадут люди у рай, чи нi, а я уже теперь у раї“.

Весьма интересны отзывы корреспондентовъ о судьбѣ алкоголиковъ, которые во многихъ деревняхъ насчитывались десятками.

„Сначала они все не могли повѣрить, что монополій не откроютъ, и бѣгали изъ одного села въ другое. И такъ по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ. Увѣряли, что безъ водки они не могутъ жить. Умирали даже иные отъ отравленія политурой. Говорили: „у насъ все взяли, ничего не дали“. „Когда прекратилась продажа водки,—пишутъ объ одномъ алкоголикѣ изъ Полтавскаго уѣзда,—ему тошно все стало, все опостылѣло. И на свою семью набрасывался онъ, какъ голодный волкъ, ни ѣсть, ни пить не могъ, а на третій день рѣшилъ покончить съ собою“. Съ теченіемъ времени, однако, и алкоголики свыклись постепенно съ новымъ положеніемъ, „перерождались“, какъ часто выражаются корреспонденты, и многіе изъ нихъ ужъ успѣли даже обратить на себя вниманіе своимъ умомъ и способностями. „Считался онъ раньше дурачкомъ у насъ,—пишетъ священникъ объ одномъ алкоголикѣ,—а оказался умнѣйшимъ человѣкомъ“. „Горькіе пьяницы,—пишутъ изъ Роменскаго уѣзда,—годятся теперь въ старшины“.

Чтобы исчерпать вопросъ объ отношеніи населенія къ прекращенію продажи спиртныхъ напитковъ, приведемъ еще нѣкоторыя данныя о степени распространенія различныхъ суррогатовъ въ отрезвленной деревнѣ.

Изъ 1,040 разсмотрѣнныхъ сообщеній употребленіе различныхъ суррогатовъ (денатурированнаго спирта, лака, политуры, одеколона и т. п.) наблюдалось въ 243, не наблюдалось въ 770, нѣтъ указаній въ 27; т.-е. употребленіе суррогатовъ имѣло мѣсто почти въ 25% всѣхъ тѣхъ пунктовъ, откуда поступили отвѣты. Если, однако, ближе присмотрѣться къ характеру и размѣру этого употребленія, то впечатлѣніе отъ приведенныхъ цифръ несомнѣнно будетъ значительно ослаблено. Въ 47 сообщеніяхъ говорится опредѣленно лишь о попыткахъ употребленія суррогатовъ, имѣвшихъ мѣсто только въ первые дни послѣ за-

крытія казенныхъ винныхъ лавокъ. На единичный и непостоянный характеръ ихъ употребленія указывается во многихъ другихъ сообщеніяхъ.

Употребленіе суррогатовъ не обошлось, конечно, безъ несчастныхъ случаевъ, вплоть до смертельнаго исхода. Въ десяти сообщеніяхъ говорится о послѣдовавшихъ смертяхъ, въ шестнадцати—временныхъ отравленіяхъ, а въ пяти—не указано, была ли въ данномъ случаѣ смерть или только временное отравленіе.

31 несчастный случай—это, конечно, не мало. Но, принимая во вниманіе количество несчастныхъ случаевъ, непосредственно связанныхъ съ пьянствомъ, приведенную цифру врядъ ли можно признать очень высокой. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ одно сообщеніе (изъ Кременчугскаго уѣзда): „Не было (несчастныхъ случаевъ отъ употребленія суррогатовъ), а отъ водки было много; напримѣръ: Никита... 60 лѣтъ, сгорѣлъ, Алексѣй... 64 л., повѣсился, Федоръ... 52 л., зарѣзался у себя на печкѣ, Сильвестръ... 34 л., утопился въ рѣкѣ Послѣ, Матвѣй... упалъ съ возу и убился на-смерть, а Аѳанасія... пьянымъ убили и многихъ прибили“.

II.

Наиболѣе глубокія и коренныя измѣненія отсутствіе водки должно было внести въ форму и содержаніе различныхъ обрядовъ и вѣками установленныхъ обычаевъ и традицій.

Свадьбы, похороны, крестины, храмовые праздники, торговыя сдѣлки, полевыя и другія хозяйственныя работы, требующія помощи сосѣдей, сельскіе сходы, выборы и наемъ должностныхъ лицъ—все это въ деревнѣ обыкновенно сопровождалось обязательнымъ угощеніемъ водкой, которое нерѣдко переходило въ многодневное пьянство. Какъ же теперь, при отсутствіи водки, отправляетъ деревня всѣ эти обряды и вѣками установленные обычаи? Какую форму и содержаніе имѣютъ они теперь? Въ отвѣтахъ, полученныхъ земствомъ, этимъ вопросамъ, естественно, удѣляется очень много вниманія.

Отсутствіе водки на торжествахъ вначалѣ всѣхъ страшно смущало. „Безъ водки,—пишетъ одинъ,—получилось одно неприличіе“. „За обѣдомъ,—описываетъ другой безводочную свадьбу,—хозяинъ смущенъ, а гости чувствуютъ

себя такъ, будто въ домѣ случилось несчастье". Выраженіе „Прежде похороны были „веселійше", чім теперь свадьба" варьируется въ очень многихъ сообщеніяхъ. Но это продолжалось сравнительно недолго. Съ теченіемъ времени къ безводочнымъ торжествамъ начали понемногу привыкать, и они во многихъ мѣстахъ уже начали проходить почти по-старому—съ музыкой, пѣснями и танцами. Обычай „частування" гостей остался. Вмѣсто водки падаютъ „фіалку", „сидро", ландринъ, медъ, квасъ и т. п.

Особенно замѣтно отразилось отсутствіе водки на деревенскихъ свадьбахъ. „Мнѣ пришлось,—пишутъ изъ Лубенскаго уѣзда,—лично наблюдать свадьбу теперь и сличать ее съ прежней. Сходства нѣтъ совершенно. Послѣ церкви идутъ къ невѣстѣ и садятся закусывать. Послѣ закуски пуляютъ, разсказываютъ, кто какія новости знаетъ, конечно, съ войны. Читаютъ газету. Потомъ пьютъ чай, и кончено. Весь строй свадьбы идетъ теперь чинно, степенно и кончается однимъ днемъ, а раньше четырьмя. На такой свадьбѣ выходило отъ 10—15 ведеръ водки, изъ которыхъ ведеръ 8 хозяина, а остальныя въ складчину. Не вѣрится,—заканчивается сообщеніе,—что живетъ тотъ народъ, что жилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ!" Въ другихъ сообщеніяхъ указывается на моральныя послѣдствія отсутствія водки на свадьбахъ. Нѣтъ „сквернословія, пустословія, празднословія и смѣху неподобнаго,—все какъ умерло". Нѣтъ пьяныхъ дракъ, „свадебныхъ ранъ". „Съ удовольствіемъ подѣлюсь,—пишутъ изъ Пирятинскаго уѣзда,—какъ съ отраднымъ явленіемъ, съ упраздненіемъ варварскаго, безстыжаго обычая, во время котораго публично надругивались надъ дѣвичьей честью невѣсты. Теперь ясно, что этотъ грубый, циничный обрядъ существовалъ лишь благодаря алкоголю".

Нѣкоторыя затрудненія, подчасъ довольно значительныя, отсутствіе водки создало для крестинъ, а особенно—похоронъ. „На крестинахъ,—пишутъ изъ Кобелякскаго у.,—тоже приходится „шукать кумівъ", да никакъ не найдешь, и приходится нанимать, какъ поденно, потому, какъ пойдете кумовать,—денегъ надо, а могарыча нѣтъ". Еще хуже обстоитъ дѣло съ похоронами. „О похоронахъ,—пишутъ изъ Роменскаго уѣзда,—скажу совсѣмъ другое (чѣмъ о свадьбахъ). Теперь похороны обходятся въ 20 разъ дороже.

Раньше у средняго хозяина на похороны берутъ четверть водки, изъ оной наливаютъ полкварты копачамъ, которые копаютъ яму. Это стоитъ 42 коп., теперь меньше 3 руб. не копаютъ... Приходится съ десятаго кутка доставать (людей) нести тѣло, и то все-таки ухитряются уѣхать пораньше изъ дому. Часто и болѣе договоряютъ компанію, называется цехъ кравецкій или сапожницкій, и платятъ за выносъ тѣла 20—25 руб., тогда какъ при водкѣ—½ ведра водки. Желательно,—приходитъ къ заключенію этотъ корреспондентъ,—чтобы для похоронъ выдавалась по удостовѣренію старосты или священника водка по рецепту изъ аптеки, и лишь только для одного похорона". Хотя на аналогичныя затрудненія при похоронахъ жалуются и въ другихъ сообщеніяхъ, однако, другіе корреспонденты предлагаютъ болѣе раціональныя мѣры для ихъ устраненія, а именно—созданіе похоронныхъ Обществъ, „цеховъ", какъ они ихъ называютъ. Сельская интеллигенція, а особенно духовенство, должно обратить на это серьезное вниманіе и безотлагательно приступить къ организаціи такихъ Обществъ.

Отсутствіе водки совершенно переродило и деревенскіе клубы, такъ-называемые „досвітки". До прекращенія продажи водки они во многихъ мѣстахъ до того терроризовали населеніе, что нерѣдко они закрывались полиціей. А теперь о той же самой молодежи, посѣщающей „досвітки", пишутъ въ такихъ выраженіяхъ: „Наша хорошая молодежь", „трезвость сняла съ нея многіе недавніе грѣхи", „молодежь какъ бы образованіе получила", „молодежь стала жизнерадостнѣй, къ чему-то стремится, заботится и о наружности, и обо всемъ". Радикально измѣнилось, разумѣется, и самое содержаніе времяпрепровожденія на „досвіткахъ". Парни начали тамъ читать газеты, начала замѣчаться, по выраженію одного корреспондента, наклонность къ національности. „Досвітки сбираются, як и раньше,—пишутъ изъ Переяславскаго уѣзда,—безпутств нема, не сбивают дівчат с панталыку, що часто було при горільці. Батьки и матері охотно пускают на досвітки своих дочерей, де робота у гурті ведетця швидче, чим дома. Парубки приходят часто гулять съ газетами, розсказуют новости; плытут рукавыці, часто учатця у дівчат вышивати".

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что на-ряду съ такими сообщеніями, встрѣчаются также указанія на усиленіе азартной карточной игры на „досвіткахъ". „На такъ-называемыхъ

„досвѣтках“—пишетъ священникъ изъ Пирятинскаго у.,—стали водиться степенные разговоры, лучшія пѣсни, появились пряники, конфеты, но усилилась игра въ карты, къ сожалѣнію, на деньги, пряники и конфеты“. „Водку (на досвѣтках) замѣнили карты... такъ какъ другихъ развлеченій нѣтъ“ (Лубенскій уѣздъ).

Съ изъятіемъ водки изъ обихода деревни „покончилъ свое существованіе“, по образному выраженію одного сообщенія, и могорычъ, сопровождавшій всѣ торговыя сдѣлки въ деревнѣ. „Какіе могутъ быть магарычи безъ водки!“—поясняетъ одинъ изъ корреспондентовъ свое сообщеніе о полномъ исчезновеніи магарычей изъ деревенскаго обихода. Но, какъ видно, крестьяне мало объ этомъ сожалѣютъ. Даже, напротивъ, рады этому. „Хорошо стало,—пишутъ изъ Пирятинскаго уѣзда,—(безъ магарычей), такъ какъ покупки и всякія сдѣлки дѣлаются со свѣжей головой. Противные раньше магарычи вовсе не сгадуются“. „Прекратились (магарычи), и дай Богъ, чтобы не возобновились,—пишутъ изъ Кременчугскаго уѣзда.—Теперь обходятся безъ этого, и хорошо, и злоупотребленій нѣтъ“. Недовольны только барышники и другіе деревенскіе „дѣльцы“, которымъ подъ хмелькомъ, очевидно, удавалось сбывать болѣе выгодно плохой товаръ. „Барышникъ очень жаловался,—пишутъ изъ Зѣньк. уѣзда,—что трудно продавать плохихъ лошадей. Теперь очень разсматриваютъ раньше, чѣмъ купить“.

Вопреки ожиданіямъ и апріорнымъ сужденіямъ, отсутствіе водки почти нисколько не отразилось на крестьянской взаимопомощи, весьма распространенной въ деревнѣ. „Магарычей нѣтъ,—пишутъ изъ Константиноградскаго уѣзда,—но работа скопомъ не прекратилась, какъ, напр., молотьба, перевозка чего-либо совершается взаимнымъ отработкомъ“. „Обычныя работы, въ которыхъ крестьянинъ помогаетъ другъ-другу, не прекратились, но онѣ не сопровождаются магарычемъ“,—пишутъ изъ Зѣньк. уѣзда. „Помощь одного другому выражается съ охотой“. „Сейчасъ,—пишутъ изъ того же уѣзда,—мужички обдѣлываютъ свои дѣла иначе. Какъ говорится въ народѣ,—спрягаются, т.-е. нѣсколько человѣкъ соглашаются сдѣлать одному сегодня; такъ, напр., предстоитъ кому-либо перевезти сѣно съ луга, что ли, тогда ищешь себѣ товарищей, имѣющихъ лошадей, привозятъ,

а тамъ, привезши сѣно, стараешься отработать тому въ другомъ какомъ-нибудь дѣлѣ".

Еще отраднѣе результаты исчезновенія могорычей въ сферѣ сельской общественности. „Особенно это спокойствіе,—пишутъ изъ Лубенскаго уѣзда,—было замѣчено въ ноябрьскихъ сельскихъ сходахъ, на выборахъ должностныхъ лицъ сельскаго сословія, какъ-то: сельскихъ и пожарныхъ старостъ, сборщиковъ податей, полицейскихъ и прочихъ должностныхъ лицъ. Выборы прошли такъ тихо и гладко, хорошо, что къ концу схода многими было сказано: „Какъ по маслу прошли выборы"... а прошлые осенніе сходы были такіе пьяно-буйные, что корреспонденты газеты „Лубенскіе Отклики" нѣсколько разъ нашъ сходъ пропечатали". „Раньше у насъ (Константиноградскій уѣздъ) были въ большомъ ходу общественные магарычи при наймѣ должностныхъ лицъ, общественныхъ угодій и т. п.; теперь же ничего этого нѣтъ".

III.

Въ Полтавской губ., какъ мы уже указали въ началѣ статьи, ежегодно тратилось на водку свыше 17 милліоновъ рублей. Прекращеніе продажи спиртныхъ напитковъ поэтому, естественно, должно было весьма замѣтно отразиться на матеріальномъ благосостояніи населенія. У деревни должны были образоваться болѣе или менѣе значительные денежные рессурсы; должны были повыситься ея покупательныя возможности; сбереженія отъ прекращенія пьянства по апріорнымъ предположеніямъ должны были, если не цѣликомъ, то частью пойти на улучшеніе хозяйства, пріобрѣтеніе сел.-хоз. орудій, скота и т. п. Сообщенія губернскаго земства всѣ эти предположенія единодушно подтверждаютъ, обнаруживая, сверхъ того, и рядъ другихъ не менѣе важныхъ экономическихъ послѣдствій отрезвленія.

Въ отношеніи деревенскихъ ремесленниковъ сообщенія часто констатируютъ, что они нерѣдко не знаютъ, что дѣлать съ деньгами, которыя у нихъ теперь очутились благодаря, съ одной стороны, воздержанію отъ употребленія водки, а съ другой—усилившейся, вслѣдствіе этого, работоспособности и интенсивности труда. „Оце штука,—пишутъ объ удивленіи одного мастерового, у котораго очутилось 3 рубля,—гроші хочь на базарі продавай, бо нігде діти". „Не знаешь, що робыть, де дівать гроші,—жалуется дру-

гой.—Хліб есть, чоботы есть і грошей рублів съ 25 валяетця".

Не то у сельскихъ хозяевъ „хліборобів". Такъ какъ у нихъ „открылись теперь глаза, и они видятъ, какъ многое недостаетъ у нихъ въ хозяйствѣ", то „мучиться надъ вопросомъ, куда дѣвать деньги, здѣсь не приходится; надо, напротивъ, стараться раздобыть ихъ побольше".

Въ сельскомъ хозяйствѣ послѣдствія отрезвленія выразились конкретно въ усилившейся покупкѣ сел.-хоз. орудій, примѣненіи навознаго удобренія (Прилукскій и Миргородскій уѣзды), своевременной и болѣе раціональной обработкѣ земли (Кобелякскій и Миргородскій уѣзды), покупкѣ скота (Константиноградскій уѣздъ) и т. д. Вотъ нѣсколько сообщеній этого рода. „Послѣ прекращенія продажи водки начали исправлять разорившіяся постройки, своевременно дѣлать пахоту земли и посѣвовъ, покупать скотъ, проданный раньше, и вести хозяйство надлежащимъ образомъ". „Обработка земли идетъ во-время, и каждый хозяинъ значительно сталъ выше по хозяйственной части". „Теперь работаютъ ту работу, что раньше оставалась несдѣланной. Напр., нужно было выбрать на зябь, та такъ черезъ водку осталось не орано". „Половина всей земли засѣвалась наволокомъ. Теперь вся земля обработана лучшимъ способомъ". „Я знаю такія деревни, которыя раньше, несмотря на близость ихъ къ свекловичнымъ плантаціямъ, поставкой свеклы не занимались до этого года".

Констатируютъ сообщенія и значительное повышеніе интереса къ сельскохозяйственнымъ знаніямъ, кооперації и т. п... „Посѣщаютъ сел.-хоз. Общества, кредитныя товарищества, школы, гдѣ съ большимъ интересомъ слушаютъ свѣдѣнія, какъ улучшить свое полевое и домашнее хозяйство" (Конст. у.). „Увеличилось количество членовъ сел.-хоз. Обществъ и болѣе охотно являются въ собраніи" (Полтавск. уѣздъ). „Прежде на бесѣдахъ по сельскому хозяйству, устраиваемыхъ земскимъ агрономомъ, больше 20—30 чел. не бывало, тогда какъ теперь слушателей явилось въ послѣднюю бесѣду 200 чел." (Пир. у.). Сообщаютъ также о намѣреніи крестьянъ съ начала года подписаться на сел.-хоз. газеты и журналы, въ частности—на полтавскій „Хуторянинъ".

Экономическія послѣдствія запрещенія продажи водки

весьма рельефно обнаруживаются также въ улучшеніи домашней жизни крестьянъ, въ болѣе полномъ удовлетвореніи различныхъ потребностей, которыя раньше не существовали въ деревнѣ, по меньшей мѣрѣ не удовлетворялись. „Тѣ деньги,—формулируетъ это явленіе одно сообщеніе,—что раньше тратились на водку, тратятся теперь на покупку вещей, которыя считались тогда ненужными".

Болѣе конкретно это измѣненіе выражено въ слѣдующемъ сообщеніи изъ Гадячскаго уѣзда: „Деньги, которыя раньше тратились на водку, теперь, конечно, употребляются на хозяйство, на улучшеніе внѣшняго вида своего, т.-е. одѣваются крестьяне лучше, чѣмъ при существованіи водки. Пища безусловно стала лучшей. Рыбу прежде рѣдко у кого встрѣтишь, теперь у каждаго есть; берутъ селедки боченками". „Улучшеніе въ одеждѣ и пищѣ стало общимъ явленіемъ",—пишутъ изъ другого уѣзда. „Лавка Общества потребителей въ прежніе годы съ трудомъ продавала одного кабана, а эту осень продала 9 кабановъ, 2 барановъ и 2 телятъ" (Лохвицкій уѣздъ). Одинъ изъ становыхъ приставовъ Миргородскаго уѣзда пишетъ: „Торговцы говорятъ, что спросъ на крестьянскую мануфактуру очень большой". „По заявленію лавочниковъ, въ народѣ появились деньги на покупку матерій, чаю, сахару, оливы и др. предметовъ, чего раньше семьи пьющихъ не покупали" (Хорольскій уѣздъ).

Въ непосредственную связь съ отрезвленіемъ деревни многіе наблюдатели ея современной жизни ставятъ рядъ новыхъ потребностей, появившихся у сельскаго населенія. „Почти въ каждой хатѣ,—пишутъ изъ Пир. у.,—появились самовары, даже часы стѣнные появились вездѣ". О появленіи часовъ пишутъ также изъ Константиноградскаго, Лубенскаго и Хорольскаго уѣздовъ. Появились и калоши, которыхъ до сихъ поръ въ деревнѣ почти совершенно не было. „У молодежи франтовство увеличилось немного,—напр., парубки справляютъ калоши, которыхъ до сихъ поръ не было" (Переясл. у.). „Налегаютъ на чай и на сахаръ, а молодежь налегаетъ на калоши" (Хорольскій уѣздъ).

Большинство корреспондентовъ отмѣчаетъ еще одно интересное, вызванное трезвостью, явленіе—повышеніе платежеспособности деревни. Объ аккуратномъ поступленіи различныхъ податей и повинностей сообщаютъ и сборщики, и пристава, и урядники. Исправно начали погашаться также долги частнымъ лицамъ и кредитнымъ кооперативамъ.

Выше мы уже отмѣтили, что въ деревнѣ образовались значительныя денежныя сбереженія. Вотъ нѣкоторыя цифры, позволяющія составить себѣ опредѣленное представленіе объ этихъ сбереженіяхъ. Изъ 1,040 разсмотрѣнныхъ статистическимъ бюро сообщеній въ 340 говорится объ образованіи въ деревнѣ, благодаря ея отрезвленію, денежныхъ сбереженій, что составляетъ 33% всѣхъ обслѣдованныхъ поселеній [1]). Въ 117 изъ этихъ 340 сообщеній указано на увеличеніе вкладовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Объ образованіи въ деревнѣ денежныхъ излишковъ и приливовъ вкладовъ свидѣтельствуетъ также то, что нѣкоторыя кредитныя учрежденія понизили % по вкладамъ.

IV.

„Судя по содержанію и тону громаднаго большинства сообщеній,—замѣчаетъ статистикъ М. В. Рклицкій, систематизировавшій отвѣты на анкету земства,—слѣдуетъ заключить, что наибольшій эффектъ отъ запрещенія продажи водки получился въ области моральныхъ отношеній деревни. Можно было, однако, полагать,—пишетъ онъ далѣе,—что получившійся эффектъ лишь временный и скоропреходящій, и что въ людяхъ должны будутъ взять верхъ тѣ же дурныя черты и наклонности, которыя такъ удручали и нервировали деревню. Но настоящая анкета показала, однако, что этого не произошло, давъ тѣмъ увѣренность, что принявшее большіе размѣры зло лежало не столько въ природѣ людей, сколько въ алкоголизированной бытовой обстановкѣ деревни“.

Тонъ и содержаніе многочисленныхъ приводимыхъ цитатъ изъ сообщеній весьма ярко иллюстрируютъ приведенное мнѣніе. „О, Господи! То было, какъ осень,—и воровство, и драка, а теперь этого нѣтъ“. „О, какъ спокойно! Ни воровства, ни дракъ, ни озорства“. „Владѣльцы движимаго и недвижимаго имущества ложатся спать спокойно, въ полной увѣренности, что найдутъ все на своемъ мѣстѣ“. „Теперь всюду тишина и спокойствіе: воровство, драки, семейныя ссоры и всякія неурядицы начинаютъ, кажется, отходить въ область сказочныхъ преданій“. Въ такомъ же восторженномъ и изумленномъ тонѣ говорятъ о моралъ-

[1]) 18 сообщеній, въ которыхъ говорится, что сбереженія ушли на уплату долговъ, въ указанное число не вошли.

номъ перерожденіи и другіе корреспонденты. „Какъ-будто открылась новая Америка“,—такой неузнаваемой стала отрезвленная деревня, по выраженію одного корреспондента изъ Константиноградскаго уѣзда.

Впрочемъ, это подтверждаютъ и болѣе объективные свидѣтели—факты и цифры о количествѣ преступленій въ „пьяной“ и „трезвой“ деревнѣ. „Безошибочно можно утверждать,—пишетъ священникъ изъ д. Вел. Будищъ,—что вся преступность уменьшилась на 75%; подтвержденіе нахожу по справкамъ, забираемымъ въ судахъ“. „Я имѣлъ возможность,—сообщаютъ изъ Полт. у.,—взять справочку о числѣ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ волостного суда въ прошломъ году съ 18-го іюля по 1-е декабря. И какая же разница получилась: въ прошломъ году за это время поступило въ судъ дѣлъ за драки и кражи 28, а въ этомъ году 4“. Таково же мнѣніе и представителей администраціи. „По заявленію двухъ урядниковъ, этого рода проступки (воровство, драки, озорство) почти совсѣмъ вывелись“ (Конст. у.). „Всѣ судьи въ одинъ голосъ говорятъ, что кражъ и дракъ уменьшилось“. (Лохв. у.). Очень характеренъ слѣдующій отвѣтъ одного изъ становыхъ приставовъ Прилукскаго у.: „Я свидѣтельствую, (что) преступность уменьшилась за это счастливое время, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ на 7/8“...

Отрезвленіе деревни, какъ того, впрочемъ, и можно было ожидать, весьма сильно сказалось и на улучшеніи семейныхъ отношеній. „Семейства, гдѣ были раньше разстройства, какъ-будто замѣнены другими“. „Гдѣ были тираны и мучители,—теперь добрые мужья и родители“. Въ подобныхъ выраженіяхъ рисуютъ происшедшую подъ вліяніемъ трезвости перемѣну въ семейныхъ отношеніяхъ и многія другія сообщенія. „Живутъ словно голуби“. „Все дѣлается при общемъ совѣтѣ и дружно, и мирно“. Земскій фельдшеръ изъ Гадячскаго уѣзда пишетъ: „Раньше ко мнѣ зачастую являлись жены, битыя пьяными мужьями, теперь ни одного не было случая“.

Моральное „перерожденіе“ деревни, благодаря ея отрезвленію, сказаннымъ далеко не исчерпывается. Такъ, напримѣръ, многіе корреспонденты усиленно подчеркиваютъ общее оздоровленіе деревенской атмосферы, деморализовавшей молодое поколѣніе, исчезновеніе сквернословія изъ

рѣчи, ругани, похабныхъ анекдотовъ, пѣсенъ и т. п. „На улицахъ не слышно бранныхъ словъ и криковъ". „Не слышно на улицахъ площадной брани". „Нѣтъ ни выкриковъ, ни непристойныхъ пѣсенъ".

Вотъ довольно красочное описаніе этой перемѣны изъ сообщенія одного священника Зѣньк. у. „Въ прежнее время, когда приходилось бывать на ярмаркѣ, я всегда испытывалъ какое-то тяжелое, гнетущее настроеніе: со всѣхъ сторонъ слышались брань и ругань, гнилыя и бранныя выраженія... Теперь, будучи на ярмаркѣ, я былъ пораженъ перемѣной ярмарочныхъ нравовъ. Совсѣмъ не тѣ люди".

Нѣтъ, однако, свѣта безъ тѣни. Какъ и всякая медаль, послѣдствія отрезвленія п о к а имѣютъ и свою оборотную сторону. Мы имѣемъ въ виду замѣчаемое во многихъ мѣстахъ развитіе и распространеніе различныхъ азартныхъ игръ. Играетъ молодежь, но играютъ и взрослые. Послѣдніе особенно азартно, проигрывая часто по 25—50 и даже 100 руб. (Золотоношскій и Роменскій уѣзды). Значительное распространеніе карточной игры вообще и азартной въ частности подтверждаютъ также и цифры. Изъ 768 сообщеній, въ которыхъ говорится объ игрѣ въ карты, въ 232 имѣетъ мѣсто игра невинная, безденежная; въ 536 же игра ведется на деньги. Совершенно прекратилась карточная игра послѣ запрещенія продажи водки въ 163 поселеніяхъ, болѣе усиленно стали играть въ 167.

Это явленіе, несомнѣнно, очень прискорбное, нѣсколько смягчается рядомъ обстоятельствъ, на которыхъ мы ниже остановимся болѣе подробно.

V.

Чтобы исчерпать данныя анкеты, остановимся еще на сообщеніяхъ, характеризующихъ духовные запросы отрезвленной деревни.

Прежде и больше всего бросается въ глаза повышеніе интереса къ газетѣ, къ печатному слову вообще. „Газета вездѣ и всюду,—пишутъ изъ Лохв. у. —Одинъ номеръ газеты перечитывается многими и отъ такого употребленія становится окончательно помятымъ и никуда негоднымъ". „Газета сдѣлалась любимой гостьей всего населенія... Во время прихода почты положительно осаждается сборная комната въ селѣ" (Пирят. у.). Въ с. Круподеринецъ „газетъ

раньше вовсе не было, а теперь до 20". Урядникъ изъ Прилукскаго уѣзда пишетъ: „Время теперь въ праздникъ народъ проводитъ за чтеніемъ газетъ и книгъ, которыхъ, съ прекращеніемъ пьянства, увеличилось очень замѣтно". Изъ того же уѣзда сообщаютъ: „Проявляется большой интеретъ къ чтенію. На „Досвіткахъ" читаютъ газету или книжечку лубочнаго изданія, что раньше, при продажѣ водки, не замѣчалось". Объ увеличеніи интереса къ книгѣ говорятъ и другія сообщенія, особенно народныхъ учителей и учительницъ. „Замѣтно увеличеніе числа читателей, берущихъ книги изъ библіотеки",—пишетъ учительница изъ Полт. у. „Я, какъ учитель, завѣдующій библіотекой въ своей школѣ, могу сказать, что количество выдаваемыхъ крестьянамъ книгъ для чтенія увеличилось вдвое" (Зѣньк. у.).

Повышеніе интереса къ печатному слову, въ частности—къ газетѣ, несомнѣнно, связано съ интересомъ къ войнѣ, который, по общему отзыву всѣхъ корреспондентовъ, необычайно великъ. Но то обстоятельство, что усилился интересъ и къ книгамъ, да рядъ опредѣленныхъ указаній свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этомъ явленіи замѣтно сказывается и отрезвленіе.

Непосредственно вопросъ о культурныхъ потребностяхъ и духовныхъ запросахъ отрезвленной деревни опроснымъ листомъ не затрагивался. Тѣмъ не менѣе рѣдкое сообщеніе обходитъ его молчаніемъ, въ той или иной формѣ не касается его.

Отсутствіе водки выдвинуло и обострило много вопросовъ, но особенно остро сталъ передъ трезвой деревней вопросъ о заполненіи свободнаго праздничнаго времени и образовавшихся досуговъ. Почти изъ всѣхъ уголковъ всѣхъ уѣздовъ жалуются на неумѣніе разумно заполнять эти досуги, вслѣдствіе чего начинаютъ появляться и развиваться различныя азартныя игры и т. п. Но корреспонденты не ограничиваются однимъ констатированіемъ факта. Они въ большинствѣ случаевъ высказываютъ также свое мнѣніе о наиболѣе раціональныхъ способахъ разрѣшенія этого вопроса, что, принимая во вниманіе ихъ близость къ населенію, несомнѣнно, весьма цѣнно и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

„Въ праздники и въ будни въ зимнія ночи по деревнямъ народъ, особенно не имѣющіе ремесла, какихъ, къ

сожалѣнію, большинство, скучаетъ, и имъ теперь особенно нужно имѣть хорошую библіотеку и хорошую читальню" (Прил. у.). „По вечерамъ,—пишутъ изъ Роменскаго уѣзда,—собираются въ сельскую сборню, гдѣ удается иногда почитать газетку. Замѣните вино библіотеками, народными домами и т. п.". „Нашей Долины (с. Кобел. у.) за пять лѣтъ нельзя будетъ узнать... Народъ нашъ переродился. Одного только недостаетъ въ селѣ — нѣтъ библіотеки и читальни. Я думаю, черезъ это пускаетъ глубокій корень азартная игра".

Нѣкоторые корреспонденты полагаютъ, что вопросъ о культурномъ заполненіи досуговъ и борьбы съ развивающейся азартной игрой лучше всего разрѣшается открытіемъ чайныхъ съ читальнями, причемъ одинъ священникъ предлагаетъ эти чайныя устраивать въ помѣщеніяхъ закрытыхъ винныхъ лавокъ. Большинство же сообщеній такимъ частичнымъ разрѣшеніемъ вопроса не удовлетворяется, а предлагаетъ открывать народные дома, въ которыхъ слѣдуетъ устраивать популярныя лекціи, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, свѣтскіе и духовные концерты, гимнастическія упражненія, спектакли и т. п.

Очень рельефно изображаетъ духовный „голодъ" отрезвленной деревни , а также нѣкоторыя специфическія „отечественныя" препятствія, все еще встрѣчаемыя на пути къ ихъ удовлетворенію слѣдующее сообщеніе псаломщика изъ Лубенскаго уѣзда: „Большая часть прихожанъ, не имѣя развлеченій, за отсутствіемъ водки, просили меня собирать ихъ въ зданіе земскаго училища по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, читать и объяснять имъ газеты и книги. Молодежь также просила меня, чтобы я обучалъ ихъ какъ церковному, такъ и свѣтскому пѣнію.... Но ничего не удалось: дѣлать это въ зданіяхъ земскихъ училищъ не разрѣшается, а больше удобныхъ помѣщеній въ селахъ, гдѣ не имѣется церковно-приходскихъ школъ, нѣтъ. Наше общество предложило деньги на выписку газетъ и покупку фисгармоніи для преподаванія пѣнія, на покупку книгъ для чтенія изъ церковной библіотеки. Но помѣщенія не имѣется". Къ этому сообщенію, какъ говорятъ, комментаріи излишни...

Наконецъ, объ увеличеніи духовныхъ запросовъ отрезвленной деревни свидѣтельствуетъ усиленіе интереса на-

селенія къ разумнымъ развлеченіямъ тамъ, гдѣ они устраиваются. Въ одномъ изъ приходовъ Полт. у. народный домъ уже существуетъ. Какъ свидѣтельствуетъ билетеръ (псаломщикъ), раньше на каждый спектакль продавалось 50 билетовъ; теперь же онъ ихъ продаетъ до 200.

Таковы въ общихъ чертахъ наблюденія объ измѣненіяхъ въ жизни отрезвленной деревни, которыя успѣли обнаружиться за 4—5 мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня запрещенія продажи водки до производства настоящей анкеты.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многія изъ этихъ наблюденій и случайны, и субъективны, и сильно преувеличены. Но значительное количество ихъ, единодушіе, съ которымъ многія явленія констатируются и подчеркиваются, наконецъ, частые коррективы болѣе объективными показаніями цифръ,—все это несомнѣнно увеличиваетъ цѣнность сообщеній, гарантируетъ ихъ соотвѣтствіе дѣйствительности, по меньшей мѣрѣ, въ главнѣйшихъ явленіяхъ.

А. Киржницъ.

С. Ю. Витте и украинское слово.

Теперь, когда во многихъ журналахъ и газетахъ помѣщаются воспоминанія о С. Ю. Витте людей, имѣвшихъ съ нимъ разговоры по тому или другому дѣлу государственной важности, нелишнимъ, можетъ быть, будетъ и на страницахъ „Украинской Жизни“ помѣстить нѣсколько словъ, характеризующихъ его отношеніе къ украинской литературѣ. Это, мнѣ кажется, тѣмъ болѣе умѣстно, что мнѣніе по этому вопросу покойнаго „консерватора“, какъ онъ себя опредѣлялъ въ разговорахъ съ М. М. Ковалевскимъ и Е. Т. Аѳанасьевымъ, очень интересно сопоставить съ мнѣніями многихъ „прогрессистовъ“, мнящихъ себя если не крайними радикалами, то по меньшей мѣрѣ либералами.

Происходило, что мнѣ вспоминается, въ дни надеждъ и упованій, т.-е. въ 1905 году. Я состоялъ тогда предсѣдателемъ правленія Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Цензура особенно усердно старалась сократить число этихъ вредныхъ книгъ,—вредныхъ потому, что онѣ писаны были по-украински. Слѣдующій случай особенно характеризуетъ отношеніе цензуры къ издававшимся тогда этимъ Обществомъ книгамъ.

Писатель Модестъ Левицкій прислалъ разсказъ такого содержанія. Нѣсколько мальчишекъ драли гнѣзда воробьевъ и другихъ маленькихъ птичекъ и птенцовъ ихъ убивали самымъ жестокимъ образомъ. Разсвирѣпѣвъ на этомъ занятіи, они стали изощряться въ изобрѣтеніи мученій вообще и, найдя черепаху, положили ее на пнѣ вверхъ нижнею ея частью такъ, что она не могла никакъ перевернуться вверхъ спиною и на этомъ пнѣ должна была погибнуть. Одинъ изъ мальчиковъ, возвращаясь домой, встрѣтилъ священника, который на его вопросъ: „Правда ли, что слѣдуетъ убивать воробьевъ?“—отвѣчалъ, что, наоборотъ, не слѣдуетъ вообще убивать и мучить кого бы то ни было изъ живыхъ существъ. Увѣщанія священника подѣй-

ствовали на мальчика: ночью ему снилось что-то страшное, и на разсвѣтѣ онъ побѣжалъ на то мѣсто, гдѣ черепаха билась безсильно лапками, и перенесъ ее въ болото.

Разсказъ написанъ былъ такъ трогательно, что долженъ былъ производить впечатлѣніе на маленькихъ читателей, для которыхъ предназначался; но написанъ онъ былъ на языкѣ народа или совсѣмъ несуществующаго, по мнѣнію цензора, или такого, какой существовать не долженъ, и книжка была запрещена. Правленію извѣстно было, что нѣсколько писателей и писательницъ украинскихъ уже пріѣзжали къ С. Ю. Витте просить объ уменьшеніи стѣсненій малорусскаго слова и онъ отнесся къ ихъ просьбамъ благожелательно. Рѣшили командировать предсѣдателя и двухъ—трехъ членовъ правленія къ С. Ю. Витте съ просьбою, не можетъ ли онъ воздѣйствовать на цензурное вѣдомство въ извѣстномъ направленіи. Написали къ его сіятельству письмо, въ которомъ просили увѣдомить, можетъ ли онъ принять депутацію отъ Общества и когда именно. Онъ извѣстилъ, что ждетъ депутацію въ 2 часа дня 17-го октября.

Въ этотъ памятный для исторіи Россіи день могли явиться къ нему только двое, такъ какъ другіе два члена, жившіе въ Лѣсномъ, не могли прибыть въ городъ по случаю забастовки дороги, соединявшей Лѣсное со станціею. Принялъ насъ графъ очень любезно: „Чѣмъ могу быть полезенъ?“

Мы разсказали только-что переданный анекдотъ о разсказѣ М. Левицкаго и другіе подобные же казусы и указывали на ненормальность запрещенія книгъ не по вредности ихъ содержанія, а только потому, что онѣ написаны на языкѣ народа украинскаго.

— Да, я, господа, такъ же хорошо все это знаю, какъ и вы; знаю всю эту ненормальность; но одно только могу вамъ сказать: не одинъ десятокъ лѣтъ ждетъ украинскій народъ свободы своего слова; пусть подождетъ еще немного, можетъ быть, нѣсколько дней, и завѣряю васъ своимъ словомъ, что онъ получитъ эту свободу.

Мы пробовали еще подробнѣе изложить просьбу, порученную намъ правленіемъ, но С. Ю. Витте опять перебилъ насъ увѣреніями, что наши просьбы напрасны, такъ какъ, несомнѣнно, не только желанія издательскаго Общества бу-

дутъ удовлетворены, но вообще желанія всего прогрессивнаго мыслящаго русскаго общества получатъ удовлетвореніе.

— Прошу только васъ, чтобы разговоръ нашъ настоящій не проникъ какъ-нибудь въ печать.

Провожая насъ до передней и говоря, что онъ долженъ сейчасъ выѣхать изъ дому, С. Ю. Витте и въ передней еще разъ повторилъ, что мы можемъ покойно ожидать гораздо большаго, чѣмъ то, о чемъ пріѣхали его просить.

Въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ забѣжала одна знакомая курсистка, сестра или племянница служившаго тогда въ государственной типографіи, и разсказала, что если бы она своими глазами не видѣла отпечатаннаго манифеста 17-го октября, то не повѣрила бы тому, кто ей разсказалъ бы содержаніе этого манифеста: „свобода слова“ тамъ стояла à la lettre. При этомъ она передавала, что присутствовала въ типографіи, когда по телефону былъ переданъ два раза приказъ печатать манифестъ такъ, какъ онъ былъ набранъ и прокорректированъ, причемъ одинъ разъ передалъ этотъ приказъ С. Ю. Витте.

Я считаю нелишнимъ огласить этотъ фактъ для того, чтобы было ясно, что С. Ю. Витте, говоря съ нами передъ самою аудіенціею у Государя Императора, подъ свободою слова разумѣлъ и свободу печатнаго украинскаго слова, спеціальныя стѣсненія котораго хорошо были ему извѣстны.

А. Русовъ.

Памяти Ѳ. Е. Корша

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I.

Въ лицѣ недавно скончавшагося Ѳедора Евгеньевича Корша украинцы потеряли не только искренняго друга, но и въ высокой степени авторитетнаго защитника. Его смерть болью отозвалась въ самыхъ далекихъ углахъ Украины и вызвала съ разныхъ сторонъ горячее соболѣзнованіе.

Всѣ, на чью долю выпадала радость общенія съ Ѳ. Е. Коршемъ, могли бы разсказать о немъ много не только интереснаго, но и поучительнаго. Думаю, что небезынтересными могутъ оказаться для читателей „Украинской Жизни“ и мои воспоминанія о покойномъ,—тѣмъ болѣе, что они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на его отношеніе къ украинству вообще и нашему журналу въ частности.

Задолго до своей первой встрѣчи съ нимъ я зналъ, что Ѳ. Е. Коршъ не только академикъ, но что это—цѣлая академія въ одномъ лицѣ. Зналъ я, что анекдотическіе разсказы объ его изумительныхъ познаніяхъ и творческой научной работѣ скорѣе уступали, чѣмъ превосходили дѣйствительность, и естественно, что, поселившись въ 1910 году въ Москвѣ, я испытывалъ сильное желаніе увидѣть этого геніальнаго человѣка и пріобщиться къ расточаемымъ имъ научнымъ сокровищамъ.

Въ первый разъ мнѣ довелось увидѣть Ѳ. Е. Корша лишь 26-го февраля 1911 г. Это былъ замѣчательный, незабываемый день чествованія пятидесятилѣтняго юбилея со дня смерти Тараса Шевченка.

Чествованіе памяти великаго украинскаго поэта превратилось въ огромную манифестацію, сопровождавшуюся исключительнымъ общественнымъ подъемомъ, и притомъ не только въ средѣ мѣстной украинской колоніи. Національный праздникъ на чужбинѣ былъ подготовленъ особымъ комитетомъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ проф. Коршъ. Онъ же открылъ своею превосходною рѣчью о Шевченкѣ вечернее юбилейное собраніе въ столь знакомой

москвичамъ залѣ востряковскаго особняка на Большой Дмитровкѣ. На этотъ разъ залъ былъ до послѣдней степени переполненъ, отовсюду звучала необычная для Москвы украинская рѣчь, вездѣ пестрѣли значки съ портретомъ Шевченка, на эстрадѣ среди пальмъ возвышался бѣлый бюстъ великаго юбиляра, а нѣсколько отступя стоялъ столъ, за которымъ возсѣдалъ президіумъ.

Когда стихъ шумъ возбужденной толпы, къ пюпитру подошелъ, вставъ съ предсѣдательскаго мѣста, небольшой, съ козлиной бородкою, старикъ, и аудиторія насторожилась.

Коршъ не былъ блестящимъ ораторомъ, но онъ сразу овладѣвалъ вниманіемъ слушателей и все время держалъ ихъ въ своей власти—во власти простой задушевной рѣчи, въ которой всякая фраза была изъ кованаго золота, казалось, тутъ же творимой мысли. Порою милая шутливая вставка и добрая стариковская улыбка оживляли строгую научную экскурсію глубоко-ученаго академика и отзвукомъ тихаго сдержаннаго смѣха отражались въ многолюдной аудиторіи.

Нужно было удивляться неутомимости почти 70-лѣтняго старика. Около двухъ часовъ продолжалась его рѣчь, въ которой онъ съ истинно академической добросовѣстностью старался исчерпать до конца свою тему, и Коршъ все время стоялъ у трибуны и неослабѣвающимъ голосомъ дѣлился съ аудиторіей своей блестящей эрудиціей, своими научными откровеніями. Меня, впрочемъ, поразила не столько эта неутомимость, сколько изумительная память и не менѣе изумительный научный аппаратъ, которымъ все время распоряжался старый профессоръ.

Въ его рукахъ не было не только тетрадки, но даже конспекта его рѣчи, и это придавало ей характеръ бесѣды въ буквальномъ смыслѣ слова. Не менѣе изумительными показались мнѣ тѣ переходы къ украинскимъ цитатамъ, которыми изобиловала лекція-рѣчь академика Корша. Онъ, повидимому, зналъ наизусть всего Шевченка, зналъ наизусть массу произведеній украинской народной словесности, и когда обращался къ этимъ иллюстраціямъ своихъ мыслей, его чистѣйшая великорусская рѣчь моментально смѣнялась самою настоящею украинскою, безъ малѣйшаго намека на какой-либо акцентъ. Предъ нами вставалъ подлинный полтавецъ или кіевлянинъ, никогда ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ украинскаго, не говорившій.

Становилось яснымъ, что покойный обладалъ какой-то необычайной, чтобы не сказать сверхъестественной, одаренностью въ сферѣ усвоенія всѣхъ особенностей отдѣльныхъ языковъ. Чужихъ языковъ для него не было. Онъ погружался въ свойства любого языка какъ въ родную стихію.

Нужно замѣтить, что эту свою феноменальную способность, такъ сказать, лингвистическаго перевоплощенія, покойный хорошо сознавалъ и добродушно гордился ею. Помню, въ 1912 году въ Москву пріѣхали именитые англійскіе гости: профессора, журналисты и политическіе дѣятели. Въ ихъ честь былъ данъ банкетъ, и на этомъ банкетѣ Ѳ. Е. Коршъ выступилъ съ большой рѣчью на англійскомъ языкѣ. Рѣчь Корша была переплетена остроумными каламбурами и чисто англійскими оборотами, умѣло использованными въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось закутывать свою мысль въ эзоповскіе покровы. Старый профессоръ говорилъ о реакціонномъ параличѣ и о цѣлительной европейской бациллѣ и хотѣлъ вовлечь „знатныхъ иностранцевъ“ въ обмѣнъ мнѣній въ этой сферѣ.

Попытка эта,—увы!—не увѣнчалась успѣхомъ: политичные англичане оставались наглухо застегнутыми и отдѣлывались ничего не значащими общими фразами, пріятными для официальнаго уха.

Самъ Коршъ, съ чувствомъ удовлетвореннаго своимъ произведеніемъ мастера, передавалъ мнѣ черезъ нѣсколько дней содержаніе своей англійской рѣчи и выражалъ нѣкоторое огорченіе, что газеты лишь въ самой незначительной долѣ сдѣлали ее достояніемъ публики.

II.

Я познакомился и затѣмъ ближе сошелся съ Ѳ. Е. Коршемъ на собраніяхъ московскихъ украинскихъ организацій, въ которыхъ и онъ принималъ дѣятельное участіе. Одна изъ этихъ организацій—украинская секція О-ва славянской культуры — была непосредственно подвѣдомственна ему, какъ предсѣдателю Общества.

Какъ сейчасъ помню одно изъ ноябрьскихъ 1911 года засѣданій нашей секціи. Насъ, украинцевъ, собралось человѣкъ двадцать гдѣ-то на антресоляхъ въ Пименовскомъ пер. Постороннихъ мы никого не ожидали, такъ какъ пред-

ставители печати къ намъ заглядывали рѣдко, а представители столичной интеллигенціи вообще и того рѣже. Но едва мы начали свои занятія, какъ раскрылась дверь и появилась милая всѣмъ намъ фигура академика Корша. Онъ скромно пробрался къ свободному стулу и сталъ внимательно вслушиваться въ докладъ и начавшуюся затѣмъ дискуссію по поводу напечатанной въ „Русск. Мысли“ статьи „Къ вопросу о самостоятельной украинской культурѣ“. Это было одно изъ первыхъ литературныхъ выступленій со стороны украинскаго лагеря противъ П. Б. Струве, только-что выступавшаго тогда на путь украинофобіи.

Въ нашей дискуссіи живое участіе принялъ и Ѳ. Е. Коршъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ любилъ шутливо называть себя „кацапомъ“, какъ бы подчеркивая этимъ свой нелицепріятный судъ въ вопросахъ русско-украинскихъ треній. Я тогда же записалъ свои впечатлѣнія отъ бесѣды Корша и теперь воспроизвожу эту запись дословно.

„Въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ онъ отозвался о современномъ украинскомъ національномъ движеніи и призналъ его заслуживающимъ дѣятельной поддержки со стороны русскаго общества. Но на такую поддержку пока разсчитывать нельзя, такъ какъ русская интеллигенція, по словамъ профессора Корша, отличается, за рѣдкими исключеніями, крайнимъ невѣжествомъ во всемъ, что касается украинства. Результатомъ этого „невѣжества“ является недостатокъ вниманія и даже пренебрежительное отношеніе къ украинскому національному движенію.

Но Ѳ. Е. Коршъ—оптимистъ. Онъ вѣритъ, что придетъ время и „все образуется“: украинцы, какъ и другія націи, составляющія Россію, получатъ то, что имъ принадлежитъ по праву и что ихъ привяжетъ къ Россіи не цѣпями принужденія, а добровольною связью и соображеніями собственнаго блага. Эта связь будетъ куда прочнѣе нынѣшней.

Въ своей рѣчи проф. Коршъ коснулся, между прочимъ, и галицкихъ москвофиловъ, пользующихся такимъ покровительствомъ у русскихъ націоналистовъ.

„Москвофилы... Странные люди! Я не понимаю, къ чему собственно они идутъ. Нашему брату, кацапу, они только вредятъ тамъ“,—вотъ собственныя, не лишенныя поучительности, слова академика Корша о зарубежномъ дѣтищѣ нашего націонализма“.

III.

Борьба съ неосвѣдомленностью русскаго общества въ украинскомъ вопросѣ привела къ мысли объ изданіи въ Москвѣ журнала на русскомъ языкѣ, посвященнаго украинскому національному движенію. Мысль эта встрѣтила въ украинскихъ кругахъ сочувствіе и матеріальную поддержку, достаточныя для того, чтобы приступить къ осуществленію столь необходимаго литературнаго предпріятія, и съ января 1912 года въ Москвѣ сталъ выходить ежемѣсячникъ „Украинская Жизнь“. До своего отъѣзда изъ Москвы я принималъ ближайшее участіе въ этомъ журналѣ въ качествѣ одного изъ редакторовъ, и это создало много новыхъ поводовъ для общенія съ Ѳ. Е. Коршемъ. Онъ живо откликнулся на приглашеніе сотрудничать у насъ, и уже для февральской книжки „Украинской Жизни“ далъ превосходную статью „Къ спору объ украинской культурѣ“. Дѣло не ограничивалось простымъ сотрудничествомъ. Съ момента основанія журнала у насъ завязались съ Ѳ. Е. Коршемъ болѣе тѣсныя отношенія, проникнутыя большой сердечностью. Когда вышла первая книга „Украинской Жизни“, наша редакція въ полномъ составѣ собралась, съ ближайшими своими друзьями, въ одномъ изъ ресторановъ на Тверскомъ бульварѣ, чтобы отпраздновать появленіе на свѣтъ своего перваго дѣтища, и хотя былъ уже поздній часъ, мы рѣшили позвонить къ Ѳ. Е. Къ нашему огромному удовольствію, Ѳ. Е. отвѣтилъ, что немедленно къ намъ пріѣдетъ, и черезъ полчаса онъ уже былъ среди насъ. Мы провели замѣчательный вечеръ, въ которомъ идейное воодушевленіе сливалось съ самымъ искреннимъ весельемъ и заразительнымъ смѣхомъ. И этимъ мы больше всего были обязаны Ѳ. Е. Коршу, который блисталъ своимъ обычнымъ остроуміемъ, полнымъ только ему одному свойственнаго добродушія. Особенно весело онъ шутилъ надъ избраннымъ нами рестораномъ, который оказался далеко не первокласснымъ, или, какъ деликатно выражался Ѳ. Е., „не изъ самыхъ дорогихъ“.

Если бы постороннему наблюдателю пришлось опредѣлить тогда, кто изъ насъ моложе всѣхъ, то по справедливости онъ долженъ былъ бы остановиться на почтенномъ ординарномъ академикѣ, несмотря на его 68 лѣтъ.

Помню еще одну такую же встрѣчу съ Ѳ. Е. Коршемъ. На

этотъ разъ нашъ кружокъ собрался въ знаменитомъ подземельѣ Мартьяныча, въ Верхнихъ торговыхъ рядахъ. Въ числѣ собравшихся имѣлись, кажется, представители всѣхъ поколѣній, начиная отъ нынѣ покойнаго уже Ю. Ю. Цвѣтковскаго, товарища и соратника Драгоманова, и оканчивая блестящимъ пѣвцомъ И. А. Алчевскимъ, состоявшимъ тогда „головою“ украинскаго кружка „Кобзарь“. Кромѣ москвичей, среди насъ оказался извѣстный артельный батько Н. В. Левитскій, пріѣхавшій въ Москву по дѣламъ Народнаго банка. Около 12 ч. ночи къ намъ присоединился освободившійся отъ своихъ занятій Ѳ. Е. Коршъ, и снова весельемъ заискрилась наша бесѣда. Это было тѣмъ удивительнѣе, что Ѳ. Е. вечеромъ никогда не прикасался не только къ вину, но и къ кушаньямъ, такъ какъ уже тогда носилъ въ себѣ зачатки тяжелаго недуга, и покорно подчинялся строгой діэтѣ, предписанной врачами.

Было, если не ошибаюсь, около 2 час. ночи, когда кто-то изъ присутствующихъ сообщилъ, что Коршемъ,—къ слову сказать, великимъ мастеромъ стиха,—наканунѣ былъ сочиненъ украинскій стихотворный экспромптъ по адресу кіевскихъ націоналистовъ.

Съ однимъ изъ нихъ, небезызвѣстнымъ г. Савенкомъ, въ это время стряслась непріятность, о которой сообщали кіевскія газеты. Будучи однимъ изъ руководителей клуба націоналистовъ въ Кіевѣ, г. Савенко устроилъ въ этомъ клубѣ какой-то увеселительный вечеръ какъ-разъ въ годовщину смерти Андрея Ющинскаго, чѣмъ вызвалъ ожесточенныя нападки со стороны своего политическаго соратника г. Любинскаго, указавшаго, что столь знаменательную дату надлежитъ проводить совершенно другимъ порядкомъ.

Заинтересовавшись экспромптомъ, я попросилъ продиктовать его мнѣ. Ѳ. Е. охотно согласился, и у меня до сихъ поръ хранится сдѣланная тогда въ ресторанѣ Мартьяныча запись.

Кромѣ того у меня сохранилось нѣсколько писемъ и записокъ акад. Корша, относящихся преимущественно къ украинскому вопросу. Касаясь нашихъ литературныхъ интересовъ и отношеній, они представляютъ несомнѣнную цѣнность для ознакомленія съ интересной личностью покойнаго ученаго.

Отдѣльно стоитъ письмо отъ 15-го декабря 1912 года. Оно касается анкеты, предпринятой по моему почину редакціей „Украинской Жизни“ для обслѣдованія вопроса объ отношеніи русской интеллигенціи къ украинскому національному движенію. Полный, въ высшей степени содержательный и интересный отвѣтъ проф. Корша на эту анкету былъ напечатанъ въ январской кн. „Украинской Жизни“ за 1913 годъ.

IV.

Академикъ Ѳ. Е. Коршъ умѣлъ удивительно счастливо сочетать чрезвычайно продуктивное служеніе чистой наукѣ съ живымъ интересомъ къ политическимъ злобамъ дня, и особенно въ области національныхъ вопросовъ. Довольно часто въ 1910 и 1911 году его имя можно было встрѣтить на столбцахъ одной изъ московскихъ газетъ, но позорная позиція, занятая сотрудникомъ этой газеты г. К. въ украинскомъ вопросѣ, заставила Ѳ. Е. Корша отказаться отъ привычныхъ страницъ. Послѣ этого онъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ просьбою пристроить присылаемыя рукописи въ газеты,—безъ всякаго, къ слову сказать, гонорара. Одна изъ этихъ статей Ѳ. Е. Корша была вызвана тѣми доносами на него, которые время-отъ-времени появлялись на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за подписью Л. Волкова. Любопытно, что вырѣзки изъ „Моск. Вѣдом.“ со статьями этого доносителя аккуратно присылались по почтѣ Ѳ. Е. Коршу неизвѣстнымъ лицомъ.

V.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Ѳ. Е. Коршемъ ровно два года назадъ, передъ переѣздомъ въ Ростовъ. Я зашелъ къ нему проститься.

Съ грустнымъ чувствомъ подымался я по простенькой лѣстницѣ старосвѣтскаго домика въ одномъ изъ переулковъ тихой Остоженки, но, конечно, я не думалъ, что въ послѣдній разъ увижу хозяина этого милаго гостепріимнаго уголка.

Ѳ. Е. былъ крайне удивленъ, узнавъ, что я оставляю Москву и уѣзжаю въ Ростовъ. Онъ выразилъ мнѣ по этому поводу искреннее сочувствіе, такъ какъ, по его свѣдѣніямъ, условія общественной жизни въ Ростовѣ крайне прими-

тивны и неприглядны и не могли итти ни въ какое сравненіе съ Москвой. А Москву Ѳ. Е. любилъ тою особою, нѣжною любовью, которая отличаетъ всѣхъ коренныхъ москвичей.

Я просидѣлъ у Ѳ. Е. больше часа.

Старику, видимо, хотѣлось отвести душу, и на прощаніе онъ долго жаловался, что въ его любимомъ дѣтище,—Обществѣ славянской культуры,—начались нелады, которые могутъ привести къ его уходу, а затѣмъ и къ полному распаду Общества.

Эти опасенія, кажется, не оправдались.

Въ послѣдній разъ я пожалъ его руку, мы облобызались и разстались... навсегда.

Ал. Саликовскій.

Θ. Е. Коршъ и украинское Евангеліе.

Съ именемъ Θ. Е. Корша связано одно изъ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній украинской письменности послѣдняго десятилѣтія,—изданный синодомъ украинскій переводъ четвероевангелія [1]). Исторія этого перевода, собственно, восходитъ къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Инспекторъ нѣжинскаго лицея Ф. С. Морачевскій послѣдніе годы жизни посвятилъ переводу Евангелія и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Священнаго Писанія на украинскій языкъ. Свой трудъ Морачевскій представилъ въ 1861 г. въ Академію наукъ, которая, въ виду высокихъ качествъ перевода, ходатайствовала предъ синодомъ объ его напечатаніи. Ходатайство это, однако, встрѣтило оппозицію со стороны нѣкоторыхъ іерарховъ, а затѣмъ крутой поворотъ во внутренней политикѣ, въ связи съ польскимъ возстаніемъ, вызвалъ, какъ извѣстно, ограничительныя мѣры противъ украинской литературы и въ томъ числѣ на 40 съ лишнимъ лѣтъ затормозилъ появленіе украинскаго евангелія. Рукопись Морачевскаго осталась, повидимому, въ синодальныхъ архивахъ.

Въ 1904 г. одинъ изъ внуковъ Морачевскаго, найдя въ семейномъ архивѣ черновыя тетради перевода четвероевангелія, пожертвовалъ ихъ Академіи наукъ съ условіемъ, чтобы Академія приложила стараніе сдѣлать трудъ Морачевскаго доступнымъ для общества. Выполняя желаніе дарителя, Академія, въ лицѣ ея президента великаго князя Константина Константиновича, обратилась въ синодъ съ ходатайствомъ объ опубликованіи перевода Морачевскаго, въ виду высокихъ научныхъ достоинствъ этого труда и ради удовлетворенія духовныхъ нуждъ малороссовъ, жаждущихъ читать Священное Писаніе на родномъ языкѣ. Къ этому времени въ настроеніяхъ правящихъ сферъ назрѣли существенныя перемѣны, въ томъ числѣ и въ области религіоз-

[1]) Господа нашого Ісуса Христа святе Евангеліє, славянською й українською мовою. Москва, Синодальная типографія, 1907—1911.

ной жизни: подготовлялось изданіе закона о вѣротерпимости. При такихъ условіяхъ синодъ не отнесся къ ходатайству великаго князя отрицательно и лишь высказался за необходимость каждое изданіе перевода представлять на синодальное одобреніе. Въ дальнѣйшей стадіи поднятый президентомъ Академіи наукъ вопросъ поступилъ на Высочайшее благовоззрѣніе, и 25-го февраля 1905 г. синоду было Высочайше предоставлено благословить изданіе четвероевангелія въ украинскомъ переводѣ.

Синодъ, однако, предпочелъ взять изданіе украинскаго Евангелія на себя, въ силу принадлежащаго ему общаго монопольнаго права на изданіе въ Россіи книгъ Священнаго Писанія. При этомъ синодъ не счелъ удобнымъ просто напечатать находившійся въ его распоряженіи текстъ перевода Морачевскаго, а создалъ цѣлую сложную организацію для предварительной провѣрки точности этого перевода и его соотвѣтствія духу евангельскаго текста. Руководство этою работою было возложено на епископа подольскаго Парѳенія; послѣдній же, съ своей стороны, поручилъ трудъ сличенія перевода Морачевскаго съ другими украинскими переводами, а также съ славянскимъ и иными текстами Евангелія комиссіи изъ членовъ мѣстнаго церковно-археологическаго Общества, съ предсѣдателемъ его, священникомъ Сицинскимъ, во главѣ. Для оцѣнки перевода съ точки зрѣнія правильности и чистоты языка матеріалы подольской комиссіи посылались на просмотръ въ Кіевъ украинскимъ ученымъ П. И. Житецкому и О. И. Левицкому; сверхъ того, по желанію синода, въ оцѣнкѣ работы подольской комиссіи приняла участіе и Академія наукъ, образовавшаяся съ этою цѣлью при отдѣленіи русскаго языка и словесности свою комиссію изъ спеціалистовъ филологіи Ѳ. Е. Корша, А. А. Шахматова, Ф. Ѳ. Фортунатова, П. К. Коковцова. Предсѣдательствованіе въ этой комиссіи принялъ на себя Ѳ. Е. Коршъ. Для участія въ разрѣшеніи вопросовъ, требующихъ знанія живой народной и литературной украинской рѣчи, приглашались проживающіе въ Петроградѣ украинцы-литераторы.

Академическая комиссія существовала около 5 лѣтъ, съ 1905 по 1910 г., пока не была закончена работа по синодальному изданію украинскаго Евангелія. Собранія комиссіи происходили не регулярно, а по мѣрѣ поступленія матеріала отъ

подольской комиссіи, работавшей вначалѣ довольно интенсивно, а затѣмъ съ значительнымъ замедленіемъ. На разсмотрѣніи академической комиссіи былъ текстъ лишь трехъ евангелій—Матѳея, Марка и Іоанна, евангеліе же Луки въ академію не поступало.

Работа академической комиссіи состояла въ сличеніи текста, подготовленнаго подольскою комиссіей, съ первоначальнымъ текстомъ перевода Морачевскаго и съ текстами славянскимъ, русскимъ, греческимъ и латинскимъ; вспомогательнымъ матеріаломъ служили тексты на новыхъ языкахъ, а также украинскій переводъ Кулиша. При выясненіи темныхъ или противорѣчивыхъ мѣстъ комиссія обращалась къ изслѣдованіямъ комментаторовъ, которыя въ изобиліи приносилъ съ собою извѣстный востоковѣдъ и гебраистъ П. К. Коковцовъ. Онъ же давалъ разъясненія относительно бытовыхъ деталей евангельскаго разсказа. Въ справкахъ по греческому и латинскому текстамъ авторитетами являлись Ѳ. Е. Коршъ и Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Общее руководительство занятіями комиссіи, какъ уже отмѣчено, принадлежало Коршу, но фактически онъ могъ выполнять эту роль и вообще участвовать въ засѣданіяхъ комиссіи только въ свои кратковременные пріѣзды въ Петроградъ. Обыкновенно это бывало въ рождественскія или пасхальныя каникулы, причемъ Коршъ заблаговременно извѣщалъ о предстоящемъ своемъ пріѣздѣ, и это давало возможность собрать съ его участіемъ одно или два засѣданія комиссіи.

Пріѣзда Корша члены комиссіи ждали всегда съ нетерпѣніемъ. Помимо того общаго оживленія, которое всюду вносилъ съ собою этотъ удивительный старецъ, съ его юношескою энергіею мысли, неизмѣнною бодростью духа и сверкающимъ остроуміемъ, петроградскіе слависты и востоковѣды обыкновенно припасали рядъ накопившихся въ процессѣ научной работы „недоумѣнныхъ“ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ требовались огромныя филологическія познанія Корша. Для евангельской комиссіи участіе Корша было неоцѣнимо, такъ какъ въ немъ объединялось одинаково глубокое знаніе всѣхъ языковъ, съ которыми была связана работа комиссіи, отъ семитическихъ до украинскаго.

Въ частности своимъ тонкимъ пониманіемъ особенностей украинскаго языка, живымъ чутьемъ народной украинской рѣчи Коршъ поражалъ даже природныхъ украинцевъ,

участвовавшихъ въ работахъ комиссіи. Его указанія, въ случаяхъ сомнѣній, обыкновенно бывали рѣшающими. Съ этой стороны особенно важно отмѣтить общее благопріятное отношеніе Ѳ. Е. Корша къ переводу Морачевскаго, за которымъ онъ признавалъ большія литературныя достоинства, выдержанный стиль и соотвѣтствіе тону евангельскаго разсказа, вполнѣ сходясь въ оцѣнкѣ качествъ перевода съ академическимъ отзывомъ 1861 г.

Измѣненія, которыя вносились академическою комиссіею въ переводѣ Евангелія, регистрировались въ журналахъ засѣданій и затѣмъ посылались епископу Парѳенію. Замѣчанія комиссіи были очень существенны, а во многихъ случаяхъ устанавливали совершенно новое освѣщеніе того или другого мѣста въ евангельскомъ текстѣ. Благодаря участію такого языковѣда, какъ Ѳ. Е. Коршъ, и такого глубокаго знатока семитической филологіи, какъ П. К. Коковцовъ, комиссіи удалось отмѣтить нѣсколько серьезныхъ неточностей въ офиціальныхъ текстахъ Евангелія—славянскомъ и русскомъ. Къ сожалѣнію, въ окончательной редакціи перевода комиссія епископа Парѳенія далеко не во всемъ принимала мнѣнія академической комиссіи, не находя, повидимому, удобнымъ отступать отъ традиціи. Во всякомъ случаѣ журналы академическихъ засѣданій, посвященныхъ украинскому Евангелію, являются цѣннымъ матеріаломъ, который синоду слѣдовало бы использовать при будущемъ пересмотрѣ не только украинскаго перевода, но и русскаго и славянскаго текстовъ евангелія.

Если академическая комиссія высоко цѣнила участіе Ѳ. Е. Корша въ ея работѣ, то и Коршъ, взаимно, относился къ комиссіи съ особеннымъ интересомъ. Уже долго спустя по окончаніи занятій комиссіи Коршъ нерѣдко съ большою теплотою вспоминалъ объ ея засѣданіяхъ. Въ этомъ несомнѣнно, сказывалось не только увлеченіе профессіонала, находившаго въ работѣ надъ украинскимъ Евангеліемъ случай смаковать богатства словесныхъ формъ и оттѣнковъ мысли, изощрять филологическую науку до предѣловъ, за которыми начинается искусство, но вмѣстѣ съ тѣмъ все отношеніе Корша къ задачѣ академической комиссіи свидѣтельствовало о глубокихъ симпатіяхъ этого великоросса къ украинскому слову, въ развитіи котораго онъ видѣлъ путь къ пополненію сокровищницы человѣческаго духа новыми достиженіями.

Когда работа евангельской комиссіи закончилась, Ѳ. Е. Коршъ высказывался за ходатайство передъ синодомъ о напечатаніи остальныхъ украинскихъ переводовъ Морачевскаго изъ Священнаго Писанія (Дѣяній апостоловъ, Псалтири) и даже, по просьбѣ комиссіи, лично предпринималъ въ этомъ направленіи нѣкоторые шаги для выясненія взглядовъ синода на этотъ вопросъ. Но практическихъ результатовъ эти попытки не дали, и вопросъ пришлось отложить до лучшихъ временъ, которыхъ предсѣдателю комиссіи уже не посчастливилось дождаться...

П. Стебницкій.

Случайныя замѣтки.

I. О польской прессѣ и „сказаніе“ В. А. Маклакова объ украинской интеллигенціи.

Польская печать со времени воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ полна матеріала, посвященнаго выясненію смутныхъ очертаній „завтрашняго“ дня въ бытіи польскаго народа. Въ предѣлахъ, допустимыхъ современными условіями, стремится она подготовить почву для разрѣшенія разнообразныхъ и сложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ обѣщанными перспективами и питаемыхъ повышенными національными надеждами. Не рѣдкость нынѣ встрѣтить въ польской печати анкеты и интервью съ видными общественными дѣятелями великорусскаго общества, посвященныя посильному выясненію новой фазы въ польско-русскихъ отношеніяхъ и предпринимаемыя различными органами польской печати. Съ другой стороны, и русская печать удѣляетъ этимъ отношеніямъ значительное вниманіе. Дошло дѣло до того, что недавніе враги польскихъ идеаловъ, почуявъ „новыя вѣянія“ въ польскомъ вопросѣ, готовы увѣрять въ „давней“ дружбѣ къ полякамъ и въ искреннемъ признаніи за ними далеко идущихъ правъ и національныхъ стремленій. „Лаятели“ поляковъ изъ „Новаго Времени“, „Кіева“ и прочихъ, имъ созвучныхъ, изданій, еще недавно занимавшіеся травлей поляковъ и проповѣдывавшіе руссификацію Польши, нынѣ бьютъ отбой и поютъ новыя пѣсни, не похожія на старыя. Любопытно отмѣтить, что взаимодѣйствіе интересовъ, наблюдаемое въ отношеніяхъ русской и польской печати, совершается при значительномъ взаимномъ же усвоеніи наиболѣе индивидуальныхъ качествъ, свойственныхъ новымъ друзьямъ. Если со стороны русскаго общества раздается голосъ князя Е. Трубецкого, вѣщающій, что „путь Россіи къ свободнымъ проливамъ лежитъ черезъ Польшу“, то и со стороны поль-

скаго общества нѣтъ недостатка въ отвѣтныхъ откликахъ, и оно не прочь увѣрять русское уже общество въ ненужности украинскихъ гимназій въ Галиціи—могутъ, молъ, обойтись русскими и польскими. Если „Московскія Вѣдомости“ въ лицѣ Л. Волкова вздумаютъ, напр., говорить о „крушеніи украинства“, о томъ, что давно, молъ, пора, а теперь въ особенности, сдать его въ архивъ, то и польская пресса, въ лицѣ ея наиболѣе распространенной „Gazety Porannoj“, съ такою же откровенностью и съ такимъ же пониманіемъ событій, стремясь пріобрѣсти пріоритетъ въ изобрѣтеніи „смертныхъ“ приговоровъ надъ украинствомъ, начинаетъ утверждать, что пришелъ „Koniec legendy ukrainskoj“ (№ 721, 1914 г.). Если сегодня какому-нибудь органу русской печати въ родѣ „Кіева“, „Новаго Времени“, „Утра Россіи“ или „Кіевлянина“ придетъ въ голову пустить очередное „доказательство“ „безпочвенности“ украинскихъ стремленій на національное развитіе или очередную клевету на украинство, то вы можете быть увѣрены, что, какъ только эти русскія газеты дойдутъ до Варшавы, завтра же и эта клевета, и эти очередныя доказательства будутъ перепечатаны такими изданіями, какъ „Goniec Wieczorny“, „Gazeta Warszawska“, „Dzien“, „Kurjer Poranny“ и др. Пусть эта клевета будетъ явно вздорной, воочію нелѣпой, пресса „братняго народа“, безъ всякихъ оговорокъ и комментаріевъ, пуститъ ее гулять по бѣлу свѣту для нравоученія и освѣдомленія своихъ читателей. Я долженъ отмѣтить, что со времени войны въ польской прессѣ печатались преимущественно только тѣ свѣдѣнія и факты о современномъ положеніи украинства, которые могли искривить его подлинный образъ и представить въ тенденціозномъ освѣщеніи. На страницахъ и столбцахъ органовъ польской печати находили отраженіе только тѣ оцѣнки украинства, съ которыми мы встрѣчались и встрѣчаемся въ изданіяхъ русскихъ націоналистовъ и близкихъ имъ теченій русской общественной мысли. Исключенія были рѣдки и имѣли мѣсто въ польскихъ изданіяхъ, выходящихъ не на метрополіи Польши. Изъ этого наблюденія объ отношеніи подавляющей части польской прессы къ украинству слѣдуютъ, конечно, опредѣленные, не могущіе не волновать насъ, выводы, для оцѣнки которыхъ современныя условія не даютъ свободы, но которыя, несомнѣнно, отразятся на характерѣ дальнѣйшихъ отношеній двухъ народовъ и будутъ учтены на тѣхъ путяхъ и перепутьяхъ, гдѣ еще придется встрѣтиться полякамъ и украинцамъ.

Возвращаясь къ взаимному интересу, проявляемому польскимъ и русскимъ обществомъ, мы должны установить, что „знакомство“ это не проходитъ безслѣдно для сторонъ, и если поляки заимствуютъ у великороссовъ все то, что они считаютъ, напр., цѣннымъ, заслуживающимъ вниманія во взглядахъ послѣднихъ на украинство, то и великороссы, съ своей стороны, въ долгу не остаются передъ поляками, тоже усвояя у нихъ нѣкоторыя черты „польской оріентаціи“ въ украинскихъ дѣлахъ. Такъ, напр., членъ Гос. Думы В. А. Маклаковъ быстро усвоилъ и воспринялъ взглядъ нѣкоторыхъ круговъ польскаго общества на украинскую интеллигенцію Галиціи и не постѣснялся, напр., высказать мысль о томъ, что послѣднее соглашеніе украинцевъ и поляковъ въ Галиціи произошло благодаря „Wyhodowaną za niemieckie pieniądze intelligencią rusińską“ [1]). По мнѣнію представителя праваго крыла конституціонно-демократической партіи въ Государственной Думѣ, соглашенія между поляками и украинцами никогда бы не наступило, если бы одна изъ договаривающихся сторонъ не польстилась на нѣмецкія деньги и, такимъ образомъ, введя въ обманъ другую сторону, нечистыми средствами достигла своей цѣли. Московскій депутатъ бросилъ лишь, какъ пиѳія, одну фразу, въ которой досужіе пускай, молъ, ищутъ смысла, трудясь и призадумываясь надъ раскрытіемъ ея. Мы не будемъ заниматься непроизводительной работой, сопряженной съ опроверженіемъ взгляда, высказаннаго В. А. Маклаковымъ, ибо слишкомъ ужъ вздорно, огульно и бездоказательно то обвиненіе, которое предъявлено имъ къ украинской интеллигенціи Галиціи. Для умнаго человѣка, выражаясь мягко, неумно и стыдно оперировать аргументами, подобными тѣмъ, къ которымъ прибѣгъ В. Маклаковъ въ оцѣнкѣ явленія, котораго онъ или не понимаетъ, не знаетъ, или не хочетъ знать въ подлинномъ его видѣ и въ историческомъ его происхожденіи. Вѣдь подобными же пріемами, обнаруживающими и легкомысліе, и предвзятость сужденій, и ненавистное отношеніе къ тѣмъ явленіямъ, которыхъ не понимали или не хотѣли понять, а часто, хорошо понимая, въ угоду опредѣленной цѣли хотѣли извратить, оперировали въ свое время русскіе черносотенцы, когда обвиняли русскую интеллигенцію въ подкупѣ ея

[1]) „Swiat“, № 10, 1915 г.

японскими деньгами. На смѣну японскимъ іенамъ выдвинутъ былъ тѣми же кругами „всесильный“ еврейскій кагалъ, у котораго на иждивеніи состоитъ чуть ли не все прогрессивное русское общество, а въ послѣднее время пущена была сплетня о финляндскихъ маркахъ, коими, по объясненію „Земщины“, подкупили политическихъ друзей В. А. Маклакова. Читая въ свое время объ этихъ деньгахъ, объ этомъ потокѣ червонцевъ, плывущихъ изъ враждебныхъ странъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что для выдѣлки ихъ надо бы имѣть спеціальный монетный дворъ (шутка ли подкупить всю интеллигенцію!), вчужѣ оторопь брала за эту безудержность раздуваемой сплетни, за эту безцеремонность, съ какою темные дѣльцы безвременья забрасывали грязью идейныхъ и партійныхъ противниковъ, не находя другихъ способовъ борьбы съ ними, какъ неразборчивость и злонамѣренность. Но, очевидно, слишкомъ тлетворна зараза подобныхъ пріемовъ, если къ нимъ прибѣгаютъ и тѣ, кто съ гадливостью отбрасываетъ отъ себя направленную въ нихъ грязь.

Есть въ фолклорѣ такъ-называемые странствующіе, переходящіе мотивы народныхъ сказаній, устанавливающіе общеніе различныхъ народовъ въ области народнаго творчества и родственность въ созданіи образцовъ этого творчества. Мы видимъ, что „сказаніе“ о подкупахъ интеллигенціи тоже относится къ числу „переходящихъ сюжетовъ“ и странствующихъ темъ модернаго фолклора.

Если одинъ изъ такихъ мотивовъ въ примѣненіи его къ дѣятелямъ конституціонно-демократической партіи былъ конкретизованъ „панамъ“ Глинкой-Янчевецкимъ, то ничто не помѣшало и дѣятелю конституціонно-демократической партіи В. А. Маклакову явиться однимъ изъ творцовъ современнаго фолклора, творящаго „сказаніе“ о „выгодованной на нѣмецкія деньги украинской интеллигенціи“.

Не будемъ смущаться тѣмъ, что творцами фолклора на одну и ту же тему выступаютъ политическіе антиподы: мы живемъ въ дни большой путаницы понятій, въ дни переоцѣнки моральныхъ и иныхъ цѣнностей, когда идейныя грани противоположныхъ общественныхъ группировокъ сглаживаются и теряется разница между „панамъ“ Глинкой и В. А. Маклаковымъ.

С. Петлюра.

II. Тряпичкины-очевидцы.

Успѣхи россійскаго прогресса людей не особенно требовательныхъ способны приводить въ истинное восхищеніе. Еще Щедринъ установилъ „мѣру талантливости русскаго человѣка“ и ея „тѣснѣйшую зависимость“ отъ „приказанія“. „Литераторы,—писалъ великій сатирикъ,—ждутъ манія, чтобы сдѣлаться акушерами; повивальныя бабки стоятъ во всеоружіи, чтобы по первому знаку положить начало родовспомогательной литературѣ. Все на чеку, все готово устремиться, куда глаза глядятъ“ (Н. Щедринъ, „Господа Ташкентцы“). Съ тѣхъ поръ всеобщая „готовность“ сдѣлала такіе успѣхи, что „талантливость“, несомнѣнно, вполнѣ эмансипировалась отъ „приказанія“: безъ всякаго „манія“ литераторы готовы стать „акушерами“ и даже „устремиться, куда глаза глядятъ“... хотя бы въ Галицію. „Увѣренность въ нашей талантливости“ не претерпѣла никакого ущерба и потребности въ какой-либо „подготовкѣ“ по-прежнему не ощущается: все намъ доступно, ибо ко всему „мы отъ рожденія вкусъ получили“... Стоитъ почитать писаніе о Галиціи гг. Струве, Старосельскихъ, Ясинскихъ, чтобы понять, какъ далеко они ушли впередъ со времени тѣхъ „талантливыхъ“, но нерѣшительныхъ господъ, которые еще ждали „приказанія“, чтобы стать „акушерами“. Г-ну Старосельскому „пришлось на рубежѣ 1914—1915 г. прожить около мѣсяца въ Галиціи“. Въ тотъ же періодъ времени г. Струве „бывалъ въ москвофильскихъ кругахъ Львова“. И они не только милостиво готовы уже облагодѣтельствовать Львовъ „открытіемъ русскаго университета“, учрежденіемъ „постояннаго русскаго театра“, обращеніемъ „русскихъ классиковъ“ въ достояніе „всего населенія“, пріѣздомъ московскаго Художественнаго театра... но для нихъ уже нѣтъ ничего темнаго и неяснаго въ политическихъ, церковныхъ и культурныхъ отношеніяхъ Галиціи, о которыхъ повѣствуютъ совсѣмъ въ стилѣ „Тряпичкиныхъ-очевидцевъ“. Если г. Струве еще недавно выражалъ убѣжденіе въ необходимости того, чтобы вся грамотная Галиція читала Гоголя въ подлинникѣ, то г. Старосельскій уже утверждаетъ, что „общеизвѣстенъ фактъ распространенія среди крестьянскаго населенія Галиціи сочиненій Толстого и другихъ русскихъ классиковъ“ („Русск. М.“, февраль 1915 г., „Малороссія внѣ границъ Россіи“); если проф. А.

Погодинъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ о москвофилахъ, что они „только платонически вздыхали по русскому языку, русскія книги собирались, читались и переводились преимущественно не ими, а ихъ врагами, украинцами, у которыхъ лучшая русская библіотека въ Галиціи; тотъ русскій языкъ, который они вводили въ свои книги, нисколько не менѣе непонятенъ русскому читателю, нежели украинскій языкъ галицкой письменности"...—то теперь г. Старосельскій разсказываетъ о нихъ: „Въ Галиціи, внѣ непосредственнаго общенія съ Россіей, русской наукой, русскимъ искусствомъ, создалось цѣлое поколѣніе людей, прекрасно говорящихъ по-русски, хорошо освѣдомленныхъ во многихъ сторонахъ нашей умственной жизни, которыя не всегда доступны рядовому русскому интеллигенту" („Р. М.", ibid.). „Тряпичкины-очевидцы" ни передъ чѣмъ не останавливаются: едва взглянувъ на „своеобразныя, подчасъ даже страшныя картины жизни взбудораженнаго войной края", они уже хорошо знаютъ, что для него „нужно": положительно они „отъ рожденія вкусъ получили" быть „акушерами"... О дѣятеляхъ Галиціи, ихъ программахъ, ихъ политическихъ „грѣхахъ и ошибкахъ" они судятъ, не указывая на источникъ своей освѣдомленности и ни на минуту не допуская подозрѣнія въ правильности своей информаціи. Г-нъ Струве, возражая проф. Ястребову по поводу характеристики послѣднимъ дѣятельности и значенія митрополита гр. А. Шептицкаго, ссылается между прочимъ на статью г. Старосельскаго. А г. Старосельскій въ этой статьѣ характеризуетъ дѣятельность Шептицкаго ссылкой на характеристику, сдѣланную въ одной изъ предыдущихъ статей г. Струве. Г. Струве, такимъ образомъ, ссылается на самого себя. Весьма убѣдительно! Какъ курьезъ, слѣдуетъ отмѣтить, что г. Струве, привыкшій къ вѣщаніямъ, формулируетъ свою характеристику категорически, а г. Старосельскій, повторяя ее, прибавляетъ къ ней нерѣшительное „повидимому": „Дѣятельность митрополита Шептицкаго, формулируя ее кратко, повидимому, выражалась, какъ указалъ П. Б. Струве"... Но это единственный случай, когда рѣшительность почему-то измѣнила г. Старосельскому: выше уже приведены примѣры той неустрашимости, съ какой онъ разсказываетъ о Галиціи вещи, не уступающія знаменитой „развѣсистой клюквѣ",—напр., о распространеніи среди крестьянскаго населенія Галиціи сочиненій Толстого и другихъ русскихъ классиковъ...

При всей рѣшительности гг. Струве и Старосельскаго имъ, однако, не угоняться за коллегой г. Струве по „Биржевкѣ“ г. Іерон. Ясинскимъ: этотъ послѣдній тоже съѣздилъ въ Галицію и лишь только „пришелъ, увидѣлъ“, какъ сообщилъ, что украинскаго языка въ Галиціи не существуетъ и никому онъ тамъ не нуженъ... И въ сравненіи съ гг. Ясинскими, Брешками etc. гг. Струве и Старосельскіе все-таки только „Тряпичкины-очевидцы“ приготовительнаго класса.

Мих. Могилянскій.

III. Къ выступленію акад. Соболевскаго по украинскому вопросу.

Есть такая „политическая, общественная и литературная“ газета „Славянскія Извѣстія“. Издается она въ Петроградѣ разъ въ двѣ недѣли на средства „Славянскаго благотворительнаго Общества“. Направленіе... Впрочемъ, о направленіи можно судить по статьямъ сотрудниковъ. Для насъ интересна передовица академика Соболевскаго въ № 4-мъ этой газеты. Причина появленія въ свѣтъ статьи та, что нѣкій анонимный авторъ написалъ въ № 39 „Петроградскихъ Вѣдомостей“ статью подъ заглавіемъ „Украинскій вопросъ“, гдѣ въ своихъ предпосылкахъ опирается будто бы на мнѣнія проф. Соболевскаго. Анонимный авторъ привлекъ зачѣмъ-то филологическія данныя въ свою статью, какъ будто то, что въ древній періодъ нашей исторіи,—положимъ, въ XI—XII вв.,—нарѣчія восточныхъ славянъ были рѣзко выражены, можетъ служить опорой для нынѣшнихъ украинскихъ требованій школы на родномъ языкѣ или что если тогда былъ одинъ языкъ, то и теперь, по прошествіи вѣковъ, нужно во что бы то ни стало воскресить это проблематическое единство.

Было нѣкогда время, когда всѣ славяне говорили однимъ языкомъ,—такъ что же? Развѣ на этомъ строить ихъ сліяніе по какому-либо типу съ замѣной родного языка и умственнаго творчества, хотя и близкимъ, но чужимъ? Конечно, въ истинно-правовомъ государствѣ филологическія соображенія должны занимать надлежащее мѣсто, но едва ли могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросахъ школьной и иной политики. Если великорусскій языкъ труденъ, непонятенъ и

ведетъ украинскую деревню къ культурному упадку, то тутъ хоть докажи, какъ 2×2=4, что русскій языкъ единъ и недѣлимъ и что мазепинецъ и сепаратистъ—всякій желающій „раздуть“ свое презрѣнное нарѣчіе въ литературный языкъ, все равно филологія уступитъ дорогу жизни. Оставимъ мертвецамъ хоронить мертвецовъ,—филологію пусть изучаютъ филологи, а совсѣмъ незачѣмъ привлекать за волосы и sua sponte филологическіе аргументы. За это автора статьи въ „Петроградскихъ Вѣдомостяхъ“ похвалить никакъ нельзя, такъ какъ, удостовѣряя, что, „какъ впервые доказано акад. Соболевскимъ, южно-русскіе памятники древней письменности XI и XII вв. представляютъ рядъ типическихъ особенностей малорусской рѣчи“, онъ или не знаетъ или скрываетъ, что г. Соболевскій всегда проводитъ разницу между памятниками кіевскими и галицко-волынскими. Послѣдніе онъ считаетъ выросшими на основѣ украинской (малорусской). Можно благодарить автора за то, что онъ своей статьей вызвалъ, какъ кажется, второе печатное выступленіе акад. Соболевскаго по украинскому вопросу (или по „украинскому вопросу“, какъ это пишетъ ученый). Въ какой степени покойный Ѳ. Е. Коршъ, свѣтлой памяти котораго посвящена настоящая книга „Укр. Жизни“, былъ другомъ украинскаго народа, въ такой же степени недругъ его—А. И. Соболевскій, который, исходя изъ филологическихъ соображеній, очень предвзято и несправедливо клеймитъ все украинское.

Во-первыхъ, о названіи „Украина“. Тутъ въ неправедномъ гнѣвѣ маститый ученый ломится въ открытую дверь, да еще на-бѣду противорѣча себѣ. Ему почему-то кажется, что „украинцы не желаютъ называть себя по общепринятому малоруссами, а настаиваютъ на именованіи себя такимъ именемъ, отъ котораго Русью не пахнетъ“.

Мало того, что въ Галиціи украинскіе органы печати употребляли термины „Русь“, „руський“ на-ряду съ „Украина“, „український“, мало того, что капитальный трудъ проф. М. С. Грушевскаго носитъ двойное заглавіе: „Історія України-Руси“, что показываетъ, что совсѣмъ мы имени Руси не боимся, но если хотите, г-нъ профессоръ, то названіе „Украина“ имѣетъ глубокія основанія, такъ какъ имя „Русь“ въ россійской Украинѣ народомъ забыто, и пѣсни наши полны названій „Україна“, „українскій“, а слово „Русь“ сохранилось какъ остатокъ старины въ письменности. Вѣдь

этакъ намъ придется, пожалуй, съ г. Соболевскимъ обвинять въ ономастическомъ сепаратизмѣ И. П. Котляревскаго, „Энеида“ котораго имѣетъ стихи: „Так славной памяти бувало у нас в Україні колись“ и подобные; придется перестраивать всѣ народныя украинскія пѣсни на патріотическій ладъ. Если въ XII вѣкѣ въ лѣтописяхъ встрѣчается названіе Украина въ современномъ значеніи о к р а и н а, то это не значитъ, что позже это названіе не пріобрѣло значенія національно-территоріальнаго, какъ видимъ это въ XVII столѣтіи. Къ тому же акад. Соболевскій долженъ и себя хоть заднимъ числомъ пожурить, что такъ неосторожно игралъ терминомъ „украинскій“ въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“. На страницѣ 62-й, 4-го изданія, этихъ лекцій читаемъ: „**о** изъ **е**, когда за **е** слѣдуетъ твердый согласный; у к р а и н с к.—жовтий, нічого“. И такихъ примѣровъ въ указанной книгѣ немало. Но теперь г. Соболевскій просвѣтился, и если ему нечаянно даже придется написать „украинскій“, то онъ исправитъ на „мазепинскій“ по собственному рецепту: „украинство въ не-украинскихъ кругахъ извѣстно подъ названіемъ мазепинства—и не безъ основанія“. Если ужъ говорить по существу, то не въ названіи дѣло и не названіе является главнымъ для г. Соболевскаго. Ему хочется доказать нелѣпость и названія, и сущности, и формъ украинскаго національнаго движенія, что онъ и „доказываетъ“ по-своему. Доказательства совсѣмъ не-ученыя и сопровождающіяся взываніемъ къ „неподдавшимся украинскому движенію“ г-жѣ Олен'ѣ Пчілк'ѣ и—horribile dictu!— къ Нечую-Левицкому. Выходитъ, что названные писатели, просто „неподдавшіеся“, и руками и ногами противъ названія „Україна“ и противъ созданія украинской школы (?!). А между тѣмъ такъ недавно (въ серединѣ 1914 года) тотъ же Нечуй-Левицкій издалъ „Грамматику українськоі мови для двох низших класів середніх шкіл“, а Олена Пчілка, заслуженная украинская писательница, издаетъ въ Гадячѣ и до сего дня украинскій еженедѣльникъ „Рідний Край“ и „Молоду Україну“, органъ для украинскихъ дѣтей. Хорошо же знакомъ г. Соболевскій съ „поддавшимися“ и „неподдавшимися“! Къ чему г. Соболевскому показалось важнымъ сказать, что О. Пчілка—сестра Драгоманова? Неужели и Драгоманова г. Соболевскій готовъ зачислить въ „неподдавшіеся украинскому движенію“? Всякіе филологическіе споры и недоразумѣнія въ

украинскомъ языкѣ въ его statu nascendi г. Соболевскій считаетъ прямой уликой противъ украинскаго движенія. Неужели академикъ не знаетъ, что за споры были у шишковистовъ съ карамзинистами въ началѣ XIX столѣтія? Неужели неизвѣстно ученому профессору, что созданіе литературнаго языка, который удовлетворялъ бы всѣхъ, не дѣлается однимъ росчеркомъ пера? Интереснѣе всего, что г. Соболевскій ссылается здѣсь на авторитетъ украинскаго села. Село, молъ, протестуетъ. „Крестьяне полтавскіе и волынскіе упорно настаиваютъ на обученіи ихъ дѣтей общерусскому языку и на усилія мѣстной украинской интеллигенціи отвѣчаютъ образованіемъ отдѣловъ союза русскаго народа". Какой репримандъ неожиданный! Гдѣ это видано, чтобы начальство у насъ спрашивало мнѣнія крестьянъ, какой они хотятъ школы? И гдѣ это украинская интеллигенція проявляетъ свои „усилія" въ устройствѣ школъ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ, если намъ не позволяютъ не то что въ земскихъ или министерскихъ школахъ преподавать по-украински, но даже частныхъ школъ мы открывать права не имѣемъ? Дальнѣйшія строки статьи посвящены восхваленію союза русскаго народа. „Едва ли въ Россіи найдется губернія, гдѣ бы этотъ союзъ былъ такъ силенъ и популяренъ, какъ въ Волынской губерніи". Да, имѣетъ распространеніе, но нужно бы договорить до конца, что едва ли найдется въ Россіи другая губернія съ такимъ темнымъ и забитымъ населеніемъ, какъ на Волыни. Въ то время, какъ въ другихъ украинскихъ губерніяхъ процентъ грамотныхъ новобранцевъ нигдѣ не падаетъ ниже сорока, на Волыни ихъ 39 на 100 („Укр. Жизнь", № 2 1915 г., стр. 14). Конечно, слѣдовало бы для процвѣтанія дѣлъ союза въ великорусскихъ губерніяхъ учить дѣтей хотя бы по-татарски. Получились бы результаты еще роскошнѣе. Но послѣдующія слова г. Соболевскаго превосходятъ самыя смѣлыя, основанныя на началѣ цитированной статьи, ожиданія. Подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія г. Соболевскій уподобляется ноздревскому повару: „катай-валяй, было бы горячо". „Дѣятели „украинскаго движенія", особенно генералы „украинскаго воинства",—въ значительномъ процентѣ не малороссы, а великороссы, поляки, евреи, обыкновенно никогда не жившіе въ „Украинѣ", не владѣющіе малорусской рѣчью и вообще не имѣющіе ничего общаго съ малороссами. По своимъ политическимъ

убѣжденіямъ это тѣ господа, которые примыкаютъ къ партіи народной свободы". Въ общемъ, по мнѣнію г. Соболевскаго, украинское движеніе—это какая-то интернаціональная кадетская интрига. Не знаю, чьи лавры помѣшали спать г. Соболевскому. Развѣ гг. Вергуна и Струве?

Акад. Соболевскій—человѣкъ опредѣленныхъ союзническихъ убѣжденій. Это фактъ общеизвѣстный. Въ его воздержаніи отъ выступленій на общественныя темы былъ здравый смыслъ. Но какой смыслъ въ статьяхъ, подобныхъ той, какую мы цитировали выше? Неужели только тотъ, чтобы лишній разъ показать, какъ привнесеніе политики въ область науки способствуетъ тенденціозному освѣщенію общественнаго явленія, въ борьбѣ съ которымъ бранный лексиконъ совершенно безсиленъ, какъ безсильны и безцѣльны тѣ неумныя выдумки объ украинскомъ движеніи и его дѣятеляхъ, которыми изобилуетъ статья ученаго филолога въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ"?

П. Тернивскій.

По поводу статьи Г. Алексинскаго.

Украинская „Боротьба“, являющаяся, по удостовѣренію г. Алексинскаго въ „Современномъ Мірѣ“, „официальнымъ органомъ заграничной организаціи украинской соціалъ-демократической партіи Россіи“, въ № 1 напечатала компрометтирующія свѣдѣнія о дѣятельности „Союза Освобожденія Украины“ и отдѣльныхъ лицъ, вошедшихъ въ составъ названной группы. Свѣдѣнія эти были перепечатаны Г. Алексинскимъ въ статьѣ „О провокаціи“, появившейся въ мартовской книжкѣ „Современнаго Міра“, и отсюда уже были перепечатаны различными органами русской прессы. Провѣрить свѣдѣнія „Боротьбы“ о дѣятельности „Союза Освобожденія Украины“ при современныхъ условіяхъ не представляется возможнымъ, а потому и отвѣтственность за сообщенныя свѣдѣнія несетъ всецѣло „Боротьба“.

Въ связи съ появленіемъ статьи г. Алексинскаго нѣкоторыя націоналистическія газеты обнаружили склонность прочесть въ этой статьѣ больше, чѣмъ въ ней заключается, и, произвольно обобщивъ факты, сдѣлали попытку возстановить традиціи родового начала съ круговой порукой и взаимной отвѣтственностью членовъ украинскаго племени. Украинское Общество Россіи, лишенное съ конца іюля прошлаго года своей родной прессы, не имѣетъ возможности отвѣтить должнымъ образомъ на подобныя измышленія.

Что же касается отношенія редакціи нашего журнала къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ „Боротьбой“, то оно въ достаточной степени ясно было формулировано задолго до выступленія названной украинской газеты противъ „Союза Освобожденія Украины“. Въ № 11—12 нашего журнала за прошлый годъ мы писали: „Всякій хоть немного знакомый съ украинскимъ вопросомъ могъ бы притти къ выводу, что и дѣятельность до сихъ поръ совершенно неизвѣстнаго „Союза Освобожденія Украины“, и его авантюрныя обращенія къ Турціи и Болгаріи являются или очереднымъ

измышленіемъ австро-германскихъ информаторовъ, расчитаннымъ на организацію общественнаго настроенія въ нейтральныхъ странахъ, или же безразсуднымъ шагомъ ничтожной политической группировки, потерявшей всякую способность оріентироваться въ ситуаціи". Являясь сторонниками національной политики, базирующейся на подлинныхъ нуждахъ нашего народа и уровнѣ его національнаго самосознанія, мы и нынѣ, послѣ выступленія „Боротьбы", можемъ лишній разъ повторить то, что писали по этому поводу раньше.

Злорадство націоналистической прессы, приписывающей себѣ заслугу „разоблаченія" дѣятельности „Союза Освобожденія Украины", совершенно неумѣстно, такъ какъ иниціаторомъ и первоисточникомъ этихъ „разоблаченій" явилась украинская же газета, выходящая за границей.

Что же касается указанія нѣкоторыхъ органовъ національной прессы, какъ, напр., „Утро Россіи" и др., на то, что отдѣльные члены „Союза Освобожденія Украины" были сотрудниками нашего журнала, то это указаніе является по меньшей мѣрѣ страннымъ: никакая редакція не можетъ быть отвѣтственна за выступленія своихъ сотрудниковъ, не совпадающія съ временемъ ихъ сотрудничества въ журналѣ [1]).

Если редакція нашего журнала не можетъ нести отвѣтственности за нынѣшнія выступленія по украинскому вопросу проф. А. Погодина, который состоялъ сотрудникомъ „Украинской Жизни", то въ равной степени не можетъ она отвѣчать и за выступленія другихъ сотрудниковъ, нынѣшняя дѣятельность которыхъ идетъ въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего журнала.

---

[1]) Нелишне припомнить, что Д. Донцовъ состоялъ также сотрудникомъ и „Утра Россіи", о чемъ эта газета стыдливо умалчиваетъ. *Ред.*

Изъ русскихъ журналовъ

(В. Мякотинъ о выступленіи П. Струве).

Россійскій „либерализмъ“ есть нѣчто очень растяжимое, настолько растяжимое, что въ немъ совершенно свободно, напримѣръ, умѣщается П. Б. Струве со своей теоріей „воздѣйствія“ на украинское движеніе. Рядомъ съ г. Струве стоитъ и тотъ общественный и политическій дѣятель, который не постѣснялся недавно заявить во всеуслышаніе (одному польскому журналисту), что украинство живетъ австрійскими кронами; далѣе цѣлый рядъ большихъ и маленькихъ подголосковъ. Если все это собрать во-едино, то картина получится прелюбопытная и нелишенная нѣкоторой поучительности.

Раньше на темы, трактуемыя теперь г. Струве и его идейными соратниками, принято было говорить въ кругахъ реакціонныхъ и націоналистическихъ, и выражалось это болѣе просто и откровенно, предлагали „тащить и не пущать“—и больше ничего; теперь же все это преподносится въ иной формѣ и подъ свои націоналъ-либеральныя построенія г. Струве подводитъ научный фундаментъ.

Всѣ выступленія г. Струве и его присныхъ по украинскому вопросу достаточно хорошо извѣстны читателямъ „Украинской Жизни“. Не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе теперь на ту оцѣнку, какую нашли себѣ ламентаціи г. Струве въ кругахъ русской же интеллигенціи, но, правда, другого лагеря. Я имѣю въ виду статью В. Мякотина въ „Русскихъ Запискахъ“, озаглавленную „Галицкіе украинцы и русскій націоналъ-либералъ“ (февраль 1915 г.).

Статья эта, вызванная выступленіями г. Струве противъ украинства и украинцевъ, въ связи съ разрѣшеніемъ вопроса о судьбахъ украинскаго дѣла въ Галичинѣ, не можетъ не остановить на себѣ вниманія читателя, хотя бы сколько-нибудь интересующагося національной проблемой.

Отмѣтивъ тотъ фактъ, что съ занятіемъ русскими войсками восточной Галичины въ націоналистическомъ лагерѣ „не прекращаются выступленія, направленныя къ тому, что-

бы обратить эту часть Галиціи въ арену новыхъ побѣдъ воинствующаго русскаго націонализма,—побѣдъ, имѣющихъ въ виду прежде всего мѣстное украинское населеніе", авторъ говоритъ: „И въ ряду этихъ выступленій, вообще не блещущихъ большою силою мысли и глубиною чувства, особенно рѣзко выдѣляются своимъ наивнымъ лицемѣріемъ и безжизненнымъ доктринерствомъ выступленія г. Струве, числящагося въ либеральномъ лагерѣ и старательно прикрывающаго націоналистическія вожделѣнія шумихою якобы либеральныхъ словъ".

Далѣе, за указаніемъ на то, что г. Струве „не со вчерашняго дня" выступаетъ какъ ярый противникъ украинскаго національнаго движенія и стяжалъ себѣ въ этой спеціальности почтенную извѣстность, въ статьѣ говорится: „Нынѣшнія выступленія г. Струве, какъ онъ и самъ указываетъ, являются лишь продолженіемъ этой „идейной борьбы". И тѣмъ не менѣе они въ высокой степени характерны,—характерны уже въ силу особенностей того момента, къ которому они пріурочены. Въ исторіи Галиціи открывается сейчасъ новая страница: занятая русскими войсками восточная Галиція переживаетъ большой и сильный кризисъ и жизнь ея вступаетъ въ новое, не вполнѣ еще опредѣлившееся русло. И именно этотъ моментъ, полный тревожныхъ ожиданій для украинскаго населенія Галиціи, г. Струве, наравнѣ съ другими, болѣе откровенными націоналистами, счелъ самымъ подходящимъ для того, чтобы выступить съ новыми призывами къ борьбѣ противъ украинскаго національнаго движенія и съ проповѣдью ограниченія національныхъ правъ галицкихъ украинцевъ"...

Какъ именно и въ какой формѣ выступалъ г. Струве по украинскому вопросу въ послѣдніе дни, читатели „Украинской Жизни" знаютъ, и потому мы не будемъ приводить выдержекъ изъ статей г. Струве въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" и „Русской Мысли", цитируемыхъ В. Мякотинымъ въ его статьѣ, отмѣтимъ только, что авторъ въ достойной степени мѣтко и вѣрно охарактеризовалъ всѣ разсужденія г. Струве, указавъ, что „это не что иное, какъ самый вульгарный націонализмъ, правда, закутанный въ нарочито хитрыя слова, но нимало не выигравшій отъ этого въ своей содержательности и убѣдительности и нисколько не потерявшій вульгарности".

Вскрывъ истинную сущность того, что у г. Струве назы-

вается постановкой вопроса на „широкую культурно-историческую почву“, авторъ указываетъ на ту храбрость, съ какой г. Струве опрокидываетъ всю украинскую культуру, причемъ забирается даже въ области весьма мало ему изѣстныя, — напримѣръ, филологію. „Г. Струве однимъ взмахомъ руки устраняетъ съ поля спора филологію и торжественно заявляетъ, что „исторически, политически и культурно“ малорусскій языкъ есть и долженъ быть нарѣчіемъ, а не языкомъ. Пріемъ, что и говорить, достаточно рѣшительный, но, наблюдая эту рѣшительность, трудно удержаться отъ улыбки и отъ предательской мысли, что г. Струве, какъ-никакъ числящемуся профессоромъ, лучше было бы воздержаться отъ столь блестящихъ побѣдъ надъ филологами и отъ экскурсій въ мало знакомыя ему области научнаго вѣдѣнія“.

Но бѣда въ томъ, что г. Струве не ограничиваетъ своихъ экскурсій въ невѣдомыя ему совсѣмъ или мало-вѣдомыя области одной филологіей, такъ же храбро онъ рѣшаетъ и другіе вопросы, начиная съ самаго кардинальнаго—существованія „украинства“, которое г. Струве всецѣло относитъ на счетъ „австрійскаго бытія“ Галиціи.

Въ подтвержденіе этого своего положенія, какъ извѣстно, г. Струве ссылался даже на Костомарова и Драгоманова, но, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ В. Мякотинъ, „не говоря уже о томъ, что ссылка недостаточна для поддержанія того тезиса, подкрѣпить который она предназначена, она и по существу не совсѣмъ справедлива. Ни одинъ изъ названныхъ писателей не смѣшивалъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ г. Струве, государство съ культурой и не отожествлялъ всецѣло культуру съ языкомъ“...

Выдержками изъ возраженій Драгоманова славянофиламъ авторъ разрушаетъ старательно возведенное г. Струве зданіе и вскрываетъ истинный смыслъ „общерусской“ культуры, какъ понималъ ее Драгомановъ.

„Какъ можно видѣть уже изъ этого примѣра,—говоритъ далѣе авторъ статьи,—ссылка г. Струве на Костомарова и Драгоманова не черезчуръ удачна. Но, и помимо того, такая ссылка сама по себѣ вовсе еще не рѣшила бы поднятаго г. Струве вопроса. Вѣдь украинское движеніе въ Россіи не остановилось на Костомаровѣ и Драгомановѣ, а продолжало развиваться и послѣ нихъ.

Правда, г. Струве увѣряетъ, что это развитіе было об-

условлено лишь „австрійскимъ бытіемъ Галиціи“, и въ подтвержденіе этого ссылается даже на новѣйшую работу по исторіи Украины, принадлежащую перу М. С. Грушевскаго. „Ареною новаго подъема національной жизни,—цитируетъ онъ послѣдняго,—въ силу самыхъ внѣшнихъ, политическихъ и національныхъ условій, была главнымъ образомъ Галиція“. Совершенно ясно однако, что эти слова М. С. Грушевскаго, вполнѣ правильно подчеркивающія общеизвѣстный фактъ, имѣютъ совсѣмъ не то значеніе, какое придаетъ имъ г. Струве. Благодаря ряду условій украинское національное движеніе получило возможность вполнѣ свободно развиваться лишь на почвѣ Галиціи. Это обстоятельство, конечно, до извѣстной степени отразилось и на самомъ характерѣ даннаго движенія, но ни въ какомъ случаѣ не могло всецѣло опредѣлить собою его существа, и, выставляя противоположное утвержденіе, г. Струве рѣзко расходится съ дѣйствительностью, наглядно обнаруживая, какъ мало знаетъ онъ то движеніе, о которомъ взялся говорить въ печати“...

И въ вопросѣ объ „австрійской оріентаціи“ всѣхъ украинскихъ партій Галиціи В. Мякотинъ рѣшительно отказывается вѣрить на-слово г. Струве, утверждающему, что „австрійское бытіе“ Галиціи создало уже само по себѣ „австрійскую оріентацію“ всѣхъ ея украинскихъ партій.

„И въ украинскомъ населеніи Галиціи, такъ сильно огорчающемъ г. Струве, тяготѣніе къ Австріи не всегда было одинаково сильно. Побольше подумавъ надъ этимъ, г. Струве, можетъ быть, нашелъ бы и кое-какія другія причины этого тяготѣнія, кромѣ „австрійскаго бытія“ Галиціи, или, по меньшей мѣрѣ, сумѣлъ бы нѣсколько яснѣе представить себѣ сложность понятій и отношеній, заключенныхъ въ этомъ терминѣ „австрійскаго бытія“. Но г. Струве некогда думать надъ фактами прошлой и настоящей жизни народовъ, ему надо лишь закруглять свои словесныя построенія, необходимыя для предпринятаго имъ похода противъ украинскаго движенія“...

Нельзя не согласиться съ авторомъ статьи въ томъ, что забавными могли бы показаться „всѣ эти разсужденія въ цѣломъ, если бы они не имѣли въ виду совершенно конкретной практической цѣли, которая отнимаетъ у нихъ всю ихъ забавность и заставляетъ приложить къ нимъ совсѣмъ другое опредѣленіе“.

Дѣло въ томъ, что всѣ рѣчи г. Струве имѣютъ весьма опредѣленную цѣль, всѣ эти разсужденія объ „австрійскомъ бытіи Галиціи", объ „австрійской оріентаціи" и проч. направлены къ тому, чтобы убѣдить русское общество въ томъ, что нужно оказать самое серьезное противодѣйствіе украинскому движенію въ Галиціи и ограничить права, добытыя тамъ украинцами. На это обстоятельство авторомъ статьи обращено должное вниманіе и дана правильная оцѣнка этого любопытнаго момента.

Не обошелъ молчаніемъ В. Мякотинъ и тѣхъ уступокъ, какія дѣлаетъ г. Струве украинцамъ.

„Въ частности, по его словамъ, онъ ничего не имѣетъ и противъ „мѣстныхъ особенностей" украинцевъ,—но именно противъ мѣстныхъ особенностей, а не національной украинской культуры, существованіе которой онъ отрицаетъ и которой очень опасается"...

Во всѣхъ этихъ великодушныхъ уступкахъ и посулахъ автору статьи слышится знакомая мелодія. „Пусть украинцы, и притомъ непремѣнно всѣ украинцы, откажутся отъ самой мысли объ украинской національной культурѣ, и тогда г. Струве великодушно согласенъ соблюдать ихъ „мѣстныя особенности". Если же украинцы не исполнятъ его желанія, онъ не беретъ на себя отвѣтственности за послѣдствія"...

Совсѣмъ въ родѣ „сначала успокоеніе, а затѣмъ реформы"...

И всюду „практика, рекомендуемая г. Струве, очень мало отличается, если только отличается, отъ практики другихъ націоналистовъ"...

Особенно пикантными становятся разсужденія г. Струве, когда онъ говоритъ объ уніатствѣ. „По словамъ г. Струве,—говорится въ статьѣ,—надо „деликатно" относиться къ уніатству ради того, чтобы предупредить возможность „спайки" между нимъ и „украинствомъ". Иначе говоря, вѣроисповѣдная политика государства должна направляться его національной политикой, въ свою очередь имѣющей своею цѣлью сліяніе національностей. Въ устахъ человѣка, называющаго себя либераломъ, это заявленіе нѣсколько неожиданно, но со стороны націоналиста, видящаго въ „національной культурѣ" высшую цѣнность человѣческой жизни и не умѣющаго представить себѣ во всѣхъ областяхъ государственной дѣятельности иной политики, кромѣ націоналистической, оно вполнѣ послѣдовательно"...

Г. Струве любитъ пышныя фразы, онъ готовъ давать разныя обѣщанія (все это, конечно, въ предѣлахъ своего національно-либеральнаго credo), все преподносить въ мягкихъ и деликатныхъ формахъ, но отъ этого украинцамъ нисколько не становится легче. Галиційскимъ украинцамъ г. Струве, напримѣръ, готовъ сдѣлать нѣкоторыя „уступки“: онъ обѣщаетъ сохранить за ними свободу вѣры и языка (онъ абсолютно ничего не имѣетъ противъ того, чтобы галиційскіе украинцы, у которыхъ были свои гимназіи и каѳедры въ университетѣ, имѣли низшую школу съ украинскимъ языкомъ преподаванія), но врядъ ли украинцы и при этомъ условіи будутъ считать г. Струве своимъ благодѣтелемъ. Г. Струве, вѣроятно, и не подозрѣваетъ, какъ онъ смѣшонъ со всѣми этими своими посулами и уступками.

„Не будучи достаточно знакомъ съ подлинною жизнью Галиціи, больше того,—видя передъ собой не живыхъ людей, а абстрактныя схемы, безвозбранно проводимыя въ пустомъ пространствѣ, онъ готовъ съ легкимъ сердцемъ уничтожить всѣ культурныя пріобрѣтенія галицкаго украинскаго населенія ради будущаго „органическаго сліянія Галиціи съ общерусской культурной стихіей и лишь рекомендуетъ „спокойную твердость“ и „благожелательную умѣренность“ при проведеніи этого сліянія, утѣшая галицкихъ украинцевъ, что они за то получатъ возможность опираться на „великую русскую культуру“, и это будетъ „неизмѣримымъ культурнымъ обогащеніемъ для маленькаго осколка русскаго народа“. Но каковы будутъ конкретныя формы этого „культурнаго обогащенія“, г. Струве не говоритъ, какъ не говоритъ онъ конкретно и о томъ, каково должно быть, по его мнѣнію, отношеніе ко всѣмъ другимъ особенностямъ Галиціи, кромѣ вѣры и языка“...

Шагъ за шагомъ прослѣживаетъ В. Мякотинъ боевыя выступленія г. Струве послѣдняго времени по украинскому вопросу и съ такимъ умѣньемъ, ясностью и опредѣленностью вскрываетъ сущность разсужденій г. Струве въ этой области, что для всякихъ недоумѣній, видимо, не осталось мѣста: ликъ русскаго націоналъ-либерала сталъ ясенъ.

Не обошелъ молчаніемъ В. Мякотинъ и момента сочетанія у г. Струве націонализма съ либерализмомъ.

„Въ своихъ разсужденіяхъ,—говоритъ онъ,—г. Струве все время смѣшиваетъ два понятія: „національный“ и „націоналистическій“, но въ концѣ-концовъ онъ беретъ изъ

нихъ именно то, которое ему нужно. А попутно въ результатѣ этого смѣшенія получается и подобіе доказательства. Когда г. Струве говоритъ, что всякое политическое теченіе, а въ томъ числѣ и либерализмъ, должно быть „національнымъ", т.-е. стоять на живой почвѣ той національности, среди которой оно складывается, онъ до извѣстной степени ломится въ открытую дверь. Но отъ этого утвержденія онъ смѣло переходитъ къ другому, и рѣшительно заключаетъ, что, слѣдовательно, либерализмъ долженъ быть „націонализованъ" и слитъ съ націонализмомъ. И, загипнотизированный категоричностью собственныхъ утвержденій, онъ не замѣчаетъ, что это не выводъ, полученный путемъ логическихъ аргументовъ, а прыжокъ, совершонный при посредствѣ смѣшенія двухъ разнородныхъ понятій".

Впрочемъ, у г. Струве есть въ запасѣ и еще одинъ аргументъ. По его словамъ, именно либерализмъ будетъ слабъ и безсиленъ, пока не сочетается съ націонализмомъ, а, слившись съ послѣднимъ, получитъ силу и сможетъ даже остановить нездоровыя проявленія націонализма. Въ сущности едва ли не къ этому аргументу и сводится вся разгадка позиціи, занятой г. Струве. Чувствуя себя безсильнымъ въ позиціи либерала, онъ инстинктивно ищетъ опоры на сторонѣ и приходитъ къ мысли соединиться съ хозяевами текущаго момента, усвоить ихъ лозунги и такимъ путемъ пріобрѣсти силу. Этой дорогой пошли въ свое время нѣмецкіе націоналъ-либералы и въ концѣ-концовъ пришли къ откровенному консерватизму и сервилизму. Этой же дорогой идетъ и г. Струве и идетъ къ тѣмъ же конечнымъ результатамъ... Въ своей прикладной части этотъ „національный либерализмъ" не менѣе добросовѣстно воспроизводитъ вожделѣнія отечественныхъ націоналистовъ... Когда г. Струве завѣряетъ, что его „національный либерализмъ" сможетъ предотвратить „нездоровыя проявленія націонализма", намъ стоитъ лишь оглянуться на программу мѣропріятій, предлагаемыхъ г. Струве по отношенію къ галицкимъ украинцамъ, чтобы увидѣть передъ собой такое нездоровое проявленіе націонализма"...

Почему мѣропріятія, рекомендуемыя г. Струве по отношенію къ украинцамъ, не должны быть причисляемы къ „нездоровымъ" проявленіямъ націонализма и гдѣ собственно находится грань, отдѣляющая „здоровыя" проявленія націонализма отъ „нездоровыхъ", этого г. Струве намъ не повѣдалъ, и утвержденіе В. Мякотина, что передъ нами

именно „нездоровое проявленіе національнаго самосознанія", кажется намъ вполнѣ справедливымъ. Вполнѣ правильнымъ представляется намъ и то заключеніе, къ которому приходитъ авторъ цитируемой статьи, когда, разсмотрѣвъ во всѣхъ деталяхъ статьи г. Струве по украинскому вопросу, украшавшія собою страницы „Биржевыхъ Вѣдомостей", говоритъ между прочимъ: „Его (Струве) теоретическія положенія насчетъ взаимоотношеній отдѣльныхъ національностей въ государствѣ неясны, недодуманы и противорѣчивы, а тотъ историческій комментарій, которымъ онъ снабдилъ эти положенія, крайне мало согласованъ съ дѣйствительными фактами исторіи. При такихъ условіяхъ рѣшительный и увѣренный тонъ открывателя новыхъ истинъ, какой усвоилъ себѣ г. Струве въ своихъ разсужденіяхъ, представляется крайне забавнымъ"...

Довольно поучительно то, что г. Струве, котораго какъ-никакъ величали и „крупнымъ публицистомъ" и „крупнымъ ученымъ" и кстати и некстати отмѣчали, что это „самъ" редакторъ „Освобожденія", попалъ въ положеніе Хлестакова. Очевидно, тутъ вышло досадное недоразумѣніе: г. Струве думалъ, что положеніе „крупнаго публициста и ученаго" уже одно даетъ право рѣшительно и безапелляціонно разрѣшать сложный національный вопросъ и что для того, чтобы толковать объ украинской культурѣ и ея правѣ на существованіе, достаточно только весьма поверхностнаго знакомства.

Насколько это вышло неудобно и какъ-разъ для „бывшаго редактора „Освобожденія" неприлично, показалъ съ достаточной ясностью и убѣдительностью въ своей статьѣ В. Мякотинъ.

Глубоко справедливо отмѣтилъ авторъ статьи въ заключительной ея части, что „въ переживаемый нами моментъ подобныя проявленія особенно тягостны и опасны", но тягостность ихъ для насъ, украинцевъ, значительно смягчается, я бы сказалъ, уже однимъ фактомъ появленія статей, подобныхъ статьѣ В. Мякотина, которыя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что по дорогѣ, избранной г. Струве, идутъ далеко не всѣ,—что тѣ, кому дѣйствительно дороги „достоинство русской культуры и благосостояніе населяющихъ Россію народовъ", пошли по другому пути—добросовѣстнаго изученія и внимательнаго братскаго отношенія къ интересамъ этихъ народовъ. **Л. Бурчакъ.**

Изъ русскихъ газетъ.

I. П. Боборыкинъ о „грядущихъ осложненіяхъ".

Нынѣшній „парламентъ мнѣній" по украинскому вопросу, „Биржевыя Вѣдомости", открывъ столбцы своего изданія для антиукраинскихъ выступленій г-на Струве, порою даютъ возможность высказаться по украинскому вопросу и людямъ, глубже проникающимъ въ кругъ явленій, связанныхъ съ этимъ вопросомъ. Съ этой стороны несомнѣнный интересъ представляетъ статья маститаго русскаго писателя П. Боборыкина „Грядущія осложненія", которую мы и предлагаемъ ниже вниманію нашихъ читателей.

I.

Позволительно и скептику немного помечтать о томъ, что будетъ съ нами, когда мы сломимъ нѣмца.

Всего нѣмца, т.-е. всѣхъ германцевъ, можетъ быть, и не сломимъ такъ, какъ бы желали; но съ австрійцами мы сильно посчитаемся, и не захотимъ отдавать имъ обратно Галицію и Буковину.

Имѣй я сейчасъ передъ собою (сидя здѣсь, въ «Вѣчномъ Городѣ», съ конца русскаго сентября) пылкаго патріота, который преисполненъ былъ бы радости оттого, что мы завоевали древнюю Червонную Русь, я бы охладилъ его восторгъ такими вопросами:

— Поразмыслили ли вы на тему: какія «осложненія» ожидаютъ насъ, русскихъ, прежде всего въ Галиціи? И эти осложненія будутъ касаться какихъ именно двухъ, крайне щекотливыхъ сторонъ будущей народно-культурной жизни въ той области, гдѣ народъ—русской крови, такъ-называемые рутены или русины; а попросту малороссы?

Если бы мой воображаемый собесѣдникъ отвѣтилъ мнѣ, что ему—въ чаду его патріотической радости—некогда было надъ этимъ задуматься, или то, что онъ и не предвидитъ никакихъ щекотливыхъ осложненій въ «грядущемъ», я бы началъ ставить ему такіе вопросные пункты:

— Русское населеніе Галиціи,—какой вѣры?

— Разумѣется, какой: нашей...

— Нашей вѣры нѣтъ; а вы хотѣли сказать: православной?

— Ну, да.

— Извините, тамъ народъ держится уніи.

— Ну, такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ? Для нихъ глава церкви—не константинопольскій патріархъ и не петроградскій синодъ, а такъ-называемый «намѣстникъ св. Петра», т.-е. тотъ обитатель Ватикана, которому русская дипломатія надписываетъ на пакетахъ: «Епископу Римскія Церкви, Державному папѣ».

— И пускай! Мы знаемъ, какъ и наши, и галиційскіе хохлы были обращены въ унію...

Это другой вопросъ; но, такъ или иначе, теперь это тамъ—общенародная вѣра, и если русскія власти желаютъ предоставить галицкому народу полную вѣроисповѣдную свободу, онѣ должны будутъ помириться съ тѣмъ, что каждый галичанинъ считаетъ «Святого отца», т.-е. папу римскаго, главой своей церкви.

— И пускай его!..

— Позвольте! Унія не значитъ только формальное объединеніе двухъ церквей, восточной и западной, на почвѣ обрядовой. Она предполагаетъ и признаніе новыхъ догматовъ, какихъ въ православномъ катехизисѣ не имѣется.

— Это что же? Пресловутое католическое «filio-que». Такъ это не суть важно!

— Какъ не суть важно? Ученіе, отъ кого исходитъ Духъ Святой—отъ одного Отца, или же и отъ Сына? Но не это одно. Вы забываете, что въ послѣдніе полвѣка римско-католическая церковь приняла два новыхъ догмата, на которые православіе имѣетъ поводъ смотрѣть какъ на ересь.

— Это что-же такое?

— Догматы о «безпорочномъ зачатіи» Богоматери и о «непогрѣшимости» римскаго первосвященника, когда онъ говоритъ съ каѳедры. Эти догматы провозглашены были въ царствованіе Пія IX, и всѣ восточныя церкви (ихъ нѣсколько), пріемлющія главенство папы, признаютъ и эти чисто католическіе догматы, хотя и продолжаютъ молиться на своихъ языкахъ и съ текстами своихъ литургій.

— Пускай! Разъ будетъ терпимость...

— Да; но галиційскую церковь нельзя же оставить безъ пастыря; а тамошній митрополитъ былъ обязательно изъ уніатскаго духовенства; и вамъ бы, вѣроятно, хотѣлось, чтобы на это мѣсто былъ посаженъ какой-нибудь нашъ владыка?

— Разумѣется!

— Но какъ же это сдѣлать, не насилуя грубо совѣсти и самого владыки, а главное—цѣлаго народа? Онъ, чтобы быть уніатскимъ архипастыремъ, долженъ признать своимъ верховнымъ главою «Епископа Римской Церкви»; а если бы онъ остался вѣрнымъ православію съ подчиненіемъ петроградскому синоду, то народъ врядъ ли бы пожелалъ признавать его своимъ митрополитомъ. Да если даже и помириться съ уніатскимъ первосвященникомъ въ Галиціи, то изъ какихъ его взять: изъ священниковъ (какъ попадали до сихъ поръ), изъ тѣхъ, кто не

женатъ, или изъ монаховъ? Вы видите, стало быть, что это порядочное-таки «осложненіе», въ нѣкоторомъ родѣ «скорпіонъ»; но онъ еще не единственный, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

II.

Вопросъ о малорусскомъ языкѣ едва ли еще не болѣе щекотливый, чѣмъ вопросъ объ уніи галиційскаго народа.

И мой воображаемый собесѣдникъ, вѣроятно, будетъ такъ же увѣренно разрубать всякія грядущія осложненія своими отвѣтами и замѣчаніями.

Прежде всего:

— Будетъ ли малорусскій народъ, населяющій Галицію, пользоваться той же свободой родной рѣчи, какою пользовался при австрійскомъ правительствѣ?

На это мой неунывающій собесѣдникъ отвѣтитъ безъ запинки:

— Почему же нѣтъ?

— Но какого рода свободой и какой рѣчи: только ли устной, въ частныхъ разговорахъ, въ деревнѣ, на базарѣ, дома или въ гостяхъ; или же полной свободой преподаванія этого самостоятельнаго славяно-русскаго языка въ школѣ...

— Какой школѣ?

— Всякой, какъ это было при австрійцахъ, и прежде всего въ начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ, а потомъ въ гимназіяхъ и на нѣкоторыхъ университетскихъ каѳедрахъ во Львовѣ и въ Черновицахъ, въ главномъ городѣ Буковины.

Этотъ вопросъ заставитъ вашего собесѣдника немножко призадуматься.

— Общегосударственный языкъ долженъ быть одинъ.

— Положимъ. Но тутъ дѣло идетъ не о немъ, а о той «мовѣ», на которой малороссъ говоритъ издавна не только въ Галиціи, но и во всѣхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ живутъ «хохлы». Ихъ, какъ извѣстно, насчитывается гораздо больше двадцати милліоновъ.

— Это—особая статья! Но оно отзывается сепаратизмомъ...

— А какъ же поступали австрійскія власти? Онѣ тоже могли бы бояться сепаратизма. Но австріяки позволяли русинамъ употреблять въ офиціальныхъ дѣлахъ и въ судѣ рядомъ съ государственнымъ, т.-е. нѣмецкимъ, языкомъ и народный; а главное—позволяли учить дѣтей по-малороссійски не только въ народныхъ школахъ, но и въ гимназіяхъ, а священникамъ говорить проповѣди на той же южно-русской, простонародной «мовѣ».

— Это намъ не указъ.

— Мало того: въ обоихъ университетахъ были рядомъ съ нѣмецкимъ (въ Черновицахъ) и польскимъ преподаваніемъ (въ Краковѣ) отдѣльныя каѳедры на малорусскомъ языкѣ. И въ числѣ профессоровъ были даже извѣстные знатоки украинской литературы и исторіи изъ Россіи, которые занимали во Львовѣ профессорскія мѣста.

— Мало ли что!

— Да; но какъ же быть теперь? Неужели лишить родного языка дѣтей въ начальныхъ училищахъ, или проповѣди въ церквахъ, или гимназическаго и университетскаго преподаванія на томъ же малорусскомъ языкѣ рядомъ съ каѳедрой на польскомъ?

— Это не суть важно.

— Очень важно; тѣмъ болѣе важно, что все это находится въ кровной связи съ нашимъ, внутреннимъ вопросомъ, наболѣвшимъ въ послѣдніе годы до острой боли.

— Что же это такое?

— Предположите, что въ Галиціи преподаваніе въ начальныхъ училищахъ (хотя бы въ первые два года ученья) будетъ вестись на народной «мовѣ». Вѣдь, тогда Галиція станетъ русской губерніей или областью? И не будетъ никакой коренной разницы между нею и цѣлымъ десяткомъ русскихъ губерній, гдѣ народъ говоритъ на такомъ же славяно-русскомъ нарѣчіи.

— Предположимъ...

— Развѣ это не вызоветъ протестовъ во всѣхъ горячихъ защитникахъ свободы народной рѣчи, среди милліоновъ нашихъ малороссовъ?

— Можетъ быть...

— Не можетъ быть, а навѣрно. Не будетъ ни бытовой, ни логической причины даровать однимъ хохламъ свободу народной рѣчи (хотя бы только въ начальныхъ училищахъ) и упорно отказывать въ ней совершенно такимъ же малороссамъ, какіе живутъ въ Галиціи подъ австрійскимъ прозвищемъ: русины и рутены.

— Это весьма спорный доводъ.

— Спорный или нѣтъ; но вы видите, что «грядущія осложненія» на-лицо, и не только въ завоеванномъ славянскомъ краѣ, но и внутри Россійской державы.

II. „Заурядъ-нарѣчіе“.

Талантливый фельетонистъ газеты „день“ г. Homunculus, неоднократно раздражавшій г-на Струве своими мѣткими характеристиками той позиціи, какую занялъ послѣдній по вопросу объ обрусѣніи Галичины и вообще по украинскому вопросу, откликнулся новымъ фельетономъ, навѣяннымъ постановленіемъ генералъ-губернатора Галичины отъ 26-го марта о судебныхъ установленіяхъ въ занятыхъ русскими войсками частяхъ Галичины. Новый фельетонъ Homunculus'a носящій своеобразный заголовокъ „Заурядъ-нарѣчіе“, отмѣченъ высокимъ гражданскимъ чувствомъ, соединеннымъ съ сознаніемъ историческихъ судебъ украинскаго населенія Галичины, постепенно завоевывавшаго цѣною лишеній, трудовъ и борьбы цѣлаго ряда поколѣній права гражданъ,

права націи, очевидно, не для того, чтобы превратиться, по мысли г-на Струве, въ матеріалъ для удобренія другимъ народамъ. Полагаемъ, что знакомство съ фальетономъ Homunculus'a будетъ не лишнимъ и для нашихъ читателей.

Какъ отнесется,—думалъ я,—г. Петръ Струве къ временной судебной реформѣ, введенной въ Галиціи? Съ одной стороны, мѣстный языкъ признанъ полнарѣчіемъ русскаго языка. Поднарѣчіе это даже меньше, чѣмъ нарѣчіе. Какой-то совсѣмъ незначительный чинъ, нѣчто вродѣ титулярнаго совѣтника въ іерархіи языковъ и нарѣчій. Теоретическую душу г. Петра Струве это должно радовать. Еще больше это должно радовать единомышленника г. Струве, маститаго Іеронима Ясинскаго, который тоже побывалъ въ Галиціи и лично убѣдился, что тамъ украинцевъ нѣтъ и такъ-называемый украинскій языкъ никому не нуженъ. Теоретическій споръ, такимъ образомъ, разрѣшенъ. Поднарѣчіе обязано вытягиваться передъ языкомъ во фронтъ и козырять ему при встрѣчѣ, безъ малѣйшей надежды при этомъ, что оно будетъ произведено хотя бы въ нарѣчіе. Вѣдь поднарѣчіе—это почти жаргонъ, нѣчто заслуживающее презрѣнія, матеріалъ этнографическій, а не политическій. Можно подать иногда снисходительно два пальца при встрѣчѣ нарѣчію, но поднарѣчію только брезгливо киваютъ головой въ отвѣтъ на почтительный поклонъ. По человѣчеству это обидно, но галиційскому поднарѣчію не привыкать-стать. Оно прошло тяжелую школу,—школу нищеты, униженія и борьбы. Оно было жаргономъ при польскомъ шляхетскомъ языкѣ, когда польскій языкъ считался на положеніи нарѣчія при нѣмецкомъ языкѣ. Потомъ произошло общее передвиженіе. Польское нарѣчіе стало языкомъ, а русскій галиційскій жаргонъ сталъ нарѣчіемъ. Это нарѣчіе еще цѣловало по старой памяти руку у польскаго панскаго языка, но уже мечтало о независимости. Каждое слово этого нарѣчія можетъ разсказать полную и мучительную исторію своей борьбы за самостоятельность, за признаніе равноцѣнности за собой. Постепенно, шагъ за шагомъ, нарѣчіе продвигалось изъ людской, изъ конюшни, съ чернаго двора въ панскія хоромы и уже добилось того, что стали принимать его какъ равнаго и, скрѣпя сердце, подавали ему руку и называли его вѣжливо: «панъ языкъ». Постепенно выпрямлялась спина нарѣчія, прямо и безбоязненно смотрѣли глаза, и краска гнѣва вспыхивала при воспоминаніи о времени, когда мужицкое нарѣчіе цѣловало руку гордаго шляхетскаго языка. Теперь, къ великому теоретическому удовольствію г. Петра Струве, языкъ разжалованъ въ нарѣчіе, даже еще ниже—въ «поднарѣчіе». Дѣло, однако, не въ имени. «Если прикажете, буду юнкеромъ называться»,—говоритъ въ малороссійской комедіи зазнавшемуся хозяину-мужику старый работникъ.

Политическая душа г. Петра Струве должна, однако, испытать великое огорченіе. Мѣстное поднарѣчіе допущено въ судѣ наряду съ языками русскимъ и польскимъ. Плебейское поднарѣчіе исправляетъ должность заправскаго языка. Великіе знатоки Га-

лиціи Струве и Ясинскій изъѣздили страну и не замѣтили нарѣчія или поднарѣчія, а оно—вотъ, есть, и даже нельзя обойтись безъ него въ судѣ. Теоретическіе споры—это одно дѣло, а жизнь—другое. Г. Петръ Струве снисходительно допускалъ поднарѣчіе въ младшіе классы школы. Богъ съ нимъ, пусть въ приготовительномъ классѣ побудетъ! Но дальше—ни шага. Дальше государственная опасность, дальше чуть ли не развалъ Россіи. Понадобилось, однако, устроить жизнь не въ газетахъ, не въ кабинетахъ, и планъ, предложенный г. Петромъ Струве, Пфулемъ русской публицистики, оказался никуда негоднымъ. Поднарѣчіе судитъ, обвиняетъ, защищаетъ, поднарѣчіе даетъ свидѣтельскія показанія, поднарѣчіе плачетъ и смѣется, поднарѣчіе поетъ колыбельную пѣсню надъ зыбкой младенца, поднарѣчіе объясняется въ любви и говоритъ проповѣди... Какъ же его устранить!

Поднарѣчіе—это ученый терминъ, и людямъ науки извѣстно, какую форму, какіе погоны носитъ поднарѣчіе. «Не мастерица я петлицы различать». По условіямъ военнаго времени, кажется, удобно было бы называть поднарѣчіе заурядъ-нарѣчіемъ. Заурядъ-нарѣчіе не можетъ претендовать на высокое аристократическое происхожденіе, но заурядъ-воины сражаются, умираютъ и страдаютъ такъ же, какъ и обычные воины. Заурядъ-нарѣчіе служитъ своему дѣлу такъ же, какъ и его превосходительство господинъ языкъ. На первомъ планѣ работа, дѣло, жизнь. Чинопочитаніе придетъ потомъ, и заурядъ-нарѣчіе не откажется почтительно козырять генералу П. Струве, лишь бы онъ не мѣшалъ дѣлу.

Смерть Ѳ. Е. Корша въ откликахъ печати.

Смерть Ѳ. Е. Корша нашла широкій откликъ въ различныхъ органахъ русской печати. Памяти скончавшагося русскаго ученаго помѣщено было много статей, замѣтокъ, воспоминаній, въ которыхъ, подъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ утраты, выяснялось значеніе научной дѣятельности Ѳ. Е. Корша и освѣщались привлекательныя черты личности „патріарха русской науки". На-ряду съ этимъ многіе авторы подчеркивали и въ научной, и въ общественной дѣятельности его исключительно благожелательное отношеніе къ инородцамъ, его выступленія въ защиту правъ негосударственныхъ національностей, а въ частности въ защиту правъ украинскаго народа. Неподдѣльною скорбью звучатъ слова учениковъ покойнаго, научныхъ друзей его и всѣхъ, кто имѣлъ счастье находиться въ общеніи съ нимъ, кто зналъ этого великана науки и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно простого человѣка съ чуткимъ сердцемъ и отзывчивой душой. И характерно: почти всѣ писавшіе о Ѳ. Е. Коршѣ, отмѣчая черты научной біографіи его, подчеркиваютъ высокія душевныя качества его какъ человѣка, привлекавшія къ себѣ каждаго, кто только сталкивался и общался съ покойнымъ. Аудиторія „Украинской Жизни" и болѣе широкіе круги украинскаго общества знали Ѳ. Е. Корша преимущественно какъ защитника правъ украинскаго національнаго творчества; къ этому пусть прибавятся свѣдѣнія о немъ какъ о человѣкѣ, какъ о крупнѣйшей фигурѣ въ наукѣ, поскольку эти черты были освѣщены въ газетныхъ статьяхъ, посвященныхъ памяти друга народовъ.

«Мнѣ, ученику и почитателю Ѳ. Е.,—пишетъ академикъ А. А. Шахматовъ,—выпало счастье быть съ нимъ въ общеніи въ теченіе 35-ти лѣтъ. Когда я мысленно переношусь въ прошлое, я вижу Ѳ. Е. въ многообразныхъ очертаніяхъ. Разностороннее развитіе, широкое образованіе, живая впечатлительность достаточно объясняютъ это многообразіе ученаго, поэта и мыслителя». Говоря далѣе о научной дѣятельности покойнаго,

отмѣчая ея разносторонность и «мощные полеты», за которыми не угоняться было и спеціалистамъ, А. А. Шахматовъ подчеркиваетъ еще «одну сторону его дѣятельности, дорогую не только ученымъ, но и широкимъ кругамъ просвѣщенныхъ людей. Ѳ. Е. становится все отзывчивѣе на волнующіе русское общество вопросы. Отзывчивымъ онъ былъ всегда,—этого требовала отъ него его чуткая и отзывчивая душа,—но теперь онъ отзывается на явленія общественной и государственной жизни съ полной опредѣленностью. Нужны были, повидимому, многіе годы и многія испытанія для того, чтобы между умственной силой великаго ученаго и его нравственнымъ обликомъ установилась гармонія, для того, чтобы скептическій умъ открылъ путь творческаго проявленія чувствамъ, для того, чтобы анализъ привелъ къ блестящему синтезу... Съ благородствомъ и высокимъ достоинствомъ выступилъ Ѳ. Е. на путь общественнаго служенія интересамъ всегда горячо любимой имъ родины. Онъ ярко освѣтилъ одинъ изъ назрѣвшихъ вопросовъ внутренней нашей жизни—малорусскій. Читая статьи Ѳ. Е., посвященныя дѣлу украинцевъ, знакомясь съ его точкой зрѣнія, и великороссъ и малороссъ ясно видятъ, что эти статьи продиктованы сердцемъ славянина, что онѣ составлены русскимъ человѣкомъ, что ихъ писалъ чуткій къ интересамъ родного своего племени человѣка. И въ этомъ гармоническомъ сочетаніи великоросса, русскаго и славянина,—готовое рѣшеніе вопроса съ нашей, великорусской, точки зрѣнія... Теперь, когда передъ русскимъ обществомъ всталъ во всей его сложности національный вопросъ, отсутствіе въ средѣ его Ѳ. Е. Корша будетъ больно ощущаться всѣми тѣми, кого онъ озарялъ свѣтомъ своего ума и горячаго сердца» («Русск. Вѣд.», № 41, 20 II).

Какъ бы дополняя эти прекрасныя слова любви и почитанія, высказанныя крупнымъ русскимъ ученымъ, другомъ и ученикомъ Ѳ. Е. Корша, другой ученикъ его, проф. А. А. Грушка, также близко стоявшій къ покойному, преклоняясь передъ памятью учителя, любовно рисуетъ крупную фигуру того, чье „имя было окружено исключительнымъ, почти легендарнымъ ореоломъ“.

«Потухъ яркій свѣточъ, угасъ огромный, феноменальный талантъ, перестало биться сердце рыцаря духа, неподкупнаго и вдохновеннаго искателя истины. Вся жизнь почившаго—сплошной подвигъ служенія наукѣ. Онъ служилъ ей не только какъ профессіональный ученый, но и какъ человѣкъ, для котораго наука была жизнью въ подлинномъ смыслѣ этого слова. При всемъ разнообразіи научныхъ интересовъ Ѳедора Евгеніевича главный центръ этихъ интересовъ лежалъ въ изслѣдованіи языка, и въ этой области онъ обладалъ совершенно исключительнымъ, мощнымъ, тонкимъ и многостороннимъ талантомъ, который выдвинулъ его въ самые первые ряды языковѣдовъ... Отправляясь отъ языка, Ѳедоръ Евгеніевичъ проникалъ въ самую душу народовъ и отдѣльныхъ писателей; такимъ образомъ, лингвистъ въ его лицѣ соединялся съ филологомъ, и трудно сказать, гдѣ онъ болѣе великъ: въ изслѣдованіи явленій языка, какъ таковыхъ, или въ истолкованіи памятниковъ слова... Онъ съ несравненною тонкостью изслѣдовалъ стихотворныя формы различныхъ народовъ, и работы его въ этой области даютъ ему полное право на одно изъ первыхъ мѣстъ среди метриковъ всѣхъ временъ и народовъ. Любовь къ языку тѣсно связана была у Ѳедора Евгеніевича съ любовью къ человѣку, причемъ это чувство отличалось у него поразительной многогранностью: все человѣческое вызывало въ немъ глубокій жадный интересъ, онъ былъ необычайно общителенъ, проявлялъ широкую терпимость къ людямъ и ихъ убѣжденіямъ, поскольку они казались ему искренними и честными, и умѣлъ относиться къ людямъ съ бережной, чисто женской деликатностью, уважая въ каждомъ человѣческую личность и достоинство» («Русск. Сл.», № 38, 17 II).

„Геніальнымъ, свѣтлымъ и радостнымъ“ называетъ Корша ученикъ его Д. Ушаковъ.

«Люди, имѣвшіе съ нимъ научное общеніе, скажутъ, какъ трудно все, что онъ зналъ, исчерпать полностью; и именно удивленіе передъ глубиной его познаній прежде всего испытывалъ всякій,—классикъ, славистъ, оріенталистъ,—въ бесѣдѣ съ нимъ по своей спеціальности. А это чувство сейчасъ же еще возрастало: вѣдь спеціалистъ понималъ, что къ нему обращена лишь одна сторона этой дивной сокровищницы, но что есть и еще стороны, въ которыхъ Коршъ—такой же хозяинъ. Легендарный ореолъ Корша не исчезалъ при приближеніи къ нему. Но это было не только накопленіе мертвыхъ знаній; жизнь всѣми красками и силами блистала и трепетала въ его обращеніи съ сухими фактами. Талантъ свѣтился живымъ блескомъ и на каѳедрѣ, и въ печати, и въ ученомъ засѣданіи, и въ бесѣдѣ... Не забудется ученый, вызывавшій удивленіе передъ силой своего таланта и питавшій въ насъ гордое сознаніе, что у насъ есть такіе ученые; не забудется и человѣкъ, привлекавшій къ себѣ вниманіе всѣмъ обаяніемъ своего блестящаго таланта» («Русск. Вѣд.» № 39, 19, II).

«Онъ пригоршнями бросалъ вскользь мысли, которыя—увы!—все еще ждутъ прилежнаго пахаря,—говоритъ Вл. Гордлевскій («Русск. Вѣд.», № 40) въ статьѣ «У гроба Ѳ. Е. Корша».

«Языкъ представлялъ для Корша поэтическое слово, отражающее въ себѣ душу народа, и средство для проникновенія въ доисторическую біографію народа. Ѳ. Е. Коршъ разумѣлъ, такъ сказать, языки человѣческіе и ангельскіе, но это не была «мѣдь звенящая или кимвалъ бряцающій». Онъ ощущалъ теплоту жизни въ народѣ, носителѣ языка; народы «униженные и оскорбленные», языки которыхъ говорятъ о богатствѣ духовной жизни, находили въ немъ защитника и покровителя. На первомъ планѣ стояли у Корша русско-польскія и русско-украинскія отношенія. Наканунѣ еще войны, чутко угадывая трагизмъ польскаго и украинскаго народовъ, Коршъ намѣчалъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ основы разумной внутренней политики... Онъ ушелъ; современники могутъ утѣшать себя мыслью, что они испытали на себѣ чарующую прелесть живого слова Корша, наслаждались духовнымъ общеніемъ съ геніальнымъ человѣкомъ».

Еще одинъ ученикъ, проф. А. Крымскій, въ сжатой научной біографіи „патріарха русской науки“, характеризуя отдѣльныя отрасли научныхъ устремленій Корша, говоритъ о немъ какъ о „первоклассномъ знатокѣ множества языковъ всего міра, европейскихъ, азіатскихъ, новыхъ, старыхъ, живыхъ, мертвыхъ“.

«Въ этой области онъ, единственный или одинъ изъ немногихъ въ цѣлой Европѣ, могъ вездѣ равномѣрно, вездѣ съ одинаковою свободою, съ одинаковою сознательностью примѣнять всѣ пріемы научнаго сравнительнаго языковѣдѣнія... Все, что онъ дѣлалъ, носитъ въ себѣ кромѣ того печать самой широкой образованности, не спеціальной языковѣдной, и все проникнуто высокой тонкой эстетикой. Въ соединеніи съ необыкновенной ясностью мысли и остроуміемъ, которое сверкало какъ брызжущій фонтанъ, талантливость и ученость покойнаго академика производили прямое обаяніе на читателя и въ особенности на слушателя. Гдѣ онъ появлялся, тотчасъ вниманіе всѣхъ сосредоточивалось на немъ... По природѣ чуждый политики, онъ воспламенялся какъ гражданинъ. Въ иныя, рѣшительныя минуты онъ способенъ былъ мощно возвысить свой голосъ въ защиту общественной правды... Въ послѣдніе годы своей жизни онъ явился дѣятельнымъ и горячимъ защитникомъ украинской народности, врагомъ стѣсненій и угнетеній, направленныхъ противъ нея».

Коршъ былъ необыкновенно обаятельнымъ лекторомъ, располагавшимъ къ себѣ всякаго, кто хоть разъ имѣлъ возможность слушать его.

Объ этой чертѣ говорятъ не только ученики его въ приведенныхъ отзывахъ о немъ, но и случайные слушатели его.

„Надо было слышать его съ профессорской каѳедры или въ засѣданіи какого-либо ученаго Общества, чтобы почувствовать, какія безпредѣльныя научныя сокровища носилъ въ себѣ этотъ маленькій, живой, искрящійся остроуміемъ старикъ“,—говоритъ авторъ статьи о немъ въ „Приазовскомъ Краѣ“ (№ 18) Ал. С—скій, имѣвшій „великую радость личнаго общенія съ Коршемъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его жизни“.

Ту же черту, среди многихъ другихъ, подчеркиваетъ и проф. Линниченко въ своихъ воспоминаніяхъ о Коршѣ, напечатанныхъ въ „Одесскихъ Новостяхъ“ (№ 21). Къ дару лектора, чаровавшаго слушателей огромными познаніями въ предметѣ, живостью изложенія, блестками остроумія, проф. Линниченко прибавляетъ увлекательность Корша какъ собесѣдника: „Его можно было слушать часами и желать слушать еще вдвое больше. Онъ останавливалъ самое время своей бесѣдой“. Въ бесѣдахъ съ Коршемъ раскрывалась прекрасная душа этого человѣка, обнаруживались глубочайшія познанія въ различныхъ областяхъ научнаго знанія и въ первую очередь въ области филологіи, исторіи литературы и смежныхъ съ ними научныхъ дисциплинъ. Собесѣднику Коршъ открывался въ такія минуты какъ „мужъ совѣта“, умудренный научнымъ опытомъ, претворявшій этотъ опытъ въ новые научные положенія и выводы, блиставшіе смѣлостью построеній и геніальнаго проникновенія. Эти бросаемыя какъ бы вскользь, ad hoc мысли, воспринимаемыя учениками и собесѣдниками Корша, были для нихъ импульсомъ новыхъ исканій, будили научную мысль къ новымъ открытіямъ.

«Нельзя было не преклоняться передъ его поразительной широтой взгляда, побуждавшаго къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, направлявшаго мысль по новымъ путямъ, открывавшаго обширныя перспективы. Какъ много новыхъ геніальныхъ догадокъ дано Коршемъ въ области происхожденія русскихъ словъ! Вотъ гдѣ непосредственное знаніе множества языковъ, поддерживаемое прекрасной эрудиціей, позволяло ему видѣть то, что нерѣдко было неясно другимъ изслѣдователемъ, хотя и талантливымъ, но не обладавшимъ коршевскимъ полетомъ мысли и подготовкой» (Андрей Рудневъ, «Рѣчь», № отъ 18 февраля).

Ѳ. Коршъ прошелъ сравнительно длинный жизненный путь плодотворной научной дѣятельности и служенія научнымъ идеаламъ, оставивъ послѣ себя свѣтлую память, какъ о рѣдкой души человѣкѣ и могучемъ умѣ, вліяніе котораго долго будетъ чувствоваться тѣми, кто имѣлъ счастье быть его ученикомъ. Имя Корша, какъ научнаго дѣятеля, высоко цѣнимое спеціалистами и въ Европѣ, сохранится въ исторіи науки, какъ одно изъ наиболѣе яркихъ именъ, какъ „яркое солнце“ ученыхъ. Это признаніе за именемъ Корша заслуженнаго права на долгую память въ исторіи науки красною нитью проходитъ чрезъ всѣ статьи и замѣтки, появившіяся на страницахъ газетъ въ связи съ его смертью. Но мы не исчерпали бы главнѣйшихъ моментовъ въ содержаніи этихъ статей, если бы не отмѣтили вниманія авторовъ ихъ къ одной страницѣ изъ біографіи покойнаго русскаго ученаго, связанной съ его интересомъ къ украинскому народу и частыми выступленіями его въ защиту національныхъ правъ этого народа. Между тѣмъ не только авторы, статьи которыхъ мы выше цитировали, но и всѣ, кто писалъ о Коршѣ, неизмѣнно останавливаются на этой страницѣ въ жизни Ѳедора Евгеньевича, причемъ нѣкоторые изъ нихъ не могутъ не высказать „сожалѣнія“ по поводу „непріятнаго“ и „нежелательнаго“ для нихъ вниманія Ѳ. Е. къ украинскому вопросу. Достойно отмѣтить здѣсь, что авторъ одной изъ такихъ статей, проф. Н. Ястребовъ, рѣшается объяснить благожелательное отношеніе покойнаго къ украинскому вопросу „недостаточностью историческаго, экономическаго и политическаго образованія“, отсутствіе котораго, по мнѣнію г. Ястребова, мѣшало покойному „разобраться во всей сложности и важности (этого) вопроса для Россіи“ („Биржевыя Вѣдомости“, № отъ 17 февраля). Оставляемъ на совѣсти автора это объясненіе, такъ сказать, „заблужденія Корша“; такое объясненіе скорѣе обнаруживаетъ отрицательное отношеніе самого г. Ястребова къ правамъ украинскаго народа на національное развитіе, чѣмъ объясняетъ причины частыхъ и страстныхъ выступленій Корша по украинскому вопросу. Г-нъ Ястребовъ могъ бы избрать себѣ другое время для обнаруженія своего личнаго отношенія къ тому вопросу, гдѣ, очевидно, его взгляды расходятся со взглядами покойнаго защитника національныхъ правъ украинскаго народа. Именно „сложность и важность для Россіи“ украинскаго вопроса, по достоин-

ству оцѣненная Ѳ. Е. Коршемъ, заставила этого ученаго, никогда, по свидѣтельству его ближайшихъ учениковъ, не ограничившагося сухимъ накопленіемъ знаній, стать гражданиномъ, установить связь, логическое взаимодѣйствіе между силой ума и велѣніями чувства, въ гармоническомъ своемъ соединеніи давшее намъ образъ друга угнетенныхъ народовъ, друга всѣхъ тѣхъ, душу которыхъ онъ зналъ, изучилъ и въ защиту „души“ которыхъ онъ съ такимъ „достоинствомъ и благородствомъ“ выступилъ. Академикъ А. Шахматовъ, статью котораго мы цитировали въ началѣ настоящей замѣтки, болѣе вѣрно объясняетъ психологическіе мотивы исключительнаго вниманія Ѳ. Е. Корша къ украинскому вопросу, когда опредѣляетъ это вниманіе какъ результатъ „борьбы въ умудренномъ житейскимъ опытомъ мыслителѣ, завершившейся торжествомъ общественнаго начала“. Другъ всѣхъ угнетенныхъ народовъ—тѣмъ самымъ сталъ и другомъ украинскаго народа, защитникомъ его правъ и однимъ изъ первыхъ, авторитетныхъ піонеровъ изученія среди русскаго общества украинскаго вопроса. Съ этимъ именемъ „друга нашего народа“ Ѳ. Е. Коршъ останется въ памяти не только тѣхъ украинскихъ дѣятелей, съ которыми онъ входилъ въ общеніе, но и въ исторіи украинскаго возрожденія, которая, несомнѣнно, удѣлитъ ему почетное мѣсто благороднаго признанія и уваженія [1]).

П.

---

[1]) См. статьи С. Петлюра «Памяти Ѳ. Е. Корша, друга украинскаго народа» («Русск. Вѣд.», № 39, и Мережина «Ѳ. Е. Коршъ и украинскій вопросъ («Одесскій Листокъ», 19. II).

На Украинѣ и внѣ ея.

За два мѣсяца.

— 9-го марта генералъ-адъютантъ Дашковъ въ сопровожденіи инспектора лазаретовъ генерала бар. Врангеля посѣтилъ по Высочайшему повелѣнію петроградскій городской украинскій лазаретъ (В. О., Тучкова наб., 4) и отъ имени Его Величества благодарилъ раненыхъ за вѣрную службу Царю и Отечеству.

Двое раненыхъ, Стасевичъ и Дежинъ, награждены георгіевскими медалями за храбрость.

Устроители лазарета, администрація, врачи и санитарный персоналъ удостоились Высочайшей благодарности («Рѣчь», № 67).

Конфискація. Кіевскимъ временнымъ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на украинскій декламаторъ «Досвітні огні», 3-е изд. Е. Череповскаго, стр. 472, цѣна 1 руб. 50 коп., въ которомъ усмотрѣно нарушеніе ст. 73 Уголовн. Уложенія 1903 г. Книга печаталась въ типографіи Чоколова. 10-го марта полиція явилась въ типографію и опечатала все изданіе въ количествѣ 4,000 экземпляровъ. Книга еще не была сброшюрована. «Досвітні огні» раньше были выпущены въ двухъ изданіяхъ.

— Кіевскій губернаторъ разрѣшилъ С. М. Подгорскому издавать въ Кіевѣ украинскій журналъ «З года».

«Нашъ Журналъ». Кіевскій губернаторъ разрѣшилъ П. И. Диденку издавать въ Кіевѣ на русскомъ и малорусскомъ языкахъ двухнедѣльный иллюстрированный журналъ подъ названіемъ «Нашъ Журналъ». Программа журнала: жизнь кооперативовъ. Редакціей журнала особенное вниманіе будетъ удѣлено сельскохозяйственной кооперації. Справки у издателя П. И. Диденка: г. Кіевъ, Б.-Владимірская ул., № 43, «2-я артель печатнаго дѣла».

«Слово» газеты «Кіевъ». Органъ кіевскихъ націоналистовъ продолжаетъ свои поиски по части «уловленія» украинской «гидры». На этотъ разъ вниманіе газеты, взявшей, по замѣчанію «Львовскаго Военнаго Слова», на себя роль «сыщика», привлекла брошюра С. Шелухина «Нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи». Газета недовольна взглядами, высказанными авторомъ брошюры на украинцевъ, а еще болѣе недовольна самимъ фактомъ разрѣшенія брошюры одесской цензурой. По этому поводу газета таинственно замѣчаетъ: «Вообще здѣсь (т.-е. въ Одессѣ) творятся дѣла, которыя въ недалекомъ будущемъ, несомнѣнно, потребуютъ

къ себѣ особливаго вниманія и власти, и общества» (№ отъ 2-го марта). Надо думать, что редакція шумящей и истерично-бросающейся во всѣ стороны газеты очень опечалена, что ея рога не достигаютъ предѣловъ одесскаго военнаго округа.

Закрытіе украинскаго журнала «Тепла Роса». Распоряженіемъ г. главноначальствующаго г. Москвы пріостановленъ на все время дѣйствія чрезвычайной охраны въ Москвѣ популярный сельско-хозяйственный журналъ «Тепла Роса», «за вредное направленіе, особенно выразившееся въ статьѣ «Галичина» въ № 2 журнала».

Протестъ черниговскаго губернатора. Въ занятіяхъ черниговскаго губернскаго земскаго собранія, закончившихся 3-го марта, приведены были между прочимъ въ одномъ изъ докладовъ нѣсколько случаевъ вторженія мѣстной администраціи въ права земства. Такъ, опротестовано мѣстнымъ губернаторомъ постановленіе земскаго прошлогодняго собранія объ открытіи губернской управѣ кредита въ 2500 руб. на изданіе альбома въ ознаменованіе истекшаго столѣтія со дня рожденія Т. Шевченка. Опротестованное губернаторомъ постановленіе земства было внесено на разсмотрѣніе губернскаго земскаго присутствія, которое согласилось съ протестомъ. Нынѣшнее земское собраніе, на основаніи приведенныхъ въ докладѣ ссылокъ на законъ и на рѣшенія сената, уполномочило управу принести на постановленіе присутствія жалобу въ сенатъ («Рѣчь»).

Панихиды по Т. Г. Шевченко. 26-го февраля, въ 54-ю годовщину кончины Т. Г. Шевченка, въ Казанскомъ соборѣ, въ Петроградѣ, была отслужена панихида по покойномъ поэтѣ, на которой присутствовали представители колоніи въ Петроградѣ, члены украинскаго общества «Громада» и общества имени Т. Г. Шевченка.

— 26-го февраля въ Москвѣ, въ церкви Большого Вознесенія, у Никитскихъ воротъ, была отслужена панихида по Шевченку, на которой присутствовали члены редакціи «Украинской Жизни», члены «Кабзаря», украинской секціи общества «Славянской культуры», украинская учащаяся молодежь и представители украинской колоніи въ Москвѣ.

— 26-го февраля въ одной изъ церквей Каменецъ-Подольска, по частной иниціативѣ отслужена панихида по Т. Шевченку. Хотя по этому поводу ни объявленій въ газетѣ, ни особыхъ приглашеній сдѣлано не было, но молящихся собралось все-же значительное число изъ представителей мѣстной украинской интеллигенціи (отъ нашего корреспондента).

— Назначенное на 26-е февраля собраніе украинскаго землячества при московскомъ университетѣ, посвященное памяти Шевченка, администраціей не было разрѣшено.

Изъ жизни украинскаго общества въ Каменцѣ-Подольскомъ (отъ нашего корреспондента). Въ маѣ 1914 г. жандармскія власти произвели обыски въ подольской «Просвѣтѣ» и у 11-ти членовъ ея. Забраны украинскіе книги, журналы, портреты Шевченка и др. изданія, свободно обращавшіяся въ продажѣ, а также переписка. Нелегальнаго начего не обнаружено. Обвиненій никому никакихъ не предъявлено и до сего времени. Въ іюлѣ мѣ-

сяцѣ правленіе «Просвіты» созвало общее собраніе членовъ ея для выясненія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи общества. Часть собранія, имѣя въ виду неблагопріятно сложившіяся условія, предлагала прекратить существованіе общества; другая же часть протестовала противъ «самоубійства». Принявъ во вниманіе малолюдность собранія, рѣшено было, въ виду важности вопроса, созвать вторичное собраніе, съ той же цѣлью, позаботившись предварительно о томъ, чтобы на собраніе явилось большинство проживающихъ въ Каменцѣ членовъ общества. Устройство вторичнаго собранія администрація не разрѣшила. По объявленіи войны жандармскія власти возвратили «Просвітѣ» книги, взятыя при обыскѣ, но членамъ ея ничего изъ взятаго при обыскѣ возвращено не было. Въ октябрѣ мѣсяцѣ правленіе общества «Просвіты», не имѣя возможности созвать общее собраніе для полученія опредѣленныхъ директивъ о дѣятельности общества, вынуждено было, принявъ во вниманіе: 1) что правильное функціонированіе библіотекъ и читаленъ общества въ виду создавшихся условій не возможно, 2) что тѣ же условія затрудняютъ всякую дѣятельность общества, 3) что средства общества изсякли, 4) что члены его въ настоящее время въ первую очередь должны жертвовать свои средства въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, а потому содержаніе общества на ихъ пожертвованія не возможно,— постановило: временно, впредь до наступленія болѣе благопріятныхъ условій, пріостановить дѣятельность общества. Такимъ образомъ, хотя «Просвіта» въ Каменцѣ и не закрыта, но фактически ея нѣтъ, а надолго ли,—не извѣстно.

— Много дѣятелей изъ украинской интеллигенціи Подоліи, особенно изъ народныхъ учителей, ушло въ дѣйствующую армію, какъ призванные изъ запаса нижніе чины и прапорщики.

54-я годовщина смерти Т. Г. Шевченка въ Екатеринославѣ. Дѣятельность екатеринославской «Просвіты» и ея филій въ связи съ войной (отъ нашего корреспондента).

Исполнившаяся 26-го февраля с. г. 54-я годовщина смерти Т. Г. Шевченка отмѣчена была екатеринославскимъ Украинскимъ Литературно-Артистическимъ Обществомъ традиціонной панихидой и большимъ литературно-вокально-музыкальнымъ вечеромъ.

Панихида была отслужена 26-го февраля въ 6 час. вечера въ каѳедральномъ соборѣ. Несмотря на свирѣпствовавшую въ этотъ день въ городѣ снѣжную метель, соборъ былъ переполненъ молящимися, среди которыхъ особенно много было учащейся молодежи; присутствовали также представители различныхъ мѣстныхъ общественныхъ организацій—русскихъ и украинскихъ,— много другихъ почитателей великаго поэта, а также большой нарядъ полиціи. Послѣ панихиды полицейскій чиновникъ составилъ протоколъ по поводу помѣщенія въ газетахъ безъ предварительнаго разрѣшенія объявленій о панихидѣ, хотя никогда прежде такого разрѣшенія не требовалось. Объявленія были напечатаны въ «Южной Зарѣ» и «Приднѣпровскомъ Краѣ». Третье

объявленіе предполагалось помѣстить въ начавшей недавно выходить въ Екатеринославѣ народной газетѣ «Оборона», но редакторъ ея, мѣстный русскій прогрессистъ-адвокатъ Анисимовъ, согласился помѣстить это объявленіе только послѣ предварительнаго разрѣшенія полиціи, да и то только по-русски, тогда какъ всегда въ Екатеринославѣ всѣ мѣстныя газеты, не исключая даже черносотенной «Русской Правды», безпрепятственно печатаютъ эти да и другія объявленія по-украински.

23-го февраля, въ воскресенье, обычная, посвящаемая годовщинѣ смерти, панихида по Шевченку была отслужена также и въ с. Мануйловкѣ, Новомосковскаго уѣзда.

«Великий традіційний Шевченківський вечір» былъ устроенъ у насъ въ этомъ году 7-го марта. Онъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ и собралъ массу публики, переполнившей большое помѣщеніе театра Коммерческаго клуба. Вечеръ начался (произнесеннымъ по-украински) вступительнымъ словомъ Г. Г. Черняховскаго о славянофильствѣ у Шевченка, прослушаннымъ публикой съ глубокимъ вниманіемъ и представляющимъ для настоящаго времени, въ виду наблюдающагося теперь возрожденія славянофильскихъ симпатій, большой интересъ. Въ сжатомъ, но обстоятельномъ изложеніи Г. Г. Черняховскій ознакомилъ слушателей съ подобными русскому славянофильству движеніями въ Зап. Европѣ и въ особенности среди другихъ славянскихъ народовъ, затѣмъ далъ яркую и полную характеристику идеологіи московскихъ славянофиловъ и, наконецъ, перешелъ къ выясненію отношенія Шевченка къ вопросамъ славянскаго единенія, поскольку оно отразилось въ его произведеніяхъ и въ программѣ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, подчеркнувъ при этомъ глубокую, органическую разницу въ отношеніи къ вопросамъ славянскаго единенія у Шевченка, какъ крѣпостного и поэта одного изъ самыхъ обездоленныхъ славянскихъ народовъ, и у московскихъ славянофиловъ, въ большинствѣ баръ-помѣщиковъ и представителей наиболѣе счастливаго члена славянской семьи, никогда не знавшаго національнаго угнетенія, а потому и не проявлявшихъ особенной чуткости къ вопросамъ національнаго равноправія и раскрѣпощенія крестьянской массы. «Отказавшись отъ исключительности московскихъ славянофиловъ, отказавшись отъ ихъ подозрительности, нетерпимости, гордыни и ни на чемъ не основанной идеализаціи прошлаго, Шевченко,—говорилъ въ заключеніе докладчикъ,—гораздо шире ихъ взглянулъ на желательность и возможность славянскаго единства. Внеся сюда присущія ему любовь къ обездоленнымъ, широкую гуманность, стремленіе къ правдѣ-справедливости и полную терпимость къ чужому мнѣнію и вѣрѣ, обращаясь къ людямъ съ призывомъ: «Будьте люде!»—онъ указалъ единственно правильный путь къ достиженію славянскаго сближенія».

Вслѣдъ за вступительнымъ словомъ большой смѣшанный хоръ въ національныхъ украинскихъ костюмахъ подъ управленіемъ талантливаго мѣстнаго регента В. Е. Петрушевскаго красиво и стройно исполнилъ прослушанный, какъ всегда, съ осо-

бымъ вниманіемъ «Заповіт» Шевченка, а затѣмъ послѣдовало исполненіе сольныхъ вокальныхъ и музыкальныхъ номеровъ программы, а также декламаціи. Три раза потомъ еще выступалъ также и хоръ, мастерски исполнившій въ заключеніе одинъ изъ самыхъ красивыхъ номеровъ своихъ, кантату Н. В. Лисенка на слова В. Самійленка «Умер поет», посвященную Шевченку.

Однако самый выдающійся, самый бурный успѣхъ выпалъ на долю артиста кіевской оперы Н. К. Карлашова, съ большимъ артистическимъ чутьемъ и подъемомъ спѣвшимъ нѣсколько поэзій Шевченка въ гармонизаціи Лисенка («Молітесь, братія, молітесь», «Ляхам» и др., а на bis нѣсколько отрывковъ изъ украинскихъ оперъ), и артистки Н. М. Дорошенко, глубоко захватившей аудиторію своей талантливой, художественно-прочувствованной декламаціей такихъ стихотвореній Шевченка, какъ «Вітре буйний», «Чигирин» и (на bis) нѣсколькихъ поэзій, посвященныхъ Шевченку (О. Пчілки и Х. Алчевской). Залъ буквально замиралъ, когда эти артисты исполняли свои номера, и дрожалъ отъ грома долго несмолкавшихъ, восторженныхъ апплодисментовъ, безконечныхъ «браво» и «ще раз», когда они оканчивали.

Впрочемъ и всѣ остальные исполнители встрѣчались публикой также восторженно, особенно артистка саратовской оперы А. А. Вельгій, обладающая очень красивымъ, звучнымъ сопрано. Изъ мѣстныхъ музыкальныхъ силъ въ вечерѣ принимали участіе: теноръ Г. Ѳ. Березницкій, свободный художникъ С. Г. Пергаменщиковъ, исполнившій соло на роялѣ извѣстный лисенковскій «Жалібний марш», и популярный мѣстный общественный дѣятель и композиторъ, членъ городской управы А. Б. Гротто-Слениковскій.

На сценѣ все время на высокомъ постаментѣ стоялъ бюстъ Т. Г. Шевченка, красиво задекорированный зеленью, украинскими плахтами, рушниками и разноцвѣтными электрич. лампочками.

Весь вечеръ былъ выдержанъ въ строгомъ духѣ идейнаго Шевченковскаго праздника и въ этомъ смыслѣ, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны исполненія программы прошелъ безъ всякихъ дисонансовъ, оставивъ самое благопрятное впечатлѣніе. Мѣстныя газеты помѣстили о немъ потомъ очень хорошіе отзывы, а «Южная Заря» цѣликомъ напечатала у себя въ переводѣ на русскій языкъ вступительное слово Г. Г. Черняховскаго.

Это былъ первый и единственный за весь годъ въ Екатеринославѣ большой художественный украинскій вечеръ. Чистая прибыль съ него была распредѣлена потомъ между украинской столовой для дѣтей запасныхъ, призванныхъ на войну, и комитетомъ для оказанія помощи пострадавшему отъ войны населенію Галичины.

Это лишній разъ показываетъ только, насколько серьезно украинское общество въ Екатеринославѣ (какъ, впрочемъ, и повсюду) озабочено различнаго рода нуждами войны. И дѣйстви-

тельно, съ самаго начала военныхъ дѣйствій оно откликается на нихъ всѣми доступными для него средствами. Объ этомъ читатели отчасти знаютъ уже изъ помѣщенной во 2-й книжкѣ «Укр. Жизни» замѣтки о дѣятельности екатеринославскаго Общества «Просвіта» въ связи съ войной. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ этой замѣткѣ, слѣдуетъ упомянуть о пожертвованіи мѣстной «Просвіты» на лазаретъ клуба «Родина» въ Кіевѣ, поддержкѣ, правда, небольшой (по недостатку средствъ), ассигновкахъ семьи одного изъ членовъ «Просвіты», ушедшаго на войну. Слѣдуетъ упомянуть и о цѣломъ рядѣ другихъ выступленій «Просвіты», вызванныхъ обстоятельствами переживаемаго нами времени.

Изъ такихъ выступленій надо отмѣтить лекцію о Галичинѣ, устроенную «Просвітой» съ цѣлью ознакомить широкіе круги мѣстнаго общества съ этимъ, до сихъ поръ почти невѣдомымъ краемъ. Она была прочитана (по-украински) приглашеннымъ изъ Кіева лекторомъ и прошла съ большимъ успѣхомъ при переполненномъ почти залѣ.

Это была первая и единственная до сихъ поръ въ Екатеринославѣ лекція на тему о Галичинѣ. Въ связи съ ней, какъ непосредственный ея результатъ, находится возникшее среди мѣстнаго общества желаніе оказывать и со своей стороны посильную поддержку населенію Галичины въ эти трудные для него дни. Наиболѣе чуткое отношеніе это желаніе мѣстнаго общества нашло себѣ со стороны «Просвіты» и ею же было реализовано. Правленіе «Просвіты» исхлопотало у губернатора разрѣшеніе на организацію въ Екатеринославѣ комитета по оказанію помощи пострадавшему отъ войны населенію Галичины съ участіемъ въ немъ не только членовъ общества «Просвіта», но и постороннихъ лицъ. Хотя разрѣшеніе на организацію этого комитета послѣдовало еще къ началу года, однако, приступлено къ ней было только съ марта, такъ какъ казалось неудобнымъ отвлекать для новыхъ цѣлей благотворительныя силы населенія, пока на очереди были другіе вопросы. Торопиться съ открытіемъ дѣйствій комитета весною побудило внезапное прибытіе въ Екатеринославъ большой партіи бѣженцевъ изъ Буковины.

По уставу дѣятельность «Просвіты» предѣлами города Екатеринослава не ограничивается, а распространяется и на губернію. Что могла, «Просвіта» сдѣлала и въ губерніи. При содѣйствіи ея филіальныхъ отдѣленій въ нѣсколькихъ селахъ были устроены рождественскія елки для дѣтей крестьянъ-воиновъ. Конечно, на эти елки допускались и другія сельскія дѣти, но единственнымъ аргументомъ, заставившимъ правленіе «Просвіты» не отказываться отъ устройства подобнаго рода развлеченій и въ эту годину тяжкихъ испытаній родины, было желаніе хоть однимъ свѣтлымъ лучомъ скрасить сѣрую жизнь деревенскихъ ребятишекъ, остающихся безъ отцовъ и лишенныхъ даже той доли общественнаго вниманія и участія, которыя все-же удѣляются ихъ городскимъ собратьямъ въ видѣ хотя бы дѣтскихъ садовъ, дѣтскихъ вечеровъ и утръ и т. п. И дѣйствительно, эти елки

были настоящимъ праздникомъ для села и всюду прошли съ громаднымъ успѣхомъ. Такъ писали, по крайней мѣрѣ, потомъ о нихъ крестьяне:

«Діти на ялинці [1]) почували себя високо,—писали, напримѣръ, изъ одного села,—були дуже раді, остались ялинкою дуже задоволені і висловили [2]) «Просвіті» велику й щиру дяку» [3]). Въ другомъ письмѣ сообщалось, что за невозможностью достать другое помѣщеніе елка была устроена «в селянській хаті, дітей було 150 душ, а дорослих—повен двір». Дѣти пѣли колядки и щедрівки, декламировали байки и вірші [4]), играли на граммофонѣ народныя пѣсни, но «скоро треба було росходитись, бо лямпи погасли од духоти».

На всѣ елки были высланы заготовленные «Просвітой» коленкоровые мѣшочки съ надписями «Шануйте Рідний Край!» (чтите родину!), дѣтскія книги, елочныя украшенія и сладости или деньги для ихъ покупки. Всего заготовлено было 1,800 мѣшочковъ и книжекъ, но въ двухъ изъ намѣченныхъ селъ отъ устройства елокъ пришлось потомъ отказаться: въ одномъ изъ-за боязни распространить среди дѣтей свирѣпствовавшую тамъ эпидемію оспы и дифтерита (с. Перещепино), а въ другомъ—изъ-за отказа мѣстнаго священника предоставить для елки помѣщеніе церковно-приходской школы безъ предварительнаго разрѣшенія на то епархіальнаго училищнаго совѣта, къ которому обращаться было уже поздно.

Состоялись елки въ семи селахъ Екатеринославской губерніи—Мануйловкѣ, Діевкѣ, Каменкѣ, Подгородней, Одинково, Чапляхъ и Малой Козырщинѣ. Это вызвало расходъ въ 254 рубля, большинство которыхъ собрано было членами «Просвиты», остальное же выдало правленіе ея изъ кассы о-ва. Кромѣ денегъ, много пожертвованій поступило также сладостями, коленкоромъ и елочными украшеніями. Эти послѣднія были изготовлены и пожертвованы учениками младшаго приготовительнаго класса одной изъ мѣстныхъ среднихъ школъ.

Помимо иниціативы изъ города, филіальныя отдѣленія «Просвіты» старались и вполнѣ самостоятельно, собственными силами, откликаться на нужды войны, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлали это еще раньше городской «Просвіты». Такъ, уже 1-го августа 1914 года отдѣленіемъ о-ва въ с. Перещепино въ пользу семействъ запасныхъ былъ устроенъ концертъ съ участіемъ опернаго пѣвца М. Д. Домарко, мѣстнаго уроженца. Другое отдѣленіе «Просвіты», въ с. Діевкѣ, 6-го сентября устроило спектакль изъ трехъ водевилей («На перші гулі», «Панська хворість» и «Жінка з голосом») въ пользу семействъ нижнихъ чиновъ, ушедшихъ на войну. Чистая прибыль отъ спектакля передана была мѣстному сельскому комитету.

Развиться сколько-нибудь значительно дѣятельность сельскихъ «Просвіт», правда, не могла, такъ какъ война вырвала

---

[1]) Ялинка—елка, [2]) висловили—выразили, [3]) дяка—благодарность, [4]) байки и вірші—басни и стихи.

изъ ихъ рядовъ слишкомъ много работниковъ. «Просвіта» въ с. Перещепино отмѣчаетъ это и въ своемъ годовомъ отчетѣ: «Друга половина року [1]) в життї товариства нічим не визначалась [2]), бо більшість членів забрано на війну, і рада [3]) робила тілько те, на що була спромога» [4]). Изъ крестьянъ села Діевки, состоявшихъ членами діевскаго отдѣленія «Просвіты» [5]), призваны по мобилизаціи: руководитель филіи и предсѣдатель правленія ея П. А. Бѣлицкій, секретарь правленія П. И. Капшученко и еще 18 членовъ, изъ коихъ одинъ, а именно Самійло Клюшныкъ, уже раненъ.

Что касается «Просвіты» въ Екатеринославѣ, то изъ членовъ ея, по моимъ случайнымъ и неполнымъ свѣдѣніямъ, призваны до сихъ поръ: членъ правленія докторъ Е. А. Павловскій, предсѣдатель комиссіи по устройству вечеровъ инженеръ Г. С. Казановскій, бывшій товарищъ предсѣдателя о-ва инженеръ И. Ф. Пенчукъ, бывшій членъ правленія кооператоръ А. И. Пацаль и еще 16 членовъ, изъ которыхъ докторъ М. А. Марковъ, работавшій въ отрядѣ «Краснаго Креста» на театрѣ военныхъ дѣйствій, недавно умеръ отъ остро-кишечнаго заболѣванія, а З. М. Зороховичъ былъ раненъ въ обѣ ноги, выздоровѣлъ и находится на военной службѣ. Г-жи А. А. Борщевская и Г. Н. Емецъ работаютъ въ качествѣ сестеръ милосердія.

Евг. Виров—й.

Галицкая выставка въ Петроградѣ. При музеѣ Александра III въ Петроградѣ открыта этнографическая выставка предметовъ украинскаго быта и кустарнаго производства украинскаго населенія Галичины. Офиціально выставка именуется «временной этнографической выставкой русскаго населенія Галиціи, Буковины и Венгріи». Обозрѣватель выставки С. Любошъ въ «Рѣчи» (№ 82, 26-го марта) дѣлится слѣдующими впечатлѣніями отъ посѣщенія ея:

«Невелика эта выставка, но интересна, своевременна и поучительна.

Бойки, лэмки, гуцулы, угорскіе русины представлены здѣсь въ разнообразіи своихъ типовъ, одеждъ, домашней утвари, украшеній. И все это разнообразіе далеко еще не исчерпываетъ особенностей красочнаго быта галиційскихъ славянъ. Работа этнографическаго отдѣла музея Императора Александра III въ этомъ направленіи, хотя и производилась въ теченіе 4-хъ лѣтъ, съ 1904 по 1907 гг., но при довольно ограниченныхъ средствахъ и почти единоличномъ участіи въ собираніи матеріаловъ хранителя отдѣла Ѳ. К. Волкова, объѣздившаго Галицію, большаго и трудно было достигнуть.

Однако и то, что есть, представляетъ огромный интересъ, не только энтографическій, но и художественный.

---

[1]) Рік—годъ, [2]) визначалась—выдѣлялась, [3]) рада—совѣтъ, правленіе, [4]) спромога—возможность. [5]), Всего въ этомъ отдѣленіи, считая и иногородныхъ, въ 1914 году было 50 членовъ.

Давно потерявшіе свою политическую независимость, галиційскіе малороссы, находясь подъ вліяніемъ поляковъ, нѣмцевъ, венгровъ и румынъ, сумѣли отстоять свой языкъ, свою одежду, всѣ особенности своего быта. Конечно, въ одеждѣ, въ орнаментахъ можно замѣтить присутствіе элементовъ и польскихъ, и румынскихъ, и венгерскихъ, но сквозь всѣ эти наслоенія ярко проглядываетъ свое, самобытное, и самыя наслоенія большею частью ассимилировались съ этимъ самобытнымъ, своимъ.

Порою въ самомъ обликѣ галиційскихъ славянъ трудно узнать славянскій типъ, особенно въ бритыхъ лицахъ лэмковъ и бойковъ, которые бреютъ не только бороды, но и усы. Но зато въ одеждѣ эти народности сохранили тѣ древнія славянскія черты, которыя давно уже исчезли въ нашихъ народныхъ костюмахъ и встрѣчаются только въ лѣтописныхъ описаніяхъ княжескаго періода Кіевской Руси.

Нѣкоторыя украшенія,—напримѣръ, носимыя гуцулами стеклянныя бусы,—находятъ въ Россіи только въ курганахъ, а «згарды», ожерелья изъ мѣдныхъ крестовъ, весьма интересной, хотя и примитивной работы, находятъ только въ древнихъ погребеніяхъ.

До чего примитивенъ мѣстами бытъ галиційскихъ славянъ, можно судить по тому, что среди предметовъ домашняго обихода имѣется еще первобытный деревянный снарядъ для добыванія огня посредствомъ тренія.

И при такой примитивности быта, при бѣдности жилищъ, о которой можно судить по многочисленнымъ выставленнымъ здѣсь фотографіямъ, особенно поражаетъ высокая и безспорная художественность одеждъ, утвари и предметовъ украшенія.

Своеобразная красота выставленныхъ предметовъ выгодно отличается отъ многаго, что мы видѣли на нашей кустарной выставкѣ. Здѣсь, въ Галиціи, повидимому, не додумались еще до казеннаго «поощренія», а главное,—до казеннаго инспированія народнаго творчества.

На нашей кустарной выставкѣ мы видѣли слишкомъ много печальныхъ примѣровъ воздѣйствія казенныхъ инструкторовъ на кустарей, мы видѣли мертвящее и опошляющее воздѣйствіе шаблоновъ, надуманныхъ и извнѣ навязанныхъ кустарямъ. На галиційской выставкѣ предметы производятъ впечатлѣніе подлинныхъ, не приспособляющихся къ рынку и къ любителю-коллекціонеру.

Обращаетъ на себя вниманіе гуцульская печь, работы мастера Петра Кошана въ Пистыни, представляющая собой точную копію съ печи въ его собственной хатѣ. Печь покрыта пестрыми изразцами съ низкимъ рельефнымъ рисункомъ самаго разнообразнаго содержанія.

Выдѣляются также инкрустаціи и разныя деревянныя издѣлія гуцуловъ: пороховницы, топорци—трости съ топориками, украшенныя мѣдной чеканкой или инкрустаціей, и деревянныя рѣзныя блюда. Матеріалъ самый простой: некрашенное дерево съ рѣзнымъ тонкимъ узоромъ и инкрустація изъ обыкновеннаго стекляннаго бисера, изъ витой мѣдной проволоки. Тутъ же выставлена фотографія крестьянина мастера Шкрибляка, одного изъ извѣстныхъ среди гуцуловъ артистовъ по рѣзьбѣ и инкрустаціи.

Совершенно исключительный интересъ представляетъ витрина съ раскрашенными яйцами-писанками. Эти писанки, раскрашенныя невѣдомыми гуцульскими женщинами, изумительны по красотѣ, по тонкости и разнообразію узоровъ и по гармоніи красокъ. Есть тутъ узоры, встрѣчающіеся и у насъ, въ Малоросіи, но немало и совершенно оригинальныхъ. Увѣренность и точность рисунка, богатство сочетаній, благородство тоновъ—все это свидѣтельствуетъ объ исключительной художественной одаренности гуцульскихъ женщинъ.

Распространены, повидимому, между русинскими женщинами работы изъ бисера. Есть женская соломенная шляпа, вся обтянутая великолѣпной бисерной вышивкой.

Совершенно оригинальны и церкви, особенно трехкупольныя. Есть фотографія церкви, въ которой всѣ наружныя стѣны сверху до низу расписаны изображеніями и сценами изъ священной исторіи.

Вообще эта скромная на видъ выставка даетъ очень яркое представленіе о томъ новомъ мірѣ, съ которымъ теперь придется считаться Россіи.

Вѣками подъ гнетомъ польскимъ и австрійскимъ, подъ вліяніемъ венгерскимъ и румынскимъ, сохранили эти галиційскіе славяне свои національныя особенности, а теперь являются доктринеры-націоналисты и съ легкимъ сердцемъ говорятъ, что именно освободители должны посягнуть на особенности языка и быта.

Какъ было бы полезно, если бы доктринеры-націоналисты посѣтили эту выставку и задумались надъ вѣмъ, какъ сложна, красочна и тонка жизнь всякой народности и особенно такой, которая вѣками устойчивости доказала свое право на особенность, на самоопредѣленіе.

Всенивеллирующая буржуазная культура и безъ того разъѣдаетъ старинную красочность народнаго быта, и здѣсь, на выставкѣ, мы видимъ многое, уже исчезающее. Исчезнутъ совершенно и эти одежды, обвѣянныя такой наивной красотой, исчезнутъ черты этой индивидуальной художественности, и придетъ имъ на смѣну пошлый фабричный шаблонъ. Но русскій языкъ и великорусская культура вѣдь не фабричный продуктъ, не товаръ съ клеймомъ «made in Germany», который коммивояжеры навязываютъ всему свѣту.

И тѣмъ важна эта выставка, что она наглядно напоминаетъ о томъ, какъ цѣнны органически выросшіе, а не извнѣ навязанные плоды народнаго творчества, все то, въ чемъ народъ по внутренней потребности выразилъ свою душу»...

Музей, могила и школа Кулиша.

(Отъ нашего корреспондента).

2-го февраля исполнилось 18 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго украинскаго писателя, переводчика Библіи на украинскій языкъ, основателя новаго украинскаго правописанія и автора многихъ сочиненій П. А. Кулиша. Похороненъ онъ въ хуторѣ Мотро-

новкѣ, въ 7 вер. отъ гор. Борзны, Черниг. губ., рядомъ съ редакторомъ журнала «Основа» Бѣлозерскимъ. Жена Кулиша, писательница А. М. Кулишъ («Ганна Барвінокъ»), очень любила и цѣнила своего мужа: она въ продолженіе 13 лѣтъ, до самой смерти, жила лѣтомъ въ Борзенскомъ уѣздѣ: берегла дорогую ей могилу, а также реликвіи, оставшіяся послѣ Кулиша. Съ помощью мѣстнаго помѣщика кн. Кочубея она перенесла домъ съ хутора въ с. Конашевку и тамъ превратила его въ музей имени Кулиша, состоящій изъ 4-хъ большихъ комнатъ; въ немъ находились: большая цѣнная библіотека, фотографіи, адреса, портреты, альбомы, верстакъ, на которомъ работалъ Кулишъ, инструменты, мебель и пр. Въ немъ бывало много народа: писателей, общесвенныхъ дѣятелей, простыхъ селянъ. Всѣхъ одинаково радостно встрѣчала «Ганна Барвінок», разсказывала про Кулиша, Шевченка. Землю свою въ хуторѣ она продала и начала издавать въ 20 томахъ сочиненія и письма своего мужа. Отъ хутора Кулиша осталась только возлѣ могилы ¼ десятины. Это мѣсто Г. Б. обнесла частоколомъ, часто его посѣщала и тамъ работала: обсаживала ее цвѣтами, писала, любила раздавать здѣсь дѣтямъ мѣстнаго населенія книги. Ежегодно, 27-го іюля, въ день рожденія П. А. Кулиша, она служила на могилѣ панихиду. Обыкновенно на могилу въ этотъ день стекалось очень много народа, иногда больше 2,000 душъ; бывали здѣсь и писатели. «Ганна Барвінок» и много людей, по традиціи, приходили сюда въ украинской одеждѣ.

Въ 1911 году «Ганна Барвінокъ» умерла на 84-мъ году жизни и похоронена рядомъ съ Кулишемъ. Такъ какъ не было прямыхъ наслѣдниковъ, полиція музей запечатала. Родственницы гг. Слинько и Половикъ представили на 4,000 руб. векселей; состоялись торги.

На торгахъ были проданы за 334 руб. 90 коп. стулья, шкафы, столы, диваны, кресла, комоды, умывальникъ, подушки, часы, ширмы, столярный станокъ, инструменты и пр. инвентарь. Кромѣ того г-жа Слинько оставила за собою книги и одежду. Что же касается рукописей, портретовъ, альбомовъ, адресовъ, то они были оцѣнены въ 300 руб. и въ продажу не вошли. Теперь все это находится у опекуна П. Дубянскаго, тогда какъ мѣсто имъ, казалось бы, должно быть въ музеѣ. Никто этимъ не интересуется, и все это находится въ сараѣ.

Земля подъ музей была пожертвована кн. Кочубеемъ г-жѣ Лукашъ, она же, воспользовавшись тѣмъ, что домъ не былъ внесенъ въ опись, продала его, какъ свой собственный, и теперь этотъ домъ проданъ и перенесенъ въ г. Борзну. Правда, г-жа Слинько часть изъ оставленныхъ за собою вещей передала въ «Київський український музей», но она, имѣя вексель на 2,000 р., казалось бы, должна была оставить за собою и домъ. Она почему-то этого не сдѣлала. Цѣня заслугу Кулиша, черниговская губернская земская управа поручила борзенской уѣздной управѣ собрать свѣдѣнія, возможно ли возвратить домъ и реликвіи Кулиша и за сколько. Какой отвѣтъ былъ борзенской управы, не извѣстно, но она ассигновываетъ ежегодно по 50 руб. на содержаніе могилы.

Давно уже борзенскіе казаки собрали 10,000 руб., «Ганна Борвінок» прибавила свою 1,000 руб. и устроила въ Борзнѣ трехклассную школу въ память Кулиша. Было постановленіе при началѣ учебнаго года ежегодно служить по Кулишу панихиду и школу называть его именемъ. Но ни того, ни другого почему-то нѣтъ.

Несмотря на тяжелое время, переживаемое теперь, въ прошломъ году, 27-го іюля панихида на могилѣ Кулиша также состоялась, собралось почитателей человѣкъ 50, и панихиду пѣлъ любительскій хоръ.

Смерть и похороны Ѳ. Е. Корша.

16-го февраля, въ 2 ч. дня, послѣ долгой и тяжкой болѣзни скончался извѣстный европейскій ученый, академикъ, другъ угнетенныхъ народовъ, популярный среди украинскаго общества, сотрудникъ нашего журнала Ѳ. Е. Коршъ.

Ѳ. Е. Коршъ страдалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ; ноябрь и декабрь онъ былъ прикованъ къ постели; въ концѣ декабря ему стало нѣсколько лучше, и онъ даже сталъ ходить, но потомъ болѣзнь начала прогрессировать и внушать серьезныя опасенія. Произведенную операцію больной перенесъ сравнительно благополучно, но старое сердце и изстрадавшійся организмъ не выдержали борьбы со смертью, и «друга украинскаго народа» 16-го февраля не стало. До послѣднихъ дней покойный интересовался вопросами, связанными и выдвинутыми войной, и болѣзненно реагировалъ на событія украинской жизни какъ въ Россійской Украинѣ, такъ и въ Галичинѣ. Часто жаловался, въ бесѣдѣ съ членами редакціи нашего журнала, посѣщавшими больного, что болѣзнь не позволяетъ ему высказаться въ печати по вопросу о моментѣ и о томъ положеніи, въ которомъ очутились украинцы и которое онъ считалъ совершенно ненормальнымъ.

Смерть Ѳ. Е. Корша вызвала искреннее сожалѣніе въ научныхъ и общественныхъ кругахъ. Острою болью отозвалась она и среди украинскаго общества, гдѣ личность и дѣятельность покойнаго академика, благодаря нелицепріятнымъ и авторитетнымъ выступленіямъ его по украинскому вопросу, пользовалась исключительнымъ уваженіемъ. Украинская колонія Москвы, въ лицѣ ея литературныхъ, общественныхъ и студенческихъ организацій, отражая отношеніе къ покойному всего украинскаго общества, чутко откликнулась на смерть популярнаго въ ея средѣ Ѳ. Е. Корша. На панихидахъ украинская колонія Москвы была представлена многочисленными членами, явившимися въ особенности въ большомъ числѣ на отпѣваніе и похороны. Всю дорогу, по коей совершался путь къ мѣсту послѣдняго упокоенія Ѳ. Е. Корша, отъ университета до Донского монастыря, пѣлъ импровизированный хоръ изъ украинскихъ студентовъ и курсистокъ совмѣстно со студентами Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Впереди траурной процессіи съ гробомъ выдѣлялись депутаціи студентовъ и курсистокъ, несшія на рукахъ вѣнки отъ украинскихъ организацій: отъ редакціи «Украинской

Жизни» съ надписью: «Другові народа українского»; отъ «Кобзаря» съ надписью: «Оборонцеві української мови, оборонцеві правди, добра, світлих ідеалів»; отъ «Украинской Секціи О-ва «Славянской Культуры» съ надписью: «Оборонцю правды» и отъ украинцевъ-студентовъ.

За гробомъ, среди многихъ депутацій различныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, а также многочисленныхъ почитателей покойнаго, слѣдовали члены украинской колоніи, тѣсной группой окружившіе потомъ могилу незабвеннаго Ѳ. Е. Корша. Краткая литія, и гробъ опускаютъ въ могилу. Комья земли изъ рукъ рыдающей семьи, близкихъ, учениковъ и почитателей опускаются на крышку гроба... Склоненныя головы и длительное глубокое молчаніе всѣхъ, пока вырастаетъ холмикъ надъ могилой. Заботливыя и любящія руки студентовъ и курсистокъ украшаютъ многочисленными вѣнками могилу, и среди этой изгороди вырисовываются ярко надписи: «Гордости и славѣ русской науки», « Classicorum avo nepotes », «Благоговѣйная память великому ученому» и др., а на фонѣ пальмовыхъ вѣтвей сверкаютъ золотые колосья ржи, синѣютъ яркіе васильки изъ вѣнка, возложеннаго «Кобзарем». Не хочется уходить отъ дорогой могилы, скрывшей великаго ученаго, прекраснаго человѣка, не сказавъ послѣдняго «прости». Взволнованнымъ голосомъ нарушаетъ молчаніе ученикъ покойнаго проф. А. Грушка; онъ говоритъ о Коршѣ какъ великомъ ученомъ и великомъ человѣколюбцѣ, который былъ «больше чѣмъ звѣздой первой величины на горизонтѣ русской науки: онъ былъ ея яркимъ солнцемъ». Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь преподавателя Лазаревскаго института Мирзы-Джаферъ-хана, сказанная по-персидски, отмѣтившаго неоцѣнимую пользу, оказанную покойнымъ востоковѣдѣнію и въ особенности персидскому языку. За этой произноситъ краткую рѣчь С. В. Петлюра: «Дорогой братъ! Когда мнѣ хочется сейчасъ найти слово, которое могло бы выразить всѣ тѣ чувства, какія переживаютъ въ минуту тяжелой утраты и вѣчной разлуки украинцы, я нахожу это слово: «дорогой братъ». Отъ имени украинцевъ, знавшихъ и любившихъ тебя, кладу земной поклонъ тебѣ, какъ брату. Твое отношеніе къ Украинѣ и украинскому народу было поистинѣ братскимъ въ просвѣтленномъ и интимно-углубленномъ пониманіи этого слова. Интересамъ нашего народа ты отдалъ все, что могъ дать: необъятное знаніе и горячее, любящее сердце. Отстаивая права народностей, и въ томъ числѣ украинской, ты ратовалъ за предоставленіе этимъ народностямъ права на самоопредѣленіе и нестѣсненное развитіе. Эту братскую твою помощь и услугу никогда не забудутъ на Украинѣ, гдѣ смерть твоя отозвалась глубокой скорбью. Ты зналъ душу души нашей—нашъ родной языкъ. На языкѣ этой души прими послѣднее «прости» отъ украинскаго народа: «За щиру порадоньку, за слово сердечне , за добрий привіт і дружню допомогу прийми щире спасибі і земний поклін». Слѣдуютъ рѣчи студентовъ, и медленно, нехотя уходятъ съ кладбища пришедшіе отдать послѣднюю дань уваженія и любви «великому ученому и великому человѣколюбцу».

Отклики украинцевъ на смерть Ѳ. Е. Корша. Кончина Ѳ. Е. Корша вызвала глубокое соболѣзнованіе и горечь по невознаградимой утратѣ. Семьей покойнаго, редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» и редакціей нашего журнала получены были между прочимъ слѣдующія телеграммы и письма:

Кіевъ. «Українське Наукове Товариство оплакує смерть незабутнього Ѳедора Евгеніевича, свого высокоповажного члена і співробітника». За голову товариства Микола Василенко.

«Київське Громадське Зібрання «Родина» висловлює вамъ свій глибокій і невіджалований жаль по вашій і нашій втраті». Голова ради старшин Старицька-Черняхівська.

«У щасливого вороги мруть, а нещасного і останній друг покидає. Перекажіть моє щире спочуття редакціі та родині славнаго небіжчика». Ефремов.

Петроградъ. «Глубоко сочувствуемъ вашему горю. Вмѣстѣ съ вами переживаемъ тяжесть невознаградимой утраты славнаго ученаго и великаго гражданина». Волковъ, Лотоцкій, Славинскій, Стебницкій.

«Українське Громадське Зібрання «Громада» прохає редакцію «Украинской Жизни» передати родині покійного Хведора Евгенієвича вислови глибокого жалю та співчуття з приводу тяжкої втрати в особі небіжчика, одного з небагатьох нашіх друзів серед російського громадянства, так потрібних для нас в теперішній відвічальний момент. Вічна память горячому прихильникові рівноправности всіх покривжених славянських народів». Голова ради старшин Корчинский.

«Кружокъ украиновѣдѣнія при петроградскомъ университетѣ выражаетъ глубокое соболѣзнованіе и сочувствіе по случаю горестной, въ лицѣ покойнаго Ѳедора Евгеніевича, утраты, которую потерпѣла украинская наука и общество». Предсѣдатель правленія Мироненко.

Москва. «Благодарная Украина всегда будетъ помнить профессора-гражданина, не разъ подымавшаго свой высоко-авторитетный голосъ въ защиту угнетенныхъ національностей». Студенты-украинцы Московскаго сельско-хозяйственнаго института.

«Покойный ученый своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ украинскому національному движенію и безпристрастіемъ своихъ научныхъ изслѣдованій являлъ рѣдкій примѣръ глубокаго пониманія національно-культурныхъ нуждъ украинскаго народа». Студенты-украинцы коммерческаго института.

«Украинки-курсистки Голицынскихъ курсовъ выражаютъ глубокую скорбь по поводу кончины «проповѣдника правды и справедливости».

«Вмѣстѣ съ вами и мы, украинцы московскаго университета переживаемъ тяжелую утрату».

Ростовъ н./Д. «Въ лицѣ Ѳ. Е. Корша понесли великую потерю не только русская наука и общество, но и всѣ угнетенные славянскіе народы, стоящіе нынѣ на рубежѣ, за которымъ еще все такъ

смутно и темно. Украинцамъ въ особенности нуженъ былъ его честный, искренній, авторитетный голосъ, и они испытываютъ глубокую печаль отъ незамѣнимой утраты. Да будетъ легка земля нашему дорогому и незамѣнимому защитнику и другу».

Екатеринодарь. «З великою пошаною схыляємо свої сумні голови над труною великого вченого Хведора Корша». Кубанські українці.

Харьковъ. «Невимовною тугою відбилася на харьківських українцях сумна звіска про несподівану передчасну смерть високошановного професора Корша. Закрилось навіки ясне сонце, що довгі часи гріло і живило людські душі, виддаючи велику частину животворчого промінь сривдженій історичною долею українській націі, відроджуючи въ ній надію на кращу будучину. «Харьківське літературно-етнографічне товариство Квітка-Основяненка» разом зо всіма українцями льє гіркі сльози над могилою незабутнього оборонця національно-культурных прав іх;—царство душі і пером земля славному лицареві правди і просвіти». Голова товариства Кость Бич-Лубенський.

«Кончина глубокаго ученаго, друга народовъ, защитника ихъ въ наиболѣе дорогихъ имъ областяхъ родного языка и культурнаго самоопредѣленія, всегда отзывчиваго, добраго и ласкового професора Корша, вызываетъ во мнѣ искреннее огорченіе. Прошу передать его семьѣ соболѣзнованіе». Професоръ Сумцовъ.

Чествованіе памяти Ѳ. Е. Корша въ Москвѣ.

Мѣстная украинская колонія почтила память Ѳ. Е. Корша устройствомъ 1-го марта с. г. собранія въ помѣщеніи украинскаго муз.-драм. кружка «Кобзарь». Помѣщеніе «Кобзаря» было переполнено.

Собраніе открылъ предсѣдатель комитета Украинской секціи О-ва славянской культуры С. А. Сѣрополко краткой рѣчью, посвященной памяти Ѳ. Е. Корша. Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ дѣятельность Ѳ. Е. въ качествѣ члена украинскихъ организацій въ Москвѣ, С. А. Сѣрополко указалъ на ту незамѣнимую утрату, какую понесли въ лицѣ покойнаго украинское общество вообще и украинская колонія въ Москвѣ въ частности. Память о Ѳ. Е. особенно дорога московской колоніи украинцевъ, собранія которой Ѳ. Е. часто посѣщалъ, внося всегда большое оживленіе своими выступленіями.

Коршъ былъ многограннымъ ученымъ: о немъ спорятъ, какъ о Гомерѣ, желая причислить его каждый къ своей спеціальности, но сегодня пусть будетъ онъ нашъ,—закончилъ предсѣдатель свое вступительное слово и предложилъ собранію почтить память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ была прочитана біографія Ѳ. Е. Корша ученикомъ покойнаго В. Козинцевымъ.

Далѣе С. В. Петлюра въ пространной рѣчи познакомилъ собраніе со взглядами покойнаго Ѳ. Е. на украинскій вопросъ,

съ дѣятельностью его во многочисленныхъ учрежденіяхъ, комиссіяхъ, въ украинскихъ организаціяхъ въ Москвѣ, всегда неизмѣнно направленной на защиту правъ украинскаго народа, и, наконецъ, въ послѣдніе годы съ публицистическими выступленіями на страницахъ русскихъ и украинскихъ періодическихъ изданій.

Если широкіе круги русскаго общества знали покойнаго, какъ великаго ученаго—языковѣда, если украинское общество видѣло въ немъ защитника своихъ правъ, то мѣстная украинская колонія, многіе члены которой непосредственно видѣли Ѳ. Е. на собраніяхъ, слышали его выступленія, а нѣкоторые были и въ болѣе близкомъ общеніи съ нимъ, имѣетъ возможность во всей полнотѣ оцѣнить значеніе покойнаго для украинскаго общества, его роль въ украинскомъ движеніи.

Въ послѣдніе годы Ѳ. Е., взявъ въ руки перо публициста, своими выступленіями по украинскому вопросу пріобрѣлъ широкія симпатіи украинскаго общества. Однако, и ранѣе того Ѳ. Е. неоднократно выступалъ въ той же роли защитника правъ украинскаго народа если не путемъ печати, то, пользуясь своимъ авторитетомъ, вліяніемъ, а подчасъ и связями. Въ годы тяжелыхъ репрессій на украинское печатное слово Ѳ. Е. добивался частичныхъ послабленій, права на изданіе той или иной книги, а въ 1905 году сыгралъ видную роль въ извѣстномъ выступленіи Академіи Наукъ за отмѣну стѣсненій, тяготѣвшихъ надъ печатнымъ украинскимъ словомъ. Многіе изъ такихъ фактовъ не сдѣлались достояніемъ гласности, и потому широкіе круги украинскаго общества могли оцѣнить заслуги Ѳ. Е. только по печатнымъ выступленіямъ и то лишь въ послѣдніе годы.

Въ отношеніяхъ Ѳ. Е. къ украинцамъ проглядывало не формальное доброжелательство и сочувствіе, а глубокое пониманіе національно-культурныхъ нуждъ украинскаго народа и прозрѣніе будущаго значенія для государства большой проблемы, которая съ логикою фактовъ встаетъ передъ Россіей въ связи съ развитіемъ украинскаго движенія. Онъ какъ бы предчувствовалъ это будущее и въ предвѣдѣніи его старался подготовить русское общество къ правильному пониманію украинскаго вопроса. Докладчикъ путемъ анализа статей покойнаго ознакомилъ аудиторію съ той схемой, въ которую уложены взгляды Ѳ. Е. Корша на задачи украинства и его современное положеніе, отмѣтивъ при этомъ глубокія познанія предмета и широкую гуманитарную и истинно-государственную трактовку украинскаго вопроса. Докладчикъ дальше много вниманія удѣлилъ характеристикѣ покойнаго просто какъ человѣка, обаятельный образъ котораго навсегда останется въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ радость общенія съ нимъ.

Въ послѣдніе дни своей жизни, уже во время войны, Ѳ. Е., по словамъ докладчика, видя трагическое положеніе, въ которомъ находится украинскій народъ, раздѣленный границами воюющихъ государствъ, особенно интересовался отношеніемъ украинскаго общества къ переживаемому моменту, высказывалъ свой взглядъ на тѣ перспективы, какія открываются передъ украин-

скимъ народомъ въ связи съ войной, и глубоко вѣрилъ въ дальнѣйшій расцвѣтъ украинскаго національнаго генія.

«Ѳ. Е. Коршъ,—закончилъ свою рѣчь С. В. Петлюра,—былъ крупною величиною въ наукѣ, крупнымъ человѣкомъ среди русскаго общества и сыномъ своего, великорусскаго народа. Онъ этотъ народъ возвеличилъ своими научными трудами, своею яркою—высокой талантливости, геніальными блестками,—научной дѣятельностью. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ подошелъ въ трудное время и къ другому—родному народу съ пытливой мыслью, глубокимъ познаніемъ его прошлыхъ судебъ и прозрѣніемъ завтрашняго дня въ его бытіи. Онъ своему родному народу разсказалъ о насъ, но и намъ онъ помогъ узнать самихъ себя, наши духовныя силы, нашу національную потенцію. Въ этомъ скрывается значеніе Корша. Онъ былъ другомъ и братомъ нашимъ. И какъ ни тяжело сознаніе, что его уже нѣтъ среди и вблизи насъ, но память о томъ, что онъ б ы л ъ съ нами и за насъ, будетъ служить моральной поддержкой для всѣхъ, кто живетъ для нашего народа и вѣритъ въ его неисчерпаемыя національныя творческія силы».

Потомъ былъ исполненъ «Жалібний марш» Лысенка и нѣсколько другихъ музыкальныхъ №№, выдержанныхъ въ стилѣ вечера. На собраніи присутствовала и семья покойнаго: вдова, сынъ и двѣ дочери.

— 10-го марта въ Большой залѣ консерваторіи состоялось многолюдное засѣданіе О-ва славянской культуры, посвященное памяти Ѳ. Е. Корша, бывшаго пресѣдателемъ О-ва со дня основанія послѣдняго.

Засѣданіе, въ порядкѣ дня котораго значились доклады проф. А. А. Грушки, проф. А. Е. Крымскаго и проф. С. А. Котляревскаго, открылъ замѣститель пресѣдателя О-ва кн. Евг. Н. Трубецкой, въ краткихъ словахъ обрисовавшій всестороннія заслуги Ѳ. Е. передъ наукой и обществомъ и охарактеризовавшій то отношеніе Ѳ. Е. къ народностямъ, которое скрывается за его отношеніемъ къ языку.

Языкъ—первое основное явленіе народнаго творчества и духа народа,—говорилъ кн. Евг. Н. Трубецкой,—и если покойный Ѳ. Е. Коршъ умѣлъ такъ глубоко проникать въ духъ каждаго языка, то это обусловливается тѣмъ, что онъ глубоко проникалъ въ духъ каждаго народа. Ѳ. Е. такъ незамѣнимъ тамъ, гдѣ нужно объединять народы, въ такомъ обществѣ, какъ наше, которое ставитъ себѣ задачей именно такое объединеніе. У него мы будемъ учиться, какъ объединять и поднимать народы,—закончилъ свое вступительное слово кн. Евг. Н. Трубецкой.

Проф. А. А. Грушка прочелъ докладъ «Коршъ, какъ ученый», въ которомъ охарактеризовалъ роль Корша въ трехъ областяхъ знанія: 1) общемъ языковѣдѣніи, 2) метрикѣ и 3) классической филологіи. Чрезъ слово къ душѣ народа—таковъ былъ методъ Корша. Слѣдуя этому методу, онъ изучалъ жизнь языка въ связи съ условіями жизни народа, любилъ живую рѣчь. Посему Коршъ, какъ языковѣдъ, поражаетъ не только количествомъ изученныхъ имъ языковъ, но и глубиной проникновенія въ духъ каждаго языка.

Далѣе былъ прочитанъ докладъ проф. А. Е. Крымскаго «Коршъ, какъ ученный языковѣдъ». Въ первой части доклада охарактеризованы заслуги Ѳ. Е. Корша, какъ ученаго востоковѣда, во второй—какъ ученаго славяновѣда, въ частности, какъ украиновѣдѣ. Вторая часть доклада о Коршѣ, какъ украиновѣдѣ, напечатана въ настоящей книжкѣ журнала (см выше).

Наконецъ, проф. С. А. Котляревскій прочелъ докладъ «Коршъ, какъ гуманистъ». Ѳ. Е. Коршъ умѣлъ сочетать національное съ общечеловѣческимъ, не впадая ни въ космополитизмъ, ни въ націонализмъ, что дѣлаетъ, по словамъ докладчика, образъ Корша какъ ученаго-гуманиста, особенно цѣннымъ въ разноплеменной Россіи.

Б. С.

Иавѣстія изъ Галичины и про Галичину.

— **Высылка.** По сообщенію «Южной Копейки», изъ Галичины высланы бывшій директоръ украинскаго театра во Львовѣ М. Губчакъ, директоръ банка въ Станиславовѣ А. Яновскій, совѣтникъ окружнаго суда К. Кульчицкій, желѣзнодорожный совѣтникъ львовской дирекціи П. Венцъ и доцентъ черновицкаго университета И. Демянчукъ. Имъ разрѣшено ѣхать на свой счетъ.

— По распоряженію высшихъ властей изъ Галиціи высланы въ Симбирскую губернію Кенкендорфъ, Везенбергъ и П. Марцинюкъ, игуменъ Буковецкаго уніатскаго монастыря.

— Хроники кіевскихъ газетъ продолжаютъ пестрѣть сообщеніями объ отправляемыхъ въ Сибирь этапахъ, состоящихъ изъ арестованныхъ въ административномъ порядкѣ жителей Галиціи. Такъ, «Кіевская Мысль» 5-го марта сообщаетъ объ этапѣ изъ 108 арестованныхъ, 2-го марта— объ этапѣ изъ 81 человѣкъ (русины, евреи, мадьяры), 10-го марта—86 (среди нихъ одна сестра милосердія), 13-го марта—78 человѣкъ, 26-го марта доставленъ изъ Галиціи очередной этапъ изъ 80 галичанъ, административно высылаемыхъ на время войны изъ завоеванныхъ областей Галиціи. 27-го марта вновь доставлено 2 высылаемыхъ изъ Галиціи. Тѣ и другіе высылаются изъ Кіева дальше, въ восточныя губерніи Россіи. По сообщенію той же газеты, 30-го марта изъ Галиціи доставленъ новый этапъ изъ 18 арестованныхъ (въ числѣ ихъ еврей) (№ 89); 4-го апрѣля—новый этапъ изъ 15 русинъ и евреевъ (№ 92).

— Петроградскій еженедѣльникъ «Glos Polski» въ № 9 передаетъ содержаніе разговора, который имѣлъ сотрудникъ этого журнала съ польскимъ общественнымъ дѣятелемъ Вацлавомъ Вольскимъ, пріѣхавшимъ изъ Галичины въ Петроградъ. Вольскій, на вопросъ сотрудника о русинахъ, отвѣтилъ, между прочимъ слѣдующее: «Русиновъ, украинцевъ, которые играли до сихъ поръ видную роль, теперь почти не видно или мало, по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Большинство молодежи въ войскѣ, немногіе—въ украинскихъ легіонахъ. Русинскіе священники, украинцы по убѣжденіямъ, частью выѣхали еще передъ войной,

частью вывезены въ глубь Россіи, другіе уѣхали въ свои села и о дѣятельности ихъ теперь не слышно. Кромѣ митрополита Шептыцкаго увезенъ въ глубь Россіи каноникъ изъ Золочева и нѣсколько другихъ. Москвофилы снова открыто высказались за православіе... Недавно отправленъ въ глубь Россіи депутатъ Брайтеръ и нѣсколько видныхъ евреевъ».

— **Ходатайство Савенка и Дудыкевича за Брайтера.** Арестованный во Львовѣ въ январѣ депутатъ австрійскаго парламента Брайтеръ по распоряженію генералъ-губернатора высланъ въ Кіевъ, гдѣ свободно проживалъ до 8-го марта. Вслѣдствіе истеченія срока, въ теченіе котораго австрійскіе подданные, не-славяне, должны были возбудить ходатайство о принятіи ихъ въ русское подданство, Брайтеръ, какъ не возбудившій таковаго ходатайства, былъ арестованъ и заключенъ въ Подольскомъ полицейскомъ участкѣ. Ему грозила высылка въ одну изъ дальнихъ губерній. По просьбѣ предсѣдателя русскаго народнаго совѣта Прикарпатской Руси Дудыкевича депутатъ Савенко ходатайствовалъ объ облегченіи участи Брайтера. Главный начальникъ кіевскаго военнаго округа распорядился немедленно освободить Брайтера.

— **Своеобразное пониманіе очередныхъ задачъ школьнаго дѣла въ Галичинѣ.** Журналъ «Родной языкъ въ школѣ» (издается въ Ярославлѣ) полагаетъ, что страницы журнала охотно могутъ быть предоставлены для обмѣна мнѣній по вопросу о задачахъ школьнаго дѣла въ Галичинѣ (№ 3). Для начала этого обмѣна редакція перепечатала безъ всякихъ оговорокъ статью «Прикарпатской Руси» (отъ 24/II), авторъ которой полагаетъ, что школа въ Галичинѣ не можетъ быть причислена къ разряду «инородческихъ». Иными словами: все, что создано было украинцами въ дѣлѣ развитія школьнаго дѣла въ Галичинѣ, должно быть стерто и сдано въ архивъ для памяти потомства... Начало обмѣна мнѣній—стильное: въ духѣ «Новаго Времени». И все же мы недоумѣваемъ: при чемъ же здѣсь «родной языкъ?».

— **О прекращеніи изданія «Голоса Народа».** Подголосокъ «Прикарпатской Руси» и официальный «органъ русской народной организаціи» въ Галичинѣ «Голосъ Народа» въ № 9 объявилъ о возможномъ прекращеніи изданія. Въ сообщеніи редакціи по сему поводу находимъ любопытныя указанія на причины пріостановки изданія. «Если еще въ продолженіе ближайшей недѣли не поплыве подписка отъ нашихъ читателей, сей (т.-е. № 9) нумеръ «Голоса Народа» буде послѣдній»,—говоритъ редакція и объясняетъ, что «до теперь наша редакція при затратѣ громадныхъ суммъ разсылала газету съ помощью своихъ же почтарей по всей Галичинѣ, такъ что каждое село получало газету, конечно, п о к и щ о д а р о м ъ». «Редакція всѣми способами старалась продолжать изданіе любимой газеты», и тѣмъ не менѣе дѣло приходится пріостановить. Несмотря на то, что «Голосъ Народа», по объявленію редакціи, и любимая газета, но подписка на нее идетъ слабо; къ тому же «въ послѣднихъ часахъ на галицкихъ желѣзныхъ дорогахъ прекращенъ даровой проѣздъ и

заведены платные билеты». Словомъ, пока расходы по изданію «любимой газеты» были облегчены безплатными статьями, редакція посылала журналъ въ «каждое село» «даромъ»; когда же былъ «прекращенъ даровой проѣздъ и заведены платные билеты», у редакціи не стало, такъ сказать, «пороху», что съ отсутствіемъ подписки и вызвало своеобразное mementomori.

— **Закрытіе украинскаго О-ва «Дністеръ».** Напечатанное въ февральской книжкѣ нашего журнала сообщеніе о томъ, что правительственной властью Галичины разрѣшено возобновленіе дѣятельности украинскаго страхового общества «Дністеръ», оказалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Мы были введены въ заблужденіе «Прикарпатской Русью», которая, вѣроятно, знала, что дѣлала, когда напечатала сообщеніе о возобновленіи дѣятельности «Дністра». Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія этого сообщенія въ «Прикарпатской Руси» «Дністеръ» былъ закрытъ.

— **Проф. Володимиръ Шухевичъ,** извѣстный общественный украинскій дѣятель Галичины, авторъ четырехтомнаго изслѣдованія о Гуцулахъ, скончался въ апрѣлѣ м-цѣ во Львовѣ. Покойный Шухевичъ принималъ дѣятельное участіе въ мѣстныхъ украинскихъ экономическихъ и просвѣтительныхъ организаціяхъ и остался во Львовѣ послѣ занятія его русскими войсками.

— **«Наивные вопросы» галичанъ.** Военный корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» Валерій Брюсовъ (онъ же извѣстный русскій поэтъ) въ корреспонденціи «Изъ поѣздки въ Перемышль» (№ 73) между прочимъ сообщаетъ:

«Съ переѣздомъ въ Галицію вниманіе было отвлечено отъ картинъ природы къ людямъ. Сѣверная Галиція жестоко пострадала отъ войны, и ея населеніе не въ силахъ само поправить свои дѣла. Города наполовину разрушены, много деревень сожжено до-тла. Каждый разъ, когда нашъ автомобиль останавливался въ деревнѣ или въ маленькомъ городѣ, насъ окружала толпа: мужчины—въ барашковыхъ шапкахъ, женщины—въ черныхъ платкахъ, дѣти—одѣтыя въ какія-то отрепья. Къ намъ обращались съ жалобами, просьбами, разспросами. Коекакъ благодаря сходству мѣстнаго говора съ русскимъ языкомъ и съ помощью польскаго языка мы договаривались. Вопросы часто были наивные или нелѣпые: у кого теперь искать «суда и расправы»? Можно ли безъ особаго разрѣшенія ѣхать въ Россію? Не дастъ ли правительство сѣмянъ для засѣва? и т. п. Видно было, что простые, «темные» люди не знаютъ, къ кому обратиться, и не освоились съ новыми порядками. Въ одномъ городкѣ (Цѣхановѣ) обратилась къ намъ даже народная учительница».

Кромѣ «наивныхъ» и «нелѣпыхъ» вопросовъ г. Брюсовъ «съ удовольствіемъ» отмѣчаетъ «что за шесть мѣсяцевъ край замѣтно обрусѣлъ. Особенно чувствовалось это въ болѣе значительныхъ городахъ. Во всѣхъ магазинахъ, даже въ маленькихъ лавчонкахъ понимали по-русски... Гостиница, гдѣ мы остановились («Отель Польскій»), была совершенно русской: ея содержатель былъ родомъ изъ Кіева; всѣ служащіе—также изъ

внутреннихъ губерній. Намъ говорили, что въ городѣ возникъ цѣлый рядъ такихъ же русскихъ предпріятій». Военныя корреспонденціи г-на Брюсова почти всѣ—въ такомъ же родѣ. Путешествіе на автомобилѣ, и то сказать, не способствуетъ серьезному знакомству съ краемъ и вдумчивому отношенію къ явленіямъ новой для мѣстнаго населенія жизни. Поверхностность, скользящій взоръ, не замѣчающій типичнаго, яркаго, глубоко-драматическаго характеризуютъ г. Брюсова въ его новой роли. Интересно отмѣтить, что языкъ украинскаго населенія Галичины г-нъ Брюсовъ называетъ не иначе какъ, «мѣстнымъ говоромъ» русскаго языка, который тѣмъ не менѣе мало доступенъ пониманію, такъ какъ г-нъ Брюсовъ «договаривается» съ населеніемъ съ помощью польскаго языка! Хорошій «говоръ»!

— **Депутаты-націоналисты въ Галичинѣ.** Любопытную справку даетъ на столбцахъ «Рѣчи» (№ 53, 24/II) Петръ Рыссъ о депутатахъ-націоналистахъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ устроеніи Галичины послѣ оккупаціи ея русскими войсками. Оказывается, что нѣкоторые изъ депутатовъ, извѣстные своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ запросамъ украинскаго народа въ Россіи, призваны въ качествѣ свѣдущихъ лицъ къ устроенію завоеванной страны съ украинскимъ же населеніемъ.

«Графъ В. А. Бобринскій, такой бравый корнетъ, состоитъ при графѣ Бобринскомъ, генералъ-губернаторѣ Галиціи, въ качествѣ совѣтчика и знатока.

Уѣхалъ депутатъ Чихачевъ, но не для того, чтобы сражаться противъ австрійцевъ, а для занятія мѣста чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ.

Третій депутатъ-націоналистъ, Потоцкій, въ той же Галиціи въ совѣтѣ генералъ-губернатора состоитъ совѣтникомъ.

Политикой или политиканствомъ занимаются они—не знаю. Знаю лишь, что вдали отъ передовыхъ позицій, они изъ депутатовъ превратились въ чиновниковъ-націоналистовъ. И ужъ такая планида у всѣхъ этихъ словесныхъ патріотовъ, что, очутившись вблизи полей битвъ, они облачаются въ чиновничьи мундиры. Ибо депутатъ-націоналистъ Дмитріевъ также въ Галиціи состоитъ при генералъ-губернаторѣ.

«Лѣваки» и «политиканы»—на поляхъ битвъ. А патріоты, барабанщики націонализма—въ канцеляріяхъ. Однимъ—труды, подвиги и страданія; другимъ—спокойное житіе и награды. Добровольцы долга и смерти и добровольцы канцелярскихъ креселъ».

— **Иконы изъ Галичины XVI и XVII вв.** Хранитель кіевскаго Городского музея Д. Щербаковскій во время пребыванія въ Галичинѣ, собралъ коллекцію иконъ, нынѣ выставленную въ церковномъ отдѣлѣ музея. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ ближайшихъ къ Галичинѣ мѣстахъ появилось въ продажѣ много древностей, вывозимыхъ или скупаемыхъ въ Галичинѣ. По свѣдѣніямъ «Прикарпатской Руси», среди предметовъ, покупаемыхъ и вывозимыхъ изъ Галичины «преобладаютъ иконы древняго письма и парчевыя ткани».

— **Судебныя установленія въ Галиціи.** Опубликовано обязательное постановленіе генералъ-губернатора для мѣстныхъ судебныхъ установленій въ занятыхъ русскими войсками частяхъ Галиціи, утвержденное Верховнымъ Главнокомандующимъ, согласно которому отправленіе правосудія мѣстными судебными установленіями Галиціи должно производиться на основаніи австрійскихъ матеріальныхъ и процессуальныхъ законовъ, однако не отъ имени австрійской верховной власти, а «во имя закона», съ изъятіями, изложенными въ рядѣ пунктовъ постановленія, въ числѣ коихъ слѣдующія судебныя учрежденія Галиціи изъемлются изъ надзора австрійскаго министра юстиціи и высшаго кассаціоннаго суда въ Вѣнѣ.

Судебнымъ языкомъ признается русскій и мѣстныя его поднарѣчія; временно допускается употребленіе польскаго языка; находящіяся въ производствѣ мѣстныхъ судебныхъ установленій Галиціи дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ охраняемыхъ австрійскими законами неприкосновенности территоріи, верховной власти, государственнаго общественнаго строя Австро-венгерской монархіи или Галиціи, подлежатъ прекращенію; новыя дѣла по симъ преступнымъ дѣяніямъ не возбуждаются; высшее наблюденіе за отправленіемъ правосудія въ Галиціи возлагается на особо командированное для сего лица. Изъ этого сообщенія явствуетъ, что судебнымъ языкомъ признается русскій и мѣстныя его «поднарѣчія». Такимъ образомъ, и украинскій языкъ, обладавшій ранѣе, при австрійской юрисдикціи, правами судебнаго языка и теперь, повидимому, не изгоняется изъ судебныхъ установленій, хотя и называется уже не языкомъ и даже не нарѣчіемъ, а «поднарѣчіемъ».

— **«Утро Россіи»**, вдохновленное выступленіями г. Никанорова въ «Новомъ Времени», обращается со слѣдующимъ призывомъ: «Не пора ли Карпатскому Комитету въ Москвѣ заняться сборомъ русскихъ книгъ для Галичины? И не пора ли предпріимчивымъ людямъ Москвы подумать объ открытіи частныхъ русскихъ школъ во Львовѣ и Перемышлѣ?». Купеческая газета и по отношенію къ Галичинѣ держится предпринимательской точки зрѣнія: идеи—идеями, а предпріимчивость—предпріимчивостью!

— **Генералъ-губернаторъ Г. А. Бобринскій о Галичинѣ.** 4-го апрѣля въ газетахъ напечатана бесѣда пріѣхавшаго въ Петроградъ генералъ-губернатора съ сотрудникомъ газеты «День», посвященная современному положенію Галичины и нѣкоторымъ дальнѣйшимъ предположеніямъ власти по устроенію края. Бесѣда эта представляетъ большой интересъ, и мы ее, какъ цѣнный «историческій» документъ, перепечатываемъ и на страницахъ нашего журнала.

— Я поставилъ себѣ въ качествѣ военнаго генералъ-губернатора въ Галиціи задачи двоякаго рода: въ мою обязанность входитъ обезпеченіе нашихъ войскъ въ предѣлахъ ввѣреннаго мнѣ генералъ-губернаторства всѣми необходимыми продовольственными продуктами, и кромѣ того я долженъ сохранить въ краѣ спокойствіе и порядокъ. Руководствуясь этими сообра-

женіями, я поставилъ своей задачей въ области гражданскаго управленія края сохраненіе тѣхъ австрійскихъ установленій, которыя могутъ продолжать свою дѣятельность безъ ущерба для нашихъ интересовъ. Введеніе же русскихъ учрежденій въ какой бы то ни было области не должно создавать ломки въ установившихся жизненныхъ отношеніяхъ края и должно покоиться на безусловномъ признаніи съ нашей стороны многообразныхъ интересовъ Галиціи, ея жизни и быта. Я бы сказалъ, что мы сохранимъ все то, что было, если только это не принесетъ явнаго вреда нашимъ интересамъ.

Далѣе гр. Бобринскій указываетъ какъ на главное затрудненіе при проведеніи въ жизнь намѣченныхъ мѣропріятій, на многоплеменность галиційскаго населенія и различіе въ религіозномъ отношеніи. Графъ Г. А. Бобринскій констатируетъ, что по отношенію къ русской власти поведеніе всѣхъ галиційскихъ національныхъ группъ, кромѣ нѣкоторой части украинской интеллигенціи, безусловно корректно. Ряды колеблющихся поляковъ постепенно таютъ и увеличиваютъ число тѣхъ, которые связываютъ будущее возрожденіе Польши съ судьбами Россіи. Что касается еврейскаго населенія Галиціи, то въ предѣлахъ генералъ-губернаторства ихъ поведеніе вполнѣ корректно. Я прекрасно понимаю,—говоритъ графъ Бобринскій,—что отъ галиційскихъ евреевъ, пользующихся у себя на родинѣ полнымъ равноправіемъ, нельзя требовать преданности нашимъ интересамъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ австрійскимъ евреямъ трудно отказаться отъ нѣкоторой внутренней вражды къ русской власти, но я долженъ еще разъ подтвердить, что въ предѣлахъ галиційскаго генералъ-губернаторства поведеніе евреевъ не носитъ враждебнаго по отношенію къ намъ характера.

Паденіе Перемышля кореннымъ образомъ измѣнило отношеніе къ намъ галиційскаго населенія. Населеніе теперь стало открыто проявлять къ намъ чувства своей симпатіи и доброжелательства. Что касается католическаго духовенства, то у насъ съ нимъ никакихъ пререканій не возникаетъ. Самымъ труднымъ является для насъ такъ-называемый уніатскій вопросъ. Мы избѣгаемъ въ этомъ вопросѣ какой-либо принудительности. Если какой-либо приходъ выражаетъ желаніе перейти въ православіе, то мы производимъ среди населенія закрытую баллотировку. Одинъ крестъ означаетъ православіе, а два креста—уніатство. Если $^2/_3$ населенія высказываются за православіе, то въ приходъ посылается православный священникъ, но при этомъ уніатскій священникъ не устраняется и служитъ вмѣстѣ съ православнымъ священникомъ. Въ Галиціи кромѣ того находится много пустующихъ приходовъ, изъ которыхъ уніатскіе священники ушли вмѣстѣ съ австрійскими войсками. Въ такіе приходы мы посылаемъ православнаго священника безъ баллотировки. Графъ Г. А. Бобринскій склоненъ къ мысли, что уніатская церковь не имѣетъ будущности. Небольшая часть уніатовъ перейдетъ въ католичество, а основная масса, по его мнѣнію, перейдетъ въ православіе.

Точка зрѣнія русской власти по школьному образованію такова: преподаваніе въ низшихъ школахъ должно вестить на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ городовъ съ большимъ процентомъ польскаго населенія. Въ этихъ городахъ будутъ функціонировать частныя польскія школы. Въ деревняхъ и селахъ восточной Галиціи будутъ открываться русскія школы, въ западной же Галиціи—польскія школы съ обязательнымъ преподаваніемъ русскаго языка. Относительно среднихъ учебныхъ заведеній,—говоритъ графъ Г. А. Бобринскій,—я лишенъ въ настоящее время возможности сообщить что-либо опредѣленное. Что касается высшихъ учебныхъ заведеній, то до окончанія войны они не будутъ функціонировать. По всей вѣроятности, львовскій университетъ перейдетъ въ Варшаву, а варшавскій—во Львовъ.

По вопросу о положеніи галиційскаго землевладѣнія гр. Г. А. Бобринскій сообщаетъ слѣдующее. Русская власть принимаетъ экстренныя мѣры по оказанію продовольственной помощи населенію и по снабженію его необходимымъ для обсѣмененія полей хлѣбомъ. Въ нашемъ распоряженіи находится около 5-ти милл. пудовъ сѣмянъ. Въ краѣ дѣйствуютъ національныя сельскохозяйственныя организаціи польскія, русскія и еврейскія, но нужда въ живомъ инвентарѣ и въ рабочихъ рукахъ настолько велика, что необходима помощь государственной власти.

Графъ Г. А. Бобринскій выражаетъ надежду, что польскимъ землевладѣльцамъ будетъ выдана ссуда въ нѣсколько милліоновъ рублей. Что касается слуховъ о предполагаемыхъ мѣрахъ по отношенію къ еврейскому землевладѣнію, то, по свѣдѣніямъ гр. Бобринскаго, этотъ вопросъ остается пока въ области разговоровъ и до окончанія войны, никакихъ мѣръ въ этомъ направленіи принято не будетъ.

— **О положеніи Галичины по даннымъ Всероссійскаго Земскаго Союза.** «Извѣстія Главнаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ» (№ 8, 1915 г.) въ докладѣ А. К. Кривцова, возвратившагося изъ поѣздки въ Галичину, сообщаютъ между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи Галичины (восточной, населенной украинцами).

Въ Восточной Галиціи въ настоящее время не всѣ уѣзды находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Юго-восточные уѣзды пострадали довольно мало. Во многихъ изъ нихъ имѣются запасы продовольствія, а также наладился подвозъ продуктовъ гужомъ изъ Подольской и Волынской губерній. Значительно хуже положеніе населенія въ западныхъ и горныхъ уѣздахъ Восточной Галиціи. Но особенно тяжело положеніе Угорской Руси, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ которой наблюдается «вопіющая нужда». По словамъ докладчика, «наши разъѣзды находили людей, умиравшихъ и умершихъ отъ голода».

Если въ восточныхъ уѣздахъ Галиціи населеніе успѣло сдѣлать кое-какія запашки и посѣвы на осень, то въ западныхъ уѣздахъ Восточной Галиціи ничего не сдѣлано для обезпеченія урожая на 1915 годъ. Здѣсь населеніе, въ большинствѣ случаевъ

давно не видавшее хлѣба, питается картофелемъ и остатками овощей.

Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ образованы подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ начальниковъ мѣстные благотворительные комитеты. Послѣдніе, однако, сформированы не путемъ избранія, а посредствомъ «указанія тѣхъ или иныхъ лицъ изъ мѣстныхъ людей». Этимъ объясняется «наличность неправильностей и злоупотребленій» въ дѣятельности комитетовъ. По словамъ докладчика, «пособія получаютъ лица, нерѣдко менѣе въ нихъ нуждающіяся, тогда какъ лица, дѣйствительно нуждающіяся, за неимѣніемъ протекціи или «руки», какъ тамъ говорятъ, остаются безъ помощи». Докладчикъ признаетъ необходимымъ участіе мѣстныхъ общественныхъ организацій при распредѣленіи помощи на мѣстахъ, при опредѣленіи самаго характера помощи и степени нужды въ ней той или иной мѣстности.

Библіографія.

Юрій Крижаничь о политикѣ Москвы по отношенію къ Украинѣ въ XVII вѣкѣ.

Сербскій католическій священникъ Юрій Крижаничъ довольно рано сталъ себя готовить къ миссіонерской дѣятельности среди славянства на пользу уніи. Крижанича особенно увлекала и манила мысль—содѣйствовать сближенію Рима и Москвы, положить основаніе объединенію церквей. Послѣ работъ Пирлинга, Бѣлокурова и Соколова можно считать обоснованнымъ утвержденіе, что Юрій Крижаничъ пріѣхалъ въ Москву не съ цѣлью проповѣди панславизма, а по порученію коллегіи «de fide propaganda». Крижаничъ былъ въ Москвѣ два раза: первый разъ осенью 1646 года. Оставался онъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ. Его пребываніе имѣло цѣлью бѣгло познакомиться съ той обстановкою и съ тѣми общественными силами, среди которыхъ ему предстояло дѣйствовать. Вторично Юрій Крижаничъ попалъ въ Москву осенью 1659 года, гдѣ оставался 16 мѣсяцевъ, а затѣмъ отправился въ ссылку въ Тобольскъ. Свой путь въ Москву Крижаничъ направилъ черезъ Львовъ. Въ апрѣлѣ 1659 года онъ былъ уже въ Нѣжинѣ. Въ общемъ Крижанинъ оставался на Украинѣ около пяти мѣсяцевъ, и въ теченіе этого времени онъ имѣлъ полную возможность разобраться и во внутреннихъ дѣлахъ на Украинѣ и оцѣнить московскую политику по отношенію къ Украинѣ. Свои бѣглыя замѣчанія, однако не лишенныя интереса, Крижаничъ высказалъ въ небольшой запискѣ подъ заглавіемъ «Pólno opisanie od Lwôwa do Moskwa». Кое-что подмѣчено въ ней вѣрно; неустойчивая политика московскаго правительства подвергается совершенно справедливой критикѣ, но въ то же время авторъ обо всемъ говоритъ очень осторожно. Чувствуется боязнь задѣть и обидѣть московское правительство. Поэтому она написана съ тѣмъ расчетомъ, чтобы, попавъ въ руки правительства, она своимъ тономъ его и расположила къ Юрію Крижаничу».

Живя въ Сибири, Крижаничъ написалъ большую работу подъ заглавіемъ «Политичныя думы» [1]). Это—описаніе внутренняго состоянія Московскаго государства второй половины XVII вѣка и въ то же время проектъ преобразованія всѣхъ сторонъ его жизни.

---

[1]) Безсоновъ издалъ подъ заглавіемъ „Русское государство во второй половинѣ XVII вѣка

[1]) Нѣкоторыя изъ главъ переизданы нами (Спб. 8, 1914 г.).

Въ Сибири Крижаничъ могъ быть болѣе откровеннымъ и по разнымъ вопросамъ смѣло высказывать свое дѣйствительное мнѣніе. Пришлось автору коснуться также и взаимоотношеній Москвы и Украины. Украинская политика московскаго правительства подвергается рѣзкой и справедливой критикѣ. Власть московскаго царя—очень жестока, сурова, скорѣе напоминаетъ тиранію. Неудивительно, что «Поднѣпряне» не вынесли такихъ правительственныхъ пріемовъ и отпали отъ Москвы «для ради крутости», указывая этимъ на отпаденіе Удраины отъ Москвы въ гетманство Выговскаго. Юрій Крижаничъ подчеркиваетъ стремленіе Украины «повратити къ Давидовой кучѣ, къ русскому своему кралеству, отъ какого з нѣ колеко вѣковъ бяху отторжена», украинцы «како скоро сего владѣнія законъ отвѣдашя», немедленно перешли на сторону Польши. Правительство, по мнѣнію Крижанича, само виновато въ такомъ поведеніи украинцевъ. Разумные политики настаивали «дабы ся онымъ новымъ подданнымъ никакова тягота не налагала». Москва должна была только довольствоваться тѣмъ, что имѣла прекрасное войско, благодаря которому южныя границы были защищены отъ набѣговъ татаръ.

Но такіе совѣты не были приняты во вниманіе. Правительство стремилось извлечь изъ новой территоріи возможно больше доходовъ. Съ этой цѣлью оно пооткрывало кабаки и вообще оказывало «на всякое давленіе бѣдныхъ подданниковъ», эксплуатировало ихъ выше мѣры. Что же удивительнаго было въ томъ, что днѣпровскіе казаки, будучи одной вѣры и языка, «для ради крутости здѣшняго владанія» предпочли быть «подъ Ляхами, неже подъ симъ господствомъ». И такое отпаданіе Крижаничъ не считаетъ «измѣной», ибо, согласно Священному Писанію, «для ради неправеднаго изобижанія и—лакомаго выдиранія»—не токмо отнемляется кралество едному племену, и дается другому, но и отъ цѣлаго едного народа ся отнемлетъ и дается другому»

В. Пичета.

Проф. А. Л. Погодинъ. *Зарубежная Русь. Изд. Сойкина. Ц 50 к. Съ рисунк. и картой. Петроградъ. 1915 г.*

Среди потока брошюръ и книгъ о Галичинѣ, все еще продолжающихъ наводнять великорусскій книжный рынокъ, встрѣчаются и имена извѣстныхъ профессоровъ и менѣе извѣстныхъ участниковъ различныхъ, прежде выпущенныхъ, научныхъ и научно-популярныхъ изданій и вовсе никому и ничѣмъ прежде неизвѣстныхъ авторовъ, историковъ и соціологовъ ad hoc. Научное достоинство этихъ брошюръ, конечно, различно, но въ массѣ тенденція и поверхностное отношеніе къ трактуемымъ предметамъ рѣшительно преобладаютъ. И замѣчательно, что физіономія такой брошюры совершенно не мѣняется, будетъ ли ея авторомъ ученый или случайный составитель: пріемы изслѣдованія, способъ постановки вопросовъ, а часто и выводы одни и тѣ же, эрудиція

незамѣтна, безпристрастіе отбрасывается, полемика заступаетъ мѣсто науки.

Эти черты мы находимъ и въ работѣ проф. Погодина: она тенденціозна, факты подгоняются подъ заранѣе построенную схему, полна замалчиваній и невѣрныхъ истолкованій. Правда, привычка ученаго иногда беретъ верхъ, но результатъ этого только сбивчивость и путаница, поселяемыя въ представленіи читателя, качество же брошюры нисколько не повышается, такъ какъ уже нѣсколькими строками ниже авторъ дѣлаетъ заявленія, или сводящія къ minimum'у прежде высказанныя, или открыто противорѣчащія ему.

Брошюра пытается дать историческій очеркъ и охватить современное положеніе украинцевъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси. Это автору не удается: уже первая страница порождаетъ недоумѣніе относительно этнографическаго состава населенія указанныхъ областей. Кто же жилъ тамъ на самомъ дѣлѣ? За рубежомъ Россіи, по словамъ автора, осталась часть русскихъ—русское населеніе Галиціи, Буковины и Угорской Руси,—которые перешли къ имперіи Габсбурговъ въ видѣ «довольно крупной части малорусскаго народа». Это сомнѣніе не разсѣивается и въ дальнѣйшемъ, такъ какъ авторъ много разъ подчеркиваетъ, что населеніе было «русскимъ» говорило «русскимъ» языкомъ, но иногда называетъ его малорусскимъ и даже украинскимъ,—послѣднее, впрочемъ, большей частью въ кавычкахъ. Не менѣе недоразумѣній и прямо ошибокъ и въ историческомъ очеркѣ (кстати, Ростиславовичи—внуки Ярослава, а не Владиміра, а Даніилъ Галичанинъ никогда не укрѣплялся въ Венгріи), но мы на нихъ подробно останавливаться не будемъ.

Еще болѣе неудачна попытка проф. Погодина познакомить съ современной общественно-политической и культурной жизнью Галичины. Здѣсь всѣ усилія его направлены на то, чтобы доказать тѣсную связь ея съ Россіей, представить украинство въ видѣ кучки, опирающейся на неосмысленную народную массу, въ которой опредѣленное отношеніе еще не создалось: «эта масса будетъ на сторонѣ организующей силы, и если раньше, подчиняясь обстоятельствамъ, она склонна была отдать свое сочувствіе украинцамъ, то теперь можетъ наступить совершенно обратное настроеніе». Соотвѣтственно этому москвофилы пользуются особой поддержкой автора и пріобрѣтаютъ на страницахъ брошюры вліяніе гораздо болѣе значительное, чѣмъ въ жизни. Зато всячески умаляется значеніе украинцевъ. Остается въ силѣ излюбленное обвиненіе въ поддержкѣ австрійскимъ правительствомъ, которое будто бы въ послѣднее десятилѣтіе усиленно поощряло украинцевъ и, наоборотъ, въ москвофилахъ «все болѣе опредѣленно видѣло своихъ враговъ»; реставрируется «теорія созданія» украинскаго языка. Что касается перваго обвиненія, то стоитъ вспомнить ту напряженную національно-политическую борьбу, которую вели украинцы именно въ послѣднія десятилѣтія, чтобы это обвиненіе отпало само собой. Отношеніе же автора къ языку галичанъ можетъ служить образцомъ противорѣчій, встрѣчающихся на страницахъ брошюры. Какъ было уже замѣчено раньше, языкомъ

галичанъ является «русскій». Однако они не довольствуются имъ и стремятся создать особый «обособленный отъ общерусскаго» литературный языкъ, вводя польскія и нѣмецкія слова. «Этотъ печальный фактъ разрыва общерусскаго единства объясняется какъ сочувствіемъ австрійской власти такому разрыву, такъ и стремленіемъ политическихъ вождей Галицкой Руси обосновать свою борьбу за политическія права народа въ Австріи связью съ народными массами» (стр. 20). Поддержка австрійскаго правительства—обвиненіе испытанной давности, успѣвшее стать своего рода традиціей извѣстнаго лагеря и въ такой мѣрѣ лишенное опредѣленнаго содержанія, что обладаетъ серьезнымъ достоинствомъ: можетъ быть приклеено сплеча ко всякому незнакомому автору явленію, замѣняя изученіе его, и не нуждается въ доказательствѣ по самоочевидности. У проф. Погодина оно производитъ впечатлѣніе своего рода «хорошаго тона» съ москвофильской точки зрѣнія, такъ какъ трудно повѣрить, чтобы ученый поддерживалъ теорію созданія языка правительствомъ, теорію образованія своего рода «украинскаго эсперанто» съ политическими цѣлями. Гораздо интереснѣе и знаменательнѣе второе указаніе: обособленіе языка создалось путемъ связи съ народными массами. Здѣсь авторъ становится на совершенно вѣрную точку зрѣнія и только не хочетъ принять логическаго вывода: значитъ, масса говоритъ не общерусскимъ языкомъ, а какимъ-то другимъ, обращеніе къ которому вызвало «обособленный» литературный украинскій языкъ. Несмотря на то, что населеніе Галичины называется русскимъ и украинскій языкъ разсматривается какъ результатъ «созданія» кучки, авторъ все-же вынужденъ признать, что русскій литературный языкъ не игралъ здѣсь никогда роли, что для него не было почвы и «попытки сближенія съ нимъ, трогательныя по своей искренности» оставались безплодными: въ результатѣ ихъ появился языкъ «настолько безобразный», въ такой мѣрѣ чуждый и русскому, и украинскому языку, что «это «язычіе» внушало къ себѣ только насмѣшки». Въ дальнѣйшемъ, жизнь Галичины должна была или поглотиться польскими вліяніями, или пойти путемъ «ближайшаго единенія съ народомъ», или обратиться къ живымъ источникамъ русской жизни. Послѣдней дорогой пошло москвофильство, дѣятели котораго въ началѣ XX в. обратились къ живому русскому языку—«правильно писали и говорили по-русски». Какой это «правильный русскій языкъ» и каково его отношеніе къ литературному русскому, наглядно показываетъ современный органъ москвофиловъ «Голосъ Народа», блистающій такимъ же язычіемъ, какъ и его идейные предшественники. Украинцы, какъ было уже указано, избрали другой путь—единенія съ народомъ. Но если это такъ, если украинское движеніе и литература въ своемъ возрожденіи пошли дѣйствительно путемъ, указаннымъ авторомъ, то какимъ образомъ согласовать это отдѣленіе языка, какъ результатъ введенія народной рѣчи, съ ролью австрійскаго правительства? Противорѣчіе, въ которое впадаетъ авторъ, порождено нежеланіемъ признать существованіе и естественное развитіе украинскаго языка изъ нѣдръ народной жизни, недовѣріемъ къ народнымъ силамъ и вѣрой во всемогущество правительственныхъ мѣропріятій.

Какъ ни непріязненно отношеніе проф. Погодина къ украинцамъ, онъ все-же признаетъ, что они многого добились, получили участіе въ представительствѣ, національную школу, основали чисто-нучныя Общества, какъ «Наукове т-во», которое «издало много цѣнныхъ трудовъ и составило родъ украинской академіи». Однако отмѣчены далеко не всѣ пріобрѣтенія и совершенно упущена культурно-просвѣтительная и экономическая дѣятельность Общества, не упоминается даже о «Просвітѣ» и существованіи многочисленныхъ кооперативовъ.

Благодаря этому картина быта украинской Галичины, въ изображеніи автора слишкомъ «стилизована» и совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а попытка группировки украинскихъ партій неудачна, сбивчива и неполна.

Что касается данныхъ о бытѣ Буковины, они отличаются тѣмъ же характеромъ,—отрицательное отношеніе ко всему украинскому и неумѣренное восхваленіе москвофиловъ (хотя и здѣсь отдается дань энергіи украинцевъ),—и въ общемъ въ большей степени свидѣтельствуютъ о москвофильскихъ симпатіяхъ автора, чѣмъ о намѣреніи дать въ брошюрѣ подлинный образъ Буковины.

Н. М.

Гнат Хоткевич. *Гірські акварелі. Харьків. 1914 р. Ціна 30 к.*

Для легкихъ, нѣжныхъ тоновъ весны, для свѣжей, молодой зелени, синевы неба нужна акварель, — она какъ-то тоньше, интимнѣе масляной краски.

Когда автору миніатюръ, представляющихъ собою наброски горной природы, понадобилось названіе для сборника этихъ миніатюръ, онъ назвалъ ихъ «горными акварелями». И дѣйствительно, когда читаешь небольшую книжку г. Хоткевича, въ душѣ складывается настроеніе, близкое тому, какое испытываешь, любуясь акварельными рисунками хорошаго мастера.

Г. Хоткевичъ любитъ природу, умѣетъ чувствовать, проникаться ея красотами, и когда онъ говоритъ объ ея безсмертной красотѣ, его слова, согрѣтыя любовью къ ней, не кажутся потокомъ пышныхъ, холодныхъ и бездушныхъ фразъ стилиста, упивающагося блескомъ своихъ словъ, а не тѣмъ, что должно стоять за этими словами. Въ журчаньи горнаго потока, въ шумѣ лѣсныхъ великановъ, въ шопотѣ «смереки» и въ мудромъ молчаніи горъ писатель слышитъ самого Бога.

«Тамъ внизу меня учили, что Бога нѣтъ. Но тутъ въ горахъ я хочу сказать, что это неправда! Я чую Бога! Въ вѣчной руинѣ и вѣчномъ творчествѣ, я слышу Его! Въ вѣчномъ умираніи и вѣчномъ рожденіи! Въ вѣчномъ злѣ и вѣчномъ добрѣ!..»

И смѣшными кажутся автору здѣсь, въ горахъ, люди съ ихъ маленькими дѣлами и большими претензіями.

«Война, борьба... Какія это маленькія человѣческія слова,—такія же маленькія, какъ ихъ творецъ... Вырубилъ немного лѣса—и гордъ. Сложилъ кучку камня—и счастливъ. Убилъ сотню себѣ

подобныхъ—и великъ. А неизмѣнный ликъ земли какимъ былъ, такимъ и остался. Точно такъ же вздымаются къ небу Гауризонкурій и Эльборусъ, и точно такъ же все глядитъ внизъ Кассіопея, летитъ комета въ темное пространство. И такъ же, какъ милліоны лѣтъ тому назадъ падалъ внизъ голый человѣкъ передъ ослѣпительной молніей, умоляя грознаго бога о жизни,—теперь падаетъ въ прахъ «властелинъ земли», когда останется одинъ-на-одинъ съ природой, когда станетъ лицомъ къ лицу. И точно такъ же падаетъ съ безумной скоростью земля въ безконечность, минуя и темныя и освѣщенныя, и холодныя и расплавленныя тѣла небесныя»...

Объ этомъ говорили и другіе, и это дѣйствительно такъ: и въ далекомъ прошломъ и сейчасъ человѣкъ, оставшійся наединѣ съ природой, чувствуетъ себя маленькимъ и ничтожнымъ.

Лѣса и горы, рѣки и села, о которыхъ говоритъ г. Хоткевичъ въ своихъ «гірських акварелях» («З гір потоки!», «Два шуми», «Збуджена», «Село», «Д'горі!», «Черемош»), лежатъ въ Карпатахъ украинской Галичины. Авторъ исходилъ эти мѣста вдоль и поперекъ, подолгу жилъ тамъ и не меньше, чѣмъ природу горъ, полюбилъ и людей, живущихъ тамъ,—гуцуловъ.

Въ рядѣ маленькихъ набросковъ даетъ онъ картины гуцульской жизни, полной труда, лишеній, борьбы съ суровой природой и трогательной своей простотою.

Сплавъ лѣса по быстрымъ горнымъ рѣкамъ («Повінь» и «Жите»), косьба («Кішня»), разные другіе моменты въ жизни гуцула («Пожарище», «Трембіта») нашли отображеніе въ миніатюрахъ г. Хоткевича, и нужно отдать справедливость автору—онъ сумѣлъ въ немногихъ словахъ сказать то, для чего другому понадобилось бы исписать цѣлые листы.

Хорошій знатокъ быта, онъ нѣсколькими штрихами набрасываетъ картину жизни гуцула и умѣетъ сообщить читателю не только внѣшнія формы этой жизни, но и даетъ почувствовать то, что стоитъ за ними.

Лучшимъ изъ набросковъ является, по моему мнѣнію, «Трембіта».

Въ горахъ, среди тумана, подъ сѣрымъ небомъ, затянутымъ тучею, въ тиши несутся откуда-то звуки...

— «Що се? що се за звуки? питає душа тоскливо. Се гуцульска трембіта. Се стародавній подарунок минулих гірских людей своїм нащадкам, се єдина лучність поколінь. На сій трембіті в сих горах грали тисячу літ тому. І так само тоді стояли сі ж самі гори, і так само повзли мречі, і такъ само шумів і злостив ся внизу блідий Черемош. Хтось умер»...

Дальше—картина смерти,—одинокой смерти стараго дѣда,—и рельефно, выпукло стоитъ фигура молодого хозяина хаты, наигрывающаго тоскливую траурную мелодію на трембитѣ.

Старый инструментъ, не менѣе старый обычай, осколокъ стародавнихъ временъ, какъ и самъ гуцулъ, не изученный, не изслѣдованный и даже мало кому извѣстный...

Какъ этотъ дѣдъ въ «Трембіт'ѣ» можетъ умереть, исчезнуть

и весь гуцульскій народъ въ когтяхъ нужды, безустаннаго труда, невѣжества и эксплоатаціи. Я бы сказалъ, что къ этому идетъ, повидимому, дѣло.

И недаромъ такъ тоскливо плачетъ трембита въ горахъ.

Хорошъ и красоченъ разсказъ: «Пожарище» и удивительно мягко, умно и съ легкимъ юморомъ написана «Недобудована плебанія»; двѣ дячихи, «пані Мекейтшова» и «пані Одокійка» въ (въ разсказѣ «Дві дячихи»), какъ жавыя статуи передъ читателемъ и не разъ заставятъ его улыбнуться.

Но наиболѣе характерно и интересно въ г. Хоткевичѣ—его любовь къ Гуцульщинѣ и гуцуламъ, и прекраснымъ заключительнымъ аккордомъ звучатъ послѣднія слова автора: «О-о-ой, тужить душа за вами, гори! За вашою красою несходимою, за вашою поезіею невиплаканою! А ще гірше тужить душа за людом щирим твоїм, о, земле ти рідна, Україно гірська!..»

Л. Бурчакъ.

„Іванови Франкові в сорокліте письменської діяльности“ (*Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів. 1914*).

Незадолго до окупаціи Галичины русскими войсками Научное Общество им. Шевченка выпустило обширный по объему и цѣнный по содержанію томъ CXII — CXIII, своихъ «Записокъ», цѣликомъ посвященный одному изъ дѣятельныхъ своихъ членовъ И. Франко въ связи съ наполнившимся сорокалѣтнимъ юбилеемъ его научной и литературной дѣятельности. Дань уваженія юбиляру въ этомъ сборникѣ принесли не только украинскіе ученые, часто ученики юбиляра, но и ученые иностранцы, пользующіеся извѣстностью въ европейскихъ ученыхъ кругахъ, какъ, напр., академики: В. Ягічъ, Ѳ. Коршъ, А. Шахматовъ, проф. І. Бодуэнъ-де-Куртене, І. Поливка, А. Брикнеръ, А. Енсенъ и др. Характерною чертою этого сборника является то, что помѣщенныя въ немъ статьи и изслѣдованія написаны не только на украинскомъ, но и на нѣкоторыхъ другихъ языкахъ—русскомъ, польскомъ, чешскомъ, шведскомъ, наиболѣе близкихъ или родныхъ языкахъ для даннаго автора-иностранца. Содержаніе сборника — богатое и разнообразное. Здѣсь мы находимъ статьи: 1) академика Ѳ. Корша: «Дещо про вийстя вкраїнської народности», 2) Володимира Гребеняка «Сліди скитської культури въ Галичині», 3) академика Вотрослава Ягича «Двѣ-три замѣтки изъ области древнѣйшаго церковно-славянскаго перевода», 4) академика А. Шахматова «Лѣтописецъ Несторъ», Богдана Барвінського «Гомер в Галицькій лїтописи», 6) Ивана Крипякевича «Козаччина въ полїтичних комбінаціях 1620—1630 рр.», 7) Стефана Томашівського «Один момент під Зборовимъ 1649 р.», ктричний нарис), 8) Василя Щурата «Хрістос Пасхон». Львівські віршовані діальоги з 1630 р.», 9) Івана Кревецького «Під протекцію курфістра». До історії политики П. Дорошенка, 10), Гіадора Стрипського «З старшої письменности угорської Руси». 11) Aleksandra Brucknera. «Epopeja baziliańska

Nieznany okaz literatury rusko-polskej» 12) Федора Срібного «Два епізоди з історії боротьби Гедеона Балабана з львівськими брацтвом» 13) von Alfred Jensen„ Kotljarewskyj's Travestierte Äneide“ 14) Проф. Миколи Сумцова «Українськи думи», 15) Володимира Гнатюка «Запропащена Збірка угроруськихъ казок», 16) Проф. Jana de Baudouina de Courtenav «Z sennych widziadel ludzkosci». 17) Михайла Возняка «Український протипапський памфлєт XVI в.—Історія о єдномъ папѣ римскомъ». 18) Титка Реваковича «З переписки письменників 1860-х років в Галичині». 19) Ярослава Гординського «Кандидатура Федьковича на посла». 20) Іларіона Свєнцинського «Основи відродження білоруського письменства». 21) Jiřîno Polivky «Sidavé povìdky o zkrocení zle zeny». 22) Зенона Кузелї «Ярмарки на дівчата». Причинок до укрїнської етнології. 23) Івана Зілинського «Проба упорядкования українських говорів». 24) Евгена Тимченка «Вокатив в українськиӥ мові».

Уже одно перечисленіе статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, говоритъ о разнообразіи содержанія его, имена же авторовъ статей, являющихся часто крупными учеными и авторитетами въ своей спеціальности, сообщаютъ помѣщенному матеріалу соотвѣтствующую научную цѣнность. Въ цѣломъ сборникъ въ честь Франка, является замѣтнымъ вкладомъ въ литературу украиновѣдѣнія и въ извѣстной степени «лебединой пѣсней» Научнаго общества им. Шевченка, «пропѣтой» незадолго до закрытія его распоряженіемъ военнаго генералъ-губернатора Галичины.

С. П.

Статьи Ѳ. Е. Корша по украинскому вопросу и на украинскомъ языкѣ.

Переводъ на россійскую литературную рѣчь малорусскаго хвалебнаго гимна (А. А. Гатцука), сообщеннаго при № 13 «Газеты»: «Хвала св. Кириллові та Меѳодію»—«Газета А. Гатцука», 1885, стр. 225 (переводъ авторомъ не подписанъ).

«Привѣтъ малорусской труппѣ въ Москвѣ»—«Газета А. Гатцука», 1886, № 51 (стихотвореніе оригинальное, на украинскомъ языкѣ, подписанное «Москаль»).

Малорусскія стихотворенія: «Бида вид кумедіянтив», «Зъ Пряширна», «Розвага»—альманахъ «Складка», Спб., 1897.

«Судъ проф. Филевича»—«Рѣчь», 1909, № 135.

До історіі украінського осьмискладового вірша»—«Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», 1910, IV.

«Нѣчто объ украинствѣ» (Къ вопросу о выдѣленіи Холмщины)—«Голосъ Москвы», 1910, № 149.

«Памяти Т. Г. Шевченка»—«Утро Россіи», 1911, № 46.

«Въ борьбѣ за родной языкъ»—«Утро Россіи», 1912, № 8.

«Къ спору объ украинской культурѣ» (по поводу статьи П. Б. Струве «Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ»)—«Украинская Жизнь», 1912, № 2.

«Тріединая Русь»—«Утро Россіи», 1912, № 39.

«Патріотъ о мазепинствѣ».—«Утро Россіи», 1912, № 53.

«Шевченко среди поэтовъ славянства»—«Сборникъ, посвященный памяти Шевченка», 1912.

«Австрійская военная газета и русскій національнизмъ»,—«Русскія Вѣдомости», 1913, № 252.

«Объ украинскомъ національномъ возрожденіи»—«Укр. Жизнь», 1913, № 1.

«По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины»—«Украинская Жизнь», 1913, № 3.

«Слѣпая злоба» (отвѣтъ на статью Л. Волкова «Слѣпая ученость» въ «Моск. Вѣд.»)—«Утро Россіи», 1913, № 236.

«Украинскій народъ и украинскій языкъ»—«Изв. Общ. Славянской Культуры», 1913, т. II, кн. 1.

«Украинцы и Австрія»—«Украинская Жизнь», 1913, № 2.

«Націоналистическая наука»—«Украинская Жизнь», 1913, №№ 7—8.

«Мы и австрійская Русь»—«Новое Звено», 1914, № 4.

«Т. Г. Шевченко (1814—1914). Его литературное и общественное значеніе»—«Русск. Вѣд.», 1914, № 46.

«Де-що про вийстя вкраінської народності»—«Зап. Наук. Т-ва ім. Ш.», CXVII—CXVIII.

«Де-що про нову теорію вийстя вкраінського народа»—«Україна», 1914, № 1.

«Хулителям Шевченка»—Літер.-Науковий Вістник», 1914, №2.

«Партійная борьба и наши задачи въ возсоединенной Руси»—«Новое Звено», 1914, №№ 48 и 49.

«Завоеватели и завоеванные»—«Биржев. Вѣд.», № 14254.

Литературная лѣтопись.

— Вышло изъ печати изданіе на украинскомъ языкѣ *„Мистецтво“* (Искусство), направленіемъ и содержаніемъ напоминающее украинскій художественный журналъ „Сяйво“. Въ изданіи много матеріала посвящено памяти украинскаго композитора Лысенка.

— Изданъ новый *„Альбом украінських узорів“* (гладь, вирізування і мережка), зібранний Я. и Г. Клунними. Ц. 80 к.

— Въ переводѣ съ украинскаго на русскій языкъ вышли въ изд. Д. П. Ефимова „Отклики“ — Три разсказа *Б. Гринченка*. Переводъ сдѣланъ Н. И. Перелыгинымъ. Съ рисунками А. А. Кучеренка М. Ц. 15 к.

— Вышелъ № 1-й журнала *„Рідный Край“*, напечатанный „обще-россійскимъ правописаніемъ“ (ярыжкой).

— По свѣдѣніямъ „Рідного Краю“, талантливый украинскій писатель *Грыцько Грыгоренко* подготовляетъ къ печатанію 2-й томъ своихъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ свое время на страницахъ „Літер-Наук. Вістника“, „Рідного Края“ и „Молодої України“.

— Въ № 73 „Русскихъ Вѣдомостей“ помѣщена рецензія В. Прокоповича на 1-й томъ изданія „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“. Рецензентъ отмѣчаетъ цѣнныя черты „Исторіи украинскаго народа“, принадлежущей перу историка Украины проф. М. Грушевскаго.

— Х. Алчевская выпустила неболь шую книжку стиховъ *„Изъ галицій-ской и нашей литературы“* Рецензентъ харьковскаго „Утра“ (№ 31/III) такъ отзывается о книжкѣ извѣстной украинской поэтессы: „малъ золотникъ, да дорогъ“; въ ней (книжкѣ) всего пять прекрасно переведенныхъ съ украинскаго на русскій языкъ стихотвореній, но они по своимъ высокимъ достоинствамъ несравненно цѣннѣе многихъ толстыхъ томовъ нашей поэзіи fin de siècle“.

— Въ Харьковѣ вышла и по-украински *„Пісні про кохання. Склав О. Кодило“*. Харьковское „Утро“ называетъ сборникъ Кодила „прекраснымъ“.

— Изданіе „Теплої Роси“ прекращено распоряженіемъ г. главноначальствующаго г. Москвы. Причина — „вредное направленіе, которое принялъ журналъ за послѣднее время, что въ особенности ярко выразилось въ статьѣ „Галичина“ въ № 2-мъ отъ 2-го апрѣля“. Редакція „Теплої Роси“ успѣла выпустить только два №№ журнала.

— Въ третьей книжкѣ *„Педагогическаго Листка“* за 1915 г. напечатана статья С. Сѣрополка „Народное образованіе въ Галичинѣ“.

— И. Абрамовъ въ сжатой статьѣ („Южный Край“, 1/III), знакомящей съ положеніемъ кооперації въ Галичинѣ, оцѣниваетъ слѣдующимъ образомъ вліяніе кооперативовъ на крестьянское населеніе Галичины:

„Кооперація внесла въ идеологію украинскаго крестьянина совершенно новыя, неизвѣстныя раньше понятія: первымъ основнымъ требованіемъ украинскаго кооператора была своя школа, на своемъ родномъ языкѣ, къ ней стремились его помыслы, о ней онъ мечталъ и ее осуществлялъ. Но кооперація внесла въ жизнь украинскихъ крестьянъ и сознаніе, что ихъ міръ не кончается за предѣлами роднаго села. Появились широкія перспективы,—начались разговоры о промышленной самостоятельности, о новыхъ проблемахъ, — и въ результатѣ возникаютъ кооперативы для переработки молока, для выдѣлки цементной черепицы, для продажи скота. Незадолго передъ войной заговорили объ основаніи большого химическаго завода. И здѣсь пробивается мысль, что экономическая самостоятельность можетъ обезпечить нормальную жизнь народа и повести его по правильному пути прогресса.

Но, несмотря на все сдѣланное въ этой области, дальнѣйшая эмансипація еще впереди. Можно только пожелать, чтобы наши правящіе классы правильно оцѣнили общегосударственную роль кооперативовъ и не ставили препятствій къ ихъ развитію".

— Вышла новая книга *К. Баладыженка „Иллюстрированная исторія Галичины"* со слѣдующимъ содержаніемъ: 1) Страна и населеніе; 2) Исторія Галицкаго княжества; 3) Культурно-національная жизнь Галичины въ эпоху польскаго государства; 4) Галичина подъ австрійскимъ владычествомъ. Книга снабжена умѣло подобранными рисунками (60) и заставками въ текстѣ.

— Въ №№ 1 и 2 „Аполлона" напечатана содержательная статья Г. Лукомскаго *„Старинное зодчество Галиціи"*.

— Въ № 10 „Права" напечатана статья З. П. *„Административный строй Галиціи"*.

— Въ маниловски-лукавомъ тонѣ написана статья А. Ф. Старосельскаго *„Малороссія внѣ границъ Россіи"* („Русская Мысль", февраль). Съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой — нельзя и не сознаться, — на этомъ канатѣ пляшетъ авторъ, всё-же препарируя галицкія отношенія въ духѣ Струве и намѣчая желательный для него modus vivendi, тоже насыщенный запахомъ послѣднихъ статей редактора „Русской Мысли", а нынѣ дѣятельнаго сотрудника „Биржевки".

— Въ томъ же № „Русской Мысли" „самъ" г. Струве даетъ обзоръ литературы *„по украинскому и галицкому вопросу"*. Включивъ въ обзоръ изданія: „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ" „энциклопедію" по украинскому вопросу г. Щеголева, изданіе г. Ястребова „Галиція наканунѣ великой войны 1914 г." и работу сотрудниковъ нашего журнала „Галичина, Буковина и Угорская Русь", г. Струве въ непререкаемомъ тонѣ отметаетъ одно, принимая и рекомендуя другое. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, „публицистика сотрудниковъ" Украинской Жизни" рецензенту не нравится. Оно и понятно: книга „Галичина, Буковина и Угорская Русь" писалась совсѣмъ не для того, чтобы доставить удовольствіе г-ну Струве, и если послѣдній называетъ её „тенденціозной, неправдивой" и т. п., то всякій знакомый со взглядами г-на Струве на украинскій вопросъ и не могъ ожидать отъ него другого отзыва о работѣ литераторовъ, занимающихъ другую позицію въ этомъ вопросѣ. Оставляя г-на Струве съ его филиппиками по адресу украинства и съ его консультаціями „русскому государству и русскому общественному мнѣнію", которыя онъ въ послѣднее время такъ охотно и по самымъ различнымъ вопросамъ даетъ, обратимся къ одному изъ тѣхъ пріемовъ, которыми такъ любитъ пользоваться г. Струве въ оцѣнкѣ явленій украинской литературы и общественности. Пріемъ этотъ заключается въ категоричности квалификацій и эпитетовъ, примѣняемыхъ по отношенію къ этимъ явленіямъ, причемъ категоричность эта не подкрѣпляется соотвѣтствующими доказательствами. Вотъ примѣръ: „схема „украинской" исторіи, возводимая Грушевскимъ къ исторіи Кіевской Руси, по тенденціозности и искусственности представляетъ нѣчто прямо исключительное". Такова оцѣнка, даваемая г-номъ Струве схемѣ исторіи украинскаго ученаго. Казалось бы, столь суровая оцѣнка должна сопровождаться хоть какими-нибудь доказательствами. Но, очевидно, таковые ничуть не обязательны для Струве. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что многіе ученые историки считаются съ „тенденціозной схемой" М. Грушевскаго и принимаютъ её.

— Въ Варнѣ на болгарскомъ языкѣ вышла брошюра *Я. Романчука „Европейската война и русско-украинския въпросъ"*. Авторъ - московофилъ.

— Въ связи съ новымъ положеніемъ Галиціи въ иностранной прессѣ появилось много статей, посвященныхъ укра-

инскому населенію этой страны, описанію украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ организацій и пріобрѣтеніямъ національнаго движенія украинцевъ. Особенный интересъ къ украинцамъ проявляется шведской и норвежской прессой, причемъ удѣляется вниманіе не только украинцамъ Галиціи, но и Россіи.

— Въ поступившей недавно въ продажу книгѣ *„Хожденіе по Руси и за рубежомъ“* („Экскурсіонный Вѣстникъ“ за 1914 г.) помѣщены между прочимъ статьи Е. А. де-Витте „Галичина“ и Е. Ф. Тураевой-Веретели „Галицкая Русь“ (историческій очеркъ).

— Въ „Русскомъ Экскурсантѣ“ (кн. I, 1915 г.) находимъ статью *М. Богдановича „Образы Галиціи въ художественной литературѣ“*.

— Въ № 73 (1/IV) „Русскихъ Вѣдомостей“ напечатана обстоятельная статья *С. Ефремова „Угорщина“* (краткія историческія свѣдѣнія и современное положеніе).

— *„День“ о выступленіи г. Струве въ защиту проф. М. Грушевскаго.* Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ П. Струве помѣстилъ слѣдующую замѣтку въ связи съ высылкой М. Грушевскаго въ Симбирскъ:

„Политическіе противники М. С. Грушевскаго и даже они болѣе, чѣмъ кто-либо, должны жалѣть объ административной карѣ, на него обрушившейся.

Для кары въ дѣятельности извѣстнаго поборника „украинскаго“ націонализма нѣтъ, повидимому, основаній, и самая мѣра (административная высылка) носитъ скорѣе предупредительный характеръ. Но такія мѣры ничего не предупреждаютъ и только затрудняютъ идейную борьбу съ тѣмъ направленіемъ, на представителей котораго онѣ обрушиваются. Въ особенности это вѣрно, когда подобныя мѣры постигаютъ „идеологовъ“, людей пера и кабинета, еще болѣе—людей науки.

Не раздѣляя ни историческихъ, ни публицистическихъ идей Грушевскаго, а, наоборотъ, ведя съ нимъ рѣшительную борьбу, я не могу не подать публично своего голоса противъ мѣры, къ нему приложенной. По мотивамъ правовымъ—во-первыхъ, государственной цѣлесообразности — во вторыхъ.

Достаточно напомнить исторію мученичества Чернышевскаго, которое превратило его въ легендарную фигуру и было во сто разъ вреднѣе правительству, чѣмъ идеямъ, которыя защищалъ Чернышевскій.

Твердая политика вовсе не означаетъ принятія нѣкоторыхъ мѣръ, которыя никого не убѣждаютъ, и многихъ ожесточаютъ. Пора власти, когда она защищаетъ національныя задачи Россіи, вѣрить въ свою силу и въ правоту защищаемаго ею дѣла“.

Отмѣчая „великодушіе“ г. Струве, петроградскій „День“ полагаетъ, что, быть можетъ, г. Струве „ходатайствуетъ“ не столько въ интересахъ М. С. Грушевскаго, сколько въ своихъ личныхъ.

„Совершенно естественнымъ является у г. Петра Струве желаніе снять съ себя хотя бы косвенную отвѣтственность за мѣру, постигшую М. С. Грушевскаго. Г. Петра Струве предупреждали въ свое время, какого рода выводы будутъ сдѣланы изъ его выступленій по украинскому вопросу. Если г. Петръ Струве теперь раскаивается, то и для раскаянія слѣдовало бы выбрать формы болѣе умѣстныя“.

— *„Словянскія Извѣстія“* (№ 4), напечатали сумбурную статью А. И. Соболевскаго по украинскому вопросу, быстро перепечатанную „Кіевомъ“. Одно уже это говоритъ, въ какомъ духѣ написана статья г. Соболевскаго

— Въ статьѣ „Изворачивающіеся мазепинцы“ *„Свѣтъ“* (№ 71, 15 III) ведетъ полемику съ нашимъ журналомъ по поводу статьи, напечатанной въ 12 кн. „Укр. Ж.“ за минувшій годъ, „Отрицательныя черты полемики по украинскому вопросу“. Полемика сплошь состоитъ изъ брани.

— *„Русское Слово“* (№ 67) устами Серг. Мамонтова открываетъ Америку: увидѣвъ два—три уніатскихъ храма, С. Мамонтовъ пораженъ ихъ стилемъ и призываетъ русскихъ художниковъ избрать „Прикарпатскій Край“ „ареной своихъ работъ“, попутно отмѣчая замалчиваніе этихъ памятниковъ старины и ихъ искаженіе. Г-нъ Мамонтовъ, очевидно, совершенно не знаетъ украинскихъ и польскихъ изслѣдованій, посвященныхъ церковному строительству Галичины, въ которыхъ давно уже выяснено то, что приводитъ въ изумленіе корреспондента „Русскаго Слова“. То, къ изученію чего приглашаетъ г. Мамонтовъ, давно уже изучено.

— Въ замѣткѣ *„У истоковъ украинства“* („Рѣчь“, № 50) Мих. Могилянскій кратко излагаетъ содержаніе статьи М. Василенка „Бодянскій и его поэтическое творчество“, напечатанной въ послѣдней книжкѣ „Украіны“. В заключеніе своей замѣтки Мих. Могилянскій говоритъ: „Изслѣдованіе истоковъ современнаго украинства доказываетъ какъ необоснованность и тенде

ціозность утвержденій о польскомъ вліяніи на возникновеніе украинства (напр., „Происхожденіе и сущность украинофильства" А. В. Стороженка), такъ и легкомысліе указаній на безполезность современнаго украинства (напр., у Струве), а тѣмъ самымъ должно способствовать пониманію послѣдняго".

— *В. Мякотинъ* въ мартовской книжкѣ „Русскихъ Записокъ" продолжаетъ печатаніе цѣнныхъ для исторіи Украины *„Очерковъ соціальной исторіи Малороссіи"*. Въ данной книжкѣ журнала напечатана глава: „Свободныя войсковыя села и владѣльческія имѣнія въ Лѣвобережной Малороссіи XVI—XVIII вв."

— Въ статьѣ *А. Корнилова* „Русская политика въ Царствѣ Польскомъ послѣ 1863 г." („Русск. Мысль", мартъ) небольшое мѣсто удѣлено и насильственному обращенію украинцевъ-уніатовъ въ православіе. Обращаетъ на себя вниманіе примѣчаніе автора статьи, касающееся „враждебной полякамъ позиціи", занятой украинскимъ органомъ „Основа" въ 60-хъ годахъ XIX ст. Характеризуя позицію украинцевъ какъ „враждебную" по отношенію къ полякамъ, г. Корниловъ не отмѣчаетъ, что эта „враждебность" была направлена собственно противъ колонизаторскихъ стремленій сторонниковъ исторической Польши, а не противъ осуществленія національныхъ идеаловъ польскаго народа въ этнографическихъ границахъ. Это обстоятельство надо имѣть въ виду, такъ какъ оно существенно должно отразиться на оцѣнкѣ позиціи, занятой „Основой" въ 60-хъ гг. XIX ст. по польскому вопросу.

— *„Т. Г. Шевченко въ открыткахъ"*,—подъ такимъ заглавіемъ помѣстилъ статью въ „Южномъ Краѣ" (№ отъ 26-го февраля) проф. Н. Ф. Сумцовъ, обстоятельно разбирая въ ней появившіяся въ обращеніи открытыя письма съ портретомъ украинскаго національнаго поэта.

— „Прилукскій Голосъ" (№ 9 отъ 27/II) посвящаетъ небольшую статью „Памяти Т. Г. Шевченко".

— Такую же статью, „Памяти Т. Г. Шевченко", за подписью *В. А.* находимъ въ „Полтавскомъ Днѣ" (1/III № 566). „Пріазовскій Край" откликнулся на годовщину смерти Шевченка рядомъ статей, посвященныхъ памяти украинскаго поэта.

— *„Земское Дѣло"* помѣстило цѣлый рядъ рецензій *Мих. Могилянскаго* на популярныя украинскія брошюры о земствѣ. Такъ, въ № 21 за 1914 г. помѣщена рецензія на брошюру П. Чижевскаго „Про земство, та як оббірати земських гласних". К. 1914 г.; въ № 18 за 1914 г.—рецензія на брошюру В. Яворскаго „Про земство" (Коли і як його заведено, як впорядовано і яка поміч од його), К. 1914 г.; въ № 2 за 1915 годъ—рецензія на брошюру К. Голицынской „Земська страховка і яка від неї користь". Петроградъ. 1914 г.

— Кооперативная періодическая пресса обогатилась новымъ крупнымъ ежемѣсячнымъ журналомъ „Вѣстникъ Кооперативныхъ Союзовъ", начавшимъ съ января выходить въ Москвѣ и посвященнымъ вопросамъ союзнаго строительства.

Въ статьѣ „О задачахъ нашего журнала" (№ 1) читаемъ: „Ни одна западно-европейская страна, развивая и углубляя свое кооперативное строительство, не считалась съ такимъ огромнымъ пространствомъ, съ такимъ хозяйственнымъ и бытовымъ разнообразіемъ краевъ и провинцій".

Эти особенности развитія кооперації въ Россіи „дѣлаютъ союзное строительство нашихъ товариществъ и настоятельно необходимымъ, и до чрезвычайности сложнымъ дѣломъ",—читаемъ тамъ же. Задачей журнала является освѣдомленіе кооперативныхъ и общественныхъ круговъ о ходѣ союзнаго строительства, освѣщеніе возникающихъ принципіальныхъ вопросовъ союзнаго объединенія и др. Новый журналъ избѣгъ бы тѣхъ осложненій, которыя онъ предвидитъ, если бы учитывалъ *бытовыя и національныя особенности* многоплеменнаго государства.

— Въ IX (1) книгѣ *„Юридическаго Вѣстника"* за 1915 годъ помѣщена статья Е. Ефимова „Александръ Федоровичъ Кистяковскій и его научное наслѣдіе" (Къ 30-лѣтію со дня его смерти).

Авторъ даетъ въ статьѣ характеристику научнаго міросозерцанія А. Ф. Кистяковскаго, подвергаетъ между прочимъ разбору напечатанный въ „Основѣ" (1862 г., № 1) трудъ его „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи" и отмѣчаетъ, какъ цѣнный вкладъ въ науку, его изслѣдованіе „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ".

— *Акад. А. А. Шахматовымъ* выпущенъ отдѣльнымъ оттискомъ некрологъ „Ѳедора Евгеніевича Корша", напечатанный въ „Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ" (1915 г.). Къ некрологу

приложенъ и „Списокъ сочиненій академика Ѳ. Е. Корша".

— Въ № 562 (25/II) *„Полтавскаго Дня"* помѣщена большая статья, посвященная обзору содержанія первой книжки нашего журнала за 1915 г. Авторъ обзора Мих. П. особенно много вниманія удѣляетъ статьѣ М. Жученка „Буковина".

— *„Голосъ Минувшаго"* въ 3-й книжкѣ посвящаетъ большую рецензію на коллективный трудъ сотрудниковъ нашего журнала „Галичина, Буковина и Угорская Русь". Отзывъ рецензента П. Зайцева — благопріятный. Такіе же отзывы помѣщены въ „Рѣчи" (Мих. Могилянскаго), „Днѣ" (Б. Ж.)., харьковскомъ „Утрѣ" (Н. Бѣлоконскаго) и „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (В. Якушкина). Въ общемъ благопріятно отзывается о книгѣ и рецензентъ (Вс. Яковенко). „Педагогическаго Обозрѣнія" (№ 1); онъ упрекаетъ только авторовъ книги за рѣзкіе отзывы о москвофилахъ. Отозвались на книгу и „Московскія Вѣдомости" въ опредѣленномъ смыслѣ, характерномъ для этого изданія. Не забыло отмѣтить выходъ этой книги и „Утро Россіи", причемъ нашло необходимымъ увѣдомить читателей, что московскіе украинцы отличаются особою ненавистью ко всему русскому, а попутно многозначительно намекнуло, кому слѣдуетъ, и на издательство, выпустившее книжку. Намекъ этотъ, какъ и отзывъ о „московскихъ украинцахъ" свидѣтельствуетъ о сердцевѣдѣніи и объ опредѣленныхъ наклонностяхъ „Утра Россіи", которыя нашли бы высокую оцѣнку со стороны кого слѣдуетъ. Кстати объ „Утрѣ Россіи" по поводу статьи Г. Алексинскаго. Перепечатывая послѣднюю, газета снабдила ее такимъ примѣчаніемъ: „новымъ въ разоблаченіи Г. Алексинскаго является отношеніе самого автора къ плеядѣ австрійско-русскихъ «украинцевъ», которыхъ онъ, не обинуясь называетъ „мазепинцами"—терминъ, для многихъ неожиданный въ устахъ радикальнаго депутата, да еще на страницахъ соціалъ-демократическаго журнала". Мы должны отмѣтить, что это утвержденіе „Утра Россіи"—*ложь*, т. к. Г. Алексинскій термина „мазепинецъ" не употребляетъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Вып. 5. 1914 г. Харьковъ.

Н. Ф. Сумцовъ. Харьковскій періодъ научной дѣятельности И. И. Срезневскаго. Отд. оттискъ изъ сборника „Памяти И. Срезневскаго", Петроградъ, 1914.

Н. Ф. Сумцовъ. Сны Шевченка (Къ психологіи художественнаго творчества). Спб. 1914.

Пятидесятилѣтній юбилей газеты „Русскія Вѣдомости" (1863—1913). Изданіе комитета юбилейнаго чествованія „Русскихъ Вѣдомостей", подъ редакціей Н. В. Давыдова. Москва, 1915, стр. 166.

Кумовъ Романъ. Очерки и разсказы. Изд. второе. Петроградъ. 1915 г. Ц. 50 к.

Мистецтво. Кіевъ. 1915 г.

Г. Левченко. Справжне кохання (оповідання). Київ 1915.

Петръ Юркинъ. Утро мечты. Посвящается отзывчивымъ душамъ. Петроградъ. 1915 г. Цѣна 1 р.

Гр. Петниковъ. Новалисъ Фрагменты. Москва, книгоизд. „Мирень". Цѣна 70 коп.

К. Суздальцевъ. Хозяйство безъ рубля, что корабль безъ руля (Кредитное т-во и его польза). Изд. комитета о сельскихъ ссудо- сб. и промышл. т-вахъ. Москва. 1915. Ц. 8 к.

Н. Бахтинъ. Угорская Русь. Съ картою и 5-ю рисунками въ текстѣ. Петроградъ. 1915 г. Ц. 30 к.

Дѣти и Война. Сборникъ статей. Изданіе Кіевскаго Фребелевскаго Общества. 1915 г. Ц 1 руб.

Яким. Самотній. Искорки. Збірочка поезій. Валуйки. 1915 г. Ц. 10 коп.

Какъ повліяло прекращеніе продажи питей на жизнь населенія Полтавской губ. Изданіе Статистическаго Бюро Полтавскаго Губерн. Земства. Полтава. 1915 г. Ц. 50 коп.

Библіографическ. Ежегодникъ. Вып. IV подъ ред. *Н. В. Владиславлева*. Систематическій указатель литературы за 1914 г. Москва, Книгоизд. „Наука", 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Альбомъ українських узорів (гладь, вирізування і мережка). Зібраній Я. і Т. Клунними. Київ. 1915 г. Ц. 80 к.

М. Сумцов. Слобідсько-Українські історичні пісні. Київ. 1914 г.

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій.

Книгоиздательство „НАУКА"

Москва, Б. Никитская 10.

Годъ изданія четвертый | **БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ** | Годъ изданія четвертый

Подъ редакціей **И. В. Владиславлева**

Вышелъ изъ печати вып. IV. „Систематическій указатель литературы за 1914 годъ". 330+ XXXII.

СОДЕРЖАНІЕ. Указатель вышедшихъ за годъ книгъ. Указат. журн. литер. Указат. рецензій. Кофискованныя за годъ изданія. Отошедшіе (некрологи) Юбилеи дѣятелей литер. и науки. Новыя період. изд. **Приложеніе „ВОЙНА".**

Цѣна вып. IV.—1 р. 80 к. Вып. III—1 р. 50 к. Вып. II—90 к. Вып. I.—60 к. Всѣ 4 выпуска вмѣстѣ (литер. 1911—14 г.)—3 р. 60 к.

Русская литература о войнѣ 1914 года.

Вып. I. Ц. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Офиціальные документы. Списки убитыхъ и раненыхъ. Помощь больнымъ и раненымъ воинамъ и ихъ семьямъ. Изданія общаго характера. Къ вопросу о причинахъ войны. Изъ лѣтописи войны. Побѣды русскихъ и ихъ союзниковъ. Звѣрства германцевъ и ихъ союзниковъ. Чудеса и предсказанія. **Вильгельмъ II. Беллетристика.**

И. ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ. Русскіе писатели XIX—XX столѣтія. Опытъ бібліогр. пособ. по новѣйшей русской литературѣ. Ц. 1 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Художеств. литерат. критика и публицистика. Исторія литературы. Систимат. указ. (по эпохамъ) въ связи съ историко-литер. и историч. матеріалами.

И. ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ. Что читать. Указатель систематич. домашн. чтенія. Вып. I.—35 к. Вып. II.—50 к. Вып. III. (Жизнь замѣчательныхъ людей) Ц. 60 к.

И. ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. (Мысли о чтеніи и книгахъ, примѣрный планъ записи и проч.) Ц. 20 к.

Книжный складъ Наука выполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ КНИГИ, наложеннымъ платежомъ. Каталоги высылаются безплатно.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № 3362 П

Л. БУРЧАКЪ.

ГАЛИЦІЯ

ЕЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Съ картой и многими иллюстраціями.
Цѣна 20 коп. съ перес. 30 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Б. Садовая, 15, кв. 60. Е. П. Іовенко.

Открыта подписка на 1914—1915 г.

(Подписной годъ съ сентября.)

На дѣтскій литературно-художественный журналъ. 7-й годъ изданія.

„ДОБРОЕ УТРО.“

Журналъ одобренъ многими инспекторами и педагогами народныхъ училищъ. Подписная цѣна: на годъ—3 руб., на ½ года—1 руб. 75 коп. Всѣ наши юные читатели и читательницы получатъ: 24 №№ богато-иллюстрированнаго журнала, 30 безплатныхъ приложеній, 20 №№ для младшихъ братьевъ и сестеръ. Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Сказки Андерсена. 3 карты изъ жизни животныхъ и растеній. Азбуку для малышей. Ученическій календарь. Книгу Русскихъ сказокъ. Книгу, какъ собирать растенія. Альбомъ открытокъ для раскрашиванія. Журналъ будетъ выходить подъ редакціей Г. Д. Дѣева-Хомяковскаго, Н. В. Покровскаго, С. А. Разсадина. При ближайшемъ участіи: Е. Н. Опочинина, В. А. Гиляровскаго, Н. В. Ченцова, С. С. Розанова, С. Н. Кошкарова, С. Д. Дрожжина,, М. Н. Денисова, Н. Чехова и мн. др. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Карбасникова, и др., а также почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россіи, к-рѣ журнала «Будильникъ». Адресъ редакціи и конторы: Москва, Екатерининская пл., Александровск. ул., д. 8, кв. 18.

1915 3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго,

1915 3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО"

Журналъ иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами.

Журналъ посвященъ **исторіи и исторіи литературы** русской и всеобщей и имѣетъ въ виду интересы **широкихъ круговъ** интеллигентныхъ читателей, обращая вниманіе въ ближайшее время на **темы, способствующія историческому пониманію текущей европейской войны.**

Между прочимъ будутъ напечатаны статьи по исторіи **СЛАВЯНСТВА** (**Галиція, Угорская Русь, Польша, Сербія** и др.), по исторіи культурныхъ и политическихъ отношеній **Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи** и **Турціи** за послѣднія 50 лѣтъ и рядъ біографій (**Вильгельмъ II, Францъ-Іосифъ, Косцюшко, Гамбетта, Эдуардъ VII, Мицкевичъ, Бисмаркъ**).

Въ 1915 году будетъ печататься
Историческій романъ изъ прошлаго Бельгіи.

Въ литературномъ отдѣлѣ будетъ помѣщена **переписка ген. А. П. Ермолова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Софьи Ковалевской, кн. Д. М. Волконскаго, гр. А. А. Аракчеева, Г. И. Успенскаго, Н. И. Костомарова,** декабристовъ: **Розенъ, Якушкина, Пущина, фонъ-Визина;** дѣятелей освоб. крестьянъ и земцевъ 70 гг., сенатора **Шульца, И. А. Кошелева съ И. С. Аксаковымъ** и др.

Кромѣ того предположены **статьи и воспоминанія** *Д. Н. Анучина, К. К. Арсеньева, В. Я. Богучарскаго, И. П. Бѣлококонскаго, Е. Н. Водовозовой, Ч. Вѣтринскаго, Н. В. Давыдова, С. А. Ефремова, И. Н. Игнатова, А. А. Кизеветтера, П. С. Когана, Л. С. Козловскаго, П. А Кропоткина, Е. Д. Кусковой, Н. А. Морозова, Л. Ѳ. Пантелѣева, М. Н. Покровскаго, Г. В. Плеханова, С. Н. Прокоповича, А. С. Пругавина, Н. И. Романова, И. Е. Рѣпина, В. И. Семевскаго, Е. В. Тарле, В. Г. Тана, В. Н. Фигнеръ, В. М. Фриче, Р. М. Хинъ* и др.

Обозрѣніе текущихъ **иностранныхъ журналовъ** ведется: *А. М. Васютинскимъ, В. Н. Перцевымъ, В. Керженцевымъ* (Лондонъ), *И. М. Хераскевымъ* (Парижъ), *Г. И. Шрейдеромъ* (Римъ).

Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи** въ 1914 году приняло участіе **болѣе 80 авторовъ.**

Подписчики на 1915 годъ имѣютъ право пріобрѣсти въ конторѣ журнала на льготныхъ условіяхъ историческія книги изданія „ЗАДРУГА".

Подробный проспектъ высылается безплатно.

Условія подписки: съ доставк. и пересылк. въ Россіи на годъ—**10** руб.; на 6 мѣс.—**5** руб.; для народн. учителей разсрочка.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, д. 29. Книгоиздательство „ЗАДРУГА".

„Товариство „ЧАС“ у Київі“.

КРАМНИЦЯ „ЧАС“,

Київ. В.-Володимирська, 53, (проти городського театру).

ПРОДАЄ:

1) **українські книги, газети, журнали, альбоми, малюнки, гравюри, листівки, портрети, книги по українознавству,** писані иншими мовами, ілюстрований одривний календарь „Час“, і т. и.

2) добірні вироби українського народнього рукомества кустарныя, издѣлія): ткацьки (килими, плахти, станки, джегри, крайки, вишивані мережані та старовинні (весільні) рушники, вишивані та мережані сорочки та набори до них, скатерті, хустки, сереветки, і т. и.). Гуцульскі вироби (килими, коці, запаски, крайки, череси, дзюбанки, гердани, дармовіси, цятковані вироби і т. и.).

Добірні глиняні вироби інструктора кераміки п. Білоскурського з Київщини, опішнянського гончаря Гладиревського та инших, з Полтавщини, Київщини, Черніговщини, то-що (куманці, глечики, миски, тарілки, філіжанки, тежики, вироби з червінъки і т. и.): Артистичні стільні українскі вироби, з білої глини, Івана Левинського у Львові (Галичина .

Каталог та цінник (прейс-курант) висилаються даром.

Галичина, Буковина, Угорская Русь.

СОСТАВЛЕНО СОТРУДНИКАМИ ЖУРНАЛА

„Украинская Жизнь“.

Съ рисунками въ текстѣ и картой Галичины, Буковины, Угорской Руси, исполненной въ краскахъ. 230 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Кн-во „ЗАДРУГА“.
Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(четвертый годъ изданія).

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

„Украинская Жизнь“ въ 1915 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Въ теченіе 1915-го г. въ „Украинской Жизни“ будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ исторіи **Галиціи и Буковины,** національно-политическимъ отношеніямъ въ нихъ, характеристикѣ культурно-просвѣтительныхъ организацій, характеристикѣ украинско-галицкихъ писателей и экономической политикѣ края.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	— р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

Москва, Б. Полянка, 32.—Тел. № 3-44-48.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

ПРОВЕРЕНО
СИФ. 1987

Д, БОК

3362 / .915 № 3-4

III
НС-15024
1915-3/4

Украин
Жизнь
№ 3-4
191
Б.С.Т